

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slaw 8130.8

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

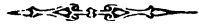
Многочуднаму Оедору Оеду
Сокал

ТИМОФЕЯ ФЛОРИНСКАГО.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТІЯ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА, СРЕДНЯЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, № 1.

1882.

ТИМОФЕЯ ФЛОРИНСКАГО.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТІЯ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА, СРЕДНЯЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, № 1.

1882.

Star 8130.8

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

24 June 1924

C

Средняя Подольская, 1. № 1.
2268.

24.3.9
61

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
ПРЕДИСЛОВІЕ	I—III
Предметъ изслѣдованія. Важное историческое значеніе разсматриваемой эпохи.	1—2
<i>I. Завоеваніе Византійской имперіи Латинами и возстановленіе ея Палеологами.</i>	
Вліяніе латинскаго завоеванія на дальнѣйшую судьбу имперіи. — Вопросъ объ упадкѣ греческой народности въ XIII в. — Дѣятельность никейскихъ императоровъ. — Михайлъ Палеологъ — возстановитель Византійской имперіи. — Печальныя стороны правленія Андроника Старшаго.	2—8
<i>II. Вступленіе на престолъ Андроника Младшаго. Характеръ его внутренней политики и роль въ ней великаго доместика Іоанна Кантакузина.</i>	
Усобица между Андроникомъ Старшимъ и Андроникомъ Младшимъ. — Характеристика ея участниковъ. — Причины усобицы, ея развитіе и послѣдствія. — Переворотъ 22-го мая 1328 г. — Составъ новаго правительства. — Возвышеніе Іоанна Кантакузина. — Его властолюбивыя стремленія. — Внутреннія смуты и интриги.	8—22
<i>III. Политико-географическій обзоръ греческаго міра въ первой четверти XIV в.</i>	
Размѣры Византійской имперіи при Михайлѣ Палеологѣ. — Собираніе земель имперіи при его преемникахъ. — Турки-Сельджуки въ Малой Азіи. — Основаніе государства Турокъ-Османовъ въ Визанніи. — Остатки византійскихъ владѣній въ Азіи. — Европейскія владѣнія имперіи при вступленіи на престолъ Андроника Младшаго. — Движеніе Албанцевъ. — Анжуйцы въ Албаніи. — Деспотъ Эпирскій Іоаннъ Ангель-Комнинъ. — Отношеніе Эпира, Акарванія, Этоліи и Фессаліи къ имперіи. — Владѣнія Византійцевъ въ Пелопонесѣ. — Господство Латинцевъ въ Средней Греціи и Пелопонесѣ. — Герцогства Аѣнское и Ахійское. —	

Владычество Венеции на Эгейскомъ морѣ.—Генуэзцы въ Галатѣ.—Фамилія Цаквари въ Фокесѣ и на островахъ Хиосѣ, Кеосѣ и Самосѣ.—Стѣсненное положеніе Византіи между Латинами.—Иоанниты на о. Родосѣ . . . . .

22—35

IV. Политическая дѣятельность императора Андроника Младшаго и великаго доместика Иоанна Кантакузина (1328—1341).

Общій характеръ этой дѣятельности.—Войны съ Болгарами и Сербами.—Попытки отстоять малоазіатскія владѣнія имперіи отъ турецкаго завоеванія.—Филогресская битва.—Паденіе Никеи (1330 г.).—Свиданіе Андроника съ Орханомъ близъ Никомидіи.—Нападеніе Турокъ на Фракію.—Быстрый ростъ государства Османовъ.—Взятіе ими Никомидіи (1237).—Сверженіе Турокъ-Сельджуковъ на Эгейскомъ морѣ.—Пассивное отношеніе Латиневъ къ борьбѣ съ ними.—Политика Андроника въ отношеніи сельджуковскихъ эмировъ.—Союзъ съ ними для борьбы съ Латинами.—Возвращеніе о. Хиоса имперіи.—Свиданіе императора съ эмирами Саруханомъ и Аидиномъ.—Крестовый походъ Лагиновъ, собранный въ 1336 году противъ Турокъ, обращается противъ Грековъ.—при помощи Сельджуковъ Византійцы отнимаютъ у Латиневъ Фокею.—Дружественныя связи Кантакузина съ сыномъ Аидина, Омуромъ и важное значеніе этихъ связей для имперіи.—Положеніе дѣлъ въ Албаніи, Эпирѣ и Фессалии.—Усмиреніе Албанцевъ.—Присоединеніе къ имперіи Фессалии (1333). Эпира и Акарнани (1337).—Борьба за эти земли съ Анжуйцами.—Заслуги Андроника и великаго доместика Кантакузина въ дѣлѣ собранія земель имперіи.—Смерть императора . . . . .

35—57

V. Междоусобная война въ имперіи 1341—1347 г.

Стремленіе Иоанна Кантакузина въ единоличному регентству.—Его заботы объ интересахъ имперіи въ первое время власти.—Образованіе оппозиціонной партіи.—Открытый разрывъ съ императрицей Анной.—Соціальныи характеръ начавшейся усобицы.—Безвыходное положеніе Кантакузина въ самомъ началѣ борьбы.—Обращеніе его за помощью къ Душаву.—Услуги Омюра.—Дѣятельность партіи царицы Анны.—Апокавкъ.—Момчилъ.—Успѣхи Кантакузина въ борьбѣ благодаря помощи, полученной отъ Сельджуковъ и Османовъ.—Обращеніе имп. Анны къ эмирамъ Орхану и Сарухану.—Кантакузинъ отдаетъ свою дочь Теодору въ супружество Орхану.—Коронація Кантакузина въ Адрианополѣ 21-го мая 1346 г.—Занятіе Константинополя I. Кантакузинымъ и переворотъ 3-го февраля 1347 г.—Послѣдствія междоусобной войны: утрата прибрѣтений, сдѣланныхъ Андроникомъ Младшимъ, завоеванія Сербовъ и Болгаръ, усиленіе Латиневъ на Эгейскомъ морѣ.—Печальное положеніе Фракіи.—Полное разореніе ея Турками.—Соціальная неурядица и всеобщее обѣдненіе.—Финансовыя затрудненія.—Нищенская обстановка третьей коронаціи Кантакузина (21-го мая 1347 г.)— . . . . .

57—90

**VI. Иоаннъ Кантакузинъ — императоръ-узурпаторъ.
(1347—1354).**

Характеристика Кантакузина. — Его честолюбивые замыслы. — Оппозиционная партія тормозитъ благія начинанія императора. — Странное отношеніе Иоанна Кантакузина къ Иоанну Палеологу и возвышеніе имъ своихъ сыновей. — Стремленіе Кантакузина поправить дѣла имперіи. — Движеніе съ турецкой арміей противъ Душана. — Оборона Фракіи отъ турецкихъ нападений. — Сооруженіе флота. — Жестокая борьба съ Галатскими Генуэзцами и Латинами Архипелага. — Возвращеніе Фокей. — Удачный походъ Кантакузина на Западъ (1350 г.) и временное возвращеніе при содѣйствіи Турокъ Македоніи, Вотиіи и части Фессалии. — Свиданіе и переговоры Кантакузина съ Душаномъ. — Попытка Кантакузина сблизиться съ болгарскимъ царемъ Александромъ. — Бѣдственное участіе Византійцевъ въ Генуэзско-Венеціанской войнѣ 1351—1353 г. — Новая усобица въ имперіи. — Соперничество между Иоанномъ Палеологомъ и Матвѣемъ Кантакузинымъ. — Возстаніе Иоанна Палеолога. — Марицкая битва (1352 г.). — Бѣгство Иоанна Палеолога на о. Тенедосъ. — Коронаваніе Матвѣя Кантакузина въ императоры. — Тѣсное сближеніе Иоанна Кантакузина съ Турками — одна изъ причинъ потери имъ популярности. — Утвержденіе Турокъ въ Чимпѣ (1352 г.) и въ Калиполѣ (1354). — Занятіе Константинополя Иоанномъ Палеологомъ и низложеніе Иоанна Кантакузина. — Положеніе Византійской имперіи, перешедшей подъ управленіе Иоанна Палеолога. — Судьба Иоанна Кантакузина. — Заключение. . . . .

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время, послѣ новѣйшихъ трудовъ извѣстныхъ нашихъ славистовъ и византинистовъ: В. И. Ламанскаго, В. Г. Васильевскаго, Ѳ. И. Успенскаго, А. С. Будиловича, В. Макушева, М. Дринова и другихъ, молодыхъ ихъ послѣдователей, едва ли нужно останавливаться на выясненіи тѣсной связи, существующей между исторіей Южныхъ Славянъ и исторіей Византіи. Изученіе той и другой должно идти рука объ руку. Отдѣленіе Южныхъ Славянъ отъ Византіи и, обратно, Византіи отъ Южныхъ Славянъ — не мыслимо. Это одинъ міръ, жившій общою жизнью, долженствующій имѣть и общую исторію.

Предлагаемая вниманію читателей изслѣдованія представляютъ начало посильнаго самостоятельнаго изученія судьбъ Греко-Славянскаго міра во второй четверти XIV вѣка. По первоначально-задуманному плану авторъ намѣренъ былъ посвятить свой трудъ всестороннему изображенію состоянія Восточной имперіи и южнаго Славянства въ знаменательную эпоху царя Душана. Но принявшись за работу, онъ долженъ былъ убѣдиться въ полной невозможности въ короткое время выполнить удовлетворительно эту сложную задачу. Недостаточная разработка избраннаго предмета въ ученой литературѣ, отсутствіе трудовъ по критикѣ наличнаго весьма значительнаго историческаго матерьяла, поиски за новыми источниками — все это

заставило насъ ограничиться на первый разъ лишь двумя частными монографіями. Въ первой изъ нихъ, напечатанной еще въ 1879 г. въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, мы даемъ «очеркъ положенія Византіи во второй четверти XIV в.», который служа канвой для дальнѣйшихъ частныхъ изслѣдованій въ той же области, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть разсматриваемъ какъ введеніе ко второй болѣе специальной монографіи. Въ послѣдней же мы подробно разсматриваемъ процессъ образованія Сербскаго царства и пытаемся выяснитъ политическую дѣятельность Душана.

Изъ предшествующихъ трудовъ, непосредственно относящихся къ занимающимъ насъ вопросамъ, въ нашей и иностранной литературѣ можно указать только два и то весьма старыя сочиненія: Parisot *Santacuzène homme d'etat et historien*. Paris 1847 и Палаузова Юго-востокъ Европы въ XIV в. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1857.). Если для перваго своего изслѣдованія мы нашли нѣкоторую помощь въ почтенныхъ трудахъ по общей исторіи Византіи и Востока Цинкейзена, Хопфа и Хейда, то во второмъ намъ пришлось работать совершенно самостоятельно, почти безъ всякихъ пособій, имѣя дѣло съ одними источниками.

Возможно точное и объективное изложеніе фактовъ, основанное на внимательномъ изученіи доступнаго намъ матерьяла, и осторожность въ заключеніяхъ—вотъ что мы ставили на первомъ планѣ въ своей работѣ. Не намъ судить, насколько удовлетворительно мы выполнили принятое на себя дѣло, насколько выпускаемыя нами изслѣдованія уясняютъ одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ періодовъ въ исторіи Греко-Славянскаго міра, насколько, наконецъ, убѣдительно и доказательно выводы, къ которымъ мы пришли изучая данную эпоху, и которые, намъ думается, не лишены извѣстной поучительности и для нашего времени.

Намъ остается засвидѣтельствовать нашу искреннѣйшую

признательность благодарнаго ученика глубокоуважаемому Владиміру Ивановичу Ламанскому. Не говоря о глубокой важности и цѣнности полученныхъ нами отъ него совѣтовъ и указаній, мы особенно высоко ставимъ ту нравственную поддержку, которую постоянно встрѣчали съ его стороны, и благодаря которой стало возможнымъ приведеніе къ концу самаго труда, нѣсколько разъ замедлявшееся разными неблагопріятными обстоятельствами. Изъ его богатой библіотеки мы пользовались всѣми нужными книгами. Наконецъ ему же мы обязаны сообщеніемъ столь важныхъ доселѣ неизданныхъ источниковъ, какъ хроника Растича и греческія грамоты Меникейскаго монастыря. Тоже чувство благодарности мы должны выразить и другому нашему наставнику Василию Григорьевичу Васильевскому, оказавшему намъ большое содѣйствіе въ нашихъ занятіяхъ византійскими источниками.

Тимофей Флеринскій.

Ноябрь 1881 г.

ВИЗАНТІЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВИЗАНТІЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

Вторая четверть XIV вѣка представляетъ весьма любопытный періодъ въ исторіи Греко-Славянскаго міра. Это была пора возникновенія и развитія явленій и событій, исходомъ которыхъ обусловился рѣзкій переворотъ въ судьбѣ всего Балканскаго полуострова. Съ одной стороны—передъ нами Византія, изо всѣхъ силъ старающаяся стать на ноги послѣ латинскаго погрома, оправляться отъ котораго она начала такъ дѣятельно при Михайлѣ Палеологѣ, и изнемогающая въ этомъ стремленіи подъ тяжестью внутреннихъ смутъ и жестокой внѣшней борьбы; съ другой—многочисленные враги ея: Латинны, Сербы, Болгары и Турки, которые одновременно направляютъ свои удары на имперію, посягая окончательно подорвать ея существованіе. Выдержать борьбу со всѣми этими врагами Византія не въ силахъ, она ослаблена до послѣдней степени, вопросъ о неминуемой ея гибели ставится теперь въ послѣдній разъ и рѣшается уже безповоротно. Оставалось неизвѣстнымъ только то, когда и къ кому перейдетъ наслѣдство имперіи. Латинны, въ лицѣ Генуи и Венеціи, не перестаютъ мечтать о прибравіи его къ своимъ рукамъ и направляютъ къ тому всѣ свои усилія, но на этотъ разъ встрѣчаютъ тутъ могущественныхъ соперниковъ. Въ то время, какъ Византія занята внутренними смутами и обращаетъ все вниманіе на опасность со стороны Латинновъ, незамѣтно создаются по обѣимъ ея сторонамъ, частью на счетъ ея владѣній, два царства: Сербское — Стефана Душана, и Османское — Орхана. Обстоятельства, отъ которыхъ зависѣло развитіе могущества Сербовъ и Турокъ, сами по себѣ весьма любопытны; но главный инте-

ресь всей эпохи въ концѣ концовъ сводился къ вопросу: который же изъ двухъ народовъ, съ устраненіемъ третьяго соперника—Латиновъ, будетъ господствовать на полуостровѣ? Во второй половинѣ XIV в. и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, и какъ извѣстно, не въ пользу Славянства: Сербское царство пало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господство Турокъ стало неизбежнымъ. Разгадка такой безпомощности Греко-Славянскаго міра, причины и объясненіе такого крутаго переворота въ его исторіи скрываются именно столько же въ общей суммѣ событій второй четверти XIV в., сколько въ частности—въ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ Византіи и Славянства за то же время.

Способствовать, хотя отчасти, разъясненію смысла событій этой эпохи—составляетъ предметъ настоящаго очерка. Здѣсь мы останавливаемся собственно на Византіи и намѣрены прослѣдить ходъ ея исторической жизни въ царствованіе Андроника Младшаго и Іоанна Кантакузина. Уясненіе положенія имперіи въ этотъ періодъ „борьбы“ продолжить путь къ вѣрному пониманію условій образованія и значенія монархіи Стефана Душана, а равно и многихъ другихъ важныхъ вопросовъ и явленій этого времени.

Сперва нѣсколько замѣчаній о порѣ, непосредственно предшествовавшей той, которая насъ занимаетъ.

I.

Завоеваніе Византійской имперіи Франками и Венеціанцами въ началѣ XIII в. имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу ея. Какъ кратковременно ни было существованіе Латинской имперіи, какъ непрочны ни были сами по себѣ вновь основанныя въ Греціи феодальныя княжества, все же для уничтоженія первой и для борьбы съ послѣдними потребовалось значительное напряженіе силъ возрождавшейся имперіи. Борьба эта, продолжительная и упорная, была причиной и того, что не была во-время понята опасность, грозившая имперіи и вообще Европѣ со стороны вновь усилившагося народа на Востока—Турокъ¹⁾. Между тѣмъ въ результатъ все-таки не было достигнуто полного освобожденія Византійскихъ областей отъ господ-

---

¹⁾ Подобный взглядъ мы находимъ, между прочимъ, у Французъ: Phrantzes, I. I, с. 3, р. 23 (Ed. Rom.): 'Επί τῆς βασιλείας τοῦδε τοῦ αὐτοκράτορος (Михаилъ Палеологъ) διὰ τοὺς πολέμους τοὺς ἐν τῇ Εὐρώπῃ παρὰ τῶν Ἰταλῶν ἀρχὴ τῶν δεινῶν τῆς ἐν Ἀσίᾳ Ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς ἐγεγόνει παρὰ τῶν Τούρκων.

ства Латиновъ; значительная часть Греціи такъ и осталась за ними до окончательнаго покоренія своего Турками. Не страшны были сами по себѣ эти вѣчно ссорящіеся между собою франкскіе герцоги и принцы, но господство ихъ на земляхъ имперіи было пагубно для послѣдней тѣмъ, что давало основаніе сильнымъ представителямъ западнаго міра предъявлять притязанія на окончательное подчиненіе себѣ имперіи и затѣмъ славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Выступъ съ тѣмъ и духовный глава западнаго міра папа находилъ въ католическихъ владѣтеляхъ Греціи дѣятельныхъ помощниковъ въ утвержденіи своей духовной власти на Востоку (стремленіе, издавна встрѣчавшее самый энергическій отпоръ). Такимъ образомъ опасность если не политическаго, то духовнаго порабощенія со стороны запада, постоянно стояла передъ имперіей въ послѣдній періодъ ея существованія. Но это еще не все. Обстоятельства основанія и паденія Латинской имперіи дали возможность утвердиться въ наиболѣе важныхъ политическихъ и торговыхъ пунктахъ Византіи могущественнымъ средневѣковымъ торговымъ государствамъ — Генуѣ и Венеціи. Искусно пользуясь моментомъ, обѣ эти республики, особенно первая, овладѣваютъ всею торговлею имперіи и ставятъ ее въ полную финансовую и экономическую зависимость отъ своего произвола. Послѣднее обстоятельство и было одно изъ гибельнѣйшихъ послѣдствій латинскаго господства; въ немъ болѣе всего и нужно искать объясненія, почему возстановленная Византія никогда уже не могла вполне оправиться послѣ понесеннаго ею погрома.

Наковецъ, роковымъ событіемъ 1204 г. былъ положенъ конецъ единству Византійской имперіи. Нашествіе Латиновъ не только оторвало значительную часть ея владѣній, но и повело къ образованію въ сохранившей свою независимость половинѣ нѣсколькихъ мелкихъ государствъ, стремившихся присвоить себѣ обаятельное имя имперіи. Въ Европѣ Михаилъ Ангелъ Комнинъ основываетъ деспотство Эпирское; въ Азійи одновременно являются три имперіи: въ Трапезунтѣ, Никеѣ и Филадельфій, и кромѣ того, нѣсколько независимыхъ мелкихъ владѣтелей. Съ теченіемъ времени число этихъ государствъ сокращается, но все же прежняго единства Византіи не могла возстановить. Трапезунтская имперія такъ и продолжала свое независимое существованіе до завоеванія Турками. Эпирское деспотство также долго управлялось совершенно независимо отъ Византійскаго двора. Такимъ образомъ нашествіе Латиновъ, разрушая внутренній строй

Византія, вызвало много внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя сдѣлали невозможнымъ полное обновленіе имперіи и наполнили почти двухсотлѣтній періодъ ея существованія ужасною, непрерывною борьбою.

Западные изслѣдователи византійской исторіи обыкновенно изображаютъ самыми мрачными красками этотъ послѣдній ея періодъ. Отыскивая причины быстраго завоеванія Царьграда Латинами и плачевнаго состоянія возстановленной имперіи въ недостаткахъ администраціи, въ негодности всего политическаго и соціального строя, во всеобщемъ разложеніи, они заходятъ слишкомъ далеко въ своихъ, нападкахъ на самое населеніе имперіи. Конечно, Византійцы XIII и XIV столѣтія ни мало не походили на Византійцевъ VI вѣка; національность греческая вслѣдствіе многоразличныхъ причинъ значительно пала во всѣхъ отношеніяхъ, и странно было бы доказывать въ ней существованіе давно утраченной доблести древне-Эллинскаго народа; но не менѣе странно слышать изъ устъ глубокихъ изслѣдователей жестокой приговоръ о полномъ усыпленіи Грековъ еще съ XIII столѣтія и раньше, объ утратѣ ими политической чести, патриотическаго чувства, военной чести, гражданской свободы¹⁾. Мы не станемъ доказывать несостоятельность подобнаго приговора. Она вполне явствуетъ изъ событій, послѣдовавшихъ за 1204 г. и прежде всего изъ образованія Никейской имперіи (вскорѣ превратившейся въ Византійскую) и скорого изгнанія Латинцевъ изъ Константинополя. Въ событіяхъ этихъ ясно обнаружилось, что Греческій народъ при всей своей деморализаціи сохранялъ въ себѣ еще достаточно и патриотизма, и преданности своей вѣрѣ, даже отваги, чтобы выступить противъ западныхъ поработителей. Маленькая Никея, тотчасъ послѣ паденія Царьграда становится новымъ политическимъ и религіознымъ центромъ греческаго міра, привлекаетъ къ себѣ массы Грековъ, бѣгущихъ отъ иноземнаго ига. Изъ этихъ бѣглецовъ, подъ державою Θεодора Ласкариса, основателя Никейской имперіи, незамѣтно создается сила, которая, если не окончательно сламливаетъ врага, то значительно ослабляетъ его, отвоевывая у него хотя часть своего достоинства. Ужели было бы возможно подобное историческое явленіе при той всеобщей неурядицѣ, въ которой находились въ XIII столѣтіи византійскія области, еслибы дѣйствительно, какъ говорятъ западные историки, въ населеніи подъ гнетомъ правительственнаго

---

¹⁾ *Finlay, History of the Bysantine and Greek empires. London. 1853, II, pp. 341—351—454.*

деспотизма были окончательно подавлены всё національныя чувства, всякое стремленіе къ независимости?

Успѣху греческаго дѣла способствовали цѣлый рядъ энергическихъ, талантливыхъ правителей на Никейскомъ престолѣ, что также говорить не въ пользу пессимистическаго взгляда на греческую народность. Θεодоръ Ласкарисъ (1204—1222 гг.) и его зять Іоаннъ Ватаци (1222—1254 гг.), особенно послѣдній, являются государями, одаренными сильною волею, значительнымъ умомъ, расчетливымъ дипломатическимъ тактомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ храбрыми и опытными военачальниками. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ имъ удается создать изъ Никейской имперіи сильный оплотъ противъ захватовъ латинства. Они окончательно вытѣсняютъ Франговъ изъ Малой Азіи, и Іоаннъ Ватаци становится уже твердою ногою въ прежнихъ европейскихъ владѣніяхъ имперіи. По справедливости нельзя не удивляться той находчивости, той умѣлости, съ какою оба императора, при незначительныхъ средствахъ успѣваютъ и объединить вновь возникающія въ малой Азіи мелкія деспотства (Манкафы — въ Филадельфіи, Маврозами въ области рѣки Меандра) и бороться съ Иконійскими Турками, и отстаивать за Никеею знамя возстановленія Византіи противъ притязаній императора Трапезунтскаго и особенно противъ могущественнаго деспота (нѣкоторое время императора) Эпирскаго. Войны съ Латинами наполняютъ почти все время ихъ царствованія; и успѣхъ ихъ въ значительной мѣрѣ обусловливался умѣньемъ Θεодора и Іоанна поддерживать союзъ съ Болгарскими государями, которые дѣйствительно много способствовали ослабленію общаго врага православія. Тѣмъ не менѣе съ достиженіемъ политической силы Іоаннъ Ватаци, блюдя интересы имперіи, не упустилъ случая отнять у Болгаръ завоеванія, сдѣланныя ими во Фракіи (1245 г.). Расчетливый, бережливый, онъ сумѣлъ поднять нѣсколькими разумными мѣрами экономическое положеніе имперіи и умирая оставилъ своему преемнику — хорошо дисциплинированную армію и флотъ. Сынъ Іоанна III, Θεодоръ II (1254—1258 гг.), не смотря на свою болѣзнь, былъ хорошимъ воинемъ. Онъ отстоялъ противъ завоеваній Болгаръ прибрѣтенныя отцемъ части Фракіи и Македоніи и значительно расширилъ предѣлы имперіи на счетъ Эпирскаго деспотства. Наконецъ Михайлъ Палеологъ (1259—1282 гг.), родоначальникъ послѣдней династіи Византійскихъ императоровъ, черезъ 58 лѣтъ послѣ латинскаго нашествія, является возстановителемъ Византійской имперіи. Какъ ни ложится чернымъ пятномъ на все его царствованіе совершенная имъ узурпація пре-

стола у законнаго наслѣдника Іоанна IV, безжалостно имъ ослѣвленнаго, какъ велики ни были его недостатки и ошибки, все же сдѣланное Михаиломъ для увеличенія вѣшняго могущества имперіи слишкомъ велико, чтобъ исторія отказала ему въ справедливомъ приговорѣ ¹⁾). Какъ во время регентства, такъ и въ продолженіе всего своего царствованія, ему пришлось вести дѣятельную борьбу съ Латинами, которые имѣя постоянного подстрекателя въ лицѣ папы и покровителя въ лицѣ сильнаго Неапольскаго короля Карла Анжуйскаго, не хотѣли отказаться отъ утраченнаго ими Царьграда и господства на Балканскомъ полуостровѣ. Въ борьбѣ этой Михаилъ не всегда могъ выступать съ открытою силою противъ своихъ враговъ, составлявшихъ коалиціи, и по необходимости прибѣгалъ къ хитрости. Одною изъ такихъ хитростей и были неоднократно сношенія его съ папами о соединеніи церквей греческой и латинской, которыя вызвали внутреннія неурядицы въ государствѣ и обыкновенно ставятся въ вину Михаилу Палеологу. Во всякомъ случаѣ на это обращеніе императора къ Риму менѣе всего можно смотрѣть какъ на, измѣну православію. Въ результатъ, кромѣ возвращенія Царьграда, было восстановленіе императорской власти въ части Пелопоннуса. Уступленныя какъ выкупъ за взятаго въ плѣнъ Ахейскаго принца Вильгельма крѣпости Монемиасія, Мизиора и Майна стали опорными пунктами, откуда императорскія войска выходили противъ франкскихъ герцоговъ. Такимъ образомъ возрожденіе имперіи шло довольно быстрыми шагами. Въ слѣдующее царствованіе оно приостанавливается и мало того—снова клонится къ ущербу. Императоръ Андроникъ Старшій (1282—1328 гг.), нисколько не походилъ на своего отца, восстановителя Византіи. Неразсудительный, непослѣдовательный и въ то же время мотъ и трусъ, онъ представляетъ образецъ самаго неспособнаго государя. Все время его царствованія наполнено замѣшательствами и бѣдствіями для имперіи. Азіатскія области ея, такъ стойко отстаиваемыя Никейскими императорами, почти цѣликомъ переходятъ во власть Турокъ. Недальновидный Андроникъ изъ пренебреженія къ національнымъ войскамъ, составленнымъ его предшественниками и сослужившимъ такую большую службу дѣлу восстановленія имперіи, окружаетъ себя дорого-стоящими наемными войсками и въ виду угрожающей опасности отъ Турокъ, приглашаетъ на помощь изъ Испаніи сбродныя каталонскія дружины. Это добровольное при-

---

¹⁾ Ср. заключеніе у Финаел, стр. 463.

звание Латинцевъ, обнаружившее полную безтактность обладателя византийскаго престола, послужило источникомъ величайшихъ бѣдствій для имперіи, оплакиваемыхъ всѣми ея историками. Каталонцы, какъ извѣстно, не только не оказали Андронику никакой помощи противъ Турокъ, но въ концѣ концовъ соединились съ послѣдними, перешли въ Европу, два года опустошали Фракію, своими жестокостями и насиліемъ превосходя Турокъ, и наконецъ, пройдя Македонію и Фессалію, утвердились въ Віотіи, гдѣ и завоевали Аоніское герцогство. Продолжительная экспедиція этой разбойничьей „великой компаніи“ привела въ окончательное разореніе всю восточную часть Балканскаго полуострова. Самому Царьграду пришлось не мало потерпѣть отъ другихъ Латинцевъ-Венеціанцевъ, ловко пользовавшихся для своихъ грабежей и притѣсненій беззащитностью столицы съ моря, за отсутствіемъ флота. Въ этихъ вѣдшихъ бѣдствіяхъ и во многимъ другимъ, о которыхъ мы здѣсь не упоминаемъ (какъ напримѣръ, грозныя завоеванія Милутина), присоединилась внутренняя междоусобная война (1320—1328 гг.), между Андроникомъ Старшимъ и его внукомъ Андроникомъ Младшимъ, оспаривавшимъ власть у своего дѣда. Борьба эта, окончившаяся торжествомъ внука, тинулась съ перерывами восемь лѣтъ, и еще болѣе ослабляя имперію, давала возможность усиливаться и безъ того уже сильнымъ ея сосѣдямъ-врагамъ. Мы не касаемся здѣсь подробностей той внутренней неурядицы въ государственномъ устройствѣ, въ управленіи и во всемъ экономическомъ строѣ, которая царилла во все время царствованія Андроника Старшаго. Слѣды всего этого оставались и въ послѣдующія два царствованія—Андроника Младшаго и Іоанна Кантакузина, которыя собственно и составляютъ предметъ настоящей статьи. Замѣтимъ только, что современные византийскіе историки даютъ массу фактовъ, свидѣтельствующихъ, что имперія за это время не разъ переживала по истинѣ критическіе моменты, когда паденіе ея представлялось не отложнымъ, однако выходила изъ всѣхъ затрудненій какимъ-то чудеснымъ образомъ. Не заключается ли эта чудесность именно въ сохранившейся еще, при всѣхъ невзгодахъ, жизнненности народныхъ силъ Византіи, въ которой ей такъ настойчиво отказываютъ многіе западные изслѣдователи? Какъ бы то ни было, продолжительное царствованіе Андроника Старшаго было временемъ новаго упадка Византіи. Объ успѣшной борьбѣ съ Латинами, о дальнѣйшемъ обновленіи возстановленной имперіи тогда не могло быть и рѣчи. Вопросы эти снова поднима-

ются въ послѣдующее царствованіе, въ эпоху, которая собственно насъ занимаетъ, и къ которой мы теперь переходимъ.

II.

Андроникъ III Младшій вступаетъ на престолъ не путемъ простаго захвата, но соединеннаго еще съ продолжительною междоусобною войною. Государственные перевороты, смѣна царствующихъ династій—явленіе обычное въ византійской исторіи, но большею частію они составляютъ дѣло придворной партіи и совершаются чрезвычайно быстро; народъ остается почти всегда въ сторонѣ отъ этихъ неожиданныхъ переменъ и заявляетъ свое участіе въ нихъ лишь принятіемъ присяги вновь возведенному императору. Примѣръ подобной узурпаціи мы видѣли уже и въ возобновленной Византіи. Отецъ Андроника Старшаго, Михайлъ Палеологъ, бросаетъ въ заточеніе законнаго наслѣдника престола, Іоанна IV, сына Θεодора Ватаца, провозглашая себя императоромъ и хотя возбуждаетъ недовольство въ народѣ, но далеко не всеобщее и не на столько сильное, чтобъ оно могло повести къ образованію оппозиціи, къ внутреннимъ замѣшательствамъ. Быстрота переворота обыкновенно ошеломляетъ на время умы современниковъ; но вскорѣ затѣмъ всѣ примиряются съ совершившимся фактомъ, особенно если новый государь оказывается умнѣе, дѣятельнѣе своего низвергнутаго предшественника. Государственное и народное дѣло въ этомъ случаѣ если мало выигрываетъ, то почти и ничего не проигрываетъ въ матеріальномъ отношеніи. Само собою разумѣется, что на нравственности народа подобныя преступныя перевороты, часто повторяемые, не остаются безъ слѣда, значительно притупляя въ немъ чувства законности, уваженія къ порядку престолонаслѣдія. Гораздо пагубнѣе отражались на положеніи государства и на народномъ благосостояніи междоусобныя войны за престолонаслѣдіе, встрѣчающіяся въ исторіи Византіи гораздо рѣже въ сравненіи съ обыкновенными придворными узурпаціями. Раздѣленіе народныхъ массъ на враждебныя партіи, взаимное самоистребленіе, участіе иноземныхъ силъ, окончательно разоряющихъ страну, суть необходимыя черты такого добыванія императорскаго титула. Полное потрясеніе политическаго могущества и ослабленіе всѣхъ народныхъ силъ—всегдашнее послѣдствіе такихъ переворотовъ.

Для Византіи въ этомъ отношеніи особенно чувствительны были распри между преемниками Ираклія въ концѣ VII и началѣ VIII вв.

и смуты конца XII и начала XIII вв. въ правленіе династіи Ангеловъ, приведшія къ роковому событію 1204 г. Въ XIV в. мы опять видимъ въ имперіи цѣлый рядъ междоусобныхъ войнъ; первая изъ нихъ связана съ именемъ Андроника Младшаго и предшествовала его вступленію на престолъ. Спрашивается: кѣмъ вызвана была эта война? На сколько виноваты въ ней Андроникъ-внукъ, и вообще какой ея смыслъ? Вникая въ характеры обонхъ Андрониковъ, въ ихъ взаимныя отношенія, во весь ходъ ихъ восьмилѣтней борьбы, нельзя не прійти къ заключенію, что если не завязка всей распри, то по крайней мѣрѣ распространеніе и печальный исходъ ея веренится далеко не въ однихъ личныхъ неудовольствіяхъ между дѣдомъ и внукомъ. Въ самомъ дѣлѣ взглянемъ ближе на обстоятельства самой междоусобицы. Андроникъ — внукъ императора отъ старшаго его сына Михаила, съ дѣтства уже любимецъ дѣда, рано обнаруживаетъ привычки своевольной и легкомысленной жизни. Избалованный, плохо воспитанный юноша, онъ презираетъ всякій трудъ и наполняетъ все время охотою, шумными играми и другими удовольствіями; все это требовало большихъ расходовъ, вело къ долгамъ, которые приходилось платить и безъ того скудной императорской казнѣ, и конечно, охлаждало расположеніе дѣда къ внуку. Охлажденіе это смѣнилось открытою неприязнью и презрѣніемъ къ прежнему любимцу, когда открылось грязное дѣло случайнаго убіенія старшаго сына Михаила — Мануила, людьми, сторожившими домъ возлюбленной ревниваго Андроника ¹⁾.

Это семейное несчастіе свело въ могилу бѣднаго отца и окончательно вооружило императора противъ внука. Онъ принимаетъ противъ него цѣлый рядъ суровыхъ мѣръ и явно выказываетъ намѣреніе передать право престолонаслѣдія кому-либо другому въ своемъ потомствѣ. Онъ приближаетъ къ себѣ Катара, незаконнаго сына Константина Деспота (сынъ второй жены императора Андроника), а прежнему любимцу отказываетъ въ отпускѣ содержанія ²⁾, запрещаетъ пріѣздъ во дворецъ, ношеніе императорской одежды, наконецъ исключаетъ изъ формулы присяги ³⁾ имя царевича. Андроникъ Младшій конечно не могъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ дѣйствіямъ дѣда; онъ заявляетъ протестъ и находитъ себѣ поддержку въ кругу лицъ, недовольныхъ императоромъ. Многіе не соглашались принять новую формулу присяги

¹⁾ Nicephor. Gregoras. Historia Byzantina, Edit. Bonn. l. VIII, c. 1.

²⁾ Ioannes Cantacuzenus: Historia Byzantina. Edit. Bonn. l. I, cc. 5, 11, 16.

³⁾ Greg., l. VIII. c. 3.

и не признавали за императоромъ права самовольно назначать себя наследника. Отношенія между дѣдомъ и внукомъ принимаютъ все болѣе острый характеръ. Боясь какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны внука, Андроникъ Старшій приставляетъ къ нему шпиона Сиргианна, правителя западной Македонии. Выборъ его неудаченъ. Сиргианнъ ¹⁾, человекъ большихъ дарованій, необыкновенно хитрый и честолюбивый, пользуется этимъ порученіемъ для личныхъ цѣлей. вмѣсто шпиона онъ выставляетъ себя передъ молодымъ царевичемъ ближайшимъ другомъ; предувѣдомляетъ о козняхъ противъ него дѣда и совѣтуетъ принять мѣры предосторожности. Защитниками правъ Андроника Младшаго присоединяются къ нему Кантакузинъ ²⁾ Великій Папія и Синаденъ — императорскій стольникъ. Этотъ триумvirатъ составляетъ цѣльный планъ дѣйствій противъ императора: собираетъ войска, людей, выбираетъ центромъ оппозиціи Адрианонополь. Всѣ эти приготовления еще болѣе озабочиваютъ Андроника Старшаго, онъ рѣшается засадить внука въ тюрьму ³⁾. Логоуетъ Метохита отговариваетъ его, и вмѣсто этой энергической мѣры 5-го апрѣля 1321 г. во дворцѣ устраивается свиданіе дѣда и внука; происходитъ полное примиреніе, даются клятвы во взаимномъ доброжелательствѣ. Но черезъ пятнадцать дней Андроникъ Младшій получаетъ уже увѣдомленіе отъ патріарха Герасима о предстоящемъ ему арестѣ и спѣшить въ Адрианонополь ⁴⁾, гдѣ Кантакузинъ и Синаденъ организовали военный лагерь. Разрывъ неминуемъ. Начинается цѣлый рядъ войнъ. Императоръ ⁵⁾ постоянно терпитъ неудачу и долженъ дѣлать уступки. Послѣ первой войны по миру въ Регіѣ (юль 1321 г.) ⁶⁾ за Андроникомъ Младшимъ признается право престолонаслѣдія и отдѣляется ему въ самостоятельное управленіе со

¹⁾ Greg., I. VIII с. 4.

²⁾ Для біографіи Кантакузина до вступленія его въ число партизановъ Андроника Младшаго данныхъ почти нѣтъ. Известно только, что онъ былъ сынъ знаменитаго правителя Мизіеры—Кантакузина (1308—1316) сложившаго голову въ борьбѣ съ Франками, и Теодоры Палеологъ, тетки императора Андроника, въ 1321 г. былъ назначенъ правителемъ въ Пелопоннисѣ на мѣсто Андроника Леона, и послѣ въ это время званіе Великаго Папія (μέγας καπλίας) (то-есть, правителя дворцовой стражи—см. *Ducange Glossarium*). Участіе въ междоусобной войнѣ отвлекло его отъ Пелопонниса, см. предисловіе *Boivin* (Boivin) къ изд. Кантакузина, и *Fabricius*, *Bibl. Graeca*, VII, стр. 787.

³⁾ Greg., VIII. с. 5.

⁴⁾ Greg. VIII, с. 6.

⁵⁾ Cant. I, 12, 20, 21. Greg. VIII, с. 6.

⁶⁾ *Parisot*, *Cantacuzène homme d'état et historien*. Paris. 1845, p. 51.

всѣми доходами страны между Силиврией и Константинополемъ. Въ 1322 г. вторая война оканчивается Епиватскимъ миромъ ¹⁾; Андроникъ передаетъ управленіе территоріей, уступленною ему по предыдущему миру, въ вѣдѣніе императора и выговариваетъ себѣ содержаніе 36,000 гиперперовъ и жалованье своему войску. Затѣмъ пять лѣтъ царствуетъ наружное согласіе между дѣдомъ и внукомъ. Послѣдняя война оканчивается занятіемъ Константинополя и низложеніемъ Андроника Старшаго (22-го мая 1328 г.) ²⁾.

Во все время этой борьбы обѣ занимающія насъ личности рисуются намъ съ самыхъ противоположныхъ сторонъ. Андроникъ Младшій, своимъ безнравственнымъ поведеніемъ справедливо вызвавшій гнѣвъ императора и дѣйствительно болѣе виновный въ возникновеніи междоусобія, теперь всѣмъ образомъ своихъ дѣйствій заслуживаетъ наиболѣе правъ на сочувствіе. Подъ вліяніемъ ли раскаянія, или въ силу общаго склада своего характера онъ, вступаая во враждебныя столкновенія съ дѣдомъ, не обнаруживаетъ ни малѣйшей заносчивости. Съ самаго начала отвѣчая только на вызовъ, онъ постоянно имѣетъ въ виду лишь оборону своихъ правъ. Почти всегда побѣдитель, онъ охотно соглашается на миръ и обнаруживаетъ умѣренность требованій. Во всѣ восемь лѣтъ до 22-го мая 1328 г. нельзя найти ничего, что указывало бы на намѣреніе его лишить дѣда законной власти; послѣдній переворотъ былъ вызванъ лишь новыми интригами императора, и по видимому, совершился подъ вліяніемъ посторонней силы. Даже для себя онъ хлопочетъ не столько о признаніи своихъ правъ на престолъ, сколько о восстановленіи прежняго своего положенія, какъ члена императорской фамиліи. Онъ охотно отказывается отъ власти надъ частью имперіи въ замѣнъ предложенной цифры доходовъ. Не обладая большимъ умомъ, несклонный къ труду, онъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ управленію государствомъ. Птицы и собаки, беззаботная, веселая жизнь—вотъ что было предметомъ его желаній. Добиться осуществленія ихъ было главнѣйшею цѣлью его борьбы. Никакихъ властолюбивыхъ замысловъ онъ никогда не пыталъ ³⁾. Въ противоположность Андронику Младшему, Старшій является злопамятнымъ, неумолимымъ, жестокимъ старикомъ. Мысль лишить внука пре-

¹⁾ *Parisot*, 59.

²⁾ *Parisot*, p. 83.

³⁾ *Parisot*, 60, 61.

стола, по видимому, никогда его не оставляет¹⁾. Вынужденный неудачами войны вступить въ соглашение съ нимъ, онъ первый же ищетъ случая нарушить это соглашение. Немедленно же послѣ мира онъ пользуется услугами Сиргіанна, измѣнившаго Андронику Младшему²⁾. Заключивъ Епиватскій договоръ, онъ вскорѣ уклоняется отъ выполнения важнѣйшей его статьи, касавшейся уплаты 36,000 иперперовъ³⁾ внуку. Мало того: черезъ три года послѣ этого мира, въ то время, какъ Андроникъ Младшій празднуетъ свою коронацію (2-го февраля 1325 г.) и женитьбу на Аннѣ Савойской (октябрь 1326 г.), онъ не стѣсняется выставлять ему соперникомъ въ наслѣдованіи престола Іоанна паниперсеваста и затѣмъ деспота Димитрія⁴⁾. Союзъ съ Сербскимъ краемъ⁵⁾ и запрещеніе поминать Андроника въ церковныхъ молитвахъ были рѣшительнымъ шагомъ, сдѣланнымъ императоромъ въ послѣднемъ разрыву. Словомъ, онъ постоянно тревожится опасеніемъ потерять престолъ, вѣчно занятъ интригами, и не имѣя достаточно средствъ для борьбы подъ рукою, ищетъ помощи на сторонѣ⁶⁾. Странно кажется эта настойчивость императора въ затягиваніи междоусобія. Какъ ни было велико его раздраженіе противъ развращеннаго внука, трудно допустить, чтобъ его образъ дѣйствій вытекалъ единственно изъ ненависти къ нему. Вопервыхъ, такая ненависть не согласна съ его прежнею безумною любовью къ Андронику, и затѣмъ онъ самъ не могъ не видѣть его непритязательности, скромности и почтительности⁷⁾, которыя ясно высказывались во все время борьбы.

¹⁾ См. любопытныя соображенія у *Паризо*, 32—36.

²⁾ *Greg.* VIII, с. 11.

³⁾ *Cant.* I, 48; *Parisot*, 62.

⁴⁾ *Parisot*, 71, 72.

⁵⁾ *Greg.* VIII, с. 14. Григора принималъ участіе въ посольствѣ, отправленномъ въ Сербію за вдовою Іоанна паниперсеваста, дочь котораго была за Стефаномъ Децанскимъ. Сдѣланныя Григоромъ замѣтки объ этомъ путешествіи весьма драгоцѣнны для исторіи Сербіи. Между прочимъ онъ упоминаетъ, что это посольство имѣло и политическую цѣль—переговоры съ Сербскимъ краемъ. Дѣйствительно черезъ три мѣсяца Стеванъ выступаетъ союзникомъ Андроника Старшаго.

⁶⁾ Кромя союза съ Сербіею, нѣсколько позже императоръ заключаетъ тайный договоръ съ Болгарскимъ царемъ Михаиломъ, который намѣняетъ своему шурина Андронику Младшему (*Greg.*, IX, 5). Посланный имъ 3,000 отрядъ подъ начальствомъ Руса Івана не могъ однако оказать помощи Андронику Старшему. *Cantac.* I, 58.

⁷⁾ Кромя множества относящихся сюда свидѣтельствъ, разсѣянныхъ у Кан-

Онъ зналъ слишкомъ хорошо своего внука, его склонности, чтобы такъ настойчиво подозрѣвать его лично въ намѣреніи узурпировать престолъ.

Все дѣло значительно объясняется, если обратить вниманіе на два обстоятельства, на которыя и у Григоря, и у Кантакузина прямыхъ указаній очень мало, и которыя до сихъ поръ какъ-то обходились историками и изслѣдователями Византіи ¹⁾. Мы разумѣемъ недовольство правленіемъ Андроника Старшаго, вызвавшее образованіе сильной оппозиціонной партіи, и первенствующую роль, которую играетъ во все время междоусобной войны Іоаннъ Кантакузинъ. Недалековидная, безтактная политика императора, о которой мы говорили выше, безцеремонное распоряженіе патриаршимъ столомъ, неудачный бракъ съ принцессою Ириною (преслѣдовавшею честолюбивые замыслы въ раздѣлѣ имперіи между ея дѣтьми и для этого поддерживавшею тѣсныя связи съ западомъ), расхищеніе государственной казны ²⁾, на пополненіе которой потребовались новые тяжелые налоги, наконецъ цѣлый рядъ злоупотребленій по администраціи, все это естественно должно было вызывать ропотъ, который и не замедлилъ перейти въ открытое выраженіе неудовольствія. Дѣло Андроника Младшаго было только сигналомъ къ проявленію давно затаеннаго негодованія. Отъ того-то онъ сразу имѣетъ громадный успѣхъ. Фракія и Македонія легко переходятъ на его сторону, потому что во всѣхъ почти городахъ были болѣе или менѣе значительныя партіи недовольныхъ императоромъ ³⁾. Личность Андроника-внука, конечно, не могла располагать къ себѣ, но недовольные становились подъ его знамя, потому

такуюзна, обращаетъ вниманіе описаніе трогательной сцены свиданія дѣда и внука у Greg. VIII, с. 11.

¹⁾ Паризо мѣстами, какъ напримѣръ, на стр. 36, указываетъ на популярность Андроника Старшаго, но нигдѣ не говоритъ объ участіи партій въ веденіи междоусобной войны, которая представляется историку только личнымъ споромъ между дѣдомъ и внукомъ.

²⁾ Характерный примѣръ расточительности приводитъ Григоря VII, с. 5. Императрица Ирина, желая расположить Милутина Сербскаго къ назначенію въ наследника сына отъ ея дочери Симоиды или кого-либо изъ ея дѣтей, въ изобиліи снабжаетъ его деньгами изъ императорской казны, одаряетъ драгоценностями и между прочимъ посылаетъ ему великолѣпную корону, почти не уступающую той, которую носилъ самъ императоръ. Сто трирентъ, восклицаетъ съ горечью Григоря, — можно было бы выстроить на эти деньги, которыя она передала безъ расчета своему зятю.

³⁾ Несомнѣнными указанія у Greg. IX, с. 4.

что видѣли въ немъ поставленный обстоятельствами центръ оппозиціи. Нечего и говорить, что партія эта была особенно сильна въ Константинополѣ, откуда и начинается движеніе въ пользу Андроника Младшаго ¹⁾. Во время послѣдней войны, когда патріархъ Исаія открыто противился запрещенію императора упоминать имя Андроника Младшаго въ церковныхъ молитвахъ, народное большинство, по свидѣтельству Григоры ²⁾, было враждебно Андронику Старшему; отъ него отвернулись даже люди, прежде того преданные ему. Этимъ и объясняется незначительность сопротивленія, встрѣченная Андроникомъ Младшимъ при взятіи столицы.

Съ другой стороны, слѣдя за дѣйствіями оппозиціонной партіи, нельзя не замѣтить отсутствія самостоятельности въ распоряженіяхъ Андроника Младшаго. Изъ триумvirата, впервые выступившаго на защиту правъ внука, скоро выдѣляется Кантакузинъ и получаетъ преобладающее вліяніе на послѣдняго. Сиргіаннъ, также мечтавшій о первой роли, принужденъ отказаться отъ союзничества и беретъ сторону дѣда. Трудно сказать опредѣленно, чему обязанъ Кантакузинъ довѣріемъ со стороны Андроника. Несомнѣнно только, что кромѣ находчивости и ловкости ему не мало помогли значительныя денежныя средства, въ которыхъ такъ нуждался номинальный глава оппозиціи ³⁾. Уже съ самаго начала онъ болѣе другихъ хлопочетъ объ устройствѣ военнаго лагеря; затѣмъ мы видимъ, что всѣ военныя операціи, передвиженія совершаются по совѣту Кантакузина, во всѣхъ спорныхъ вопросахъ всегда одерживаетъ верхъ его мнѣніе. Въ своихъ запискахъ онъ изъ всѣхъ силъ старается выставить себя чело-вѣкомъ вполне справедливымъ, не идущимъ далѣе поддержанія законнаго порядка вещей; вездѣ онъ проводитъ мысль, что стоялъ за соглашеніе враждующихъ и своими совѣтами поддерживалъ умѣренность требованій Андроника Младшаго. Но эта маскировка не вездѣ ему удается; самыя витіеватыя рѣчи его, не говоря уже о ходѣ событій, указываютъ, что главнымъ вожакомъ всей междоусобной войны былъ именно Кантакузинъ. Касательно послѣдняго движенія

---

¹⁾ Григора (VIII, 3) говоритъ, что уже съ самаго начала (1321 г.) многіе отказались принять новую формулу присяги, изъ которой было исключено имя Андроника Младшаго.

²⁾ Greg. IX, с. 1.

³⁾ Въ 1321 г. Феодора Кантакузинъ ссужаетъ Андроника необходимою суммою для уплаты жалованья солдатамъ. Cantac. I, 28.

на Константинополь, съ цѣлью низверженія императора, есть несомнѣнное свидѣтельство, что оно произошло по настоянію Кантакузина ¹⁾.

И такъ, вотъ гдѣ разгадка настойчивости, съ которою Андроникъ Старшій поддерживаетъ междоусобную войну. Не внука онъ боялся, а той сильной оппозиціи, которая, прикрываясь именемъ будто бы обижаемаго царевича, имѣла во главѣ такихъ даровитыхъ и ловкихъ честолюбцевъ, какъ Кантакузинъ. Онъ хорошо понималъ, что какъ онъ ни примирялся съ Андроникомъ Младшимъ, недовольная имъ партія не уймется, пока за нимъ будетъ оставаться престолъ. Опасность лишиться престола постоянно стоитъ предъ нимъ и вотъ, въ видахъ самозащиты, онъ направляетъ удары на внука, подъ знаменемъ котораго только и могла болѣе свободно дѣйствовать оппозиція ²⁾.

Обращаясь къ самой войнѣ, мы не видимъ въ ней ужасовъ, которыми обыкновенно отличаются всѣ подобныя войны. Служа отчасти выраженіемъ недовольства народныхъ массъ противъ правительства, она тѣмъ не менѣе не представляетъ большихъ вооруженныхъ столкновеній. Только во второй войнѣ вожди императора Сиргианъ и Константинъ Деспотъ ³⁾ завязываютъ сраженія въ открытомъ полѣ и терпятъ неудачу; въ остальныхъ же двухъ военныхъ дѣйствіяхъ ограничиваются передвиженіемъ войскъ и болѣе или менѣе продолжительною осадой укрѣпленныхъ городовъ, которые затѣмъ, обыкновенно послѣ перевѣса оппозиціонной партіи надъ партіей императора, добровольно сдаются Андронику и Кантакузину, при чемъ императорскіе отряды, всегда небольшіе, обращаются въ бѣгство ⁴⁾. Слѣдовательно, здѣсь не было истребленія населенія массами, что составляетъ главное зло всѣхъ междоусобныхъ войнъ. Тѣмъ не менѣе и эта война не могла обойтись безъ бѣдствій. Постоянныя передвиженія войскъ по Фракіи и Македоніи были весьма разорительны для этихъ странъ; сбродная, отчасти наемная дружина Андроника Младшаго грабля елико возможно ⁵⁾. Недостатокъ денегъ для уплаты

---

¹⁾ Григора IX, 1. глухо говорить о замыслахъ партіи Андроника Младшаго окончательно исторгнуть власть у императора; Кантакузинъ также не скрываетъ своего подстрекательства, см. I, 50.

²⁾ Что самъ императоръ ждалъ опасности именно отъ Кантакузина — показываетъ стремленіе его удалить отъ внука этого яраго приверженца посредствомъ назначенія его правителемъ въ Пелопоннись. Cant. I, 16.

³⁾ Greg. VIII, с. 11.

⁴⁾ Cantac. I. 54, 55, 56; Greg. IX. 4, 5.

⁵⁾ Parisot, p. 48.

жалованья солдатам связывала руки Кантакузину, при всем его желаніи ограничить эти грабежи. Деморализація, неуваженіе къ власти вообще господствовали въ арміи Андроника Младшаго ¹⁾. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказахъ Григоры о насиліяхъ, которымъ подвергались приверженцы императора и ихъ семьи въ разныхъ македонскихъ городахъ, какъ скоро въ нихъ вступали войска восторжествовавшей оппозиціи ²⁾. По вступленіи въ Константинополь, которое произошло безъ кровопролитія, черезъ соглашеніе съ тамошней недовольною партіей, Андронику стоило большаго труда удерживать отъ грабежей и убійствъ своихъ солдатъ ³⁾ и вступившій съ нимъ 3,000 болгарскій отрядъ (который собственно былъ посланъ Михаиломъ на помощь дѣду, но вынужденъ былъ примкнуть къ внуку). Выѣстъ съ этимъ повсемѣстнымъ разореніемъ естественно наступилъ полный экономическій упадокъ вслѣдствіе приостановки полевыхъ работъ и прекращенія торговли. Казна императорская также была истощена окончательно; кромѣ содержанія наемныхъ войскъ для защиты своей власти и удовлетворенія нуждъ имперіи, Андроникъ Старшій вынужденъ былъ еще отдавать значительныя суммы на содержаніе войска внука, которое должно было быть направлено противъ него же. Правда, онъ далеко не все выплачивалъ, но и то, что уплатилъ, было очень чувствительно для истощенной его казны ⁴⁾.

Такимъ образомъ, переворотъ 22-го мая 1328 г. при всей его популярности не легко отозвался на положеніи имперіи. Посмотримъ теперь, что такое было новое правительство? На сколько оно успѣло поправить ошибки предыдущаго царствованія и чѣмъ загладило бѣдствія, вызванныя продолжительною междоусобицею?

Во главѣ правительства Андроника Младшаго сталъ, какъ и слѣдовало ожидать, Іоаннъ Кантакузинъ. Мы видѣли уже, что государственныя дѣла, требующія умственнаго труда, не располагали къ себѣ Андроника. Такъ и теперь, обезпечивъ свое положеніе, онъ продолжаетъ вести прежнюю веселую, хотя и не столь беззаботную жизнь ⁵⁾. Только дальнія охотничьи прогулки замѣнились частнымъ

---

¹⁾ *Parisot*, p. 56.

²⁾ *Parisot*, p. 79.

³⁾ *Greg.*, IX, с. 6; *Parisot*, 84.

⁴⁾ *Parisot*, 62. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ долженъ былъ уплатить 405,000 зол. монетъ, а уплатилъ только 77,000.

⁵⁾ *Greg.* XI, с. 11.

участіемъ его во внѣшнихъ войнахъ, которыми наполнено все его царствованіе; въ нихъ находила себѣ исходъ его горячая, охочая до сильныхъ впечатлѣній натура, и надо признаться, что какъ полководецъ, онъ дѣйствовалъ вообще довольно удачно, не рѣдко обнаруживая не одну беззапятную храбрость, но и нѣкоторую военную опытность. Бремя же внутренняго управленія, всѣ иностранныя дѣла лежали на Кантакузинѣ, человѣкѣ, которому Андроникъ былъ обязанъ возведеніемъ на престолъ, и къ которому несомнѣнно питалъ большое довѣріе. Облеченный не особенно громкимъ титуломъ „Великаго Доместика“ (μέγας δομέστικος), Кантакузинъ все время остается первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Всегда близкій къ императору, онъ вѣдаетъ всѣ дѣла, во все входитъ самъ, даже въ составленіе бумагъ, назначаетъ и смѣняетъ по своему усмотрѣнію чиновниковъ и военачальниковъ ¹⁾. По видимому, первенствующее значеніе его въ государствѣ упрочено, желаніе власти удовлетворено, но Кантакузинъ не останавливается на достигнутой ступени. Сознывая свое умственное превосходство надъ обоими Андрониками, опираясь на родство своего дома съ Палеологами, на свои богатства и нравственное обаяніе, какъ представитель новой политической партіи, онъ стремится къ чему-то большому, чѣмъ званіе великаго доместика. Стремленіе это вполне понятно; оно вытекаетъ изъ самаго положенія Кантакузина. Смотра на себя какъ на главнаго виновника новаго порядка вещей, онъ естественно желалъ удержать, какъ можно дольше, за собою власть, которую добровольно передалъ ему Андроникъ Младшій. Но съ самаго начала при дворѣ и вообще въ столицѣ обнаружались препятствія къ осуществленію такого желанія. Андроникъ Старшій, получившій особый дворецъ и значительное содержаніе, не переставалъ поднимать интриги ²⁾. Значительное число его приверженцевъ также оставалось въ Константинополѣ. Императрица Ксенія, мать Андроника, и Анна Савойская относились недоброжелательно къ „доместикѣ“, пользовавшемуся огромнымъ вліяніемъ у императора; наконецъ, оставались старые претенденты на престолъ, какъ Константинъ Деспотъ, Θεόδωρος Μονφρατσκίης, деспотъ Димитрій, которые такъ, либо иначе могли дѣйствовать, если не противъ Андроника, то противъ его министра. При жизни императора онъ могъ еще на-

¹⁾ Cantac. II, I, и во многихъ другихъ мѣстахъ; Greg. IX, с. 8.

²⁾ Parisot, p. 85. Особенно интриги обнаружались въ битвѣ при Филокренн. Cantacuz. II, с. 8; Gregor. IX, с. 9.

дѣяться на сохраненіе своей власти, но въ случаѣ смерти его, кто могъ поручиться, что онъ не будетъ устраненъ, и что все не перейдетъ къ неспособнымъ Палеологамъ. Такъ представлялось дѣло Іоанну Кантакузину, и вотъ, желая обезпечить свои прежнія усилія, онъ задается мыслью, пользуясь настоящимъ своимъ положеніемъ, приготовить себѣ путь къ императорскому престолу или по крайней мѣрѣ къ полновластному регенству. Эта мысль занимаетъ его всѣ 13 лѣтъ царствованія Андроника; она является руководящею нитью всей его дѣятельности. Въ своихъ запискахъ онъ тщательно старается скрыть эти истинныя свои намѣренія, но не смотря на эту тщательность, они довольно ясно проглядываютъ тамъ и сямъ въ его риторикѣ, въ искусныхъ оправдательныхъ рѣчахъ, и только этимъ намѣреніемъ и объясняется та сѣтъ интригъ, которою онъ опутываетъ императора, дворъ и всѣхъ вообще вліятельныхъ и опасныхъ для себя людей. Интриги съ одной стороны вызываютъ отпоръ съ другой, завязывается подпольная борьба съ ея просками, взаимными подозрѣніями, рѣшительными мѣрами, которая ложилась тяжелымъ бременемъ на всѣ государственныя дѣла.

Важнѣйшею заботою Кантакузина было составить себѣ сильную партію. Для этого онъ поручаетъ всѣ высшія должности людямъ, въ преданности которыхъ не сомнѣвался, или такимъ, которые своимъ возвышеніемъ были обязаны единственно ему. Управление Константинополемъ получилъ его другъ протостраторъ Синаденъ ¹⁾. Финансовыя дѣла ввѣряются Апокавку, чловѣку низкаго происхожденія, сомнительнаго прошлаго, но способному на всякія интриги, даже какъ оказалось позже и противъ своего патрона. Съ этою же цѣлью Кантакузинъ старается привлечь на свою сторону Сиргіанна, ловкаго интригана, который измѣнилъ уже разъ Андронику Младшему и затѣмъ былъ обвиненъ въ заговорѣ и противъ Андроника Старшаго и содержался въ темницѣ. Теперь Кантакузинъ добивается освобожденія Сиргіанна и дѣлаетъ это такимъ образомъ, чтобы тотъ ясно почувствовалъ, кому онъ обязанъ этимъ благодѣяніемъ ²⁾. Затѣмъ и на патриаршій престолъ Кантакузинъ возводитъ не совсѣмъ чистымъ путемъ ³⁾ простаго священника Іоанна Априйскаго, очевидно расчитывая имѣть въ немъ впоследствии поддержку. Расчеты Кантакузина на всѣхъ этихъ лицъ не

¹⁾ Cantac. II, 1., Greg. IX. 8.

²⁾ Parisot, 86.

³⁾ Cant. II, c. 21.

виднѣ оправдались: Сиргіаннъ и Авокажъ вскорѣ оказываются на сторонѣ его противниковъ; тѣмъ не менѣе путемъ покровительства и креатуръ онъ собираетъ вокругъ себя значительное число приверженцевъ, которые впоследствии признаютъ за нимъ право наслѣдованія Андронику. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается дѣльный рядъ ограничительныхъ мѣръ. Въ началѣ 1330 г. императоръ опасно заболѣлъ; съ часа на часъ ждали его кончины. Между тѣмъ у него не было еще дѣтей; Анна оставалась беременною, слѣдовательно поднимался вопросъ: кто будетъ царствовать? Кантакузинъ пользуется моментомъ и при помощи своей матери Θεодоры, которая почти не отходила отъ постели больного, добивается того, что императоръ въ своемъ распоряженіи на случай смерти передаетъ верховную власть императрицѣ Аннѣ ¹⁾ и сыну, если родится, а все управленіе вручаетъ Кантакузину. Сенаторы и всѣ должностныя лица немедленно же приносятъ присягу императрицѣ и великому домашнику ²⁾. Мать Андроника, императрица Ксенія, которую еще раньше Кантакузинъ отослалъ подальше отъ двора въ Θεσσαλονику, теперь распоряженіемъ императора окончательно отстранялась отъ участія въ управленіи. Чтобы отнять у нея всякую возможность интриговать, онъ назначаетъ какъ бы для наблюденія за нею стратигомъ на западъ Сиргіанна, на преданность котораго онъ какъ показала дѣйствительность, ошибочно разчитывалъ ³⁾. Вообще болѣзнь императора даетъ ему случай развязать руки по отношенію къ тѣмъ, кого онъ считалъ наиболѣе опасными для своего вліянія. Андроникъ въ виду близкой смерти даетъ предписаніе освободить всѣхъ сторонниковъ прежняго императора, которые со времени занятія Константинополя содержались еще въ заключеніи ⁴⁾. Метохита, покровитель Григоры, дѣйствительно былъ освобожденъ ⁵⁾, но на сколько точно выполнено было распоряженіе Андроника относительно другихъ заключенниковъ, показываетъ поступокъ съ Константиномъ Деспотомъ. Чтобы избавиться навсегда отъ этого несчастнаго претендента на византійскій престолъ, Кантакузинъ успѣшилъ забросить его въ другую болѣе безо-

¹⁾ Greg. IX, 10.

²⁾ Cantac. II, 15 p. 396.

³⁾ Ср. Parisot, 105, 106.

⁴⁾ Greg. IX, 10.

⁵⁾ Greg. IX, 13.

пасную тюрьму, распустивъ слухъ, что онъ утонулъ въ рѣкѣ ¹⁾. Старики императоръ также не могъ не беспокоить великаго доместика. Внуку всегда относился къ нему съ почтеніемъ; онъ даже готовъ былъ признать его соправителемъ, еслибъ его не отговорилъ патриархъ Нифонтъ ²⁾. Кантакузинъ наружно также оказывалъ должное вниманіе Андронику Старшему ³⁾, вѣроятно въ угоду Младшему. Но онъ никогда не переставалъ подозрѣвать его въ замыслахъ возвратитъ себѣ престолъ ⁴⁾, энергически отговаривалъ императора отъ мысли уступить власть дѣду ⁵⁾ и снисходительно смотрѣлъ на притѣсненія, которымъ подвергался прежній императоръ со стороны имъ поставленныхъ властей ⁶⁾. Въ томъ же 1330 г. Синаденъ принуждаетъ Андроника Старшаго принять монашество, но не довольствуясь и этою гарантіею, черезъ четыре дня заставляеть его, уже слѣпшаго старика, поставить два креста (вмѣсто подписи) на письменномъ удостовѣреніи, что онъ навсегда отказывается отъ престола ⁷⁾. Трудно допустить, чтобъ это насиліе было сдѣлано безъ вѣдома Кантакузина ⁸⁾. Синаденъ былъ ближайшій его другъ, и очевидно, только исполнялъ его приказанія. Моментъ былъ выбранъ удачный. Будь здоровъ императоръ, онъ не допустилъ бы подобной интриги; повиднѣе, узнавъ о постриженіи дѣда, онъ, по свидѣтельству самого Кантакузина, былъ

¹⁾ Greg. IX, c. 10. Въ оправданіе своей жестокости Кантакузинъ приводитъ невѣроятный разказъ, будто друзья требовали отъ него убіенія деспота и въ случаѣ отказа грозили сами расправиться съ подозрительною личностью. Чтобы спасти ему жизнь онъ де и былъ вынужденъ поступить подобнымъ образомъ. Cant. II, c. 15.

²⁾ Greg. IX, c. 7.

³⁾ Ibidem. Vol. I. p. 432. Καντακουζηνος ἄχραντος διατήρησε λοιπότητος καὶ γνῶμης καὶ γλώσσης καὶ ἤθος πρὸς τὸν βασιλέα καὶ ὅσοι τῆς παραούσης ἐξέστησαν δοῦς.

⁴⁾ Фактическое основаніе къ такому подозрѣнію могъ давать только несчастный исходъ Филокреновой битвы. Ср. Parisot, p. 85.

⁵⁾ Cant. II, 19, 20.

⁶⁾ Greg. IX, 8.

⁷⁾ Greg. IX, 10.

⁸⁾ Cant. II, 16. (Vol. I p. 399) говорить, что Андроникъ добровольно надѣлъ монашескій клобутокъ, но помимо приведеннаго свидѣтельства Григоры, которому нѣтъ основанія не вѣрить, соображенія, которыя онъ ему приписываетъ, ясно показываютъ, что у самого Кантакузина было намѣреніе такъ, либо иначе обезпечить себя со стороны Андроника: ἀδείας μὴ τελειώσαντος αὐτῶν (то-есть, Андроника Младшаго) νεωτερισθῆ τι περὶ αὐτὸν καὶ ὑπὸ τινῶν ἀπεστέρηθῆ τοῖς ἐπιδησομένοις ἐπιθέσασθαι πάλιν τῇ ἀρχῇ Ῥωμαίων, ἡγήσατο γενέσθαι μοναχός...

глубоко огорченъ ¹⁾). Между тѣмъ болѣзнь Андроника получила благопріятный исходъ: вода изъ источника Богородицы окончательно восстановила его силы. Планы Кантакузина нѣсколько разстроились. Императоръ не сочувствовалъ нѣкоторымъ его распоряженіямъ ²⁾ и видимо ³⁾ становился къ нему холоднѣе, хотя по прежнему дорожилъ имъ какъ необходимымъ человекомъ. Онъ освобождаетъ Константина Деспота, но это освобожденіе болѣе не страшно для Кантакузина, потому что Константинъ, къ удивленію Андроника, теперь оказывается монахомъ Каллистомъ ⁴⁾. Въ 1335 г. этотъ претендентъ умираетъ ⁵⁾. Тремя годами раньше послѣдовала и кончина Андроника Старшаго ⁶⁾. Не долго пережила послѣдняго и императрица Ксенія ⁷⁾, но она успѣла послужить орудіемъ для новой внутренней смуты. Сиргіаннъ, назначенный въ 1331 г. начальникомъ войскъ въ западныхъ областяхъ имперіи, измѣняетъ Кантакузину, сближается съ Ксеніей, обѣщаетъ ей поддержать ея права на званіе правительницы, а та въ свою очередь усыновляетъ его. Солунцы даютъ ей присягу въ вѣрности ⁸⁾. Само собою разумѣется, что Сиргіаннъ имѣлъ въ виду не защиту устраненной императрицы, а свои личныя честолюбивыя цѣли ⁹⁾. Начался продолжительный процессъ. Видя невозможность набѣгнуть на Каръ, Сиргіаннъ бѣжитъ въ Галату, затѣмъ на Евбею, къ Албанцамъ и наконецъ къ Сербскому краю, Стефану Душану. У послѣдняго онъ нашелъ хороший пріемъ, участвовалъ въ его войнѣ съ Византіей, паводитъ ужасъ на всю имперію, и наконецъ, падаетъ отъ руки убійцы—Франца Палеолога, подосланнаго Кантакузинымъ ¹⁰⁾. Это была не послѣдняя смута въ Византіи въ царствованіе Андроника Младшаго. Въ 1336 г. мы видѣли заговоръ Деспота Димитрія, а въ 1340 г. отголосокъ за-

¹⁾ Cant. II, с. 18, р. 414.

²⁾ Ср. *Parisot*, р. 109.

³⁾ Вопреки его собственнымъ, въ высшей степени приторнымъ, изліаніямъ о трогательной любви и привязанности къ нему императора. Ср. напримѣръ II, с. 16, 17.

⁴⁾ Cant. II, с. 18.

⁵⁾ *Parisot*, р. 121.

⁶⁾ Greg. IX, 14; 13 февраля 1332 г.

⁷⁾ Умерла въ августъ 1333 г. *Parisot*, р. 119.

⁸⁾ Greg. IX, 10.

⁹⁾ Ср. *Parisot*, р. 122—125.

¹⁰⁾ Cantac. II сс. 22, 23, 24; Greg. X. с. 7.

говора пелопоннессаго стратига Франца, убійцы Сиріанна. Причины, вызвавшія эти заговоры, недостаточно выясняются изъ указаній источниковъ. Несомнѣнно одно, что оба сопровождались участіемъ Латиповъ (въ первомъ Генуэзцы, во второмъ Каталонцы) и вытекали изъ общаго недовольства знати и придворныхъ интригъ, въ которыхъ соперничали между собою партіи Кантакузиновъ и Палеологовъ ¹⁾).

Приведенные выше факты достаточны для уясненія характера правительства Андроника Младшаго и задачъ его внутренней политики. Съ одной стороны передъ нами слабый, лишенный всякой самостоятельности императоръ, съ другой—всевластный домостиль Іоаннъ Кантакузинъ, настойчиво преслѣдующій одну цѣль — подготовить себя до рогу къ царскому престолу. Эта подготовка ведется не всегда удачно. Она вызываетъ значительную оппозицію; дѣлается источникомъ смутъ, которыя имѣютъ иногда серьезный характеръ. Интриги, борьба партій—вотъ обстановка, при которой правятъ имперіей Андроникъ и Кантакузинъ. Во имя какой же идеи, какой новой политической программы идетъ послѣдній къ своей цѣли, не вполне разбирая средства? На сколько онъ примиряетъ свои интересы съ интересами государства, другими словами, что онъ дѣлаетъ для имперіи, для поддержанія ея существованія? Отвѣты на эти вопросы требуютъ разсмотрѣнія внѣшнихъ событій царствованія Андроника Младшаго; но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о политико-географическомъ положеніи, которое занимала имперія при вступленіи на престолъ Андроника Младшаго. Мы намѣрены отмѣтить границы имперіи и съ возможною полнотою начертить политическую карту остальной части греческаго міра, въ это время оставшейся за Латицами. Черезъ это передъ читателемъ сами собою выяснятся политическія задачи, которыя ставились историческимъ ходомъ событій передъ Андроникомъ III и Кантакузинимъ.

III.

Собирание земель Византійской имперіи, съ возвращеніемъ Царьграда и отвоеваніемъ Лаконіи, въ концѣ царствованія Михаила Палеолога увѣнчалось весьма значительными успѣхами. Восстановленная имъ имперія, обнимая весь сѣверозападный уголъ Малой Азіи (Мизію,

¹⁾ Parisot, p. 129, 142.

Византию, Пафлагонию, Фригию, Карию)¹⁾, Фракию, Македонию, часть Эпира и Эссалии, нѣсколько ближайшихъ къ материку острововъ, все-таки не досчитывалась многого, что входило въ составъ государства Комниновъ (не говоря уже о болѣе славной эпохѣ); но и въ этихъ предѣлахъ самыхъ широкихъ, какія только она получаетъ въ послѣдній періодъ своего существованія, сохранялась она лишь въ царствованіе своего дѣятельнаго, возстановителя, такъ что Михаилъ Палеологъ, въ этомъ отношеніи, былъ первый и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній могущественный императоръ возобновленной Византии. Борьба съ Латинами ведется и послѣ него не безъ успѣха: византийскія владѣнія по частямъ вырываются у Латинцевъ и соединяются съ своимъ естественнымъ центромъ; ни рядомъ съ этими приобрѣтеніями, весьма незначительными, происходятъ въ гораздо большихъ размѣрахъ утраты недавно объединенной территоріи. Эти утраты начинаются еще при Михаилѣ Палеологѣ, а при его преемникѣ Андроникѣ II подъ натискомъ новыхъ завоевателей исчезаютъ цѣлыя провинціи.

Съ переездомъ императора изъ Никеи въ Царьградъ, заботы и вниманіе правительства естественно остановились преимущественно на западныхъ областяхъ, гдѣ предстояло, съ одной стороны, продолжать дальнѣйшее освобожденіе собственно греческихъ земель, а съ другой оборонять то, что уже было отвоевано. Политическая недалекость преемника Михаила Палеолога и истощеніе матеріальныхъ силъ имперіи вслѣдствіе продолжительной борьбы также объясняютъ, почему малоазійскія провинціи были оставлены въ пренебреженіи. Между тѣмъ здѣсь, на востокѣ, совершался важный историческій переворотъ, получившій впоследствии огромное значеніе не для одной Византии. Царство Сельджуковъ, ослабленное нашествіемъ Монголовъ, около 1280 года окончательно распалось. Но на развалинахъ его съ необычайною быстротою возникаетъ цѣлый рядъ небольшихъ, независимыхъ одно отъ другаго эмиратовъ²⁾. Процессъ ихъ образо-

¹⁾ Ducas, с. II, прибавляетъ къ этимъ еще καὶ μέρος Ἰλλυρίας, но это едва ли вѣрно.

²⁾ Важнѣйшихъ было десять: Названія эмиратовъ по именамъ основателей ихъ суть слѣдующія: *Караси*—въ Мизіи (вскорѣ распростр. и на Пергамъ), *Сарузанъ* въ Магназии, эмиратъ *Аидима*—въ Лидіи; *Ментеске*—въ Каріи (ур. Меандра; потомъ надъ островами: Карпаосъ, Родосъ и Самосъ), *Хамидъ*—въ Писидіи и Лидіи; *Керманъ*—въ Фригии и Ликооніи; *Текке*—въ Ликии и Памоніи; *Караманъ-Оглу*—въ прежнее Иконійскомъ султанствѣ, эмиратъ *симоваго Амурбега* и *Исфенджара*—въ Пафлагоніи; *Хамъ-Челеби*—въ области Кастаноніи. Niceph. Gregoras. I.

ванія, а равно и дальнѣйшая ихъ исторія за недостаткомъ данныхъ остаются не разъясненными ¹⁾. Известно только, что въ началѣ XIV в. многіи изъ нихъ достигаютъ значительной силы, распространяются на счетъ областей прежней Никейской имперіи ²⁾, и занявъ весь западный берегъ Малой Азии, высылаютъ значительные отряды морскихъ удалцевъ, которые наносятъ не малый вредъ островамъ, подвластнымъ Латинамъ и заплываютъ даже къ Пелопоннису и берегамъ Фракіи. Особенно опасны были для византійскихъ областей эмирства: Караси, Кермианъ, Саруханъ и Андинъ. Противъ нихъ-то и призваны были Каталонцы, причинившіе столько бѣдъ Балванскому полуострову и вмѣсто защиты отъ Турокъ открывшіе имъ дорогу въ Европу. Отнимая городъ за городомъ, воинственные турецкіе эмиры Кермианъ и Караси оттѣсняють Ромеевъ все далѣе на сѣверъ изъ Лядіи, Фригійи и Мизійи и къ 1328 г. оставляють имъ въ послѣдней лишь узкую береговую полосу ³⁾. Въ то же время большая опасность грозила Визинніи. Въ самый годъ смерти Михаила Палеолога на границѣ этой области, близъ Дорилея ⁴⁾, являются первыя поселенія орды Турецкаго племени Охузозъ, пришедшей подъ начальствомъ Эртогрула изъ глубины азіатскихъ степей на службу къ Сельджукскому султану Алаэддину противъ Монголовъ, а съ распаденіемъ

VII, с. I; Ducas, с. II; Chalcocondylas I. I, p. 15. (Ed. Bonn.) — *Zinkeisen*, Geschichte des Osmanischen Reiches, 1840. Th. I, p. 56; *Hertzberg*, Geschichte Griechenlands. 1877. Th. II, p. 182; *Spruner's Hand-Atlas für die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit*, dritte Auflage neu bearbeitet von Dr. Th. Menke. Gotha, 1878. 19-te Lieferung.

¹⁾ *Hopf*, Griechenland im Mittelalter въ Allgemeine Encyclopedie v. *Ersch* u. *Gruber*. 1-te Serie. Bd. 85. p. 379; *Zinkeisen*, p. 55.

²⁾ *Georg. Pachymeres*, *Andronic. IV*, с. 24, 29; *VI*, с. 17; *Hopf*, p. 422, *Zinkeisen*, p. 90.

³⁾ Григора (V, с. 5) относитъ уже къ послѣднимъ годамъ царствованія Михаила Палеолога завоеваніе Турками всей страны «отъ моря Понтійскаго и Галатскаго до моря, омывающаго Лякію и Карію и до р. Евримедонта». Едва ли это вѣрно. Начинается движеніе сельджукскихъ эмировъ действительно около 1280 г. (ср. *Raschum. Michael Paleol. VI*, 29), но вполне развилось оно и достигло указанныхъ размѣровъ только при Андроникѣ. Если и справедливо, что Михаилу Палеологу приходилось оборонять долину р. Меандра, то она при немъ не была еще потеряна. По свидѣтельству того же Григоры (VI, с. 8), въ первую половину царствованія Андроника, въ 1294 г., владѣнія Византіи въ Азіи простирались до р. Меандра.

⁴⁾ *Zinkeisen*, p. 62.

Сельджукскаго царства задумавшей образованіе самостоятельнаго ханства. Даровитый сынъ Эртогрула Османъ (1288—1296 г.) взятіемъ въ 1289 г. Караджакиссара (Меланген) началъ завоеваніе византійской Визонніи. Благодаря его личнымъ качествамъ умнаго правителя и хорошаго вождя и безпомощному положенію византійскихъ стратиговъ и архонтовъ, которымъ ввѣрено было управленіе несчастными провинціями, вся страна по лѣвому берегу р. Сангары постепенно переходитъ во власть новыхъ турецкихъ завоевателей. Въ 1326 г. сдѣлась послѣ продолжительной осады Брюсса ¹⁾. Преемникъ Османа, Орханъ, дѣлаеть ее столицею своего ханства. Такимъ образомъ, къ 1328 г. всѣ владѣнія имперіи въ Малой Азій состояли изъ сѣверной части Мизіи и Визонніи, то-есть узкой полосы по южному берегу Мраморнаго моря и полуострова, примыкающаго къ Босфору. Никея и Никомидія остаются здѣсь послѣдними опорными пунктами владычества Ромеевъ. Кромѣ того, какъ острова среди турецкаго моря, долго еще держались византійскія крѣпости съ небольшими округами:—Гераклея и Амастрида въ эмирствѣ сыновей Амурбега и Исфенджара (въ прежней Пафлагоніи), Филадельфія между эмирствами Керміана, Сарухана и Андина и Фокея въ эмирствѣ Сарухана. Въ это время Турки не умѣли еще брать крѣпостей. Это обстоятельство и сохраняло еще нѣкоторое время за Византіей нѣсколько пунктовъ въ Малой Азій.

Въ европейскихъ владѣніяхъ имперіи въ царствованіе Андроника Старшаго не произошло существенныхъ перемѣнъ. При вступленіи Андроника Младшаго они обнимали всю Фракію и Родопію (граница съ Болгаріей по линіи отъ Совонола къ Филипполу и верховьямъ р. Неста), южную Македонію съ Сересомъ, Солунью и Херсонисомъ Фракійскимъ (граница съ Сербіей—по линіи: Мельникъ—Струмица—Охридское озеро) и Вотию съ Веррію, Пидною, Платомономъ, Островомъ. Затѣмъ, далѣе на западъ въ Албапіи, Эпирѣ и Фессаліи (герцогствѣ Влахіи) власть имперіи въ это время признается только отчасти и не вездѣ одинаково. Албанскія горныя племена въ началѣ XIV в. спускаются съ своихъ неприступныхъ горъ, подчиняютъ себѣ населеніе долинъ и, пользуясь смутнымъ положеніемъ дѣль почти на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, управляются независимо своими вож-

---

¹⁾ Gregor. VIII, с. 15; другіе неточники о расширеніи Османскаго царства при Османѣ см. *Zinkeisen*, p. 77—96.

длин¹⁾. Они начинают даже наступательное движение изъ предѣловъ своей восточной страны; въ 20-хъ годахъ XIV в. значительныя массы Албанцевъ устремляются въ Фессалию²⁾, гдѣ опять-таки устрояются независимыми общинами. Между тѣмъ притязанія на господство въ Албаніи предъявляются съ нѣсколькихъ сторонъ. Сербское княжество, уже при Милутиніи покорившее сѣверную Албанію, при Стефанѣ Дечанскомъ стремится овладѣть и южною. Соперниками Сербскимъ князьямъ выступаютъ, кромѣ Византійскаго императора, Анжуйскіе герцоги, съ 1267 г. старающіеся о созданіи своего государства на восточномъ берегу Адриатики. Въ послѣдніе годы царствованія Андроника Старшаго, могущество Анжуйцевъ, достигшее было значительной степени, ослабѣваетъ. Деспотъ Эпирскій Іоаннъ (Джювани), послѣдній представитель династіи Ангело-Комниновъ въ Эпирѣ, со всѣхъ сторонъ стѣсняетъ намѣстника Филиппа Тарентскаго. Драчъ (Диррахи), Корфу и Лепанто остаются единственными на Балканскомъ полуостровѣ³⁾ пунктами неапольскаго владычества. Но во вліяніи на Албанію Іоаннъ все же долженъ былъ уступить императору. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Валлоніи⁴⁾, уже съ первыхъ годовъ XIII в. сидѣли греческіе владѣтели, признававшіе верховную власть императора; въ другихъ были византійскіе стратиги (Касторія, Старидола и др.). Тѣ и другіе, конечно, вліяли на подчиненіе Албанцевъ имперіи. Андроникъ Младшій, въ послѣдній годъ войны съ дѣдомъ, участвуя лично въ походѣ въ западныя провинціи, еще болѣе утвердилъ это вліяніе⁵⁾. Самъ Іоаннъ, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ власть надъ Эпиромъ, Акартаніей, Этоліей и островами: Закинтою, Кефалоніей, Левкадой и Итакою, долженъ былъ признать верховную власть Ромеевъ и уступить Янину Андронику. Въ части Фессалии или Великой Влахіи около 1328 г. мы также видимъ подобную номинальную зависимость отъ имперіи.

¹⁾ Страна такъ-называемыхъ независимыхъ Албанцевъ—занимала большую часть средней Албаніи. Границы ея можно опредѣлять приблизительно такъ: р. Шкумбъ, Охридское озеро и горда: Касторія, Старидола, Стаги, Малакаси, Погоніана, Епискура, Канина (самые города, разумеется, имъ не принадлежали). Cantac., Vol. I, p. 279, 450; *Hahn*, Albanesische Studien, p. 315; *Spruner-Menke*, Historischer Atlas. Karte. 88.

²⁾ Cantac., Vol. I, p. 474; *Hopf*, p. 422.

³⁾ *Hopf*, p. 427.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 428.

⁵⁾ Cantac., I, сс. 54—55, Vol. I, p. 279—280. Ему подчинились Албанцы, жившіе въ Деволѣ, Колоніи и близъ Охриды.

Въ 1318 г. умеръ бездѣтный севастократоръ Іоаннъ II, послѣдній представитель побочной линіи Эпирской династіи Ангеловъ. Женатый на незаконной дочери Андроника Старшаго, онъ признавалъ зависимость Византіи. Съ его смертью страну постигла полная анархія. Андроникъ старается поддержать права своей дочери; а сильные эссалийскіе архонты добиваются частной самостоятельности. Внутренними смутами пользуются Каталонцы и въ 1319—1324 г. намѣстникъ Аѳинскаго герцога Альфонсъ завладѣваетъ южною лучшею частью Тессалии съ ея столицею Новыми Патрами ¹⁾. Остальную половину раздѣлили архонты Ангеловъ и предводители только что вторгшихся въ долины Тессалии албанскихъ бандъ. Нѣкоторые изъ этихъ архонтовъ, какъ видно изъ хроникъ, признали потомъ власть имперіи. Это были архонтъ Трикалы и Касторіи, владѣтель укрѣпленія Николо де-Христіани у р. Пеней, и могущественный архонтъ Фокиды Гавриилъ Меллисень, впоследствии владѣвшій значительною частью Тессалии ²⁾. Такимъ образомъ, границы имперіи со стороны сѣверной Греціи въ данное время были весьма неопредѣленны. Объединительная миссія Палеологовъ подвигается и въ этомъ направленіи, но довольно медленно. Ни Албанія, ни Эпиръ, ни Тессалія не составляютъ одного цѣлага съ имперіей. Изъ всѣхъ трехъ земель Андроникъ Младшій, вступая на престолъ, застаётъ въ наиболѣе фактическомъ подчиненіи Византіи лишь первую.

Въ Пелопоннисѣ владѣнія имперіи къ этому времени значительно расширились. Результатомъ 60-ти лѣтней борьбы грекославянскаго населенія полуострова съ Франками было присоединеніе къ отвоеванной при Михайлѣ Палеологѣ Лаконіи другой провинціи—Аркадіи (у Франковъ — Скорта) съ крѣпостями: Азовой, Каритеной и Матагрифоновъ ³⁾.

Этими областями и ограничивалась имперія на материкѣ Балканскаго полуострова. Вся остальная часть средней Греціи и Пелопонниса оставалась еще за Латинами, которые имѣли вѣдѣсь два сильныя герцогства. Созданіе Каталонцевъ, Аѳинское герцогство, занимало

¹⁾ Завоеваны слѣдующіе города, кромѣ Новыхъ Патръ: Лидорикій, Сидерокастро, Цейтунъ, Гардики, Домонъ и Фарсаль. *Норф*, р. 422.

²⁾ *Норф*, *ibidem*. Кромѣ этихъ, можетъ быть, были и другіе.

³⁾ Окончательное завоеваніе этихъ областей произошло въ 1320 г., когда византійскимъ стратигомъ въ Мизіерѣ былъ Андроникъ Асанъ Палеологъ (1316—1321 гг.); *Норф*, р. 405.

Аттику, Віотію, Фокиду и часть Локръ и подъ управленіемъ умнаго и энергическаго Альфонса Фадрикэ распространялось уже въ Тессаліи и на островѣ Евбеѣ (присоединеніе Кариста въ 1318 году) ¹⁾. Изъ двухъ маленькиихъ графствъ—послѣднихъ остатковъ франкскихъ владѣній въ средней Элладѣ—Бодоницѣ постоянно грозитъ завоеваніе Каталонцами; а Салона перешла въ одному изъ главныхъ вождей каталонской дружины Рожеру Делору (Roger Deslaur въ 1311 г.) ²⁾. Герцогство Ахаіа при всѣхъ территоріальныхъ потеряхъ, которымъ подвергалось съ прекращеніемъ славнаго царствованія Вильгардуэновъ, все-таки владѣло большею частью полуострова: Мессеніей, Элидой и Ахаіей съ Коринѳомъ. Кромѣ византійскихъ владѣній, югозападная оконечность Пелопонниса съ городами Модоню и Корономъ принадлежала Венеціи, а въ Арголидѣ (въ Велигошти, Халандрицѣ и Дамалѣ) въ 30-хъ годахъ XIV столѣтія утверждаются генуэзскія фамиліи (Цаквари) ³⁾. Каждое изъ этихъ герцогствъ находилось подъ сюзеренствомъ сильныхъ западныхъ государей. Король Сициліи Фридрихъ Аррагонскій въ 1312 году принялъ подъ свое покровительство Аѳинское герцогство, основанное прежними его дружинниками. Сынъ его — Манфредъ (1312—1317 гг.) и Вильгельмъ II (1317—1338 гг.) одинъ за другимъ носили титулъ герцоговъ Аѳинскихъ. За малолѣтствомъ послѣдняго, въ 1328 году правилъ герцогствомъ любимый Каталонцами незаконный сынъ короля Фридриха (1417—1330 г.) Альфонсъ Фадрикэ ⁴⁾. Не менѣе могущественный защитникъ стоялъ и надъ герцогствомъ Ахаіей. Въ 1267 году Балдуинъ II, послѣдній Франкскій императоръ въ Царьградѣ, по договору въ Витербо передалъ Неапольскому королю Карлу I право на верховную лѣнную власть надъ всѣми франкскими владѣніями въ прежней Латинской имперіи, выговоривъ себѣ только Константинополь и нѣсколько острововъ, для завоеванія которыхъ отъ Ромеевъ ему долженъ былъ оказывать помощь Карлъ ⁵⁾. Съ этого времени Анжуйская королевская фамилія старается и фактически приобрѣсть для себя земли на Балканскомъ полуостровѣ. Постепенно она утверждается въ Эпирѣ и Пелопоннисѣ. При вступленіи на престолъ

¹⁾ *Hopf*, p. 415.

²⁾ *Ibid.*, p. 410, 413.

³⁾ *Ibid.*, p. 395.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 412 и слѣд.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 261, 290.

Андроника Младшаго верховнымъ государемъ Ахайи былъ братъ Неапольскаго короля Роберта Анжуйскаго, Филиппъ Тарентскій, владѣтель части Эпира ¹⁾, правителемъ же, съ титуломъ герцога, другой младшій его братъ Іоаннъ Гравина (1318—1338 гг.). Опираясь на Роберта, владѣя значительною территорією, Филиппъ Тарентскій постоянно стремится къ дальнѣйшимъ приобрѣтеніямъ, питаетъ самыя честолюбивыя замыслы. Въ 1313 году, ²⁾ онъ вступилъ въ бракъ съ Катериною II Валуа, послѣднею отраслю франкскаго императорскаго дома Куртена, и вмѣстѣ съ этимъ принялъ на себя права и обязанности фиктивного императора Романіи ³⁾. Съ такою грозною силою приходилось еще считаться возстановленной Византіи. Къ счастью для послѣдней оба герцогства не могли быть единодушны въ своей борьбѣ съ греко-славянскимъ міромъ. Царствовавшія въ нихъ династїи, Анжуйцы и Аррагонцы, какъ извѣстно, были непримиримые враги между собою. Вражда, начавшаяся за господство въ южной Италїи, была перенесена ими въ Грецію. И здѣсь ахайскіе Французы ненавидѣли аонинскихъ Испанцевъ и наоборотъ. Въ разсматриваемое нами время Каталонцы были матеріально сильнѣе Французовъ и грозили отнятіемъ у нихъ сѣверо-восточной части Пелопоннуса, составившей прежде лѣнъ Аонинскихъ герцоговъ Де-ла-Рошъ. Такимъ образомъ византійскому правительству представлялся удобный случай пользоваться этою взаимною ненавистью Латинцевъ въ интересахъ имперїи.

Въ Эгейскомъ морѣ и владѣнія, и значеніе Византіи были весьма ограниченны. Изъ многочисленныхъ острововъ Архипелага ей принадлежали только прилегающіе къ Эракии и сѣверо-западному берегу Малой Азїи, именно: Оазосъ (съ 1313 г.), Самоэракія, Имбросъ, Лемносъ, (съ 1276 г.) Тенедосъ и Лесбосъ ⁴⁾. Все остальное оставалось

¹⁾ Въ первый разъ Филиппъ Тарентскій былъ непосредственнымъ владѣтелемъ Ахайи съ 1307 по 1313 г. Затѣмъ она перешла къ Бургундскому дому (Лудовикъ Бургундскій 1313—1316 г.; вдова его—Матильда Хеннегау была выдана насильно Неапольскимъ королемъ за Іоанна Гравина), притязанія котораго на герцогство Филиппъ приобрѣлъ путемъ денегъ и брачнаго союза (1321 г.). *Hertzberg, Gesch. Griech.*, II p. 255.

²⁾ *Нодд.* p. 397.

³⁾ Возвращеніе Константинополя онъ ставитъ задачей своей жизни, для осуществленія ея онъ не останавливается передъ средствами; но всѣ планы и попытки его рушатся.

⁴⁾ G. Pashymer II, p. 558 (Ed. Bonn).

еще за Латинами. Славныя завоеванія части Евбеи и Кикладскихъ острововъ, совершенныя доблестнымъ адмираломъ Михаиломъ Палеологомъ Ликариемъ (1276 г.), при Андроникѣ Старшемъ были все утрачены (въ 1296—1300 годахъ). Могущественное вліяніе и въ этой части Средиземнаго моря принадлежало Венеціи. При дѣлѣжѣ 1204 года она получила право на самую большую и важнѣйшую часть имперіи, но за недостаткомъ средствъ не могла вполнѣ утвердить ее за собою. Непосредственно, какъ колонія, ей принадлежали Негропонтъ ¹⁾ (Евбея) и Критъ. Здѣсь сидѣли ея баилы. Кикладскіе же острова управлялись независимо разными венеціанскими фамиліями, завоевавшими ихъ вскорѣ послѣ паденія Царьграда (1207 г.), подъ покровительствомъ своей митрополіи. Самый сильный между ними былъ домъ Санудо, владѣвшій герцогствомъ Наксо (острова: Наксосъ, Андросъ, Паросъ, Фермія, Мелосъ и Аморгосъ—съ 1309 года) и, претендовавшій на ленную власть надъ прочими Кикладскими островами. Затѣмъ наиболѣе извѣстны были герцоги: Хизи (Ghisi) надъ группою острововъ: Тиносъ, Миконосъ, Скиросъ, Скіаосъ и Скопелосъ; Квирины на о. Астинали; Бароцци на островахъ Санторини и Терази; Михіэли и Джустиніани на остр. Кеосъ и Серифъ; Коронья на остр. Симфосъ и Анафъ (съ 1307 г.); Корнаро на о. Скарпато (Κάρπαθος) (съ 1306 г.) Віари на о. Чериготто; Венири—на о. Чериго (Κηονα) ²⁾. Независимые во внутреннемъ управленіи, все эти маленькіе герцоги въ рассматриваемое нами время стояли въ тѣсной политической связи съ Венеціей. Съ изгнаніемъ Балдуна II изъ Константинополя и переходомъ правъ на фидетивную Латинскую имперію къ Неапольскимъ королямъ, занятымъ исключительно дѣлами на материкѣ, они чувствовали себя слабыми для борьбы съ Греками, Турками и Генуэзцами, искали покровительства и поддержки у сильной своей митрополіи и мало по малу привыкли видѣть въ республикѣ своего верховнаго государя ³⁾. Такимъ образомъ положеніе Венеціи на Эгейскомъ морѣ было весьма прочно и открывало ей путь къ дальнѣйшему усиленію ея могу-

¹⁾ Здѣсь, какъ мы видѣли, стремились утвердиться и Каталонцы.

²⁾ *Hertzberg*, pp. 69, 70, 217—219. Подробности и исторія всехъ этихъ венеціанскихъ владѣній какъ въ цитованномъ сочиненіи Хюбнера, такъ и въ другихъ специальныхъ его трудахъ: «Geschichte der Insel Andros (*Sitzungsberichte der historisch-philologischen Klasse der Wiener Akademie*. 1855, Bd. 16), и *Byzantisch-byzantinische Analecten* (ibid. 1859. Bd. 32):

³⁾ *Heyd*, *Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio evo*. Venezia e Torino. 1866, Vol. 1, p. 367.

щества ¹⁾. Обладая позиціями въ Модоуѣ и Коронѣ, на Евбеѣ и Критѣ, она держала въ своихъ рукахъ всю торговлю между Греціей и островами, Сиріей и Египтомъ съ одной стороны, и государствами запада съ другой, и видѣть съ тѣмъ имѣла огромное вліяніе на ходъ событій въ процессѣ знаменательной боръбы возстановленной византійской имперіи съ остатками латинскаго господства. Небольшая Византійская колонія съ подестою была и въ самомъ Константинополѣ. Но здѣсь и вообще въ сѣверной части Архипелага и въ Мраморномъ морѣ первенствующая роль принадлежала не Венеціи, а постоянному ея сопернику—Генуѣ. Господство Венеціанцевъ на Босфорѣ пало, какъ извѣстно, одновременно съ паденіемъ Латинской имперіи, когда войска Стратегонупо, вступивъ побѣдоносно въ Царьградъ, разрушили до основанія венеціанскія колоніи. Генуезцы, хотя и не послали съ своимъ флотомъ на помощь полководцу Михаила Палеолога, однако получили все, что было имъ обѣщано по заключенному предварительно союзнаму договору ²⁾. Имъ былъ предоставленъ цѣлый рядъ колоній въ разныхъ частяхъ имперіи, освобожденіе отъ пошлинъ, монополія торговаго плаванія по Мраморному и Черному морямъ и другія торговыя льготы. Вскорѣ ³⁾ императоръ убѣдился, что Генуезцы—плохіе союзники имперіи, и ограничилъ ихъ вліяніе допущеніемъ и Венеціи къ торговлѣ съ имперіей. Видя въ той и другой республикахъ хитрыхъ враговъ Византіи, тайно стремящихся передать ее снова въ руки латинства, этотъ мудрый государь старался во все свое царствованіе не допускать исключительнаго вліянія въ имперіи какой-либо одной, и заключая политическіе и торговыя союзы то съ тою, то съ другою, постоянно поддерживалъ между ними антагонизмъ. Тѣмъ не менѣе и безъ того грозное положеніе Венеціи въ Архипелагѣ, стремленіе ея къ дальѣйшимъ

¹⁾ Такъ, въ 1325 г., въ виду завоеваній Катаонцевъ въ южной Фессаліи, республика добивается отъ императора Андроника уступки беззащитнаго порта *Итмеліона* (при входѣ въ заливъ Волю), который оставался за Венеціей до 1470 г., то-есть до уничтоженія Турками господства Итальянцевъ на Балканскомъ полуостровѣ. См. *Heyd*, I, p. 349.—ссылки на *Sanuto*, Ep. III (Appendice ai segreti fidelium crucis).

²⁾ Договоръ заключенъ въ Никее (Nicaea) въ Лидіи 13 марта 1261 г., *Aegropolitâ* p. 30 (Ed. Bonn), *Gregor.* vol. I, p. 50.

³⁾ Уже въ 1264 г. онъ былъ извѣщенъ о переговорахъ генуезскаго подеста съ Сирійскимъ королемъ Македонъ, цѣлю которыхъ было возвращеніе Константинополя Латинцамъ; см. *Rash.* I, p. 168; *Heyd*, p. 322.

захватамъ, большая опасность составляемыхъ ею плановъ возвращенія Константинополя ¹⁾, все же заставляли его оказывать болѣе преимущества Генуэзцамъ; благодаря этому, торговля послѣднихъ получила быстрое развитіе и ввела перевѣсъ надъ венеціанскою. Важнѣйшимъ залогомъ процвѣтанія Генуи на Босфорѣ было обладаніе ею однимъ изъ лучшихъ предмѣстій Константинополя — Галатою. Уступая (1367 г.) ²⁾ эту превосходную гавань въ полное распоряженіе колонистовъ, Михаилъ Палеологъ запретилъ укрѣплять ее стѣнами, рвами и т. п. Онъ хорошо понималъ опасность для Византіи полного обособленія этой колоніи и во все послѣдующее время своего царствованія не дозволялъ Генуэзцамъ переходить границы дарованныхъ имъ важныхъ привилегій ³⁾. Андроникъ II Старшій и въ этомъ отношеніи не былъ вѣренъ вполне политикѣ отца. Не сумѣвъ отстоять отъ притязаній Венеціи завоеванія Ликарія, онъ допустилъ и другую политическую ошибку, имѣвшую роковое значеніе для имперіи. При немъ Галата преобразуется въ независимый, укрѣпленный генуэзскій городъ ⁴⁾. Угрожаемые нападеніями Каталонцевъ и Венеціанцевъ (отъ которыхъ дѣйствительно сильно пострадала Галата въ 1296 г.), Генуэзцы выпросили у императора позволеніе обнести Галату стѣной и рвомъ и въ 1308 г. принялись дѣятельно за постройку укрѣпленій. Такимъ образомъ, незамѣтно рядомъ съ право-

¹⁾ Вѣрная исполнительница папскихъ приказаній—Венеція въ царствованіе Михаила два раза заключала союзъ съ Карломъ Анжуйскимъ для общаго похода на Византію. Въ первый разъ въ 1273 г. начатые Михаиломъ переговоры съ папой о соединеніи церквей помѣшались осуществленію этого договора. Greg. I, p. 124 и Dandolo, p. 382, 388. Вскорѣ папа (Мартинъ IV), разувярившійся въ искренности намереній Михаила Палеолога, проповѣдуетъ новый походъ противъ греческаго схизматика и 3-го іюля 1281 г. въ Орвиетто опять заключаетъ союзъ между Венеціею и Неапольскимъ королемъ. На этотъ разъ всѣ приготовления къ походу были разстроены извѣстною Сицилійскою вечернею. *Tafel u. Thomas*, Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. Wien. 1856—1857, III, p. 287—308. Въ послѣдующее царствованіе, въ 1307 г. Венеція въ союзъ съ Карломъ де Валуа, женатымъ на племянницѣ Балдуина II, еще разъ замышляетъ походы на Византію, также не состоявшійся. *Heyd*, I, p. 344.

²⁾ Свидѣтельство Григорія, I, стр. 979, объ уступкѣ Галаты Генуэзцамъ немедленно послѣ занятія Константинополя, то-есть въ 1261 г., невѣрно. Ср. *Heyd*, I, p. 329 примѣч.

³⁾ *Heyd*, I, p. 338.

⁴⁾ Исторія Галаты въ сочин. *Ludov. Sauli*: Della colonia dei Genovesi in Galata. Torino 1831 г. и въ общихъ чертахъ въ цитованномъ сочиненіи *Heyda*.

славнымъ Царьградомъ возникъ небольшой, но хорошо укрѣпленный латинскій городокъ съ генуэзскимъ подестою ¹⁾, съ своимъ республиканскимъ устройствомъ, съ латинскими церквами и монастырями. Теперь Генуя помимо торговаго приобретаетъ большое политическое значеніе въ имперіи. Ничтожность греческаго флота, доведеннаго до полнаго минимума при Андроникѣ ²⁾, и необходимость—вслѣдствіе опустошеній Фракіи и Македоніи Каталонцами и Турками—получать хлѣбъ и другіе предметы потребленія моремъ, ставили Византію въ полную экономическую зависимость отъ генуэзскихъ купцовъ ³⁾. Въ виду стѣсненнаго положенія имперіи, ихъ заносчивость и притязательность достигли крайней степени, и при вступленіи на престолъ Андроника Младшаго Галата была какъ бы государствомъ въ государствѣ: авторитетъ императора для нея не существовалъ. Это былъ живой наростъ у самаго сердца раздираемой со всѣхъ сторонъ имперіи. Кромѣ Галаты, мелкія торговыя колоніи Генуи были разсѣяны въ разныхъ частяхъ имперіи, какъ наприимѣръ, на Лесбосѣ, въ Кассандріи, Херсонисѣ Таврическомъ, Корфу и друг. Но наиболѣе важны въ торговомъ отношеніи были два пункта, собственно не принадлежавшіе генуэзской общинѣ, но находившіеся подъ властью одной изъ могущественнѣйшихъ генуэзскихъ фамилій — Цаккари. Фамилія эта, породнившаяся съ Михаиломъ Палеологомъ, получила отъ него въ управленіе малоазійскій городъ Фокею ⁴⁾, окрестности котораго изобиловали дорогимъ минераломъ—квасцами. Опасность со стороны сельджуэскаго эмира Сарухана заставила окрестныхъ жителей и новыхъ латинскихъ переселенцевъ выстроить близъ этого стариннаго города новую крѣпость, названную Новою Фокеею. Въ ней находили убѣжище отъ нападений Турокъ и Греки, и Латины. Съ теченіемъ времени Цаккари, совершенно изолированныя отъ имперіи, являются

¹⁾ Potestas Januensis in imperio Romaniae, Heyd I, p. 353. Омъ собственно смѣлъ представителемъ интересовъ колоніи передъ императорскимъ правительствомъ и при дворѣ императора пользовался гораздо большимъ преимуществомъ и почетомъ, чѣмъ подеста венеціанскій и консулъ пизанскій.—Ibidem.

²⁾ Pashum., II, p. 558. Жалобы Григоры на недостаточность флота: I. VI, сс. 3, 11.

³⁾ Heyd, p. 373.

⁴⁾ Съ утвержденіемъ Генуэцевъ Фокею получила и италянское имя Foglia или Folia (Heyd, I, p. 332). Исторія Фокеи подъ управленіемъ генуэзской фамиліи въ статьѣ Xonfa: Giustiniani (въ Allgemeine Encyclopedie v. Ersch и Gruber. Bd. 68).

почти независимыми владѣтелями, а Фокея все болѣе и болѣе заселяется генуэзскими колонистами, которые усердно занимаются добываніемъ квасцовъ. Въ 1304 г. Бенедиктъ Цаккари ¹⁾, подѣлываясь на защиту отъ Турокъ, выпросилъ у Андроника II управление о. Хіосомъ, пообѣщавъ выплачивать въ императорскую казну получаемые съ него доходы. Вскорѣ островъ также какъ Фокея сдѣлался собственностью Цаккари. Между тѣмъ Хіосъ былъ однимъ изъ плодороднѣйшихъ и доходнѣйшихъ острововъ на всемъ Архипелагѣ. Его рѣдкое вино и драгоцѣнная мастика (употреблявшаяся какъ благовонное и медицинское средство), вмѣстѣ съ фокейскими квасцами, сдѣлались выгодными продуктами генуэзской торговли ²⁾. Въ томъ же 1304 г., Бенедиктъ Цаккари захватилъ у Византійцевъ острова Самось и Кеосъ ³⁾. Въ 1325 г., 26-го мая, внукъ Бенедикта, Мартинъ Цаккари (сынъ преемника его Палеолога Цаккари) ⁴⁾, владѣтель Хіоса, Дамалы и Халандрицы, получилъ отъ Филиппа Тарентскаго (съ согласія жены его Катерины Валуа) титулъ деспота и короля Малой Азіи и острововъ Энуussy, Марморя, Тенедоса, Лесбоса, Хіоса, Самоса, Икаріи и Кеоса со всѣми правами и знаками королевскаго достоинства. За этотъ фиктивный титулъ Мартинъ долженъ былъ выставить ему вспомогательный отрядъ въ 500 человекъ для завоеванія Константинополя ⁵⁾.

Такимъ образомъ, на морѣ имперія находилась еще болѣе въ стѣсненномъ положеніи, чѣмъ на материкѣ. Трудно сказать — кто былъ для нея опаснѣе — Генуя или Венеція: каждому ея островку, каждому болѣе или менѣе значительному приморскому пункту одинаково угрожала захватъ въ той, или другой формѣ, со стороны обѣихъ всемірно-торговыхъ республикъ. И здѣсь, впрочемъ, было одно обстоятельство, благоприятное для Византіи. Антагонизмъ, царившій между Генуей и Венеціей во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ сталкивались ихъ интересы, не менѣе сильный, чѣмъ между Аррагонцами и Анжуйцами, указывалъ императорскому правительству средства для болѣе успѣшной борьбы и съ этими врагами. Михаилъ Палеологъ понималъ этотъ путь и умѣлъ имъ пользоваться. Андроникъ II ис-

¹⁾ *Heyd*, I, p. 359.

²⁾ *Ibid.*, I, p. 359—361.

³⁾ *Hopf*, p. 372.

⁴⁾ *Hopf*, *Chroniques Grecoromaines*, p. 502.

⁵⁾ *Hopf*, *Griechenland*, p. 408.

портить начинанія своего предшественника. Внуку его и его соправителю Иоанну Кантакузину выпадала задача поправить испорченное.

Для заключенія географическаго обзора намъ остается еще упомянуть, что островъ Родосъ и другіе прилежащія къ нему Спорадскіе острова (Калими, Симе, Леросъ, Телосъ, Халки) были потеряны для Византіи. Здѣсь утвердился (въ 1306—1309 гг.) изгнанный изъ Палестины орденъ Іоаннитовъ¹⁾. Отвоевавъ эти острова у сельджукскаго эмира Менгеске, іоаннитскіе рыцари и впоследствии вели борьбу съ Турками и этимъ можетъ быть оказали большую услугу христіанскому міру; но въ первой половинѣ XIV в. завоеванія ихъ въ Эгейскомъ морѣ были новымъ ударомъ для Восточной имперіи. Событіе это означало приходъ подрѣшенія къ врагамъ ея Латинамъ, и безъ того многочисленнымъ и сильнымъ, и дѣлало борьбу съ ними для нея еще болѣе грудною и неравною.

IV.

Трудная задача выпадала новому императору и его соправителю. Извнѣ имперіи грозили со всѣхъ сторонъ враги. Флота нѣтъ, войска недостаточно, да и то деморализовано междоусобіями предыдущаго царствованія; казна пуста, а внутри вездѣ и во всемъ упадокъ матеріальный и нравственный. Между тѣмъ нужно дѣйствовать для спасенія имперіи, и дѣйствовать неотложно. Андроникъ и Кантакузинъ вполне поняли всю неотложность энергическихъ дѣйствій и стараются возстановить славныя преданія временъ Ласкариса и Михаила Палеолога. Дать отпоръ врагамъ, расширить предѣлы имперіи и поднять упавшее ея значеніе—вотъ цѣль войнъ, наполняющихъ все царствованіе Андроника. Изъ тринадцати лѣтъ его правленія нельзя указать ни одного года, когда не было бы войны. Почти всегда онъ самъ является во главѣ войска, обыкновенно сопровождаемый и руководимый Кантакузиномъ, и обнаруживаетъ храбрость и знаніе военнаго дѣла. Съ своей стороны, они оба дѣлаютъ все возможное, и нельзя винить одно правительство, что эта продолжительная борьба, сопровождавшаяся успѣхами временными, непродолжительными, въ общемъ привнесла слишкомъ мало для поддержанія въ дальнѣйшемъ существованія имперіи. Съ одной стороны зло, повнесенное Византіей въ

¹⁾ *Hopf, Griechenland im Mittelalter, p 393.*

продолжительное царствованіе Андроника Старшаго, было трудно поправить сразу, а съ другой—вести борьбу одновременно съ многими врагами, при слабыхъ средствахъ, было не возможно.

Враждебныя дѣйствія начались прежде всего съ Болгарами. Неблаговидная посылка Михаиломъ болгарскимъ болгаро-татарскаго отряда на помощь Андронику Старшему дала поводъ къ неприязни между Андрониномъ Младшимъ и зятемъ его Михаиломъ. Уже въ 1328 г. Михаилъ переходитъ Балканы и опустошаетъ Фракію до Димотики и Адрианополя ¹⁾. Императоръ мститъ ему тѣмъ же, грабитъ южную Болгарію и беретъ Ямволи (Diampolis) ²⁾. Этими взаимными грабежами дѣло и кончается. Векоръ родственники примираются ³⁾. Въ 1330 г. въ войнѣ съ Сербіей, въ битвѣ при Вельбуждѣ Михаилъ палъ; Сербы возстановили на Терновскомъ престолѣ изгнанную Михаиломъ сестру своего краля Стефана Дечанскаго, царицу Анну, и ея сына Шишмана II, а вторая его жена, сестра Андроника, Θεодора, должна была спасаться бѣгствомъ. Наступившими смутами и думалъ воспользоваться императоръ. Какъ бы мстя за изгнаніе сестры, онъ овладѣваетъ, однимъ за другимъ, всѣми прибалканскими городами отъ Тунджи до моря (Ямволи, Розокастро, Ктенія, Айтось, Анхιάлъ, Месемврія ⁴⁾). Но Андронику не удалось расширить предѣлы имперіи въ эту сторону. Въ 1331 г., послѣдовалъ новый переворотъ въ Болгаріи. Болгары свергли Анну и Шишмана и провозгласили царемъ племянника убитаго Михаила—Александра Страцимира. Породнившись съ Сербскимъ кралемъ и Волошскимъ воеводою Бассарабой, онъ совершаетъ удачный походъ на Византію и отнимаетъ почти всѣ утраченные прибалканскіе города ⁵⁾.

¹⁾ Greg. I. IX, с. 8.

²⁾ Cantacuzenus, I. II, с. 3.

³⁾ Миръ въ Ерени (Между Созополемъ и Анхιάломъ), см. Cantacuz, I. II, с. 5.

⁴⁾ Cantacuz. II, с. 21, р. 430; Gregor. I. IX. с. 13. р. 457.

⁵⁾ Войну эту, кончившуюся миромъ въ Розокастрѣ, *Мурали* (Essai de Chronographie Byzantine, II, р. 557) относитъ къ 1333 г.; *Ладисо* же, что вѣрнѣе, къ 1332 г. (стр. 116). Разсказъ о ней у Кантакузина во многомъ не сходенъ съ повѣствованіемъ Григоры. Кантакузинъ говоритъ сперва объ удачномъ отраженіи нападенія Болгаръ и о послѣдовавшемъ за нимъ предварительномъ мирѣ, по которому будто бы за Византіей осталось значительное число спорныхъ городовъ (съ Анхιάломъ). Затѣмъ онъ продолжаетъ: «На слѣдующій день Александръ воспользовался вновь прибывшимъ татарскимъ отрядомъ и опять завязалъ бой съ императоромъ, который уже распустилъ войско. Однако Греки мужественно держались въ Розокастрѣ, такъ что Александръ просилъ мира на преже-

Союзъ съ Михаиломъ болгарскимъ въ годъ Вельбуждской битвы послужилъ поводомъ къ продолжительной войнѣ Андроника съ Стефаномъ Душаномъ (1331—1334 гг.). Война эта стояла въ связи съ заговоромъ Сиргианна, велась также упорно и сопровождалась потерей для Византіи почти всей западной Македоніи (городовъ: Охриды, Пригѣпа, Касторія, Струмицы, Хлерина (теперь Леринъ или Флорина), Желѣзнаца (тур. Дорнихисаръ) и Водены¹⁾).

Неуспѣхъ обѣихъ этихъ войнъ на сѣверныхъ границахъ обусловливался отчасти тѣмъ, что одновременно имперіи приходилось вести отчаянную оборонительную войну на востокъ. Мы знаемъ уже, какаю опасность со стороны Османовъ грозила Никеѣ и Никомидіи, послѣднимъ опорнымъ пунктамъ византійскаго владѣтельства на сѣверо-западѣ Малой Азіи. Императоръ сознавалъ необходимость оказать имъ поддержку какъ можно скорѣе. Но и здѣсь онъ терпѣть неудачу. Собравъ наскоро едва 2000-ный отрядъ, весной 1329 г., онъ съ Кантакузинимъ переправился въ Азію и близъ мѣстечекъ Пелекано и Филокрени встрѣтилъ сильное османское войско. Первый день боя остался нерѣшеннымъ для обѣихъ сторонъ; на другой день императоръ былъ раненъ; это обстоятельство произвело такую панику между Греками, что они въ беспорядкѣ бѣжали къ судамъ, оставивъ въ добычу врагамъ весь свой лагерь²⁾. Филокренская битва рѣшила участь Никен. Безъ

нихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, изъ его разказа выходитъ, что прибалканскіе города были сохранены императоромъ. Вообще Кантакузинъ старается снѣтъ съ Византійцевъ даже всякую тѣнь какой-либо неудачи. Иначе представляется дѣло у Григоры (IX, с. 13, X, с. 4). Послѣ нашествія Александра во Фракію, Андроникъ самъ вторгся въ Болгарію и истребилъ все по пути огнемъ и мечемъ, не щадя даже хлѣбъ, только что собранный въ житницы (р. 483). Онъ выгналъ и нѣкоторыя крѣпости. Но скорѣ Александръ, собравъ войско и призвавъ Татаръ, стѣснилъ Византійцевъ у Ровоастра. Месемврія и прочія крѣпости опять отпали къ Болгарамъ. Положеніе осажденных Византійцевъ было весьма затруднительно, и между тѣмъ просить мира императоръ не смѣлъ и вотъ «*Ἀλέξανδρος εἰς τὴν ὑστερίαν εἰς οἶκτον ἰὸν καὶ συμπάθειαν, κέρψας τῆ βασιλεῖ δεξιᾶν, ἀφ' ἧλων ὑπέσπυλον οἰκλὴν πορεύσασθαι ἕβν γε τῆ στρατοκέρφ παραγγεῖλας μετρίωτερον εἶνα τοῦ λόγου*» (р. 488). Разказъ Григоры безпристрастенъ. Изъ него видно, что Андроникъ вынужденъ былъ принять предложенный миръ, при чемъ отпавшіе города, конечно, были потеряны для Византіи. Въ качествѣ побѣдителя Александръ потребовалъ въ судружество своему сыну Михаилу дочь императора Марію. Бракъ этотъ состоялся позднѣе.

¹⁾ «Животи кралева и архиепископа српскихъ издао Даничић. Загреб. 1866, стр. 224—226.

²⁾ Greg. IX, с. 9, стр. 439. Разказъ Кантакузина, какъ участника и оче-

подкрѣпленія крѣпость не могла держаться; въ слѣдующемъ году (1330) Орханъ, послѣ продолжительной осады, взялъ ее штурмомъ. Въ прежней столицѣ Никейской имперіи водворилось мусульманство. Образа, священныя книги и мощи были перевезены въ Византію и здѣсь распроданы¹⁾. Получивъ доступъ къ морю, Османы начинаютъ гривить и европейскимъ владѣніямъ имперіи. Уже въ 1329 г. на 70 судахъ они пристають къ устьямъ Гебра (Марицы) и опустошаютъ окрестности городовъ Траянополя и Беры²⁾. Съ набранными наскоро войсками Андроникъ разбилъ ихъ и заставилъ удалиться въ Азію. Затѣмъ эти высадки повторяются нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Въ 1331 году императоръ снова отражаетъ турецкій конный отрядъ, грабившій берега Фракіи. Часть его въ числѣ 1600 человекъ, не успѣвшая сѣсть на суда, была совершенно истреблена Греками³⁾. Въ томъ же году, во время войны съ Болгарами, Андроникъ получилъ извѣстіе объ обложеніи Никомидіи. Неожиданнымъ появленіемъ съ значительными силами подъ стѣнами осажденнаго города онъ вызвалъ Орхана на переговоры. Государь Османовъ обѣщаль не тревожить византійскіе города въ Малой Азіи и обмѣнялся съ императоромъ подарками. Онъ послалъ ему коней, охотничьихъ собакъ (вѣроятно, ему извѣстна была страсть императора къ охотѣ), ковры и тигровыхъ шкуръ; Андроникъ же одарилъ его серебряными чашами, драгоценными сирійскими тканями и сверхъ того пожаловалъ одно изъ своихъ царскихъ облаченій, что у варваровъ, по замѣчанію Кантакузина, считается знакомъ „особеннаго почтенія и благосклонности“⁴⁾. Не смотря на такое выраженіе внѣшняго дружелюбія, Орханъ не перестаетъ стремиться къ расширенію своего государства на счетъ византійскихъ

видца событія, болѣе изобилуетъ подробностями, но не вездѣ правдоподобенъ, такъ какъ авторъ, не церемонясь въ похвалахъ себѣ и императору, въ то же время приводитъ странные факты въ родѣ того, что послѣ кровопролитнаго боя со стороны Византіи былъ убитъ всего одинъ. Панику въ войскѣ какъ главную причину пораженія при Филокрени онъ объявляетъ молвой объ убіеніи императора, распространенною приверженцами партіи Андроника Старшаго (Cantacuz. II с. с. 6, 7, 8. р. 341).

¹⁾ Greg. IX. с. 13. р. 458. *Муромтъ*, II, стр. 554, относитъ взятіе Никей къ 1331 г. Соображенія, приведенныя у *Паризо* (стр. 119, прим. 5), заставляютъ принять 1330 годъ.

²⁾ Cantacuz., II с. 13, р. 390.

³⁾ Cantacuz., II с. 21, р. 427.

⁴⁾ Cantacuz., II, с. 24, р. 467: ὁ περὶ πλείστον παρὰ τοῦς βασιλέων αστραπιακὸς δῆται ἀεὶ καὶ τιμῆς εἶναι δοκεῖ τετιμῆριον καὶ εὐμενεῖας.

земель. Лѣтомъ 1332 г., въ самый разгаръ борьбы съ Александромъ болгарскимъ за прибалканскіе города, императоръ снова является въ Азіи для защиты осажденной Никомидіи. При первомъ приближеніи Грековъ Турки отступаютъ въ свои предѣлы, съ тѣмъ чтобы по удаленіи императорскихъ войскъ возобновить осаду той же крѣпости ¹⁾. Это была уже послѣдняя помощь Никомидіи со стороны Андроника. Спустя нѣсколько дней онъ возвратился въ Болгарію и болѣе уже не имѣлъ возможности сдѣлать что-либо для сохраненія за Византіей хотя части малоазійскаго побережья. Въ томъ же 1332 г. Османы совершаютъ набѣгъ на Фракію. Одинъ конный турецкій отрядъ разоряетъ окрестности городовъ: Кисса, Поливота и Авониты ²⁾, а другой идетъ на Редесто ³⁾. Въ то же время въ руки Орхана перешелъ и Кіосъ, важнѣйшій портъ на Мраморномъ морѣ ⁴⁾. Это новое завоеваніе еще болѣе облегчило Османамъ выѣзды на морской грабежъ. Въ 1334 г. семьдесятъ судовъ явились между Аэнономъ и Палленой. Сильный турецкій отрядъ высадился въ окрестностяхъ стараго города Сермилии. Императоръ, занятый тогда войною съ Сербамъ, стоялъ въ Фессалоніяхъ, поспѣшилъ на встрѣчу неожиданнымъ врагамъ и благодаря своей военной находчивости нанесъ имъ полное пораженіе. Почти всѣ суда были истреблены, а сами Турки перебиты или взяты въ плѣнъ ⁵⁾. Затѣмъ на нѣсколько лѣтъ Орханъ оставилъ въ покоѣ имперію; онъ занялся распространеніемъ своей власти надъ соедѣнными сельджукскими эмирствами и въ 1335 году покорилъ эмирство Караси ⁶⁾. Наконецъ дошла очередь до безпощадной Никомидіи. Въ 1337 г. пала эта послѣдняя византійская твердыня на сѣверо-западѣ Малой Азіи; вмѣстѣ съ нею окончательно пала и власть имперіи на южномъ берегу Мраморнаго моря. Государство Орхана достигаетъ теперь значительныхъ размѣровъ и становится все грознѣе и грознѣе для имперіи и всего Балканскаго полу-

¹⁾ Cantacuz., II с. 26, р. 459.

²⁾ Κίσσος, Πολύβοτος, Ἀβονίτη, Cantacuz. II, с. 22, р. 435.

³⁾ Ibidem. Ραιδέστος — на Мраморн. морѣ близъ Гераклеи.

⁴⁾ Собственно это былъ портъ для Након. Ср. Parisot, р. 120.

⁵⁾ Cantacuz., II. с. 25, р. 455. Въ группировкѣ турецкихъ нападений на Фракію, а равно въ распредѣленіи всѣхъ событій царствованія Андроника, я слѣдую прекрасно установленной хронологіи Parisot, стр., 111—121. Хронологія *Муралма* не вездѣ удовлетворительна.

⁶⁾ Zinkeisen, Geschichte des Osman. Reiches, I, 114—117. Parisot. p. 120.

острова¹⁾. Набѣги на Фракію еще болѣе учащаются; въ теченіе слѣдующаго 1338 г. они совершаются непрерывно, такъ что, по словамъ Григоря, историкъ этого года не о чемъ и говорить, какъ о постоянныхъ нашествіяхъ Турокъ²⁾. Одна изъ высадокъ этого года, руководимая самимъ Орханомъ, была направлена на самый Константинополь. Не смотря на свои большія силы (36 судовъ), Турки и на этотъ разъ были отброшены Андроникомъ и Кантакузинимъ съ большимъ урономъ³⁾. Тѣмъ не менѣе въ 1339 г. 800 Турокъ опять переправляются черезъ Геллеспонтъ и безнаказанно опустошаютъ всю Фракію до Болгаріи. На этотъ разъ имъ предоставлялась полная свобода дѣйствій, такъ какъ императоръ, какъ увидимъ ниже, со всѣмъ войскомъ находился въ западныхъ провинціяхъ имперіи⁴⁾.

Такъ быстро росла сила Османовъ. Андроникъ не могъ помѣшать этому росту и едва успѣвалъ оборонять столицу и фракійское побережье отъ частыхъ нападеній этихъ новыхъ, столь опасныхъ сосѣдей. Онъ не только не былъ въ состояніи, при всемъ своемъ желаніи, предпринять что-либо болѣе внушительное, чѣмъ филокренскій походъ, для нанесенія рѣшительнаго удара мусульманскимъ завоевателямъ, но не имѣлъ даже наготовѣ войска для обороны южной границы.

---

¹⁾ Greg. XI, с. 6, р. 545. *Parisot*, 139. Кантакузинъ умалчиваетъ о потерѣ Никеи и Никоидіи,—одно изъ доказательствъ необъективности его разсказа; онъ не только повсюду старается сгладить и прикрасить печальныя стороны царствованія Андроника и своего правленія, но ради ложной идеализаціи своего монарха не останавливается передъ умышленнымъ игнорированіемъ такихъ важныхъ событій, какъ завоеваніе Турками этихъ двухъ городовъ.

²⁾ Gregor. XI, с. 6, р. 545. τῶ μόνῳ μετὰ ταῦτα ἐνιαυτῷ οὐδὲν ἱστορίας ἄξιον πέπραχται πλὴν ὅτι συνεχῶς τε καὶ ἀεὶ καὶ κατὰ πλήθη κατέβραμόν τε καὶ κατὰ τρέχουσι Θράκην οἱ Τούρκοι. τοῦτο γάρ, ὡς ἐγινωσκόμενον ἤδη καὶ σύνηθας, ὀκνῶ διηγεῖσθαι.

³⁾ *Muraltz* (стр. 567) и *Цинкельзен* (стр. 189) относятъ это нападеніе Орхана къ 1337 г., основываясь вѣроятно на томъ, что Григоръ говоритъ о немъ раньше, чѣмъ о взятіи Никоидіи. Разчетъ *Паризо* (стр. 138) который ставитъ это событіе въ концѣ 1338 г., кажется мнѣ вѣрнѣе. Разсказы Кантакузина и Григоря объ этомъ дѣлѣ во многомъ не сходятся между собою и одинаково содержатъ несообразности. Такъ у Григоря императоръ на 3 судахъ беретъ 14 неприятельскихъ кораблей (изъ 24), а Кантакузинъ съ 70 отборными воинами на голову разбиваетъ турецкій десантъ, при чемъ до 1000 Турокъ пали и до 300 было взято въ плѣнъ, со стороны же Византійцевъ, при такомъ кровопролитномъ боѣ не было ни одного убитаго. Самъ авторъ, вообще относящійся серьезно къ исторіи, удивляется такому успѣху и объясняетъ его Промисломъ Божиимъ.

⁴⁾ Gregor. XI, с. 7, р. 548.

Всегда ему приходится или наскоро набирать войска, или отводить ихъ съ другаго театра войны.

Въ то время какъ Османн грозятъ европейскимъ границамъ имперіи, въ южной части Эгейскаго моря свирѣпствуютъ другіе мусульмане. Турки-Сельджуки (прибрежныхъ малоазійскихъ эмирствъ: Караси, Сарухана, Андины и Ментесе) со времени каталонской кампаніи, въ которой принимали видное участіе, хорошо ознакомившіеся съ Балканскимъ полуостровомъ, организуютъ систематическіе разбои на Эгейскомъ морѣ. Во второй четверти XIV в. отъ ихъ хищныхъ набѣговъ терпятъ всѣ острова Архипелага и весь восточный берегъ Греціи. Сельджукскіе пираты не шадли ни Грековъ, ни Латиновъ, ни своихъ союзниковъ Каталонцевъ, и не довольствовались простою добычею, уводили отовсюду массы народа въ рабство. Аеины и Негропонтъ, Морея и Бизлады, вслѣдствіе постоянного междоусобія ихъ латинскихъ владѣтелей (Анжуйцевъ съ Аррагонцами, Хизи съ Санудо, Венеціи съ Генуею и проч.), оставались беззащитными противъ нападений Турокъ. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ герцогства Накса было вывезено до 15 тысячъ человекъ. Не получая помощи отъ Венеціи, едва защищавшей собственно ей принадлежавшіе острова (Критъ и Евбею), герцогъ Накса, Николай I Санудо, ищетъ поддержки у Андроника, посылаетъ ему отъ себя 6 судовъ, 100 рыцарей и богатые подарки ¹⁾. Въ 1331 г. Турки увели въ рабство болѣе 25000 христіанъ, Грековъ и Латиновъ. Въ маѣ и іюнѣ 1332 г. повторилось новое нашествіе: 380 турецкихъ судовъ, съ экипажемъ болѣе 40,000 чел., два мѣсяца грабятъ и опустошаютъ Архипелагъ и берега Греціи; даже венеціанскій байлъ на Негропонтѣ былъ вынужденъ заплатить имъ дань, чтобы спасти отъ окончательнаго разоренія городъ Евбею ²⁾. Эти нападенія не прекращаются и послѣ Григора подъ 1335 г. сообщаетъ, что Турки на многочисленныхъ судахъ развѣзжаютъ безпрепятственно по Эгейскому морю, грабятъ острова, захватываютъ суда и высаживаются на материкъ Греціи, гдѣ распоряжаются какъ дома, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія ³⁾. Сельджукскіе Тур-

¹⁾ Cantac., II, 12. p. 385 и письмо Санудо у Хонфа, стр. 425.

²⁾ Sanudo, Ep. V; ed. *Kunstmann*, p. 797; Gio. Villani X, 202 (у *Muratori*, XIII, p. 723); *Fragmenta annalium Romanorum* у *Muratori*, XII, p. 534; *Hopf*. 426.

³⁾ *Gregor*, XI, l. c., p. 523. καθάπερ ἐν φίλιᾳ γῆ, μηδὲνα τὸν προσιστάμενον ἔχοντες.

ки заѣзжаютъ и къ берегамъ Фракіи, но въ царствованіе Андроника, съ усиленіемъ Османскаго царства, сферой ихъ грабежей была преимущественно южная часть Эгейскаго моря; собственно византійскія области не терпѣли со стороны этихъ хищниковъ ¹⁾.

Андроникъ и Кантакузинъ хорошо поняли изолированное положеніе сельджукскихъ эмирствъ между Османами и Латинами, вступили въ дружественныя отношенія съ важнѣйшими изъ эмировъ (Караси, Саруханомъ и Андивомъ) и такимъ образомъ не только обезопасили имперію со стороны этихъ опасныхъ мореходовъ, но и нашли въ нихъ хорошихъ союзниковъ для совмѣстной борьбы съ латинствомъ. Это была большая ихъ заслуга. Къ сожалѣнію, Кантакузинъ впоследствии упустилъ изъ виду государственное значеніе этого союза съ Турками и слишкомъ неумѣренно воспользовался ими для своихъ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей. Но это было позже, теперь же эта политика имѣла весьма разумное основаніе и прошла не безъ пользы.

Мысль такого союза явилась у Андроника сряду послѣ вступленія на престолъ (въ 1328 или въ началѣ 1329 г.). Императоръ, говоритъ Кантакузинъ, отправился въ Кизия, имѣя въ виду поклониться нерукотворному образу Хиртонійской Божіей Матери, а главное повидаться съ фригійскимъ эмиромъ Демир-ханомъ ²⁾. Свиданіе произошло въ г. Пигахъ, недалеко отъ Кизіа, на границѣ эмирства Караси. Сюда явился по приглашенію Андроника Демир-ханъ, выказалъ ему, какъ императору, знаки благоговѣнія и послѣ переговоровъ обѣщавъ никогда не тревожить владѣній имперіи. Обѣщаніе свое, по свидѣ-

---

¹⁾ Указанныя выше нападенія Турокъ на Фракію въ 1329, 1331, 1332, 1334 и 1338 годахъ мы относимъ къ Османамъ, а не къ Сельджукамъ (вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ) на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) правда, византійскіе историки, современники этихъ событій, не объясняютъ точно, какіе это были Турки, но внимательное чтеніе Кантакузина и Григоры приводитъ къ убѣжденію, что вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ отдѣльныхъ случаяхъ турецкихъ вторженій, слова Перси и Тобри относятся къ ближайшимъ къ Византіи Туркамъ-Османамъ; всякое же сельджукское нападеніе тотъ и другой писатель обыкновенно опредѣляютъ ближе указаніемъ того эмирства, къ которому принадлежали нападавшіе, чего въ разбираемыхъ случаяхъ нѣтъ; 2) всѣ эти нападенія касаются восточной части Фракіи, ближе къ царству Османовъ, которые на берегу Мраморнаго моря уже господствовали надъ Сельджуками; 3) важнѣйшіе изъ сельджукскихъ эмирствъ были въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Византіи.

²⁾ Внукъ извѣстнаго Караси; вѣсть съ отцомъ Іаксой (Γιάκωσ) ояъ правилъ областью Мармора; *Parisot*, p. 98, not. 4, и 99; note 2.

тельству Кантакузина, онъ сдержалъ вполне ¹⁾). Цѣлью этого договора съ ближайшимъ изъ сельджукскихъ эмировъ было обезпечить задуманный для освобожденія Никеи походъ, который, какъ мы видѣли, все-таки кончился неудачно. Дальнѣйшія сношенія Андроника съ Сельджуками стоятъ въ связи съ его предпріятіями противъ Латиновъ и попытками расширить предѣлы имперіи на югѣ Балканскаго полуострова. Мы рассмотримъ ихъ совместно съ этими послѣдними.

Недавно потерянный богатый островъ Хиосъ прежде всего остановилъ вниманіе императора. Мартинъ Цаккари, владѣтель острова, въ силу договора дѣда своего Бенедикта съ Андроникомъ Старшимъ обязанный признавать верховную власть императора и получать отъ него каждыя десять лѣтъ подтвержденіе во владѣніи островомъ, теперь отвергъ всякую зависимость. Чтобы лучше обезпечить за собою обладаніе островомъ, онъ строить на немъ цѣлый рядъ укрѣпленій. Тяжелыя работы и новыя налоги возбудили противъ него недовольство населенія. Этимъ недовольствомъ сумѣлъ воспользоваться Кантакузинъ; благодаря его интригамъ, греческое населеніе было подготовлено къ встрѣчѣ императорскихъ войскъ, а самому Мартину выставленъ соперникомъ его братъ Бенедиктъ II. Не смотря на Филокренское пораженіе, Андроникъ подготовилъ значительныя силы и осенью 1329 г., послѣ отказа Мартина на требованіе—подчиниться добровольно, византійскій флотъ, въ числѣ 115 судовъ, окружилъ Хиосъ. Вся выгода была на сторонѣ Андроника; островъ вскорѣ сдался. Мартинъ взытъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Царьградъ; всѣмъ объявлена амнистія, народъ облегченъ отъ податей. Бенедикту II предложено было управлять Хиосомъ, но съ тѣмъ, чтобъ онъ признавалъ власть императора и ежегодно выплачивалъ ему половину доходовъ. Гордый Генуэзец меч-

¹⁾ Сцена встрѣчи Демир-хана съ Андроникомъ, описанная Кантакузиномъ, (II, с. 5), весьма характерна; она хорошо свидѣтельствуетъ, какой высокій взглядъ на императора держался у восточныхъ народовъ даже въ XIV в., въ періодъ полнаго упадка имперіи. Считаемо не лишнимъ привести ее въ транскрипціи: ἀπὸ γὰρ Κουζίκου εἰς Πηγὰς πόλιν τὴν κατὰ Ἑλλησπόντον ἔλθων, μετακαλεῖτο τὸν Ταμνηράνην καὶ ὃς ἀφικτό τε κατὰ τάχος καὶ μετὰ πολλῆς τῆς μετριότητος καί, οἷον εἰπεῖν, δουλείας συνεγένετο τῷ βασιλεῖ, ὡς γὰρ ἔγγυς ἐγένετο ὅσον ὄραν τε τὸν βασιλέα καὶ ὄρασθαι παρ' αὐτοῦ, αὐτὸς τε καὶ ἄλλοι Πέρσαι τῶν ἱππῶν καταβάντες καὶ προσελθόντες ἐπὶ μικρόν, οἱ μὲν ἄλλοι πάντες ἄπωθεν τὸν βασιλέα προσεχόνουσι, τὰς κεφαλὰς ἐρείσαντες ἐπὶ τὴν γῆν· αὐτὸς δ' ἄχρι βασιλείως ἔλθων περὶ προσκύνει τε καὶ ἠσπόατο τὸν βασιλέως πόδα, ἔπειτα ἐπιπικρὸς γενόμενος, μόνος μόνῃ συνεγένετο τῷ βασιλεῖ. (р. 340).

талъ быть независимымъ владѣтелемъ и не согласился на такіа условия. Выпросивъ у Андроника два судна, онъ со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Галату. Здѣсь онъ нашелъ поддержку у своихъ соотечественниковъ. Это было первое чувствительное проявленіе зла для имперіи въ существованіи у самой ея столицы независимой отъ нея укрѣпленной генуэзской колоніи. Черезъ нѣсколько времени Бенедиктъ съ восемью галато-генуэзскими судами сдѣлалъ попытку захватить Хиосъ, но былъ совершенно разбитъ и вскорѣ умеръ. Смерть его избавила Византію отъ врага, который могъ бы причинить ей много затрудненій. Хиосъ былъ возвращенъ имперіи и оставался за нею до 1346 года ¹⁾).

Изъ Хиоса императоръ отправился въ Старую Фокею, еще принадлежавшую имперіи, и здѣсь завязалъ дружественныя сношенія съ сосѣдними сельджуекскими эмирами — Саруханомъ и Андиномъ. Саруханъ явился лично въ Фокею, съ рабскимъ смиреніемъ принялъ отъ императора дары и заключилъ съ нимъ союзный договоръ ²⁾), Андинъ же сказался больнымъ и прислалъ для привѣтствованія императора и поднесенія даровъ блестящую депутацію. Съ нимъ, слѣдовательно, не было заключено особаго союза; кажется, онъ пока не нуждался въ императорѣ, и какъ сейчасъ увидимъ, имѣя свои цѣли, не хотѣлъ себя связывать обязательствами ³⁾). Покончивъ дипломатическую часть своей поѣздки въ Малой Азій, Андроникъ подступаетъ къ Новой Фокеѣ, чтобъ и здѣсь возстановить власть имперіи. Въ 1314 г., здѣсь прекратилась генуэзская фамилія Цаккари и богатая колонія перешла въ руки Андрея Каттанео. Самого Андрея не было въ городѣ. Правившій вмѣсто него, дядя его Арриго (Αρῆγος). Тартаро, не смѣлъ оказать сопротивленіе императору, отворилъ ворота и съ покорностью поднесъ ему ключи крѣпости. Андроникъ остался этимъ доволенъ и предоставилъ до времени намѣстничество въ Новой Фокеѣ тому же Андрею Каттанео ⁴⁾). Но довѣріе императора къ хитрымъ Генуэзцамъ

¹⁾ Cantac., II, сс: 10, 11, 12.

²⁾ καὶ μετὰ τῆς προσκοίσεως αὐτῷ προσελθόντι μετριότητος καὶ οὐκ εἰπεῖν δουλείας. Cantac., II, с. 18, р. 388.

³⁾ Тѣмъ болѣе вниманіе, оказанное Андроннику, указываетъ, какъ Сельджуки, фактически не завлея отъ имперіи, не могли не сознавать надъ собою законности верховной высшей власти.

⁴⁾ Хейдъ (Le Colonie, I, р. 376, примѣч.), вопреки свидѣтельству Бантакузина, принимаетъ, что обѣ Фокеи принадлежали дому Каттанео, на томъ основаніи, что не находитъ указаній времени, когда бы старая Фокея, доставшаяся

не оправдалось. Преемникъ Андрея († 1331 г.), Доменико Каттанео, не только не признаетъ никакой зависимости отъ Византіи, но по примѣру своихъ предшественниковъ предпринимаетъ новые захваты ея владѣній.

Неискренность Андина также не замедлила обнаружиться. Въ 1332 г. черезъ 15 дней послѣ заключенія мира съ Александромъ болгарскимъ въ Розовастрѣ, сынъ Андина Омуръ ¹⁾ на 75 судахъ прошелъ мимо Самооракіи и присталъ во оракійскомъ портѣ Порось. Императоръ, получивъ извѣстіе о появленіи Турокъ, немедленно явился съ войскомъ въ Кумуцену, недалеко отъ мѣста ихъ высадки. Однако сраженія не произошло. Цѣлый день противники простояли другъ противъ друга. Затѣмъ Турки первые по гречески ²⁾ вступили въ переговоры. Странно: Омуръ заявляетъ, что не ожидалъ встрѣтить помѣхи своему грабежу, и обманувшись въ ожиданіи, считаетъ за лучшее не завязывать боя. Византія также не имѣла нужды мѣшать отступленію Турокъ. Передавая эти переговоры, Кантакюзинъ какъ будто что-то умалчиваетъ. Очевидно, кромѣ готовности Грековъ къ бою, на Омурѣ должно было подѣйствовать напоминаніе о дружественныхъ отношеніяхъ императора къ его отцу. Какъ бы то ни было Оракія на этотъ разъ избѣгла разграбленія, которому такъ часто подвергалась.

предшественникамъ Каттанео — Цаккарн отъ Михаила Палеолога, опять перешла къ Византіянамъ. Но прежде всего нужно замѣтить, что мнѣніе объ уступкѣ Старой Фокеи въ обладаніе генуэзской фамиліи при Михаилѣ Палеологѣ, котораго держится и Хопель (Giustiniani — Encyclop. v. Ersch u. Grub. Bd. 68 p. 310) не находитъ подтвержденія себѣ въ источникахъ. Георгій Пахмеръ (I, p. 420, Ed. Bonn.) говоритъ весьма кратко только о предоставленіи Мануилу Цаккарн красновыихъ копей. Дука подробно рассказываетъ объ утвержденіи Генуэзцевъ въ окрестностяхъ Фокеи и о возникновеніи Новой Фокеи, но ничего не говоритъ о переходѣ къ колонистамъ и Старой Фокеи: ὡς οὖν ἤθεοντο οἱ Ἴταλοὶ τῶν τοῦρκων ἐφοδὸν φοβηθέντες ἤρξαντο οἰκοδομᾶν φρούριον τι μικρότατον... читаемъ мы въ его исторіи (Ed. Bonn., стр. 161) и далѣе: ἦσαν δὲ οἱ βῆθέντες τῆς πόλεως αὐτῆς κτήτορες ἐκ τῶν Καταβῶν Γενουῖται Ἀνδρέας καὶ Γιάκωβος καὶ τὴν ἐκωνομίαν ἐκ τῆς παλαιτέρας φωκίας ἐκτήσατο, ταύτην νέαν φωκίαν καλεῖσάντες, ἐν ἣ καὶ οἰκήσιν κτίτηται. Затѣмъ Кантакюзинъ лучше чѣмъ кто либо долженъ былъ знать дѣло, и свидѣтельство его такъ ясно, что не вѣрять ему нельзя.

¹⁾ Ἀμοῦρ—у Кантакюзина, Омοῦρ у Дуки.

²⁾ Cantab., II, с. 28, p. 471: οἱ βάρβαροι πρότερον Ἑλληνιστὶ πρὸς Ῥωμαίους εἶπον.

Самое нападеніе это Сельджуковъ на предѣлы имперіи, оставшееся безъ послѣдствій, составляетъ исключительное явленіе въ царствованіе Андроника Младшаго; болѣе оно не повторяется. Въ виду опасности отъ Османовъ, Сельджуки все болѣе ищутъ союза съ императоромъ; самъ виновникъ нападенія — Омуръ дѣлается лучшимъ союзникомъ Андроника и преданнымъ другомъ Кантакузина. Поводомъ къ этимъ отношеніямъ послужила новая война съ Латинами. Страшныя опустошенія, производимыя въ архипелагѣ Сельджуками, о которыхъ мы говорили выше, заставили разрозненныхъ латинскихъ князей подумать объ общемъ отпорѣ. Обратились за содѣйствіемъ къ папѣ. Іоаннъ XXII составилъ проектъ крестоваго похода, въ которомъ приглашались принять участіе: короли — Французскій — Филиппъ и Неапольскій — Робертъ, Венеція, король Кипрскій, родосскіе рыцари и императоръ Андроникъ ¹⁾. Послѣдній, говоритъ Григоръ ²⁾, не смѣлъ отказаться. Это понятно. Онъ могъ сочувствовать коалиціи только противъ Османовъ, а не противъ Сельджуковъ; но уклониться отъ участія въ коалиціи, въ виду силы ея, было невозможно. Императорская казна была пуста, пришлось послать собирать налоги по Фракіи и Македоніи, и безъ того разореннымъ. Флотъ однако былъ приготовленъ, но понадобился на другое дѣло. Предположенный на 1336 г. крестовый походъ такъ и не состоялся. Только въ 1334 г. соединенная эскадра западныхъ владѣтелей ³⁾, подъ начальствомъ Джіовани де Кепуа (Giovanni de Cerou), разбила турецкій флотъ и разграбила кое-гдѣ турецкіе берега. Византійскій флотъ тутъ не участвовалъ. Андроникъ былъ занятъ дѣлами въ Фессалии и могъ сослаться, что онъ не готовъ еще, такъ какъ крестовый походъ былъ назначенъ на 1336 г. ⁴⁾. Въ самый 1336 г. вооруженными выступили только латинскіе государи: родосскіе рыцари, герцогъ Накса и владѣтель Фокей. Но эти борцы за угнетенное христіанство повторили въ маломъ видѣ то, что сдѣлали въ 1204 г. въ большомъ размѣрѣ участники четвертаго крестоваго похода. Въмѣсто борьбы съ невѣрными, имъ пришла счастливая мысль отнять у Византіи Лесбосъ. При этомъ

¹⁾ *Raynaldus*, *Annales ecclesiastici*, sub. ann. 1333.

²⁾ XI, с. 1, р. 523.

³⁾ *Raynaldus*, sub. an. 1334 n. VII. *Giov. Villani*, l. XI, с. 18.

⁴⁾ Этимъ событіемъ, мнѣ кажется, устраняется противорѣчіе, которое усматривается Хейдъ (стр. 377) между показаніями Григоры и западныхъ источниковъ: первый говоритъ о 1336 г., а вторые о 1334 г.

дѣло устроилось такъ, что владѣтель Фокеи, Доменико Каттанео, воспользовавшись услугами остальныхъ двухъ союзниковъ, насмѣялся надъ ними, совершенно лишивъ ихъ добычи. Весь островъ, за исключеніемъ Ересса и Митилены, стойко выдержавшихъ напоръ Латиновъ, перешелъ въ его личное владѣніе; въ Митилену онъ перенесъ и свою резиденцію, а въ Фокею оставилъ гарнизонъ подъ начальствомъ Одоарда. Успѣхъ Каттанео вызвалъ большую радость между Галато-Генуэзцами. Не видя особеннаго расположенія къ Генуѣ со стороны Андроника Младшаго и раздраженіемъ возобновленіемъ сношеній съ Венеціей ¹⁾, они принимаютъ по отношенію къ Византіи все болѣе угрожающее положеніе и не признаютъ принятыхъ обязательствъ, а укрѣпленія ихъ колоніи, не смотря на запрещенія, растутъ съ каждымъ днемъ. При такомъ положеніи дѣлъ, прежде чѣмъ отправиться на защиту Лесбоса, императоръ рѣшился обезопасить столицу со стороны услужливыхъ сосѣдей. Онъ потребовалъ срытія укрѣпленій, со всѣхъ сторонъ окружилъ Галату и голодомъ принудилъ смириться заносчивыхъ Генуэзцевъ ²⁾. Но они не совсѣмъ унялись. Едва Андроникъ отплылъ къ Лесбосу, какъ въ Константинополѣ былъ открытъ заговоръ деспота Димитрія, оставшійся впрочемъ безъ послѣдствій. Галатцы приняли въ немъ участіе. Суда ихъ, вмѣстѣ съ пришедшими въ Галату генуэзскими, готовы были напасть на византійскій флотъ, стоявшій у Лесбоса, но открытіе заговора и принятія императоромъ мѣръ помѣшали ихъ плану. Между тѣмъ греческое населеніе Лесбоса помогло сильному византійскому флоту (84 корабля) отнять у Латиновъ почти весь островъ. Только въ Митиленѣ сидѣлъ еще Доменико Каттанео. Поручивъ осаду этого города вивернѣ Филантропену, самъ императоръ съ болѣею частію флота отправился на Фокею. Здѣсь прежде всего онъ вступаетъ въ сношенія съ Саруханомъ. Этотъ эмиръ, завоевавшій всю страну вокругъ Фокеи, не могъ взять этой крепости и только обязалъ владѣвшихъ ею Генуэзцевъ выплачивать ему ежегодно известную сумму ³⁾. Однако столкновенія между Фокейцами и Турками продолжались, и первые нерѣдко брали перевѣсъ. Такъ по послѣднему миру съ Саруханомъ они задержали въ качествѣ заложниковъ сына самого эмира Солимана (Σολιμάν—Σαρχάνης) и 24 другихъ знатныхъ Турокъ. Желая освобо-

¹⁾ Heyd, p. 378.

²⁾ Greg., XI, c. 1, 2, p. 527, 528.

³⁾ Heyd, p. 380.

дять ихъ, онъ охотно согласился оказать императору помощь противъ Латиновъ; 24 судна его, значительная пѣхота и конница присоединились къ императорскимъ войскамъ, осаждавшимъ Фокею ¹⁾. Синовья другаго эмира Андина: Хетиръ (Χετήρ) Омуръ и Сулема (Σουλαίμασας) также явились привѣтствовать Андроника и засвидѣтельствовать ему о своемъ доброжелательствѣ ²⁾. Всѣмъ имъ былъ оказанъ отличный пріемъ, всѣ удостоены императорскихъ даровъ. Одинъ же изъ нихъ— Омуръ—выказываетъ особенное сочувствіе императору и присылаетъ въ его распоряженіе 30 кораблей. Этимъ сочувствіемъ и помощью Андроникъ былъ обязанъ Кантакузину, который завязалъ самую тѣсную дружбу съ Омуромъ. Великій доместикъ говоритъ, что еще раньше, до Фокейской войны (вѣроятно, со времени нападенія въ 1332 г. на Кумуцену) онъ питалъ расположеніе къ этому турецкому принцу и былъ съ нимъ въ перепискѣ ³⁾. Теперь, встрѣтившись у Фокеи, онъ еще болѣе укрѣпилъ дружескія связи. Въ городѣ Клазоменахъ у нихъ состоялось интимное свиданіе; своими рѣчами и обращеніемъ Кантакузинъ такъ подѣйствовалъ на Омурѣ, что послѣдній изъявилъ готовность служить императору, какъ своему государю ⁴⁾ и всегда оказывать ему помощь и отказался отъ всякой дани, которую ему платила византийская Филадельфія ⁵⁾. Въ этой дипломатической дѣятельности, о которой Кантакузинъ разсказываетъ въ горделиво-хвастливомъ тонѣ, несомнѣнно видѣтъ государственный человѣкъ, понимающій интересы имперіи. Но съ другой стороны нельзя не видѣть въ ней и личныхъ, частныхъ интересовъ. Кантакузинъ всюду ищетъ себѣ друзей, которые могли бы поддержать его, когда онъ будетъ въ томъ нуждаться. Впрочемъ это отдѣленіе интересовъ государственныхъ отъ личныхъ скажется позже; теперь же для Кантакузина, при его положеніи, они сливаются. Судамъ Омурѣ однако не пришлось принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Латиновъ; онъ отпустилъ ихъ назадъ, какъ только исчезла опасность нападенія со стороны Генуэзцевъ и Галатцовъ. Бывшія на лицо

¹⁾ Cantac. II, c. 29, p. 480.

²⁾ «προσῆλθόν τε κατὰ φίλιαν καὶ προσεκόνησαν καὶ ἐπηγγείλαντο εὖνοι ἕσσεσθαι καὶ φίλοι βασιλεῖ. Ibidem, p. 481.

³⁾ «Ὁ γὰρ μέγας δομέστικος καὶ πρότερον μὲν εἶχε πρὸς Ἀμοῦρ φίλιως καὶ γράμμασιν αὐτῷ ὠμίλει». Ibid., p. 482.

⁴⁾ βασιλεῖ τε ἐπεισε προσέχειν ὡς δεσπότη καὶ τῶν ὑπέκειντο τελόντων ἐπιφανῶν Ῥωμῶν νομιζεῖν ἕνα». Ibid., p. 483.

⁵⁾ Cant. II, c. 30, p. 483.

войска императора и Сарухана были достаточны для обложенія Митилены и Фокеи. Но оба пункта были такъ хорошо укрѣплены и въ изобиліи снабжены провіантомъ, что осада затянулась на пять мѣсяцевъ. Одоардъ выслалъ изъ Фокеи всѣхъ Грековъ и этимъ грозилъ отсрочить сдачу города еще на значительное время. У византійскихъ стратиговъ въ XIV в., не смотря на существованіе осадныхъ машинъ, вымариваніе гарнизона и жителей голодомъ практиковалось какъ наиболѣе вѣрное средство для овладѣнія желаемыми городами. Приходилось довести его до конца и въ настоящемъ случаѣ. Но дипломатія Кантакузина, съ которою онъ всегда является на помощь императору, значительно ускорила развязку всего дѣла. Онъ вступилъ въ сношенія съ однимъ изъ вліятельныхъ Генуэзцевъ, знакомымъ съ греческимъ языкомъ и образованіемъ, Іоанномъ де-Спину (Ντσοσαν νῆς Ἐπίμα), убѣдилъ его въ неминувости скорого паденія обоихъ осажденныхъ пунктовъ и предоставилъ ему просить относительно выгодныхъ для Фокейцевъ условій, на которыхъ могла бы состояться добровольная сдача. Спину сообщилъ условія Доменику Каттанео, а тотъ принялъ ихъ. Каттанео окончательно долженъ былъ сдать Митилену; въ Фокеѣ онъ оставленъ намѣстникомъ императора; Солиманъ и другіе турецкіе заложники возвращены Сарухану; императоръ отказался отъ вознагражденія за военные расходы и объявилъ амністію участникамъ въ войнѣ, обязавшись выхлопотать такую же и у Генуи (которая, согласно трактатамъ, обязана была наказывать всякаго изъ членовъ своей общины, кто покусится на владѣнія имперіи). Наконецъ, Фокейцамъ предоставлено право свободной торговли во всей имперіи ¹⁾. Трактатъ составленъ очень искусно и знаменовалъ для имперіи значительный политическій успѣхъ. Возвращая ей утраченный недавно важный островъ, онъ восстанавливалъ ея обаяніе на Архипелагѣ и у сельджуцкихъ эмировъ, которые, какъ видно, могли оказать ей существенную опору въ ея борьбѣ, какъ съ Османами, такъ и съ Латинами. Въ Фокеѣ верховная власть императора возобновлена только номинально: Генуэзцы оставлены управлять ею; но дѣя ихъ владычества уже были сосчитаны. Вся эта счастливая война значительно оживила греческій элементъ ея населенія, подняла его духъ. Черезъ четыре года, въ 1340 г., Греки подняли восстаніе, Латины были изгнаны, и Фокея окончательно возвращена имперіи.

¹⁾ Cantacuz., II, с. 30—31; Greg., XI, с. 1, 2.

Торговныя льготы, дарованныя по трактату Фокейцамъ, также имѣли свой смыслъ: онѣ должны были ослабить значеніе Галаты и служить ей наказаніемъ за открытую враждебность къ Византіи, обнаруженную въ лесбосской войнѣ.

Вотъ все, что успѣлъ сдѣлать Андроникъ на Архипелагѣ. Онъ возвратилъ имперіи Хіосъ и Фокейю и защитилъ Лесбосъ противъ притязаній Латиновъ. Онъ не могъ думать о дальнѣйшихъ присоединеніяхъ въ эту сторону, потому что вниманіе его и военныя силы, кромѣ обороны Фракіи и Македоніи съ сѣвера и юга, отвлекали дѣла въ Албаніи, Эпирѣ и Фессаліи. Стояло на очереди воссоединеніе этихъ греческихъ земель съ Византіей. Андроникъ удачно выполнилъ его. Турки-Сельджуки и здѣсь оказываютъ ему поддержку.

Мы видѣли, что Андроникъ Младшій, при вступленіи на престолъ, утвердилъ вліяніе имперіи въ части Албаніи и заставилъ деспота Эпирскаго Іоанна Ангела признать верховную власть Византіи. Филиппъ Тарентскій, видя въ этомъ ослабленіе значенія Анжуйцевъ на Адриатикѣ, затѣялъ походы въ Эпиръ, для чего вошелъ въ сношенія съ албанскими вождями (въ іюнѣ 1331 г.). Предназначенный къ этому походу, сынъ его Филиппъ, такъ называемый „деспотъ Романіи“, внезапно умеръ въ іюнѣ 1331 г. Тогда онъ поручилъ осуществленіе своихъ правъ на Романію зятю своему Вальтеру Бриенскому (женатому на дочери Филиппа, Беатриче), который, какъ законный претендентъ на завоеванное Каталонцами Аюинское герцогство, долженъ былъ соединить свой походъ на Віотію съ завоеваніемъ Эпира для тестя. Въ награду за это ему обѣщалось отъ Катерины, титулованной императрицы Романіи, главное намѣстничество во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ Романіи. Въ августѣ 1331 г., Вальтеръ началъ кампанію. Онъ взялъ Левкаду, Вотицу; Арта также сдалась ему. Іоанну положилъ предъ нимъ оружіе и черезъ особаго посла принесъ денную присягу Неапольскому королю Роберту, который за это призналъ его наслѣдникомъ Ангеловъ. Попытка Вальтера завоевать Віотію и Атику не удалась ¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ усиленіемъ Анжуйцевъ въ Эпирѣ, поднималась опасность для имперіи и со стороны Албаніи. Въ томъ же 1331 г., 26-го декабря, умеръ „императоръ“ Филиппъ Тарентскій. Послѣ продолжительныхъ споровъ, его политическое наслѣдство было распределено такимъ образомъ: императорскій титулъ, фантастическая им-

¹⁾ *Hopf*, p. 429.

перія „Романія“ со всіма верховными ленными правами и Морея — отошли ко вдовѣ Филиппа—Катеринѣ и старшему сыну ея Роберту; всё же анжуйскія владѣнія на восточномъ берегу Адриатикѣ съ приплатою значительной суммы за Ахайю (которою онъ правилъ съ 1318 г.), получили Іоаннъ Гравина. Энергическій Іоаннъ поставилъ себѣ задачей расширеніе своихъ владѣній и уже съ 1333 г. принялъ титулъ герцога Драча и обладателя Албанскаго королевства (*Dux Durachii ac Regni Albaniae Dominus*) ¹⁾. Но планамъ его не суждено было осуществиться. Вскорѣ на среднюю Албанію обрушился могущественный Стефанъ Душанъ, а въ южной Албаніи, равно какъ въ деспотствѣ эпирскомъ и въ Фессаліи утверждается, хотя не на долго, господство Византіи. Въ 1333 г., умеръ самый могущественный изъ всѣхъ фессалійскихъ архонтовъ, Степанъ Габріелопуло (Меллисентъ). Наступившими между наследниками смутами удачно воспользовался императорскій наследникъ въ Фессалоникѣ Мономахъ. Быстро явившись въ Фессалію, онъ занялъ Голо (Воло), Кастри и Ликостонъ; деспотъ Іоаннъ также не медилъ и овладѣлъ городами: Стагами, Трикалою, Фанаромъ, Дамасисомъ и Эласономъ, т.-е. всею восточною половиною Влахиі ²⁾. Андроникъ, получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, понималъ важность не терять времени; явился лично на помощь Мономаху и отнялъ у деспота Іоанна всѣ занятые имъ города. Такимъ образомъ, вся Фессалія, за исключеніемъ южной ея части, которая съ городомъ Ноннии Патрами принадлежала Каталонскому герцогству, снова была возвращена Византіи.

Въ то же время, жившіе въ горахъ Фессаліи четыре албанскіхъ племени называемые Кантагузиномъ: *Αλβανοί, Μυλαχάσιοι, Μπρόιοι, Μεσαρίται*, до сихъ поръ пользовавшіеся независимостью (*ἀνεξαρτησία*), признали власть императора ³⁾. Всѣ эти важныя приобрѣтенія были сдѣланы въ 1334 г. ⁴⁾.

Въ 1336 г. начались завоеванія Стефана Душана въ Албаніи (средней). Онъ взялъ Драчъ и покорилъ сосѣднія албанскія племена. Но едва ли въ это время его власть распространилась въ глубь Албаніи, въ страну такъ-называемыхъ независимыхъ Албанцевъ, лишь

¹⁾ *Hopf*, p. 431; *Макушевъ*, Историческія разсужденія о Славянахъ въ Албаніи, стр. 40.

²⁾ *Santacuz.*, II, c. 28, t. I, p. 473.

³⁾ *Sant.*, II, c. 28, p. 474. О названіяхъ этихъ племенъ у *Макушева*, стр. 41.

⁴⁾ *Parisot*, p. 121.

номинально признававшихъ власть имперіи (съ 1328 г.). Душанъ стремится теперь къ завоеванію Македоніи, и по видимому, Драчъ даже не вполне удержалъ за собою ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, этотъ походъ Сербовъ вызвалъ движеніе и у другихъ албанскихъ племенъ. Въ томъ же 1336 г. Албанцы, жившіе въ окрестностяхъ Вѣлграда (Valdgrita) и Канины, разграбили эти города и производили опустошенія по окрестной странѣ. Высланное противъ нихъ войско заставило ихъ уйти въ горы. Но вскорѣ они снова спустились въ долины и предались грабежу. Особенно потерпѣли отъ нихъ Вѣлградъ, Канина, Скрапаръ, Клисурса и Томоръ. Извѣстіе о возстаніи Албанцевъ пришло въ Константинополь одновременно съ другимъ: деспотъ эпирскій Іоаннъ Кефалонскій умеръ отъ яда, поднесеннаго его женой; въ странѣ шла борьба партій по вопросу — кому передать правленіе. Слѣдовательно, представлялась возможность вмѣшательства и въ эпирскія дѣла и присоединить къ имперіи такъ давно отторгнутую отъ нея провинцію. Андроникъ рѣшился самъ отправиться на западъ. Весною 1337 г. онъ съ Кантакузиномъ, съ значительнымъ войскомъ и съ турецкимъ отрядомъ, присланнымъ Омуромъ, чрезъ Фессалію прошелъ въ Албанію. Постепенно разбивая Албанцевъ, онъ дошелъ до Драча. Возстаніе было подавлено; много Албанцевъ перебито, много уведено въ рабство Турками ²⁾. Огромныя стада — составляли добычу побѣдителей.

Еще удачлѣе было движеніе на Эпиръ. Изъ двухъ партій, на которыя раздѣлилось населеніе страны, взяла верхъ партія, желавшая подчиненія имперіи. Деспина Анна вошла въ соглашеніе съ Андроникомъ. Она должна была отказаться отъ управленія. Эпиръ и Авар-

¹⁾ Вопросъ этотъ представляется темнымъ даже у новейшаго исследователя албанской исторіи — Проф. *Макушева*. Въ «Разысканіяхъ» на стр. 46, онъ говоритъ, что Душанъ въ 1336 г. овладѣлъ Драчемъ и потомъ въ 4 года покорилъ всю Албанію до Янины, а на 44-й категорически заявляетъ, что до 1349 г. Драчъ еще принадлежалъ Анжуицамъ. Въ обоихъ случаяхъ ссылка на анжуйскіе регистры. Можетъ быть Анжуицы только считали себя владѣтелями Драча, то-есть, были титулованные герцоги Драчскіе. Мнѣ кажется, что къ Сербамъ перешла теперь собственно анжуйская часть Албаніи (приблизительно между городами: Албаногъ (Эльбасанъ), Кроя и Сидерокастро).

²⁾ *Santasiz*, II, с. 32. Императоръ изъ человеколюбія выкупилъ многихъ изъ пленныхъ Албанцевъ. Византіи же, говоритъ нашъ историкъ, не брали рабовъ: Ῥωμαῖοι δὲ ἀνθρώπους μὲν οὐκ ἐξηδραποδίζοντο. οὐδὲ γὰρ ἔξεστιν αὐτοῖς, εἰ μὴ ἀπὸ βαρβάρων ἕλαν τῶν τῆ σωτῆρος Χριστοῦ ὑπὲρ ἡμῶν οἰκονομίᾳ μὴ πεπιστευμένων. (Т. I, р. 497).

нанія и принадлежавшіе къ нимъ острова вошли въ составъ имперіи. Всѣ просьбы Анны о предоставленіи странъ независимаго управленія Андроникъ отклонилъ, какъ несогласныя съ интересами Византіи. Онъ согласился только на бракъ малолѣтняго сына умершаго Іоанна, Никифора, съ одною изъ дочерей Іоанна Кантакузина ¹⁾. Но за тѣмъ мать и сынъ должны были оставить Арту и переселиться въ Фессалонику, гдѣ имъ отведены были богатые помѣстья. Императоръ провелъ довольно долгое время въ присоединенныхъ провинціяхъ; объѣзжалъ города, принималъ отъ прежняго правительства отдѣльные округа, вводилъ вездѣ византійскую организацію и только лѣтомъ 1338 г. вернулся въ столицу, для празднованія свадьбы дочери Маріи съ Александромъ болгарскимъ. Увѣжая онъ предоставилъ управление прежнимъ деспотствомъ протостратору Синадену. Кантакузинъ съ восторгомъ описываетъ радость Андроника по случаю пріобрѣтенія, безъ всякихъ потерь и расходовъ, такой большой территоріи, оторванной отъ имперіи со временъ Алексѣя Ангела: всѣ попытки его предшественниковъ соединить ее съ Византіей не удавались и только онъ, Андроникъ, рѣшилъ и притомъ такъ легко эту задачу ²⁾.

Но если легко досталось присоединеніе Акарнаніи и Эпира, то все-таки пришлось употребить значительныя усилія для обороны ихъ противъ притязаній Латиновъ. Анжуйцамъ, особенно титулованной императрицѣ Романіи, Катеринѣ Валуа, былъ весьма непріятенъ новый успѣхъ Палеологовъ. Она немедленно принимаетъ мѣры, чтобы пресѣчь зло въ самомъ началѣ. Неапольскій намѣстникъ Драча Алоизій Карачіоло ³⁾ получилъ отъ нея предписаніе возстановить на престолѣ Никифора II. Онъ снесся съ анти-византійскою партіей въ самомъ Эпирѣ, и едва императоръ отправился въ обратный путь, какъ Никифоръ съ своимъ учителемъ Ричардомъ былъ увезенъ въ Патры, а оттуда въ Тарентъ. Катерина объявила его женихомъ одной изъ своихъ дочерей и начала вооруженія для защиты правъ будущаго зятя. Движеніе въ деспотствѣ приняло значительныя размѣры. Очень вѣроятно, въ немъ приняли участіе и Албанцы ⁴⁾. Артою

---

¹⁾ Анна знала о роли, какую игралъ при дворѣ Кантакузинъ, можетъ быть, догадывалась даже о его честолюбивыхъ замыслахъ въ будущемъ и старалась какъ можно болѣе сблизиться съ нимъ.

²⁾ Сапт., II, с. 33, р. 504.

³⁾ Норф, р. 443.

⁴⁾ Вожди ихъ Музакъ и графъ Танусъ Топія; см. *Макушевъ*, стр. 44.

завладѣлъ одинъ изъ приверженцевъ Никифора, Николай Василица; протостраторъ Синаденъ былъ брошенъ въ тюрьму; Алексѣй Кавасила захватилъ Рого; въ Эомокастрѣ¹⁾ уврѣпились другіе приверженцы той же партіи. Впрочемъ, этими тремя городами и ограничались успѣхи мятежниковъ; другіе болѣе или менѣе значительные города, какъ Месопотано, Сокото, Химарра, Аргирокастро, Парга, С. Донато, Ангелокастро, Янина—остались вѣрны императору, и вообще большинство народа было на сторонѣ послѣдняго именно потому, что не сочувствовало вмѣшательству Латиновъ. Вскорѣ явился и Карачіоло съ войскомъ и Никифоромъ. Андроникъ предварительно послалъ для защиты оставшихся вѣрными ему городовъ Іоанна пинкерну и Мономаха. Весною же 1340 г., съ немногочисленнымъ войскомъ, но съ постояннымъ своимъ спутникомъ, онъ поспѣшилъ и самъ въ возставшія области. Непріатели не выходили въ открытое поле, военныя дѣйствія ограничились обложеніемъ занятыхъ ими городовъ; но всѣ города были хорошо укрѣплены и достаточно снабжены провіантомъ. Осада затянулась; императоръ по неволѣ прибѣгъ къ часто употребляемому имъ дипломатическому пути, который и былъ блистательно выполненъ Кантакузиномъ. Съ обычною своею ловкостію великій доместикъ умѣлъ сойдтись лично со всѣми вождями противниковъ и столько же своимъ краснорѣчіемъ, сколько общаніями достигъ вездѣ полного успѣха переговоровъ. Кавасила долго упорствовалъ, наконецъ прельстился предложеннымъ ему званіемъ великаго коноставла и сдалъ Рого²⁾. Передъ Василицею Кантакузинъ держитъ убѣдительную рѣчь о необходимости гражданамъ Арты подчиниться Андронику, какъ единственному законному императору и здѣсь добивается своей цѣли. Можетъ быть и на Василицу, какъ на Кавасилу, подѣйствовало не одно краснорѣчіе императорскаго доместика, но и еще что нибудь, о чемъ Кантакузинъ умалчиваетъ³⁾. Болѣе всего оказала сопротивленіе императору третья крѣпость Эомокастро; своимъ прекраснымъ приморскимъ положеніемъ она была поставлена въ лучшія условія касательно получения провіанта, при

---

¹⁾ На Адриатическомъ морѣ, названный по имени бывшего деспота Эомы и до того называвшійся Архангело.

²⁾ Cant., II, сс. 34—35.

³⁾ Cant., II, 36. Какъ ни рисуется Кантакузинъ своими дипломатическими рѣчами, несомнѣнно весь успѣхъ кампаніи зависѣлъ отъ его дѣятельности. Эти заслуги признаетъ и Григора (XI, с. 9).

томъ въ ней находился Никифоръ съ неапольскимъ отрядомъ. Кантакузинъ завелъ переговоры черезъ упомянутаго наставника Никифора — Ричарда. Въ длинной искусной рѣчи онъ изобразилъ предъ нимъ необходимость рано или поздно уступить императору: „Тарентинцы—де (то-есть, Анжуйцы) сами слабы и не въ состояннн оказать имъ серьезной помощи¹⁾. Такъ не лучше ли имъ добровольно сдать городъ теперь и за это воспользоваться милостями императора. Въ послѣднемъ случаѣ Никифора ожидаетъ завидное положеніе: великій доместикъ самъ воспитаетъ и взлелѣетъ его и выдастъ за него свою дочь (что составляетъ даже величайшее счастье) а императоръ съ своей стороны изъ одного расположенія къ Кантакузину осмылетъ его всѣми почестями и благодѣянїями“²⁾. Предложенїя Кантакузина были приняты. Оомоастро сдался; Никифоръ ласково принять Андроникомъ, получилъ титулъ „паниперсеваста“ и переѣхалъ въ Фессалонику. Намѣстникомъ Эпира и Фессалии поставленъ пинверна Іоаннъ Ангель³⁾.

---

¹⁾ У нихъ въ Эпирѣ всего три крѣпости: Вонтица, Буеротонъ и Навпактъ (Лепанто). *Santacr.*, II, с. 37, t. I, p. 529.

²⁾ *Sant.*, II, с. 37. Кантакузинъ здѣсь съ особеннымъ удовольствїемъ указываетъ на любовь къ нему Андроника и намекаетъ на свое первенствующее положеніе въ имперїи: «ἐγὼ γὰρ αὐτῶ τὴν ἐμὴν κτεγγύησθαι θεοτάτερα ἔλαρ ὅτι γε οὐδενὸς δεύτερον εἰς εὐτυχίας λόγον οὐδ' αὐτοὶ ἀγνοεῖτε δήπου. ἐγὼ τε γὰρ ὡς υἱὸν ἐκθρέψω καὶ βασιλεὺς τῆς εἰς ἐμὲ εὐνοίας ἔνεκα τιμαῖς τε καὶ πολλαῖς εὐαγγελσίαις περιφανῆ παρὰ Ῥωμαίοις θήσει» (p. 532).

³⁾ Событія албано-эпирской исторїи времени Андроника Младшаго у разныхъ изслѣдователей излагаются въ различномъ хронологическомъ порядкѣ. *Паццо* (стр. 133—39) и *Муральте* (стр. 567—573), относятъ возстанїе Албанцевъ къ 1336 г., походъ Андроника въ Албанїю и Эпиръ къ 1337 г., начало движенїя въ Эпирѣ въ пользу Никифора—къ 1338 г., а послѣднюю кампанїю Андроника въ Эпиръ къ 1340 г. Другіе, какъ *Хонфъ* (стр. 440—443), *Хертцбергъ* (II, стр. 275—277) и *Макушевъ* (стр. 41 и сл.), передвигаютъ всѣ событія на годъ назадъ. По нимъ выходитъ, что въ 1335 г. возстали Албанцы, весной 1336 г. ихъ разбилъ Андроникъ и въ томъ же 1336 г. овладѣлъ Албанїею и Эпиромъ. Основанїемъ къ такой перестановкѣ послужилъ повидному документъ—неизвѣстный двумъ первымъ изслѣдователямъ—манїфестъ неапольскаго короля Роберта, 19 августа 1336 г., индїята IV (*Registr. Angiov.*, vol. CCCII, f. 96) къ албанскимъ боярамъ, въ которомъ онъ проситъ ихъ отклониться отъ короля Рессїи, узурпатора Албанскаго королевства и герцога Драчскаго (a Rege Racie Regni Albaniae et Ducatus Duracii detontore illicito abscendere). По всей вѣроятности, дѣлая отсюда заключенїе о завоеванїи всей средней Албанїи Душаномъ въ 1336 г., г. Макушевъ и другіе допустили, что первый походъ Андроника въ

Такимъ образомъ Византіи была возвращена вся сѣверная Греція и восточная часть средней (Акарнанія и Этолія). Оставалось сдѣлать попытки противъ Каталонскаго герцогства и Морей и этимъ докончить воссоединеніе греческихъ земель полуострова. Но Андроникъ былъ утомленъ; постоянныя войны окончателью сломили его здоровье, разстроенное еще въ молодыхъ годахъ. Смерть быстро приближалась къ нему. Нечего было и думать о новыхъ предпріятіяхъ. Мало того, ему пришлось увидѣть, какъ значительная часть имъ пріобрѣтеннаго была утрачена. Почти одновременно съ его успѣхами въ Албаніи и Эпирѣ начинается свои завоеванія въ эту сторону и Стефанъ Душанъ; онъ идетъ словно по пятамъ императора все далѣе къ югу, и когда Эпиръ и Акарнанія признали византійское правительство, средняя Албанія—до Янины—дѣлается частью Сербскаго королевства (1340—1341). Если прибавить, что часть Македоніи также уже была завоевана Душаномъ и къ этимъ потерямъ на западѣ присоединить все, что было вырвано у Византіи Турками, то окажется, что территориальное могущество имперіи и въ царствованіе Андроника, при всей его энергіи и небезуспѣшности веденной имъ борьбы съ врагами, особенно Латинами, почти не увеличилось.

Бросая взглядъ на всѣ событія этого царствованія, нельзя не при-

---

Албанію и Эпиръ долженъ былъ предшествовать занятію Драча Сербами. Что касается до меня, то я слѣдую распредѣленію Паризо и Муральта. Сопоставивъ показанія Григоры и Кантакузина, я убѣдился, что расчетъ того и другаго ученаго нельзя не признать вѣрнымъ. Отвергнуть его и признать 1336 вмѣсто 1337 г. за годъ усмиренія Албаніи и присоединенія Эпира—значитъ перепутать всѣ событія послѣднихъ годовъ царствованія Андроника. Куда, напримѣръ, отнести въ такомъ случаѣ лесбоскую и еоейскую войны? Не говоря о нѣкоторыхъ частностяхъ, въ родѣ той напримѣръ, что отрядъ Омуръ въ войскахъ императора противъ Албанцевъ могъ участвовать только послѣ 1336 г., которыми не позволяютъ поставить походъ Андроника на Албанію раньше нашествія Душана, мнѣ кажется, что хронологія Паризо нисколько не подрывается упомянутымъ анжуйскимъ документомъ. Изъ него не видно, чтобы Душанъ завоевалъ всю среднюю Албанію. Тутъ идетъ рѣчь только объ анжуйскихъ владѣніяхъ Албаніи, которыя на югъ не простиралась даже Эльбассана. Слѣдовательно, ничто не мѣшало Андронику идти усмирять Албанцевъ въ 1337 г. Сербы врядъ ли могли препятствовать императору въ преслѣдованіи Албанцевъ до Драча, еслибъ даже этотъ городъ оставался въ ихъ власти: въ 1336 г., они бросаются главнымъ образомъ на Македонію, и торопятся подчиненіемъ вомнаственныхъ Албанцевъ и безъ того вѣдшихъ имперіи, имъ было нечего. Г. Макушевъ говоритъ между прочимъ, что Андроникъ разграбилъ Дрвачъ (стр. 42), но у Кантакузина нѣтъ ничего подобнаго. Онъ говоритъ только: καὶ μὲν τῆς Ἐπιδαμνίου ἤλθε ληϊζόμενος αὐτοῦς, II, с. 32, t. I, p. 496.

знать, что Кантакюзинъ играетъ въ нихъ видную роль и при всѣхъ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ стоитъ всюду на высотѣ государственныхъ интересовъ. Онъ вполне понимаетъ ихъ и служить имъ всѣми своими военными и дипломатическими способностями. Вездѣ онъ умѣетъ найтись, вездѣ такъ либо или иначе сокрушаетъ враговъ. При разстроенныхъ финансахъ, онъ успѣваетъ организовать хорошее войско и значительный флотъ, благодаря которому и сдѣлались возможными успѣхи въ борьбѣ съ Латинами въ Архипелагѣ. Словомъ, заслуги Кантакюзина — великаго доместика для Византіи — несомнѣнны. Сохрани онъ за собою то же политическое положеніе въ государствѣ и въ послѣдующее царствованіе — и его дальнѣйшее управленіе дѣлами, вѣроятно, принесло бы еще болѣе пользы имперіи. Давъ отпоръ Туркамъ и Латинамъ, найдя союзниковъ въ Сельджукахъ, удачно расширивъ предѣлы Византіи къ югу, онъ могъ бы теперь обратить вниманіе и на могущественнаго сербскаго краля, счумѣлъ бы вѣроятно остановить его быстрое завоевательное нашествіе.

Но обстоятельства измѣнились. Послѣ смерти Андроника, разразилась надъ имперіею новая междоусобная война, болѣе жестокая и гибельная по послѣдствіямъ, чѣмъ борьба двухъ Андрониковъ. Главное дѣйствующее лицо въ ней — Кантакюзинъ — является въ новой роли. Провозгласивъ себя императоромъ, въ погонѣ за фактическимъ удержаніемъ власти, онъ забываетъ о самыхъ насущныхъ интересахъ Византіи, и незамѣтно для самого себя, изъ прежняго защитника и собирателя имперскихъ земель, превращается въ губителя своей страны, наводящаго на нее цѣлыя массы враговъ. Своими руками онъ разрушаетъ то, что незадолго предъ симъ самъ же создалъ. Всѣ усилія, все напряженіе государственныхъ силъ, потраченныя въ двѣнадцатилѣтнее царствованіе Андроника не привели ни къ чему; добытые имъ результаты окончательно исчезли подъ страшными ударами пятилѣтняго междоусобія.

V.

15-го іюня 1341 года скончался Андроніеъ III Младшій. Старшему его сыну Іоанну Палеологу едва минуло одиннадцать лѣтъ ¹⁾. Распоряженій объ опекаѣ передъ смертію императоръ не сдѣлалъ никакихъ. Но врядъ ли онъ намѣренъ былъ передать регентство исключительно одному Кантакузину. Между тѣмъ послѣдній тотчасъ же принялъ на себя роль опекуна надъ царскимъ семействомъ и верховнаго правителя дѣлами государства. Онъ окружилъ дворецъ царевичей стражей и разослалъ предписаніе къ областнымъ правителямъ о поддержаніи порядка и повиновенія во вѣрренныхъ имъ провинціяхъ ²⁾. Несомнѣнно, что теперь онъ не помышлялъ еще объ узурпаціи престола у Іоанна Палеолога ³⁾, но онъ ясно обнаружилъ намѣреніе не допускать никого къ брадамъ правленія, а отъ безконтрольнаго единоличнаго регентства недалеко было и до узурпаціи. Въ своихъ запискахъ Кантакузинъ увѣряетъ, что въ это время императрица Анна относилась къ нему съ полнымъ довѣріемъ и ничего не имѣла противъ занимаемаго имъ положенія. Едва ли это такъ. Мы видѣли, какъ при жизни Андроніа ихъ взаимное нерасположеніе выражалось въ дѣломъ рядѣ интригъ; теперь честолюбивой Аннѣ Кантакузинъ долженъ былъ казаться еще опаснѣе. Совершенно естественно ей было подумать о составленіи противъ него оппозиціи. Сначала она, конечно, скрывала свои замыслы и въ виду обаянія, которымъ пользовался Кантакузинъ въ высшихъ слояхъ населенія столицы, притворно упрашивала его не оставлять государства, когда онъ при первомъ гласномъ заявленіи оппозиціи притворно же отказывался отъ всякаго участія въ управленіи ⁴⁾; но эта скрытность должна была исчезнуть, когда

¹⁾ Cant. II, с. 40, р. 560; Greg. XI, с. 11, р. 560.

²⁾ Cant. II, с. 40 и III, с. I; Greg. XII, с. 2.

³⁾ Григора, впоследствии противникъ Кантакузина, настойчиво защищаетъ его противъ такого тяжелаго обвиненія (Greg. XII, сс. 2—6).

⁴⁾ Cantac. III, сс. 2—6; Greg. XII. Кантакузинъ былъ огорченъ выходкою Хумна при обсужденіи требованія Александра Болгарскаго выдать укрывавшагося въ Византіи Шишмана (изгнаннаго изъ Болгаріи въ 1331 г.). О комиче-

число приверженцев Анны увеличилось и обстоятельства дали возможность действовать открыто.

Больше всего повредило Кантакузину его стремление къ исключительному вліянію на государственныя дѣла. Оно сразу создало ему двухъ враговъ, которые и оставались потомъ все время вождями противной партіи и постоянными совѣтниками императрицы. Его же креатура, патріархъ Іоаннъ Апрійскій, основывался на томъ, что Андроникъ, во время похода своего въ Акарнанію, поручалъ его вѣдѣнію столицу, что онъ же еще до кончины императора произнесъ анаемому всѣмъ, кто замислитъ что-либо противъ царскихъ дѣтей, предъавилъ свои права на участіе въ регентствѣ. Кантакузинъ противодействовалъ, но долженъ былъ уступить патріарху и Аниѣ. Іоаннъ участвуетъ въ государственномъ совѣтѣ, переѣзжаетъ во дворецъ, словомъ—становится однимъ изъ царскихъ опекуновъ. Съ этого времени онъ приверженецъ Анны и противникъ великаго domestica ¹⁾. Точно также Кантакузинъ не сумѣлъ привязать къ себѣ другую свою креатуру — Апокавка. Роль этой пронырливо-хитрой, алчной и властолюбивой личности и ея отношенія къ своему покровителю въ описаніяхъ Григоріа и Кантакузина являются весьма загадочными. Какъ при жизни Андроника, такъ и послѣ его смерти, Апокавкъ, кромѣ вреда имперіи и лично Кантакузину, ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ пользуется непрестанно благоволеніемъ послѣдняго, и Кантакузинъ „по своей кротости“ всегда прощаетъ его, ходатайствуетъ за него, и вновь поручая ему тѣ или другія государственныя должности, тѣмъ самымъ даетъ ему возможность совершать новыя злоупотребленія. Такъ, едва устраненный отъ управленія финансами за участіе въ заговорѣ Сиргіана, Апокавкъ въ 1339 г. сдѣланъ былъ адмираломъ флота, на постройку котораго отпущена значительная сумма; но вмѣсто судовъ онъ воздвигъ себѣ укрѣпленный замокъ Эпиваты, который впоследствии долженъ былъ послужить орудіемъ его коварныхъ замысловъ ²⁾. Незадолго до кончины Андроника, онъ предлагалъ Кантакузину возложить на себя императорскую корону. Кантакузинъ съ негодованіемъ от-

---

скомъ характеръ отказа Кантакузина и упрашиваніи императрицы ср. *Parisot*, р. 167.

¹⁾ Cantac. III, с. 2; Greg. XII, с. 2.

²⁾ Cantac. II, с. 38.

вергъ предложеніе ¹⁾; стремясь къ власти, онъ былъ всегда противъ явнаго насилія. Тѣмъ не менѣе Апокавкъ не былъ лишенъ милостей. Онъ сдѣланъ былъ протовестіаріемъ, слѣдовательно, занялъ довольно видное мѣсто по внутренней администраціи. Но этого ему было мало послѣ его перваго поста при государственной казнѣ; онъ домогался исключительнаго положенія въ имперіи, и потерявъ надежду быть первымъ лицомъ при Кантакузинѣ-императорѣ, перешелъ на сторону Анны, которая обѣщала ему въ случаѣ успѣха то, чего онъ желалъ. Идя прямо къ цѣли, онъ (вѣроятно съ согласія императрицы ²⁾) сдѣлалъ вскорѣ попытку овладѣть особой малолѣтняго императора. Кантакузинъ во-время открылъ заговоръ, предалъ Апокавка суду, но въ концѣ концовъ самъ же помиловалъ его ³⁾. Такое излишнее милосердіе къ столь опасному человѣку обошлось ему дорого. Апокавкъ еще тѣснѣе примкнулъ къ его врагамъ и посредствомъ клеветы и интригъ окончательно сплотилъ противъ него при дворѣ оппозиціонную партію. Вокругъ него, какъ вождя, сгруппировались: патриархъ, Гавала ⁴⁾, тестъ Кантакузина—Андроникъ Асанъ и два брата послѣдняго, Константинъ и Исаакъ Асаны, Хумнъ, Изабелла (Цампа), самая близкая къ Аннѣ придворная дама, и многіе другіе. Вся интрига развилась чрезвычайно быстро. Въ половинѣ октября, слѣдовательно, на пятый мѣсяцъ послѣ смерти Адронна, она совсѣмъ созрѣла; заговорщикамъ оставалось только вынудить согласіе все еще колебавшейся императрицы на рѣшительныя дѣйствія и выждать удобной для того минуты. Послѣдняя вскорѣ представилась.

Кантакузинъ видѣлъ собирающуюся грозу и съ своей стороны принималъ мѣры для отвода ея. Онъ связывался съ его дѣятельностію въ устраненіи виѣшнихъ затрудненій, которыми ознаменовалось наступленіе этого новаго смутнаго времени для Византійской имперіи. Враги ея какъ бы догадывались, что у нея внутри не ладно, и при первомъ извѣстіи о кончинѣ императора, со всѣхъ сторонъ устреми-

---

¹⁾ Cantac. II, с. 40, р. 557—60; Greg. XII, с. 2, р. 578.

²⁾ Ср. *Parisot*, р. 169.

³⁾ Cantac. III, с. 10, р. 70; Greg. XII, с. 8, р. 599.

⁴⁾ Постепенно достигнувъ высшихъ государственныхъ должностей протосе-наста, великаго логоеета и министра двора императрицы, Гавала затѣмъ подвергся преслѣдованію Апокавка и, хотя принялъ монашество, не избѣжалъ тем-ницъ. Cantacuz., vol. II, pp. 138, 139, 218, 223, 437, 441, 493, 497.

лись на ея предѣлы. Албанцы ¹⁾ изъ окрестностей Погокианы и Ливисды (οἱ περὶ Πογοκίανην καὶ Λιβίσδαν ἐπιχώματοι) опять подняли возстаніе и грабили византийскій Вѣлградъ (Βαλλάγριττα) и другіе города въ Эпирѣ. Турки возобновили опустошеніе еравійскихъ береговъ ²⁾, Александръ Болгарскій грозилъ войною за невыдачу Шипмана ³⁾; наконецъ Сербы сдѣлали набѣгъ до Солуни (до мѣстечка Криты — τῶν Κρητῶν) ⁴⁾. Благодаря обычной своей ловкости и энергій, Кантакузинъ справляется со всѣми этими невзгодами. При оскудѣніи государственной казны, на свои средства онъ справляетъ флотъ и собираетъ пожертвованія на сформированіе войска ⁵⁾; внушительною угрозою напустить на Болгарію Турокъ, которыхъ ему предлагалъ его другъ сельджукскій эмиръ Омуръ ⁶⁾, онъ принудилъ Александра заключить миръ въ Стилбѣ и отказаться отъ своихъ требованій, затѣмъ дважды разбилъ въ Херсонисѣ ⁷⁾ Турокъ изъ эмирства Іакчи, предупреждаетъ высадку Сарухана, противъ котораго неудачно дѣйствовалъ командовавшій флотомъ Апокавкъ ⁸⁾, и въ обезпеченіе отъ нападений Османовъ возобновилъ миръ съ Орханомъ ⁹⁾.

Пребываніемъ въ западныхъ провинціяхъ Кантакузинъ воспользовался частью для свиданія и совѣта съ вліятельными людьми своей партіи, какъ напримѣръ съ Синаденомъ ¹⁰⁾ (ближайшимъ другомъ, который очевидно не безъ намѣренія былъ поставленъ имъ правителемъ Θεσσαλονίκης, второй столицы), Константиномъ Палеологомъ, Цамвлагомъ, Іоанномъ Ангеломъ, а частью для привлеченія на свою сторону новыхъ лицъ, какъ напримѣръ, полунезависимыхъ сербскихъ владѣте-

¹⁾ Cantac. III, с. 12, р. 81.

²⁾ Cant. III, с. 10, р. 69.

³⁾ Cant. III, с. 2; Greg. XIII, сс. 5—7.

⁴⁾ Cant. III, с. 12, р. 79.

⁵⁾ Нѣкто Патрикіота пожертвовалъ на нужды государства все свое состояніе—до 140,000 золотыхъ монетъ. Cant. III, с. 8, р. 62.

⁶⁾ Омуръ собственно также намѣревался пограбить имперію; но Кантакузинъ напоминаетъ о своей дружбѣ и заставляетъ его не только отозвать свои полчища, но и предоставить ихъ въ его распоряженіе. Cant. III, с. 7, р. 55. Greg. XII, с. 7.

⁷⁾ Cant. III, с. 10.

⁸⁾ Cant. III, с. 11.

⁹⁾ Cant. III, с. 9.

¹⁰⁾ Cant. III, с. 11.

лей—Оливера и Хреля ¹⁾. Теперь же онъ занялся укрѣпленіемъ Димотики, которая служила ему важнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ во все время междоусобной войны. Такимъ образомъ, обѣ стороны готовились къ открытой борьбѣ.

Между тѣмъ въ настоящій моментъ междоусобія были менѣе всего желательны. Представлялся удобный случай воссоединить съ Византіей и остальную часть Пелопонниса. Въ герцогствѣ Аѳинскомъ шла борьба феодаловъ съ намѣстниками Катерины Валуа Тарентской. Правленіе Флорентинца Якова ди-Донато Аччіаули (Ассіаули), въ 1341 г. замѣнившаго любовника титулованной императрицы Николо Аччіаули, наконецъ вывело изъ терпѣнія сильную партію французскихъ рыцарей и гасмуловъ. Они рѣшились искать соединенія съ византійскою областью Мизіерой и отправили посольство къ Кантакузину. Изъ уполномоченные епископъ Коронскій Израиль и гасмулъ Іоаннъ Сидира явились въ Димотику и объявили великому доместику, что франкскіе бароны готовы признать власть императора, принять его стратиговъ и платить ему все, что платили герцогу (πρίγκιπ), но съ тѣмъ, чтобы за ними были сохранены ихъ лены. Кантакузинъ принялъ предложеніе, обѣщалъ слѣдующею весною съ войскомъ прійти въ Морею, а теперь послалъ съ депутатами въ качествѣ повѣреннаго родственника своего Якова Врулу (Βροολᾶν τὸν Ἰάκωβον ²⁾). Онъ понималъ важность своевременнаго вмѣшательства въ латинскія распри и рѣшилъ какъ можно скорѣе уладить дѣло съ Стефаномъ Душаномъ, съ тѣмъ чтобы приготовиться какъ слѣдуетъ къ походу въ Пелопоннисъ. Съ Сербами былъ возобновленъ прежній миръ; но пелопоннисскій походъ не осуществился ³⁾.

Послѣ своихъ успѣховъ Кантакузинъ пріѣхалъ ненадолго въ Царградъ, но 28-го сентября 1341 года снова вернулся въ Димотику; кромѣ приготовленія къ завоеванію Пелопонниса, онъ думалъ принять отсюда

---

¹⁾ Ср. *Parisot*, p. 173.

²⁾ *Saut.* III, c. II, p. 75; *Hopf*, *Griechenland im Mittelalter*, p. 434.

³⁾ *Saut.* III, c. 12. «Если мы, съ Божіею помощію, присоединимъ къ имперіи Латиновъ, живущихъ въ Пелопоннисѣ», говорилъ Кантакузинъ на военномъ совѣтѣ, — «то и Каталонцы, владѣющіе Аттикой и Витіей, должны будутъ подчиниться намъ; и тогда, съ восстановленіемъ имперіи Ромэевъ отъ Пелопонниса до Византіи (какъ было въ прежнія времена), ничего не будетъ стоять потребовать удовлетворенія отъ Сербовъ и другихъ варварскихъ народовъ за обиды, которыми они наносили намъ въ теченіе столь долгаго времени». *Ibidem*, p. 80.

мѣры къ усмирению Албанцевъ. Отсутствиемъ его и воспользовалась противная партія. Анна уступила совѣтамъ своихъ новикъ друзей и рѣшилась на открытый разрывъ съ великимъ domestikомъ. Патриархъ окончательно объявилъ себя во главѣ регентства, Апонавъ поставленъ былъ правителемъ Царьграда и всѣхъ непосредственно подчиненныхъ ему городовъ и острововъ ¹⁾. Гавала сдѣланъ протосевастомъ, а потому великимъ логоетомъ; всѣ прочіе вожди оппозиціи также захватили важныя и почетныя должности. Кантакузинъ объявленъ былъ измѣнникомъ государству ²⁾, домъ его разрушенъ, имущество разграблено; приверженцы его подверглись систематическому преслѣдованію: многіе изъ нихъ были брошены въ тюрьмы, но большая часть успѣла покинуть столицу и бѣжала въ Димотику. Кантакузинъ черезъ особаго посла просилъ у императрицы объясненія по поводу переворота, но посолъ его былъ задержанъ, а вмѣсто отвѣта онъ получилъ за государственною печатью предписаніе отказаться отъ всѣхъ государственныхъ должностей и вести частную жизнь, безъ выѣзда, въ Димотику. При такомъ положеніи дѣлъ, Кантакузинъ, 26-го октября 1341 года ³⁾, въ Димотику торжественно возложилъ на себя императорскую одежду. Онъ все-таки хотѣлъ сколько возможно скрыть свою узурпацію и велѣлъ поминать во время церемоній себя и свою супругу императрицу Ирину послѣ Анны и Іоанна Палеолога ⁴⁾. Какъ бы то ни было, въ имперіи явились два императора; началась новая междоусобная война ⁵⁾.

Мы не станемъ слѣдить за нею во всѣхъ подробностяхъ, пере-

---

¹⁾ Gregor. XII, с. 10, р. 607. διοικητήν καὶ ἀγορανόμον καὶ ἐπίτροπον Βυζαντίου τε καὶ τῶν ὑπὸ τὸ Βυζάντιον πόλεων, ἀμα καὶ νήσων καὶ ῥητῶν καὶ ἀπορρήτων διαμορίαι.

²⁾ Въ этомъ случаѣ особеннымъ усердіемъ отличился патриархъ, въ своей ненависти къ Кантакузину забывшій о высотѣ занимаемаго имъ мѣста, обзывавшаго его въ возможно большему проявленію чувства христіанскаго всепрощенія. Григора говорить (XII, с. 10, р. 606.) о немъ: βεβαίως ἐπισχεῖτο τὰς ἀνωμίους ἀντιδόσεις καὶ διὰ τὰ τῶν πόλεων ἔπαθλα εἰ Καντακουζηνὸν ἀνέλοι τις φαρμάκοις δηλητηρίοις, ἢ βολαίαις τισὶν ἐπιτοκίαις καὶ γοηταίαις διαμονικαῖς ἢ ἕτε. ἐν θυγατρὶ τρέφε.

³⁾ Murai, р. 580.

⁴⁾ Cant. III, с.с. 22—27. Greg. XII, с. 10—12.

⁵⁾ Кантакузинъ старается представить свое провозглашеніе императоромъ-нахъ актъ, необходимый для блага государства, притомъ вынужденный его друзьями. Григора также доказываетъ законность его дѣйствій, проникутыхъ чувствами

связывать всё военные передвижения, диверсии, осады городов, которыми она так изобилуетъ, и которыя весьма обстоятельно и согласно изложены у самого Кантакузина и у Григоры. Имя Сербскаго краля Стефана Душана тѣсно связано съ этими междуособиими. Онъ принималъ въ нихъ непосредственное участіе и успѣлъ навлечь большія выгоды: къ этому времени смуть относятся важнѣйшія его пріобрѣтенія на счетъ Византіи. Все, касающееся его отношеній къ Кантакузину и къ партіи императрицы Анны, мы соберемъ и разъяснимъ въ возможной полнотѣ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же постараемся представить общій характеръ войны, отмѣтимъ важнѣйшія явленія въ ея ходѣ и гибельныя послѣдствія, которыми она отовалась на имперіи.

Первые годы борьбы были неудачны для Кантакузина. Она сразу усвоила характеръ не простаго вооруженнаго соперничества придворныхъ партій, а борьбы народной, сословной. Дѣло въ томъ, что въ XIV вѣкѣ экономическо-соціальное положеніе имперіи представляло печальный видъ. Вслѣдствіе постоянныхъ политическихъ переворотовъ, внутреннихъ потрясеній, безпрестанныхъ нашествій враговъ, земледѣліе, промыслы и торговля всюду упали до послѣдней степени. Массы народа обѣднѣли, цѣлыя семьи оставались безъ дѣла и средствъ. По городамъ таковой пролетаріатъ составлялъ большинство населенія. Онъ, конечно, былъ всегда въ антагонизмъ съ малочисленными знатными фамиліями, которыя обыкновенно сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть и богатство. Кантакузинъ—самъ родовитаго происхожденія и богатый человекъ—во всей предыдущей дѣятельности опирался на это знатно-богатое меньшинство и на войско, расположеніе котораго онъ дѣйствительно успѣлъ снискать, благодаря тому же своему богатству и личнымъ качествамъ война. Но теперь подъ рукою войска у него было очень немного ¹⁾, а Апокавъ зло воспользовался сословнымъ антагонизмомъ. Распространяя посланія объ измѣнѣ Кантакузина, онъ систематически подстрекалъ низшіе классы и пролетаріатъ къ мятежу противъ аристократовъ, какъ ревностныхъ приверженцевъ узурпатора короны у юнаго императора. При отсутствіи расположенія къ личности Кантакузина въ народныхъ массахъ, возбудить негодо-

---

дольа и справедливости; какъ кажется, что какъ ни толкуй фактъ, а все-таки Кантакузинъ былъ узурпаторомъ; а на сколько послужилъ къ благу государства эта узурпація—увидимъ ниже.

¹⁾ До 2000 всадниковъ; см. Greg. XII, с. 12.

ваніе противъ нарушителей законнаго порядка вещей было не трудно. Во всей Фракіи вспикнула страшная революція ¹⁾. Грабежи, убійства, истязанія ознаменовали начало внутренней анархіи, прежде чѣмъ противники успѣли обнажить мечи для систематической борьбы. Богатая знать, какъ меньшинство, и притомъ не получая никакой поддержки отъ Кантакузина, вездѣ была сломлена. Тѣ, которые хотѣли сохранить свое имущество и положеніе, должны были отказаться отъ солидарности съ Кантакузиномъ. Такимъ образомъ, послѣдній лишился многихъ своихъ друзей, въ помощи которыхъ только и видѣлъ возможность добиться признанія своей власти въ Фракіи и другихъ провинціяхъ имперіи. Фессалійскій епархъ Мономахъ, правитель Сереса Сирга Деленузіа ²⁾, солунскій протостраторъ Синаденъ ³⁾ уклонились отъ признанія его императоромъ; Сирга (женатый прежде на племянницѣ Кантакузина) даже разграбилъ богатя помѣстья своего родственника, находившіяся въ его области, и завладѣлъ всѣмъ его имуществомъ. Отъ него отпалъ и такой преданный челоуѣкъ, какъ Константинъ Палеологъ; боясь за участь своей семьи, остававшейся въ Византіи, онъ оставилъ его и присоединился къ сторонникамъ Апокавка ⁴⁾. При такомъ положеніи дѣла, всѣ города Фракіи за исключеніемъ Димотики и нѣкоторыхъ другихъ ⁵⁾, крѣпко держались византійскаго правительства. Тщетно Кантакузинъ старался силой и переговорами

¹⁾ Cantacuz. III, с.с. 28, 29, 30; Greg XII, с.с. 10, 12, 14. Григора не находить словъ для передачи всѣхъ ужасовъ: «καὶ μέντοι καὶ γέγονεν ἐντέθειν μάλιστα καὶ πολυεπίδες φόρα πανταχῆ τῶν Ῥωμαίων ἐν βραχεῖ πραγμάτων ὅταν οὐδεὶς ἐν βραχεῖ παραστήσῃ δόματα λόγος (р. 614); или: «πάντα μὲν τοίνυν ὁποῖα ὁ χρόνος ἐκείνος ἔταξε τὰ θεῖα ῥάδιον οὐκ ἂν εἶη διεξίνασθαι. (р. 623).

²⁾ Συρρῆ Νταλένοβια у Cantac. III, с. 31.; Γῆμ ὁ Ἀρμένιος у Greg. XII, с. 15 (въ латинск. переводѣ Guido). Впоследствии онъ былъ призванъ на царскій престолъ въ Арменію (Cantacuz., vol. II, р. 253, 292).

³⁾ Синаденъ долго колебался между Кантакузиномъ и Апокавкомъ. Онъ нѣсколько разъ обѣщалъ сдать Солунъ своему родственнику, но боясь наслѣдія со стороны демократической партіи Зилотовъ, отказывался отъ своего намѣренія всякій разъ, какъ Кантакузинъ приближался къ городу. Одно время онъ вынужденъ былъ, вмѣстѣ съ солунскими бѣглецами, оставить управляемый имъ городъ и уже присоединился къ Кантакузину, какъ Апокавокъ явился съ сильнымъ войскомъ и заставилъ его перейти на свою сторону. Cantac. III, сс. 31, 33, 34, 35, 37, 38, 40, 41.

⁴⁾ Cant. III, с. 32.

⁵⁾ Cantac. III, с. 30.

овладѣть Адрианополемъ и Солунью ¹⁾, тщетно осаждалъ Веррію и Анастасіополь (Пернеорій—Περνεωριον): нигдѣ онъ не встрѣчалъ сочувствія. Неудачи окончательно деморализовали его небольшой отрядъ. Между тѣмъ самъ Апокавъ, 19-го ноября 1341 года, устроилъ торжественное коронованіе Іоанна Палеолога ²⁾, принялъ титулъ „великаго дуки“, наградилъ соотвѣтственными почестями своихъ сообщниковъ ³⁾ и организовалъ значительныя военныя силы. Очень вѣроятно, что финансовую поддержку для этого онъ нашелъ у Венеціи ⁴⁾. Андронику и Томѣ Палеологамъ онъ ввѣрилъ сухопутныя войска, а самъ на 60 судахъ ⁵⁾ высадился у Θεσσαλονικι. Тутъ къ нему присоединился и серескій Сирга. Кантакузинъ стѣсненъ былъ со всѣхъ сторонъ, сообщеніе съ Димотивой ему отрѣзано. Онъ вынужденъ былъ перейти на сербскую границу и здѣсь вступилъ въ сношенія съ Стефаномъ Душаномъ ⁶⁾. Сербскій король преслѣдовалъ свои цѣли по отношенію къ имперіи и не оказалъ Кантакузину существенной помощи. Онъ оставался его союзникомъ до тѣхъ поръ, пока это было ему выгодно. Присоединивъ къ своимъ войскамъ сербскій отрядъ, Кантакузинъ дважды безплодно осаждалъ Сересь ⁷⁾. Но затѣмъ присланные кралицею Еленою наемныя Германцы помогли ему овладѣть Верріей и другими македонскими городами (Сервія, Платамонъ, Петра, Соскъ, Старидола ⁸⁾). Въ это время онъ былъ уже признанъ императоромъ въ Θεσσαλίи, то-есть, въ той области, гдѣ недавняя его дѣятельность на благо имперіи была у всѣхъ въ памяти. Въ 1342 году послы изъ Θεσσαλίи приглашаютъ его принять власть надъ страной. Занятый дѣйствіями подъ Сересомъ, Кантакузинъ не могъ отпра-

---

¹⁾ Адрианопольцы призвали на помощь Болгаръ, которые заставили отступить войско Кантакузина, но за то сами опустошили окрестности Адрианополя. При отступленіи, однако, Кантакузинъ встрѣтилъ болгарскій отрядъ, разбилъ его и заставилъ Александра Болгарскаго просить мира. Пораженіе Болгаръ докончили Турки, высадившіеся въ это время для грабежа Θρακίи. Cantac. III, с. 29.

²⁾ Greg. XII, 13, Cant. III, с. 36 р. 218.

³⁾ Исаакъ Ангелъ сдѣланъ паниперсесавостомъ, Хумиъ и Андроникъ Палеологъ — великими стратопедархами, Гавала протосесавостомъ, патриархъ получилъ право подписываться лазуревыми чернилами (λαζαρέφ χρῶματι) и украшенія на бѣлый клобукъ. Cantac., *ibidem*.

⁴⁾ Ср. *Parisot*, р. 179.

⁵⁾ Greg. XIII, с. 1— 50 триремъ.

⁶⁾ Cant. III, с. 41, Greg. XIII, с. 2. et sequ.

⁷⁾ Cant. III. с. 49; Greg., XIII. сс. 3, 5.

⁸⁾ Cant, III с.с. 57, 58; Greg. XIII, с. 5.

виться лично и передалъ Ѳессалію въ пожизненное, почти независимое правленіе преданному родственнику своему Іоанну Ангелу ¹⁾, который въ 1339 году былъ правителемъ Эпира. Едва утвердившись въ Ѳессаліи, Іоаннъ Ангелъ подавилъ возстаніе, поднятое бывшею десницей Анной, захватилъ ее самое, но пощадилъ ей жизнь, не смотря на требованіе многихъ эпиро-Ѳессалійскихъ архонтовъ предать смерти эту преступную виновницу долгодѣтнихъ смуть въ ихъ странѣ. Кромѣ того, онъ успѣлъ воспользоваться обстоятельствами и присоединилъ къ Акарнаніи и Этоліи каталонскія позиціи въ Ѳессаліи и Локридѣ (Локрахъ Озольскихъ) ²⁾. Такимъ образомъ, Іоаннъ Ангелъ сталъ сильнымъ правителемъ и уже въ 1343 году явился на помощь Кантакузину, въ то время, когда онъ, прочно утвердившись въ западной части Македоніи (въ Вотіѣ), вновь пытался овладѣть Ѳессалоникой. Но и на этотъ разъ демократическая партія мужественно обороняла городъ и не согласилась ни на какіе переговоры ³⁾.

Между тѣмъ успѣхи Кантакузина на западѣ уже беспокоили Душана. Допустить перевѣсъ одной изъ спорящихъ сторонъ надъ другою было не въ его планахъ. И вотъ онъ сперва отзываетъ свои войска, которыя были въ распоряженіи Кантакузина, затѣмъ заводитъ интриги противъ него, стараясь добиться отпаденія отъ него Веррии и наконецъ открыто переходитъ на сторону его враговъ ⁴⁾. Такимъ образомъ изъ своихъ связей съ Душаномъ и знатными Сербами Кантакузинъ извлекъ лишь ту пользу, что въ трудную минуту нашель у нихъ убѣжище и получилъ небольшое подспорье для возобновленія войны.

Гораздо бѣльшее значеніе имѣла для него дружба съ Сельджукскимъ эмиромъ Омуромъ, которую онъ такъ тщательно подготовилъ во время своего могущества, при жизни Андроника Младшаго. Услуги, оказанныя Кантакузину этимъ Туркомъ, дѣйствительно громадны; только благодаря ему, сдѣлались возможными побѣды Кантакузина въ борьбѣ съ сильною придворною партіей. Въ декабрѣ 1342 г., онъ является спасителемъ Ирины и самой Димотики, со всѣхъ сторонъ окруженной врагами. Не получая никакихъ извѣстій отъ мужа, дове-

---

¹⁾ Въ хрисовулѣ, данномъ Іоанну Ангелу при его отправленіи въ Ѳессалію, Кантакузинъ между прочимъ внушаетъ своему родственнику, что онъ долженъ признать власть не только его, Кантакузина, но и императора Іоанна Палеолога и его матеря Анны. Cant. III, с. 53.

²⁾ Cantac. III, с. 53; Greg. XIII, с. 6.

³⁾ Cant. III, с. 53; Greg. XIII, с. 9.

⁴⁾ Cant. III с.с. 58—61; Greg. XIII, с. 7.

денная до крайности натискомъ вождей Апокавка, Ирина призвала на помощь Александра Болгарскаго. Онъ не замедлилъ явиться, отогналъ Ромзевъ, но затѣмъ самъ началъ опустошать окрестности Димотики и думалъ даже овладѣть самымъ городомъ. Въ эту критическую минуту на 380 судахъ явился въ устьяхъ Хебра (нынѣ Марицы) Омуръ; съ 29,000 онъ подступилъ къ Димотиѣ, освободилъ ее отъ Болгаръ ¹⁾ и заставилъ противниковъ Кантакузина очистить Христополь (нынѣ Кавала). Но онъ не могъ теперь же идти на помощь своему другу: проходы Христопольскіе оставались въ рукахъ его враговъ, холода и недостатокъ провіанта принудили его вернуться въ Смирну ²⁾. Впрочемъ, отсрочка помощи была непродолжительна. Разрывъ съ Стефаномъ Душаномъ, интриги Апокавка, опустошительныя неистовства Турокъ, насланныхъ константинопольскимъ правительствомъ въ окрестности Веррии, снова поставили Кантакузина въ затруднительное положеніе ³⁾. Онъ подаль вѣсть Омуру. Въ августѣ ⁴⁾ 1343 г. огромный турецкій флотъ (около 290 судовъ) спѣшилъ уже изъ Смирны въ Фессалоникѣ. При его приближеніи Апокавкъ немедленно удалился въ Византію ⁵⁾. Турки, грабившіе Веррію, также убрались. Получивъ такое сильное подкрѣпленіе, Кантакузинъ успѣшно повелъ борьбу. Въ Фессалоникѣ продолжалась анархія, Зилоты жестоко пресѣдовали всякаго, высказывавшаго мысль о необходимости сдать городъ. Братъ его силою, слѣдовательно, проливать кровь, Кантакузинъ не хотѣлъ, по словамъ Григоры, „что память великомученика Димитрія“, и отклонилъ всѣ предложенія Омуга, направленные въ эту сторону. Въмѣсто того, онъ предпринималъ съ своимъ сильнымъ другомъ движеніе на востокъ, побѣдоносно прошелъ Христопольскія тѣнины, подчинилъ многіе еракійскіе города ⁶⁾ и съ торжествомъ вступилъ въ Димотику ⁷⁾. Во время этого шествія по Эракіи Турки Омуга грабили всѣ встрѣчавшіяся села, опустошали поля, жителей убивали

¹⁾ У Григоры (XIII, с. 4.) любопытнымъ подробностями sentimentalнаго характера о безпредѣльной любви Омуга къ Кантакузину.

²⁾ Cant. III, с. 56; Greg. XIII, с. 4.

³⁾ Cant. III, с. 62; Greg. XIII, с. 9.

⁴⁾ Muralt, p. 591.

⁵⁾ Cantac. III, с. 63; Greg. XIII, с. 10.

⁶⁾ Заняты были слѣдующіе города: Абдериты, св. Ирина (Ἁγία Εἰρήνη) Побисдо (Ποβισδος), Кумуцена, Асомато, Парадимо, Кравобуни, Стилари (Στυλάριον). Cant. III, сс. 64, 65, 66, 67.

⁷⁾ Cantac. III, с. 63—66; Greg. XIV, с. 1.

или брали въ рабство, требуя за освобожденіе большой выкупъ ¹⁾. Чтобъ обезопасить отъ такого опустошенія округи, оставшіеся вѣрными правительству императрицы, и главное, чтобъ удалить отъ Кантакузина его союзниковъ, Апокавѣзъ прибѣгъ къ хитрости. Путемъ подкупа, онъ возбудилъ въ самихъ Туркахъ недовольство походомъ: они потребовали возвращенія на родину. Омуръ не могъ противорѣчить необузданной ордѣ, но все-таки вытребовалъ изъ Царьграда большую сумму денегъ и суда и переправился въ Азію ²⁾, обѣщая Кантакузину скорѣе явиться съ свѣжими силами. Дѣйствительно, черезъ 13 дней Омуръ ³⁾ прислалъ ему новый вспомогательный отрядъ; самого его удержала необходимость отстаивать собственныя владѣнія.

Мы говорили уже, что Турки Сельджуки составляли бичъ для латинскихъ владѣтелей Греціи и Эгейскаго моря. Въ сороковыхъ годахъ XIV в. Омуръ для нихъ былъ особенно грозенъ. Его огромная сила видна уже изъ той военной помощи, которую онъ посылалъ Кантакузину. Разбойничій флотъ его непрерывно тревожилъ острова Архипелага и берега Пелопонниса, всюду внося грабежи, убійство, рабство. Онъ самъ сознавалъ свою силу надъ слабыми разрозненными Латинами и въ письмѣ къ папѣ Клименту VI гордо величаетъ себя государемъ Ахаіи ⁴⁾. Нѣкоторые латинскіе герцоги и частныя лица не разъ поднимали вопросъ о необходимости общаго похода противъ Турокъ. Но отсутствіе единодушія между представителями греко-латинскаго міра, а главное—безкорыстія и сознанія всей важности предпринимаемой задачи, или совсѣмъ мѣшали осуществленію такого об-

¹⁾ Cant. III, с. 66; Greg. XIII, сс. 9—10.

²⁾ Cant. III, с. 67; Greg. XIV, с. 1. *Паризо* (стр. 200) относитъ отъѣздъ Омурѣ и предшествовавшее ему завоеваніе ерванійскихъ городовъ къ началу 1344 г. Если принять во вниманіе продолжительность совмѣстной кампаніи Кантакузина и Омурѣ и то обстоятельство, что послѣдній (по Кантакузину) вернулся въ Азію до взятія Смирны Латинами, которое Дж. Виллани (l. XII, с. 38 у *Miratori*, Vol. XIII, p. 918) и Райнальдъ (*Annal. eccles. an. 1344*, № 1) относятъ къ 1344 г., то эта дата оказывается вполне подходящею. Тѣмъ не менѣе, здѣсь и въ событіяхъ войны Латинцевъ съ Турками я слѣдую *Xongfu*, не рѣшаясь отвергнуть его расчетъ, основанный на сопоставленіи Виллани и Райнальда съ свидѣтельствами венеціанскихъ источниковъ (*Commemoriali* и *Misti*), которые остались мнѣ недоступными.

³⁾ Cant. III, с. 68.

⁴⁾ У Giov. Villani, ed. *Dragomani*, Vol. IV. p. 260—262; *Hopf*, p. 410.

щаго предпріятія, или направляли его въ другую сторону и тѣмъ обуславливали его неудачу. Образецъ подобнаго латинскаго вооруженнаго союза противъ Турокъ мы видѣли въ царствованіе Андроника Младшаго. Тогда въ неожиданномъ нападеніи союзнаго флота вмѣсто Турокъ на византійскіе острова Хіосъ и Лесбосъ ясно сказалося, что именно стояло на первомъ планѣ во всѣхъ предпріятіяхъ этихъ ревностныхъ защитниковъ христіанства противъ ислама. Опасность со стороны Омурѣ и поддержка, которую онъ оказывалъ „схизматику Кантакузину“, нанесшему столько ударовъ владычеству Латиновъ на востокѣ, вызвали въ 1343 г. новую унію, которая на этотъ разъ имѣла болѣе серьезный характеръ. Папа Климентъ VI ¹⁾ изъ Авиньона приглашалъ королеву Неапольскую и Сицилійскую принять участіе въ посылкѣ общаго флота противъ Турокъ. Но ни та, ни другая не отозвалась на это приглашеніе; за то всѣ ближайше заинтересованные въ дѣлѣ обнаружили полное согласіе. Всѣ мелкіе владѣтели Архипелага, Генуя, Венеція, родосскіе рыцари, Кипрскій король приняли участіе въ снаряженіи флота. Папа также прислалъ нѣсколько судовъ и главную команду надъ соединенною эскадрою вручилъ Мартину Цаккари ²⁾, герцогу Дамалы, тому самому, у котораго въ 1329 г. былъ отнятъ островъ Хіосъ, и который до 1337 г. содержался въ плѣну въ Византіи. Назначеніе такого лица показывало, что и этотъ походъ былъ направленъ столько же противъ Турокъ, сколько и противъ имперіи. (Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее завоеваніе Генуэзцами острова Хіоса ясно доказало это). Отъ Евбеи, сборнаго пункта, союзники отплыли къ берегамъ эмирства Аидина и 28-го октября 1343 г. овладѣли Смирною ³⁾. Это послужило началомъ къ жестокой, продолжительной борьбѣ между Турками и Латинами. Апокавку выгодно было какъ можно долѣе задерживать Омурѣ вдали отъ его друга; съ своей стороны онъ старался затянуть эту борьбу ⁴⁾. Но эти старанія не достигли цѣли. Омурѣ былъ на столько силенъ, что успѣвалъ отбиваться отъ своихъ враговъ, и въ то же время дѣятельно помогалъ Кантакузину во Фракіи.

¹⁾ Muralt, p. 591; Raynaldus, Ann. eccles. sub an. 1343.

²⁾ Greg. XIII, c. 13. Cant. III, c. 68; Hoff, p. 464.

³⁾ По Виллани (Giov. Villani у Muratori XIII, p. 918) и Райнальду (смысл. на epist. secr. Pap. Climent VI, т. III, p. 632) взятіе Смирны въ 1344 г. Здѣсь я какъ уже замѣтилъ, слѣдую Хопеу (p. 464).

⁴⁾ Ср. Parisot, p. 195.

Въ началѣ 1344 г. въ Царьградѣ считали перевѣсъ въ борьбѣ за партіей императрицы. Омуръ, во всякомъ случаѣ, хотя на время былъ отвлеченъ отъ Эракии; Стефана Душана и Александра Болгарскаго Апокавъ склонилъ дѣйствовать противъ Кантакузина. Нужды нѣтъ, что этотъ союзъ былъ купленъ цѣною пожертвованія областями имперіи, что первый изъ союзниковъ въ своемъ движеніи къ Зихнѣ ¹⁾, отнимая города у намѣстниковъ Кантакузина; овладѣвалъ ими для себя, а второй за обѣщаніе содѣйствовать Іоанну Палеологу, получилъ города: Чепину, Кричимъ, Перуштицу, св. Юстину, Станимаку въ Родопіи и прибалканскіе Аитось и Козниѣ ²⁾, то-есть, цѣлый округъ и притомъ одинъ изъ лучшихъ. Для Апокава важно было только, чтобъ эти государи не были заодно съ Кантакузиномъ. Кроме того, онъ лишилъ своего соперника поддержки болгарскаго гайдуга Момчила, игравшаго важную роль во время междоусобной войны. Этотъ народный герой уже въ юности велъ удалую жизнь гайдуга на границѣ между Болгаріей и Византіей. Отъ смѣлыхъ набѣговъ и дерзкаго грабежа его значительной дружины (до 2,000) одинаково терпѣли какъ его соотечественники, такъ и предѣлы имперіи. Наконецъ, совмѣстное преслѣдованіе пограничной стражи съ той и другой стороны заставило его бѣжать въ Сербію. При извѣстіи объ успѣхахъ Кантакузина въ Родопіи, онъ оставилъ ряды войска Душана и предложилъ свои услуги искателю византійскаго престола. Направляясь съ Омуромъ къ Димотикѣ, Кантакузинъ ввѣрилъ ему управленіе только что завоеванной Меропіей (часть Родопіи) и поручилъ ему дальнѣйшее завоеваніе неповорныхъ городовъ ³⁾. Въ распоряженіи его состоялъ пятитысячный отрядъ изъ мѣстныхъ жителей—Болгаръ. Подстрекнуть такого сына свободы и удалы къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Кантакузина Апокаву было нетрудно; въ награду за измѣну онъ предложилъ ему отъ имени императрицы Анны титулъ деспота ⁴⁾.

Подготовивъ такія комбинаціи, Апокавъ самъ собралъ значительное войско для нанесенія удара Димотикѣ, этому центру враждебной ему партіи. Но всѣ эти расчеты оказались несостоятельными. Сербы думали только, какъ мы сказали, о своихъ завоеваніяхъ и притомъ

¹⁾ Cant. III, с. 68.

²⁾ Cant. III, с. 66.

³⁾ Cant. III, с. 65, 68; Greg. XIV, с. 4.

⁴⁾ Cant. III, с. 70.

вскорѣ сами потерпѣли поражение со стороны союзниковъ Кантакузина — Турокъ. Во время начавшейся войны Омуръ съ Латинами турецкая эскадра изъ 60 судовъ была оттѣснена союзниками къ оракійскому полуострову Лонго. Желая избѣжать морскаго сраженія, экипажъ высадился у мѣстечка Паллены. Вскорѣ сюда пришелъ и латинскій флотъ и сжегъ всѣ суда противника. Турки рѣшились возвратиться въ Азію черезъ Оракію. Стефанъ Душанъ для прегражденія имъ пути выслалъ храбрѣйшаго своего воеводу Прелюба (Πραλίμπος). При мѣстечкѣ Стефаніана произошла жестокая битва. Сербы были разбиты на-голову. Турки дали знать Кантакузину о своей побѣдѣ и за жалованье предложили свои услуги. Въ числѣ 3100 чело-вѣкъ они оказали ему содѣйствіе при диверсіи противъ Александра Болгарскаго и въ усмирении Момчила. Средства для уплаты имъ жалованья доставила ему богатая добыча только что славшагося Граціанополя ¹⁾. Александръ Болгарскій, не смотря на полученное богатое вознагражденіе, не сдѣлалъ рѣшительно ничего въ пользу императрицы. Онъ вторгся въ область Морру и овладѣлъ небольшимъ городкомъ Иперпиракіемъ, но при первомъ движеніи сюда Кантакузина поспѣшилъ отступить за рѣку Марицу и заключилъ съ нимъ миръ, возвративъ взятый городокъ ²⁾. Момчилъ также недолго поддерживалъ Анну и Апокавка. Враждебность къ Кантакузину онъ обнаружилъ тѣмъ, что сжегъ въ Абдерахъ три турецкіе корабли изъ пятнадцати, привезшихъ подкрѣпленіе отъ Омуръ. Турки потребовали отъ Кантакузина мести за такое самоуправство. Соединенный ромэотурецкій отрядъ жестоко опустошилъ область Момчила. Самъ вождь и правитель укрѣпился въ Анастасіополѣ (Пармееорій) и дѣлалъ отсюда удачныя вылазки и нападенія на враговъ. Одно изъ нихъ, произведенное ночью на лагерь Грековъ при Мессенѣ, даже сопровождалось опасностью для жизни Кантакузина. Но въ концѣ концовъ Момчилъ все-таки уступилъ силѣ, смирился предъ Кантакузиномъ и былъ имъ награжденъ титуломъ севастократора, болѣе почетнымъ, чѣмъ тотъ, который былъ ему пожалованъ Анною ³⁾. Впрочемъ, его не тануло и къ Кантакузину. Онъ хотѣлъ быть ни отъ кого не зависимымъ. Вскорѣ онъ достигъ такого положенія ⁴⁾. Меропія съ Анастасіополемъ и Ксан-

¹⁾ Cant. III, с. 69.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Cant. III, с. 70; Greg. XIV, с. 4.

⁴⁾ Cant. III, с. 71.

фией становятся его маленькимъ княжествомъ, изъ котораго онъ производитъ грабежи во всѣ стороны. Окончательно сломить этого безпокойнаго гайдука Кантакузину удалось только черезъ годъ и опять при помощи Турокъ.

Неудалось и Апокавку его нападеніе на Димотику и намѣреніе хитростью овладѣть личностью Кантакузина ¹⁾. Онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и долженъ былъ вернуться въ Византію. Здѣсь между тѣмъ царствовало полное недовольство великимъ дукой. Дѣло въ томъ, что непривлекательныя личныя качества Апокавка, его чрезмѣрное властолюбіе, фальшь ²⁾, стремленіе въ тайнымъ замысламъ вооружили противъ него даже передовыхъ людей его партіи, какъ патриарха и Іоанна Гавалу. Съ другой стороны, неудачи войны и неисчислимныя бѣдствія, причиненныя ему, вслѣдствіе постоянныхъ нашествій и опустошеній Турокъ, все болѣе увеличивали въ столицѣ партію мира; она громко возвышала голосъ о необходимости такого или иного соглашенія съ Кантакузиномъ ³⁾, который, съ своей стороны, также не отказывался отъ примиренія. Апокавкъ не могъ ждать для себя ничего хорошаго отъ такого примиренія и старался подавить даже всякую мысль о немъ. Безхарактерность императрицы давала полную волю его деспотизму. Внутренняя борьба, интриги, преслѣдованія вновь заняли вниманіе царградскаго правительства. При такихъ условіяхъ и отпоръ наступательному движенію Кантакузина становился все слабѣе. Апокавкъ съ каждымъ днемъ опускался все ниже въ мнѣніи народа и высшихъ классовъ, его жестокости возбуждали все большее раздраженіе, и наконецъ, привели къ катастрофѣ 11-го іюня 1345 г. Въ этотъ день, во время обозрѣнія вновь устроенной тюрьмы, на него бросилась толпа невинно-заключенныхъ и при помощи палокъ и камней расправилась съ своимъ притѣснителемъ; чей-то мечъ отсѣкъ голову уже у безчувственнаго трупa. Эта катастрофа сопровождалась другою: страшнымъ избіеніемъ участниковъ заговора уже вышедшихъ на свободу, которое произвели фанатическіе приверженцы

¹⁾ Cant. III, с. 71; Greg. XIV, с. 5.

²⁾ Этимъ качествомъ отличаются всѣ его дѣйствія. Особенно характеренъ его поступокъ съ Гавалою, которому онъ постоянно обещалъ въ супружество свою дочь; не имѣя намѣренія выполнить это обещаніе, онъ въ концѣ концовъ, проведъ его жестокимъ образомъ, заставивъ его связать себя не узми брака, а обѣтомъ монашества. Cantac. III, сс. 72, 80.

³⁾ Cant. III, с. 72.

убитаго Апокавка, при молчаливомъ согласіи императрицы ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, радость въ Царьградѣ была всеобщая; всѣ чувствовали, что избавились отъ тяжелаго челоуѣка, всѣ вздохнули свободнѣе.

Между тѣмъ съ паденіемъ Апокавка Кантакузинъ пріобрѣтаетъ все большее обаяніе. Города Фракіи одинъ за другимъ переходятъ въ его власть; въ продолженіе одного года (съ лѣта 1344 г. по лѣто 1345), почти вся провинція съ Адрианополемъ, со стороны Эгейскаго и Чернаго морей, признала его императоромъ ²⁾. Аніѣ оставались вѣрными только небольшой округъ близъ Царьграда и города: Калиполи, Эносъ и Экзамилій. Такого успѣха Кантакузинъ не могъ достигнуть однѣми собственными силами. Своего войска у него было немного. Трехтысячный турецкій отрядъ, принимавшій участіе въ войнѣ съ Момчиломъ, сряду послѣ усмиренія его, вернулся въ Азію ³⁾. Затѣмъ до мая 1345 г. нѣтъ извѣстій о присылкѣ подкрѣпленій отъ Омюра. Однако, и въ присоединеніи срединныхъ городовъ Фракіи, которые большею частію сами сдаются, несомнѣнно принимали участіе Турки ⁴⁾. Ихъ было также немного; можетъ быть, это была часть того большаго отряда, пожелавшаго за жалованье остаться на службѣ, или вновь присланная Омуромъ помощь, о которой вслѣдствіе ея обычности и незначительности нашъ историкъ забылъ упомянуть. Кантакузинъ обыкновенно пользуется ими по отношенію къ беззащитнымъ городамъ Фракіи, какъ орудіемъ для возбужденія покорности ⁵⁾; опасеніе за опустошеніе полей и разграбленіе города невольно заставило кефалій отворять ворота новому императору. Болѣе значительныя военныя средства нужны были Кантакузину для удержанія за собою жителей Халкидики и Морры, въ которыхъ все болѣе усиливался Момчилъ и для подчиненія хорошо укрѣпленнаго и оберегаемаго побережья Чернаго и Мраморнаго морей. Противъ Момчила къ нему явился на помощь въ послѣдній разъ Омуръ. Онъ успѣлъ нѣсколько справиться съ латинскою лигою; послѣ долгой осады Смирны, онъ, наконецъ, выманилъ Франковъ изъ города и 17-го января 1345 г. нанесъ имъ тяжелое пораженіе: самъ храбрый предводитель

¹⁾ Cantac. III, сс. 87, 88; Greg. XIV, с. 10.

²⁾ Cantac. III, с. 77; Greg. XV, с. 1.

³⁾ Cant. III, с. 70.

⁴⁾ Упомянутое о нихъ есть у Кантакузина (III, с. 76) при описаніи попытки овладѣть городомъ Хорой.

⁵⁾ Cant. III, с. 79.

лиги Мартинъ Цаккари палъ въ битвѣ ¹⁾). Эта удача ободрила Омуръ. Весною 1345 г., съ двадцати-тысячною арміею и съ сыномъ со-сѣднаго Сельджукаго эмира Сарухана Солиманомъ, онъ снѣшилъ къ своему другу въ Димотику. Кантакузинъ направилъ своихъ союзниковъ противъ Момчила ²⁾; жестокий бой при Периеоріи (Анастасіополь) окончился гибелью болгарскаго героя и истребленіемъ почти всей его храброй дружины ³⁾.

Такимъ образомъ избавился Кантакузинъ отъ одного изъ опаснѣйшихъ враговъ. Теперь онъ думалъ воспользоваться готовыми большими силами противъ Сербовъ, которые заняты были завоеваніемъ Македоніи и дѣлали попытки овладѣть Сересомъ. Омуръ готовъ былъ и здѣсь оказать помощь и двинулся было къ осажденному городу, но неожиданно съ дороги вынужденъ былъ вернуться въ Азію. Близъ Апамеи скончался участвовавшій съ нимъ въ походѣ Солиманъ. Боясь нареканій со стороны подозрительнаго отца умершаго, опаснаго сосѣда, онъ торопился объяснить Сарухану обстоятельства смерти Солимана. Кантакузинъ ⁴⁾ указываетъ одну эту причину отъѣзда Омуръ. По всей вѣроятности, была и другая. Ему предстояло снова оборонять предѣлы своей страны отъ нападений латинской лиги, которая вскорѣ собралась съ силами, и имѣя вождемъ поставленнаго папою ахайскаго баила Бэртрана де Бокса ⁵⁾, съ прежнею энергіею стремилась къ завоеванію эмирства Аидина. Дѣйствительно, въ концѣ 1345 г. борьба на югѣ Эгейскаго моря возгорѣлась съ новою силою, и на этотъ разъ она была несчастна для Омуръ; въ 1346 году онъ въ свою очередь былъ разбитъ и убитъ. Смертью заплатилъ онъ за излишнюю привязанность къ византійскому другу, ради котораго

---

¹⁾ Misti XXI, fol. 6 v., 50; Commemoriali, Vol. IV, fol. 238 v. (*Hopf*, p. 465), *Raynaldus*, sub. an. 1345.

²⁾ Омуръ явился совершенно неожиданно, когда у Кантакузина войско не было еще готово къ походу. Турки сторажи отъ нетерпѣнія пограбить, и въ ожиданіи выступленія Кантакузина, устремились за добычей въ Болгарію..... *Cantac.*, vol. II, p. 530. По свидѣтельству же Григоры, Кантакузинъ и Омуръ, до движенія противъ Момчила, подступили къ Царьграду *θεας τε ένεχα και περας αι δεοι*. Варваръ съ любопытствомъ осматривалъ столицу Восточнаго міра и былъ удивленъ ея громадностью, красотою и неприступностью. *Greg. XIV*, c. 7, p. 727.

³⁾ *Cant. III*, c. 86; *Greg. XIV*, c. 9.

⁴⁾ *Cant. III*, c. 89.

⁵⁾ *Muraii*, p. 600; *Raynald*, sub an. 1345 (*Bertrandus de Baucius*).

пренебрегаль достаточно обездеченною защитою собственных владѣній¹⁾. Почти наканунѣ смерти онъ оказалъ еще одну услугу Кантакузину; посланный имъ двухтысячный отрядъ, согласно его предписанію, отвлекъ на сторону императора-претендента—Турокъ изъ эмирства Сарухана, нанятыхъ императрицей Анною для дѣйствій противъ Кантакузина²⁾.

Такимъ образомъ, во-время съ ловкою предусмотрительностію завязанныя дружественныя отношенія съ однимъ изъ могущественныхъ Сельджукихъ эмировъ лично Кантакузину сослужили громадную службу въ періодъ междоусобной войны. Другой вопросъ: во что обошлась эта дружба Византійской имперіи? Какіе слѣды на ея областяхъ оставляли всякій разъ эти дружественныя посѣщенія Сельджуковъ?

Утвержденіе императорской власти Кантакузина въ восточной части Фракіи—на берегу Чернаго моря и въ городахъ, непосредственно примыкающихъ къ Царьграду, совершилось при дѣятельномъ участіи новыхъ союзниковъ — Турокъ - Османовъ. Съ верховнымъ главой ихъ, Орханомъ, Кантакузинъ пытался вступить въ такія же тѣсныя отношенія, какія у него давно были установлены съ Омуромъ. Онъ видѣлъ, что Омуръ, при всемъ желаніи содѣйствовать ему, былъ занятъ своими дѣлами—серьезною войною съ Латинами. Положимъ, что не смотря на это, онъ продолжалъ получать хотя небольшую помощь изъ Аидинскаго эмирства; но кто могъ поручиться, что въ самую нужную минуту онъ не останется одинъ съ своимъ плохо-сформированнымъ отрядомъ, одинъ среди многочисленныхъ враговъ. Наконецъ, по отношенію къ понтійскимъ городамъ, онъ не могъ воспользоваться помощью Омуръ. Появленіе Сельджуковъ въ окрестностяхъ Босфора, по сосѣдству съ ихъ естественными врагами Османами, которые въ это время, какъ мы видѣли, обнаруживали притязанія на господство на Мраморномъ и Черномъ моряхъ, могло легко повести къ опаснымъ и для него, и для имперіи столкновеніямъ. Такія соображенія подсказывали ему важность обращенія къ Орхану. Съ другой стороны, этотъ союзъ былъ для него просто неизбеженъ, какъ только онъ вступилъ не-

¹⁾ Сыновья Омуръ продолжали войну съ легою. Смирна такъ и осталась за Латинами, служа имъ, до завоеванія своего (1402 г.) Тимуромъ, важнѣйшимъ военнымъ и торговымъ пунктомъ на западномъ берегу Малой Азіи. *Hopf*, p. 465.

²⁾ *Santas*, III, с. 96. Кантакузинъ, впрочемъ, не нуждаясь въ ихъ помощи. Тогда они, получивъ отъ императрицы условныя деньги и ища исхода кроваваго стремленія, набросались на Болгарію и подвергли ее жестокому разоренію. *Greg.* XV, с. 5.

ушло на путь междоусобной войны. Внутренняя смута в империи предоставила Османам полную свободу, независимо ни от каких партий, грабить берега Фракии¹⁾, как это делали Сельджуки, принимавшие участие в самых смутах. Помимо того, что Кантакузину нужно было позаботиться предохранить от этих опустошений те области, которые уже признали его державную власть, очень важно было не допустить противной стороны до союза с этими хищниками. Последнее было тем более необходимо, что в Византии делались попытки привлечь Османов к совокупным действиям против Кантакузина. В начале войны, в критический для Кантакузина момент отступления от Веррии к переправе через Вардарь, у Фессалоники явился Апокавк с сильным флотом: кроме византийских судов у него было и 22 союзных турецких²⁾. Суда эти, по всей вероятности, принадлежали Османам³⁾. Несколько позже, Анна вступает с Орханом в формальные переговоры о союзе⁴⁾. Но Кантакузин предупредил ее и успел окончательно склонить на свою сторону Турок-Османов. Дружественные сношения с ними завязываются в 1344 г. Во время завоевания Херсониса фракийского (Галлипольского пол.) близ р. Эгось-потома, Кантакузин имел свидание с одним из мелких османских эмиров, Сулейманом. Результатом этого

¹⁾ Sant. III, с. 68; общие отзывы у Григоры, XIII, с. 12 и XV, с. 1.

²⁾ Gregor. XIII, с. 7, р. 659: Περσικαὶ δὲ, κατὰ συμμάχων ἐπόρευαι, δύο καὶ εἴκοσι.

³⁾ Трудно допустить, чтобы под Περσικαὶ здесь разумелись Сельджуки. Окурь был союзником Кантакузина, Сарукань выступает позже, прочие сельджукские эмиры, уже признававшие господство Османов, не были на столько сильны, чтобы посылать такой значительный флот. А главное: внимательное чтение Григоры и Кантакузина убеждает, что оба автора, говоря о Сельджуках, не довольствуются общим названием Πέρσαι, но присоединяют к нему имя эмира, которым они управляют, или же точнее определяют места их владения географическими названиями. Одно Πέρσαι (Τούρκοι), употребленное в частном смысле, обыкновенно означает ближайших к Византии Турок-Османов.

⁴⁾ Greg. XV, с. 5. Позднейший византийский писатель Дука говорит, (с. VII, р. 31, с. 1. seq), что Орхан даже поддался обещаниям Анны и прислал ей десяти-тысячный отряд, который повредил не столько Кантакузину, сколько империи и областям, которые оставались верны императрице. Так как современники Кантакузина и Григора ничего не говорят об этой помощи Орхана Анне, то нам кажется, Дука здесь ошибочно передает ниже приводимый рассказ Григоры о звирствах Сельджуков из эмирства Сарукана, действительно призванных Анной.

свиданія было то, что Сулейманъ снабдилъ Кантакузина оружіемъ и лошадьми и предоставилъ въ его распоряженіе значительный отрядъ ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ эти Турки производятъ опустошеніе въ окрестностяхъ непокорной Кантакузину Гераклеи ²⁾. Съ самимъ Орханомъ договоръ былъ заключенъ зимой съ 1344 на 1345 годъ черезъ посредство внука Хаджи (Χατζήν τὸν εὐνοῦχον), присланнаго повелителемъ Османовъ въ лагерь Кантакузина во Фракіи ³⁾. Обыкновенно обстоятельный, на этотъ разъ царственный историкъ не сообщаетъ условій договора. Очевидно, они были тяжелы для стороны, искавшей союза, и во всякомъ случаѣ не легче тѣхъ, которыя одновременно предлагала тому же Орхану императрица Анна ⁴⁾. Очень вѣроятно, главнѣйшее между ними было—согласіе Кантакузина на опустошеніе Фракіи и на уступку одной изъ его дочерей въ супружество Орхану ⁵⁾. Немедленно по заключеніи договора, турецкіе отряды одинъ за другимъ начали переходить во Фракію. При содѣйствіи ихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ города по Черному морю, за исключеніемъ Созополя, подчинились Кантакузину. Наконецъ, были взяты Деркъ, Емпириѣ и Селиврія, города, ближайшіе къ Византіи ⁶⁾. Османы хорошо помнили выговоренное право, являлись во Фракіи даже тогда, когда Кантакузинъ не нуждался въ ихъ помощи, и своими посѣщеніями обратили несчастную страну въ пустыню ⁷⁾.

Завоеваніе черноморскихъ городовъ и дѣятельная помощь Османовъ происходили въ первой половинѣ 1345 года, до пораженія Момчила. Такимъ образомъ, въ это время, почти все, что составляло Византійскую имперію, за исключеніемъ самой столицы и нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ (Созополя и Гераклеи во Фракіи и Солуни въ

¹⁾ Cant. III, с. 76.

²⁾ Cant. III, с. 77.

³⁾ Cant. III, с. 81, р. 498.

⁴⁾ Ducas, p. 31. (Ed. Bonn.): συνθημάνη (то-есть Анна) δοῦναι αὐτῆ, ποσότητα χρυσίου πολλοῦ, καὶ οὐδὲ ἀνδραποδίσουσι οἱ Τούρκοι Ῥωμαίους ὑπηκόους τοῦ Καντακουζηνοῦ, ἔχωσι ἄδειαν πωλεῖν καὶ πιπράσκειν ἔνθα βούλονται καὶ τοὺς μὴ θέλοντας πωλεῖσαι τοὺς αὐτοῦ αἰχμαλώτους, ἀνεμπόδιστος περὶν αὐτοὺς ἀπὸ Ξκουταρίου, καὶ ἄγειν, καὶ φέρειν αὐτοὺς ἔνθα βούλονται.

⁵⁾ Что послѣднее обязательство установлено по этому договору, а не есть повдвѣйшее требованіе Орхана, ясно видно изъ хода разказа Григоры о союзѣ съ Османами. Greg. XV, с. 5. Дука также ставитъ этотъ бракъ какъ первое условіе союза Кантакузина съ Орханомъ.

⁶⁾ Cant. III, с. 81.

⁷⁾ Cant. ibidem; Greg. XV, с. 2.

Македоніи), признавало императоромъ Кантакузина. По видимому, ему оставалось немедленно овладѣть Царьградомъ. Но до этого событія, слѣдовательно и до окончанія междоусобной войны, прошло еще полтора года. Вообще, избѣгая дѣйствій открытою вооруженною силою, Кантакузинъ особенно боялся воспользоваться помощью варваровъ для входа своего въ царствующій градъ вселенной ¹⁾ и предпочелъ путемъ мирныхъ сношеній и усиленія своей партіи въ Царьградѣ добиться конечной цѣли борьбы. Расчетъ этотъ былъ вѣренъ. Асанъ, занявшій мѣсто убитаго Апокавка, не въ состояніи былъ поднять въ глазахъ народа низко упавшее значеніе императрицы Анны. Число приверженцевъ Кантакузина, особенно въ виду несомнѣнной развязки въ его пользу, росло съ каждымъ днемъ. Всеобщее обѣдненіе, голодъ, опустѣніе казны еще болѣе увеличивали недовольство противъ императрицы ²⁾.

Все указывало, что она должна смириться. Но гордая, властолюбивая женщина не могла согласиться на такой шагъ. Слыша отовсюду требованіе примиренія, не находя ни въ комъ изъ окружающихъ поддержки, она принимаетъ лично на себя веденіе послѣдней борьбы и съ необыкновенною энергіей прибѣгаетъ къ цѣлому ряду крайнихъ, но не удавшихся мѣръ, въ которыхъ обнаруживается столько же непримиримая ненависть и ожесточеніе къ врагу, сколько и отвѣчающая этимъ качествамъ неразборчивость въ средствахъ. Нѣсколько разъ она подсылаетъ къ Кантакузину убійцъ, вручая имъ то кинжалъ, то ядъ; ни одно покушеніе не удалось ³⁾. Она старается переманить на свою сторону наиболѣе сильныхъ по своему положенію лицъ, уже перешедшихъ къ Кантакузину. Одинъ изъ нихъ, стратопедархъ Іоаннъ Ватаци (Βατάτζης), имѣвшій большое вліяніе между еракійскимъ населеніемъ, тесть одного изъ турецкихъ эмировъ-

---

¹⁾ Greg. XIII, с. 11: ἡ γὰρ τοι βασιλεύουσα πόλις ἀβτῆ κοινὴ τῆς ὀλης εἰπεῖν οἰκουμένης ἐστὶν ἕστια καὶ κοινὸν πρυτανεῖον

²⁾ Картинное описаніе бѣдственнаго положенія Царьграда въ это время у Григоры XV, с. 1. За недостаткомъ денегъ, снимались даже украшенія съ иконъ, но они шли далеко не на нужды государства. Авторъ сильно упрекаетъ по этому случаю Анну, какъ иностранку: τῆς βασιλίδος Ἄννης καίρων οὐδὲν περὶ τὴν τῶν πραγμάτων μελετᾶν οὐτ'εἰδυίας οὐτ'ἐθαλώσης διοίκησιν, ἀλλ'ἀφαιρουμένης μὲν τὸν τῶν ἱερῶν εἰκόνων κόσμον ἀνέδην, καὶ ὄν μὲν ἐκποιουμένης, ὄν δὲ χωνεῖα παραπεμπούσης, προφάσει μὲν διὰ τὴν ἐς τὰ κοινὰ χρεῖαν, τὸ δὲ πλεῖστον εἰς ἑαυτῆς ἴδιον κέρδος (р. 748).

³⁾ Cant. III, сс. 90, 91, 97.

Судеймана, соблазнился на предложенія Анны и измѣнилъ Кантакузину. вмѣстѣ съ нимъ отпало и нѣсколько городовъ. Но и тутъ неудача. Ватаги навлекъ нерасположеніе Турокъ, присланныхъ къ нему зятемъ, и былъ ими убитъ; сами Турки не могли нанести вреда областямъ Кантакузина, а отпавшіе города вскорѣ были возвращены ¹⁾. Не успѣвъ заручиться союзомъ Орхана, Анна вызываетъ полчища Турокъ изъ сельджукскихъ эмиратъ, главнымъ образомъ изъ Сарухана ²⁾. Лѣтомъ 1346 года, 6000 Сельджуковъ переправились черезъ Геллеспонтъ. Но какую же пользу извлекла она изъ призванія этой сбродной, хищной толпы? вмѣсто того, чтобъ обратиться прямо на Кантакузина, Турки бросились на Болгарію, представлявшую больше добычи, чѣмъ въ конецъ разоренная Фракія. Опустошивъ ее, они продолжали грабить по всей дорогѣ до самой Византіи. Съ неисчислимымъ множествомъ плѣнниковъ и большею добычею расположились эти новые союзники Анны передъ стѣнами столицы и съ наглостью требовали уплаты за услуги, которыхъ они еще не оказали, или же выкупа забранныхъ ими въ рабство Ромѣевъ. Для приданія большей силы своему требованію, они подвергали плѣнныхъ, въ виду ихъ соотечественниковъ, жестокимъ и позорнымъ истязаніямъ. Стоны несчастныхъ оглашали далеко окрестности, говорить свидѣтель этихъ событій, Никифоръ Григора ³⁾, — въ городѣ же повсюду раздавались плачъ и рыданіе. Одна правительница относилась хладнокровно къ этому страшному зрѣлищу. Иностранка она была и отъ природы не мягкаго сердца, замѣчаетъ по этому поводу тотъ же историкъ ⁴⁾. Можетъ быть, это замѣчаніе Григоры о безсердечіи Анны къ своимъ подданнымъ и справедливо, но съ другой стороны, очень вѣроятно, что за недостаткомъ средствъ она ничѣмъ не могла помочь горю. Даже войска у нея едва хватало для защиты городскихъ стѣнъ, и когда Турки, наскучивъ ждать, наконецъ просили ее дать имъ вождей и проводниковъ, которые вели бы ихъ на то, за чѣмъ они призваны, то императрица не нашла лишнихъ людей. Не добившись ничего,

¹⁾ Cant. III, с. 90; Greg. XIV, с. 11.

²⁾ У Кантакузина (III, с. 96) это нашествіе изложено нѣсколько иначе и съ меньшею подробностію, чѣмъ у Григоры.

³⁾ Greg. XV, с. 5.

⁴⁾ Ibidem, p. 764: ἄτε γὰρ οἶμαι ἀλλόφυλος οὖσα, καὶ ἄρα τὴν τῆς γνώμης εἶναι σκληροτέραν ἐκ φύσεως ἐσχηκυῖα, πᾶσιν ὁμοίως ἤχθετο Ῥωμαίοις καὶ κατὰ πάσης ἄρδην ἐχώρει τύχης.

Турки опустошили всё предместья Царьграда вплоть до Селиврии, вошли въ соглашение съ Кантакузиномъ и вернулись въ Азію¹⁾.

Не смотря на явные неуспѣхи, Анна не терялась; она питала еще надежду на помощь Орхана. Кантакузинъ колебался въ выполнении обѣщанія—отдать дочь свою Теодору за повелителя Османовъ; между тѣмъ послѣдній настоятельно домогался родства съ императоромъ и въ случаѣ отказа упрощалъ перейти на сторону усердно приглашавшей его императрицы. Рѣшительный шагъ Кантакузина и въ этомъ дѣлѣ подорвалъ послѣднюю ея надежду. Уступая настояніямъ друзей (какъ онъ старается увѣрить), а вѣрнѣе, самъ усматривая выгоды изъ тѣснаго сближенія съ Османами, съ вѣдома Омур, онъ далъ знать Орхану о присылкѣ свиты за невѣстою. Весною 1346 г., въ Селиврии совершена была торжественная церемонія помолвки, послѣ которой Теодора, на тридцати турецкихъ судахъ, въ сопровожденіи блестящей свиты отправилась къ своему повелителю²⁾. Этотъ бракъ дочери императора (хотя еще не вполне законеннаго) съ варваромъ-мусульманиномъ—несомнѣнно характерное событіе въ исторіи Византіи разсматриваемой эпохи. Онъ ясно свидѣтельствуетъ, какъ низко опустилась имперія, какъ мало оставалось у нея прежняго величія и обаянія и пренебреженія къ сосѣднимъ народамъ, со всѣхъ сторонъ стремившимся въ ея предѣлы, отъ той поры, когда брачные союзы членовъ императорской фамилии даже съ христіанскими государями варваровъ считались немислимыми, невозможными и допускались какъ исключеніе съ крайнимъ соболѣзнованіемъ. По отношенію къ давно минувшей эпохѣ могущества имперіи отъца Теодора Кантакузинъ въ гаремѣ Орхана представляется весьма рѣзкимъ явленіемъ. Но въ данное время это событіе не могло особенно поразить умъ. Если это былъ первый случай по отношенію къ Османамъ, то онъ не былъ новостью по отношенію къ мусульманамъ вообще. Мы знаемъ, что вышеозначенный Ватаци, игравшій весьма видную роль и при дворѣ императрицы, и у Кантакузина, былъ тестемъ эмира Судеймана, одного изъ потомковъ Карти. Очень можетъ быть, что были и другіе примѣры, которые не упомянуты у нашихъ историковъ. При частыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ Турками, которые стараются поддерживать добъ споразицъ стороны, во всемъ этомъ нѣтъ ничего дора-

¹⁾ Μῦθε μὴδὲν ἐν ἡλίθιοις καὶ πᾶν τοῦτοῦτον ἐρασαίης, заключаетъ Григоръ свой разказъ объ этомъ печальномъ событіи. Ibidem.

²⁾ Cant. III, c. 95. Вачательно хронологія ср. *Mirail*, p. 605.

жающаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что этотъ бракъ самъ по себѣ не имѣетъ такого значенія, какое ему придаютъ многіе изслѣдователи византийской исторіи, когда обвиняютъ Кантакузина въ призваніи Турокъ въ Европу. Онъ ничего уже не прибавлялъ къ тому злу, которое было принесено всѣмъ ходомъ междоусобной войны и событіями, задолго ей предшествовавшими, которыя собственно и проложили Туркамъ дорогу въ Европу. Напротивъ, онъ могъ послужить не только личнымъ дѣламъ Кантакузина, но и государственными интересамъ имперіи. Османы, какъ и Сельджуки, созидавъ свое могущество на счетъ византийскихъ областей, въ первое время все-таки сохраняли, унаслѣдованный по преданію, высокій взглядъ на власть Восточнаго императора. Поэтому Евдора, ставъ супругой Орхана, естественно должна была занять первое мѣсто между другими его женами; она сохранила свою религію и помимо того, что путемъ миссіи христіанства могла сдѣлать многое въ ослабленіи силы мусульманъ, влияніемъ своимъ на мужа должна была отсрочить на время дальнѣйшія завоеванія Османовъ. До нѣкоторой степени такъ и было: въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ, до 1352 г., нѣтъ извѣстій о новыхъ завоеваніяхъ Орхана въ предѣлахъ имперіи. Но расчетъ Кантакузина на постоянную дружбу Османовъ, какъ увидимъ, не оправдался.

Какъ бы то ни было, въ настоящій моментъ тѣсный союзъ съ Орханомъ окончательно облегчалъ Кантакузину достиженіе преслѣдуемой цѣли. 21-го мая 1346 г. въ Адрианополѣ совершилась коронація Кантакузина. Она должна была служить дополненіемъ къ церемоніи провозглашенія, совершенной въ началѣ войны въ Димотигѣ, когда Кантакузинъ ограничился возложеніемъ на себя императорской одежды. Теперь Іерусалимскій патриархъ Лазарь, въ присутствіи многихъ епископовъ и массы народа, торжественно возложилъ золотую корону на новаго императора; затѣмъ Кантакузинъ самъ короновалъ свою супругу Ирину. Торжество, по обычаю, сопровождалось раздачею золотыхъ и серебряныхъ монетъ и продолжительными пирами¹⁾. Отъ

---

¹⁾ Cantac. III, с. 92; Greg. XV, с. 5. Послѣ коронаціи всѣ присутствовавшіе епископы составили соборъ, на которомъ изложили патриарха Цареградскаго Іоанна Априйскаго и постановили: не упоминать впредь его имя при богослуженіи. Тогда же войско и вмѣстѣ чины предлагали Кантакузину короновать также и сына Матвѣя, чрезъ что Іоаннъ Палеологъ окончательно былъ бы устраненъ отъ престола. Кантакузинъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе;

этого события до вступления въ столицу прошло еще восемь мѣсяцевъ. Въ этотъ промежутокъ времени произошла вышеописанная несчастная высадка Турокъ эмирства Сарухана, призванныхъ Анной, и пришла другая, также не принесшая ей пользы помощь со стороны владѣтеля Карвона, Валия¹⁾. Въ это же время складывались обстоятельства, подготовлявшія Кантакузину мирное занятіе Царьграда.

Въ числѣ судовъ латинской лиги противъ Турокъ, въ 1346 г., плавали въ водахъ Архипелага нѣсколько генуэзскихъ галеръ, вооруженныхъ на частныя средства общества Маоны. Командиръ ихъ Симоно Вижози, вспомнивъ объ утраченныхъ завоеваніяхъ земляна Цаквары, 16-го іюня напалъ на о. Хіосъ и въ нѣсколько дней овладѣлъ всѣмъ островомъ съ его столицей. Только въ Хіосскомъ акрополѣ императорскій намѣстникъ Іоаннъ Кибо держался до 12-го сентября, когда также принужденъ былъ сдаться. Императрица не въ состояніи была оказать серьезной помощи. Едва нашлось нѣсколько триремъ, которые были вѣрены Фочіолати. Не смотря на ничтожность силъ, этотъ ловкій навархъ захватилъ одно²⁾ большое генуэзское судно съ транспортномъ; скинажъ перебилъ, а транспортъ доставилъ въ

въ исторіи своей онъ приводитъ рѣчь, которую будто бы онъ сказалъ при этомъ случаѣ; въ ней онъ слагаетъ доказать всегдашнюю чистоту своихъ намѣреній: онъ заботится только о благѣ имперіи и никогда не рѣшится коснуться законныхъ правъ дѣтей покойнаго императора. На сколько справедливы и искренни были эти заступенія Кантакузина—повѣдывать самый святъ порядочнаго королева и дальнѣйшій образъ его дѣятелъ подлѣ занятія Царьграда. Объ этомъ предложеніи праверженцевъ Кантакузина, а равно о низложеніи патріарха Іоанна Адрійскаго, у Григоры нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія.

¹⁾ Cantac. III, c. 98. Валия послалъ тысячный отрядъ подъ начальствомъ двухъ братьевъ: Оседора и Добротича (Томиресѣцѣс). Добротичъ былъ разбитъ войсками Кантакузина, женился на дочери Авоакана и продолжалъ, какъ увидѣть, держать сторону Палеолога. Валия—остается личностью совершенно не известною. Имя его, не напоминающее ничего славянскаго, заставляетъ догадываться, что по происхожденію онъ принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ египетскихъ кочевья въ южной Россіи (*Jivclak*, Gesch. der Bulgaren, p. 260, 276). Карвона или Карвуна Карвоича (см. Acta Patriarch. Constant. ed. Miklosich et Miller I, 502) занимала мѣсто вышней деревни Экерне близъ Балчика, между Варной и Каварной (*Брунь*, О названіи Добруджи—въ *Ж. М. Н. Пр.* 1877 г. сентябрь, стр. 63). Владѣлъ Карвонной Валия, вѣроятно, въ зависимости отъ Болгарскаго царя.

²⁾ По свид. Григоры (XV. c. 6) два судна.

Константинополь ¹⁾. Такой обычный въ военное время случай возмутьды галатскихъ Генуэзцевъ. Они заперли гавань, превратили подвоязъ хлѣба и окончательно стѣснили бѣдную столицу ²⁾. Въ виду крайности, Анна соглашалась дать Генуэзцамъ удовлетвореніе и даже готова была пожертвовать самимъ навархомъ, виновникомъ катастрофы генуэзскаго судна. Чтобъ обезопасить свою личность отъ жесткой выдачи врагамъ, Фрочюлати вступилъ въ переговоры съ Кантакузиномъ о передачѣ Царьграда.

Ночью 3-го февраля 1347 г. Золотыя ворота были отперты — и Кантакузинъ спокойно вступилъ въ столицу имперіи, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія; населеніе и войска, оберегавшие городъ, были на его сторонѣ. Одна прѣзрительница ни за что не соглашалась смириться. Она приказала укрѣпить дворецъ, приввела изъ Галаты генуэзскія галеры, чтобъ бѣжать на нихъ съ сыномъ и такъ, либо иначе, продолжать войну съ ненавистными соперникомъ. Кантакузинъ предувреждаетъ содѣйствіе Галатцевъ, посылаетъ къ Аннѣ почетное посольство (митрополита Филиппа и Кавасилу), которое заверяетъ, что онъ не замышляетъ ничего худаго, ни противъ императрицы, ни противъ ея сына; она остается непреклонною. Наконецъ солдаты врываются во дворецъ, и только тогда Иоаннъ Палеологъ убѣждаетъ мать, въ виду грозящаго имъ обоимъ насилія, вступить въ соглашеніе ³⁾. Кантакузинъ признанъ императоромъ наравнѣ съ Иоанномъ Палеологомъ. Взаимныя отношенія между ними должны быть отношеніями отца къ сыну. Въ теченіе десяти лѣтъ государствомъ управляетъ Кантакузинъ, и только по достиженіи совершеннолѣтія долженъ принять участіе въ дѣлахъ Иоаннъ Палеологъ. Затѣмъ, объявлена всеобщая амністія, признаны свободными отъ всякихъ преслѣдованій приверженцы той и другой стороны, установлена невмешательность собственности. Утвержденіе этого соглашения взаимными клятвами и провозглашеніе Кантакузина императоромъ произошло 8-го февраля. Вскорѣ затѣмъ — 21-го мая — послѣдовала новая, уже третья его коронація и бракъ юнаго императора съ его дочерью Еленою ⁴⁾. Кантакузинъ достигъ своей цѣли. Победа его была полная.

¹⁾ Cantac. III, c. 95; Greg. XV, c. 6; Hoff, Giustiniani, въ Encyclop. von Br. u. Gruber, Bd. 68, p. 314.

²⁾ Greg. X, c. 6.

³⁾ Cantac. III, cc. 98, 99, 100.

⁴⁾ Cant. IV, c. I; Greg. XV, c. 11.

Посмотрим теперь, какою цѣною была приобретена эта побѣда, во что обошлось имперіи вступленіе на царградскій престолъ, уже занятый Іоанномъ Пальологомъ, другаго императора. Вглянемъ на послѣдствія этой междоусобицы.

Выше имъ замѣтили, что задуманный и отчасти удачно выполненный Кантакузинъ планъ внѣшняго усиленія Византіи, разстроился самъ собою съ наступленіемъ внутреннихъ смутъ. Обѣ стороны до такой степени увлеклись личною борьбою, что совсѣмъ забыли о государственныхъ интересахъ: О занятѣ предѣловъ имперіи противъ враговъ, которые охѣщали пользоваться удобнѣе временемъ для новыхъ завоеваній, никто не думалъ. Напротивъ; даже добровольная уступка имъ тѣхъ или другихъ областей на разграбленіе, или въ собственность считалась ни во что, лишь бы путемъ этихъ противогосударственныхъ сдѣлокъ достигалось возможно большее ослабленіе соперника. Такимъ образомъ были утрачены почти всѣ приобретеныя въ царствованіе Андроника Младшаго, и кромѣ того, цѣлая полоса земли, еще раньше вошедшая въ составъ возстановленной имперіи. Границы ея сузились до послѣдней степени. Въ 1344 г. къ Волгаріи отошла, какъ мы видѣли выше, прекрасная долина верхней Маршцы съ городами Филлипополею, Чашиной и Станиманомъ. Съ запада огромныя завоеванія сдѣлалъ Стефанъ Душанъ. Оправившись послѣ пораженія при Стефаніанѣ въ 1345 г. онъ подчиняетъ всю Македонію до Христовольскихъ тѣсинъ, Богачій Сересъ и Верріа должны были принять сербскіе гарнизоны. Правитель послѣдней, сынъ Іоанна Кантакузина, Мангилъ бѣжалъ въ Фессалію къ своему дядѣ Іоанну Ангелу. Только Солуць, гдѣ продолжалась анархія и господствовала демократическая партія, отстаивала свою независимость противъ Сербовъ, но она не признавала и Кантакузина. Такимъ образомъ Фессалія и деспотство Эпирское (къ югу отъ Янины), которымъ также грозило сербское завоеваніе, равно какъ Халкидскій полуостровъ, были отрѣзаны отъ главной части имперіи новыми сербскими владѣніями. Въ этотъ періодъ смутъ дальновидный Стефанъ Душанъ волею развилъ свои силы. Теперь-то, на счетъ слабости и бѣдствій Византійцевъ создается чего военная и государственная мощь; теперь-то у него созрѣваетъ смѣлый планъ окончательнаго разрушенія Византійской имперіи. Ко времени коронованія Кантакузина въ Царградѣ онъ является царемъ Сербовъ и Грековъ!).

1) Gregor. XV, c. 1; Cantac. III, c. 89 (vol. II, p. 551—554); IV, c. 15

На Эгейскомъ морѣ Латини опять подняли голову. Симонъ Винь-самъ, возвративъ Генуэзцамъ въ 1346 г. Хиосъ, въ сентябрѣ того же года отнялъ у Византіи для той же торговой компании Массию обѣ Фокеи Старую и Новую. Вскорѣ Кантакузинъ возвращаетъ не надолго этотъ важный пунктъ на малоазійскомъ берегу ¹⁾; но судьба Фокеи уже была рѣшена: въ концѣ половины XIV в. вмѣстѣ съ Хиосомъ и соседними меньшими островами — Само, Ниширией, Элуссой и Панагией она образуетъ важнѣйшую и богатѣйшую на всемъ Архипелагѣ колонию Генуэзской республики, подъ управленіемъ фамиліи Джустиниани ²⁾. Утвержденіе Латинцевъ въ этихъ пунктахъ, и въ Смирнѣ (взятая еще въ 1343 г.) окончательно уничтожило значеніе Византіи въ водахъ Архипелага, лишило ее возможности защищать отъ захватовъ не многіе оставшіеся за нею острова. Потери ихъ была неминуема. Важнѣйшій изъ нихъ Лесбось уже въ 1355 г. перешелъ въ руки Генуэзцевъ ³⁾.

Огромныя территоріальныя потери составляли не единственное послѣдствіе междоусобной войны. Какимъ страшнымъ зломъ она была для той единственной значительной области, которая собственно должна была теперь представлять Византійскую имперію. Фракія наравнѣ съ Македоніей, завоеванною Сербами, служившая главными театрами войны, была доведена до ужаснаго положенія. Не говоря уже о такихъ, относительно второстепенныхъ, обстоятельствахъ, какъ ожесточенное раздѣленіе населенія на двѣ партіи, анархія въ городахъ, вѣнчательство Александра Болгарскаго, гайдучество Момчила, безъ того дѣлавшихъ эту внутреннюю борьбу невыносимо-тяжелой для всей страны, Фракія остается еще все время безответною жертвою гра-

---

(vol. III, p. 104); IV, с. 20; Laon. Chalcocondyl. l. I, p. 27, 28 (Ed. Bonn.) и равные сербскіе источники. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ исследователей, какъ напримѣръ, съ Паризо (стр. 212), что завоеванія Душама въ Фессалии, Акарнани и Этолии произошли во время междоусобной войны. Они относятся ко времени царствованія Кантакузина въ Византіи.

¹⁾ Новая Фокея управлялась византійскими намѣстниками съ 1348 по 1351 г.; а Старая съ 1348 по 1358 г.; см. *Hoff*, Giustiniani, p. 316.

²⁾ *Hoff*, Giustiniani, p. 315—320. Подробности объ экспедиціи Виньсама, о торгово-политическомъ значеніи этой новой колоніи, ея устройствѣ и отношеніяхъ къ Генуѣ, см. также въ книгѣ *Heyd*, Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente, I p. 363—392.

³⁾ Его получилъ Франческо Гатталузіо, какъ приданое за женою, сестрою Іоанна Палеолога, Маріей. *Ducas*, с. XI, p. 40—43; *Greg.*, vol. III, p. 564; стр. *Heyd*, p. 414.

бежа, опустошеній и порабощенія для безчисленныхъ турецкихъ ордъ, ваводившихъ Малую Азію. Каждый годъ не нѣскольку разъ и Сельджуки разныхъ эмирствъ, и Османы посѣщаютъ несчастную провинцію. Обыкновенно они участвуютъ въ войнѣ по приглашенію то той, то другой стороны, и собственно они-то и суть главные рѣшители: некуда ея. Въ такомъ случаѣ они съ свойственнымъ имъ варварствомъ набрасываются на города и села, принадлежащіа противникамъ призвавшей ихъ стороны: жгутъ и истребляютъ все безъ разбора, опустошаютъ поля, забираютъ жителей въ рабство. Въмѣстѣ съ тѣмъ ихъ содѣйствіе личнымъ интересамъ соперниковъ, ложилось бременемъ и на тѣхъ частяхъ провинціи, которыя стояли на сторонѣ призывавшаго ихъ противника. Онѣ должны были содержать эти пришлыя толпы, доходившія нерѣдко до 20,000, и ничѣмъ не были гарантированы отъ ихъ хищничества и произвола. Мы видѣли, какъ бессильна была императрица Анна остановить истязанія взятыхъ въ рабство Грековъ, которыя на ея глазахъ производили ея же призваніе Сельджуки, какъ ни чѣмъ не могла защитить отъ ихъ грабежей и насилія остававшихся покуда ей вѣрными окрестностей Константинополя. Кантакузинъ, который главнымъ образомъ и пользуется турецкою помощью, благодаря своимъ личнымъ связямъ съ турецкими вождями, ловкости, наконецъ знанію турецкаго языка¹⁾, могъ болѣе вліять на своихъ союзниковъ, но и онъ не всегда въ состояніи сдерживать ихъ хищныя порывы, о чемъ не безъ огорченія часто говоритъ въ своихъ запискахъ²⁾. Впрочемъ Кантакузинъ сознательно пользуется этимъ страшнымъ орудіемъ войны; онъ хорошо понимаетъ наносимый ими вредъ, самъ разъясняетъ въ посольствѣ къ императрицѣ все варварство своихъ союзниковъ и самъ же напускаетъ ихъ на мѣстности, которыя отказываются признать его власть, предварительно увѣдомляя ихъ о тѣхъ ужасахъ, которые ожидаютъ ихъ въ случаѣ непокорности³⁾. Если Туркамъ нечего дѣлать во Фракіи, они направляются на Болгарію и предаются тамъ неудержимому грабежу. Страдаетъ отъ нихъ и Македонія, особенно Солунскій округъ, какъ до окончательнаго своего завоеванія Сербами, такъ и послѣ.

Независимо отъ этихъ нашествій по призыву, во все время между-

---

¹⁾ Cantac. IV, с. 10 (т. III, р. 67): βασιλεὺς δὲ... ἐπέλαυνεν... ἀνατρέχων Παρσιῶτι καὶ ἐοικεσθαι ἄπειρος γὰρ οὐ παντάπασις ἦν τῆς ἐκείνων διαλέκτου.

²⁾ Ср. напримѣръ, Cant. III, с. 64, с. 81, с. 86.

³⁾ Cant. III, с. 64, с. 79, с. 81.

усобной войны повторяются обычные частныя высадки Турокъ у береговъ Фракіи¹⁾. Тутъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ Османы, изъ Салъджуковъ же вѣроятнѣе ближайшіе къ имперіи, то-есть, Караси. При этихъ высадкахъ уже вовсе не разбиралось, чью власть, Анны или Кантакузина, признавала жѣстность, которой предстояло подвергнуться опустошенію. Защищать ихъ было не кому; грабежу и насилію была открыта полная просторъ. Турки пользовались имъ съ неумолимою беспощадностью. Вѣликими или меньшими толпами они высаживаются въ томъ или другомъ пунктѣ, забираются въ глубь страны, безнаказанно предаются разнымъ звѣрствамъ, снимаютъ посѣвы и увозятъ массы людей въ рабство. Вслѣдствіе такихъ частыхъ посѣщеній Турокъ, то ради союза, то съ цѣлю грабежа, Фракія, не оправившаяся отъ прежнихъ потрясеній, была въ концѣ разорена и обезлюжена. На сколько такое заключеніе вѣрно, показываетъ характерный фактъ, приводимый Кантакузиномъ въ его запискахъ²⁾. Въ 1342 г. Татары изъ-за Дуная напали на Фракію, но нашли ее опустошенною и вернулись назадъ, выместивъ свою злобу на жителей Скопела, которые сдѣлали на нихъ нападеніе при отступленіи.

Въ концѣ 1343 г. во всей провинціи почти не оставалось слѣдовъ земледѣлія: поля, плодородныя равнины были обращены въ пустыню. Повсюду, не исключая столицы, господствовалъ голодъ, развившійся отчасти и вслѣдствіе прекращенія подвоза хлѣба изъ Чернаго моря, гдѣ Генуэзцы вели борьбу за свои колоніи (Каффу) съ Монголами³⁾. Это было еще въ первый періодъ смутнаго времени; каково же положеніе имперіи было къ концу междоусобицы, послѣ дѣйствительнаго участія Омур, Сарухана и Османовъ?

¹⁾ Кантакузинъ приводитъ нѣсколько такихъ случайныхъ высадокъ, III, сс. 9, 10, 29, 68. Григора же указываетъ на непрерывность этихъ нападеній, XIII, с. 12, I. XV, с. 1: τῶν γάρ τοι Ῥωμαίων τοῖς ἐπιφοίτοις περιπεποιημένων πολέμοις, συχνὰς ποιούμενοι τὰς ἐφόδους οἱ ἐξ Ἀσίας ἄλλως μονήρει καὶ τριήρειν ἐς τὴν Θράκην περαιοῦμενοι Τούρκοι, καὶ μάλιστα ἐν ἀκμῇ τοῦ αἵτου, τὰς τῶ χωρὰς ἐνεπίμπρασαν καὶ τὰ κτήνη ἤλαυνον, ἄνδρας τε καὶ γυναῖκας ἠνδραποδίζοντο, καὶ πάντ' ἐποιούον τὰ χαλεπώτατα (Vol. II, p. 683). Περαικαὶ δὲ θυνάμεις, ἐξ Ἀσίας δι' Ἑλλησπόντων πᾶσαν θρᾶν διαπερασοῦμεναι, καθάπερ ἐξ οἰκείων ἐς τικείας νομὰς καὶ ἐπαύλαις, συχνὰς ἐποιοῦντο νόκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν τὰς θηριώδεις ἐφόδους κατὰ τῶν Θρακικῶν πόλεων, νῦν μὲν αὐτονομία χράμενοι λυστριῇ (p. 747).

²⁾ Cant. III, с. 51.

³⁾ Greg. XIII, с. 12. Замѣчательно, что отъ окончательной гибели голодною смертыю Византійцы были спасены благодаря подвозамъ хлѣба изъ Іоніи, Визоніи и Фригіи, съ полей, обработанныхъ Турками.

Идемъ съ объединеніемъ народныхъ массъ при разореніе богатыхъ знатныхъ фамилій и полное истощеніе государственной казны. Вызванное и поддержанное партией Апокана раздраженіе черни противъ знати привело къ расхищенію богатствъ, которыя между тѣмъ въ трудныя минуты могли быть добровольно пожертвованы на нужды государства. Огромныя помѣстья, богатое имущество самого Кантакузина были разграблены. Все, что удалось ему спасти, ушло на уплату жалованья Туркамъ и другимъ наемникамъ. Императрица Анна, при своемъ влеченіи, еще болѣе нуждалась въ деньгахъ. Ей приходилось не только платить жалованье войскамъ, но и тратить значительныя суммы для отлученія отъ противника турецкой помощи нутемъ подкупа ¹⁾. И безъ того скудная государственная казна въ непродолжительное время — оказалась совсѣмъ пустою. Для покрытія необходимыхъ расходовъ пришлось обратиться къ драгоценнымъ ризамъ и украшениямъ иконъ. Самъ Кантакузинъ, вступая на престолъ, почти ничего не имѣлъ, и слѣдовательно, ничего не могъ удѣлать для поднятія финансовъ. Въ виду всеобщаго обѣдненія не мыслимы были и какіе-либо налоги. До какой степени стѣснительны были обстоятельства, видно изъ того, что Кантакузинъ-императоръ ежедневныя издержки на столъ сократилъ въ десять разъ противъ того, что у него выходило въ бытность великимъ domestikомъ ²⁾. Обычная византійская роскошь должна была исчезнуть изъ самыхъ торжественныхъ церемоній. На обѣдъ по случаю коронаціи (21-го мая 1347 г.) вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ кубковъ и чашъ мы видимъ оловянные и глиняныя ³⁾. У самаго императора назначенныя для этого торжества діадима и облаченіе не блестящими настоящими золотомъ и драгоценными камнями, какъ бывало обыкновенно; царскія одежды были сдѣланы изъ простой кожи, съ мишурною позолотою ⁴⁾.

¹⁾ Въ этомъ случаѣ особенно отвѣтственность падаетъ на Кантакузина. Совершенно забывалъ, что въ Византіи все же была государственная казна, онъ совѣтуетъ Омурю требовать съ императрицы какъ можно болѣе денегъ. Greg. XIV, с. 1.

²⁾ Gregor. XVI, с. 3, p. 811.

³⁾ Ibid. XV, с. 11: τσαρόση δὲ πάντα κατέχευτο τὰ βασιλικὰ τειχημαῖα, ὡςτ' οὐδὲν ἦν τῶν προβλίων καὶ ἐκπομάτων ἐκεῖ χρυσοῦν ἢ ἀργυροῦν. ἀλλ' ἔνια μὲν καττιτίθεινα, τὰ δ' ἄλλα πάντα κεραμεῖ καὶ ὀστράκινα.

⁴⁾ Ibidem. καὶ τῆ βασιλικῆ, τῆς ἐορτῆς ἐκείνης διαδήματα τε καὶ περιβλήματα ὡς ἐπὶ τὸ πλείστον, χρυσοῦ μὲν εἶχον τὴν φαντασίαν καὶ λίθων εἶθον πολυτιμωτέρων.

При такой печальной обстановкѣ состоялось воцареніе Кантакузина. Какъ бы то ни было, теперь онъ снова стоялъ во главѣ управленія имперіей, и слѣдовательно, могъ снова отдать на пользу ей свой умъ и замѣчательную энергію, которыя въ этотъ пятилѣтній промежутокъ были имъ систематически направлены къ разрунительнымъ для государства дѣйствіямъ.

Мы сейчасъ увидимъ, на сколько успѣлъ онъ поправить дѣла имперіи и тѣмъ загладить свою вину предъ нею, на сколько оправдалась его узурпація послѣдующею его дѣятельностью въ санѣ императора, на сколько, наконецъ, она осуществляла его личные планы, съ которыми, по его мнѣнію, было тѣсно связано и благосостояніе имперіи.

VI.

„Своими талантами Кантакузинъ воспользовался скорѣе къ разрушенію, чѣмъ къ восстановленію имперіи“, замѣтилъ еще Гиббонъ въ своей Исторіи паденія Римской имперіи ¹⁾. Нельзя не признать справедливости такого отзыва не только по отношенію къ энергіи и настойчивости, обнаруженнымъ Кантакузиномъ во время пятилѣтняго искательства императорскаго престола, но и если обратимъ вниманіе на ту нестоимую изобрѣтательность, соединенную съ умѣньемъ маскировать свои дѣйствія, которая въ царствованіе Андроника Младшаго дѣлала изъ него то ловкаго интригана, то умнаго политика-дипломата, а во все послѣдующее время его государственной дѣятельности была направлена исключительно къ достиженію его личныхъ себялюбивыхъ цѣлей. Возложеніе императорской короны въ Константинополѣ, по видимому, должно было побудить Кантакузина дать иное лучшее направленіе въ обнаруженіи этого качества, необходимаго для всякаго государственнаго человѣка. Между тѣмъ, теперь оно болѣе чѣмъ когда-либо соединяется съ его неограниченными властолюбивыми и честолюбивыми стремленіями. Императорскій титулъ и имъ же устроенное, дѣйствительно ненормальное положеніе имперіи съ двумя императорами не удовлетворяли его. Онъ домогается окончательнаго устраненія Палеологовъ отъ престола и водво-

---

τά δὲ τὸ ἐκείνη μὲν ἀπὸ σκῆτους, ὅπως χρῆσθε ἀπὸ σκῆτος πρὸς τὴν τῶν σκῆτων ἐπίστα χρῆσιν.

¹⁾ *Gibbon*, The history of the decline and fall of the Roman Empire. London. 1830, p. 1162: «The talents of Cantacuzene were employed to the ruin, rather than the restoration of the empire».

ренія своей династїи, для чего обращается къ обычной, своей подпольной политикѣ. Палеологи не сдаются добровольно, и вѣсть имперїи дѣлается жертвою новой усобицы, уже третьей въ рассматриваемый нами періодъ. Всякій рѣшительный шагъ Кантакузина для исполненія давнишней его мечты, даже открытое низложеніе Палеологовъ тотчасъ же послѣ занятїа Константинополя, былъ бы для страны несравненно выгоднѣе, чѣмъ эта не достигшая цѣли система тайнаго подкалыванїа, и еслибы такой шагъ не оправдывалъ узурпаціи, то все же придавалъ бы ей сколько-нибудь разумное значеніе. Теперь же семилѣтнее правленіе Кантакузина, вмѣсто отдыха и укрѣпленїа силъ, въ которомъ такъ нуждалась истощенная имперїа, и котораго она была въ правѣ отъ него ожидать, принесло ей бѣдствїя не меньше тѣхъ, которыми ознаменовались предыдущїя междоусобныя войны. При всѣхъ попыткахъ сдѣлать что-либо для поправленїа дѣлъ государства, онъ не въ силахъ остановить тотъ роковой ходъ событїй, который самъ же развилъ, а теперь самъ же ускорялъ, можетъ быть, уже бессознательно, невольными толчками. Враги имперїи, какъ всегда, пользуются ея внутренними затрудненїями: Сербы съ одной стороны, Латины съ другой продолжаютъ свои угрожающїя наступленїа—Кантакузинъ почти безсиленъ противъ нихъ. Турки, по прежнему, то съ мирными, то съ хищными цѣлями посѣщаютъ несчастную Фракію, и наконецъ, полагаютъ начало ея завоеванїа—Кантакузинъ почти безмолвно опускаетъ голову и передъ этимъ неотразимымъ событїемъ. Ко всему этому присоединяются другїя бѣдствїя, уже прямо не зависящїя отъ него. Въ концѣ концовъ онъ и самъ не въ состоянїи совладать съ поднятыми неурядицами и безславно сходитъ со сцены, уступая дорогу законному наслѣднику престола.

Въ первые мѣсяцы послѣ возвращенїа, Кантакузинъ чувствовалъ себя хорошо, былъ въ нѣкоторомъ упоенїи отъ своей побѣды. Онъ успѣлъ восстановить порядокъ въ столицѣ, издалъ законъ о прекращенїи всякихъ исконъ и тяжобъ о движимыхъ имуществахъ, подвергшихся разграбленїю и конфискаціи въ эпоху междоусобїа ¹⁾, чѣмъ до нѣкоторой степени сняскаль расположенїе прежней противной ему партїи, получивъ отъ новопоставленнаго патріарха Исидора разрѣшенїе отъ отлученїа, которое было на него наложено Іоанномъ Апрїйскимъ ²⁾ и занялся цѣлымъ рядомъ придворныхъ торжествъ, то

¹⁾ Cantac. IV, с. 1.

²⁾ Cant. IV, с. 3; Greg. XV, с. 12.

но случаю присоединения прислать новому императору, то по поводу своей коронации и свадьбы зятя — Иоанна Палеолога, то вследствие вѣзда въ столицу своей супруги, императрицы Ирины ¹⁾). Созвонивъ и родственника Кантакузина Орхана также спѣшилъ принести ему пожелание. Со всѣмъ семействомъ онъ прѣехалъ въ Скутари. Сюда явился императоръ и нѣсколько дней веселился съ зятемъ зятемъ, забавляя его охотою и шумными пирами ²⁾). По окончаніи празднествъ, Феодоръ съ своимъ отцомъ и сыновьями Орхана ѣхала на три дня въ самый Константинополь, самъ же Орханъ дождался ее въ Скутари ³⁾.

Но благодушіе Кантакузина не могло быть продолжительно. Уже въ 1347 г. ему пришлось убѣдиться, что созданное имъ положеніе вещей весьма неудовлетворительно. Прежде всего онъ возбуждалъ недовольство среди преемникъ своихъ приверженцевъ. Большинство этихъ людей расчитывали на вознагражденіе за свою поддержку и еще задолго до занятія Константинополя требовали отъ Кантакузина общаго, что по достиженіи уступка имъ будутъ уступлены отдѣльныя части имперіи въ независимое управленіе ⁴⁾). Тогда онъ отвергъ эти дѣйствительно антигосударственныя требованія, но теперь долженъ былъ не упускать изъ виду эгоистическія стремленія представителей своей партіи и дать имъ нѣкоторое удовлетвореніе. Между тѣмъ, онъ оставляетъ ихъ въ стороне и скорѣе ищетъ сближенія съ прежними противниками. Законоположенія его касательно восстановленія правъ собственности, прощанія грабежи и захвата антикантакузинистовъ, слишкомъ мало вознаграждали потерѣвшихъ лицъ его партіи. Это, естественно, осаждало послѣднихъ. Дальнѣйшіе тайные замыслы Кантакузина не были никому извѣстны; соглашеніе его съ Палеологами и имперія съ двумя императорами не могли не казаться имъ

¹⁾ Cant. IV, сс. 1, 4.

²⁾ Cant. IV, с. 4. Во время пировъ императоръ съ Орханомъ обыкновенно занимали одинъ столъ, четыре сына Орхана отъ другихъ женъ возлежали недалеко за другимъ столомъ, а прочіе знатные Турки и Греки располагались на полу, на коврахъ.

³⁾ По видимому, онъ не мечталъ еще о завоеваніи европейскихъ владѣній имперіи и отнюдь не задавался мыслию овладѣть столицей. Иначе трудно объяснить, почему онъ не воспользовался случаемъ осмотрѣть Царьградъ. Кантакузинъ не могъ быть противъ такого посѣщенія, потому что дозволялъ съ Феодоромъ отправиться сыновьямъ Орхана и нѣкоторымъ знатымъ Туркамъ, состоявшимъ при Османскомъ дворѣ.

⁴⁾ Greg. XIV, с. 5.

странными. Многие отказались присягать Юстинку Палеологу и его матери¹⁾. Такимъ образомъ создается новая оппозиція. Она рѣзко обнаруживается, едва Кантакузинъ выступаетъ съ проектомъ необходимыхъ мѣръ для поправленія дѣлъ имперіи. Собрать что-нибудь въ совѣтъ пустую государственную казну было первой его заботой. О новыхъ податяхъ и налогахъ при полномъ разореніи Фракіи думать было и думать; онъ рѣшился обратиться къ патриотизму Византійцевъ и добровольнымъ приношеніямъ на нужды государства. Созвано было общее собраніе византійскихъ гражданъ всѣхъ сословій. Тутъ присутствовали и купцы, и воины, в ремесленники, и просто народіе (θητες), и настоятели церквей и монастырей. Самъ императоръ въ рѣчи указывалъ на трудное положеніе имперіи и на необходимость для каждаго гражданина оказать правительству носильную помощь²⁾. Часть гражданъ отнеслась сочувственно къ предложенію Кантакузина и согласилась жертвовать. Другіе же весьма многие³⁾ высказались противъ пожертвованій и открытыя злободневныя императора въ христианскія дѣла, говоря, что онъ уже разорилъ разъ счастливое Византію и теперь хочетъ воспользоваться имуществомъ гражданъ и самаго города. На сколько сильна была партія этихъ недовольныхъ, видно изъ того, что она успѣла надѣйствоваться на тѣхъ, которые склонились было на убѣжденія Кантакузина, и сборъ почти не состоялся. Затѣмъ, она пошла дальше и сдѣлала попытку вооружить противъ императора старшаго его сына Матѣя. Одинъ изъ вожаковъ партіи Іоаннъ Асанъ (шуринъ Кантакузина) побудилъ его подыти предложеньемъ защиты отъ прорсковъ Палеологовъ, къ которымъ спсходить его отецъ, образовать изъ управляемой имъ восточной Фракіи особое деспотство и объявить себя независимымъ отъ Византіи государемъ. Ювона поддался совѣту и уже укрѣпился въ Адрианополѣ. Ювонъ Кантакузинъ былъ сильно встревоженъ; но императрица Ирина лично отправилась въ Адрианополь и успѣла склонить сына къ повиновенію отцу⁴⁾.

¹⁾ Cantac. IV, cc. 1, 7.

²⁾ Cantac. IV, c. 5. Впрочемъ, большая часть рѣчи была посвящена оправданію призванія Турокъ во время предыдущей войны.

³⁾ Cantac. IV, c. 6. Кантакузинъ говоритъ, что это были его давнишніе враги (τινας δὲ τῶν ἐξ ἀρχῆς ἐκείνων ἀρτίωνων πολέμων) и главнымъ образомъ византійскіе евангелисты-извѣстны (καὶ ἐκ τῶν ἐν ἐρακταρίῳ ἐκτοραυομένων ἐργαστηρίων), но послѣдующія событія, которыя мы сейчасъ разъяснимъ, указываютъ, что въ оппозиціи принимала большое участіе именно недовольная партія армянъ кантакузинистовъ.

⁴⁾ Cantac. IV, cc. 7, 8; Greg. XVI, cc. 2, 3.

Тѣмъ не менѣе, ему пришлось выдѣлить часть имперіи. Императоръ самъ отправился въ Димотку и предоставилъ Матвѣю въ независимое управленіе; съ признаніемъ только его верховной императорской власти, береговую домену Халкидики отъ Димотики до Христополя ¹⁾. Стремленіе къ такому сепаратизму если дѣйствительно огорчало Кантакузина, какъ это видно изъ его рѣчи къ сыну; приведенной у Григоріи ²⁾; то только отчасти, именно по скольку съ нимъ связывалось ожиданіе, что вѣтъ сепаративъ сдѣлается опорой оппозиціонной партіи. Собственно же, фактическій переходъ части имперіи въ руки сына означалъ новый шагъ въ задуманномъ имъ планѣ — устраненія Палеологовъ отъ престолонаслѣдія. Чѣмъ болѣе вычитывается въ оправдательныхъ рѣчи Кантакузина, которыми переполнена четвертая книга его замисокъ, и вникаешь въ обвиненія, отголосокъ которыхъ находится въ послѣднихъ книгахъ исторіи Григоріи, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ существованіи у него такого плана. Всѣ его оправданія разсчитаны передъ фактами, которые онъ самъ же приводитъ. Чтобы проложить своимъ синовицамъ дорогу къ престолу, ему нужно было облечь ихъ званіями и достоинствами, которые служили бы переходною ступенью къ трону, и вхлѣсть съ тѣмъ, вообще дать своему дому матеріальную и нравственную силу для оспариванія правъ Палеологовъ. Съ этою цѣлью онъ въ первые же дни царствованія даетъ сыну Мануилу и зятю Никифору Дукѣ званія деспотовъ, а братьевъ жены Іоанна и Мануила Асеновъ объявляетъ севастократорами. Тотъ и другой титулъ давалъ право на высшія государственныя почести

¹⁾ (Gregor. XVI, с. 4. Кантакузинъ не говоритъ объ этомъ выдѣленіи. Но весьма любопытно (IV, с. 10, р. 86) Матвѣй является въ его исторіи: τῶν κατὰ τὴν Χαλκιδικὴν πόλεων ἔχων τὴν ἀρχήν.

²⁾ Въ рѣчи, съ которою Кантакузинъ обращается къ сыну по случаю этого назначенія (Greg. XVI, с. 4), указывается на важное значеніе поручаемой ему страны, какъ передоваго поста противъ нападений Сербовъ и Турокъ, и въ архикъ чертахъ изображается бѣдственное положеніе опустошенной, обезлюженной Θρακίи, единственной области, которая остается имперіи: εὐρῆς γὰρ ὡς εἰς στενὸν κορυθῆ τῆς Ῥωμαίων ἑλλάδας πρᾶγματα, καὶ ἀβαστὸς τις μικροῦ καὶ θηρήδης ἡμῖν ἀντὶ πάντων ἢ τῆς Θρακίης ἠλλοτῆα μόνη γῆ πλεῖς θάλλεται περὶ αὐτῆς γένους διασώζουσι λεῖψάνη μάλιστα Ῥωμαίων, ἔτις κρασσεῖων καὶ αἰταί καὶ τῶν ὀφεικομένων προθύρων εἰς ἐκκροθίαν πολιτικὴν καὶ πρὸς γε μακροῖς τισιν ὄρεσι καὶ διαστήμασιν ἀοικήτοις ἀλλήλων διωτηκοῖαι καθάπερ ἐν μακρῷ πεδίῳ καὶ πληθύνει κάλλιστα μετὰ θέρους καὶ ὄρεανον σποράδες αἶμα καὶ εὐαρίθμητοι στάχους... ὡς εἰδωλῶς γέ τισιν ἐοικέναι μᾶλλον οἰκητόρων, ἢ οἰκήτοραίν' ὅθω δυστυχῶς ἔχει τὰ καθ' ἡμᾶς πρᾶγματα νῦν.... (vol. II, p. 817).

и на самостоятельное управление цѣлыми областями имперіи. Сыну же Матвѣю онъ предоставилъ постъ, который впервые учрежденъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ для сына Константина Порфиророднаго и „не имѣлъ особаго титула, но былъ выше званія деспота и соединялъ въ себѣ право и почетъ перваго лица послѣ императора“ ¹⁾. Облечение сына такою рѣдкою, высочайшею должностію не было ли первымъ шагомъ къ открытому объявленію его наслѣдникомъ престола? Выдѣленіе ему въ управленіе цѣлой провинціи было вторымъ шагомъ въ томъ же направленіи. Совершенно понятно, что Матвѣи Кантакузинъ теперь сталъ смотрѣть на себя какъ на законнаго претендента на византійскій престолъ, который отъ отца долженъ перейти къ нему, а не къ Иоанну Палеологу ²⁾. Впослѣдствіи Иоаннъ Кантакузинъ, чтобы лучше скрыть свой замыселъ, указывалъ на самостоятельность дѣйствій сына; но если это и было такъ въ моментъ открытаго столкновенія между Матвѣемъ Кантакузиномъ и Иоанномъ Палеологомъ, то въ подготовленіи этого столкновенія главнымъ образомъ виноваты Иоаннъ Кантакузинъ; ему принадлежитъ вся завязка смуты, направленной къ низложенію Палеологовъ ³⁾. Что онъ продолжаетъ дѣйствовать въ духѣ своего плана, показывается то, что въ 1349 г. онъ посылаетъ въ Пелопоннесъ правителемъ другаго сына, деспота Мануила. Пріѣздъ его былъ благодѣтеленъ для византійской части полуострова; онъ уничтожилъ царившій тамъ анархическій порядокъ вещей, принялъ мѣры противъ нападешій Турокъ, уладилъ отношенія къ Латинамъ, и поднялъ значеніе Миснори ⁴⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ организуетъ эту часть Пелопоннуса какъ самостоятельное деспотство, въ которомъ Кантакузины послѣ своего паденія находятъ себѣ убѣжище, и которое Иоаннъ Палеологъ долженъ признать непримосновеннымъ, другими словами—онъ полагаетъ начало отдѣленію этой провинціи отъ общаго организма имперіи.

Одновременно съ возвышеніемъ своихъ сыновей, Кантакузинъ старается вслѣдствіи ослабить значеніе Иоанна Палеолога, заставить за-

¹⁾ Cantac. IV, c. 5: Ματθαίον δὲ τῶν πρεσβυτέρων αἰῶν ἄξιαν πρὸν οὐδενίᾳ ὀνομασίᾳ ἤξιον, ἀλλ' ἔτι καὶ παρὰ τὴν ὑπὲρ δεσποτίας, ὡς εὐφραδύνει μετὰ βασιλέα, ἣν ὁ πρότος τῶν Παλαιολόγων βασιλεὺς Μιχαὴλ ἐκαινοτόμησεν ἐπὶ υἱῷ Κωνσταντίνῳ τῷ Πορφυρογενεῖτῳ, ἣ ἔδοκει πλέον τι τῆς τῶν δεσποτῶν ἄξιαν ἔχειν. См. еще vol. III, p. 33. Ср. также Greg. XVI, c. 1.

²⁾ Greg. XXVI, c. 27, vol. III, p. 93.

³⁾ Greg. XXVII, c. 48, vol. III, p. 167.

⁴⁾ Cantac. IV, c. 13.

быть самое существованіе его какъ императора. Насильно, противъ его желанія ¹⁾, выдавъ за него свою дочь, онъ, въ качествѣ тѣста, получилъ полную возможность опекаль его отъ всѣхъ владій. Онъ не допускаетъ зятя ни до государственнхъ дѣлъ, ни до областного управления и неотлучно держитъ при себѣ, беретъ съ собою въ поѣздки и походы, дѣл же поручаетъ надзоръ за нимъ довереннымъ лицамъ ²⁾. Принимая такія мѣры предосторожности, Кантакузинъ боялся вліянія партіи Палеологовъ, которая не отпаивалась еще отъ своихъ задачъ поддерживать права законнаго наследника. Опасенія эти были не безосновательны. Трудно допустить, чтобъ Анна, столь энергично ведшая борьбу съ своимъ соперникомъ и подчинившаяся только необходимости, совсѣмъ успокоилась, особенно когда видѣла, что ея сынъ совсѣмъ въ рукахъ ненавистнаго ей чело-вѣка. Въ томъ же 1347 г. былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью похитить юнаго императора, отвести его въ Галагу и поддѣять новую войну противъ Кантакузина. Дѣло не удалось, заговорники посажены были въ тюрьму, но почему-то и на этотъ разъ помилованы „милости-вымъ“ Кантакузиномъ ³⁾. Затѣмъ оставался еще одинъ пунктъ въ имперіи, гдѣ открыты велѣвъ агитаціи въ пользу Палеолога. Въ черноморскомъ городѣ Мелеѣ храбро держался извѣстный намъ Добротичъ, братъ Балака Карвосокаго, помогавшій императрицѣ Аникѣ въ послѣдній годъ междоусобной войны. Кантакузинъ сломилъ и эту послѣднюю опору партіи Палеологовъ. Въ 1348 г. онъ послалъ къ городу съ сулицъ и съ моря войска, а затѣмъ вместе съ Иоанномъ Палеологомъ (вѣроятно, для большаго его униженія) явился самъ и переговорами убѣдилъ Добротича сдать городъ ⁴⁾.

Дѣйствія Кантакузина по отношенію къ членамъ своей семьи и назойливая опека, которую онъ окружалъ Иоанна Палеолога, явля-вали въ послѣднемъ подозрѣніе въ коварствѣ намѣреній его тѣста, которое еще болѣе поддерживалось ненавистью, съ дѣтства внушен-ною ему матерью къ минимому икъ благодѣтелю. Но въ данный мо-ментъ, спутанный по рукамъ и ногамъ, при полномъ подавленіи своей партіи, молодой императоръ долженъ былъ сдерживать въ себѣ скрытое чувство негодованія. Для открытаго протеста, для защиты

¹⁾ Greg. XXVII, c. 47, vol. III, p. 166.

²⁾ Parisot, p. 227.

³⁾ Cant. IV, c. 7.

⁴⁾ Cant. IV, c. 10.

своихъ правъ, онъ дожидался болѣе удобнаго времени. Вскорѣ оно наступило.

Между тѣмъ какъ въ первые годы царствованія Кантакузина такъ усердно полагались сѣмена будущихъ внутреннихъ смуть, перемѣна правительства отнюдь не отразилась на улучшеніи внѣшнихъ дѣлъ имперіи. Стефанъ Душанъ продолжалъ свои завоеванія, и словно рѣка, вышедшая изъ своихъ береговъ, все болѣе и болѣе захватываетъ разливомъ сербскихъ водъ — византійскія области ¹⁾. Округливъ завоеваніе Македоніи взятіемъ Сереса и Верринъ, въ 1347 или въ началѣ 1348 г. онъ возобновляетъ движеніе на югъ и подчиняетъ своей власти Янину, южную часть Эпира, Акарнанію и Этолію ²⁾. Кантакузина тревожитъ потеря еще цѣлой провинціи. Онъ посылаетъ посольство къ Стефану, указываетъ на нарушеніе мира, но могущественный завоеватель оставляетъ его безъ вниманія. Тогда императоръ рѣшается показать свою дѣятельность и выступить съ оружіемъ противъ опаснаго врага. Сильной арміи на готовѣ у него не было; онъ обращается за помощію къ Орхану. 10,000 Турокъ, подъ начальствомъ Сулеймана, сына Орхана, переправились во Фракію; здѣсь и къ нимъ присоединился небольшой византійскій отрядъ, предводимый Матвѣемъ Кантакузиномъ. Союзники двинулись вмѣстѣ по направленію къ Македоніи. Чтò же вышло изъ этого похода? Едва Турки достигли Христополя, границы новыхъ сербскихъ завоеваній, какъ съ неудержимою силой, не слушая приказаній своихъ начальниковъ, набросились на Мигдонію, недавно потерянную византійскую область, сожгли и опустошили ее, жителей перебили и во множествѣ забрали въ плѣнъ. Затѣмъ, удовлетворивъ своимъ хищнымъ инстинктамъ, они считали свое дѣло по отношенію къ императору конченнымъ и съ большою добычею вернулись въ Азію. Кантакузинъ какъ будто не зналъ обы-

¹⁾ Кантакузинъ въ рѣчи къ сыну Матвѣю говорить: «Ἦ πόθεν ἄλλοθεν μέγας καθ' ἑμῶν ὁ Τριβάλλος ἐγένετο δε καθάπερ ποταμός πλημμυρῆσας, καὶ μακροῖς διαστήμασι τοὺς οἰκίους, ὑπερβάς ὄρους, τὰ μὲν τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας περιπληθεῖσιν ἤδη ροῆσις κατέκλυσε, τὰ δ' ἀπειλεί κατακλύσειν. Greg. XVI, с. 4, р. 817.

²⁾ Кантакузинъ здѣсь (IV, с. 4.) говорить только о завоеваніи Сербіи Македоніи. Молчаніе его объ Акарнаніи и Эпирѣ, вѣроятно, умышенное. По внимательномъ чтеніи его 20-й главы, гдѣ онъ опять-таки вскользь упоминаетъ о завоеваніи этихъ провинцій, и на основаніи другихъ соображеній, я отношу движеніе Душана въ эту сторону къ первымъ годамъ царствованія Кантакузина. Подробный разборъ извѣстій о завоеваніяхъ Душана излагается мною въ особомъ изслѣдованіи.

чаевъ и характера помощи своихъ излюбленныхъ союзниковъ и въ заключеніи разказа объ этомъ неудачномъ движеніи противъ Душана выражаетъ скорбь, что они въ конецъ разорили ту страну, которую собственно онъ имѣлъ въ виду освободить при ихъ содѣйствіи¹⁾. Вскорѣ послѣ таковой плохой услуги Сулеймана, въ томъ же 1348 г., Кантакузину пришлось самому обороняться противъ Турокъ. Дѣло въ томъ, что заключенный имъ родственныи союзъ съ повелителемъ Османовъ могъ служить нѣкоторою гарантіей только въ томъ, что самъ Орханъ не предприметъ дальнѣйшаго завоеванія византійскихъ областей, но онъ отнюдь не обезпечивалъ имперію отъ частныхъ нападений и высадокъ, съ цѣлью грабежа, мелкихъ турецкихъ (османскихъ и сельджуевскихъ) беговъ, которые въ частныхъ своихъ дѣйствіяхъ сохраняли значительную самостоятельность, что обусловливалось самымъ устройствомъ первоначальнаго Османскаго государства. Возвращаясь изъ-подъ Меден, Кантакузинъ наткнулся близъ Месены на конный турецкій отрядъ (до 1200 ч.), зашедшій для грабежей, въ виду полной опустошенности Фракіи, въ глубь страны. Послѣ жестокаго боя, въ которомъ палъ одинъ изъ турецкихъ предводителей Кара-Могамедъ, другой Кара-Османъ²⁾ долженъ былъ сдаться на волю императора. Одновременно съ этой побѣдой, Матвій Кантакузинъ совершенно уничтожилъ близъ Граціанополя другую пѣшую часть того же турецкаго отряда, которая въ числѣ 1400 человекъ опустошала Халкидику. Не смотря на ничтожность непріятеля, съ которымъ пришлось имѣть дѣло, Кантакузинъ придавалъ большое значеніе одержанному успѣху и подробно съ восторгомъ описываетъ оба столкновенія³⁾. Такое отношеніе къ незначительной побѣдѣ показываетъ, до какой степени была угнетена Византія, почти отвыкшая не только побѣждать, но и обороняться противъ своихъ враговъ. Но самый фактъ появленія во Фракіи разбойничьихъ турецкихъ отрядовъ, на время было прекратившагося, былъ неутѣшительнъ. Вообще 1348 г. былъ особенно тяжелъ для имперіи. Тогда въ ней, какъ и во всѣхъ

1) Cantac. IV, с. 4. Григора (XVI, с. 5) говорить, что Кантакузинъ ждалъ на помощь противъ Сербовъ Омуръ, но такъ какъ тотъ въ это время былъ убитъ подъ Смирною, то и самый походъ не состоялся. Но Омуръ, какъ мы видели, уже раньше сошелъ со сцены. Григора здѣсь смѣшиваетъ его съ Орханомъ. Ту же ошибку дѣлаетъ и Паризо (стр. 240).

2) У Кантакузина (vol. III, p. 65) ошибочно—*Μαγατομάνος*, ср. *Parisot*, p. 245 not. 6.

3) Cantac. IV, с. 10; Greg. XVI, с. 7.

странахъ, прилегающихъ къ Черному и Средиземному морямъ, свѣдѣствовала страшная эпидемія, извѣстная подъ именемъ „черной смерти“. Кантакузинъ и Григора ¹⁾ подробно описываютъ признаки этой прежде неизвѣстной болѣзни. Медицина того времени оказывалась безсильною противъ нея; народъ умиралъ массама. Сама столица, если вѣрить одной западной хроникѣ ²⁾, лишилась $\frac{8}{9}$ своего населенія. Жертвой эпидеміи палъ и младшій сынъ Кантакузина, Андроникъ. Но это еще не все. Въ исходѣ 1348 г. начинается война съ Галатой. Эта война имперіи съ небольшою генуэзскою колоніей, присосавшеюся къ ея почвѣ, ясно свидѣтельствуетъ, до какой степени безпомощности и бесилія дошла тогда Византія. Временемъ междоусобія генуэзскіе владѣтели Галаты воспользовались какъ нельзя лучше для своихъ интересовъ. Византія оставалась совсѣмъ безъ флота. Ихъ суда наполняли весь Архипелагъ, господствовали во всѣхъ портахъ имперіи. Вся ввозная торговля была въ ихъ рукахъ. Таможенные доходы Галаты простирались ежегодно до 200,000 иперперовъ, между тѣмъ какъ Византіи эта отрасль доходовъ давала едва 30,000 иперперовъ ³⁾. Словомъ, экономическая зависимость столицы имперіи отъ генуэзской колоніи была полная. Кантакузинъ всегда хорошо понималъ опасность, которая грозила его отечеству со стороны Латиновъ, близко видѣлъ вредъ для него отъ постоянно усиливающагося господства Генуэзцевъ въ Эгейскомъ и Черномъ моряхъ, которое все болѣе угрожало ему не только экономическимъ, но и территоріальнымъ порабощеніемъ, и всѣми силами старался противодѣйствовать этому нарастающему злу. Въ царствованіе Андроника, будучи великимъ domestikомъ, онъ умѣло и стойко оборонялъ противъ генуэзскихъ захватовъ византійскія владѣнія на Эгейскомъ морѣ. Во время междоусобной войны результаты этой борьбы были утрачены, и самое орудіе, которымъ онъ ихъ добился, имъ же созданный флотъ пропалъ. Теперь, уже императоръ, онъ еще съ большею энергіей преслѣдуетъ ту же задачу, хотя выполнять ее, послѣ пятилѣтняго пагубнаго перерыва, при печальномъ положеніи, въ кото-

¹⁾ Cantac. IV, c. 8; Greg. XVI, c. L.

²⁾ Chronicon Estense у Muratori XIV, p. 148. Объ этой чумѣ см. также хроникѣ Matteo Villani (Muratori XIV, p. 12—14) и Annales Caesenes (Ibidem, p. 1179). Въ Венеціи погибло отъ этой чумы до 100,000 чел. см. Historia anonimi Italii (Muratori, v. XVI, p. 285). Черная смерть нѣсколько позже господствовала и въ Россіи; жертвой ея сталъ, какъ извѣстно, великій князь Сябковъ Гордый (1353 г.).

³⁾ Greg. XVII, c. 1.

ромъ тогда находилась имперія, было слишкомъ трудно. Вновь выстроить флотъ, и какъ можно скорѣе, было первою его заботой. Собравъ все, что было въ государственной казнѣ, и присоединивъ къ этой ничтожной суммѣ незначительныя пожертвованія, полученныя вышеупомянутымъ, не удавшимся обращеніемъ его къ народу, онъ немедленно приступаетъ къ постройкѣ военныхъ и торговыхъ судовъ. Къ увеличенію строительнаго фонда должны были ему служить принятыя имъ финансовыя мѣры: пониженіе таможенной платы для ввозныхъ въ Константинопольскій портъ продуктовъ, чрезъ что иностранныя торговыя суда болѣе стали направляться въ этотъ портъ, а не въ Галату, и ограниченіе права Галатцевъ брать на откупъ таможенные доходы ¹⁾. Всѣ эти приготовленія и мѣры, конечно, не могли нравиться Галатцамъ. Они чувствовали, что ихъ захватамъ и дерзкой эксплуатаціи византійской торговли ставятся серьезныя препятствія, столкновеніе съ Греками имъ казалось неизбѣжнымъ; они стали сами готовиться къ войнѣ, чтобы сохранить господство своего военнаго и торговаго флота. Но такъ какъ съ суши Галата была беззащитна, то обитатели ея задумали такъ, либо иначе овладѣть господствующею надъ ихъ колоніей возвышенностью, и создавъ на ней укрѣпленіе, смѣло дѣйствовать противъ противника. Сперва они сдѣлали попытку просьбою добиться отъ Кантакузина уступки нужной имъ мѣстности, подъ предлогомъ, что занимаемое ихъ колоніей пространство уже недостаточно для возрастающаго населенія. Императоръ понималъ значеніе этой позиціи и отказалъ въ просьбѣ. Тогда Галатцы рѣшились немедленно же перейти къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Пользуясь отсутствіемъ Кантакузина, хворавшаго въ Димотикѣ, они неожиданно явились у противоположной стороны Золотого рога, сожгли расположенныя на берегу загородныя византійскія селенія, прошли въ портъ и къ верфямъ, гдѣ такимъ же способомъ истребили строявшіяся и уже спущенныя суда; Византійцы едва успѣли спасти три большихъ судна и нѣсколько малыхъ. Въ то же время Галатцы съ успѣхомъ заняли желаемую возвышенность и принялись дѣятельно укрѣплять ее, пользуясь заранѣе приготовленнымъ для того матеріаломъ. Все населеніе Галаты, мужчины и женщины, знатныя и простолюдины, работали здѣсь днемъ и ночью надъ постройкою башни, стѣны и земельныхъ укрѣпленій. Небольшой византійскій отрядъ, выступившій изъ столицы, не могъ помѣшать работамъ и ограничился

---

¹⁾ Cantac. IV, c. 11. Ср. Heyd, I p. 394; Parisot, pp. 230—231.

сожженіемъ нѣсколькихъ генуэзскихъ домовъ, близъ галатской стѣны. Между тѣмъ Галатцы пользуются беззащитностью Константинополя, задерживаютъ своимъ флотомъ подвозъ провіанта и даже дѣлаютъ попытку взять городъ штурмомъ, но отбиты съ урономъ. Наконецъ, вернулся Кантакузинъ. Созвавъ народное собраніе, онъ вновь доказывалъ необходимость обязательныхъ взносовъ на флотъ. Серьезная опасность заставила теперь смолкнуть оппозицію; сборъ, порученный Константину Тарханіотъ, пошелъ успѣшно, хотя многіе неохотно согласились на него. Вскорѣ были уже готовы девять большихъ триремъ и много мелкихъ судовъ. Частныя лица сами по себѣ снаряжали легкія военныя лодки и ставили вооруженныхъ людей. Вылазки Византійцевъ начали серьезно беспокоить Галатцевъ, а вновь устроенныя ихъ бойницы наносили значительный вредъ постройкамъ Галаты и транспортамъ, стоявшимъ ближе къ берегу. Такая дѣятельность со стороны Византіи встревожила слишкомъ предприимчивыхъ Латинцевъ. Они хлопочутъ о примиреніи, ищутъ посредничества то Родосцевъ, то своей митрополіи—Генуи, но ни за что не соглашаются уступить занятую возвышенность. Весною 1349 г. византіійскій флотъ величаво выплылъ въ заливъ. Онъ началъ хорошо; захватилъ богатый галатскій транспортъ и этимъ быстрымъ успѣхомъ, и своимъ вооруженіемъ подѣйствовалъ угнетающимъ образомъ на непріятеля. Но затѣмъ, когда нужно было вступить въ рѣшительный бой, онъ потерпѣлъ полную катастрофу. Обстоятельства этой вторичной гибели византійскаго флота, а равно развязка самой войны съ Галатой, представляются весьма затемненными какъ у Кантакузина, такъ и у Григоря. Ясно только, что внезапная буря и неопытность греческихъ наварховъ были главными причинами несчастія. Галатскому адмиралу оставалось только пользоваться паникою Византійцевъ, забирать и жечь уцѣлѣвшія отъ крушенія суда. Сухопутный византіійскій отрядъ также почему-то отступилъ отъ Галаты. Пораженіе было полное, нѣсколько дней Галатцы съ торжествомъ развѣзжали по Босфору и въ виду столицы издѣвались надъ императорскимъ флагомъ, снятымъ съ разбитыхъ триремъ. Вслѣдъ затѣмъ, при посредствѣ генуэзскихъ пословъ, былъ заключенъ миръ. Византія должна была уступить Галатѣ спорную мѣстность ¹⁾. Кантакузинъ всячески старается скрасить горечь этой уступки ²⁾. Но ударъ, нанесенный имперіи какъ самымъ

¹⁾ Cantac. IV, c. 11; Greg. XVII, cc. 1—7.

²⁾ Онъ говоритъ, напримѣръ, что Галатцы обязались по условіямъ мира—

фактомъ войны, такъ и ея плачевными результатами, во всякомъ случаѣ долженъ былъ быть весьма чувствителенъ. Послѣ мира обратились къ Тарханюгѣ за отчетомъ о расходѣ по постройкѣ погибшаго флота. Оказалось, что было издержано до 50,000 иперперовъ спеціальнаго сбора, не считая того что было взято изъ государственной и императорской казны ¹⁾. Столько денегъ и усилій пропало даромъ! Голоса недовольства снова стали раздаваться въ Византіи.

Но Кантакузинъ не падалъ духомъ, не терялъ обычной своей энергіи. Онъ снова принялся чинить старые корабли и строить новые, а для полученія денегъ предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ финансовыхъ мѣръ, которыя оказались до нѣкоторой степени удачными и цѣлесообразными ²⁾. Результатомъ такой дѣятельности императора было то, что въ непродолжительномъ времени Византія обладала почти двумястами торговыхъ судовъ, которыя могли служить и для военной надобности. Уладивъ такъ либо иначе дѣла съ Галатою, Кантакузинъ обратилъ вниманіе на о. Хіосъ и Фокею, видѣть которые во власти Генуэзцевъ ему было особенно тяжело. Вывать ихъ открытою силой у него не было средствъ, и онъ обращается къ

возвратить занятія позиціи, и что онъ самъ уже добровольно уступилъ ихъ Галатѣ. Фальшь и неестественность разказа здѣсь выдаютъ себя сами собою.

¹⁾ Cant. IV, с. 12.

²⁾ Cantac. IV, с. 12. Впервые, онъ обложилъ пошлинами предметы потребления, привозимые изъ западныхъ государствъ. Такъ, для хлѣба эта пошлина была половина золотого за медникъ. Для вина была назначена двойная пошлина, смотря по тому, самъ ли винодѣль его продавалъ, или купецъ: въ первомъ случаѣ золотой за 50 хоевъ, во второмъ—два золотыхъ. Эта мѣра, съ одной стороны, имѣла цѣлью поднятіе греческаго земледѣлія, а также была направлена противъ Венеціанцевъ и Генуэзцевъ—особенно противъ послѣднихъ, которые главнымъ образомъ снабжали имперію хлѣбомъ изъ Каеевъ; но съ другой—она должна была увеличить дороговизну самыхъ необходимыхъ предметовъ, такъ какъ для подитія земледѣлія во Фракіи, послѣ всѣхъ опустошеній, которымъ она подвергалась, еще недоставало многого другаго, кромѣ возвышенія заграничнаго тарифа. Въ вторыхъ, онъ понизилъ торговые взносы купцовъ съ $\frac{1}{10}$ стоимости ихъ товаровъ на $\frac{1}{50}$, то-есть съ 10% на 2%. Черезъ это внутренняя торговля естественно оживилась, но финансовыя выгоды новаго распоряженія не могли обнаружиться скоро. Паризо (стр. 231), толкуетъ послѣдній законъ Кантакузина, формулированный весьма кратко, совсѣмъ иначе—въ смыслѣ возвышенія платы за право торговли. Такое толкованіе намъ кажется произвольнымъ. Вотъ подлинныя слова Кантакузина объ этомъ предметѣ: νόμον δὲ οὗτος ἀρχαίου βεκάτας τοῦς ἐμπόρουμένους ἀπέντας τελεῖν τῷ δημόσιῳ, πεντακοστίας ἕτασεν αὐτός (vol. III, p. 81).

косвенному пути. Прежде всего онъ потребовалъ отъ Генуэзской республики возвращенія острова; Генуэзскій дожъ отвѣчалъ, что это не зависитъ отъ республики, такъ какъ захватъ сдѣланъ частною компаніей, но затѣмъ, желая, вѣроятно, привлечь императора къ союзу съ Генуею въ ожидаемой войнѣ съ Венеціей, выдалъ Кантакузину актъ, въ силу котораго компанія Маона должна была сдать весь островъ Византію и только на десять лѣтъ могла удержать за собою главный его городъ, и то подъ условіемъ признанія верховной власти императора и уплаты ему ежегодно 22,000 гиперперовъ. Актъ этотъ ни къ чему не повелъ. Виньози, владѣвшіе Хиосомъ, признали его не обязательнымъ для себя. Тогда Кантакузинъ сошелся съ правителемъ старой Фокеи, Кибо, который нѣкогда былъ византійскимъ архонтомъ на Хиосѣ, передалъ потомъ островъ Виньози и теперь тяготился званіемъ генуэзскаго намѣстника. Послѣдній передалъ императору Фокею, а затѣмъ обѣщавъ отвоевать и Хиосъ. Онъ ужъ имѣлъ успѣхъ, овладѣвъ большею частью острова, но вскорѣ палъ въ битвѣ, а отрядъ его долженъ былъ отказаться отъ экспедиціи. Такимъ образомъ Хиосъ остался за Латинами. Но Кантакузинъ доволенъ былъ и тѣмъ, что вернулъ хоть Фокею¹⁾. Какъ плохи ни были дѣла на Эгейскомъ и Мраморномъ морѣ, онъ не могъ останавливаться исключительно на нихъ, на борьбѣ съ Латинами. Вниманіе его, естественно, отвлекалось на западъ, гдѣ сербскій колоссъ росъ все выше и выше и грозилъ совсѣмъ поглотить имперію.

Въ 1349 г. умеръ намѣстникъ Фессаліи Іоаннъ Ангель. Стефанъ Душанъ увидѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ удобный случай овладѣть Великою Валахіей. Онъ послалъ Бесаря Прилуца, одного изъ близкихъ къ себѣ людей, съ сильнымъ албанскимъ корпусомъ, и тотъ занялъ почти безъ сопротивленія всю Фессалію, пройдя до венеціанской крѣпости Птеліона²⁾. Затѣмъ самъ Стефанъ предпринимаетъ движеніе на Солунь. Здѣсь все еще продолжалась анархія, борьба партій; стоявшіе во главѣ управленія Алексѣй Метохита и Андрей Палеологъ отказывались признать власть Іоанна Кантакузина и не приняли присланнаго имъ и поставленнаго Исидоромъ въ Солунскіе епископы Григорія Паламу³⁾. Демократическая партія—зилоты хлопотали уже о сда-

¹⁾ Cantac. IV, c. 12; *Hopf*, Giustiniani, p. 316. Она держалась Византію до 1358 г.

²⁾ Misti, XXVII Fol., 11 v.; *Hopf*, Griechenland im Mittelalter (Bd. 85), p. 446; Cantac. IV, ce. 16, 20 (vol. III, p. 113, 147).

³⁾ Cantac., IV, c. 15.

чѣ города Сербамъ, которые оцѣпили его со всѣхъ сторонъ кольцомъ. Въ эту то критическую минуту, опасность иноземнаго завоеванія слютила остальныхъ партій противъ измѣнниковъ зилотовъ. Демократы были побѣждены, Андрей Палеологъ долженъ былъ оставить городъ, а Алексѣй Метохита сталъ во главѣ патриотовъ и далъ знать Кантакузину, чтобы тотъ спѣшилъ къ помощи въ Солуни ¹⁾. Нужно было сдѣлать что-нибудь для спасенія этой второй столицы, утрата которой означала бы переходъ во власть Сербовъ всей западной половины Балканскаго полуострова, съ главнымъ ключомъ въ ней съ восточной стороны. Но своего войска въ достаточномъ числѣ не было. Кантакузинъ обращается снова къ Орхану. Такое обращеніе на этотъ разъ, пожалуй, обуславливалось необходимостью, но пользы отъ него было не больше, тѣмъ въ 1348 г. Сулейманъ явился во Фракію съ 20,000 всадниковъ. Но эти огромныя толпы Османовъ отнюдь не имѣли въ виду помогать кому то ни было, а опять таки преслѣдовали свои хищныя цѣли. Едва Кантакузинъ съ Іоанномъ Палеологомъ (второго онъ по обычаю увлекъ съ собою въ походъ) достигли сербской границы (близъ Анакторополя), какъ Турки возвращаются назадъ, будто бы отзываеемые Орханомъ, для защиты собственнаго ихъ царства. При этомъ оказалось, что на обратномъ пути они набросились на Болгарію и подвергли ее жестокому опустошенію: огромныя стада скота и массы плѣнныхъ людей, послѣдовали за Османами въ Азію. Уходъ союзниковъ ставилъ Кантакузина въ затруднительное положеніе. Съ ничтожными своими силами онъ не могъ и помышлять выступить противъ Сербовъ, приходилось совсѣмъ отказаться отъ Фессалоники. Выручили его изъ бѣды все же Турки. Отъ стараго знакомаго Серба Браяна (Μπραϊάνης), сдружившагося съ нимъ во время пребыванія у Душана и теперь правившаго въ Амфиполѣ, онъ узналъ, что въ устьяхъ Стримона стоятъ 22 турецкихъ корабля. Какіе это были Турки: Сельджуки или Османы,—трудно сказать. Гораздо яснѣе цѣль пребыванія ихъ флота у Стримона: они только что занимались опустошеніемъ Македоніи и Вотиіи. Теперь къ нимъ обратился Кантакузинъ за содѣйствіемъ, вѣроятно обѣщая въ будущемъ право поживиться добычею на счетъ непріятели. Турки приняли его предложеніе. При помощи ихъ онъ очистилъ отъ Сербовъ окрестности Солуни и съ торжествомъ вступилъ въ городъ. Наиболѣе ярне пред-

¹⁾ Cant., IV, c. 16.

ставители визитовъ были отправлены въ Константинополь ¹⁾. Такою удачею начался для Кантакузина 1350 годъ. Она ободрила его для продолженія кампаніи. Немедленно отправился онъ съ византийскимъ войскомъ къ Верріи, Турки же на судахъ по р. Быстрицѣ должны были подплыть къ городу съ другой стороны. Веррія была лучшей изъ всѣхъ городовъ Вотиѣи. Душанъ обратилъ на него особенное вниманіе. Немедленно послѣ завоеванія онъ выгналъ изъ него большую часть греческаго населенія и вмѣсто него поселилъ Сербовъ, въ числѣ которыхъ было не мало богатыхъ. Для укрѣпленія города онъ началъ въ немъ постройку двухъ акрополей; одинъ изъ нихъ былъ оконченъ и ввѣренъ защитѣ гарнизона изъ Германцевъ; надъ другимъ же еще работали до 10,000 работниковъ, собранныхъ со всего Сербскаго царства. Кромѣ того, въ самомъ городѣ были расположены значительныя сербскія дружины. Такимъ образомъ, овладѣніе Верріей, представляло большія трудности. Но случай легко передалъ ее Кантакузину. Старшина веррійскихъ пастуховъ, нѣкто Маркелатъ, за освобожденіе сына, который былъ въ числѣ плѣнниковъ, захваченныхъ союзниками Кантакузина — Турками во время нападенія на Вотию, обязался помочь имъ проникнуть въ городъ. Посредствомъ лѣстницъ, заранѣе приготовленныхъ Маркелатомъ, часть византийскаго отряда перобралась черезъ стѣны Верріи и отворила ворота Кантакузину и Туркамъ. Нападеніе было произведено вполне неожиданно, Сербы сдѣлали попытку обороняться и заперлись въ акрополѣ, но вскорѣ принуждены сдаться. Германцы оказались тѣми самыми, которые нѣкогда были присланы Душаномъ Кантакузину для борьбы съ императрицею Анной. Императоръ обошелся съ ними благосклонно и съ оружіемъ и конями отпустилъ ихъ къ своему государю. Точно также отпустилъ онъ на свободу и всѣхъ сдавшихся Сербовъ, отнявъ только у нихъ лошадей, въ которыхъ нуждалось его войско; плѣнники, очевидно, затрудняли его. Кантакузинъ ликовалъ по случаю своей побѣды, и по видимому, не придавалъ особаго значенія тому, что въ награду за эту побѣду онъ долженъ былъ позволить Туркамъ разграбить страну, подчиненную кралоу ²⁾. Едва ли нужно сомнѣ-

¹⁾ Cantac. IV, с. 17.

²⁾ Cantac. IV, с. 18. Кантакузинъ весьма подробно описываетъ сербскую войну 1350 г., начало которой для него было такъ удачно. Сообщенія имъ подробности весьма драгоцѣнны для сербской исторіи; но изложеніе его здѣсь ближе чѣмъ гдѣ-либо проникнуто тономъ самодовольства и изобилуетъ прикра-

ваться, что страна эта была недавно утраченныя византійскія провинціи. Затѣмъ Кантакузинъ обратился на прочіе города Вотіен и на восточную часть Албаніи, гдѣ власть Сербовъ была утверждена менѣе прочно. Едесса (нынѣ Водена) одна оказала большое сопротивление. Кантакузинъ взялъ ее штурмомъ самъ съ своими войсками, усиленными веррійскими милиціонерами, турецкія же полчища стояли на всякій случай въ сторонѣ отъ города. Сербскій гарнизонъ и отсюда выпущенъ, а управленіе городомъ поручено Георгію Лизіу. Присоединеніе ближайшихъ къ Едессѣ городковъ: Старидолы, Петры, Соска, Дивры, Острова и Нотія обошлось безъ особыхъ усилій¹⁾. Θεσσαλίскіе города, Ликостомъ и Кастри, также легко были возвращены имперіи. Но тутъ, кажется, военные успѣхи Кантакузина и кончились. Проникнуть въ глубь Θεσσαλίи ему не удалось. Кесарь Прилупъ, правившій отъ имени Душана всю Θεσσαλίю, сталъ самъ во главѣ защиты Сервіи, пограничной крѣпостцы между Θεσσαліей и Вотіей. О неприступность позицій крѣпостцы и стойкость храбраго ея защитника разбитыя всѣ попытки Византійцевъ взять ее силою. Въ виду наступленія зимы, они возвратились въ Веррію. Но Турки продолжали свое дѣло. Ихъ набѣги и грабежи простирались до Скопін. Стефанъ Душанъ былъ занятъ войною въ Босніи и не могъ явиться для защиты новыхъ своихъ завоеваній. Вообще Македонія, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, оставалась почти безъ прикрытія сербскихъ войскъ. Самое присоединеніе ея къ Сербскому царству, по видимому, ограничивалось оставленіемъ въ городахъ сербскихъ правителей. Оттого-то многіе города такъ легко перешли на сторону Кантакузина. Сербскіе правители видѣли беззащитность вѣрренныхъ имъ мѣстностей, и чтобы сохранить ихъ отъ турецкаго хищничества, прислали пословъ къ Кантакузину съ изъявленіемъ покорности. Такіе послы явились и изъ сербской столицы Скопін. Но этимъ номинальнымъ заявленіемъ о подчиненіи дѣло и кончилось. Фактически Скопія никогда не переходила къ Византіи, какъ думаетъ Паризо (стр. 242), основываясь на утвержденіи Кантакузина, смыслъ котораго ослабляется нѣсколько ниже собственными же словами историка²⁾. Двое сербскихъ вельможъ:

сами. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, «что овладѣть Верріей безъ пролитія крови», но самъ же передъ этимъ повѣствуетъ объ ожесточенныхъ схваткахъ между Сербами и Византійцами.

¹⁾ Cantac. IV, с. 19.

²⁾ Cantac. IV, с. 19. Онъ говоритъ про Скопль: ἤκουσι πρὸς βασιλέα καὶ τῆν πόλιν παραίδου πρὶν διαφθερῆναι, а за снмъ заключаетъ, что когда опасность

Хлапенъ — родственникъ королевскаго дома, имѣвшій въ своемъ распоряженіи значительный отрядъ и Томиславъ (Τολιςθλαβος — вѣроятно, ошибочно), правитель одного городка, открыто перешли къ Кантакузину; вѣроятно же всего они были увлечены его обѣщаніями и дипломатическою обворожительностію. Они предлагали ему свои услуги для дѣятельной войны съ Душаномъ. Но при всѣхъ успѣхахъ, при всей благопріятности обстоятельствъ, которыя складывались въ его пользу, Кантакузинъ чувствовалъ свою слабость для подобной войны и отклонилъ предложенія Сербовъ. Поставивъ въ Верріи начальникомъ Дипловатаціи, самъ онъ ушелъ въ Фессалонику¹⁾. Вслѣдъ за нимъ наконецъ прибылъ сюда и Стефанъ Душанъ. Онъ не кончилъ дѣлъ въ Босніи и Далмаціи, встревоженный потерей части своихъ завоеваній, поспѣшилъ въ Македонію и немедленно же вступаетъ въ переговоры съ Кантакузиномъ о мирномъ улаженіи дѣла. Свиданіе двухъ монарховъ, ихъ переговоры, заключеніе мирнаго трактата и сразу же послѣдовавшее нарушеніе его описаны вѣнценоснымъ участникомъ всѣхъ этихъ событій весьма подробно, съ претензіей на полную обстоятельность, но, къ сожалѣнію, описаніе это носитъ въ себѣ столько признаковъ дѣланности, фантастичности и даже парадоксальности, что у читателя само собою, безъ обращенія къ серьезной критикѣ, зарождается сомнѣніе въ дѣйствительности описываемаго. Такъ какъ записки Кантакузина представляютъ единственный источникъ для этой греко-сербской войны, и факты, которыхъ онъ здѣсь касается, имѣютъ большой интересъ какъ для византійской, такъ и для сербской исторіи, то считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ нѣсколько долѣе.

На первомъ свиданіи монарховъ, нашъ историкъ влагаетъ въ уста Душана краткую рѣчь, въ которой тотъ упрекаетъ Кантакузина, за то, что онъ, забывъ о гостепріимствѣ, оказанномъ ему въ Сербіи, теперь нарушилъ всѣ договоры и отнялъ то, что ему, Ду-

---

уеглась, король призвалъ къ суду лицъ, виновныхъ въ посылкѣ посольства, но за нихъ быдто бы вступился архіепископъ.

¹⁾ Ibidem. Кантакузинъ называетъ еще одного Серба Вѣлхос — вѣроятно, Вѣлк-Вулъ — правителя Гинеконастра (близъ Согуни), который притворно далъ присягу императору, и затѣмъ, при приближеніи Душана, соединился съ своимъ законнымъ государемъ, хитростію сохранивъ городъ отъ византійскаго занятія. IV, с. 20. Не такое ли значеніе имѣло отступничество и другія сербскихъ наѣстниковъ? Для провѣрки автентической стороны этихъ свидѣтельствъ Кантакузина, имѣть другихъ историческихъ данныхъ.

шану, принадлежало по праву завоеванія. Кантакузинъ отвѣчаетъ длинною, патетическою, проникнутою сознаниемъ собственнаго достоинства, рѣчью. Онъ весьма благодаренъ краю, его супругѣ, всѣмъ Сербамъ за гостеприимство, оказанное ему въ трудное для него время; но онъ не можетъ признать себя виновнымъ. Не онъ, императоръ, а король—первый нарушилъ установившіяся между ними узы дружбы. Онъ лишилъ его помощи въ самую нужную минуту, онъ открыто строилъ ему ковы, онъ отнял у него одну за другою всѣ западныя провинціи имперіи. Кантакузинъ съ пафосомъ набрасывается на Душана за сдѣланный имъ намекъ, что онъ-де, Кантакузинъ, долженъ быть доволенъ предоставленною ему частью территоріи, которая все-таки превышаетъ долю, перешедшую къ Стефану и собственно не должна ему принадлежать ¹⁾. „Нѣтъ“, восклицаетъ онъ,—ни о какомъ раздѣлѣ имперіи у меня никогда не могло быть рѣчи. Еще до возложенія на себя этого царскаго облаченія, я повелѣвалъ уже Ромѣями, и какъ тогда ставилъ, такъ и теперь, сдѣлавшись императоромъ, выше всего ставлю защиту интересовъ и достоинства имперіи“. Пожалуй, онъ готовъ примириться съ государемъ Сербовъ и заключить съ нимъ договоръ, но подѣ условіемъ возвращенія Акарнаніи, Фессаліи и Македоніи ²⁾. На слѣдующій день переговоры возобновились, но имѣли мало успѣха: ни одна сторона не уступала. Душанъ требовалъ уступки отвоеванныхъ Византіяцами городовъ, а Кантакузинъ—возвращенія всѣхъ завоеванныхъ Сербами областей имперіи. Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что Душанъ почувствовалъ необыкновенный страхъ передъ императоромъ, до такой степени сильный, что, какъ онъ самъ утверждалъ, еслибъ увидѣлъ Кантакузина во снѣ, сразу бы проснулся. Одна мысль о войнѣ съ такимъ страшнымъ человекомъ лишала его сна. Открыто и Сербамъ, и Ромѣямъ онъ заявлялъ, что не было человека, передъ которымъ онъ такъ бы дрожалъ, котораго такъ бы боялся, какъ Кантакузина ³⁾. Подѣ влияніемъ этого страха

¹⁾ Вотъ слова Душана: εἰ δὲ σε λοιπὴ τὸ καὶ αὐτὸν ἐκ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας μοῖραν τινα παρρησιμένον ἔχειν, ἀλλ' ἐκεῖνο ἐννοεῖν χρὴ ὡς αὐτὸς ἔχεις πολλαπλάσιον λαβὼν ἐκ τῆς αὐτῆς ἐτέρας προσηκούσης» (vol. III, p. 140). Последняя часть угрозы можетъ быть не случайно, имѣетъ двусмысленный характеръ. Въ ней можно видѣть указаніе на неправильный захватъ власти у Іоанна Палеолога. Самъ Кантакузинъ повѣлъ ее иначе, именно какъ заявленіе притязаній Душана на всю имперію.

²⁾ Cantac. IV, с. 20.

³⁾ Cantac. IV, с. 21: καίτοι γε ἔλεγε κράτης, ἐς τοσοῦτον δέους πρὸς βασιλεῖα

Стефанъ дѣлается уступчивѣе. Онъ проситъ императора удовольствоваться Едессой и Верріей и другими отвоеванными городами и съ влѣтвой увѣрить, что онъ не можетъ отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній не изъ корыстныхъ стремленій, а изъ стыда передъ собственными подданными. Но Кантакузинъ недоволенъ этимъ; упорство Душана сердитъ его. Онъ обращается къ угрозамъ: война остается единственнымъ средствомъ свергнуть сербское иго; но теперь у него нѣтъ войска: онъ возвратится въ Византію, и слѣдующею весною явится во всеоружіи съ сильнымъ войскомъ продолжать борьбу съ твердымъ намѣреніемъ или сложить голову въ бою, или же не только освободить Ромэевъ, но и погубить, и поработить и самого Душана, и весь народъ его ¹⁾). Такая угроза еще болѣе подѣйствовала на неговорящаго царя Сербовъ. Онъ проситъ не возбуждать новой войны и предлагаетъ найти какой-нибудь средній путь для выхода изъ общихъ затрудненій. Тогда Кантакузинъ, соображая всѣ тягости войны и невозможность поручиться за исходъ ея, а также принимая во вниманіе, что для веденія ея ему придется обратиться за содѣйствіемъ варваровъ, которые и Ромэямъ, своимъ союзникамъ, причиняютъ не мало вреда, а несчастнымъ Сербамъ принесутъ величайшія бѣдствія, согласился на миръ подъ условіемъ слѣдующаго раздѣленія западной территоріи: Аварнанія, Фессалія, крѣпость Сервія, и лежащія за ней города къ морю: Верріа, Едесса, Гинекокастро, вся область Мигдонія и селенія въ долину Стримона—до Сереса и горы Тантесанъ—должны отойти къ Византіи; Сербы же удерживаютъ Зихну, Сересъ (иначе Феры), Мельникъ, Струмницу (Στρώμνιτσα), Касторію и другіе города и селенія Македоніи, которыя были за горами Тантесанъ. Стефанъ Душанъ вполне удовлетворился такими условіями. Соглашеніе было отпраздновано пиромъ ²⁾). На слѣдующій день назначено было утвердить порядокъ сдачи городовъ отъ сербскихъ властей къ византійскимъ. Но въ эту ночь настроеніе Душана неожиданно

καθεστάναι, ὡς καὶ ἐν ἀνείροις εἰ ποτε ὄραν συμβάτην, τοῦ ὄπνου ἀψίστασθαι αὐτίκα, καὶ πρὶν ληφθῆναι ὄπνῳ ἀόπνῳ διανοκτερεῦσθαι εἰ λογίζοιτο περὶ ἐκείνου, ὅπως χρῆ πόλεμειν, ἐν ἀπόροις ὑπὸ θεοῦ καθεστῶς:..... ἔλεγε διὰ βίου μῆτε πρότερον, μῆθ' ὕστερον ὤσπερ Καντακουζηνὸν τὸν βασιλέα ἐκπεπλήχθαι καὶ δεδοικέναι (vol. III, p. 152).

¹⁾ Ibidem, p. 154. .... ὁμῖν ἐπιστρατεύσω, γνώμην ἔχων, ὡς ἡ μαχόμενος πεσεῖσθαι, ἢ πρὸς τῷ Ῥωμαίῳ ελευθεροῦν καὶ αὐτὸν καὶ ὀπληκτοὺς ἐξανδραποδίσσασθαι καὶ διαφθεῖρειν καὶ καταδουλοῦσθαι.

²⁾ Cantac. IV, c. 21.

измѣнилось. Враги Кантакузина пробрались въ сербскій лагерь, разъяснили врагу все бессиліе Византійцевъ и совѣтовали ему не возвращать городовъ, а по уходѣ Кантакузина, заключить болѣе выгодный миръ съ Іоанномъ Палеологомъ, который за помощь противъ тестя будетъ гораздо уступчивѣе. Подъ вліяніемъ такихъ внушеній Душанъ утромъ отказался принять условія послѣдняго соглашенія и опять потребовалъ если не возвращенія отвоеванной Кантакузиномъ страны, то по крайней мѣрѣ сохраненія за своею державою всего остальнаго. Кантакузинъ, въ негодованіи отъ такого образа дѣйствій противника, готовится дать ему сраженіе. Затѣмъ разыгрывается такая комическая сцена: войска сербское и византійское выстроились другъ противъ друга близъ Фессалоники; вожди ихъ по очереди вызывали другъ друга начать бой, но ни одинъ не рѣшался. Такъ они простояли цѣлый день и наконецъ разошлись. Душанъ предпочелъ враждебныя дѣйствія въ другой сторонѣ. Онъ перешелъ Авсій (нынѣ Вардаръ) опустошилъ окрестности Едессы и осадилъ самый городъ. Вскорѣ Едесса была въ его рукахъ и предана жестокому разграбленію; жители большею частью изгнаны; Византійскій намѣстникъ Лизигъ подвергнуть истязаніямъ, поруганію и умираетъ въ Скопіи на дорогѣ въ заточеніе. Между тѣмъ, Кантакузинъ, разыгравъ церемонію парада, возвращается въ Солунь. Онъ остается безмолвнымъ свидѣтелемъ начала военныхъ дѣйствій Душана подъ Едессою, ничего не предпринимаетъ противъ него и торопится въ Константинополь. Въ Солуни же онъ оставляетъ Іоанна Палеолога подъ надзоромъ шурина, Андроника Асана, при прощаніи строго предписывая имъ остерегаться сближенія съ Душаномъ.

Такъ представляеть дѣло Кантакузинъ, но врядъ ли все было такъ въ дѣйствительности. Прежде всего замѣтимъ, что самый фактъ переговоровъ, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію; притомъ очень вѣроятно, что инициатива установленія мирныхъ отношеній принадлежала Стефану Душану. Онъ занятъ былъ войною съ Уграми, отъ которой оторвало его не столько завоеваніе нѣсколькихъ городовъ Кантакузиномъ, сколько вѣсть объ опустошеніяхъ, производимыхъ въ его земляхъ Турками, явившимися по призыву Византійцевъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, для него было совершенно естественно принять какія нибудь мѣры въ скорѣйшему и легчайшему обезпеченію себя съ востока, пока онъ будетъ занятъ на западѣ. Личное соглашеніе съ Кантакузиномъ должно было ему казаться первою такою мѣрою. Черезъ свиданіе съ нимъ и уступку ему части отвоеванной территоріи

онъ могъ надѣяться, что добьется отсрочки появленія варваровъ по призыву императора на нужное время, пока уладить всѣ другія дѣла, чтобы снова ринуться на беззащитную имперію. Но отъ такой слишкомъ скромной, чтобы не сказать болѣе, податливости весьма далеко до той комической трусости, которую нашъ историкъ такъ не кста-ти приписываетъ самому смѣлому, самому независимому во всѣхъ отно-шеніяхъ сербскому государю. Какъ-то странно читать фантастическія повѣствованія, въ редѣ вышеприведенныхъ, о мощной личности осно-вателя Сербскаго царства, о томъ Стефанѣ Душанѣ, который болѣе чѣмъ кто-либо изъ современниковъ прославилъ себя неустранимостью, ко-торый такъ недавно былъ покровителемъ, хотя можетъ быть, и не искреннимъ тому же Кантакузину, и который только что съ полнымъ сознаниемъ своей силы провозгласилъ себя царемъ Сербовъ, Грековъ и Болгаръ! Да и чего ему было бояться Кантакузина въ это время? Самыя успѣхи Византійцевъ развѣ были на столько велики, чтобы воз-буждать въ немъ такой фаталическій страхъ къ ихъ главамъ? Если даже оставить въ сторонѣ его неудачи подъ Сербіей, то все-таки что же такое было достигнуто Кантакузиномъ? Онъ возвратилъ при помощи Турокъ, два большіе города—Едессу и Веррію и нѣсколько мелкихъ пунктовъ въ Македоніи и Фессалии. Но въ сущности эти завоеванія охватывали весьма небольшую территорію; притомъ большая часть го-родовъ сдались, такъ сказать, изъ чувства самохраненія и ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ можетъ быть Верріи, не былъ достаточно укрѣпленъ за имперію, то-есть, снабженъ сильнымъ византійскимъ гарнизономъ. Турки, по видимому, удовольствовались набранною добы-чею и убралась во свояси; по крайней мѣрѣ, о нихъ не упоминается ни во время, ни послѣ переговоровъ. Своего войска у Кантакузина, какъ, мы знаемъ, было очень немного. Отрядъ Душана, дѣйствовав-шій тогда противъ него, самъ по себѣ небольшой, все-таки превышалъ византійскій въ три раза. Наконецъ, Кантакузинъ нѣсколько разъ самъ сознается ¹⁾ въ тогдашнемъ своемъ безсиліи, что лучше всего показали на дѣлѣ, отказавшись помочь Едессѣ, вскорѣ отнятой Сербами. При такомъ положеніи дѣла, ужъ если кому изъ противниковъ приходилось бояться другаго, такъ это именно Кантакузину. Недавнія побѣды его были слишкомъ эфемерны, и по результатамъ почти плачевны. Поэтому странная, высокопарная рѣчь его, въ которой онъ грозитъ призвать вновь Турокъ и слѣдующею же весною разрушить Сербское царство,

¹⁾ Vol. III, p. 135, 154.

если только она действительно была произнесена, должна была поразить непомернымъ бахвальствомъ ея автора, но отнюдь не могла склонить Душана къ принятію договора, въ силу котораго отъ него отходила большая часть завоеваній, сдѣланныхъ на счетъ имперіи. Можно положительно сказать, что никакого договора на почвѣ несообразнаго раздѣла, приводимаго Кантакузиномъ, никогда не могло быть. Если даже планъ такого выгоднаго мира тогда действительно былъ у него въ головѣ, а не есть плодъ позднѣйшаго измышленія, то врядъ ли онъ могъ выступить съ нимъ передъ Душаномъ. Въ самомъ дѣлѣ неужели взятіе Едессы и Веррии, при отсутствіи достаточнаго войска, чтобы поддержать и эти завоеванія, давало ему право требовать Тессалии и Акхарнани? Что касается до обстоятельствъ нарушенія договора и безцѣльнаго цѣлодневнаго стоянія непріятельскихъ войскъ другъ противъ друга, то все это является весьма плохо придуманною развязкою никогда не существовавшаго соглашенія. Сколько можно догадываться, дѣло было гораздо проще. Душанъ соглашался уступить Кантакузину только часть городовъ, и вѣроятно, требовалъ назадъ Едессу; императоръ, конечно, не хотѣлъ поступиться своими успѣхами. Они ни на чемъ не сговорились, и Душанъ сряду же перешелъ къ другому средству—къ вооруженной борьбѣ съ Византіяцами. Для него это было нетрудно. Едесса была немедленно возвращена. Приверженцы Іоанна Палеолога, весьма вѣроятно, теперь же вступаютъ въ сношенія съ Душаномъ, но нельзя согласиться съ Кантакузиномъ, который приписываетъ ихъ подстрекательству враждебный образъ дѣйствій сербскаго государя. Послѣдній и безъ подобнаго подстрекательства очень хорошо понималъ положеніе вещей и свои интересы.

Такимъ образомъ историческая несостоятельность свидѣтельствъ Кантакузина въ данномъ случаѣ сказывается весьма ярко ¹⁾.

Какъ бы то ни было, удачный походъ Кантакузина въ Македонію

---

¹⁾ Начало этой войны съ Сербами было наиболее счастливымъ моментъ изъ всего царствованія Кантакузина. Понятно, ему было тяжело разстаться съ добытыми результатами. Оттого, впоследствии, въ монастырскомъ уединеніи, составляя свои записки, онъ старался представить этотъ моментъ въ возможно лучшемъ освѣщеніи, желая при этомъ рѣзко выставить на видъ своимъ врагамъ силу нравственнаго своего обаянія и широкое пониманіе возложенныхъ на него временемъ государственныхъ обязанностей. Тутъ ему былъ полный просторъ высказаться. Речи его, кромѣ субъективнаго значенія, имѣютъ иногда и историческій интересъ. Паризо (стр. 240—244) относится къ этой части записокъ Кантакузина съ слишкомъ слабымъ анализомъ.

отнюдь не ослабилъ могущества Сербскаго царства. Еще до отъезда императора изъ Солуни въ Константинополь, Душанъ началъ возвращеніе потеряннаго. Затѣмъ онъ принялъ участіе въ новой междоусобной войнѣ, вспыхнувшей въ Византіи, и вѣроятно, воспользовался этимъ временемъ, чтобъ окончательно закрѣпить за Сербіей недавнія свои завоеванія. Еще до 1355 г. Эпиръ, Акарнанія, Фессалія, Македонія являются округленными частями Сербской монархіи, которыя Душанъ раздаетъ въ удѣлы своимъ родственникамъ и жупанамъ. Изъ сохранившихся данныхъ не видно, удержали ли Византійцы Веррію. Но вѣрнѣе—нѣтъ, потому что южная Македонія (кромя Фессалоники) составляла два сербскіе удѣла¹⁾; въ одинъ изъ нихъ и должна была войти Веррія.

Немедленно послѣ возвращенія въ столицу, Кантакузинъ вступилъ въ сношенія съ Александромъ Болгарскимъ. Ему надо было гдѣ-нибудь искать союзниковъ противъ Душана; но еще важнѣе было для него всячески усилить себя для предупрежденія опасности, которая грозила ему и съ другихъ сторонъ. До сихъ поръ онъ былъ въ ладу съ Александромъ. Но частыя опустошенія, которымъ подвергалась Болгарія со стороны Турокъ, являвшихся на помощь къ Кантакузину противъ его враговъ, естественно возбуждали въ Болгарскомъ царѣ враждебныя чувства къ императору. Чтобъ устранить эту враждебность, Кантакузинъ теперь отправилъ въ Терново посольство. Онъ увѣрялъ Александра, что Турки въ нападеніяхъ на Болгарію дѣйствовали самостоятельно; онъ не могъ ихъ удержать, и призывалъ ихъ по необходимости для защиты имперіи отъ сербскаго завоеванія. Стоитъ только имъ соединить свои усилія, и они въ состояніи будутъ защитить свои земли отъ варварскихъ нашествій. У него, императора, есть уже флотъ, но нѣтъ средствъ для вооруженія его; пусть теперь Александръ дастъ эти средства, и безопасность государства будетъ достигнута; общій ихъ флотъ будетъ охранять берега Фракіи и допускать высадки Турокъ только въ тѣхъ размѣрахъ, какіе императоръ признаетъ нужными для успѣха войны съ Сербамъ. Это предложеніе было принято съ сочувствіемъ, какъ Александромъ, такъ и болгарскимъ населеніемъ, собравшимся въ то время въ большомъ числѣ

---

¹⁾ Юго-западная часть Македоніи по р. Вардару досталась Жаркѣ, а восточная—между Вардаромъ и г. Сересомъ (Феррами)—Богдану. Laonicus Chalcocondylas: De rebus Turcicis, l. I, c. 1, p. 29 (Edit. Bonn.). Ср. также *Макушевъ*, Историческія разсужденія о Славянахъ въ Албаніи, стр. 47.

въ Терново по случаю какого-то праздника. Кантакузину обѣщано было полное содѣйствіе Болгаріи въ его предпріятіи. Но къ немалому огорченію хитраго дипломата, это обѣщаніе осталось не выполненнымъ; Стефанъ Душанъ наложилъ свое veto на желаніе Александра добровольно платить Византійскому императору дань, которая отчасти должна была тратиться на мѣры, направленныя къ противодѣйствію сербскимъ завоеваніямъ; Александръ же не смѣлъ противорѣчить своему сильному родственнику. Планъ Кантакузина не удался. Съ огорченіемъ онъ прекратилъ переговоры съ Болгарскимъ царемъ, предсказывая ему въ скоромъ времени новыя несчастія отъ Турокъ ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь, въ этомъ не удавшемся дипломатическомъ шагѣ, императоръ-историкъ хотѣлъ выставить себя ревнителемъ общаго блага всѣхъ государствъ Балканскаго полуострова. Но едва ли онъ думалъ серьезно о мѣрахъ противъ Турокъ. Турки были ему еще нужны; мы увидимъ, что онъ пользуется ими до послѣдней минуты своей власти. Конечно, онъ желалъ защитить Фракію отъ частныхъ высадокъ турецкихъ пиратовъ, но онъ вполнѣ былъ равнодушенъ къ опустошеніямъ, которыя производили его союзники въ сербскихъ и болгарскихъ земляхъ, хотя видимо старается прикрыть это равнодушіе громкими фразами о безмѣрномъ своемъ челоуѣколюбіи. Нѣтъ, вооруженный флотъ былъ нуженъ Кантакузину не столько противъ Турокъ, сколько противъ Латиновъ, которые, казалось, не хотѣли дать минуты покоя со всѣхъ сторонъ тревожимой имперіи, и противъ личныхъ его враговъ, которые все смѣлѣе и смѣлѣе выступали на защиту понираемыхъ имъ правъ Іоанна Палеолога. Не успѣла кончиться Галатская война, какъ воды Эгейскаго и Мраморнаго моря, даже самый Босфоръ, сдѣлались театромъ новой продолжительной, кровопролитной борьбы. На этотъ разъ состязались двѣ постоянныя соперницы среднихъ вѣковъ въ морскомъ могуществѣ—Генуя и Венеція. Императоръ, находясь между двухъ огней, по необходимости, долженъ былъ принять участіе въ этой войнѣ, и чтобъ оградить интересы Константинополя отъ покушеній той и другой стороны, не могъ не заботиться о вооруженіи своей наскоро выстроенной флотиліи. Расчеты его на казну Александра однако не оправдались, и роль, которую ему пришлось играть въ войнѣ, вышла жалкою. Самая война получила тѣмъ болѣе печальное значеніе для Византіи, что съ нею соединилась новая междоусобица

¹⁾ Cantac. IV, c. 21: Βασιλεὺς δὲ τὴν ἐσομένην αὐτῷ φθορὰν ὑπὸ τῶν βαρβάρων προσιπῶν καὶ διαμαρτυρήμενος (vol. III, p. 165).

кантакузинистовъ и палеологистовъ, кончившаяся низложеніемъ Іоанна Кантакузина и его фамиліи. Обращаемся теперь къ этимъ двумъ событіямъ занимающей насъ эпохи.

Обстоятельства, вызвавшія войну между Генуей и Венеціей, были слѣдующія. Генуя, постепенно усиливаясь на Эгейскомъ морѣ, владѣя въ Галатѣ выходомъ изъ Чернаго моря и богатыми колоніями: Каффою въ Крыму и Таной у устья Дона, въ первой половинѣ XIV в., стремилась обратить въ свою монополию всю торговлю съ понтійскими городами. Она наложила особыя торговыя пошлины на всѣ негенуэзскія суда, пристававшія къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, и готова была даже въ Галатѣ устроить нѣчто въ родѣ генуэзской таможи, обязательной для всѣхъ входящихъ въ море судовъ ¹⁾ другихъ государствъ, не исключая и Византіи. Венеція, въ это время также достигнувшая большаго значенія на италіанскомъ материкѣ, не могла сносить такого дерзкаго хозяйничанья Генуэзцевъ въ Черномъ морѣ, гдѣ ея суда издавна пользовались полною свободою плаванія, и отказалась подчиняться самовольнымъ требованіямъ своей соперницы. Отношеніе между ними дѣлалось натянутымъ; наконецъ, когда въ 1350 г. вошедшія въ Азовское море безъ вѣдома Генуэзцевъ венеціанскія суда были конфискованы въ Каффѣ, война стала неизбежною. Въ сентябрѣ того же года венеціанскій адмиралъ Маркъ Руццини напалъ близъ Евбеи на генуэзскія суда, шедшія въ Галату и Каффу; изъ 14 кораблей только 4 успѣли спастись къ Хіосу. Затѣмъ онъ прошелъ мимо Галаты въ Черное море для продолженія подвиговъ каперства; но въ это время спасшіяся четыре судна, соединившись съ флотомъ Хіоскаго Виньози, набросились на Евбею и разорили беззащитныя венеціанскіе порты острова ²⁾. Эти событія были только прелюдией къ болѣе серьезной войнѣ, къ которой Венеціанцы дѣятельно готовились. Они заключили союзъ съ королемъ Петромъ IV Арагонскимъ ³⁾ и хотѣли привлечь на свою сторону и Іоанна Кантакузина. Первое венеціанское посольство съ этою цѣлью явилось къ императору въ Тессалоннику; тогда онъ отказался принять какое-либо участіе въ союзѣ, ссылаясь на войну съ Сербамъ ⁴⁾. Лѣтомъ 1351 г. венеціано-арагон-

¹⁾ Greg. XVIII, с. 2 и XXV, с. 17; Cantac. IV, с. 26. Ср. *Heyd*, *Le Colonie*, I, p. 399.

²⁾ Gregor. XVIII с. 2, p. 877 и XXV, сс. 18, 19, 20; Dandolo у *Muratori*, XII, p. 420; Sanuto, *Vite dei Dogi* у *Muratori*, XXII, p. 621.

³⁾ *Heyd*, I, p. 402.

⁴⁾ Cantac. IV, с. 18.

скій флотъ—23 галеры—подъ начальствомъ Николо Пизани, пошелъ въ Галату, и опустошивъ гавань, занялся перехватомъ генуэзскихъ судовъ. Прибывшій съ Пизани посоль республики, Дельфинъ, снова сдѣлалъ предложеніе Кантакузину выступить вмѣстѣ съ ними противъ Генуи. По мотивамъ не вполне яснымъ ¹⁾, Кантакузинъ и на этотъ разъ отказалъ. Венеціанцы сочли такой отказъ за оскорбленіе и отозвали изъ Константинополя своего бана; Галатцы же не повѣрили искренности дѣйствій императора и немедленно по отбытіи венеціанскаго посольства выразили свое негодованіе бросаніемъ камней въ столицу. Тогда Кантакузинъ какъ бы спохватился, послалъ въ погоню за Дельфиномъ и заключилъ съ нимъ договоръ ²⁾, по которому Венеція принимала на себя двѣ трети расходовъ по снаряженію двѣнадцати триремъ, выставляемыхъ Византіей, и возвращала послѣдней заложенныхъ въ Венеціи драгоцѣнности; въ случаѣ завоеванія Галаты Кантакузинъ соглашался на разрушеніе генуэзской колоніи ³⁾. Венеціанцы и Византійцы немедленно приступили къ осадѣ Галаты съ суши и съ моря. Городъ былъ хорошо вооруженъ и снабженъ провіантомъ. Союзники начали приготовленія къ штурму, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что сильный генуэзскій флотъ (60 судовъ) во главѣ съ адмираломъ Паганино Доріа направляется въ Эгейское море. Пизани оставилъ Кантакузина одного продолжать осаду Галаты, а самъ поспѣшилъ на защиту Евбеи и другихъ венеціанскихъ владѣній въ Романи ⁴⁾. Къ нему присоединились свѣжія венеціанскія и аррагонскія силы, что заставило Генуэзцевъ снять начатую ими осаду Негропонта ⁵⁾. Обѣ стороны усиленно готовились къ рѣшительному бою, который состоялся только въ 1352 г. почти у самаго Константинополя. Между тѣмъ Кантакузинъ, предоставленный самому себѣ, очутился въ затруднительномъ положеніи. Доріа съ большею частью флота устремился въ Мраморное и Черное море: Императоръ едва могъ защитить столицу; южное и восточное побережье Фракіи были

¹⁾ Ср. *Parisot*, p. 251. По видимому, онъ хотѣлъ, сколько возможно, держаться нейтралитета. Ослабить Галату, конечно, было для него выгодно, но Генуя представляла силу, и кто могъ поручиться, что побѣда оцѣнится не за этою силою. Поэтому лучше всего для него было выжидать. Рѣшительный образъ дѣйствій Дельфина заставлялъ его открыто перейти на сторону Венеціи.

²⁾ *Santac*. IV, сс. 25, 26; *Greg*. XVIII, с. 2.

³⁾ *Heyd*, I, p. 404.

⁴⁾ *Santac*. IV, с. 26; *Greg*. XXV, с. 20, XXVI, с. 10.

⁵⁾ *Hopf*, *Griechenland*, p. 447.

вполнѣ открыты для нападенія Генуэзцевъ. Они выбрали для своихъ ударовъ лучшіе пункты на томъ и другомъ морѣ: Ираклея (на Мраморномъ морѣ) и Созополь (на Черномъ) были взяты ими послѣ небольшого сопротивленія гражданъ и подверглись страшному разрушенію и опустошенію; массы народа, особенно изъ Ираклея, были уведены въ плѣнъ въ Галату; выкупъ ихъ, состоявшійся благодаря дѣятельности Ираклейскаго епископа Филоея, перевелъ въ руки алчныхъ Латиновъ послѣдніе остатки византійскаго золота ¹⁾.

13-го февраля 1352 г. Константинополь сдѣлался свидѣтелемъ большой морской битвы. Близъ Диплокіона (на европейскомъ берегу Босфора, по сосѣдству съ Галатою) ²⁾, развернулись въ двѣ линіи, одна противъ другой, до 140 военныхъ судовъ: съ одной стороны Дорія съ Галатцами, а съ другой—возвратившійся изъ Архипелага венеціано-аррагонскій флотъ и небольшая (до 14 судовъ) византійская эскадра. Противники сражались съ ожесточеніемъ и равною храбростью. Бой продолжался до ночи, и такъ какъ внезапною бурей нѣкоторыя суда были пригнаны къ берегу, то одновременно шель и на твердой землѣ. На разсвѣтѣ безчисленные обломки кораблей и множество плавающихъ труповъ ясно свидѣтельствовали, какія громадныя жертвы понесли участники битвы. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; но вѣрнѣе она осталась ни чьею. Особенно пострадали Аррагонцы, лишившіеся своего адмирала, и Галатцы, потерявшіе половину вооруженныхъ людей. Византійскія суда, по видимому, старались держаться въ сторонѣ, что вполнѣ понятно, и остались въ цѣлости. Въ результатѣ и Венеціанцы, и Генуэзцы чувствовали себя обезсиленными для немедленнаго возобновленія военныхъ дѣйствій. Дорія принималъ мѣры къ защитѣ Галаты, но Пизани не могъ и думать о какомъ-либо нападеніи. Съ оставшимися судами онъ отошелъ въ Терапійскую бухту и затѣмъ расположился въ Константинополѣ. Эта квартировка союзниковъ ложилась тяжелымъ бременемъ на несчастныхъ Византійцевъ. Генуэзскіе крейсера задерживали подвозъ провіанта въ столицу, и 18,000 венеціанскихъ и каталонскихъ моряковъ, сами голодая, заставляли терпѣть горькую нужду и своихъ невольныхъ соучастниковъ въ войнѣ. Къ недостаточности продовольствія присоединилась страшная болѣзненность въ городѣ, есте-

¹⁾ Cantac. IV, cc. 28, 29; Greg. XXVI, c. 13—16.

²⁾ Heyd, I, p. 407. Кантакузизъ называетъ эту мѣстность: πρὸς τῷ Βραχιοτάτῳ (vol. III, p. 221).

ственное послѣдствіе предыдущей битвы. Наконецъ, Пизани нашель невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ водахъ Мраморнаго моря и отплыль на западъ ¹⁾. Это избавляло имперію отъ одного зла, но вообще мало облегчало ея положеніе. Еще не задолго до упомянутой битвы въ Босфорѣ, Генуэзцы, сознавая свою изолированность въ борьбѣ съ нѣсколькими противниками, завязали дружественныя сношенія съ Орханомъ, деньгами и разными обѣщаніями склоняя его оказать имъ содѣйствіе ²⁾. Государь Османовъ уже съ 1351 г. сталъ холоденъ къ своему тестю и теперь позволиль Генуэзцамъ вербовать войска въ своемъ царствѣ. Напрасно Кантакузинъ просилъ зятя не помогать его врагамъ, напрасно и Венеціанцы старались умилюстить его дарами: Орханъ принималъ подарки отъ тѣхъ и другихъ и въ то же время пользовался случаемъ для послыки грабительскихъ отрядовъ во Фракію и Македонію и для перехвата торговыхъ судовъ ³⁾. Поддержка Генуэзцевъ съ его стороны принимала все большіе и большіе размѣры. Константинополю начинала грозить серьезная опасность подвергнуться совмѣстному нападенію Латиновъ и Турокъ. При такомъ положеніи дѣлъ, Кантакузинъ рѣшился отказаться отъ Венеціанцевъ и сойтись съ другою стороною. Съ согласія Пизани, онъ заключилъ миръ съ Паганино Доріа ⁴⁾. Императоръ обѣщаль ни въ чемъ не помогать Венеціи и другимъ врагамъ Генуи и соглашался окончательно на расширеніе генуэзской колоніи Галаты ⁵⁾. Такимъ обра-

---

¹⁾ Подробное описаніе битвы и ея результатовъ у Cantac., IV, сс. 30, 31, Greg. I. XXVI, сс. 19—27. Сводъ относящихся сюда западныхъ источниковъ см. въ Heyd, Le Colonie, I, p. 409, not.

²⁾ Greg. XXVI, с. 17 (р. 84). Кантакузинъ (IV, с. 31) ставитъ заключеніе договора Генуэзцевъ съ Орханомъ послѣ Босфорской битвы. Но приведенное свидѣтельство Григоры находитъ себѣ опору въ самыхъ обстоятельствахъ битвы, когда генуэзскій адмиралъ держался ближе азіатскаго берега, очевидно рассчитывая на поддержку Турокъ.

³⁾ Gregog. XXVI, с. 33. По Кантакузину (IV, с. 31) выходитъ, что Османы начали помогать Генуэзцамъ еще до ухода Пизани. Венеціанцы, не смотря на всѣ приглашенія Кантакузина, не хотѣли защитить имперію. Нашъ историкъ явно обрушивается на венеціанскаго адмирала, обвиняя исключительно его въ неудачномъ исходѣ самой битвы при Диплокіонѣ. Последнее обвиненіе едва ли справедливо, а своекорыстный образъ дѣйствій Венеціанцевъ по отношенію къ Византіи не можетъ подлежать сомнѣнію. Ср. Parisot, p. 261.

⁴⁾ Cant., IV, с. 31 (vol. III, p. 234); Greg. XXVII, с. 23.

⁵⁾ Самый договоръ у Sauli Della colonia dei Genovesi in Galata, II, p. 216; Ср. Heyd, p. 410, гдѣ объяснены новыя границы Галаты. Одно изъ условій этого мира ограничивало право торговли Византіяцевъ въ Танѣ.

зомъ, путемъ потерь и пожертвованій Византія едва освободилась отъ участія въ тягостной для нея венеціанско-генуэзской войнѣ. Между тѣмъ война продолжалась съ прежнею силою, только театръ ея былъ перенесенъ съ востока на западъ. Въ 1353 г. у береговъ Сардиніи Генуэзцы были разбиты на голову. Они обращаются за покровительствомъ къ Миланскому герцогу Джіовани Висконти и не прекращаютъ военныхъ дѣйствій, которыя опять склоняются въ ихъ пользу. Только въ 1355 г. соперники, взаимно утомленные борьбою, подписали миръ ¹⁾. Въ войнѣ этой ясно обнаружилась одна характерная черта, до нѣкоторой степени общая всѣмъ войнамъ Латиновъ между собою за преобладаніе въ прежней Восточной имперіи. И Генуэзцы, и Венеціанцы, оспаривая другъ у друга это преобладаніе, во все время борьбы не оставляютъ основнаго своего стремленія — возможно болѣе ослабить Византію, пользуются всякимъ случаемъ оторвать отъ ея небольшого дѣлага послѣдніе цѣнные куски. Стремленіе это и теперь увѣнчалось успѣхомъ, который обусловливался новыми смутами въ самой имперіи. Вглянемъ, что происходило внутри ея въ эти пять лѣтъ.

Оставляя Іоанна Палеолога въ Θεσσαλονикѣ, вдали отъ столицы, вѣвъ вліянія его матери, Кантакузинъ рассчитывалъ тѣмъ легче выполнить задуманный планъ передачи права престолонаслѣдія своимъ дѣтямъ. Ожиданія обманули его. Около молодого императора оказалось много преданныхъ людей. Въ самой Θεσσαλονикѣ, которая, какъ мы видимъ, долѣе другихъ городовъ отказывалась принять новый переворотъ, была сильная партія Палеологовъ. Андроникъ Асанъ не въ состояніи былъ противодействовать ея вліянію. Такимъ образомъ, оппозиція развивалась и здѣсь. Уже составлялись проекты рѣшительныхъ дѣйствій, въ которыхъ большую роль долженъ былъ играть Стефанъ Душанъ. Вступили съ нимъ въ соглашеніе. Это было не трудно: сербскій монархъ желалъ добиться расширенія своихъ завоеваній въ имперіи возможно легкимъ путемъ, а ничего не было легче, какъ съ незначительными силами принять участіе въ расприхъ Византійцевъ. Въ сопровожденіи супруги, царицы Елены, Душанъ самъ пріѣхалъ въ Θεσσαλονику, обѣщалъ Іоанну помощь войскомъ и деньгами и заключилъ выгодный для себя договоръ ²⁾. Кантакузинъ

¹⁾ Существенное условіе его было, что объ республики объявлялись въ теченіе трехъ лѣтъ не посылать торговыя суда въ Тану; *Hopf*, *Griechenland*, p. 448.

²⁾ *Cant.*, IV, с. 27.

не приводить самых условий. Одним из них, сколько можно догадываться, было признаніе всѣхъ завоеваній сербскихъ въ Македоніи, Фессаліи, Эпирѣ и Акартаніи. Другое находимъ у Григоры ¹⁾: Іоаннъ Палеологъ обязывался отослать въ Сербію свою жену Елену, дочь Кантакузина, и жениться на племянницѣ Душана, еще несовершеннолѣтней дочери Александра Болгарскаго ²⁾. Заключеніе такого брака должно было открыть широкій просторъ дальнѣйшимъ замысламъ Душана на Византію. Вѣсть объ этихъ приготовленіяхъ партіи Палеолога, поданная Андроникомъ Асаномъ, сильно встревожила Кантакузина. Самъ онъ не могъ оставить Константинополь: началась уже война съ Генуей и Галатой. Не могъ онъ воспользоваться и помощью Турокъ. Мы говорили уже о союзѣ Генуэзцевъ съ Орханомъ. Но охлажденіе государя Османовъ къ Кантакузину началось еще въ 1351 г., когда дружбы Орхана сталъ искать и Стефанъ Душанъ. Это былъ самый вѣрный шагъ обезопасить, хотя отчасти, свои земли отъ нападеній варваровъ и лишить императора единственнаго его союзника. Сербское посольство почтительно заявило Орхану желаніе своего царя поддерживать союзъ съ поводителемъ Османовъ и предлагало ему въ супружество для одного изъ сыновей дочь Душана. Предложеніе было принято, и турецкіе уполномоченные, въ сопровожденіи сербскихъ, съ богатыми дарами отправились въ Сербію для заключенія самаго договора. На пути, близъ Редеста, на нихъ напалъ, вѣроятно, съ вѣдома Іоанна Кантакузина, деспотъ Никифоръ, отнялъ дары, а пословъ однихъ убилъ, другихъ отвелъ въ Константинополь ³⁾. Такой поступокъ раздражилъ Орхана. Немедленно онъ послалъ одного за другимъ двухъ старшихъ сыновей опустошать Фракію, а самъ, стоя противъ столицы на азіатскомъ берегу въ Халкидонѣ, требовалъ возвращенія пословъ и похищенныхъ сокровищъ. Все, что сохранилось, было отдано ему, но онъ не удовлетворился, пока не возвратились сыновья съ богатою добычею ⁴⁾. Отсюда и начался временный разрывъ между Кантакузиномъ и Османами, который соединилъ послѣднихъ съ врагами Византіи. И такъ, за недостаткомъ вооруженныхъ силъ, пришлось обратиться къ дипломатиче-

¹⁾ Greg., XXVII, с. 27.

²⁾ Достоверность этого условія обставлена основательными соображеніями у Parisot, p. 226 и слѣд.

³⁾ Gregor., XXVI, с. 34.

⁴⁾ Gregor., XXVI, сс. 52, 53, 54. Во время этого нашествія пострадала, кромѣ Фракіи, южная балканская Болгарія.

скимъ средствамъ и уступкамъ. Императрица Анна была отправлена въ Фессалонику съ письмомъ Кантакузина. Результатъ миссіи былъ тотъ, что сынъ ея отказался отъ помощи Душана ¹⁾ и вернулся въ Византію. По разказу Григорія ²⁾, такая уступчивость Іоанна Палеолога была вызвана письменною клятвою Кантакузина въ томъ, что онъ передастъ молодому императору всю верховную власть, а за собою удержитъ управленіе небольшою частью Фракіи до Селиврии; если же зять не сомасенъ и на это, то онъ готовъ будто бы и совсѣмъ оставить государственную дѣятельность. Это свидѣтельство, передаваемое Григоріемъ со словъ его ученика Агаангела, мнѣ кажется преувеличеннымъ. Кантакузинъ и въ болѣе трудныя минуты никогда не думалъ добровольно отрекаться отъ высокаго своего положенія и дальнѣйшихъ властолюбивыхъ плановъ. Теперь же, когда только подготовлялись мѣры къ оспариванію у него власти, но не было еще сдѣлано ничего рѣшительнаго, когда самый успѣхъ предприятия Палеолога былъ подверженъ сомнѣнію, Кантакузину не было никакой причины впадать въ совсѣмъ неподходящій къ нему тонъ смиренія и опускать униженно голову передъ зятемъ. Для достиженія своей цѣли ему достаточно было сдѣлать нѣкоторыя уступки. Одною изъ нихъ, вѣроятно, было раздутье Григоріемъ завѣреніе Кантакузина, что по окончаніи условленнаго десятилѣтняго срока Іоаннъ Палеологъ займетъ вполне византійскій престолъ; другая же, главная, заключалась въ предоставленіи ему въ полномъ властное управленіе части имперіи, именно Эноса и Халкидикеи, которые были подчинены Матвѣю Кантакузину ³⁾. Передача Іоанну Палеологу уступленной ему провинціи и возвращеніе его въ Константинополь произошло въ началѣ 1352 г. ⁴⁾. Опасность междоусобной войны была отклонена, но не надолго. Кантакузинъ прибѣгъ къ уступкамъ только въ виду крайности, но отнюдь не покидалъ своего плана. Онъ немедленно снѣшилъ ограничить успѣхъ, достигнутый Палеологомъ, и предоставилъ сыну Матвѣю вмѣсто утраченной области другую, не менѣе

---

¹⁾ Кантакузинъ и здѣсь старается представить Душана въ комическомъ видѣ. Онъ и его супруга пораженъ громовою рѣчью Анны, которая уличаетъ ихъ въ вѣроломствъ и безчестномъ образѣ дѣйствій по отношенію къ имперіи, и со стыдомъ удаляются изъ Фессалоники. Едва ли слѣдуетъ сомнѣваться въ фантастичности и этой сцены.

²⁾ Greg., XXVII, с. 28.

³⁾ Cantacuz., IV, с. 27.

⁴⁾ Parisot, p. 269.

важную—Адрианопольскій округъ ¹⁾. Этимъ новымъ выдѣленіемъ части имперіи своему наслѣднику Кантакузинъ снова выказалъ свое намѣреніе выставить его соперникомъ законному императору. Неопредѣленные отношенія, въ которыя были поставлены другъ къ другу Матвѣй Кантакузинъ и Палеологъ, какъ правители сопредѣльныхъ областей, сами собою давали поводъ къ соперничеству и неудвольствиямъ ²⁾. Матвѣй, вслѣдствіе внушеній и дѣйствій отца проникнувшійся мыслью, что онъ долженъ наслѣдовать византійскій престолъ, не соглашался давать молодому императору никакого отчета въ своемъ управленіи, на что послѣдній, въ силу фактическаго вступленія въ права императора, естественно предъявлялъ свое требованіе. Іоаннъ Кантакузинъ само собою поддерживалъ сына и этимъ еще болѣе убѣждалъ Іоанна Палеолога въ неискренности своихъ обѣщаній. Антагонизмъ между зятемъ и сыномъ развивался все сильнѣе и сильнѣе ³⁾. Борьба казалась неминуемою. Каждая сторона чувала ея неизбежность и принимала мѣры къ обезпеченію за собою побѣды. Императрица Анна, по отъѣздѣ сына въ Константинополь, осталась въ Фессалоникѣ ⁴⁾. Цѣль пребыванія ея здѣсь понятна: этотъ важный пунктъ остается во все время борьбы на сторонѣ Палеолога. Здѣсь же въ 1351 г. вступаетъ съ нею въ сношенія Доріа, который предлагаетъ ей помощь Генуи противъ Кантакузина ⁵⁾. Это было тотчасъ послѣ установленія соглашенія. Анна не рѣшалась принять предложеніе, не зная, къ чему еще поведутъ только что состоявшіяся уступки. Затѣмъ, когда, послѣ заключенія мира между Генуей и Кантакузиномъ, положеніе дѣлъ разъяснилось, она признала необходимымъ обращеніе за поддержкою къ Западу. Переговоры съ Іоанномъ Палеологомъ венеціанскаго адмирала Пизани, вскорѣ вошедшаго съ небольшимъ флотомъ въ Мраморное море ⁶⁾, не прошли безслѣдно: 10-го октября 1352 г. Іоаннъ занялъ для борьбы съ тестемъ у венеціанскаго посла Марино Фальера 20,000 дукатовъ, за что обязался предоставить республикѣ занятый тогда пиратомъ Пергаменомъ о. Тенедосъ со всѣми крѣпостцами, подъ условіемъ не ка-

¹⁾ Cantac., IV, с. 32.

²⁾ Cantac., IV, с. 32, vol. III, p. 240.

³⁾ Gregor., XXVII, с. 29.

⁴⁾ Cantac., IV, с. 32, vol. III, p. 237.

⁵⁾ Matteo Villani у *Muratori*, XIV, pp. 119, 125.

⁶⁾ Sanuto у *Muratori*, XXII, p. 625; Gregor. XXVII, с. 55.

саться религии и обычаямъ греческаго населенія ¹⁾. Въѣхавъ съ изысканіемъ матеріальныхъ средствъ молодой императоръ старался возможно шире распространить въ народѣ убѣжденіе, что ему, законному наследнику престола, грозитъ опасность со стороны узурпаторовъ. Многіе еракійскіе города въ его провинціи заявляли ему сочувствіе и общали поддержку ²⁾. Между тѣмъ Іоаннъ Кантакузинъ чувствовалъ, что во мнѣніи народа онъ опускается все ниже, и готовился къ борьбѣ нѣсколько иначе. Заключивъ союзъ съ Генуэзцами, онъ слѣзнуть примириться съ Орханомъ, въ Константинополѣ изъ акрополя образуетъ для себя надежное убѣжище отъ всякихъ случайностей; вокругъ себя заводитъ иноземную стражу изъ 500 Каталонцевъ ³⁾. Такимъ образомъ онъ заботится главнымъ образомъ о безопасности своей личности, а для вооруженной борьбы рассчитываетъ единственно на Турокъ.

Окончательному разрыву предшествовалъ еще одинъ дипломатическій маневръ Кантакузина, который всачески хотѣлъ избѣжать междоусобія. Императрица Ирина, въ сопровожденіи двухъ епископовъ, отправилась въ Димотику, чтобы мирнымъ путемъ уладить дѣло между сыномъ и зятемъ. По Кантакузину ⁴⁾, она убѣждала Іоанна Палеолога дать обязательство, что онъ признаетъ независимость Матвѣя Кантакузина въ управляемой имъ области; Григора же прибавляетъ къ этому требованію заявленіе императора, что онъ сохранитъ верховную власть пожизненно и непосредственное управленіе тою частью имперіи, которая останется отъ раздѣла между Матвѣемъ и Іоанномъ Палеологомъ; послѣ же смерти его, византійскій престолъ долженъ перейти къ послѣднему ⁵⁾. Предложенія эти были слишкомъ незаманчивы. Іоаннъ Палеологъ отвергъ ихъ ⁶⁾. Онъ рѣшилъ уже ору-

¹⁾ *Commemoriali*, vol. V, fol. 74; *Hopf*, *Griechenland*, p. 447. Впрочемъ, въ этомъ году Венеція не удалось завладѣть Тенедосомъ. Въ 1355 и 1369 г. республика повторяетъ свои требованія и только въ 1375 г. за новую плату получаетъ въ свое распоряженіе эту важную станцію при входѣ въ Дарданеллы. См. *Heyd*, *Le colonie*, I, p. 420.

²⁾ *Greg.*, XXVII, с. 29.

³⁾ *Greg.*, XXVII, с. 30.

⁴⁾ *Cant.*, IV, сс. 32, 33; vol. III, p. 239—241.

⁵⁾ *Greg.* XVII, сс. 31—33.

⁶⁾ Григора влагаетъ въ уста Палеологу длинную обвинительную рѣчь (XXVII, сс. 34—54), въ которой онъ рѣзко осуждаетъ всю дѣятельность Кантакузина, направленную къ удовлетворенію своихъ честолюбивыхъ замысловъ

ждемъ возвратить отцовскій престолъ, который у него такъ явно вырвали. Осенью того же 1352 г. съ небольшимъ войскомъ онъ вступилъ въ предѣлы Матвѣя. Города одинъ за другимъ добровольно сдавались ему. Адрианопольцы также отворили ему ворота; въ акрополь же города укрѣнился самъ Матвѣй. Іоаннъ Палеологъ старался принудить его къ сдачѣ до прихода Іоанна Кантакузина, который спѣшилъ уже на выручку сына съ турецкими полчищами, присланными отъ Орхана; но не успѣлъ и долженъ былъ отступить ¹⁾. Успѣхи его кончились. Іоаннъ Кантакузинъ занялъ Адрианополь и предалъ его на

и устраненію отъ престола его, законнаго наследника. Онъ припоминаетъ послѣдовательно весь ходъ интриги, искусно веденой тестемъ, и бѣдствія, которыя принесла эта интрига имперіи. Рѣчь эта несомнѣнно составляетъ плодъ сочинительства почтеннаго историка, но во всякомъ случаѣ вѣрно передаетъ враждебныя чувства, которыя тогда Палеологъ долженъ былъ питать къ своему опекуну. По поводу находящихся въ ней рѣзкостей считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о значеніи свидѣтельствъ послѣднихъ 15 книгъ исторіи Григоры. (3-й томъ Бонн. изд.). Никифоръ Григора, хотя и близкое лицо къ преданному приверженцу Андроника Старшаго, Метохитъ, первоначально былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Кантакузину. Мы уже нѣсколько разъ указывали мѣста изъ его исторіи, гдѣ онъ выступаетъ на защиту этого узурпатора. Церковными разногласіями (о нихъ будетъ рѣчь послѣ), борьба Григоры съ ученіемъ Паламы, защитникомъ котораго выступилъ Кантакузинъ, вызвали между ними охлажденіе и даже привели Григору въ заточеніе (1351 г.). Въ то время, которое мы теперь описываемъ, онъ былъ лишень свободы, получалъ свѣдѣнія о событіяхъ черезъ своего ученика Агаангела и на основаніи ихъ составлялъ исторію. Понятно, что какъ Григора, такъ и преданный ему ученикъ, смотрѣли на событія, сами по себѣ печальныя, еще болѣе пессимистически: видѣли въ Кантакузинѣ виновника всѣхъ бѣдствій и не могли быть вполне безпристрастны въ своемъ повѣствованіи. Это обстоятельство нужно имѣть въ виду при обсужденіи весьма важныхъ свидѣтельствъ Григоры, относящихся къ событіямъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Кантакузина. Разница въ отзывѣхъ его объ этомъ государственномъ человѣкѣ, которая усматривается между послѣдними 15-ю главами и первою частью его исторіи, заставляетъ относиться осторожно и къ сообщаемымъ имъ извѣстіямъ.

¹⁾ Кантакузинъ говоритъ (IV, с. 33, vol. III, р. 242), что Палеологъ воспользовался помощью Турокъ, которые не задолго до того заняли еракійское укрѣпленіе Чимпу (Тѣрѣнту). Если действительно такая помощь и была оказана, то она была ничтожна. Но врядъ ли она была: Турокъ имъ не видимъ въ рядахъ Палеолога; да и какимъ образомъ одни и тѣ же Турки могли помогать одновременно двумъ сторонамъ? Не имѣетъ ли это брошенное вскользь упоминаніе о турецкой помощи изъ Чимпы какого умысла со стороны вѣщнаго историка? Къ этому важному свидѣтельству мы обратимся еще ниже.

разграбленіе ¹⁾, затѣмъ бросился на другіе славшіеся Палеологу города и вездѣ жестокими опустошеніями наказывалъ за отпаденіе ²⁾. Турки служили при этомъ прекраснымъ орудіемъ. Іоаннъ Палеологъ изъ Димотики проситъ помощи у сербскаго царя; Стефанъ Душанъ потребовалъ въ заложники брата императора, деспота Михаила Палеолога, и прислалъ во Фракію Каснеца Борилевича (Κασνιτζός Μπυροβίτης) съ значительнымъ коннымъ отрядомъ ³⁾. Болгары, имѣя въ виду совокупныя дѣйствія противъ Турокъ, которые такъ часто опустошали ихъ подбалканскія земли, а отчасти по настоянію Душана, также согласились выступить на защиту Іоанна Палеолога ⁴⁾. Союзники направили свои усилія противъ крѣпости Емпифія (недалеко отъ Димотики). Іоаннъ Кантакузинъ вывелъ сюда противъ нихъ свѣжія силы—вновь вызванный изъ Визиніи десяти тысячный корпусъ ⁵⁾ Османовъ, подъ начальствомъ Сулеймана. Болгары при одномъ видѣ Турокъ отступили къ Димотикѣ; Сербы же съ греческимъ отрядомъ Палеолога храбро вступили въ бой, но были подавлены многочисленностью непріятеля. Обратившись въ бѣгство, они сбились съ дороги и были совсѣмъ истреблены Турками. Самъ Каснець Борилевичъ едва успѣлъ спастись съ нѣсколькими Сербами. Османы разграбили лагерь побѣжденныхъ и съ большою добычей и множествомъ плѣнныхъ явились въ Адрианополь. Затѣмъ они же вторглись ⁶⁾ въ Болгарію и не менѣе жестоко заплатили ей за участіе въ войнѣ, хотя и пассивное. Самъ Кантакузинъ продолжалъ свирѣпствовать во Фракіи. Усмиривъ Морру и нѣкоторые города другихъ частей Родопіи, которые было поднялись за Палеолога, онъ заставилъ вновь признать свою власть и въ Халкидикѣ. Отовсюду стѣсненный, Іоаннъ Палеологъ просилъ у тестя мира. Кантакузинъ поставилъ главнымъ условіемъ — отказъ отъ Димотики и всей уступленной ему об-

¹⁾ Разграбленія не отрицаетъ и самъ Кантакузинъ (IV, с. 33, р. 245); Григора (XXVIII, с. 3, vol. III, р. 178) же говоритъ о разрушеніи и сожженіи города и о величайшихъ бѣдствіяхъ, которымъ подверглись несчастные Адрианопольцы.

²⁾ Особенно пострадалъ Чирменъ (ή Τερμοσίανου) на Марицѣ, на западѣ отъ Адрианополя. Cantac., IV, с. 33, vol. III, р. 246.

³⁾ По Кантакузину (ibidem), который преувеличиваетъ силы непріятелей—7,000; а по Григор. (XXVIII, с. 7)—4,000.

⁴⁾ Cantac., IV, с. 33.

⁵⁾ Григора (XXVIII, с. 7) увеличиваетъ число Турокъ до 12,000.

⁶⁾ Κατά σφίς αὐτοί, прибавляетъ Кантакузинъ, какъ бы для очищенія сѣвѣсти. IV, с. 34, vol. III, р. 250.

ласти. Молодой императоръ отказался и отплылъ въ Тенедосъ — собирать силы для продолженія борьбы ¹⁾. Такъ кончился 1352 годъ.

Весною слѣдующаго года, пользуясь пребываніемъ Кантакузина въ Адрианополь, Іоаннъ Палеологъ на нѣсколькихъ судахъ подошелъ къ Константинополю, рассчитывая овладѣть имъ при содѣйствіи сочувствовавшей ему партіи. Ирина въ-время распорядилась обороною города и попытка не удалась. Палеологъ успѣлъ только псбывать въ Галатѣ и заручиться здѣсь союзомъ Генуэзцевъ для дальнѣйшихъ своихъ плановъ ²⁾. Кантакузинъ теперь торжествовалъ и полагалъ, что наступило удобное время разыграть послѣдній актъ задуманной имъ драмы — возложить императорскую корону на сына Матвѣя. Намѣреніе свое онъ приводитъ въ исполненіе и по обычаю старается снять съ себя всякую отвѣтственность за такой поступокъ. Онъ представляетъ коронованіе Матвѣя какъ необходимый актъ, вызванный требованіями высшихъ представителей столичнаго населенія, будто бы возмущеннаго образомъ дѣйствій молодаго императора, и придаетъ ему обстановку чего-то узаконеннаго и величественнаго. Но факты, которыми сопровождалось это окончательное устраненіе Іоанна Палеолога отъ отцовскаго престола, прямо показываютъ, что оно было дѣломъ полнаго произвола, насиліемъ надъ требованіями и желаніями массъ и могло осуществиться только подъ условіемъ террора и деспотизма, которыми ознаменовались послѣдніе годы царствованія Іоанна Кантакузина. Страшная экзекуція большей части Фракія, произведенная при участіи Турокъ, которые опустошеніями должны были уничтожить послѣдніе слѣды жизни въ многострадалной странѣ, естественно произвела какъ въ столицѣ, такъ и во всѣхъ частяхъ имперіи, самое тяжелое впечатлѣніе и вызвала негодованіе населенія противъ узурпатора, не останавливавшася ни передъ какими средствами для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей. Если нельзя согласиться съ Григорию, что Кантакузинъ въ это время ненавидѣлъ Ромэевъ и былъ привязанъ къ Туркамъ ³⁾, то съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ замѣчаніяхъ того же историка о тѣсномъ сближеніи императора съ его постоянными союзниками. На-

¹⁾ Cantac., IV, с. 34, vol. III, p. 251.

²⁾ Cant., IV, с. 35, Gregor., XXVIII, с. 18.

³⁾ Gregor., XXVIII, с. 2, vol. III, p. 177: σύνοικον γάρ τινα κατὰ Ῥωμαίω ἔχων ὑπόψιν ἐκ πολλοῦ πρὸς ἀπέχθειαν ἀνεκλάλητον τοσοῦτον ἐμίσει καὶ ἀπεσείετο σφᾶς ἕσων ἐφίλει τε καὶ προσέετο βαρβάρους.

ходя въ нихъ единственную опору, онъ долженъ былъ уступать и угождать имъ. Поэтому вполне возможно, что первыя поселенія Турокъ въ Херсонисѣ произошли съ вѣдома и согласія Кантакузина ¹⁾; возможно и то, что Османы были допущены въ столицу и являлись при дворѣ, гдѣ не стѣсняясь пѣли свои магометанскіе гимны въ то время, какъ рядомъ въ церкви совершалось христіанское богослуженіе, и то, что присутствовали съ своею музыкой и пѣснями при царскомъ столѣ ²⁾. Такое сближеніе съ нечестивыми и варварами, составлявшими истинный бичъ для имперіи, возбуждало всеобщее раздраженіе, которое увеличивалось рядомъ святотатствъ, совершенныхъ Кантакузиномъ для удовлетворенія своихъ союзниковъ. Орханъ уже не соглашался помогать даромъ; притомъ онъ не всегда посылалъ войска, иногда приходилось отдѣльно нанимать волонтеровъ изъ Турокъ. Все, что было собрано въ казну, благодаря новымъ финансовымъ реформамъ, разошлось въ самомъ началѣ войны. Чтобы добыть какъ нибудь средства, Кантакузинъ не колебался воспользоваться драгоценностями византійскихъ святынь, передѣлать ихъ въ монету и расплачивался ею съ Орханомъ ³⁾. Къ тѣмъ же Туркамъ перешли деньги, присланныя изъ Россіи великимъ княземъ Московскимъ Симеономъ Гордымъ на поправленіе храма св. Софій ⁴⁾. Этимъ уже затрогивалось одно изъ самыхъ дорогихъ чувствъ народа. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, никто не могъ сочувствовать эгоистическимъ планамъ Кантакузина. Защитникомъ имперіи, оскорбленной святыни и правъ законности выступилъ патріархъ Каллистъ, лицо, выбранное, послѣ смерти Иси-

¹⁾ Gregor., XXVIII, с. 41, XXIX, с. 2.

²⁾ Greg. XXVIII, с. 40, vol. III, p. 202: οὗτοι (т. е. βάρβαροι) τοῖνον-μελλούσης τῆς ἱερᾶς τελεῖσθαι μυσταγωγίας ἐν τῇ τῶν βασιλείων ἐκτός ἱερῶ τέμνει, χοροὺς ἰστώντες ἐκεῖνοι παρὰ τὰς βασιλείους αὐτὰς ἀντάβουσι τε τὴν γυμνικὴν ἐκείνην ὀρχοῦμενοι ὀρχησθῆναι, καὶ ἀσῆμοις κλαγγαῖς τὰς τοῦ Μωάμεθ ἀναβοῶσιν ὡδὰς καὶ τοὺς ὕμνους, δι' ὧν καὶ ἀνθέλκουσιν πρὸς τὴν ἑαυτῶν μᾶλλον ἀπρόσβιν ἢ τὴν τῶν θεῶν εὐαγγελίων ποτὲ μὲν πάντας ἀπλῶς ποτὲ δ' ἐνίοις τῶν ἡθροισμένων ἐκεῖ. τὸ δ' αὐτὸ καὶ περὶ τὴν βασιλείον τράπεζαν δρῶσιν ὡς τὰ πολλὰ μετὰ γε δὴ κυμβάλων καὶ θυμελικῶν ὀργάνων καὶ ψαμάτων, ὅποσα τοῖς ἀσεβέσιν εἰθίστα.

³⁾ Greg., XXXIII, с. 4.

⁴⁾ Greg. XXVIII, с. 35. Изъ Россіи деньги были присланы въ 1350 г. (ср. *Parisot*, p. 281). На сколько силенъ былъ ропотъ народа по поводу этого злоупотребленія, видно изъ того, что позже, при новомъ патріархѣ Филоеѣ, Кантакузинъ назначилъ особый сборъ для возобновленія храма св. Софій. Gregor. XXVIII, с. 39.

дора (1350 г.), самимъ Кантакузинимъ и сохранявшее къ нему до того времени полную преданность. Уже въ 1352 г. онъ уговаривалъ императора прекратить усобицу и не призывать Турокъ; ѣздилъ онъ и къ Іоанну Палеологу, склоняя его къ миру, но нигдѣ не имѣлъ успѣха. Теперь, когда Кантакузинъ предложилъ ему короновать сына Матвѣя, Каллисть открыто объявилъ такой актъ незаконнымъ и отказался принять въ немъ какое-либо участіе. Такъ какъ императоръ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи, то онъ оставилъ Константинополь и удалился сперва въ свой монастырь св. Мамонта, а затѣмъ на Аѳонъ въ лавру св. Аѳанасія ¹⁾. Кантакузинъ не обратилъ вниманія на такой протестъ и провозгласилъ Матвѣя императоромъ, объявивъ его своимъ соправителемъ и наследникомъ; имя Іоанна Палеолога запрещено поминать въ церквахъ и общественныхъ торжествахъ ²⁾. Для низложенія неповорнаго патріарха, въ слѣдующемъ 1354 г., былъ созванъ соборъ епископовъ, который выбралъ на вакантную каеэдру трехъ кандидатовъ. Изъ нихъ Кантакузинъ утвердилъ патріархомъ епископа Ираклейскаго Филоея ³⁾. Въ храмѣ Влахернской Божіей Матери императоръ и новый патріархъ торжественно возложили императорскій вѣнецъ на Матвѣя, который затѣмъ, согласно обычаю, самъ короновалъ свою супругу ⁴⁾. Такимъ образомъ Кантакузинъ дождался наконецъ желаннаго результата давнишнихъ своихъ стремленій.

Но недолго ему пришлось торжествовать. Прежде всего, въ томъ же 1354 г., онъ долженъ былъ наглядно убѣдиться въ гибельныхъ послѣдствіяхъ злоупотребленія помощью Турокъ. Только теперь, когда Херсонисъ и часть еракійскаго побережья на Мраморномъ морѣ неожиданно очутились въ рукахъ его союзниковъ, онъ понялъ, что, преслѣдуя свои династическіе интересы, онъ незамѣтно привелъ къ гибели имперію, верховную власть въ которой, для ея же блага, онъ хотѣлъ и удержать за собою и передать своему потомству. Обстоятельства перваго утвержденія Османовъ въ Европѣ возбуждаютъ большой интересъ. Къ сожалѣнію, источники передаютъ ихъ не вполне согласно. Что касается частныхъ поселеній Турокъ, то очень вѣроятно, что они при частныхъ переходахъ ихъ во Фра-

¹⁾ Cant. IV, с. 36; Greg. XXVIII, с. 19.

²⁾ Cant. IV, с. 37; Greg. XXVIII, с. 43.

³⁾ Cant. IV, с. 37; Greg. XXVIII, сс. 38, 39.

⁴⁾ Cant. IV, с. 38; Greg. XXVIII, с. 43.

кію, могли явитися тамъ еще въ первые годы царствованія Кантакузина. Когда началась война съ Палеологомъ, императоръ, по словамъ Григоря, переселялъ въ Херсонисъ турецкихъ наемниковъ съ ихъ семьями. Ко времени коронаціи Матвія этихъ поселенцевъ въ Херсонисъ было такъ много, что сынъ Орхана Сулейманъ, переправясь черезъ Дарданеллы, вступилъ на берегъ, какъ бы въ свою колонию ¹⁾. Всѣ они, конечно, подчинялись византійскимъ властямъ. Собственно же начало господства Османовъ въ Европѣ, первыя завоеванія ихъ во Фракіи, относятся къ 1352 г., когда въ ихъ власть перешла крѣпостца Чимпа, недалеко отъ Каллиполи (Галлиполи). Кантакузинъ не распространяется о фактѣ занятія крѣпостцы ²⁾. Турецкій, впрочемъ позднѣйшій, хронистъ Сеадединъ изображаетъ это завоеваніе какъ заранѣе обдуманное Сулейманомъ предпріятіе для выполненія широкаго плана—разрушенія Византіи и ниспроверженія трона Константина, выполненное съ особыми приключеніями доверенными людьми его Аджебегомъ и Ходжи-Фазилемъ. Эти герои, будто бы развѣдавъ предварительно мѣстность, ночью съ 80-ю товарищами ворвались въ Чимпу, овладѣли городомъ, а спящихъ жителей заковали и отправили въ Азію. Затѣмъ черезъ три дня въ крѣпостцѣ было уже 3,000 турецкаго гарнизона ³⁾. Григора, напротивъ, говоритъ, что Кантакузинъ самъ предоставилъ Туркамъ крѣпостцу, дабы всегда имѣть наготовѣ защиту и помощь противъ Іоанна Палеолога ⁴⁾. Если принять во вниманіе, что Кантакузинъ только вскользь упоминаетъ о такомъ важномъ событіи и совсѣмъ не кстати заставляетъ Турокъ изъ Чимпы помогать Іоанну Палеологу, то нельзя не догадываться о намѣреніи нашего историка замаскировать самый фактъ, въ которомъ онъ, вѣроятно, долженъ былъ принимать участіе. Съ другой стороны, остальные два источника равно не заслуживаютъ полного довѣрія. Сеадединъ, составляя свою хронику спустя слиш-

¹⁾ Gregor., XXVIII, сс. 41, 42.

²⁾ Cantacuz., IV, сс. 33, 38, vol. III, pp. 242, 276.

³⁾ Seadeddin въ переводѣ *Bratutti*: *Chronica dell'origine e progressi della casa ottomana*. Vienna 1649, P. I, p. 58—63.

⁴⁾ Gregor., XXIX, с. 2. Онъ, впрочемъ, не называетъ самой крѣпостцы, но изъ всего разказа его видно, что это была Чимпа: «τοῦ γὰρ βασιλέως Καντακουζηνού πρὸ ἐκῶν πού δυοῖν, ὡς εἶρηται, μίαν τῶν οὐρανόθεν ἔχει πόλεων παρασχόντος αὐτοῖς οἰκητήριον ὧστε εἶεν αὐτοῦς ἐπιτείχισμα καὶ συμμαχίαν πρόχειρον κατὰ Παλαιολόγου τοῦ γαιβροῦ. Именно за два года (т. е., подъ 1352 г. см. выше) Кантакузинъ упоминаетъ о Чимпѣ какъ о пунктѣ, занятомъ Турками.

комъ два столѣтія послѣ разсматриваемаго событія, очевидно, старался прикрасить подвигъ предковъ, съ котораго началось основаніе могущественнаго Османскаго царства въ Европѣ. Григора въ данномъ случаѣ, какъ мы уже сказали, также едва ли безпристрастенъ. Такимъ образомъ, сводя всѣ три свидѣтельства, мнѣ кажется, можно прійти къ слѣдующему среднему выводу: въ 1352 г. Турки въ одно изъ своихъ нашествій на Эракію, и весьма вѣроятно, до примиренія съ Кантакузиномъ, овладѣли крѣпостцю Чимпоу; Кантакузинъ же, нуждаясь въ помощи Османовъ, согласился уступить имъ этотъ пунктъ. Какъ бы ни было, Чимпа была въ рукахъ Турокъ. Сулейманъ укрѣпилъ ее и сдѣлалъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ завоеваній. Онъ взялъ еще нѣсколько укрѣпленій на Херсонисѣ ¹⁾, и скоро почти весь полуостровъ былъ обращенъ въ пустыню ²⁾. Но вниманіе дальновиднаго Османлія направлялось главнымъ образомъ на маленькій городокъ, лежащій на мысу, у самаго узкаго мѣста Дарданельскаго пролива и, по своему прекрасному положенію справедливо носящій имя Каллиполи. Сулейманъ хорошо понималъ важность пріобрѣтенія этого городка, какъ главной торговой станціи между востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ключа отъ входа въ Европу ³⁾. Скоро счастливый для него и несчастный для Византіи случай передалъ этотъ ключъ въ его распоряженіе. Грандіозность предпріятій Сулеймана наконецъ бросилась въ глаза Кантакузину. Восторжествовавъ надъ Іоанномъ Палеологомъ, онъ оглянулся на занятія Турками позиціи и рѣшился освободить Чимпу. 10,000 иперперовъ предлагало его посольство Орхану лишь бы только онъ вывелъ Турокъ изъ крѣпости. По Кантакузину ⁴⁾, соглашеніе будто бы уже состоялось, но исполненію его помѣшало новое физическое бѣдствіе, разразившееся надъ имперіей, уже второе въ непродолжительное царствованіе Кантакузина. Ночью 2-го марта 1354 г. почти весь южный берегъ Эракіи постигло страшное землетрясеніе. Нѣсколько городовъ совсѣмъ исчезло съ лица земли, со всѣмъ населеніемъ; много было разрушено до основанія.

¹⁾ *Zinkeisen*, Geschichte des Osmanischen Reiches, I, p. 209.

²⁾ *Gregor.*, XXIX, c. 2.

³⁾ Сеадеддинъ такъ опредѣляетъ значеніе (стр. 65) Каллиполи: «Passo della Grecia ed Italia: schalla delle caravane e mercantie, che vengono di levante e di ponente: transito delle navi di Chietta, di Chirm, di Russia, e d'altri Paesi Settentrionali, e chiave d'aprire e soggio gare molte Provincie».

⁴⁾ *Cantac.*, IV., c. 38.

Массы народа погибли подъ развалинами, а тѣ, которые уцѣлѣли отъ погребенія за-живо подъ камнями, сдѣлались жертвами холода и голода во время бѣгства въ болѣе безопасныя мѣста, или же перехвачены Турками. Избѣгшіе того и другаго остались безъ крова и средствъ и толпами бродили около столицы, вымаливая себѣ пропитаніе за какой угодно трудъ¹⁾. Этимъ бѣдствіемъ и всеобщю паникою спѣшили воспользоваться Турки Чимпы и другихъ занятыхъ ими пунктовъ на Херсонисѣ. Они тотчасъ же бросились въ полуразрушенныя, покинутыя населеніемъ города и заняли ихъ своими гарнизонами. Сулейманъ, бывший въ это время въ Пегахъ, переправился черезъ Дарданеллы съ массою колонистовъ и дѣятельно принялся за заселеніе и восстановление захваченныхъ мѣстностей. Каллиполи особенно сталъ предметомъ его заботъ: онъ выстроилъ вновь стѣны, соорудилъ въ городѣ сильныя укрѣпленія и кромѣ большаго гарнизона поселилъ въ немъ много знатныхъ Турокъ²⁾. Вѣсть о переходѣ во власть варваровъ такого важнаго пункта произвела угнетающее впечатлѣніе на обитателей Царьграда. Стоны и рыданія раздались во всѣхъ углахъ столицы. Молва о неминуемой и скорой гибели имперіи окватила всѣ слои населенія. Паника была такъ велика, что многіе торопились немедленно оставить городъ и переселялись въ Италію и даже въ Испанію³⁾. Кантакузинъ, конечно, не менѣе другихъ былъ встревоженъ грознымъ оборотомъ, который принимали дѣла. О вооруженномъ сопротивленіи Туркамъ нечего было и думать. Онъ снова послалъ уполномоченныхъ ходатайствовать передъ Орханомъ о возвращеніи городовъ, захватъ которыхъ совершился де вопреки всякой справедливости и узамъ дружбы, которыя де связываютъ имперію съ царствомъ Османовъ. Орханъ слагалъ всю отвѣтственность на Сулеймана, который-де дѣйствовалъ самостоятельно, и обѣщалъ за уплату 40,000 иперперовъ склонить сына къ уступчивости,

¹⁾ Cantac. IV, c. 38; Greg. XXIX, cc. 2, 3, 4; Villani у *Muratori*, XIV, p. 227. Точную дату этого событія находимъ въ краткой византийской лѣтописи — *Müller*, *Byzantinische Analekten (Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, IX, 1852, S. 392): 'εν ἔτει, ζω'ε'β' ἰνδικτιώνος ε' μηνι Μαρτίῳ β' τῇ νυκτι τῆς ὀρθοδοξίας ἐπὶ τῆς βασιλείας κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ γέγονε σεισμὸς μέγας ὅτε καὶ τὰ τεῖχη κατέπεσον τῆς Καλλιουπόλεως καὶ τῶν μετ'αὐτὴν καὶ παραδόθησαν, οἷς κρίμασιν οἶδε Θεός, τοῖς Ἀγαρηνοῖς.

²⁾ Cantacuz. IV, a. 38.

³⁾ См. Demetrit Cydonii, *Oratio de non reddenda Callipoli petente Amurate*; ср. *Migne*, *Patrologia graeca*, vol. CLIV, p. 1014.

для чего приглашалъ императора въ Никомидію. Кантакузинъ явился въ назначенное мѣсто въ условленное время, но свиданіе не состоялось: Орханъ сказался больнымъ ¹⁾. Теперь не могло уже быть сомнѣнія, что Сулейманъ предпринялъ завоеваніе европейскихъ владѣній имперіи, съ благословенія своего родителя, какъ выражается Сеадеддинъ ²⁾. Каллиполи и Чимпа остались за Османами. Завоеванія ихъ быстро увеличиваются. Въ томъ же 1354 г. Сулейманъ взялъ Кипселу (на нижнемъ теченіи Марицы) и Малгару (южнѣ Родосто) и наложилъ дань на многіе другіе еракійскіе города; а въ началѣ 1355 г. легкіе турецкіе отряды господствовали по всему побережью Мраморнаго моря до самыхъ стѣнъ Константинополя. Богатыя долины южной Болгаріи также сдѣлались цѣлью постоянныхъ ихъ набѣговъ ³⁾.

Утвержденіе Турокъ во Фракіи наносило послѣдній ударъ популярности Кантакузина. Венеціанскій баилъ въ Цареградѣ, въ августѣ 1354 г., доносилъ дожу Андрею Дандоло, что Византія въ виду опасности со стороны Турокъ и Генуэзцевъ и не ожидая никакой защиты ни отъ Кантакузина, ни отъ Палеолога, готовы подчиниться Венеціи, или же одному изъ королей—Угорскому или Сербскому ⁴⁾. Очень возможно, что такое движеніе противъ правительства дѣйствительно было. Но развязка была уже недалеко. Іоаннъ Палеологъ собирался съ силами и искалъ союзника для возобновленія борьбы. Всѣ оставшіеся за имперіей острова: Тенедосъ, Лесбосъ, Лимносъ,

¹⁾ Cantac., IV, с. 38.

²⁾ У *Bratutti*, о. с., р. 59: Se Iddio m'assisterà con la ma gratia e gl'auspicii paterni mi secondarano ho buona speranza d'effetuare questa impresa .....

³⁾ Seadeddin, о. с., р. 65; Gregor. XXIX, сс. 3, 26; Demetr. Cydon., о. с., *Migne*, Patrol. graec., CLIV, р. 1011; Cantac. IV, с. 38. У Сеадеддина, если только вѣрнѣе переводъ Братутти, невѣрно показанъ годъ занятія Каллиполи—760 по магометанскому лѣтосчисленію, чему по христіанскому лѣтосчисленію соответствуетъ 1382. (Братутти въ примѣчаніи передаетъ его 1350 г., но какъ же это можетъ быть, когда магометанская эра начинается съ 622 г.?) Цинквейзъ (I, р. 210) также невѣрно относитъ утвержденіе Турокъ въ Херсонисъ къ 1356 и 1357 годамъ. Хронологія этого событія вполне вѣрно устанавливается, благодаря точно извѣстному факту землетрясенія, которому Цинквейзъ не придаетъ большаго значенія, следуя болѣе разказу Сеадеддина, представляющему и занятіе Каллиполи, какъ результатъ новой победы надъ византіянами стратегами, защищавшими городъ.

⁴⁾ Ян. Шафарикъ, Србски споменци млетачког архива въ *Гласникъ Српског ученог друштва*, XII, стр. 13. и *Ljudić*, Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalicim. Zagrobiae 1872. Vol. III, р. 265.

Фазосъ, Самоеракія признавали его императоромъ ¹⁾. Попытка Кантакузина въ іюль 1354 г. овладѣть Тенедосомъ и Имбросомъ встрѣтила сильный отпоръ со стороны островитянъ ²⁾. Низложенный патриархъ Каллистъ, оставивъ Византію, напелъ на время убѣжище въ Галатѣ и возобновилъ здѣсь начатія прежде самимъ Іоанномъ сношенія съ Генуэзцами, съ цѣлью облегчить задуманное нападеніе на Константинополь, а затѣмъ переѣхалъ къ императору въ Тенедосъ, откуда поддерживалъ агитацію противъ Кантакузина путемъ обличительныхъ писемъ. Такъ подготовлялась почва для успѣха самаго предпріятія. Для выполнения его предложили свои услуги Генуэзцы. Въ водахъ Архипелага въ это время плавалъ на двухъ галерахъ нѣкто Франческо Гаттилузіо—Генуэзецъ, одинъ изъ тѣхъ, которые, подобно извѣстной кампаніи Маона, искали случая овладѣть тѣмъ или другимъ изъ немногихъ византійскихъ острововъ. Съ нимъ-то Іоаннъ Палеологъ вступилъ въ соглашеніе, обѣщая выдать за него свою сестру Марію и дать въ приданое о. Лесбосъ, если онъ поможетъ ему занять византійскій престолъ. Въ темную декабрьскую ночь ³⁾ съ большимъ флотомъ, они подступили къ столицѣ съ южной стороны и хитростью проникли въ городъ черезъ Одигитрійскія ворота. Ближайшія укрѣпленія тотчасъ же были заняты отрядомъ Іоанна Палеолога, а Кантакузинъ, находившійся во дворцѣ,—отрѣзанъ отъ своей каталонской дружины, обегравшей Золотыя ворота. На разсвѣтѣ все населеніе съ восторгомъ привѣтствовало молодаго императора и открыло ожесточенное преслѣдованіе немногочисленныхъ его враговъ. Іоаннъ Кантакузинъ даль знать о присылкѣ помощи сыну Матвѣю, деспоту Никифору и Андронику Асану, а самъ защищался во дворцѣ. Но помощь не могла придти скоро; недостатокъ продовольствія уже черезъ нѣсколько дней заставилъ его сдаться зятю. Послѣдній хотѣлъ было обнаружить великодушіе по отношенію къ тестю и соглашался на время раздѣлить съ нимъ власть, но народъ громко требовалъ окончательнаго устраненія его отъ управленія имперіей. Кантакузину ничего больше не оставалось, какъ самому отречься отъ престола. Съ вынужденнымъ смиреніемъ онъ пережѣнилъ порфиру на клобукъ и подъ именемъ Іосафа удалился въ Манганскій монастырь. Императрица Ирина по-

¹⁾ Gregor., XXIX, с. 5.

²⁾ Gregor. XXIX. cc. 19, 20; Cantac. IV с. 39; *Гласник*, XII, стр. 11.

³⁾ Это было въ 1354, а не въ 1355 г., какъ думаютъ многіе. См. *Parisot*, pp. 285—288 и *Murali*, II p. 647.

слѣдовала его примѣру и принявъ имя Евгеніи постриглась въ монастырѣ св. Марты ¹⁾.

Съ удаленіемъ Кантакузина не сразу прекратились внутреннія смуты. Сынѡвья его не хотѣли отказаться отъ владѣнія областями, которыя имъ предоставилъ отецъ. Война съ Матвѣемъ Кантакузиномъ продолжалась три года и только въ 1358 г., послѣ нѣсколькихъ пораженій, онъ былъ выданъ Сербами и также принужденъ отречься не только отъ притязаній на престолъ, но и отъ всякой власти въ имперіи ²⁾, Удачнѣе дѣйствовалъ другой братъ, Мануиль Кантакузинъ, деспотъ Мисіоны. Онъ выгналъ изъ своихъ владѣній вождей Іоанна Палеолога, прошедшихъ было до Монемвасіи, и заставилъ признать себя государемъ византійскихъ областей Целопонниса (до 1380 г.) ³⁾. Обособленіе этой части имперіи, притомъ подъ управленіемъ династіи, враждебной той, которая занимала императорскій престолъ, было однимъ изъ послѣдствій новаго переворота и связанной съ нимъ междоусобной войны. Другимъ послѣдствіемъ былъ переходъ чуть не послѣднихъ крохъ византійской территоріи въ обладаніе Латиновъ. Гаттилузіо, согласно условію, получилъ отъ Іоанна Палеолога въ приданое за его сестрою о. Лесбось ⁴⁾. Затѣмъ Венеція, какъ мы видѣли, за это время подготовила себѣ приобрѣтеніе Тенедоса. Что же касается того печальнаго положенія, въ которомъ очутилась Θракія послѣ всѣхъ этихъ событій, то мнѣ кажется, о немъ нечего и говорить. Оно должно было представлять картину болѣе плачевную, болѣе ужасную той, которую мы видѣли при вступленіи Кантакузина на престолъ. Такимъ образомъ Іоаннъ Палеологъ по-

¹⁾ Gregor. XXIX, сс. 27, 28, 29, 30; Ducas, с. XI; Matteo Villani у *Muratori*, XIV, р. 268; Кантакузинъ (IV сс. 39, 40, 41, 42) ничего не говоритъ объ участіи во всемъ этомъ дѣлѣ Гаттилузіо, а въ длинномъ своемъ разказѣ объ обстоятельствахъ этого переворота настойчиво старается доказать, что его отреченіе было актъ съ его стороны вполне добровольный, а отнюдь не вынужденный успѣхомъ зятя. Оттого приводимыя имъ подробности рѣзко выдвѣляются своею неправдоподобностью, и все его повѣствованіе расходится съ другими, болѣе достоверными источниками.

²⁾ Cantacuz., IV, сс. 42—49.

³⁾ *Hopf*, Griechenland, р. 450.

⁴⁾ Фамилія эта имѣла громадное вліяніе въ позднѣйшей исторіи Византіи. Въ концѣ XIV в. она присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Эносъ, важный городъ при устьѣ Марицы; а въ XV в. постепенно сдѣлалась собственностью Гаттилузіо острова: Лимносъ, Θазосъ, Имбросъ и Самоѡракія. Ср. *Heyd*, I, pp. 414—417.

лучил весьма жалкое наслѣдство. Нѣсколько острововъ и одна провинція, въ конецъ разоренная и обезлюженная, въ одномъ концѣ которой, у самой столицы, гнѣздились хищные Генуэзцы, а съ другаго поднимался могущественный турецкій колоссъ: вотъ та имперія, которую ему приходилось править.

Иоаннъ Кантакузинъ, принявъ монашество, уже болѣе не вмѣшивался въ политическія дѣла. Живя то у сына въ Пелопоннискѣ, то въ Византіи, онъ посвятилъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ. Кромѣ записокъ, представляющихъ апологію его продолжительной государственной дѣятельности, къ этому времени относятся и всѣ его полемическіе труды богословскаго содержанія. Онъ пережилъ обоихъ своихъ сыновей и умеръ въ глубокой старости (13-го іюня 1383 г.) въ Мисионѣ¹⁾. Почти вслѣдъ за Кантакузиномъ сошли съ политической сцены и два другіе государя, его современники, стоявшіе къ нему въ близкихъ отношеніяхъ, и въ противоположность ему, оставившіе по себѣ славную память въ исторіи стойкихъ народовъ. Въ 1355 г. умеръ — Стефанъ Душанъ, а въ 1359 г. — Орханъ. Съ окончаніемъ дѣятельности этихъ трехъ лицъ формально оканчивается тотъ періодъ исторіи Византіи, разсмотрѣнію котораго мы рѣшились посвятить настоящій очеркъ, и который, намъ кажется, можно вѣрно назвать переходнымъ между временемъ возстановленія имперіи и уже безповоротнымъ ея надсіемъ. Мы прослѣдили всѣ событія этого періода. Сводъ ихъ рисуетъ картину безконечнаго ряда войнъ. Жестокая борьба внутри между претендентами на императорскую власть, не менѣе жестокая борьба съ Латинами, Турками, и сосѣдями Славянами, словомъ—борьба и борьба—вотъ единственное содержаніе и смыслъ исторіи цѣлой четверти вѣка. Мы видѣли съ какою энергіей, съ какимъ успѣхомъ сначала было ведено Кантакузиномъ дѣло возстановленія имперіи, какъ это стремленіе не покидало его даже въ печальный періодъ его дѣятельности, когда властолюбивые порывы заглушали въ немъ сознаніе государственнаго долга, и какъ все-таки результатъ борьбы вышелъ весьма печальный. Одна изъ причинъ этого, безъ сомнѣнія—внутреннія неурядицы въ Византіи (источники которыхъ опять-таки—не вырожденіе національности, какъ думаютъ многіе, и не отсутствіе даровитыхъ людей; Кан-

¹⁾ Müller, Byzantinische Analekten *Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, IX, S. 60.

такузину, какъ бы его вы обвиняли,—личность недюжинная ¹⁾, но это далеко не единственная и не самая главная причина. Вся бѣда имперіи заключалась въ томъ, что судьба послала ей сразу нѣсколько враговъ. Турки выступаютъ на путь завоеваній въ то время, когда Византія напрягала свои силы въ борьбѣ съ Сербами и Латинами. Какъ отнеслись послѣдніе къ мусульманамъ-завоевателямъ, насколько готовы были защитить отъ нихъ христіанскій міръ, на это приведено нами нѣсколько примѣровъ. Не объ оказаніи помощи Византіи противъ невѣрныхъ думали представители тогдашняго латинства, а о вторичномъ завоеваніи восточной столицы. Они какъ бы дожидались ея полного ослабленія, чтобы нанести ей окончательный ударъ, и пользовались ея безпомощностью для постепеннаго вырванія изъ ея тѣла большихъ или меньшихъ кусковъ. Въ 1355 г. когда Турки стали уже прочно на европейскомъ берегу, Латинамъ казалось, что наступилъ этотъ удобный моментъ и венеціанскій посолъ въ Царьградѣ, Марино Фальеръ, извѣщалъ свою республику, чтобы она спѣшила занятіемъ столицы имперіи, пока Константинополь окончательно не сдѣлался добычею Турокъ ²⁾. Но теперь уже было поздно. Турки составили силу; оспаривать у нихъ Константинополь было трудно. При такомъ положеніи дѣлъ, когда съ одной стороны Византіи угрожало поглощеніе Сербскимъ царствомъ, а съ другой—стояли болѣе опасные для ея центра—Латины и Турки, при чемъ первые, какъ стародавніе, непримиримые враги Грековъ, возбуждали въ нихъ больше опасеній, чѣмъ послѣдніе, когда, словомъ, воевать со всѣми было невозможно и приходилось между врагами искать союзниковъ, византійскіе правители предпочли Османовъ. Они могли не подозревать ихъ будущей силы и сдѣлать имъ уступки считали болѣе выгоднымъ, чѣмъ отдаться въ порабощеніе католическому Западу. Изъ двухъ золъ выбиралось меньшее. Затѣмъ злоупотребленіе турецкимъ союзомъ ускорило развязку. Турки быстро окрѣпли; разливъ ихъ могущества на Балканскомъ полуостровѣ сдѣлался неудержимымъ, и пошелъ своимъ чередомъ, начиная съ Галлипольскаго полуострова, все дальше и дальше... Знаменательныя событія нѣмнѣшняго столѣтія показали уже, а будущія еще болѣе покажутъ, который изъ двухъ разливовъ

¹⁾ Не смотря на существованіе прекраснаго труда Паризо, личность Кантакузина нуждается еще въ болѣе основательной характеристикѣ.

²⁾ *Hopf, Griechenland*, p. 448.

по своему существу долженъ былъ оказаться болѣе выгоднымъ для народовъ Балканскаго полуострова: турецкій ли, черезъ пять вѣковъ совсѣмъ изсохшій и не лишившій жизни потопленные имъ элементы, или латинскій, который навѣрно состоялся бы, еслибы не осуществился турецкій, и который въ своемъ теченіи грозилъ уничтожить всѣ жизненныя, національныя и религіозныя особенности народностей, составлявшихъ населеніе большей части имперіи и другихъ государствъ Балканскаго полуострова.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	Стр.	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
16	13	снизу: междуусобицею	усобицой
48	18	» видѣвъ	видень
85	4	сверху: междуусобицы	усобицы
104	13	» больше, тѣмъ	больше, чѣмъ
105	6	снизу: краю	Душану
107	8	» быдто	будто
120	5	сверху: племянницѣ	свояченицѣ
—	6	» дочери	сестрѣ
—	4	снизу: р. 226	р. 263

На 56 стр. 5-ю строку внизу нужно исправить слѣдующимъ образомъ:
«въ 1336 г. ихъ вниманіе все еще сосредоточено на Македоніи».

ТИМОФЕЯ ФЛОРИНСКАГО.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТІЯ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

С.-Петербургъ.

1882.

0

ТИМОФЕЯ ФЛОРИНСКАГО.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТІЯ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

С.-Петербургъ.

Типографія В. Баршбаума, въ д. М-ва Финанс., на Дворц. площ.

1882.

Slav 8130.8

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

24 June 1924

ОБРАЗОВАНИЕ СЕРБСКАГО ЦАРСТВА.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Содержаніе.

Стран.

1. Общій характеръ и направленіе исторической жизни сербскаго народа до Душана. Внутреннее состояніе Сербскаго королевства передъ началомъ политической дѣятельности Душана.

Задача изслѣдованія и отношеніе къ ней вступительной главы.— Партикуляризмъ въ исторической жизни сербо-хорватскаго племени.— Политическая раздробленность Сербовъ.— Ея причины.— Сербскія области въ X—XII вв.— Начало собиранія сербскихъ земель въ одно государство.— Дѣятельность Стефана Немани и св. Саввы.— Образованіе Сербскаго королевства.— Первые 80 лѣтъ существованія Сербскаго государства.— Возвышеніе Сербіи при Милутині.— Стефанъ Дечанскій.— Завоевательная политика сербскихъ краевъ на юго-востогъ.— Судьба западныхъ сербскихъ областей за это время.— Притязанія Угровъ.— Латинское вліяніе и богомильство въ Босні и Захолмъ.— Господство Венеціи въ Далмаціи.— Дубровникъ.— Общее заключеніе о политическомъ положеніи сербскаго народа къ началу второй четверти XIV в. Внутреннее состояніе Сербскаго королевства около 1331 г. Границы государства.— Составъ населенія.— Сербі, Албанці, Греки и Влахи.— Наплывъ иностранныхъ колонистовъ.— Саксы и Дубровчане.— Отсутствіе единства въ государственнымъ устройствѣ Сербіи.— Жупы и грады.— Королевскіе намѣстники и влатели-баштинники.— Зародыши феодализма въ юридическомъ бытѣ Сербіи.— Сословіе влателей.— Положеніе „Сербовъ“.— Зависимые люди.— Закрѣпощеніе народа и рабство.— Положеніе церкви и духовенства.— Государственнымъ повинности.— Экономическая производительность королевства.— Богатства краля и влателей.— Культурное вліяніе Византіи.— Западное вліяніе.— Опасность его для политической независимости Сербіи.— Проектъ Брокера.— Перечень источниковъ и пособій для первой главы. . . . .

1—22

22—89

II. Биографическія свѣдѣнія о Душанѣ. Обстоятельства вступленія его на сербскій престолъ.

Происхожденіе Душана.—Смута въ королевской семьѣ.—Ссылка Стефана Дечанскаго со всей семьей въ Царьградъ.—Возвращеніе въ Сербію.—Воспитаніе Душана.—Вѣнчаніе въ краи вмѣстѣ съ отцомъ.—Характеръ правленія Стефана Дечанскаго.—Болгарская война.—Участіе въ ней Душана.—Битва подъ Вельбуждомъ 28 іюля 1380 г.—Походъ Дечанскаго и Душана въ Болгарію.—Результаты Вельбуждской битвы.—Неудовольствія между Дечанскимъ и Душаномъ.—Участіе влстелей въ королевской смутѣ.—Низложеніе Стефана Дечанскаго и его мученическая кончина.—Вступленіе Душана на престолъ.—Характеристика юного краи . . . . .

40—65

III. Первые походы Душана на югъ. Участіе въ византийской усобицѣ. Завоеваніе Македоніи.

Политическія стремленія Душана.—Военные успѣхи въ Македоніи въ 1381—1384 гг.—Помощь Сиргіана.—Свиданіе Душана съ имп. Андроникомъ на р. Галичѣ и Солунскій миръ (1384 г.).—Отраженіе Угровъ и возвращеніе Душана въ Македонію.—Свиданіе въ Радовинитѣ.—Завоеваніе Албани (1386—1390).—Характеръ участія, принятаго Душаномъ въ византийской усобицѣ.—Положеніе Македоніи въ 1392 г.—Путешествіе Іоанна Кантакузина въ Сербію.—Пріемъ, оказанный ему Душаномъ.—Переговоры и заключеніе союза.—Неудачные походы на Сересъ.—Обращеніе къ Душану партіи императрицы Анны.—Присоединеніе къ Сербіи Едессы и владѣній Хрели.—Стѣсненное положеніе Кантакузина.—Германскій отрядъ царицы Елены.—Открытый разрывъ Душана съ Кантакузинымъ и сближеніе съ византийской партіей.—Медленное завоеваніе Македоніи.—Битва съ Турками подъ Стефаніаной.—Дѣйствія Душана подъ Сересомъ.—Паденіе этого города (1395 г.).—Общій характеръ и значеніе перваго періода завоевательной дѣятельности Душана .

66—105

IV. Вѣнчаніе на царство.

Развитіе политическихъ замысловъ у Душана, вслѣдъ за паденіемъ Сереса.—Свидѣтельства Кантакузина и Григорія объ этомъ фактѣ.—Принятіе Душаномъ царскаго титула и значеніе, приданное имъ самимъ этому политическому шагу.—Мечты о Греко-сербскомъ царствѣ.—Обрядъ провозглашенія въ Сересѣ.—Полугодовое пребываніе царя въ новопріобрѣтенной странѣ.—Сбли-

женіе его съ греческой аристократіей. — Увлеченіе византизмом. — Свидѣтельство Менипейскихъ грамотъ. — Забота Душана о полученіи сакціи на совершенную или политическую узурпацію. — Сближеніе его съ греческимъ духовенствомъ. — Благоволеніе Менипейской обители и греческимъ монастырямъ Аеола. — Торжество въ Скопїи 16 апрѣля 1346 г. — Постановленіе архіепископа Іоанникія въ патриарха. — Вѣнчаніе Душана царскимъ вѣнцомъ. — Роль греческихъ епископовъ и аеоныхъ старцевъ въ этихъ событіяхъ. — Благодарность царя тѣмъ и другимъ за оказанную услугу. — Посвященіе царемъ Аеола въ 1347 и 1348 г. и щедрія благоволенія его савторгорскимъ монастырямъ. — Устройство Призренской задушницы . . . . . 106—140

V. Виды Душана на Царьградъ. Сношенія съ Венеціей и новыя войны съ Византіей.

Характеръ втораго періода политической дѣятельности Душана. — Мысль о завоеваніи Царьграда. — Обращеніе за помощію къ Венеціи. — Неправдичность этого обращенія. — Торговое и политическое значеніе Венеціи на Балканскомъ полуостровѣ. — Первые сношенія республики съ Сербскимъ королевствомъ. — Развїтїе этихъ сношеній при Милутичѣ и Стефанѣ Дечанскомъ. — Сближеніе Душана съ Венеціей. — Первые факты этого сближенія. — Одолженія и услуги со стороны республики. — Прокровительство венеціанской торговлѣ въ Сербїи. — Которскій договоръ 30 декабря 1335 г. — Первая попытка Душана заключить союзъ съ Венеціей (1340 г.). — Уклончивый отвѣтъ венеціанскаго сената на предложенія цара. — Посольство Марина Веньера въ Сербїю (1343 г.). — Письмо Душана къ дожу Андрею Дандолу, отправленное изъ Сереса 15 октября 1345 г. — Въ февралѣ 1346 г. сербское посольство предлагаетъ Венеціи союзъ для завоеванія Византійской имперїи. — Немскренное отношеніе республики къ предложеніямъ цара. — Присоединеніе Эпира, Акарнанїи и Этоліи къ Сербскому царству (1347—1348 гг.). — Дружественныя отношенія къ Венеціи не прерываются. — Завоеваніе Эллинской Влахїи и Фессалїи (1349 г.). — Изданіе Законника. — Начало неудачъ Душана. — Политика Венеціи, открыто направленная къ заключенію союза съ Византіей. — Странное непониманіе этой политики Душаномъ. — Однадцать предложеній цара, представленныхъ венеціанскому сенату особымъ посольствомъ въ апрѣлѣ 1350 г. — Разборъ отвѣта республики. — Категорическій отказъ ея предоста-

вить Душану флотъ для завоеванія Константинополя.—Пожалованіе царю диплома на венеціанское гражданство.—Негодование Душана противъ Венеціи, выразившееся, между прочимъ, въ походѣ его на Босну.—Временные успѣхи Кантакузина въ Македоніи и Фессаліи. — Возвращеніе Сербами потерянныхъ городовъ.—Разочарованія царя.—Могущество Турокъ-Османовъ.—Неудачная попытка Душана заключить союзъ съ Орханомъ. — Замѣчанія по поводу этого факта. — Выѣздъ Душана въ новую византійскую усобицу.—Жестокая битва съ Турками на р. Марницѣ, близъ Димотики (1352 г.).—Положеніе дѣлъ на востокѣ въ 1354 г.—Разборъ свидѣтельствъ о большомъ походѣ Душана на Царьградъ въ 1355 г.—Итоги . . . . .

140—208

VI. Отношеніе Душана къ славянскому вопросу на Балканскомъ полуостровѣ и къ притязаніямъ латинскаго Запада.

Значеніе разсматриваемыхъ вопросовъ.

1) Отношенія къ Болгаріи. Общій характеръ этихъ отношеній.—Бракъ Душана съ Еленой, сестрой болгарскаго царя Александра.—Тѣсная связь этого событія съ переворотами 1381 г. въ Сербіи и Болгаріи.—Разборъ вопроса о зависимости Болгаріи отъ Сербіи при Душанѣ.—Самостоятельная политика царя Александра въ отношеніи Византіи.—Бракъ его сына Михаила Асѣна съ Маріей Палеологъ.—Дружественныя отношенія Александра къ имп. Іоанну Палеологу. — Расширеніе предѣловъ Болгарскаго царства. — Попытка Іоанна Кантакузина привлечь Александра на свою сторону.—Отсутствіе единодушія въ дѣйствіяхъ сербскаго и болгарскаго государей.—Объясненіе этого обстоятельства. — Печальное внутреннее состояніе Болгаріи вслѣдствіе частыхъ нашествій Турокъ и Татаръ въ религиознаго броженія.—Факты, заставляющіе предполагать взаимное недоверіе и соперничество между сербскимъ и болгарскимъ царями . . .

208—228

2) Борьба за западныя сербскія области. Политика Душана относительно Угріи и папъ. Вопросъ о собираніи сербскихъ земель.—Господство Угровъ въ западной половинѣ Балканскаго полуострова.—Зависимость боснійскаго бана Стефана Котроманча отъ угорскаго короля.—Анжуйская династія на угорскомъ престолѣ.—Политическія и культурныя стремленія угорскихъ Анжуйцевъ по отношенію къ востоку.—Поддержка этихъ стремленій папствомъ. — Войны Ду-

шана съ Карломъ Робертгомъ.—Споръ за Мачву.—Отношенія къ Угрии при Лудовикѣ V.—Отношенія Душана къ Боснѣ.—Неопредѣленность границъ какъ поводъ къ столкновеніямъ.—Старанія Венеціи поддержать миръ между Душаномъ и Котроманичемъ.—Походы Душана въ Босну въ 1390 и 1391 гг.—Завоеваніе Захумья.—Раздраженіе латинскаго Запада противъ сербскаго царя.—Душанъ какъ православный царь.—Его мѣры къ ограниченію католической пропаганды въ Сербіи.—Походъ Лудовика V. въ Сербію въ 1398 г., въ защиту интересовъ латинства. — Дипломатическія сношенія Душана съ папой (1394 г.).—Смыслъ и значеніе этихъ сношеній.—Католическая миссія въ Сербіи.—Разказъ Филиппа Мезъе.—Разрывъ съ папой.—Положеніе дѣлъ на западѣ Сербскаго царства въ годъ смерти Душана.—Общее заключеніе о политической дѣятельности Душана на западѣ . . .	228—266
3) Отношенія къ Дубровнику. Цвѣтущее состояніе Дубровника въ царствованіе Душана.—Уступка республикѣ Стона и Пунты.—Услуги и одолженія царю и его властелямъ со стороны Дубровника.—Торговые договоры съ Дубровчанами.—Двукратное посѣщеніе Дубровника сербскими царемъ и царицею.—Свидѣтельство Червы	266—278
Заключеніе	278—274
Опечатки.	

I.

Общій характеръ и направленіе исторической жизни сербскаго народа до Душана. Внутреннее состояніе Сербскаго королевства передъ началомъ политической дѣятельности Душана.

Образованіе Сербскаго царства составляетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ моментовъ въ средневѣковой исторіи южнаго Славянства. Это была послѣдняя и самая широкая по замыслу попытка—создать на юго-востокѣ Европы сильное славянское государство въ замѣнъ распадавшейся Византійской имперіи. Болгаре два раза (въ X и XIII вв.) брались за эту задачу: она оказывалась имъ не подъ силу. Въ XIV в. выдвигаются Сербы, и Душанъ въ своихъ политическихъ планахъ идетъ дальше своихъ предшественниковъ—и знаменитаго Симеона и обоихъ Асѣней. Но и съ этой стороны не вышло ничего прочнаго. Всѣ завоевательные планы и стремленія Душана такъ и остались на ступени попытки. Правда, на нѣкоторое время является Сербская монархія, обнимающая значительную часть Балканскаго полуострова, но существованіе этой монархіи такъ не продолжительно, что въ ней, собственно говоря, наблюдать можно только два момента: моментъ образованія, продолжающійся во все время царствованія Душана и моментъ распаденья, начавшійся тотчасъ послѣ смерти ея основателя. Главныя причины неудачи и этой попытки должны заключаться во внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ, при которыхъ состоялось это образованіе Сербскаго царства, а также въ характерѣ самой дѣятельности Душана, до сихъ поръ не оцѣненной съ должнымъ безпристрастіемъ. Выяснить процессъ появленія на полуостровѣ этой

новой монархii и опредѣлить значеніе политической дѣятельности Душана—самаго выдающагося изъ сербскихъ государей и составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія.

Предложенный нами въ первомъ выпускѣ очеркъ положенія Византійской имперіи въ первой половинѣ XIV вѣка даетъ ключъ къ уразумѣнію многихъ явленій занимающаго насъ такъ называемаго блестящаго періода сербской исторіи. Но чтобы еще лучше понять и болѣе правильно оцѣнить это кратковременное возвышеніе сербскаго народа, мы считаемъ бесполезнымъ предпослать спеціальному изслѣдованію нашего предмета сжатое припоминаніе хода всей, предшествующей исторической жизни сербскаго народа, а равно сжатый же очеркъ внутренняго состоянія сербскаго королевства въ то время, когда Стефанъ Душанъ восходилъ на престолъ своего „прародителя“ Немани. Черезъ то и другое припоминаніе обнаружатся связь и отношеніе разсматриваемаго періода сербской исторіи къ предшествовавшимъ, до нѣкоторой степени выяснится: насколько сербскій народъ своею предъидущею жизнью и развитіемъ былъ подготовленъ къ той исторической роли, для которой онъ былъ выдвинутъ своимъ могущественнымъ государемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сами собою опредѣлятся тѣ дѣйствительно-національныя и существенно необходимыя для блага южнаго Славянства задачи, осуществленіе которыхъ въ то время было прежде всего обязательно для славянскаго государя, задумавшаго созданіе новаго, болѣе прочнаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Этой-то, собственно говоря, вводной части нашего изслѣдованія мы отводимъ первую главу настоящаго труда.

Въ началѣ второй четверти XIV вѣка, ко времени Душана, сербскій народъ занялъ уже довольно видное политическое положеніе на полуостровѣ. Византійская имперія въ періодъ правленія Андроника Старшаго и наступившихъ затѣмъ внутреннихъ смутъ пришла въ полный упадокъ; Болгарское царство, такъ пышно разцвѣтшее при Іоаннѣ Асѣнѣ II, снова значительно сдузилось въ границахъ и было ослаблено внутри; Хорватскаго государства давно уже не существовало. Между тѣмъ Сербы имѣли свое еще молодое, но политически самостоятельное государство; сербскіе князья, какъ Милутинъ и Дечанскій, играютъ выдающуюся роль

въ событіяхъ всего полуострова силу; сербскаго оружія испытали уже и Византіяцы, и Болгаре, и Мадьяры; имя Сербовъ начинается уже внушать извѣстныя опасенія вѣчно-властолюбивому Западу... Но въ этомъ политическомъ возвышеніи, которое уже съ самаго начала получило характеръ чего-то случайнаго и искусственнаго, участвовалъ не весь сербскій народъ. Сербскаго единства еще не было—ни политическаго, ни національнаго. Душанъ, наслѣдуя своему отцу, Стефану Дечанскому, собственно говоря, становился государемъ лишь части сербскаго народа, именно той, которая входила въ составъ Сербскаго королевства. Но кромѣ королевства были и другія сербскія земли, и онѣ-то, оставаясь непритянутыми къ одному общему политическому центру, находились въ весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, которыя съ одной стороны угрожали этой части сербскаго народа потерей его національной самобытности, а съ другой свидѣтельствовали о ненадежности, непрочности возвышенія, котораго успѣла достигнуть та вторая половина сербскаго народа, образовавшая уже самостоятельное государство.

Усиленіе сербскаго народа и дѣятельное участіе его въ политической жизни Балканскаго полуострова начинаются сравнительно весьма поздно. Первоначальныя историческія судьбы этой славянской вѣтви сложились совершенно иначе чѣмъ судьбы близко родственныхъ Сербамъ Славянъ болгарскихъ. Послѣдніе успѣли уже прожить блестящій періодъ своей политической жизни, рано основали сильное государство по обѣимъ сторонамъ Балканъ, пытались вырвать вгемонію у Грековъ, успѣли уже разъ потерять независимость и приступали къ образованію втораго царства, между тѣмъ какъ Сербы въ это время т. е. въ концѣ XII вѣка и въ началѣ XIII вѣка едва начинаютъ сплачиваться политически. Вообще въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, получившей славянское населеніе одновременно съ восточной, т. е. въ VII вѣкѣ, историческая жизнь пошла иначе, чѣмъ въ послѣдней. Здѣсь благодаря пришедшей турецкой ордѣ рано, въ томъ же VII вѣкѣ, начинается быстрое сплоченіе разрозненныхъ славянскихъ племенъ въ одну народность, въ одно государство. На западѣ же самыя первыя страницы исторіи утвердившагося здѣсь новаго населенія отрываются фактами обособленія, партикуляризма. Двѣ близко-

*

родственные, быть может даже совершенно тождественны вѣтви одного народа, Сербы и Хорваты, приходомъ которыхъ изъ-за Карпатъ въ царствованіе императора Ираклія (610—641) завершилось заселеніе Славянами западной части полуострова, съ самаго начала устраниваются отдѣльно одна отъ другой въ отведенныхъ имъ земляхъ Иллирика. Первое время сохраняется еще болѣе или менѣе значительная связь между обѣими вѣтвями, которая главнѣйше выражается въ томъ, что Сербы и Хорваты довольно долго остаются въ политической и церковной зависимости отъ имперіи. Но съ IX вѣка Хорваты т. е. славянскіе обитатели сѣверо-западной части Далмаціи и области между рр. Савой и Дравой, приходятъ въ столкновеніе съ западными народами—Франками и Венецианцами. Вынуждаемые борьбой съ Западомъ они постепенно переходятъ отъ племеннаго или жупнаго строя жизни къ государственному, создаютъ у себя королевство, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаются значительному вліянію Запада; въ концѣ концовъ они порываютъ совсѣмъ съ Византіей въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ и примыкаютъ къ Риму. Между тѣмъ славянскія племена восточной части Иллирика, принявшія имя Сербовъ, остаются вѣрными Византіи и восточной церкви. Такъ рано началось раздвоеніе въ средѣ южныхъ Славянъ, въ силу своей этнографической близости долженствовавшихъ составить одно цѣлое. Это раздвоеніе имѣло печальныя послѣдствія для всего Славянскаго юга; отзывается оно и теперь. Но прежде всего отъ него пострадали Хорваты, столь неудачно повернувшіе въ ту сторону, откуда имъ могло прійти одно порабощеніе, политическое и духовное. Въ началѣ XI вѣка они утратили уже независимость и должны были войти въ составъ Угорскаго королевства.

Политическая раздробленность Славянства на западѣ Балканскаго полуострова не ограничилась однакожъ этимъ отдѣленіемъ Хорватовъ. Послѣдніе, какъ мы сказали, все же рано успѣли образовать свое государство. Не то было у Сербовъ. Племенная обособленность здѣсь долго оставалась въ силѣ. Почти пять вѣковъ сербскія племена сохраняютъ первичную форму политическаго быта, которую прошли болѣе или менѣе всѣ славянскія племена—форму жупнаго устройства. Занятія ими земли въ Иллириѣ

долго представляют нѣсколько независимыхъ одна отъ другой областей или жупанствъ, которыя по временамъ и то номинально признаютъ верховную власть одного великаго жупана. Только въ концѣ XII вѣка благодаря дѣятельности Стефана Немани начинается постепенное объединеніе сербскихъ областей, но оно идетъ чрезвычайно медленно и не удается вполнѣ ни одному сербскому государю. Главная причина такой разъединенности сербскаго народа, разительно проявляющейся и по нынѣ, заключается въ географическихъ условіяхъ страны, выпавшей на его долю. Уже одного взгляда на топографическую карту западной половины Балканскаго полуострова достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія.

Къ X столѣтію Сербы являются племенемъ уже вполнѣ расселившимся и занимаютъ почти тѣ же предѣлы, что и въ настоящее время. На западѣ ихъ владѣнія доходили до горъ, раздѣляющихъ воды Вербаса и Саны отъ водъ Унны, гдѣ онѣ соприкасались съ хорватскими областями ¹⁾; затѣмъ, отъ истоковъ Саны граница шла мимо Имоски къ устью Цетины, Адриатическимъ моремъ до Леша и Бара; отсюда на юго-востокъ вдоль Скадарскаго озера горною странюю къ Призрену и верховьямъ Моравы. На востокъ трудно указать границу распространенія сербскаго элемента: онъ сливался съ болгарскимъ, но вѣроятно не переходилъ за Мораву. На сѣверѣ предѣлы сербскихъ областей составляли Сава и Дунай до впаденія въ него Моравы. На всемъ этомъ протяженіи сербскихъ земель, обнимавшемъ нынѣшнія Боснію, Герцеговину, княжество Сербію, Черногорію, южную Далмацію, Новобазарскій пашалыкъ и сѣверную Албанію, рѣзко обозначаются гористыя свойства страны. Горы разной высоты и разнаго протяженія идутъ по всѣмъ направленіямъ этой части Балканскаго полуострова, цѣлые хребты и отдѣльныя возвышенности перекрещива-

---

¹⁾ Вопросъ о границѣ между народами сербскимъ и хорватскимъ не разъ служилъ и продолжаетъ служить предметомъ ученыхъ споровъ. Мы держимся здѣсь мнѣнія г. Новаковича, высказаннаго имъ въ его обстоятельномъ трудѣ: „Српске области X и XII вѣка“. У Београду. 1880 г. стр. 88—109 (См. также „Гласник Српског ученог друштва“ кн. XLVIII).

ются и образуют равнины и плоскогорія, нерѣдко закрытыя со всѣхъ сторонъ.

Отсюда видно разнообразіе страны занятой Сербами, естественно способствовавшее продолжительному сохраненію частныхъ, обособленныхъ формъ государственнаго быта. Но это разнообразіе, зависящее отъ степени гористости, не вездѣ одинаково. Южныя сербскія земли, прилегающія къ Адриатическому морю цѣлымъ рядомъ хребтовъ, составляющихъ продолженіе Альпійской горной системы, рѣзко отдѣляются отъ сѣверныхъ или Дунайскихъ. Эти хребты, изъ которыхъ какъ выдающіеся можно отмѣтить Динару-планину, Марину пл., Чабулю пл., Терентилъ пл., Поринъ, Велешъ, Градину, Думочь, Ягодину, Любоміръ, Любичню, высоты Черной горы и многія другія, тянутся непрерывною полосой съ сѣверо-запада на юго-востокъ до встрѣчи съ горными краями и углами сѣверной Албаніи и наполняя своими отрогами всѣ приморскія земли, придаютъ имъ характеръ суровой, скалистой и недоступной страны. Это всѣмъ хорошо извѣстныя земли Герцеговины, Черногоріи и южной Босны. Сѣверныя сербскія земли, лежащія въ бассейнахъ рр. Вербаса, Босны, Дрины и Моравы имѣютъ болѣе ровный видъ. И здѣсь глазъ по всюду видитъ планины, но онѣ уже гораздо ниже, чѣмъ на югѣ, не имѣютъ такихъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ какъ тамъ и представляютъ гораздо больше равнинъ и долинъ. Но и въ этихъ сѣверныхъ сербскихъ земляхъ орографическія условія не вездѣ одинаковы. Именно въ западныхъ частяхъ между Саню и Дриною возвышенностей несравненно больше чѣмъ въ восточныхъ, и направленіе эти возвышенности имѣютъ такое же, какъ и въ приморскихъ земляхъ, т. е. съ сѣверо-запада на юго-востокъ; между тѣмъ въ восточныхъ частяхъ между Дриною и Моравою горъ гораздо меньше и многія изъ нихъ направляются съ сѣвера на югъ (напр. Трешневица, Медвѣдникъ, Златоборъ, Копаоникъ). Такія условія страны, занятой сербскимъ народомъ уясняютъ многія стороны его исторіи и, между прочимъ, его разъединенность и позднее выступленіе въ дѣятельной политической жизни.

Въ X — XII столѣтіи мы видимъ до семи сербскихъ областей стоящихъ за немногими исключеніями въ очень слабой связи

между собой. Въ южной приморской полосѣ были расположены: 1) *Зета* (Дукля). Она простиралась отъ устьевъ Дрина и Бояны по берегу до Котора, обнимала большую часть Черногорин и отдѣлялась отъ Рашки рѣкою Зетою и прилегающими къ ней планинами; на востокъ она не доходила до Скадра. 2) *Травунія* или Требинье съ центромъ того же имени. Эта область соприкасалась съ Зетою близъ Рудина и Котора; затѣмъ граница ея шла берегомъ до Дубровника, пересѣкала рѣку Требишницу между Поповымъ полемъ и Шумами и сливалась съ горными высотами Любомира и Бабы—планины. Въ X вѣкѣ приморье этой области составляло также особое жупанство—*Конавлию*. 3) *Захолмье* (Хумъ, Захлумье). Оно занимало пространство отъ Дубровника до устья Неретвы. На сколько въ глубь Герцеговины вдавалась эта область въ X вѣкѣ, трудно сказать на основаніи имѣющихся данныхъ. Но въ послѣдствіи она значительно расширилась и охватывала Невесинье поле, Гацко и Мостарско блато на правой сторонѣ Неретвы. Рядомъ съ Захолмьемъ въ X вѣкѣ существовала *Паганія* или *Неречанія*, въ послѣдствіи слившаяся въ одно цѣлое съ Захолмьемъ. Эта область занимала приморье между Неретвой и Цетиною и на сѣверъ простиралась до Дувна и Хлевна. Племя Неречанъ владѣло и лежащими близъ берега островами: Корчулою, Млитомъ, Хваромъ и Брачемъ. Такимъ образомъ на югѣ сербское племя раздѣлялось между пятью, а потомъ тремя областями.

На сѣверѣ издавна являются двѣ области: 1) *Собственная Сербія* или *Раса—Рашка* и 2) *Босна*. Границею между ними служить рѣка Дрина и часть рѣка Лимъ. *Босна* простиралась на сѣверѣ до рѣки Савы, на западѣ — до Унны и Санны, а на югѣ отдѣлялась горными цѣпами отъ южно-сербскихъ областей. Предѣлы *Рашки* заключались между Дриной и Болгарскою Моравой и слѣдовательно обнимали бассейны Сербской Моравы и Ибара. На югѣ они не совсѣмъ доходили до Шара—планины, а на сѣверѣ—до Дуная. Кромѣ этихъ областей до конца XII вѣка существовала еще одна сербская область, лежавшая по срединѣ между сѣверными и южными жупанствами. Это было—упоминаемое Дуклянскимъ лѣтописцемъ—*Подгорье*, занимавшее ту гористую страну, гдѣ берутъ начало рѣки: Морача, Зета, Пива, Лимъ, и гдѣ нахо-

дятся высочайшія вершины сербскихъ горъ — Комъ и Дормиторъ (сѣверо-западная часть нынѣшней Черногоріи). Средоточіемъ этой области былъ Оногоштъ (близъ Никшичей).

Такимъ образомъ южныя сербскія области, въ силу орографическихкихъ условій обособленныя одна отъ другой, отдѣлялись отъ сѣверныхъ высокими горными хребтами. Отсюда понятно, что связи между ними было мало. Каждое жупанство, каждая область управляется своими жупанами, которые иногда принимаютъ титулъ князей, даже королей (въ болѣе позднее время). Надъ всѣми этими мелкими жупанами возвышался одинъ великій жупанъ, главный представитель всей сербской земли. Но власть и значеніе великаго жупана до XII вѣка были весьма малы. Это верховное достоинство не держалось въ одной какой либо фамиліи и даже въ одной области. Большею частію его носили жупаны Зеты и Рашии; но переходило оно и въ другія области. Признавалось оно не всѣми и не всегда. Неречане большею частію совсѣмъ отказывались отъ подчиненія великому жупану. Въ разное время при великихъ жупанахъ собственной Сербіи или Рашии мы видимъ независимыхъ сильныхъ жупановъ въ Требиньѣ и Захолмьѣ. Такимъ образомъ политическій центръ сербскихъ земель постоянно мѣняется. Жупаны постоянно ссорятся за великое жупанство, ведутъ между собою распри и при недоступности ихъ территорій обыкновенно ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ достаточно силы, чтобы получить прочное преобладаніе надъ прочими.

Кромѣ этихъ географическихкихъ условій, было много другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, способствовавшихъ поддержанію политической раздробленности сербскаго народа. Такъ, признаніе верховной зависимости отъ византійскаго императора, въ которой находятся сербскія княжества съ самаго своего основанія и которая становится номинальною или совсѣмъ прекращается только въ эпоху правленія неспособныхъ императоровъ, мѣшало отдѣльнымъ сербскимъ правителямъ, получавшимъ утвержденіе своей власти отъ Византіи и пользовавшимся полною внутреннею самостоятельностью, дойти до сознанія необходимости образовать единое національное государство. вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ послѣднемъ стремленіи Сербъ были стѣснены сильнымъ сосѣдомъ—Бол-

гарами. Постепенно распространяя свое государство на счет славянских областей имперіи, болгарскіе государи вскорѣ приблизились къ сербскимъ владѣніямъ. Распри и смуты между сербскими жупанами даютъ имъ возможность утвердить свое вліаніе въ сербскихъ земляхъ, а нѣкоторые изъ нихъ подчинить своей власти. Въ IX столѣтіи Сербы испытываютъ уже всю тяжесть болгарскаго оружія, а въ началѣ X вѣка знаменитый Симеонъ проходитъ побѣдоносно по значительной части сербскихъ земель и подвергаетъ ихъ жестокому опустошенію. Много лѣтъ прошло пока страна оправилась отъ этого погрома и вновь приняла разбѣжавшееся населеніе.

Въ XI вѣкѣ положеніе вещей на полуостровѣ измѣняется. Въ 1018 г. Императоръ Василій Болгаробойца положилъ конецъ существованію Болгарскаго царства. Византійцы въ послѣдній разъ достигли значительнаго могущества и возстановили предѣлы имперіи до Дуная. Сербы теперь должны были еще болѣе стать подъ власть Византіи. Во многихъ сербскихъ земляхъ, какъ и въ Болгаріи, явились греческіе правители. Притѣсненія послѣднихъ не замедлили вызвать недовольство и тамъ, и тутъ. Вскорѣ начались попытки возстанія среди Болгаръ. Не долго ждали и Сербы. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ фактическаго утвержденія господства Византіи въ сербскихъ областяхъ, здѣсь начинается движеніе. Неурядицы въ самой имперіи благопріятствуютъ ему. Средоточіемъ движенія первоначально становится хорошо защищенная Зета. Зетскіе жупаны, которыхъ лѣтописецъ называетъ кралами, удачно ведутъ борьбу съ Греками, освобождаютъ приморскія сербскія земли и затѣмъ переносятъ знамя возстанія въ Расу. Часть этой области также была освобождена, и со временъ Бодина и Вукана она дѣлается центромъ сербской государственности. Эти два борца за сербскую свободу хорошо поняли выгодное географическое положеніе этой сербской области въ бассейнѣ Ибара, откуда было удобнѣе чѣмъ изъ приморской Зеты вліять на прочія сербскія земли, отстаивать ихъ противъ сосѣдей, а при благопріятныхъ условіяхъ и образовать болѣе или менѣе сильное государство. Но болѣе пятидесяти лѣтъ прошло, пока Раса вполнѣ стала политическимъ центромъ сербскаго народа.

Съ Рашскаго жупана *Стефана Немани* (1159—1195), по общепринятому, вполне справедливому мнѣнію начинается новый періодъ въ исторіи сербскаго народа. Неманя, „обновитель отчинной дѣдины“, собиратель земли сербской, первый полагаетъ основаніе самобытной государственной жизни Сербіи, разрывая господствовавшую дотолѣ обособленность сербскихъ областей, притягивая ихъ къ одному центру—Расѣ. Дѣятельность его и заслуги, оказанныя имъ своему народу, уже были оцѣнены современниками и достаточно разъяснены въ настоящее время. Результаты предшествующаго періода представлялись ему въ очень неутѣшительномъ видѣ. Правда, нѣкоторая часть сербскихъ земель была уже освобождена отъ иноземнаго владычества и выдвинуто было значеніе Расы; но въ этой послѣдней, какъ и въ другихъ областяхъ все еще продолжались прежняя обособленность и раздѣленіе на удѣлы. Затѣмъ, нѣкоторыя сербскія земли оставались еще во власти Византіи, именно—большая часть южной Рашки и придунайскія земли. Наконецъ и на западѣ нѣкоторыя изъ сербскихъ областей утратили уже независимость. Большая часть Паганіи и принадлежавшіе къ ней острова отошли къ Хорватамъ, а Босна съ 1120 г. сдѣлалась частью Угорскаго королевства. Такимъ образомъ предъ Неманею, какъ основателемъ сербскаго государства стояла весьма сложная задача. Самую главную часть ея онъ выполнилъ при помощи Византіи. Своєю верадчивостью и смиреніемъ онъ добился того, что императоръ Алексѣй Комнинъ не только призналъ его сербскимъ великимъ жупаномъ, но и далъ ему военную помощь для усиленія его власти въ странѣ. Съ помощью византійскаго войска Неманя успѣлъ соединить въ своихъ рукахъ всѣ удѣлы Рашки и подчинить своей верховной власти Захлумье и Травунію, управленіе которыми онъ предоставилъ своимъ родственникамъ, положивъ такимъ образомъ начало подчиненію сербскихъ областей одной династіи—Неманичамъ. Добившись желаемой цѣли при помощи Византійцевъ, Неманя разошелся съ ними и предпринялъ завоеваніе у нихъ южныхъ и восточныхъ сербскихъ земель, что выполнилъ съ успѣхомъ. Именно онъ включилъ въ свое государство: Зету и прилегающее къ ней приморье съ городами—Которомъ, Баромъ и Ульциномъ, Пилотъ

(в сѣверной Албаніи—Пулаты) область Хвостно (на р. Быстрицѣ оузъ Печи), область Подримье (между Коссовымъ полемъ и Вѣмъ Дриномъ), Липлянь или Коссово поле, область Нишевскую за правомъ берегу Моравы, по Нишавѣ и Моравицѣ) и Поморавье на лѣвомъ берегу Моравы). На время Немани занялъ также Призренскую область и Пологъ (на южн. скл. Шара-Мланины, нын. Тетово), но онъ не удержалъ за собой этихъ областей. Озабоченный главнѣйше собираніемъ сербскихъ земель, Неманя вмѣстѣ съ тѣмъ ясно обнаружилъ свои завоевательныя стремленія въ отношеніи болгарскихъ земель. По словамъ его биографа, Стефана Первоувнчаннаго, онъ побѣдоносно доходилъ до Средца (Софіи) Вельбужда (Кюстендиль) Петрича и Скопін и даже будто бы разрушилъ эти города. Такимъ образомъ все вниманіе, вся дѣятельность Немани были сосредоточены на юго-востока. Относительно сѣверо-западныхъ сербскихъ земель основатель новаго славянскаго государства ничего не сдѣлалъ. Какъ бы то ни было сербское государство было заложено.

Сынъ и преемникъ Немани и вмѣстѣ съ тѣмъ его жизнеописатель, *Стефанъ Первоувнчанный* (1195—1224), вѣнчался королевскимъ вѣнцомъ, формальнымъ образомъ свидѣтельствовалъ передъ тогдашнимъ политическимъ міромъ объ образованіи новаго государства на полуостровѣ. Династія Немани предъявляла право на управленіе всѣмъ сербскимъ народомъ. Неманичи начинаютъ называть себя въ грамотахъ „кралiami всѣхъ сербскихъ земель.“ Другой сынъ Немани, Растько, рано принявшій монашество подъ именемъ Саввы, получаетъ отъ царградскаго патріарха, уже жившаго въ Никеѣ, санъ архіепископа всѣхъ сербскихъ земель; онъ устрояетъ въ новомъ государствѣ правильную церковную іерархію и тѣмъ самымъ способствуетъ государственной сплоченности доселѣ разбѣдиненнаго народа. Неманя, принявшій въ постриженіи имя Симеона и его сынъ Савва, имена которыхъ связаны съ основаніемъ знаменитой Хиландарской Лавры на Афонѣ, стали народными святыми и доселѣ чтутся всѣмъ Сербскимъ народомъ какъ его постоянные покровители и заступники.

Образованіе Сербскаго королевства происходило въ ту эпоху, когда верховная представительница Греко-Славянскаго міра —

Византия была завоевана латинскими крестоносцами. Появление нового славянского государства на полуострове вместе с образованием Болгарского царства были события большой важности для восточного мира. Оба государства должны были служить противовѣсомъ только что одержаннымъ успѣхамъ Запада. Болгары вскорѣ самымъ дѣломъ показали это, вступивъ къ жестокою борьбѣ съ Латинянами. Сербы же тѣмъ самымъ уже, что начали соединяться въ одно государство ставили предѣлы дальнѣйшимъ завоеваніямъ крестоносцевъ на полуостровѣ. Отсюда понятно, что и самое образованіе Сербскаго королевства извнѣ не могло встрѣтить большаго сопротивленія. Греческій императоръ уже въ силу историческихъ обстоятельствъ не былъ въ состояніи помѣшать этому обособленію земель нѣкогда составлявшихъ часть имперіи. Поставленный въ необходимость промѣнять Византию на Никею, видя гораздо большую часть земель имперіи въ рукахъ пришлыхъ Латинянъ, не щадившихъ ни вѣры, ни народности мѣстнаго населенія, онъ естественно долженъ былъ только признать перемѣну происшедшую въ сербскихъ земляхъ, что и выразилось въ поставленіи Саввы въ архіепископа всѣхъ сербскихъ земель, съ предоставленіемъ ему права вѣнчать Стефана II королевскимъ вѣнкомъ. Признаніе это, констатированное указаннымъ актомъ въ Никее, становится тѣмъ понятнѣе, что имперія, хотя и униженная и ослабленная, для новаго славянскаго государства продолжала сохранять значеніе высшаго политическаго и духовнаго авторитета.

Удачно совершенное Неманею объединеніе юго-восточныхъ сербскихъ земель, повидимому, ясно указывало его преемникамъ на необходимость привлеченія областей сѣверо-западныхъ къ созданному уже политическому центру. Только при такомъ условіи Сербское королевство могло стать на столько сильнымъ, чтобы хотя съ нѣкоторымъ успѣхомъ принять на себя руководящую роль въ политической жизни полуострова. Между тѣмъ западнымъ сербскимъ областямъ такъ и не суждено было слиться когда-либо въ одно цѣлое съ королевствомъ.

Первые 80 лѣтъ существованія сербскаго государства не представляютъ ни одного выдающагося событія, которое свидѣтельствовало бы о его внутреннемъ и внѣшнемъ ростѣ. Это была пора

смуть и усобиць въ королевской семьѣ, отчасти объясняемыхъ недостаточнымъ развитіемъ въ сознаниі народа и членовъ королевской семьи принципа единодержавія. Государственная земля долго еще разсматривалась какъ достояніе всей владѣющей семьи, почему младшіе братья, при вступленіи на престолъ старшаго, также предъявляли права на землю. Этими смутами, которыя, впрочемъ, иногда имѣли и другое происхожденіе, сопровождается правленіе всѣхъ преемниковъ Немани, вплоть до Милутина. Ни объ одномъ изъ этихъ преемниковъ (Стефанъ Первовѣнчанный (+ 1224), Радославъ (до 1230), Владиславъ (до 1243), Урошь I (1243—76), Драгутинъ (1276—82), не смотря на хвалебный тонъ ихъ житій, составленныхъ людьми жившими близко къ ихъ времени, не сохранилось свѣдѣній, которыя бы говорили объ ихъ дѣятельности на пользу усиленія сербскаго государства. Одного изъ нихъ—Уроша, источники называютъ Великимъ, но мы не знаемъ, что онъ сдѣлалъ великаго. Безъ сомнѣнія, въ этотъ періодъ времени въ новомъ государствѣ шло внутреннее развитіе, складывались тѣ формы экономического и соціального быта, какія застаетъ позже; но какъ все это происходило, на это почти нѣтъ указаній. Мы видимъ только, что Сербское королевство за это время не только не увеличивается въ объемѣ, а напротивъ уменьшается. Государи сосѣдняго Угорскаго королевства, пользуясь усобицами сербскихъ краевъ и общею ихъ неспособностью въ управленіи, стремятся къ захвату или хотя бы къ подчиненію своему вліянію нѣкоторыхъ сербскихъ областей, побуждаемые къ тому со стороны духовнаго главы Запада настойчивыми увѣщаніями въ смыслѣ распространенія католическаго правовѣрія и въ другой половинѣ сербо-хорватскаго племени. Стремленія эти остаются не безъ успѣха, они не встрѣчаютъ почти противовѣса со стороны Рашскихъ краевъ и западно-сербскія области, предоставленныя себѣ самимъ, находятся въ постоянной опасности быть окончательно отдѣленными отъ ихъ естественнаго центра. Уже при Стефанѣ Первовѣнчанномъ Угры принимаютъ дѣятельное участіе въ сербскихъ смутахъ. Уже тогда король Эмерикъ, призванный соперникомъ Стефана, Вуваномъ, занимаетъ своими войсками часть Сербіи и присоединяетъ къ своему титулу слова rex Serviae.

Только неурядицы въ собственномъ королевствѣ заставили его отстраниться отъ сербскихъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе съ этого времени вліяніе Угріи въ сербскихъ областяхъ постепенно возрастаетъ. Захотѣе вскорѣ послѣ смерти Вуцана совсѣмъ отдѣляется отъ Рашки и подчиняется Угріи. Въ 1254 г. Жупаномъ Хлумскимъ является Родославъ Андреевичъ, который называетъ себя клятвенникомъ Угорскаго короля и обѣщаетъ Дубровчанамъ дѣйствовать противъ Уроша I. Босна по прежнему остается въ зависимости отъ Угріи. Въ 1245 г. ею даже править Угринъ Котроманъ, а въ 1254 г. она соединяется съ Мачвою ¹⁾, въ рукахъ зятя Бели IV, Ростислава Михайловича, князя Галицкаго и воеводы Славонскаго. Брали слѣдующіе за Стефаномъ Первовѣнчаннымъ ничего не предпринимаютъ для противодѣйствія угорскому вліянію. Одинъ изъ нихъ—Драгутинъ, напротивъ того, даже призвалъ Угровъ для сверженія отца съ престола, женился на дочери короля Андрея III и получилъ отъ него въ ленное управленіе Срѣмъ и Мачву.

2

Быстрое возвышеніе Сербскаго государства начинается во второй половинѣ XIV в. при кралѣ *Милутинѣ* (1282—1320). Продолжительное правленіе этого государя несомнѣнно составляетъ эпоху въ исторіи сербскаго народа. Соединяя въ своей личности не особенно высокую нравственность съ дипломатическимъ умомъ и храбростью, Милутинъ съ успѣхомъ продолжалъ выполненіе поставленной Неманею задачи образованія сербскаго государства, для чего рѣшительно выступаетъ на путь завоеваній на юго-востокѣ, отчасти указанный уже его знаменитымъ предшественникомъ. При вступленіи его на престолъ объединеніе сербскихъ областей представляло еще много дѣла, но не оно было главнымъ предметомъ его вниманія. Все, что было имъ сдѣлано для притяженія сѣверо-западныхъ сербскихъ земель къ королевству, оказалось очень непрочнымъ. На Босну онъ только предъявлялъ слабыя притязанія

---

¹⁾ *Мачвой*—собственно называлась область между р. Колубарою, горами Влашичемъ и Церою и рр. Дриною и Савою. Въ широкомъ смыслѣ, какъ здѣсь, Мачва простиралась до Моравы и слѣдов. обнимала и Бѣлградскую область. Новаковичъ. Српск. Обл. 117.

и никогда ею не владѣлъ ¹⁾. Въ началѣ его правленія эта область является раздѣленною; сѣверная часть ея, вмѣстѣ съ Мачвою и Срѣмомъ, находилась во власти Драгутина, получившаго всѣ эти земли отъ угорскаго короля въ приданое за женою, а въ южной утверждается господство хорватскихъ бановъ Шубичей—Павла, а потомъ сына его Младена, которые владѣли и Захолмьемъ. По смерти Драгутина (1317) Милутинъ занялъ его земли, но не могъ устоять противъ натиска угорскаго короля, дѣйствовавшаго въ союзѣ съ Филиппомъ Тарентскимъ и вторгнувшагося въ самую Сербію; Младенъ присоединилъ къ своему значительному банству остальную часть Босны, а Мачва отошла опять непосредственно къ Угріи.

Совсѣмъ другимъ результатомъ сопровождался завоевательныя стремленія Милутина на юго-востоки. Болгарское царство Іоанна Асѣна II (1221—1242) уже значительно сѣзилось въ своихъ границахъ; на мѣсто его съ юга и юго-востока къ Сербіи опять примыкала Византійская имперія. Границы того и другаго государства сходились у Липляна (на Коссовомъ полѣ), т. е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ ее Неманя. Въ нѣсколько удачныхъ походовъ Милутинъ присоединилъ *Пологъ* (обл. на верховьяхъ Вардара, нынѣ Тетово), гор. *Скопю*, *Овче-поле* (обл. между Карадагомъ, Вардаромъ и Плашкивицею), *Злетову* (область по Злетовской рѣкѣ, впадающей въ Брегалницу), *Шанецъ* (на истокахъ Брегалницы) и земли: *Дебрьскую*, *Кичавскую* (обѣ по р. Черному Дрину) и *Портъскую* (на р. Трешнѣ, впад. въ Вардаръ). Такимъ образомъ границы Сербскаго королевства со стороны Византійской имперіи, но на счетъ земель болгарскихъ Славянъ и частью Албанцевъ, были расширены Милутиномъ на востокъ по городъ Кратовъ и рѣку Брегалницу, а на югъ почти до городовъ Штипа, Велеса, Прилѣпа и Охриды. Но заходилъ онъ со своими побѣдоносными войсками гораздо дальше: до Сереса, Христопола, Аеона

---

¹⁾ Нѣкоторые историки Сербіи (Энгель, Майковъ, Крстичъ и др.) утверждаютъ, что Милутинъ получилъ Босну въ приданое за женою своею Елизаветою, дочерью Стефана V, въ 1286 г. Но по изслѣдованію академика Либича (*Opis Jugoslavenkih potasa. Zagreb. 1875*) оказывается, что часть Босны получилъ не Стефанъ Милутинъ, а его братъ Стефанъ Драгутинъ.

и Влахиотской земли или Фессалии. Печальное положеніе имперіи послѣ Михаила Палеолога, умершаго во время похода, предпринятаго противъ Милутина, открывало полный просторъ дѣйствію сербскому завоевателю. Новый императоръ—Андроникъ Старшій, стѣсненный внутренними и внѣшними затрудненіями, не былъ въ состояніи оказать какое-либо сопротивленіе сербскому кралоу и ищетъ съ нимъ примиренія и союза. Удачная борьба на Дунаѣ и дипломатическія сношенія съ Болгарами и Татарами (Ногай), которые въ это время распоряжались въ Болгарскомъ царствѣ, доставили Милутину нѣсколько болгарскихъ земель, именно — Браничевскую область и страну между верховьями Моравы и Стримона, и вмѣстѣ съ тѣмъ большое вліяніе на болгарскія дѣла.

Естественнымъ исходомъ этихъ завоеваній было возвышеніе Сербіи надъ остальными государствами Балканскаго полуострова. Она заключала въ себѣ обширныя земли, которыя по составу населенія не были только сербскими, и представляла собою довольно значительные размѣры. Отсюда понятно, что болгарскій царь и византійскій императоръ ищутъ свиданія съ сербскимъ кралемъ, одинъ въ Терновѣ, другой—въ Солуни. Понятно и то, что Андроникъ жертвуетъ своею семилѣтнею дочерью Симоидою, отдавая ее въ супруги сорокапятилѣтнему Милутину. Самъ краль чувствовалъ свою силу на православномъ Востоцѣ и въ то же время не прочь былъ сойтись ближе съ имперіею, разсчитывая чрезъ союзъ со вселенскимъ царемъ Новаго Рима еще болѣе поднять значеніе своего государства. Оттого со времени его женитьбы на греческой царевнѣ (ок. 1300 г.) начинаются его частыя сношенія съ византійскимъ дворомъ. Оттого онъ не отказываетъ Андронику въ помощи противъ Турокъ и подвиги сербскаго вождя Новака Гребострѣка разносятъ далеко по Малой Азійи славу сербскаго оружія. Можно предполагать, что въ головѣ Милутина уже носился планъ дальнѣйшихъ завоеваній на счетъ имперіи, которымъ только мѣшала опасность со стороны Угріи; но едва ли можетъ быть признана справедливою утвердившаяся въ сербской исторіи догадка, будто онъ серьезно замышлялъ соединить свое королевство съ имперіей и для осуществленія этого замысла вступилъ въ соглашеніе съ императрицею Ириною, которая и обѣщала содѣйство-

вать ему въ занятіи Цареградскаго престола, съ тѣмъ, чтобы ему наследовали ея дѣти. До этого шага Милутину было еще далеко. Затѣмъ, относящееся сюда византійское свидѣтельство (Niseph. Greg. I. VII. с. 5) не даетъ права заключать о подобномъ соглашеніи: изъ него видно только, что Ирина искала поддержки сербскаго краля, намѣреваясь возвести на византійскій престолъ своего сына Димитрія, помимо правъ дѣтей Андроника отъ первой жены. Наконецъ, происшедшіе около того времени переговоры съ неапольскимъ королемъ Карломъ Валуа, который считалъ себя претендентомъ на византійскій престолъ, ясно указываютъ на невозможность существованія у Милутина подобнаго обширнаго замысла. Между ними былъ заключенъ договоръ, по которому сербскому кралю предоставлялась часть греческихъ областей въ томъ случаѣ, если бы Карлъ успѣлъ овладѣть Цареградомъ. Очевидно первому не было нужды вступать въ соглашеніе на подобныхъ основаніяхъ, если онъ дѣйствительно самъ мечталъ о Византіи. Какъ бы то ни было эти сношенія и заискиванія у Милутина и со стороны Византіи, и со стороны неапольскаго короля, еще болѣе уясняютъ важное значеніе завоевательной державы, какое приобрѣтала въ это время Сербія.

Непродолжительное (1320—1331) правленіе преемника Милутинова, Стефана Уроша III, прозваннаго Дечанскимъ, отмѣченное въ началѣ обычными внутренними смутами, въ концѣ ознаменовалось славною побѣдой Сербовъ надъ Болгарами при Вельбуждѣ, послѣдствіемъ которой было полное ослабленіе значенія Болгарскаго царства на полуостровѣ и новое расширеніе предѣловъ Сербскаго королевства на югъ и востокъ. Событія эти произошли при дѣятельномъ участіи сына Дечанскаго, Стефана Душана, будущаго основателя Сербскаго царства, и мы изложимъ ихъ подробно въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же мы только отмѣтимъ приобретенія, сдѣланныя при этомъ кралѣ. Отъ Болгаръ вскорѣ послѣ понесеннаго ими пораженія отошли къ Сербіи города: Нишъ, Дубница, Самаковъ и Ихтиманъ. У Византійскаго же императора Андроника Младшаго, дѣйствовавшаго въ союзѣ съ Михаиломъ болгарскимъ царемъ, были заняты города: Велесъ, Просъвъ (на Вардарѣ, ниже Велеса) Штипъ, Чръшьче и Добрунь.

Такимъ путемъ быстро росло государство Неманичей. При вступленіи на престолъ Стефана Душана предѣлы королевства были уже значительно расширены на счетъ двухъ сосѣднихъ государствъ. На востокъ они доходили до Тимока, Средней-Горы и верховьевъ Искера и Марицы, а на югъ захватывали сѣверныя части Македоніи и Албаніи съ городами Штипомъ, Просѣкомъ и Деврицей. На сѣверѣ только въ Браничевской области (тогда населенной Болгарами), между рр. Млавою и Тимокомъ, Сербія упиралась въ Дунай. Сербскія области на сѣверо-западѣ и западѣ все еще не принадлежали королевству, такъ что на сѣверѣ граница его шла отъ Млавы и среднего теченія соединенной Моравы къ Колубарѣ и Тамнавѣ, а на западѣ по р. Дринѣ и горной странѣ, отдѣлявшей Захолмье отъ Травуніи, которая вмѣстѣ съ Зетой входила въ составъ королевства.

Такимъ образомъ уже предшественники Душана обнаружили увлеченіе завоевательною политикою на юго-востокъ. Посредствомъ этой политики они думали создать новое сильное государство на полуостровѣ. Перейдя за Шаръ-Планину и р. Мораву, естественныя границы сербскаго племени, они указывали будущему основателю Сербскаго царства путь къ приобрѣтенію отерывавшихся за этими границами обширныхъ, плодосныхъ, легко доступныхъ для завоеванія областей. Весьма понятно, что за этими увлеченіями сербскіе краи забыли объ основной задачѣ, поставленной Неманею, т. е. о собираніи земель, составлявшихъ неотъемлемое достояніе сербскаго народа. Западные сербскія области, какъ мы уже сказали, были оставлены ими почти совсѣмъ безъ вниманія. Послѣдствія этого пренебреженія были весьма печальны. Ко времени Душана области эти уже потеряли самостоятельность и подобно Хорватскимъ землямъ были близки къ полному подчиненію латинскому Западу. Мачва (подъ этой назв. разум. и Бѣлградская область), соединявшаяся съ Сербіей на весьма непродолжительное время—при Милутинѣ, теперь опять составляла часть Угорскаго королевства. Той же участи подверглись Босна и Захолмье, которыя при Стефанѣ Дечанскомъ находятся подъ управленіемъ одного бана Стефана Котроманича (1322—1353), поставленнаго Карломъ Робертомъ на мѣсто низложеннаго этимъ послѣднимъ Младена

Шубича. Стефанъ хотя пользуется значительной свободой въ управленіи своими землями ¹⁾, но продолжаетъ считать себя вассаломъ угорскаго короля и дѣятельно помогаетъ ему въ его предпріятіяхъ.

Невыгодныя политическія условія, сложившіяся для этихъ областей, въ разсматриваемое нами время весьма сильно отразились и на ихъ внутреннемъ положеніи. Единство населенія, составляющее самое важное условіе для самостоятельной государственной жизни народа, здѣсь было нарушено въ одной изъ своихъ наиболее существенныхъ сторонъ. Сербскій народъ Босни окончателно принявшій христіанскую вѣру вмѣстѣ со всѣми другими Сербами отъ греческаго православнаго духовенства (въ IX вѣкѣ), теперь былъ раздѣленъ между тремя вѣрами. Католическая пропаганда начавшаяся здѣсь со времени подпаденія страны вліянію и власти Хорватовъ и Угровъ, теперь считала среди Сербовъ не мало вѣрныхъ сыновъ Римской церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Боснѣ была весьма распространена такъ называемая патаренская ересь, явившаяся здѣсь въ концѣ XI вѣка. Католичество не имѣло силъ вести постоянную внутреннюю борьбу съ нею, а православіе переставъ быть вѣрою государственно-господствующею относилось къ ней пассивно. Оттого патаренство или богомилство имѣло здѣсь огромный успѣхъ и было какъ бы третьею народною вѣрою. Сами правители Босни покровительствовали этой ереси и многіе изъ нихъ (конечно тайно отъ своего верховнаго государя и папы) были ея послѣдователями (напр. Нинславъ, Младенъ Шубичъ, Стефанъ Котроманичъ). Впрочемъ православные всетаки составляли большинство населенія; но большинство это было стѣснено въ своей вѣрѣ и ничѣмъ не было обезпечено отъ превращенія въ меньшинство. Православнаго епископа совсѣмъ не было въ Боснѣ; между тѣмъ какъ католическая епископія существовала съ конца XII вѣка. При такой религіозной разъединенности Боснякамъ трудно было самимъ выбиться изъ коленъ зависимости, въ какую

---

¹⁾ Въ грамотахъ онъ называетъ себя: Liber princeps et dominus Bosnae, Ussorae, Salae et plurium aliorum locorum atque Chelmi comes, см. Lucius „De regno Dalmatiae et Croatiae“. I. v. c. 3.

они попали. Безъ сильной поддержки извнѣ они не могли ни образовать своего самостоятельнаго государства, ни применить къ образовавшемуся уже православному Сербскому королевству. То же самое было и въ Захолмѣ. И здѣсь католики и патарены замѣнили часть прежняго православнаго населенія. Разница въ сравненіи съ Босною заключалась только въ томъ, что въ Захлумѣ еще держалась православная катедра, учрежденная еще преподобнымъ Саввою, и не было особой католической епископіи; но этотъ послѣдній недостатокъ съ успѣхомъ восполнялся близостью католическихъ епархій въ Далматинскомъ приморьѣ, въ Сплѣтѣ, Стоиѣ и Дубровникѣ. Вообще со стороны Адриатическаго побережья латинская пропаганда велась весьма дѣятельно и грозила серьезно сербскимъ областямъ. Находившіеся въ предѣлахъ сербскаго племени далматинскіе города Дубровникъ и Которъ, въ XIV вѣкѣ значительно ослабнѣвшіеся, принадлежали миру католическому.

Это болѣе или менѣе значительное распространеніе латинской вѣры въ западныхъ сербскихъ областяхъ составляло обстоятельство, имѣвшее весьма важное вліяніе на ихъ дальнѣйшую судьбу. Оно не только вносило духовный, внутренній разладъ въ самый народъ, но и служило путеводною нитью къ утверженію фактической власти Запада надъ сербскою народностью, какъ она уже давно утвердилась надъ Хорватами. Вмѣстѣ съ этою религіозною рознью и всѣ другія внутреннія и государственныя отношенія въ Боснѣ и Захолмѣ за это продолжительное время обособленной жизни получили свои особныя черты, которыя не могли не затруднять сліянія сѣверо-западныхъ областей съ юго-восточными. Важнѣйшею изъ такихъ чертъ было сильное развитіе здѣсь боярства. Боснійское и захлумское боярство въ силу особыхъ политическихъ условій, въ которыхъ оказались западныя сербскія земли, приобрѣло себѣ еще большую силу и значеніе, чѣмъ боярство въ Сербскомъ королевствѣ, также пользовавшееся немалымъ вліяніемъ: Благодаря частой смѣнѣ правителей Босны и Захолмья, иногда принадлежавшихъ чужой, не сербской народности, бояре здѣсь успѣли образовать крѣпкое сословіе, сумѣвшее обособить свои выгоды и стремленія. Они играютъ главную роль въ политической жизни страны; они собственно вѣдаютъ все управленіе въ ней;

они помогают искателям престола, выставляют имъ соперниковъ и выдѣляютъ изъ себя нѣсколько родовъ, представители которыхъ являются полунезависимыми и богатѣйшими землевладѣльцами. (Тавовы напр. были извѣстны впослѣдствіи — Санковичи, Яблановичи, Храничи и др.). Такимъ образомъ Босна и Захолмье, и между собой не имѣвшія тѣсной политической связи, не представляли и каждая въ отдѣльности крѣпко сплоченнаго государственнаго тѣла. Объединителю сербскихъ земель здѣсь приходилось имѣть дѣло не только съ баномъ, но и съ сильнымъ боярствомъ, не сочувствовавшимъ самодержавной власти краля. Не лишено значенія и то обстоятельство, что тѣсныя связи и сношенія съ Западомъ наложили свою печать на многія явленія внутренней жизни западныхъ сербскихъ областей. Это вліяніе сказывалось и въ образованности, и въ формахъ быта, и въ обычаяхъ проникавшихъ сюда вмѣстѣ съ латинствомъ, что все шло въ разрѣзъ съ византійскимъ вліяніемъ, подъ которымъ главнымъ образомъ находились земли Сербскаго королевства.

Принадлежавшіе сербскому племени острова — Брачь, Хварь, Млитъ и Корчула, какъ уже замѣчено, давно отошли подъ латинское господство. Здѣсь какъ и на всѣхъ почти островахъ Адриатики утвердилась власть Венеціи. Въ XIV в. эта республика снова старается вернуть утраченное было могущество и рѣшительно стремится подчинить себѣ приморскую Далмацію съ ея богатыми, торговыми городами—общинами, которая также какъ Хорватія и Захолмье числилась за угорской короной.

Въ политической зависимости отъ Венеціи и подъ сильнымъ культурнымъ ея вліяніемъ находился въ рассматриваемое время и самый важный, самый могущественный изъ далматинскихъ городовъ—Дубровникъ. Это маленькое оригинальное государство, помѣщавшееся въ предѣлахъ сербскаго племени, именно, въ юго-восточномъ углу Захолмья, постоянно увеличивая свою территорію сербскими землями, по составу населенія все болѣе становится славянскимъ. Ведя обширную торговлю въ значительной части Балканскаго полуострова, Дубровникъ поддерживаетъ самыя тѣсныя, живыя связи съ сосѣдними государствами—Босной и Сербскимъ королевствомъ и въ тоже время ревниво оберегаетъ противъ нихъ свою свободу,

которая однакожь была уже значительно стѣснена Венеціей. Последняя была озабочена не только вышнимъ подчиненіемъ себѣ Дубровника, но и ослабленіемъ его торговаго значенія. Венеціанскіе купцы были недовольны тѣмъ, что торговля во внутреннихъ земляхъ полуострова—т. е. въ Босніи, Сербіи и частью въ Волгаріи находилась главнымъ образомъ въ рукахъ Дубровчанъ и хотѣли и здѣсь также господствовать, какъ они господствовали въ приморскихъ—восточныхъ и западныхъ—частяхъ полуострова.

Таково въ главныхъ чертахъ было политическое бытіе сербскаго народа въ ту эпоху, когда начинается историческая дѣятельность Душана. Народъ сербскій все еще находился въ состояніи партикуляризма, разъединенности. Одна половина его уже составляла самостоятельное государство, которое стремилось къ приобрѣтенію вышнѣшаго могущества путемъ завоеваній на юго-востокъ; а другая, распадаясь на нѣсколько частей, не имѣвшихъ одного общаго центра вела борьбу за свою національную самобытность и не выдерживая этой борьбы уже подпала иноплеменному политическому и культурному вліянію. Такимъ образомъ политическія задачи, какія ставила Душану, какъ преемнику Немани и Милутина вся предшествующая исторія сербскаго народа, были задачи весьма сложныя и трудныя. Съ одной стороны ему былъ указанъ путь къ завоеваніямъ на юго-востокъ, на счетъ другихъ народностей полуострова, а съ другой предстояло спасать западныя сербскія земли и нести знамя освобожденія еще далѣе къ родственнымъ Хорватамъ. Последующія событія, наступившія уже послѣ Душана показали, которая изъ этихъ двухъ задачъ наиболѣе соотвѣтствовала истиннымъ потребностямъ и интересамъ тогдашняго Югославянства и какъ таковая нуждалась въ скорѣйшемъ осуществленіи. Стефанъ же Душанъ сосредоточилъ все свое вниманіе на первой изъ нихъ. Онъ явился продолжателемъ скорѣе Милутина, чѣмъ Немани. Слѣшкомъ мало думая о спасеніи западныхъ сербскихъ областей, онъ задался величавымъ планомъ завоеванія Византійской имперіи и соединенія съ нею своего королевства и выполненію этого плана посвятить всю свою дѣятельность.

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: насколько же подъ силу была эта исполинская задача еще молодому королевству? Такимъ

образомъ является необходимость представить здѣсь, насколько позволяютъ источники, очеркъ внутренняго состоянія Сербіи при вступленіи на престолъ Душана. Въ этой области остается еще много темнаго, неразъясненнаго, еще ожидающаго обнародованія новыхъ матеріаловъ и появленія особыхъ, частныхъ изслѣдованій. Для своей цѣли мы считаемъ достаточнымъ ограничиться здѣсь сообщеніемъ самыхъ общихъ и наиболѣе важныхъ чертъ и неподлежащихъ никакимъ сомнѣніямъ фактовъ.

Мы намѣтили уже предѣлы Сербскаго королевства около 1331 г. Занимая сплошную полосу земли въ срединѣ полуострова, между Дунаемъ и Адриатическимъ моремъ, оно въ пространственномъ отношеніи не много превосходило сосѣднее Болгарское царство, включавшее въ себѣ Дунайскую Болгарію и Забалканскія земли по линію: Средняя-Гора-Эски-Загра-Анхіялъ. Но оно значительно отличалось отъ своего сосѣда разнообразіемъ своихъ этнографическихъ и политическихъ элементовъ. Населеніе въ Сербіи было менѣе однородно, чѣмъ въ Болгаріи. Сербскій народъ численно господствовалъ только въ коренныхъ областяхъ Сербскаго королевства. Земли же, пріобрѣтенныя завоеваніемъ, и лежавшія за Болгарской Моравой и на югъ отъ Полога и Зеты были заселены главнымъ образомъ другими народностями: съ одной стороны Болгарами — народностью, хотя и весьма близкою къ Сербамъ, но тянувшею къ своему политическому центру, съ другой Албанцами и Греками (въ Албаніи, въ городахъ Македоніи) живо помнившими свою непосредственную связь съ Византіей. Сербская колонизація въ Албаніи, Македоніи и за Моравой была еще весьма незначительна.

Въ самыхъ сербскихъ областяхъ королевства были довольно сильны инородческіе этнографическіе элементы. Тутъ нужно упомянуть прежде всего Влаховъ, т. е. остатки романизованнаго туземнаго населенія, которое застали Славяне на полуостровѣ. Въ довольно значительномъ числѣ, подъ различными названіями (Цинцары, Буцовлахи) они и теперь сохраняются какъ въ другихъ частяхъ полуострова, такъ и въ княжествѣ Сербскомъ. Въ средніе вѣка ихъ было гораздо болѣе. По сохранившимся грамотамъ удостоверено для XIV в. значительное распространеніе этого элемента въ предѣлахъ такъ называемой Старой Сербіи. Душанъ въ своемъ

Законникѣ говорить о Влахъ какъ особой народности. Подобно Албанцамъ, Влахи занимались преимущественно скотоводствомъ, почему ихъ имя, также какъ имя Албанца стало тождественнымъ съ обозначеніемъ пастуха. Эта народность находилась въ подчиненномъ, приниженномъ положеніи въ отношеніи сербской, но была близка къ ней по вѣрѣ, ибо исповѣдывала тоже греко-восточное православіе, что и сербская. Рядомъ съ этимъ элементомъ стоялъ другой—пришлый и иновѣрный.

Земли Сербскаго королевства, какъ извѣстно, щедро надѣлены разнообразными дарами природы. Изъ нихъ въ средніе вѣка особенно славилась горныя богатства. Золото, а особенно серебро, олово, мѣдь, желѣзо сербскихъ (Копанникъ, Рудникъ, Ново-Брдо) и боснійскихъ рудниковъ (Крешево, Сребрница, Зворникъ) издавна уже стали привлекать къ себѣ вниманіе иноземныхъ предпринимателей и купцовъ. Въ XIII и XIV в. эти предприниматели съ двухъ сторонъ устремляются въ Сербію: изъ Угрии переселяются нѣмецкіе рудокопы, получающіе у мѣстныхъ славянскихъ жителей имя Саксовъ (Саен); изъ далматинскихъ городовъ—Котора, Сплѣта, Трогира, Задра и особенно изъ Дубровника—купцы-капиталисты и мелкіе торговцы. Дубровчане въ первой половинѣ XIV в. держатъ въ своихъ рукахъ почти всю торговлю Сербіи и Боснии. Не смотря на значительную степень ославяненія Дубровника къ этому времени, представители его старинныхъ торговыхъ фирмъ и аристократія вѣрно держались римско-итальянской культуры и латинской церкви. вмѣстѣ съ Саксами и другими иноземцами, между которыми были и Венеціанцы, и разные итальянскіе купцы, Дубровчане имѣли колоніи во всѣхъ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ Сербіи. Многіе изъ городовъ обязаны были если не своимъ происхожденіемъ, то главнымъ населеніемъ—этимъ иноземцамъ. Такъ—*Рудникъ* (въ горахъ Рудникъ), *Тренче* (въ одной мили на сѣверо-востокъ отъ Вучитрна) знамениты своими серебрянными рудниками и *Новое Брдо* (на юго-востокъ отъ Приштаны) — одинъ изъ самыхъ богатыхъ и населенныхъ городовъ внутри всего полуострова, имѣли вполне иностранный, латинскій характеръ. Какъ эти, такъ и другіе меньшіе горнозаводскіе города состояли изъ укрѣпленнаго замка (cittade, castello) расположеннаго на возвышенности, и

прилежавшей къ нему торговой части. Замокъ служилъ на случай обороны, а торговая часть представляла собою длинные ряды деревянныхъ домиковъ, принадлежавшихъ купцамъ, ремесленникамъ и мастерамъ почти исключительно изъ Саксовъ и Дубровчанъ. Они носятъ или нѣмецкое названіе *burgari* (*Bürger*) или итальянское—*borghesani*. Управление городами этими принадлежало не столько мѣстному владѣльцу — сербскому властелю, сколько сильнѣйшимъ представителямъ колоніи. Сами колонисты, обыкновенно — Дубровчане, были и сборщиками всякихъ торговыхъ пошлинъ, сдававшихся краlemъ имъ на откупъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они занимались своими промыслами и торговыми дѣлами. Кромѣ трехъ указанныхъ, самыхъ главныхъ, пунктовъ иностраннаго населенія по всему королевству было разбросано много мѣстечекъ, изображавшихъ собою ничто иное, какъ колоніи Саксовъ и Дубровчанъ. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ: *Плана* (близъ Студеницы, на правомъ берегу Ибара), *Ковачи* (на востокъ отъ Плана), *Которичи* (на южной сторонѣ Конаоника, въ долинѣ верхней Топлицы), *Остроци* (на юго-западъ отъ Конаоника), *Брвеникъ* (при слияніи Брвеницы съ Лабой), *Янево* (на югъ отъ Приштина) *Брсково* и *Преполье* (на верховьяхъ р. Лима). Въ каждой такой колоніи былъ „латинскій консулъ“ — блюститель ея интересовъ передъ мѣстными правителями. Въ каждой, самой маленькой изъ нихъ, была по крайней мѣрѣ одна католическая церковь. Всѣ эти латинскія церкви въ XIV в. были подчинены которскому епископу. Сербскіе правители высоко цѣнили пользу этихъ пришлыхъ колонистовъ для экономическаго развитія своей стороны и оказывали имъ всевозможное покровительство. И Саксы, и Дубровчане пользовались большими правами и привилегіями. Такъ иноземцамъ-рудокопамъ позволялось безпрепятственно рубить лѣса и распространять свои колоніи всюду, гдѣ предполагались минеральныя богатства. Какъ они, такъ и Дубровчане освобождались отъ многихъ государственныхъ повинностей, имѣли свое самоуправленіе, свой судъ и проч. Сербское населеніе мало сблизилось съ этими пришельцами. Оно относилось къ нимъ съ недовѣріемъ, видя въ нихъ противниковъ своей вѣрн— „Латинякъ“. Притомъ послѣдніе, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ странѣ, на первомъ планѣ ставили свои выгоды и

ради ихъ не стѣснялись эксплуатировать мѣстное населеніе. Они стремились къ захвату въ свои руки всей экономической производительности государства. Отсюда становятся понятными встрѣчающіяся въ источникахъ жалобы дубровницкихъ купцовъ сербскимъ государямъ на грабежи и притѣсненія, коимъ подвергаются въ Сербіи ихъ сограждане. Отсюда же объясняется и попытка Душана ограничить права Саксовъ — рудопромышленниковъ и всѣхъ вообще живущихъ въ Сербіи „Латинягъ“, нашедшая свое выраженіе въ Законникѣ.

Съ разнородностью населенія въ королевствѣ соединялась неодинаковость государственнаго устройства его составныхъ частей. Сербское государство создавалось, какъ мы видѣли, завоеваніемъ. Присоединяя къ своимъ кореннымъ землямъ другія сосѣднія, сербскія и несербскія земли, Неманичи повидимому ограничивались заключеніемъ съ покоряемыми общинами или правителями договоровъ, на основаніи которыхъ оставляли общинѣ или правителю ихъ прежнія права и налагали на нихъ обязанность платить извѣстную дань и доставлять войско. Но если и въ сербскихъ областяхъ вслѣдствіе ихъ продолжительной обособленной жизни устройство сель, общинъ, жупъ, нужно думать, не было совсѣмъ одинаково, то въ земляхъ, завоеванныхъ отъ Болгаріи и Византіи это разнообразіе было еще больше. Между тѣмъ ни одинъ изъ кралей—до Душана, сколько извѣстно, не позаботился придать управленію болѣе однообразія. Въ началѣ XIV в., вслѣдствіе усиленія латинскихъ колонистовъ и недальновидной внутренней политики самихъ кралей, государственное устройство Сербіи обнаруживаетъ отсутствіе строго опредѣленной системы. Послѣдняя не успѣла еще сложиться, а направленіе, по которому она начинала развиваться, не предсказывало ему прочности и для будущаго.

Село, заселье, катунь, градъ, жупа—вотъ единицы государственнаго быта Сербіи, находимыя въ памятникахъ XIV в. Жупа утратила уже значеніе области болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, какое имѣла до XIII в. Теперь подъ этимъ терминомъ обыкновенно разумѣется округъ, состоящій изъ нѣсколькихъ сель. Число городовъ значительно увеличилось. Притомъ они не только играютъ роль административныхъ и военныхъ центровъ для жупъ, но

и имѣютъ свое специальное значеніе—торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ. Но и города, и жупы пользуются самыми разнообразными управленіемъ, стоятъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ къ верховному главѣ государства—краву. Такъ вышеупомянутые города, населенные Саксонцами и Дубровчанами пользовались своимъ широкимъ самоуправленіемъ, въ которомъ представитель королевской власти принималъ весьма слабое участіе. Но были и почти совсѣмъ независимые, также „латинскіе“ города. Это—далматинскія общины Баръ, Которъ, Ульчинъ, Лешъ и Будва, нынѣ представляющія жалкій видъ ничтожныхъ городковъ, а въ XIV в. и позже имѣвшія важное торговое значеніе на Адриатикѣ. Онѣ пользовались такимъ же городовымъ устройствомъ, какое было и въ другихъ городахъ Далмаціи, и на основаніи жалованныхъ грамотъ сербскихъ кралей сохраняли это устройство и съ признаніемъ верховной власти Сербіи. Наконецъ, въ королевствѣ были старыя греческіе города, завоеванныя у Болгаріи и Византіи, каковы напр. Нишъ, Призрѣнъ, Приштина, Скопія. Здѣсь также, вѣроятно, были оставлены старыя порядки, но высшее управленіе вѣдали ближайшіе довѣренныя люди краля. Города эти были любимыми столицами сербскихъ государей.

Трудно опредѣлить съ точностью, какіе именно города стояли въ тѣсной связи съ жупами, служили для нихъ административнымъ центромъ и какіе сами по себѣ представляли государственныя единицы, имѣвшія свое особое управленіе. Равнымъ образомъ, невозможно на основаніи извѣстныхъ доселѣ данныхъ разграничить всѣ жупы и области, на которыя было раздѣлено королевство, а также и отмѣтить особенности этого областного, жупнаго устройства въ разныхъ частяхъ государства соотвѣтственно ихъ различію въ этнографическомъ отношеніи. Несомнѣнно вѣрно лишь то, что большихъ жупанствъ—областей не существовало. Въ данное время въ Сербіи господствовала административная раздробленность. Кравъ, смотрѣвшій на себя какъ на самодержавнаго государя, управлялъ мелкими государственными единицами, изъ которыхъ состояло королевство, т. е. жупами и городами двоякимъ образомъ. Надъ одними изъ нихъ стояли королевскіе наместники—„кефалин“, „владальци градскя“, жупаны, челики. Они назывались

на срокъ и именемъ краля обороняли вѣренную мѣстность противъ непріятеля, собирали дань и различные поборы, судили и проч. Отношеніе ихъ къ населенію управляемаго города или жупы опредѣлялось отчасти королевскими грамотами, отчасти обычаями, которыми особенно ревниво отстаивался принципъ общиннаго самоуправленія. Другими же городами, общинами и жупами правили владетели по праву собственности. Они дѣйствовали отъ своего имени, собирали доходы на себя и передавали свою власть наследственно дѣтямъ. Подчиненіе ихъ кралю состояло въ томъ, что они платили ему извѣстную дань и выставляли по его требованію войско. Такія полунезависимыя владѣнія, какъ и всякая другая недвижимая собственность, назывались *баштинами*. Происхожденіе баштинъ относится къ весьма старому времени. Весьма вѣроятно, что уже при собираніи сербскихъ земель Неманею, нѣкоторые изъ мелкихъ жупанствъ стали баштинами. Съ теченіемъ времени число ихъ начало быстро увеличиваться, ибо сами крали, занятые постоянными войнами охотно раздавали своимъ владетелямъ земли въ собственность, облегчая тѣмъ для себя управленіе ими. Ко времени Душана этотъ послѣдній способъ управленія становился господствующимъ. Временные памѣстники, королевскіе люди постепенно исчезали; на мѣсто ихъ все болѣе появлялось владетелей баштинниковъ.

Отсюда сами собою открываются отрицательныя черты государственнаго устройства Сербіи въ пред-Душановскую эпоху. Въ королевствѣ существовали уже зародыши столь несвойственнаго духу славянскихъ народовъ феодализма и вытекающихъ изъ послѣдняго явленій: господства дворянскаго или боярскаго сословія и порабощенія народной массы.

Краля, верховный глава государства, находился въ большой зависимости отъ многочисленнаго, сильнаго сословія—бояръ. Имѣя въ своихъ рукахъ фактическую власть въ странѣ послѣдніе являются главными двигателями ея политической жизни. Судьбы короля и народа въ ихъ распоряженіи. На соборахъ, которые созываетъ краля для рѣшенія дѣлъ, касающихся всего государства присутствуютъ только бояре-владетели и духовенство. При кралѣ владетели составляютъ нѣчто въ родѣ постояннаго совѣта. Нерѣдко

Неманичи въ домашнихъ источникахъ являются исполнителями воли бояръ. Властели же всегда— главные дѣятели въ кровавыхъ драмахъ и переворотахъ, которыми переполнена исторія дома Неманичей. Душанъ застаётъ бояръ уже сплоченнымъ, вполне сформировавшимся сословіемъ. Они раздѣляются на великихъ и малыхъ, властелей и властеличищъ и ревниво оберегаютъ уже приобретенныя права.

Простой народъ, поселяне, самый многочисленный классъ населенія, съ принятіемъ на сербской почвѣ началъ феодализма, оказывается въ весьма незавидномъ положеніи. Онъ униженъ властельскимъ сословіемъ; человѣческое достоинство поселянна ставится ниже достоинства властелина, что ясно выражено въ законникѣ Душана въ назначеніи неравномѣрныхъ наказаній за одинаковыя преступленія. Этотъ классъ и составляющій собственно народъ лишенъ права голоса въ дѣлахъ государственныхъ; онъ не участвуетъ въ земскомъ соборѣ. Число свободныхъ поселянъ, такъ называемыхъ „себровъ“, жившихъ на своей землѣ и пользовавшихся стариннымъ общиннымъ самоуправленіемъ, значительно уменьшилось. Въмѣстѣ того явился многочисленный классъ людей зависимыхъ: меропковъ, сокальниковъ, кметовъ, которые сидятъ на земляхъ, принадлежащихъ краю, властелямъ и церкви. Большая часть этихъ поселянъ не имѣютъ прямого отношенія къ государственной власти. Они платятъ подати и справляютъ барщину въ пользу владѣльцевъ земли, на которой живутъ и которую обрабатываютъ, а тѣ ими управляютъ, ихъ судятъ. Впрочемъ большею частью эти зависимые люди сохраняютъ право перехода, переселенія отъ одного землевладѣльца къ другому. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ XIV в. находимъ ясныя указанія на закрѣпощеніе народа. Властели, становясь баштинниками, перенося на себя права государственной власти, начинаютъ тѣснить зависящихъ отъ нихъ поселянъ и наконецъ добиваются прикрѣпленія ихъ къ землѣ. Такимъ образомъ мы застаемъ сословіе отроковъ, людей лишенныхъ права свободного перехода. Въ сербскихъ жалованныхъ грамотахъ первой половины XIV в. нерѣдко говорится о людяхъ, какъ о прочихъ принадлежностяхъ сель. Наконецъ въ Сербіи были и рабы, т. е. люди безусловно лишенные личной свободы.

Кромѣ властелей большимъ значеніемъ и вліяніемъ въ Сербіи пользовалось духовенство, особенно высшее. На земскомъ соборѣ оно было непремѣннымъ представителемъ, занимало первыя мѣста. Архіепископъ принималъ серьезное участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Церковное устройство, начало которому положено св. Саввой, было поставлено въ Сербіи широко. При Стефанѣ Дечанскомъ въ королевствѣ было 15 епископій и митрополій, подвѣдомственныхъ печскому архіепископу. Вся страна усѣяна множествомъ церквей и монастырей (особ. замѣчат. Студеница, Жича, Милешево, Дечаны, Печь). Крали сербскіе и властели отличались благочестіемъ и усиленно благотворили церкви. Сербскія церкви и монастыри владѣли огромною поземельною собственностью. На церковныхъ земляхъ жили массы меропковъ и отроковъ.

Сельскій людъ былъ главной тягловой, податной силой государства. Кромѣ земельной подати — „сока“ и барщины, которую несли меропки и отроки, было много государственныхъ повинностей, какъ „приселица“ (постоянная пов.), „псарь“, „соколяр“, „градозиданіе“ и проч. Властели вносили только „сокъ“, который, конечно собирали со своихъ крестьянъ; главная, лежащая на нихъ повинность — была воинская. Войско выставлялось боярами-властелинами, которые набирали его изъ своихъ людей. При господствующей наклонности значительной части сербскаго народа къ мирнымъ земледѣльческимъ и пастушескимъ занятіямъ, военныя дружины, повидимому не легко составлялись. Своего войска не всегда бывало достаточно. Крали держатъ при себѣ наемные отряды изъ иноземцевъ. У Милутина служатъ Татары и Турки подъ начальствомъ Мелекаля; у Стефана Дечанскаго — Итальянцы, навербованные Дубровчанами; у Душана мы увидимъ наемныхъ Германцевъ. Войско сербское состояло изъ пѣхоты и конницы, и было хорошо вооружено.

Экономическая производительность королевства была въ цвѣтущемъ положеніи, но она эксплуатировалась иноземцами. Почти вся сербская торговля, какъ уже замѣчено, находилась въ чужихъ рукахъ. Торговня пошлины составляли одну изъ самыхъ важныхъ статей дохода края. На богатую казну краля и властелей, между прочимъ, указываетъ масса великолѣпныхъ построекъ — церквей,

монастырей и дворцовъ, воздвигаемыхъ въ правленіе кралей Мп-лутина и Стефана Дечанскаго. Оказываются значительныя средства и сокровища для церковнаго благотворенія не только въ предѣлахъ своего государства, но и въ дальнихъ центрахъ православія—на Аеоиѣ, въ Цареградѣ и Палестинѣ. Это матеріальное довольство и благосостояніе высшаго сербскаго сословія, конечно, составляло рѣзкій контрастъ съ угнетеннымъ, бѣдственнымъ положеніемъ безправнаго простаго народа.

Въ культурномъ отношеніи Сербское королевство въ данное время находится подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи. Вліяніе это началось издавна, съ самаго поселенія Славянъ, образовавшихъ сербскую народность, въ предѣлахъ имперіи, а особенно съ принятія ими христіанства. Со времени основанія Сербамъ самостоятельнаго государства оно не только не уменьшилось, а усилилось. Сербскіе крали состояли нерѣдко въ родствѣ съ византійскимъ императорскимъ домоу; греческія царевны приносили съ собою въ Сербію византійскіе обычаи и порядки, византійскую образованность. Стремленіе Сербовъ къ завоеваніямъ на юго-востокѣ, и приобрѣтеніе ими части Македоніи и Албаніи, гдѣ мѣстами, особенно въ городахъ, встрѣчалось греческое поселеніе, открывало имъ возможность ближайшаго ознакомленія съ византизмомъ. Но болѣе всего тѣснымъ, живымъ общеніемъ съ Византіей—этимъ вселенскимъ городомъ, сербскій народъ обязанъ своей церкви, своему духовенству. Значительная часть представителей послѣдняго была греческаго происхожденія или же получила византійское образованіе. Въ этомъ отношеніи особенно важную роль играютъ Аеои—общая святиня всего греко-славянскаго міра. Знаменитая сербская Хиландарская лавра, находившаяся въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ съ остальными аеоискими греческими монастырями, служила одновременно и главною школою, откуда выходили пастыри церкви на все королевство, и если не единственнымъ, то самымъ важнымъ центромъ сербской литературы и письменности. Въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ, она дала сербскому народу извѣстнаго Даниіла II, послѣдняго архіепископа сербскаго (1323—1337) и автора т. н. „Цароставника“ или „Родослова“, т. е. сборника (или части его) житій сербскихъ

кравей и архієпископовъ. Весьма любопытно было бы изслѣдовать всѣ проявленія византійскаго вліянія на сербскій бытъ и образованность. Такой трудъ до сихъ поръ еще не сдѣланъ и едва ли еще возможенъ въ настоящее время: для него требуется еще не мало подготовительныхъ работъ. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ XIV в. это вліяніе сказывалось уже весьма осязательно: его можно прослѣдить и въ экономическо-соціальному устройству королевства, напр. въ податной системѣ, и въ обычаяхъ и должностяхъ королевскаго двора, и въ законодательствѣ свѣтскомъ и духовномъ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ (архитектура, живопись) однимъ словомъ во всемъ томъ, что принято включать въ понятіе образованности. Мы не можемъ здѣсь касаться и другаго не менѣе любопытнаго вопроса—о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ этого вліянія; онъ также требуетъ своего спеціального внимательнаго изученія. Намъ приходится только еще разъ повторить, что въ данную эпоху Сербское королевство, несмотря на свою политическую независимость, въ культурномъ отношеніи отражало въ себѣ сильное воздѣйствіе византійскихъ началъ. Ничего особенно замѣчательнаго, отличающагося оригинальностью, цѣльностью, сербскій народъ не успѣлъ еще выработать; для этого ему не хватало силъ, именно вслѣдствіе его раздробленности.

На ряду съ этимъ сильнымъ, вполне понятнымъ и естественнымъ, вліяніемъ византійскимъ въ Сербское королевство успѣло уже проникнуть и другое вліяніе — западное, „латинское“. Оно шло сюда, какъ уже сказано, со стороны Угріи и Адриатическаго приморья вмѣстѣ съ нѣмцами, итальянскими и далматинскими купцами, ремесленниками и промышленниками. Большинство населенія королевства (Сербами, Болгарами, Влахами, Греками), это вліяніе встрѣчалось не съ сочувствіемъ, но тѣмъ не менѣе, благодаря настойчивости и умѣнью его проводниковъ, оно все глубже пускало корни на свѣжей, еще рыхлой славянскои почвѣ. Главнымъ образомъ оно сказывалось въ усиленной пропагандѣ католицизма. Число католическихъ церквей въ Сербіи было весьма значительно. Въ Призренѣ, любимой столицѣ будущаго сербскаго царя Душана, ихъ было двѣ. Это вторженіе западныхъ началъ, „латинства“, въ молодое, еще не вполне сформировавшееся сла-

внское государство заслуживаетъ вниманія, ибо и здѣсь оно могло имѣть значеніе подготовительнаго средства для осуществленія исконныхъ властолюбивыхъ стремленій Запада въ отношеніи Востока, что въ свою очередь необходимо имѣть въ виду, дабы составить ясное понятіе о ви́шнемъ и внутреннемъ положеніи Сербскаго королевства въ разсматриваемое время. Въ первомъ выпускѣ своихъ изслѣдованій, посвященномъ Византіи, мы привели уже факты, изъ которыхъ видно, что антагонизмъ и вражда между міромъ западнымъ — латинно-германскимъ и міромъ восточнымъ — греко-славянскимъ, столь обострившіеся въ началѣ XIII вѣка, не прекратились, да и не могли прекратиться въ XIV вѣкѣ. Изъ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія читатель получитъ возможность убѣдиться, что въ умахъ Запада въ отношеніи Сербскаго народа и Сербскаго государства господствовало тоже враждебное настроеніе, какое проявлялось въ отношеніи Грековъ и Византіи; и противъ Сербіи, какъ члена все того же ненавистнаго восточно-православнаго міра строились подобныя же коварныя планы завоеванія и порабощенія, какіе уже не разъ были приложены въ отношеніи верховной главы этого міра. Здѣсь въ подтвержденіе своего положенія мы считаемъ достаточнымъ ограничиться приведеніемъ весьма характерной выписки изъ любопытнаго сочиненія французскаго путешественника по Востоку, аббата Брокара, ближайшаго современника занимающей насъ эпохи, человѣка весьма умнаго и близко знакомаго съ Востокомъ. Сочиненіе это, носящее въ латинскомъ оригиналѣ заглавіе „Directorium ad passagium faciendum ultra mare“ написано въ 1332 году и, слѣдовательно, прямо относится къ тому времени, о которомъ мы теперь говоримъ. Приведемъ эту выписку въ заключеніе настоящей главы тѣмъ охотнѣе, что она можетъ служить поясненіемъ и дополненіемъ къ предложеннымъ нами общимъ замѣчаніямъ о состояніи Сербскаго королевства предъ началомъ дѣятельности Душана. Если и принять во вниманіе, что сочиненіе Брокара не лишено извѣстной тенденціозности, и что авторъ, быть можетъ, намѣренно преувеличиваетъ слабость Сербскаго королевства, тѣмъ не менѣе сущность изложеннаго имъ взгляда на положеніе дѣлъ въ Сербіи остается вѣрною. Въ общемъ оно было дѣйствительно не блестяще. Возвышеніе

королевства было возвышеніе условное; оно объясняется прежде всего благоприятными внѣшними обстоятельствами; внутри себя оно носило слишкомъ мало задатковъ прочности и силы.

Поставивъ задачей своего труда—сломить французскаго государя Филиппа VI Валуа къ снаряженію новаго крестоваго похода на Востокъ, Брокаръ доказываетъ ему необходимость завоеванія Византин и Сербскаго королевства, при чемъ даетъ слѣдующее описаніе послѣдняго: „Въ Сербіи, говоритъ Брокаръ, нѣтъ укрѣпленныхъ городовъ, окруженныхъ рвами и стѣнами; дома и дворцы какъ короля, такъ и бояръ выстроены изъ дерева; нигдѣ я не видѣлъ каменнаго дома или дворца, кромѣ латинскихъ городовъ, что стоятъ при морѣ. Это государство изобилуетъ хлѣбомъ, виномъ и скотомъ, богато потоками, ключами и рѣками; въ немъ есть и лѣса, и горы, и равнины, и долины; впрочемъ: все, что есть тамъ, все прекрасно, особенно въ странѣ, прилегающей къ морю. Въ Сербіи пять золотыхъ рудниковъ и столько же серебрянныхъ, въ которыхъ непрестанно работаютъ рудокопы; кромѣ того есть смѣшанные золото-серебрянные рудники — въ различныхъ мѣстахъ. Лѣса также превосходны. Кто овладѣетъ этой землей, тотъ пріобрѣтетъ драгоцѣннѣйшее сокровище нинѣшняго вѣка. Это государство легко завоевать, ибо въ немъ живутъ два народа: одинъ Арбанасы, другой Латини, и оба повинуются латинской церкви. Латини имѣютъ шесть городовъ и столько же епископій. Первая называется Варъ, гдѣ пребываетъ архіепископъ; затѣмъ идутъ: Которъ, Ульчинъ (Ольгунъ), Свачъ, Скадаръ, и Дивра; всѣ живущіе здѣсь горожане суть Латиняне. Во войскъ этихъ енархіяхъ есть в Арбанасы, которые имѣютъ также и своихъ четыре города: Великій и Малій Пулатъ, Саву и Албанъ, и всѣ они, какъ и жители названныхъ шести латинскихъ городовъ подчинены архіепископу Барскому. Нужно и то также знать, что Арбанасы говорятъ другимъ, отличнымъ отъ латинскаго языкомъ, но книги имѣютъ латинскаго письма. Арбанасы довольно сильное племя: могли бы выставить на боевое поле болѣе 15,000 всадниковъ; одѣваются они по обычаю своей земли, весьма храбры и прекрасные воины. Оба народа, Латини и Арбанасы, находятся подъ невыносимо тяжелымъ ярмомъ гнуснаго и отвратительнаго славянскаго владыче-

ства. По истинѣ это — поработанные народы; духовенство ихъ угнетено, епископы и аббаты заточаются въ темницы, церкви закрываются, монастыри разоряются. Всѣ они и каждый изъ нихъ готовы пожертвовать своей силой и кровью противъ упомянутыхъ Славянъ; всѣ они желаютъ, чтобы пришелъ къ нимъ кто-либо изъ французскихъ принцевъ, и принялъ надъ ними предводительство противъ упомянутыхъ проклятыхъ Славянъ, враговъ правды и нашей вѣры. Воистину 1,000 французскихъ всадниковъ, да пять—шесть тысячъ пѣхоты, при помощи Арбанасовъ и Латинянъ овладѣли бы этой державой, какъ она ни велика“¹⁾.

---

¹⁾ Monuments pour servir à l'histoire des provinces de Namur, de Hainaut et de Luxemburg. Tome IV. Bruxelles, 1846, p. 423—425.

~~~~~

Перечень важнѣйшихъ источниковъ и пособій, которыми воспользовался авторъ при составленіи настоящей главы:

Источники:

- 1) Византийскіе лѣтоисцы: Константинъ Порфирородный, Иоаннъ Скилица, Георгій Кедринъ, Иоаннъ Зонара, Анна Комнина, Иоаннъ Киннавъ, Никита Хонскій, Георгій Акрополитъ, Пахимерь, Никифоръ Григора, Иоаннъ Кантакузинъ (Бониск. изд.).
- 2) Сербскія лѣтоиски: а) въ изданіи Шафарика — *Řemátky dřevního písemnictví Jihoslovansků. Vydání druhé. v Praze 1873*; б) въ изд. *Гласникъ српскогъ ученогъ друштва* кн. I, V, X, XI, XXI, XXXII, XXXV. в) *Дуклянская летопись* изд. Стрѣбића. Popa Dukljanina Letopis po latinsku i toga nekoliko još nešto po hrvatsku. 1874.
- 3) Сербскія житія: а) Житіе св. Симеона и Савина—въ изд. Шафарика (*Řemátky*) и Даничића: Живот св. Саве и Симеуна; б) Житіе Стефана Дечанскаго — *Гласникъ* XI, и *Arhiv za povjestnici jugoslavenski* кн. IV; в) Житіе воти краља и архиепископа српскихъ написао Архиепископъ Данило и други, на свиѣтъ издало Ђ. Даничић. У Загребу 1866. См. также Домаћи извори за српску историју, уредно Иванъ Павловић: Житија краљ сръбскихъ. 1877.
- 4) Хроника Томы Сплѣтскаго: *Historia Salonitana* въ изд. Швандтнера *Scriptores regum Hungaricarum*, Т. III.—Хроника Микхи Мадія „*De gestis Romanorum imperatorum et pontificum summorum*“, Швандтн. Т. III.
- 5) Дубровницкіе лѣтоисцы: а) Отрывки лѣтоисей въ кн. Макушева: *Объ историческыхъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника*. Спб. 1867. б) *Seraf. Razzi La storia di Raugia scritta nuovamente in tre libri*. In Lucca. 1595.

- в) Мауро Орбини Il regno degli Slavi. Pesaro. 1604. г) Giacomo di Pietro Luccari Copioso ristretto degli annali di Rausa libri XI in Venetia. 1605. д) Giugno Resti Chroniche di Ragusa—неиздан. По рукописи, сообщенной проф. В. И. Ламанскимъ.
- 6) Венецианские летописцы: а) Iohannis Chronicon Venetum (Periz VII). б) Andr. Dandolo. Chronic. Venet. (Muratori Script. r. Italic. T. XII). в) Marino Sanuto Vite dei duchi di Venezia (Muratori XXII).
- 7) Сербские и греческие грамоты, хрисовулы и документы. а) Карано-Твртковичъ Сербскія споменници или стари рисовугъ, дипломе, повесть и пр. Бѣлградъ. 1840. — б) Авраамовичъ. Описание древностей Сербски у Светог Горн. У Београду 1847. — в) Миклошичъ Monumenta Serbica. Viennae. 1858. — г) Медо Пуцичъ Споменници Српски кн. II. 1863. — д) Шафарикъ Рамátку и пр. — е) Арх. Леонидъ Историческое описание сербской царской Лавры Хиляндара М. 1867. — ж) *Акты* русскаго на св. Афонѣ монастыря св. Пантелеимона. Киевъ. 1873. — з) К. Н. Сава. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη I. 1872. — и) *Афонскіе акты* и фотографическіе снимки съ нихъ въ *собранияхъ* П. И. Севастьянова. Спб. 1880. — н) Отдѣльныя грамоты въ периодическихъ изданіяхъ: въ „*Гласникъ*“ (кн. VII, XI, XIII, XV, XX, XXIV, XXVI, XXVII, XXXII); въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей*, въ *Запискахъ Акад. наукъ* (Т. III) и др.
- 8) Латинскіе и итальянскіе документы: а) *Венецианскаго архива*: S. Ljubić Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium Vol. I, II III. Zagrabiae. 1868—1873. б) *Дубровницкаго архива*: Monumenta Ragusina. Zagrabiae. 1879. в) *Ватиканскаго архива*: Theiner Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia. T. I. Romae. 1868. и Vetera monumenta historica Hungarum sacram illustrantia t. I. г) В. Макушева Итальянскіе архивы и хранящіяся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — Спб. 1872. д) Kukuljević-Sakcinski Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Vol. I. Zagrabiae. 1874. — е) Rački Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia. Zagrabiae. 1877. и *Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti*. Knj I. — ж) Fejér Codex diplomaticus Hungariae. з) Въ старихъ сочиненіяхъ: Raynaldus. Annales ecclesiastici. Romae. 1646—1676; Farlati Illyricum Sacrum; Assemani Calendaria ecclesiae universae. Romae. 1755.
- 9) *Закононикъ Стефана Душана*. По изданіямъ 1) Новаковича „*Закононикъ Стефана Душана цара српскаго*“. 1349 и 1354 у Београду 1870; 2) Зигеля *Закононикъ Стефана Душана*. Спб. 1872. и 3) по двумъ неизданнымъ спискамъ, найденнымъ В. И. Григоровичемъ и хранящимся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.
- 10) Разнородные сербско-хорватскіе историческіе и литературные памятники преимущественно въ изданіяхъ: *Гласник српског ученог друштва*, *Starine* (изд. Югослав. Академ.), *Arhiv za povjestnicu jugoslavensku*, *Српски Летопис* и др.
- 11) Сербскія эпическіе пѣсни преимущественно въ изд. Вука Караджича и Петрановича.

Пособія:

- Appendini. Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura dei Ragusei. Ragusa. 1802.
- Ami Boué. La Turquie d'Europe. Paris. 1848.
- Blau Reisen in Bosnien und der Hertzegowina. Wien. 1877.
- Begičić. Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. U Zagrebu 1874. — Pisani zakoni na slovenskom jugu. U Zagrebu 1872.
- В. Г. Васильевскій. Изъ исторіи Византии въ XII в. (*Слав. Сборн.* Т. II, III).
- Голубинскій. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской. М. 1871.
- В. И. Григоровичъ. Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. 2-е изд. М. 1873. — О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Казань. 1859 г.
- А. Э. Гильфердингъ. Собраніе Сочиненій. Т. I, III. 1868—1878 г.
- К. Я. Гротъ. Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербяхъ и Хорватахъ. Спб. 1880.
- Hahn. Albanesische Studien. — Reise von Belgrad nach Salonik — 2-te Ausgabe. Wien. 1868. — Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar. Wien. 1869.
- Даничичъ. Рѣчки изъ кнѣжескихъ старина српскихъ у Биограду. 1868.
- М. Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. М. 1872. — Южные Славяне и Византия въ X в. М. 1875. (а также въ *Чтеніяхъ М. Об. Ист. и Др.* 1872 г. и 1875).
- Dümmler. Aelteste Geschichte der Slaven in Dalmatien въ *Sitzungsberichte d. Acad. in Wien.* 1856.
- Engel. Geschichte von Serbien und Bosnien. Halle. 1801.
- W. Jagić. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. U Zagrebu. 1867. — Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung (*Archiv für slavische Philologie.* 1876. Bd. II. Hf. I). — Винодольскій законъ. Спб. 1880 г.
- Jukić. Zemljopis i povjestnica Bosne. Zagreb. 1851.
- K. Jireček. Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag. 1877. — Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters. Prag. 1879. — Wlachen und Maurowlachen in den Denkmälern von Ragusa (*Sitzungsberichte der Kgl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften* 1879.). — Исторія Болгаръ. Перев. Бруна и Палаузова. Одесса. 1878.
- Kanitz. Serbien. Historisch-ethnographische Reisetudien aus den Jahren 1859—1868. — Reise in Südserbien und Nord-Bulgarien, ausgeführt in j. 1864.
- Катанчичъ. Спомен Биограда, негдашней Сингадуна (*Гласник V*).
- В. Качановскій. Сербскія житія и дѣятели какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ XIV и XV вѣкахъ (*Славянск. Сборникъ.* Т. III).
- Ковачевичъ. Неколико хронологическихъ исправленій у српској исторіи (*Годишница Николе Чутића* Год. III. 1879).
- Косановичъ. Српске старине у Босни (*Гласник XXIX и XXXVIII*).

- Крстић. Разматрања о Душановом Законику (*Гласник* VI). — О старим српским правима (*Гласник* IX, XI). — Историја српског народа.
- Kukuljević. Putno Uspomene iz Hrvatske, Dalmacije, Albanije, Krla i Italije. U Zagrebu. 1867 и 1878. Много статей и замѣтокъ въ издаваніи этого автора: *Arhiv za povjestnici jugoslavenski*, 1851—1872.
- В. И. Ламанскій. О Славянахъ въ Малой Азии и пр. Спб. 1859. — Сербія и южнославянскія провинціи Австріи. Спб. 1864. — Объ историческомъ изученіи Греко-славянскаго міра Спб. 1871. — Видные дѣтели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв. (*Славян. Сборн.* Т. I. 1875).
- Lucius. De regno Dalmatiae et Croatiae (Швабтнеръ. *Script. r. Hungaric.* Т. III).
- S. Ljubić. Ogdalato književne poviesti jugoslavenske 1869.—Pregled hrvatske poviesti U Rieci 1864. — О одноѣяких дубровацке са мѣтаѣком republicom tja' do god. 1858. u Zagrebu 1868. (*Rad.* V).—Opis jugoslavenskih novaca. U Zagrebu. 1875.
- А. Майковъ. Историја сербскаго языка по памятникамъ писаннымъ кириллицею въ связи съ исторіею народа. М. 1857. — О земельной собственности въ Сербіи (*Чтенія Моск. Общ. ист. и древн.* 1860. I).
- В. Макушевъ. Объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867. — Историческія разсканія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка. Варшава. 1871. — О проишъ въ древней Сербіи (*Журн. Мин. Нар. Просвѣтн.* 1874. II).
- Matković. Prilozi k trgovačko-političkoj historiji republike Dubrovačke (*Rad.* XIII. XV). — Putovanja po Balkanskom poluotoku za srednjega vieka (*Rad.* XLII).
- Масіејевскі. Historia prawodawstw Słowian'skich, 2-е изд. 1858—62.
- Мијатовић. Финанције српскогъ краљевства у XIII и XIV в. (*Гласник* XXV, XXVI). — Студије за историју српске трговине (*Гласник* XXXIII, XXXVІІ, XXXVIII).
- Мишићевић. Кнежевина Србија. Београд. 1876. — Метеорски монастири (*Гласник* XVIII).
- Никетић. Насртава римскихъ папа на српску и хрватску цркву (*Гласник* XXIII). — Историски развитакъ српске цркве (*Гласник* XXVII, XXXI).
- Николаевић. Коменовке или народне песме о српскомъ Коменниа. — Србски Коменни (*Гласник* XI, XII XIII).
- Новиковић. Историја српске књижевности. 2-е изд. 1871. — Земљинте радње Немањине (*Годишњица Николе Чутића* I. 1877). — Brskogo, Danj i carina u svetoga Sprasu i pulovi s Jadranskoga primorja u stare srpske zemlje (*Rad.* 1876); — Ново Брдо и Врањско Поморавље у историји српској XIV и XV века (*Годишн. Ник. Чутића* III. 1879). — Српске области X и XII века (*Гласник* XLVIII. 1880).
- Павловић. Неколико хроноложскихъ питања из српске историје (*Гласник* XLVIII).
- Петрановић. О гобству (*Rad* XVI). — О праву наслѣдства код Srba (*Rad* XXIII). — О кметству по арбакомъ обіѣзномъ праву, по уставамъ Душановимъ и по статутамъ Далматинскихъ градова. — Богомили црква Бесаньска и крстјани. 1867.
- Petter. Dalmatien. Gotha. 1857.
- Fr. Račkí. Ocjena starijih izvora (*Književnik* 1864. I). — Biela Hrvatska i Biela Srbija (*Rad.* LII). — Bogomili i Patarani. (*Rad* VII, VIII, X); — Borba jažnih Slovencu za državnu neodvisnost u XI vieku (*Rad* XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXX,

XXXI). — Iztraživanja u pismarab i knjižnicah Dalmatinskih (*Rad* XXVI) и множество частныхъ изслѣдованій по хорватской исторіи — преимущественно въ изд. *Rad*.

Риштић. Србски у царској библиотеки Паризској налазећи се рукописи. — О исторической важности упомена стара путника неки, који су кроз Србију прошли (*Гласник* VI).

И. л. Руварац. Прилози к objašnjenju izvora српске историје (*Гласник* XLVII, XLIX).

Roskiewiç. Studien über Bosnien und die Herzegovina. 1861.

Смирновъ. Очеркъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ. Казань. 1880 г. — Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи съ XII до половины XIV в. Казань 1881.

P. J. Šafařík. Slovanské starožitnosti. v. Praze. 1837.—Geschichte der Südslawischen Literatur. Th. III. Prag. 1865.

Schweiger-Lerchenfeld. Bosnien u. s. w. Wien 1878.

Ө. Успенскій. О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878. Сентябрь).

II.

Біографическія свѣдѣнія о Душанѣ. Обстоятельства вступленія его на сербскій престолъ.

Стефанъ Душанъ *Сильный* принадлежитъ къ числу историческихъ личностей, которыя уже съ первыхъ шаговъ жизни оказываются среди условій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Его дѣтство, юность, вступленіе на престолъ отмѣчены событіями, которыя должны были оказать не маловажное вліяніе на складъ его характера, на выработку извѣстныхъ стремленій, на направленіе всей его государственной дѣятельности. Извѣстные доселѣ источники представляютъ немного данныхъ для освѣщенія этой первой поры жизни и дѣятельности будущаго сербскаго царя, но тѣмъ болѣе они имѣютъ значеніе. Соберемъ ихъ здѣсь въ одно цѣлое.

Неманичъ по отцу, Стефанъ Душанъ происходилъ отъ матери болгарки. Около 1294 г. король Милутинъ, для лучшаго упроченія мира съ болгарскимъ царемъ Смилцою, просваталъ его дочь ¹⁾, имени которой не сохранилось, за своего сына Стефана Уроша III, тогда только что вернушагося отъ Ногай, изъ татарскаго полона. Отъ этого брака около 1308 г. родился знаменитый впоследствии сербскій царь ²⁾. Не болѣе трехъ лѣтъ было малюткѣ, когда онъ

---

¹⁾ Даничић. Животи краљева и архиепископа српскихъ. Написао арх. Данило и други. у Загребу 1866 г. стр. 124. Тронеиска лѣтопись въ *Гласникъ Српског ученог друштва*. V. 58.

²⁾ Годъ рожденія Душана приблизительно вѣрно опредѣляется изъ свѣдѣтельства современника, близка знавшаго сербскія дѣла, историка Григоря, который говоритъ, что Душану въ моментъ исполненія его преступнаго замысла противъ отца

долженъ былъ сдѣлаться свидѣтелемъ и участникомъ страшнаго несчастія, постигшаго его отца и всю ихъ семью и заставившаго его провести дѣтство не въ родной Зетѣ, которую Милутина выдѣлилъ его родителямъ тотчасъ послѣ ихъ свадьбы, а на чужбинѣ, въ неволѣ у Грековъ. Сербскіе источники расходятся въ объясненіи обстоятельствъ, вызвавшихъ эту драму въ королевской семьѣ. Одни ¹⁾ видятъ причину разлада между отцемъ и сыномъ въ клеветѣ и просяхъ Симониды, послѣдней жены Милутина, домогавшейся, по настоянію своей матери устранения пасынка Уроша отъ престола; другіе—какъ архіеп. Даниль ²⁾, указываютъ на властелей, которые будто бы подняли молодаго Уроша на отца, но несумѣли его поддержать. Намъ кажется, что оба эти объясненія имѣютъ свою долю основательности и не исключаютъ одно другаго. Выше мы упомянули уже о тѣсномъ сближеніи Милутина съ Византією,

---

шелъ двадцать третій годъ (ἦν αὐτῷ καὶς δεύτερον τριηκῆντα καὶ εἰκοστὸν παραλάττων ἔτος, ἐν ἧ ἐτέρας τετάρτηκα ἑπτακῆς. Nicephor. Gregorae Historia Bysant. Ed. Bonn I. IX. с. 12. Vol. I p. 456). Этотъ переворотъ произошелъ, какъ увидимъ, въ 1381 г.; слѣдовательно рожденіе Стефана Душана должно приходиться на 1308 или 1309 г. Въ сербскихъ лѣтописяхъ, которыя всѣ, относительно говоря, поздняго происхожденія, именно въ *Копричичской* (1453 г.) и *Сеченичской* (1501 г.) (въ изданіи Шафарика: *Památky dějného písemnictví Jihoslavanův. Vydání druhé, v Praze. 1873. 53, 71*) и въ хроникѣ Юрія Бранковича (*Arhiv za povéstnici jugoslavenski. Uredio Kukuljević Sakcinski. III. 13*) рожденіе Душана отмѣчается подъ 1312 г. Последняя дата несомнѣнно ошибочна: въ 1312 г. Стефанъ Дечанскій былъ уже съ сыномъ въ Константинополѣ и имѣлъ другаго сына Душицу; оба сына по согласному свидѣтельству двухъ биографовъ Стефана Дечанскаго,—діакона Данила, продолжателя извѣстнаго составителя сербскихъ житій Архіепископа Данила, и Григорія Цамблака, сопровождали отца въ его изгнаніи, и слѣдовательно должны были явиться на свѣтъ еще въ Сербіи. Первый изъ нихъ говоритъ (Даничичъ „Животи“ стр. 168): „и вѣдасть и ѿ славныи градъ Коньстантинъ съ двумя сынома сею Доушаномъ и Доушицею; а второй (Житіе Стефана Оуроша г списано Григоріемъ Мнихомъ („Гласник“ XI стр. 50): „Тоже ѿ тоуду въ Коньстантинъ градъ послаеть се заточенъ бивъ, тако и съ двоима иго дѣти“.

¹⁾ „Житіе Дечанскаго напис. Григоріемъ Цамблакомъ (*Гласник* XI. 45—48), Родословіе Сербскихъ царей (*Гласн. XXI. 244*) и Троишская лѣтопись (*Гласн. V. 66*).

²⁾ „Животи“ 124.

со времени его брака съ дочерью императора Андроника. Если мы и отказались тамъ допустить справедливость догадки о дѣйствительномъ существованіи плана соединенія Сербскаго королевства съ Византійскою имперіею въ одно цѣлое, подъ однимъ главою, то тѣмъ не менѣе не можемъ не признать, что вліяніе византійской партіи при сербскомъ дворѣ было велико. Частныя сношенія императрицы Ирины съ сербскимъ краемъ и посылка къ нему обохъ ея сыновей должны были выдвинуть въ Сербіи значеніе пришлаго греческаго элемента ¹⁾. Опираясь на это значеніе и находясь подъ вліяніемъ матери, которая хлопотала о передачѣ права на сербскій престолъ въ потомство дочери, или одному изъ своихъ сыновей, Симонида, очень вѣроятно, дѣйствительно вооружала мужа противъ Уроша. Но съ другой стороны совершенно естественно, что сербскіе власти, привыкшіе властвовать въ странѣ, питали неудовольствіе противъ краля, за его сближеніе съ иностранцами и подстрекали сына къ сверженію отца, указывая на опасность потери престола. Какъ бы то ни было, дѣло дошло до открытаго разрыва: Стефанъ Дечанскій поднялъ возстаніе. Милутинъ съ войскомъ явился въ Зету; Стефанъ бѣжалъ за Бонну, но вскорѣ смирился и пришелъ къ отцу съ повинною. По совѣту вельможъ, между которыми были вѣроятно греки, Милутинъ не рѣшился оставить сына на свободѣ; онъ велѣлъ заковать его и отправить въ Скопле. Спустя немного времени сюда прибыли вѣ-которые изъ „возлюбленныхъ“ краля и ослѣпили юнаго Стефана ²⁾. Злодѣи впрочемъ не довели свой звѣрскій поступокъ до конца; жертва ихъ не вполне лишилась зрѣнія ³⁾. Вслѣдъ за тѣмъ несчастный королевичъ съ обоями своими дѣтьми, Душаномъ и Душвицею, и небольшою свитою домочадцевъ былъ отправленъ въ Цареградъ къ императору Андронику. Здѣсь, по словамъ одного біографа—Григорія Цамблака, который ради большей похвалы особенно старался выдвинуть страданія Дечанскаго, онъ былъ зато-

---

¹⁾ Gregor. VII. c. 5.

²⁾ Даничичъ. Животи. 125.

³⁾ Mauro Orbini. Il regno degli Slavi. p. 254.

ченъ въ монастырѣ Пантократора ¹⁾, а по свидѣтельству другаго— продолжателя Даниила—былъ помѣщенъ въ одной изъ палатъ царскаго дворца ²⁾. Во всякомъ случаѣ изъ обоихъ „житій“ видно, что на первое время Стефанъ былъ поставленъ подъ строгій присмотръ, но потомъ кротость и благочестіе заключеннаго расположили въ его пользу и Андроника, и высшихъ представителей гражданской и духовной власти въ Византіи, послѣдствіемъ чего было предоставленіе ему нѣкоторой свободы ³⁾. О семилѣтнемъ пребываніи Дечанскаго и его семьи въ Константинополѣ имѣются весьма скудныя извѣстія. Византійскіе историки совсѣмъ молчатъ о царскихъ славянскихъ гостяхъ, посѣтившихъ ихъ всемірный городъ; вѣроятно тогда имъ было не до того. Имперія переживала время послѣдствій каталонской кампаніи, жестокихъ нападений Сельджуковъ и внутреннихъ церковныхъ смуть. Эти событія поглощали все вниманіе мѣстныхъ лѣтописцевъ. Оба извѣстные автора „Житія Стефана Дечанскаго“, являющіеся единственными самостоятельными источниками для сербской исторіи этого времени, пространно и витіевато толкуютъ о благочестіи и смиреніи заточеннаго крала, о его чудесномъ прозрѣніи и вообще обо всемъ, что нужно имъ для прославленія его, какъ Святаго, но почти ничего не сообщаютъ ни о положеніи семьи заключеннаго, ни особенно объ участи знаменитаго его сына. Изъ неупоминанія о женѣ Дечанскаго, надо думать, что въ то время ея уже не было на свѣтѣ. Въ такомъ случаѣ совершенно неизвѣстно—кому вѣрено было и при какой обстановкѣ происходило воспитаніе Душана ⁴⁾. Мы можемъ только догадываться, что при врожденной впечатлительности и живости, качествахъ, которыя ярко обнаруживаются въ Душанѣ

---

¹⁾ „Гласник“ XI. 50. И въ обители всѣхъ Бога и вседръжителя прѣбывати повѣнано бысть. Отъ же царствующаго, Андроника глаголю Палеолога, нѣкому иному къ нему приходи въ бесѣду завѣщавъ, развѣ игомену обитѣли и имъ же онъ повелѣтъ“.

²⁾ Даничић „Животи“ 163. И приведеноу имоу бывшему тамо къ благочѣрному царю Андрионикоу, повесть былости и, единою палатоу царскихъ давѣ имоу въ прѣбываніи, рекъ да ведають вса келико на потребу имоу.

³⁾ Гласник. XI. 55.

⁴⁾ Братъ его Душица умеръ въ пятый годъ заточенія. Гласн. XI. 59.

въ періодъ его рѣлаго возраста, жизнь то въ греческомъ монастырѣ, то при византійскомъ дворѣ, не прошла безслѣдно для десятилѣтняго ребенка. Онъ могъ тогда уже достаточно усвоить греческій языкъ, приглядѣться къ византійской жизни и, можетъ быть, хотя смутно понять печальное положеніе имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не сознавать всей жестокости поступка дѣда по отношенію къ его родителю и горечи положенія ихъ обоихъ— какъ изгнанниковъ; между тѣмъ среди окружающихъ его Византійцевъ онъ, вѣроятно, находилъ оправданіе этихъ актовъ вопіющаго насилія, какъ вполне необходимыхъ и законныхъ. Отсюда понятно, какъ рано въ юной душѣ мальчика должны были возникнуть нравственныя противорѣчія, изъ которыхъ впоследствии развилась его рѣшимость на еще болѣе ужасный поступокъ по отношенію къ тому же его многострадальному отцу.

Въ 1317 г. ¹⁾ послѣдовало возвращеніе Дечанскаго въ Сербію. За годъ передъ тѣмъ скончалась главная виновница сербской смуты—императрица Ирина ²⁾. Съ ея кончиною и у Милутина должны были ослабѣть чувства вражды и подозрительности къ сыну, который при своей полуслѣпотѣ не могъ казаться ему опаснымъ. Къ тому же ходатаемъ за угнетеннаго выступило духовенство, которое въ Сербіи имѣло огромное нравственное вліяніе на кралей. Благодаря стараніямъ игумена Хиландарской лавры, Данила (впоследствии сербскаго архіепископа и писателя), отъ собора Святой горы было послано прошеніе ко вновь поставленному сербскому архіепископу Никодиму о томъ, чтобы онъ отъ себя и собора ходатайствовалъ предъ кралемъ за его сына ³⁾. Къ этому ходатайству очень вѣроятно ⁴⁾ присоединилось и другое со стороны настоятеля монастыря Пантократора, гдѣ содержался Дечанскій, прибывшаго въ Сербію съ посольствомъ отъ Андроника,

---

¹⁾ Ковачевичъ. Несколько хронологическихъ исправленій у сербской исторіи. *Годишница Николе Чутѣа* III. 1879. стр. 387—391.

²⁾ Gregor. I. VII. c. 12 Muralt. *Essai de Chronographie byzantine*. II. 518.

³⁾ Даничичъ. „Животи“ 166—168.

⁴⁾ Ср. Рачичъ. *Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, наипаче Болгаровъ, Хорватовъ и Сербовъ*. Ч. II. 1823. стр. 650.

который искалъ сербской помощи противъ Турокъ ¹⁾. Милутинъ уступилъ вполнѣ этимъ просьбамъ. Онъ милостиво принялъ Стефана, возвратившагося съ сыномъ Душаномъ и „съ нѣкоторою малою чедю своихъ“, и предоставилъ ему въ управленіе Будимль ²⁾. Теперь десятилѣтній Душанъ повидимому былъ отдѣленъ отъ отца; онъ перешелъ на житье къ дѣду, какъ бы въ залогъ прочности примиренія его съ сыномъ. Въ такомъ смыслѣ, вѣроятно, нужно понимать выраженіе Цамблака: „онъ же сына, иже отъ Константинова града съ нимъ пришедшаго, своему его дѣдоу *прѣдасть*“ ³⁾. Но вслѣдъ за этой перемѣною въ положеніи Душана вскорѣ послѣдовала другая, болѣе важная: 29 октября 1320 г. умеръ Милутинъ ⁴⁾; а 6 января 1321 г. Стефанъ Урошъ III, съ благословенія архіепископа Никодима и всего собора сербскаго, занялъ сербскій престолъ въ Призренѣ. Вмѣстѣ съ нимъ вѣнчался на „кравельство“ и сынъ его „Стефанъ, младый краль“ ⁵⁾.

Это одновременное вѣнчаніе отца и сына составляло новое и знаменательное явленіе въ сербской исторіи. Въ немъ ясно связывалось вліяніе Византіи, гдѣ издавна господствовалъ обычай у

¹⁾ *Гласник*. XI. 61.

²⁾ „Ж и в о г и“: „честь малоу отъ дръжави жоуши Боудимльске“. Другіе источники иначе опредѣляютъ область, предоставленную Дечанскому. Цамблакъ (*Гласник*. XI. 68) говоритъ: „тоже мало днѣи прѣбывъ, съ некоторомъ *Диоклитисци* мѣстѣ, отъ цара воушно и отъца съ многоу чьстью посламать се прѣбывати“; а въ *Троношской мѣтописи*: „и даде Урошъ синѣу своему обе Зете во княжество“. (*Гласник*. V. 62).

³⁾ *Гласник*. XI. 68.

⁴⁾ *Гласник*. VII. 98.

⁵⁾ Въ Житіи Стефана Дечанскаго („Животи“ 207): въ гѣто бо, въ нѣже приять се прѣвнсколий краль Оурошъ третий прѣвстоль отъца своего..... въ то врѣме такожде сына своего възлюбленаго вѣнча на кравельство нарекъ его Стефанъ младый краль“. Въ грамотѣ, данной Дечанскому монастырю въ 1330 г., самъ Стефанъ такъ говоритъ объ этомъ событіи: „и Богомъ даровальнимъ вѣнцемъ кравельства сръпскаго вѣнчанъ быхъ на кравельство въ единый днь съ сыномъ моимъ въ гѣто 6829 мѣсяца генара, 6 днь иудикета 5, въ праздникъ Богомъвнениа благословеннѣмъ и роукомъ прѣосвещеннаго архіепискоупа Никодима и всѣхъ мпшскоуш и всьего Сьбора сръпскаго, маю звати се Стефанъ Богомъ помилованъ и Богомъ просвѣщенъ краль Оурошъ третий Miklosich „*Monumenta Serbica*“. 90.

императоровъ, имѣть при себѣ коронованныхъ соправителей съ тѣмъ же императорскимъ титуломъ. Но, помимо стремленія къ подражанію византійскимъ порядкамъ, въ этомъ новомъ шагѣ Стефанъ Дечанскій могъ руководиться и своими частными соображеніями. При своей полуслѣпотѣ онъ чувствовалъ потребность въ помощникѣ и выдвинуть сына какъ можно раньше въ роли соправителя тогда было для него совершенно естественно, дабы избѣжать окончательнаго подчиненія волѣ влестелей, приобрѣтавшихъ все большее и большее значеніе въ королевствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поступая такимъ образомъ, много испытавшій король заранѣе освѣщаль право престолонаслѣдія за Душаномъ и могъ рассчитывать черезъ эту санкцію отнять у влестелей самый существенный предлогъ къ новымъ смутамъ и къ обычному возстановленію сына противъ короля—отца. Вънчая Душана на „кравество“, Стефанъ Дечанскій согласно обычаю обѣщаль выдѣлить ему часть страны въ управленіе, но въ то время юный король все еще былъ мальчикомъ; только по достиженіи совершеннолѣтія, т. е. не раньше 1326 г., онъ получилъ землю Зетскую, которая теперь заключала въ себѣ и часть отвоеванной Албаніи ¹⁾.

Біографъ Дечанскаго упоминаетъ, что прославляемый имъ король воспиталъ своего сына „въ чистотѣ и цѣлоумудрии навазоук и оуче боголюбивными глаголи“ ²⁾. Если это замѣчаніе о хорошемъ направленіи воспитанія Душана и справедливо, то все таки нельзя не признаться, что окружавшая его дѣйствительность представляла очень мало такого, что могло бы вліять возвышающимъ и нравственнымъ образомъ на душу будущаго сербскаго царя. Все время правленія Стефана Дечанскаго, кромѣ послѣдняго года (года войны съ Болгарами) отмѣчено событіями и явленіями, весьма мало привлекательными и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Сперва идутъ двѣ усобицы. Константина, незаконный сынъ Милутина, и Владиславъ, сынъ Драгутина, одинъ за другимъ съ оружіемъ въ

---

¹⁾ „Животи“ 207: „и дасть ѣмоу землю ветьскоую“.—Троношская хѣтонисъ (Гласник V. 64): „Стефанъ же Доушавъ воспримаъ отъ отца Албонію и обе Зете“.

²⁾ „Животи“. 186.

рукакъ оспариваютъ у Дечанскаго права на сербскій престолъ. Оба претендента терпятъ неудачу и послѣ кровавой борьбы гибнутъ — одинъ на полѣ битвы, а другой въ темницѣ побѣдителя ¹⁾. Затѣмъ слѣдуютъ два новые брака самого Уроша: съ Бланкою, дочерью Филиппа Тарентскаго ²⁾, Герцога Ахайскаго и (по смерти этой второй жены) съ Марією, дочерью Солунскаго намѣстника — Паниперсеваста Іоанна Палеолога ³⁾. Это многобрачіе со всѣмъ не шло къ лѣтамъ и положенію плохо видѣвшаго краля и, кромѣ того сопровождалось обстоятельствами, которыя не говорили въ пользу пониманія имъ лежавшихъ на немъ важныхъ обязанностей — упрочивать извнутри и извнѣ молодое сербское государство. Первый изъ этихъ браковъ на нѣкоторое время опутывалъ его обязательствами католическому Западу: онъ долженъ былъ присягать въ вѣрности папскому престолу и сблизиться съ однимъ изъ видныхъ тогдашнихъ поборниковъ идеи вторичнаго разрушенія Латинами восточнаго православнаго царства ⁴⁾. Другой бракъ втягивалъ его во внутреннія византійскія смуты, участіе въ которыхъ (сперва при поддержкѣ мятежника Паниперсеваста, потомъ при защитѣ Андроника Старшаго) не сопровождалось для Сербіи никакими

---

¹⁾ Engel. Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer. 1804. III. ss. 256, 259.

²⁾ Сербскіе историки Энгель и Майковъ, признавали этотъ бракъ не состоявшимся. Но о немъ есть положительно достовѣрное извѣстіе въ дубровницкихъ документахъ и у пользовавшагося ими дубровницкаго историка Растича, къ сожалѣнію до сихъ поръ ненаданнаго. Дубровчане на своихъ судахъ доставили невѣсту изъ Тарента на сербскій берегъ, съ торжествомъ приняли ее въ своемъ городѣ и съ большою свитою отправили къ кралю. Это было въ 1823 г. См. Monumenta Ragusina. Libri Reformationum tomus. I. Zagrabiae 1879. p. 75, 82, 90. Resti „Historia della repubblica di Ragusa“. Рукон. Вл. И. Ламанскаго. Подъ 1823 г.

³⁾ Gregor. VIII. c. 14. p. 373. Cantacuz. 4. c. 43. p. 209.

⁴⁾ Theiner. Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia. Romae. 1863. Tomus I. p. 184. Папа Іоаннъ XXII, обращаясь къ Стефану Дечанскому съ письмомъ по одному дѣлу, пользуется слѣдующими выраженіями: Carissimo in Christo filio Urosio Regi Rasie illustri gratiam in praesenti et gloriam in futuro. Firmam gerimus de tua circumspectione fiduciam, quod in hiis, que divinam reverentiam et ecclesiasticam libertatem et anime tue salutem respiciunt, precibus nostris promptis affectibus obsecundas et votis apostolicis efficaciter te coarctes.

выгодами и скорѣе безплодно истощало нужныя ей силы. Въмѣстѣ съ тѣмъ съ женитьбою на византійской принцессѣ, при сербскомъ дворѣ опять получали значеніе пришельцы—греки, со всѣмъ было утратившіе его послѣ смерти Милутина. Если къ этимъ фактамъ присоединить разказы біографовъ Дечанскаго о его набожности и благочестіи, проявившихся въ построеніи церквей и благотвореніи монастыремъ не только въ предѣлахъ Сербской земли, но и во всѣхъ замѣчательныхъ мѣстахъ православнаго міра, то получатся всѣ имѣющіяся данныя для представленія той обстановки, при которой протекала юность Душана до выступленія его въ дѣятельной роли самостоятельнаго правителя. Скучные сербскіе источники не даютъ никакихъ указаній для сужденія о томъ, принималъ ли „младый краль“ до 1330 г. какое либо участіе въ управленіи, а равно о томъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ отцу послѣ второй и третьей его женитьбы. Для исследователя сербской исторіи вполнѣ ясно лишь то, что пустота и безцвѣтность правленія Уроша III не могла приходиться по вкусу умному, развитому, жаждавшему дѣятельности Душану. Между нимъ и отцемъ не могло быть много общаго, и задатки послѣдующаго роковаго разрыва между ними должны были возникнуть именно на почвѣ печальныхъ условій, развившихся въ государствѣ и королевской семьѣ благодаря нравственной неустойчивости и неразумительности Стефана Дечанскаго.

Только конецъ правленія Уроша III ознаменовался событіемъ огромной исторической важности, связавшимъ и съ его именемъ славу утвержденія вѣшняго могущества Сербіи. Событіе это—пораженіе Болгаръ подъ Вельбуждомъ въ 1330 г. и послѣдовавшее за тѣмъ утвержденіе сербскаго вліянія въ Болгаріи. Но слава этого новаго успѣха сербскаго оружія принадлежала Дечанскому лишь въ небольшой части; онъ долженъ былъ раздѣлить ее съ сыномъ Душаномъ. „Младый краль“ здѣсь впервые выступаетъ въ дѣятельной роли помощника отца; онъ не только участвуетъ въ этой войнѣ, но и является главнымъ руководителемъ и рѣшителемъ ея. Здѣсь впервые обнаруживаются его военныя способности, его находчивость и беззавѣтная храбрость, качества, которыми тогда же поднял его высоко въ глазахъ властелей и народа и затѣмъ

проложили путь къ его послѣдующему могуществу. Отсюда видно, какое важное значеніе имѣла болгарская война 1330 г. не только по своимъ послѣдствіямъ для обоихъ боровшихся государствъ, но и по отношенію къ личности будущаго сербскаго царя. Какъ такое крупное событіе современныя лѣтописцы не могли пройти ее молчаніемъ. И сербскіе, и иностранныя источники сообщаютъ о ней довольно подробныя, хотя и не совсѣмъ согласныя, свѣдѣнія. Воспользуемся ими здѣсь съ возможною полнотою.

Обстоятельства, вызвавшія сербско-болгарское столкновеніе, были весьма не сложны. При Милутичѣ стремленіе сербскихъ кралей распространить свое господство на болгарскія земли, какъ мы видѣли, обнаружилось весьма осязательно. Противодѣйствовать этому стремленію было совершенно естественно со стороны болгарскихъ государей. Но пока живъ былъ грозный Милутичъ, внутреннія неурядицы въ самой Болгаріи не позволили и думать о какомъ либо отпорѣ сербскимъ притязаніямъ. Между тѣмъ вскорѣ послѣ его смерти и для Болгаріи настали лучшія времена. Раздѣленіе страны между нѣсколькими владѣтелями и связанное съ нимъ смуты и несогласія постепенно прекратились, и въ 1323 г. бдинскій деспотъ Михаилъ, выбранный на терновскій престолъ, опять соединялъ подъ одною властью всѣ независимыя болгарскія земли ¹⁾. Теперь можно было обратить вниманіе и на Сербію, попытаться вырвать у ней захваченное и остановить ея движеніе на юго-востокъ. Самъ Михаилъ сознавалъ себя достаточно сильнымъ для того, а времечки Милутина по всѣмъ своимъ начинаніямъ не казался ему страшнымъ. Враждебныя чувства къ сербскому государю онъ послѣднѣе обнаружилъ почти тотчасъ (1324 г.) послѣ вступленія на болгарскій престолъ. Именно, онъ прогналъ свою первую жену Неду, сестру Стефана Дечанскаго, и женился на Феодорѣ, сестрѣ Андроника Младшаго и вдовѣ болгарскаго царя Сватослава ²⁾. Непріязнь между обоими государями еще болѣе усилилась во время участія ихъ въ

---

¹⁾ К. Иречекъ. Исторія Болгарь. Перев. Бруна и Палаузова. Одесса. 1878 г. стр. 382.

²⁾ Cantacuz. I. c. 38, 39 p. 486—488; Gregor. I. IX. c. 4. p. 3°. Muralt. Essai de Chronographie byzantine II. 536.

византийской усобицѣ. Стефанъ Дечанскій держалъ сторону Андроника Старшаго. Правда, онъ не оказалъ ему существенной помощи; его вождь—храбрый Хреля явился въ Сересь, когда полководцы Андроника—Деспотъ Димитрій и Михаилъ Асѣнь—были разбиты Андроникомъ Младшимъ, и потому должець былъ вернуться въ Сербію. Но кое что онъ все-таки сдѣлалъ; разбитые вожди Андроника Старшаго нашли у него пріютъ, и самъ онъ даже послѣ окончательнаго сверженія императора—дѣда, продолжалъ грозить византийской границѣ и осаждалъ Охридъ ¹⁾. Между тѣмъ Михаилъ Болгарскій старался сойтись съ Андроникомъ Младшимъ, предлагавая, что онъ возьметъ верхъ надъ дѣдомъ. Породившись съ нимъ, онъ въ 1327 г. имѣлъ съ нимъ свиданіе во Фракіи, на которомъ былъ заключенъ между ними наступательный и оборонительный союзъ ²⁾. Уже тогда онъ просилъ помощи противъ Сербовъ. Съ своей стороны посланкою Русса Ивана съ отрядомъ въ 3000 ч. онъ оказалъ союзнику весьма двусмысленную поддержку ³⁾. Тѣмъ не менѣе Андроникъ Младшій, занявъ престолъ, предпочелъ опять сойтись съ Михаиломъ. Дечанскій все время былъ его врагомъ, да и Сербы представлялись ему опаснѣе Болгаръ; напустить на нихъ Болгаръ казалось ему лучшимъ средствомъ для спасенія областей имперіи отъ завоеванія ихъ тѣмъ или другимъ славянскимъ сосѣдомъ. Руководимый Кантакузиномъ, онъ слѣшилъ прекратить начатую было войну съ болгарскимъ царемъ, который уже предпринялъ завоеваніе Забалканскихъ земель ⁴⁾. Соглашеніе между ними состоялось на почвѣ общаго похода въ Сербію, назначеннаго на лѣто 1330 г. ⁵⁾. Такъ составилъ греко-болгарскій союзъ.

Въ виду такихъ явно враждебныхъ приготовленій со стороны Болгаръ, и Сербы стали принимать мѣры на случай войны. Уже въ 1328 г. Стефанъ Дечанскій вступаетъ въ соглашеніе съ Дубровникомъ о до-

---

¹⁾ Cantacuz. I. c. 52. p. 264. II. c. 24 p. 427. Gregor. IX. c. 4. p. 409. c. 5. p. 413.

²⁾ Cantac. I. 42 p. 206—208; Greg. I. IX. c. 4. p. 390—392.

³⁾ См. выпускъ I, стр. 12.

⁴⁾ Gregor. IX. c. 7.

⁵⁾ Cantac. II. c. 24. p. 428. Gregor. I. IX. c. 12. p. 454.

ставленіи въ Сербію оружія, „которое ему нужно для войны съ Михаиломъ Болгарскимъ“ ¹⁾. Тому же дубровницкому сенату поручено было навербовать отрядъ иностранныхъ волонтеровъ ²⁾. По свидѣтельствѣ дубровницкаго историка Луккари, имѣвшаго въ своихъ рукахъ многіе, недодешіе до насъ источники, всѣ заботы по приготовленіямъ къ войнѣ были возложены на Душана ³⁾. Онъ даетъ порученіе domestigu Смильѣ (Smiglio) въ Дубровникѣ, касательно присылки наемнаго отряда; онъ же вербуетъ Славянъ въ Туровомъ полѣ и посылаетъ Никола Луккари къ валашскому воеводѣ Влайкѣ для привлеченія его на сторону Сербовъ въ предстоящей борьбѣ съ Болгарами ⁴⁾. Нѣтъ никакихъ основаній заподозрить достовѣрность этого разказа. Всѣ другіе источники не противорѣчаютъ ему. Именно теперь, когда Душанъ достигъ полнаго возраста, Дечанскій, неспособный къ управленію, и долженъ былъ предоставить сыну дѣятельность, къ которой предназначалъ его еще вѣнчая вмѣстѣ съ собою королевскимъ вѣнцомъ. Вслѣдъ за этими приготовленіями обѣихъ сторонъ послѣдовалъ и окончательный разрывъ.

1-го мая 1330 г. сербскій краль запретилъ Венеціанцамъ привозъ товаровъ въ Болгарію, не распространяя, впрочемъ, этого запрещенія на Византійскую имперію ⁵⁾. На этотъ вызовъ Михаилъ отвѣтилъ выступленіемъ въ походъ. У него уже все было готово. Собственно болгарское войско доходило до 15,000 ⁶⁾; кромѣ того въ теченіе весны въ Терново собрались частью присланшыя союз-

---

¹⁾ Resti. Il senato subito lo compiaque, e fece che il Lucari con celerita lo servisse acciò il Gozze acquistasse e benevolenza, e confidenza appresso il Rè stante che lui aveva bisogno di tal armi per la guerra, che gia era cominciata tra lui e Michiel, Rè di Bulgaria....

²⁾ Resti подъ 1330 г.: „Questo (Rè di Bulgaria) con un buon esercito nelli confini di Rassia, ma Orossio raccolte le proprie truppe tra le quali ebbe certa soldatesca Italiana fattali aver dalli Ragusei per meritarsi la sua grazia“.

³⁾ Luccari. Copioso ristretto degli Annali di Rausa 1605. p. 48: e fece guerra a Michel Rè de Bulgari ch'era successo a Suetislau suo cugino; e la cura fu data a Vulsan, overo Dusean, figliulo maggiore di Urosc.

⁴⁾ Ibid. 49.

⁵⁾ Ljubić „Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium“. I, 377.

⁶⁾ Gregor. IX. c. 12 p. 455.

никомъ Михаила, валашскимъ воеводою Иванкою Бессарабою, частью нанятые — обитатели другого берега Дуная: Румыны, Черные Татары и „господство машо“¹⁾). Число этихъ западныхъ пришельцевъ, охотно стремившихся на Балканскій полуостровъ для поживы и грабежа, должно было быть весьма велико и, несомнѣнно, превосходило тѣ 3000, которые указываетъ Григора²⁾). На сколько много ихъ было, видно изъ того, что самый походъ Михаила представлялся Сербамъ не столько болгарскимъ вторженіемъ, сколько нашествіемъ „безбожныхъ и поганыхъ языкъ“³⁾). Потому-то и самъ Михаилъ въ одной древней сербской лѣтописи названъ „скифскимъ начальникомъ“⁴⁾). Одновременно съ Михаиломъ, согласно условію, выступилъ въ Македонію и Андроникъ. Войска у него было мало; онъ не рѣшился начинать военныхъ дѣйствій и расположился на сербской границѣ близъ Деврицы и Сидерокастра съ тѣмъ, чтобы выждать здѣсь исхода неминуемаго сербско-болгарскаго столкновения⁵⁾). Вѣсть о движеніи на Сербію двухъ враговъ, особенно многочисленныхъ полчищъ Михаила, встревожила краля Стефана; по видимому, онъ не ожидалъ такой быстроты дѣйствій отъ своихъ противниковъ и, чувствуя себя не вполне готовымъ, послалъ въ Терново гонцевъ съ предложеніемъ мира. Но теперь было уже поздно: Михаилъ жаждалъ борьбы съ Сербами и отвергъ посольство. Кралю оставалось

¹⁾ Грамота Душана по поводу составленія Законника въ изданіи Новаковича (1870 г.) XXIII.—Копивницкая лѣтоп. въ Раматкаѣ Шафарика 58. Тронушская лѣтоп. *Гласн.* V. 64.... „Господство машо“—Яси—или Алани жили въ части Молдавіи. См. Руварацъ Прилози къ обшашеву извора српске историје 1880. XVII.

²⁾ Greg. IX. c. 12. p. 455. У Григ. Цамблака (*Гласн.* XI. 71): и много оубо того воинство соуще. *множайше же отъ различныхъ языкъ присъехоуше.* У Данила („Жivotи“ 190): онаго зловожнянаго врага царя Българомъ пришедшаго съ *многими силами языкъ иноплемениныхъ* (поганыхъ).

³⁾ „Жivotи“ 186.

⁴⁾ „Раматку“ 58.

⁵⁾ Greg. IX. c. 42 p. 454. Θέρους δ'ἤδη ἰσταμένου ὁ μὲν βασιλεὺς ἐπειδὴ μὴ ἀξιόλογον εἶχε στρατὸν πρὸς τὴν τοῦ Κράλη δύναμιν, ἐστρατοπεδεύσατο παραλθὼν κατὰ κεδίον τι τῆς Πελαγονίων χώρας, ὅπη καὶ ὄμορα ἦσαν Ῥωμαίοις ὑπεύκοντα πολὺν καραδοκῶν ἐκείθεν τὴν ἐτέρωθεν τοῦ Μιχαήλου στερρότεραν κατὰ τῶν Τριβαλλῶν ἐφοδόν

только какъ можно скорѣе приготовиться въ отпору. Такъ какъ нельзя было рассчитывать на успѣшную борьбу разомъ противъ обоихъ непріятелей, то онъ рѣшился сперва помѣряться съ однимъ, болѣе сильнымъ. Сербскіе власти по королевскому приказу одинъ за другимъ собирались съ своими четами въ долины Добричи, при слияніи Топлицы и Моравы, издавна служившей полемъ жестокихъ международныхъ битвъ ¹⁾. Здѣсь предполагалось встрѣтить болгарскаго царя, въ виду слуховъ о пребываніи его съ частью войскъ въ Вдинѣ. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что Михаилъ изъ Вдина идетъ не на Нишъ, а черезъ Софію въ Македонію, рассчитывая, вѣроятно, соединиться съ Андроникомъ. Стефанъ тотчасъ поспѣшилъ на югъ. Остановившись на нѣкоторое время въ устроенныхъ отцемъ его монастыряхъ — Нагоричинѣ (близъ Куманова) и Сарандапорѣ, онъ направился къ Струмѣ, гдѣ на сербской границѣ, у мѣстечка Земельна ²⁾ стоялъ лагеремъ Михаилъ, уже четыре дня опустошавшій огнемъ и мечемъ окрестности. Его задунайскіе союзники ничего не падали и безжалостно съ корнемъ истребляли плодовые деревья ³⁾. Сербы расположились на р. Каменчѣ, у самаго Вельбужда ⁴⁾. Въ продолженіе двухъ или трехъ дней посланцы переходили изъ одного лагеря въ другой;

ἔπη ὑφ' ἑστέων ἀποβέσσει κρότερων. По разказу Кантакузина (II, с. 12. р. 428) Андроникъ будто бы и вошелъ въ предѣлы сербскіе и занялъ сдавшіяся ему добровольно сербскія крѣпости: Βουτζοβίν, Δευρίτζαν, Δουβροβίν, Καβαλλάριον ἢ Σιδηρόκαστρον. Что Добруня дѣйствительно была занята Византіяцами, это подтверждается и житіемъ Дечанскаго („Животи“ 197). Можетъ быть и остальные названные пункты, лежавшіе на границѣ, также отпали отъ Сербіи, но въ виду согласія свидѣтельствъ Григоры и Даніила нельзя не считать извѣстія Кантакузина нѣсколько преувеличеннымъ. Участіе Андроника въ этой войнѣ было весьма слабо и не шло дальше военной демонстраціи на границѣ.

¹⁾ „Животи“. 179—180.

²⁾ „Животи“. 182. Сантас. II, 21 р., 428. Μιχαὴλ δὲ.... ἐστρατοπέδωσεν ἐν τόπῳ Βελμάδιν ἐγγυρίως πρὸς αὐροβουρένφ. См. И р е ч е к ъ. Исторія Болгаръ стр. 388.

³⁾ Gregor. IX. 12 р. 455. Этѣ опустошенія страны, которую Михаилъ имѣлъ въ виду присоединить къ своему царству и которая была населена сроднымъ ему народомъ, объясняются, быть можетъ, инородческимъ составомъ его воиска.

⁴⁾ „Животи“ 182.

Стефанъ тянулъ время, поджидая запоздавшихъ влстелей. Между тѣмъ болгарское войско, чувствуя недостатокъ въ провiантѣ, разбрелось по сторонамъ для фуражировки.

Наконецъ настала суббота 28-го iюля ¹⁾. Въ сербскомъ лагерѣ началось движенiе; всѣ готовились къ бою. Болгарскiя войска были разсыяны на далекомъ разстоянiи; Михаилъ, введенный въ заблужденiе сербскою медлительностiю, никакъ не ожидалъ сраженiя въ этотъ день. Въ полдень 15,000 ²⁾ сербскихъ воиновъ развернулись въ боевомъ порядкѣ; ихъ блестящее новое вооруженiе ослѣпляло глаза ³⁾; впереди всѣхъ помѣщался отрядъ германскихъ всадниковъ, рѣзко выдѣлявшихся своимъ исполнскимъ ростомъ, воинскою ловкостiю и изящнымъ оружиемъ ⁴⁾. Крaль Стефанъ самъ выѣхалъ ободрять войско; начальство главными силами п веденiе боя принялъ на себя мужественный Душанъ. Вотъ затрубили трубы, воинственные клики огласили воздухъ, и Сербы устремились на непрiтеля. Болгаре пришли въ полное смятенiе; царь, какъ могъ, собиралъ и приводилъ въ порядокъ разбросанные отряды; но было уже поздно. Душанъ съ своею наемною дружиною впереди всѣхъ ворвался въ самую средину нестройныхъ враговъ;

---

¹⁾ Въ грамотѣ, данной Дечанскому монаст. Стефанъ говоритъ (*Миклош.* 100): цара Михаила оубихъ, и отъехъ поношение его, и инне царе побѣдихъ и разбихъ и възехъ достояннiа ихъ на мѣстѣ рекомѣмъ Вельблоуждъ въ лѣто 6838 мѣсеца июля въ 28 день. Въ грамотѣ Душана (*Законникъ* изд. Новаковича. XXIV) 27 Iюля показано ошибочно. Въ Iюль мѣсяцѣ 1330 г. (Ср. *Животи* 183), суббота, когда происходила битва приходилась на 28 число.

²⁾ Грамота Душана при изданiи *Законника*. XXIV.

³⁾ Gregog. IX. с. 12. р. 455: ὁ Κράλης Σερβίας, χεῖρα βαρείαν ἐπαγόμενος καὶ ὄπλα τῇ λαμπρότητι τὰς τῶν ὀρώντων ἀποκρούποντα ὄψεις.

⁴⁾ Что этотъ отрядъ составляли нѣмецкiе выходцы, на вербованные въ Италию чрезъ посредство Дубровника видно изъ приведеннаго свидѣт. Растича. Кантакузинъ и Григора расходится скорѣе въ опредѣленiи числа этихъ наемниковъ, чѣмъ ихъ народности. Первый (II, с. 21. р. 429) называетъ ихъ Германцами, участвовавшими въ бою всего въ числѣ 300 ч. (καὶ τριακοσίους ἐξ Ἀλαμανῶν ἐπαγόμενος καταφράκτους); а второй (IX. с. 12 р. 456) говоритъ, что это были тысячный отрядъ Кельтовъ (ἔχων περὶ αὐτὸν χίλιους ἰππέας Κελτοῦς μετέθει τε σάμπτος καὶ βώμης περιουσίᾳ καὶ ὄπλων ἐμπειρίᾳ πολέμηκῶν κράτιστα ἠτοχημένους τε καὶ ἐσχευασμένους). Кельты Григоръ вѣроятно тождественны съ Алеманами Кантакузина.

началась жестокая сѣча—п воды Струмы, на берегу которой происходила бой, окрасилась кровью ¹⁾. Болгаре были совсѣмъ разбиты и бѣжали. Конь подъ Михаиломъ споткнулся; царь свалился на землю и тяжело расшибся. Тутъ его окружилъ Сербъ, и Душанъ самъ отсѣкъ ему голову ²⁾. Затѣмъ тѣло несчастнаго царя положили на коня и привезли къ кралю. Весь лагерь болгарскій достался побѣдителямъ; вельможи и бояре были взяты въ плѣнъ, а простые ратники обезоружены и затѣмъ какъ единовѣрцы и единоплеменники отпущены на свободу ³⁾. Остальныя части войска Михаила, бывшія во время боя на фуражировкѣ, узнавъ о бѣгствѣ своихъ, спѣшили спастись, какъ могли. Къ вечеру все поле усыяно было трупами; не мало потребовалось времени на преданіе ихъ землѣ; только убитые Татары, какъ „языкъ безбожный и поганскій“, были оставлены безъ погребенія ⁴⁾. Такой исходъ имѣла Вельбуждская битва. Не смотря на нѣкоторое несогласіе источниковъ, Душанъ несомнѣнно былъ главнымъ рѣшителемъ ея. Продолжатель Данила, имѣвшій для біографіи Дечанскаго въ этой побѣдѣ единственное событіе государственной важности, очевидно боялся умалить его заслуги, какъ краля, и потому весьма осторожно говорить о дѣятельномъ участіи въ немъ Душана. Другіе же лѣтописцы—какъ Цамблакъ ⁵⁾ и Троношскій монахъ ⁶⁾, приписываютъ все веденіе боя „юному кралю“. Наконецъ собственный разказъ Душана въ его объяснительной грамотѣ къ Законнику

¹⁾ „Животи“. 184—186.

²⁾ Грамота Душана при „Законникѣ“ изд. Новаковича. По разказу же обоихъ нашихъ византійскихъ лѣтописцевъ—Михаилъ умеръ отъ ранъ спустя нѣсколько дней въ сербскомъ лагерѣ. Это разногласіе объясняется тѣмъ, что о вельбуждской битвѣ, какъ выдающемся событіи, ходили самыя различныя, нерѣдко преукрашенныя и невѣрныя разказы, которыми и воспользовались Кантакузинъ и Григора. Къ числу такихъ фантастическихъ повѣствованій долженъ быть отнесенъ и появившій въ Троношскую лѣтопись разказъ о томъ, будто бы Душанъ „главу Михаила отсѣчену сваривъ и у злата окова и изъ нея многи крать пише“ (Гласн. V. 64).

³⁾ Cantac. Ibidem p. 423.

⁴⁾ „Животи“. 186.

⁵⁾ Гласник. XI. 73.

⁶⁾ Гласник. V. 64.

устраняетъ всякія сомнѣнія въ этомъ вопросѣ. Любопытно также участие въ этомъ дѣлѣ иноземнаго наемнаго отряда, который предводительствуется самимъ Душаномъ и болѣе всего способствуетъ пораженію Болгарь ¹⁾.

На другой день послѣ битвы, въ воскресенье, рано утромъ, король со своими сподвижниками съ торжествомъ принималъ взятую у непріятеля богатую добычу. Къ нему вели дорогихъ коней, и несли „злато много и свиты царскыя и богатство неисчислимо“ самого царя и его бояръ. За добычею слѣдовали скованные бояре. Они не хотѣли вѣрить извѣстію о смерти своего повелителя и при видѣ его трупа разразились громкими рыданіями. Уступая ихъ просьбѣ король велѣлъ похоронить убитаго Михаила съ нѣкоторымъ почетомъ въ Нагоричинскомъ монастырѣ. Въ тотъ же день были отправлены вѣстники къ архіепископу Данинду, кралицѣ Маріи и ко всему собору Сербской земли. „Пусть будетъ вамъ вѣдомо“, писалъ всѣмъ имъ король, что мы „съ прѣвзылюбленнымъ сыномъ королевства ми Стефаномъ и съ вой моими“ побѣдили „оного злосѣйшаго врага царя Българомъ“ и теперь „идемъ на прѣдлежащія намъ поуты въ дръжаву царства земли българскыя“ ²⁾. Этотъ походъ побѣдителей въ страну побѣжденныхъ былъ настоящимъ торжественнымъ шествіемъ. Короля и его мужественнаго сына сопровождали въ оковахъ болгарскіе бояре и передавали имъ города, которыми они правили. Наконецъ, въ мѣстечкѣ Изворѣ явились послы отъ Белаура, брата Михаила, и отъ всѣхъ „велемоштынныхъ земли той“ и вручили побѣдителямъ все царство, смиренно соглашаясь на соединеніе Сербіи и Болгаріи подъ одною державою ³⁾. Но Стефанъ Дечанскій не рѣшился на такой смѣлый

¹⁾ Самъ Стефанъ заявилъ дубровницкимъ посламъ, пришедшимъ поздравить его съ побѣдою, что успѣхомъ дѣла онъ обязанъ главнымъ образомъ итальянскому отряду. *Resti. . . essendo stato battuto il Bulgaro, et il Re Orsozio vittorioso per opera particolare delli soldati Italiani come lui stesso confesso agli Ambasciatori di Ragusa che furono inviati felicitarlo della vittoria avendo....*

²⁾ „Животъ“. 188—190.

³⁾ Послы отъ бояръ говорили: въ не остави насъ, рабы твоє, нмѣти печальноу доушоу нашоу и срьдце же скрьбно. отъ селѣ бо срьбское королевство и царство българское въ едино соуште съвкоушление и миръ боудеть. Написоуемъ же се и ми повеления королевства ти. „Животъ“ 195.

шагъ. Онъ ограничился тѣмъ, что послалъ отрядъ въ Терново для восстановления на престолѣ своей сестры Анны (Неды) и ея малолѣтняго сына Шишмана II, и затѣмъ съ Душаномъ и остальными войсками вернулся въ Сербію ¹⁾. Почему Сербы не воспользовались своею побѣдою и отказались подчинить своей власти Болгарію—этотъ вопросъ уже издавна занималъ юго-славянскихъ историковъ ²⁾ и вызывалъ разные предположенія. Но отвѣтить на него не такъ трудно. Сербское королевство само по себѣ не было еще достаточно сильно, чтобы принять на себя управление такою обширною страной, какою было тогда Болгарское царство, притомъ населенною народомъ, хотя близкимъ и родственнымъ Сербамъ по языку и вѣрѣ, но все-таки уже имѣвшимъ свою особую исторію и выработавшимъ свой отличный характеръ, свое особое бытовое устройство. Это, впрочемъ, была главная и внутренняя причина. Были, конечно, и другія, частныя — наприм. личное желаніе Дечанскаго возвратить престолъ своей сестрѣ и ея сыну, неувѣренность въ искренности заявленій болгарскихъ бояръ и проч.

Во всякомъ случаѣ результаты вельбуждской битвы были немаловажны для молодого Сербскаго королевства. Греко-болгарскій союзъ былъ разстроенъ; попытка со стороны Болгаріи задержать завоевательныя стремленія Сербіи подорвана въ самомъ корнѣ. Теперь она рѣшительно выдвинулась впередъ изъ всѣхъ государствъ Балканскаго полуострова. Не могла эта побѣда не сопровождаться для Сербіи и территоріальными приобрѣтеніями, какъ справедливо замѣчаетъ г. Голубинскій ³⁾, хотя о нихъ и молчатъ источники. Именно теперь должны были отойти къ Сербіи тѣ города въ болгарской землѣ, которые отмѣчены нами въ первой главѣ. Кромѣ того, добыча, доставшаяся отъ побѣжденныхъ Болгаръ, конечно, повліяла на возвышеніе матеріальнаго благосостоянія Сербіи. На царскія и боярскія сокровища Стефанъ могъ не только украсить выстроенный имъ великолѣпный храмъ въ Дечанахъ (на р. Быстрицѣ), но кое-что сдѣлать и для внут-

¹⁾ „Животъ“ 196. Cantacuz. II. с. 21. р. 430.

²⁾ Ср. напр. Luccagni: „Annali di Rausa“. 50.

³⁾ Голубинскій. Краткій очеркъ исторіи правосл. церкви. стр. 487.

ренного устройства страны, наприм. для лучшаго вооруженія войска. Этой послѣдней цѣли способствовала и масса доставшагося оружія, что въ то время, когда оружіе пріобрѣталось изъ Венеціи и Далматинскихъ городовъ нерѣдко съ большими затрудненіями, составляло обстоятельство не лишнее значенія.

Немного времени спустя, по возвращеніи изъ Болгаріи, Стефанъ Дечанскій и Душанъ совершили вмѣстѣ еще походъ въ Македонію. Краю хотѣлось наказать и другаго врага — византійскаго императора, за союзъ его съ Михаиломъ Болгарскимъ. Походъ этотъ былъ весьма не продолжителенъ и не имѣлъ большаго значенія. Еще во время движенія въ Болгарію, въ селѣ Мракѣ ¹⁾, Стефанъ узналъ, что Андроникъ, пораженный вѣстью объ исходѣ Вельбуждской битвы, послѣшно отступилъ отъ сербской границы и направился къ столицѣ. Теперь, явившись въ Македонію, Сербы, очевидно, не застали тамъ византійскихъ силъ и ограничились возвращеніемъ тѣхъ пограничныхъ крѣпостей, которыя на время занялъ было Андроникъ, а также присоединеніемъ нѣсколькихъ добровольно передавшихся городовъ на Вардарѣ: Велеса, Просѣка Штлпа, Чръшчи и Добруни ²⁾. Оставивъ въ этихъ городахъ

---

¹⁾ „Животъ“ 198.

²⁾ *Продолжатель Даниила* изъ всѣхъ источниковъ одинъ говоритъ объ этомъ походѣ и, пользуясь случаемъ восхвалять Дечанскаго, очевидно прикрасивъ это событіе (196—199). Ограничить самое присоединеніе названныхъ городовъ нѣтъ основанія; авторъ житія стоялъ близко къ этимъ событіямъ и не могъ ихъ не знать, а въ трудѣ своемъ онъ вообще нигдѣ не обнаруживаетъ стремленія къ вымысламъ. Молчаніе Григоріа объ этомъ движеніи краля въ Македонію и краткое его замѣчаніе: „ὁ δὲ βασιλεὺς μαθὼν τὸ πραχθῆν τὴν ταχίστην εἰς Βυζάντιον ἐπανήει μὴδὲν μῆτε δεδραχώς, μῆτε πεπονθώς“ (Greg. IX. 12 p. 456) объясняется тѣмъ малымъ значеніемъ, которое придавали въ Византіи утратѣ нѣсколькихъ городовъ въ Македоніи. Что касается Кантакузина, который хорошо могъ знать дѣло и между тѣмъ положительно говорить, что краля ничего не предпринялъ противъ императора, такъ что послѣдній, поручивъ Сиргіану всѣ пограничныя крѣпости, пошелъ воиномъ на Болгарь (Ὁ Κράλης δὲ μετὰ τὴν νίκην βασιλεὶ μὲν οὐκ ἐπεστράτευσεν Ῥωμαίων ἐπιχειρήσας ὁμοίως καὶ πολιορκεῖν τὰς ἐν τοῖς μεθωρίοις αὐτοῦ τε καὶ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας πόλεις ἀλλ' ἔμεινεν ἐστρατοπεδευμένος οὐκ ἐγγύς. (II. 21 p. 480), то здѣсь нашъ историкъ прибѣгаетъ къ нерѣдко употребляемой имъ манерѣ — скрывать то, что не говорило въ пользу опекаемаго имъ государя.

сербскихъ воеводъ, съ соответствующими отрядами, оба краи вернулись въ свои дворы царскіе ¹⁾, Дечанскій въ Неродимлю, а Душанъ въ Скадаръ. Такъ счастливо для Сербіи кончился 1330-й годъ. Судя по согласію и единодушію, которое, по описанію продолжателя Данила, сохранялось между отцемъ и сыномъ во все время войны, нельзя было и предполагать, что уже въ слѣдующемъ году Сербское государство постигнетъ новая внутренняя смута, которая завершится страшнымъ преступленіемъ въ Звечанѣ и кровавымъ вступленіемъ на престолъ новаго Неманича.

Обстоятельства, вызвавшія новый переворотъ въ Сербіи, объясняются неодинаково въ существующихъ историческихъ свидѣтельствахъ ²⁾. Свѣряя эти показанія между собою и сопоставляя ихъ съ несомнѣнно извѣстными фактами, нельзя не прійти къ убѣжденію, что здѣсь дѣйствовали тѣ же условія, что и въ смутѣ при Милутинѣ. У Душана, какъ и въогда у отца его Стефана, является опасеніе за устраненіе его отъ престола. У Дечанскаго, отъ третьей его жены Маріи Палеологъ, былъ уже сынъ Симеонъ или Сяниша, который могъ быть выставленъ соперникомъ своему

---

¹⁾ Въ этомъ походѣ Душанъ также игралъ главную роль. У продолжателя Данила много на это указаній: Мнози оубо отъ нихъ (людей того времени) знаютъ събышана се въ отъчествіи и дрѣжавѣ господна краиа сътворьшааго вса сина и съ прѣвзылюбленнымъ сыномъ своимъ младымъ кранемъ („Животи“ 197); „съ благочестивыи краль одогѣ всѣмъ иноплемьеникомъ съ прѣвзылюбленнымъ сыномъ своимъ Стефаномъ“ (199); „и тоу кѣмоу великою славою прославльшоу се и съ прѣвзылюбленнымъ сыномъ своимъ“.

²⁾ Наиболѣе подробныя извѣстія—въ житіи Стефана Дечанскаго, писанномъ продолжателемъ Данила „Животи“ 208—214 и въ исторіи Ник. Григоря IX. с. 12. р. 456. Краткія упоминанія: въ другомъ житіи Дечанскаго, составленномъ Григоріемъ Цамблаломъ — *Гласник* XI. 77—79; въ важнѣйшихъ сербскихъ лѣтописяхъ—Копривничской, Сеченичской, Трionoнскои, Вукомановича, Родословіи сербскихъ царей и друг. и въ объяснительной грамотѣ Душана къ Законнику. Свидѣтельство продолжателя Данила расходится со всѣми остальными въ самомъ главномъ; вся вина смуты сваливается на Стефана Дечанскаго, который будто бы „ненависть въздвиже на сина своего възлюбленнааго“, и смерть его представляется естественною. Это разногласіе объясняется тѣмъ, что авторъ житія, составляя свой трудъ при жизни Душана не могъ передать всю печальную правду, какъ она была.

старшему брату ¹⁾. Правда, Душанъ въ своемъ первомъ вѣнчаніи имѣлъ достаточный залогъ неприкосновенности своихъ правъ на престолонаслѣдіе, тѣмъ не менѣе вѣра въ прочность этого залога у него колебалась живо сохранявшимся воспоминаніемъ о самовластномъ поступкѣ Милутина съ его теперь подозрѣваемымъ отцемъ. Съ этимъ подозрѣніемъ у юнаго краля соединялось вообще недовольство семейными отношеніями ²⁾ Дечанскаго и его государственною бездѣятельностію. Состоя при немъ совратителемъ, онъ домогался какъ можно большей дѣятельности и самостоятельности и, повидимому, былъ стѣсненъ въ той и другой. Со времени Вельбуждской битвы, въ силу приобрѣтеннаго обаянія среди служилыхъ людей, честолюбіе и желаніе власти въ немъ еще болѣе усилились. Такимъ образомъ отецъ и сынъ сами по себѣ имѣли достаточно поводовъ къ несогласію. Окончательно раздула эти искорки неудовольствія въ страшное пламя усобицы, приведшей къ отце-убійству, сила, которая во всѣхъ мрачныхъ событіяхъ сербской исторіи играла весьма выдающуюся роль — боярское сословіе, властелинъ. Дечанскій имъ также былъ не по душѣ какъ въ свое время Милутинъ; Греки, прибывшіе въ Сербію съ послѣднею супругою краля и господствовавшіе при дворѣ, тревожили ихъ. Чувство народности и стремленіе къ сохраненію своихъ правъ подсказывали имъ необходимость смѣстить полуслѣпаго, неспособнаго правителя. Къ этому храбрый, дѣятельный Душанъ, съ которымъ они уже раздѣляли военные подвиги, при-

---

¹⁾ Greg. IX. c. 12. p. 456. „Ἐπεὶ δ' αὐτὸς (ὁ βασιλεὺς) μὲν τῆ τοῦ Καίσαρος θυγατρὶ συνεζύγη. πεντηκοντοῦτης ἀνὴρ κόρη δωδέκατον ἀγούση τὸν χρόνον, καὶ πρὶν τῆ παιδὶ γυναῖκα ἀγαγεῖσθαι, παιδοποιεῖν ἤρξατο μετὰ τῆς τοῦ Καίσαρος θυγατρὸς, ἐς ὑποψίας καὶ φόβου ὁ παῖς ἐξενήνεκται, ὁποῖους ὑποσπείρειν εἰκὸς τοῦς ἠλικιώτας ἐς τὴν σφριγῶσαν τοῦτου ψυχῆν. По свѣдѣніямъ, которыми воспользовался Луккарни (Annali di Rausa 51) вражда между отцемъ и сыномъ съ ея послѣдствіями была вызвана намѣреніемъ Дечанскаго передать престолъ Сияншѣ: „Il quale morto Urosc suo padre (come giudicano gli huomini) d'ordine proprio, perche procurava di trasferire il Regno nella persona di Seisman o Scinisa suo minor figliulo.

²⁾ И теперь въ народѣ сохраняются разказы о томъ, что зависть и провскіи мачехи Душана вооружили его противъ отца. Гилъфердингъ. Собр. Сочин. III. 99.

влекалъ къ себѣ сердца всѣхъ. Подстрекнуть его противъ отца имъ ничего не стоило ¹⁾.

Въ Скардрѣ, при дворѣ молодаго краля, стали собираться недовольные властели, воеводы и сотники. Они вели съ собою п лучшее войско. Уступая пхъ совѣтамъ, Душанъ поднялъ возстаніе и провозгласилъ себя кралемъ всей Сербіи ²⁾. Но на первый разъ Дечанскій успѣлъ смирить сына; онъ самъ явился въ Зету, опустошилъ владѣнія сына и разрушилъ его дворецъ на Дринцѣ: Душанъ изъявилъ покорность ³⁾. Тѣмъ не менѣе вражда не прекратилась, и властели наставляли на низложеніи Дечанскаго. Види колебаніе Душана, они стали грозить ему, что войдутъ въ соглашеніе съ отцемъ и отъѣдутъ къ нему обратно, и тогда пусть престолъ займетъ братъ его отъ матери-гречанки. Угрозы подѣйствовали. Начались приготовленія къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Спокойно сидѣлъ Стефанъ въ своемъ стольномъ дворѣ въ Неродимлѣ, не подозрѣвая о новомъ заговорѣ, когда войска Душана со всѣхъ сторонъ окружили королевскую столицу. Краля едва успѣлъ ускакать на конѣ въ Петричь, оставивъ жену и дѣтей во дворцѣ. Душанъ занялъ Неродимлю и тотчасъ же поспѣшилъ за отцемъ. Отецъ сдался ему на милость ⁴⁾. Очень возможно, что и теперь состоялось бы примиреніе, если бы противъ него не были властели. Они требовали немедленной расправы съ кралемъ и сами взялись привести ее въ исполненіе. Стефанъ, въ сопровожденіи жены и дѣтей, былъ отправленъ въ заточеніе въ гор. Звечанъ и спустя нѣсколько дней погибъ здѣсь отъ задушенія ⁵⁾. Едва ли можно отрицать ви-

¹⁾ О дѣятельномъ участіи властелей главное свидѣтельство у Григори (IX. 18. p. 456): *ὁν οὐτως ἔχοντα βλέποντες οἱ ἐκαὶ μεγιστάνες καὶ στρατηγοὶ καὶ ταξίαρχοι, καὶ ὅσοι κόρον εἰλήφρασαν τῆς ἀρχῆς τοῦ πατρὸς διὰ τὸν χρόνον, λάθρα τούτῳ προσήρασαν ἔλαστοι καὶ τοὺς τῆς ἀποστασίας ἐξεκέραιον αὐτῷ λογιζομένους. Затѣмъ, у продолжателя Данила и въ Троицкой лѣтописи (Желаа самовластіа пачеже подстрекаванъ отъ ласкательа Гляом. V. 65); наконецъ въ собственной грамотѣ Душана (Законои. изд. Новаков. XXIV): *сърбия сътворише (люди отъчства нашегъ) о мнѣ родителя моего и тако напустише его на ме^а.**

²⁾ Gregor. IX. c. 12. p. 57. *Гласник*. XI. 77.

³⁾ „Животъ“ 209.

⁴⁾ „Животъ“. 212—213.

⁵⁾ Gregor. IX. c. 12. p. 457. *οὐ πολλαὶ παρηλθον ἡμέραι κάκινον μὲν ἐν δεσμοῖς*

повность Душана въ совершении этого преступленія. Если несомнѣнно, что оно было непосредственно—дѣло рукъ бояръ, какъ удостовѣряетъ Григора, то также несомнѣнно, что оно произошло не безъ вѣдома и согласія молодаго краля. Оттого большинство серскихъ лѣтописей прямо приписываютъ смерть Дечанскаго его сыну. Въ народной памяти одинаково живеть убѣжденіе какъ въ томъ, что бояре были главные подстрекатели къ злодѣянію, такъ и въ томъ, что распоряженіе объ убіеніи отца происходило отъ Душана. Въ одной пѣснѣ, записанной Петрановичемъ въ Босніи, ясно высказывается это убѣжденіе. Историческіе факты здѣсь перепутаны; Стефанъ Душанъ называется царемъ Симеономъ, является старикомъ:

Бѣла му брада до појаса

На златну се штаку опираше

и угощаетъ у себя четырехъ царей и семерыхъ крадей, въ числѣ которыхъ находится и Дечанскій. Все это анахронизмы; самый поводъ къ ссорѣ—уступка трехъ задужбнѣ—конечно вымышленъ народною фантазіею; но вѣренъ здѣсь отзывавшійся историческою правдою взглядъ народа на виновниковъ смерти краля. Послѣ пира, на которомъ царь Симеонъ подарилъ кралю Дечанскому три задужбны, разошлись всѣ цари и крали; съ царемъ остались только девять визирей серскихъ. Вотъ эти визири, подъ кото-

---

ἀπέκνιψαν. Трконошк. лѣт. *Гласн.* V. 65: „Но Стефанъ Душанъ славобецъ пате же отъ ласкателей подстрекаваемъ посилаетъ войннй дворниа и взяша Уроша Стефана относатъ во градъ Звечанъ и тамо его ужемъ тайно удавиша, и во Звечанѣхъ тамо погребоша“. Григорій Цамблакъ (*Гласн.* XI. 79): того же въ Звечанъ градъ сице наричемъ пославъ по дѣвехъ нѣкнкихъ оудавленія горчаншомъ сьмрты осуждаеть“. Въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится объ этомъ въ Житомишчскомъ хронографѣ (*Гласн.* XXXII. 263) и въ лѣтописи Вукмановича (*Гласн.* X. 267), авторы которыхъ пользовались трудами Цамблака, а также и въ „Повѣсти“ изд. Ягичемъ (*Archiv* II. 76). Въ *Жоприенишской м-тон.* (Рашатку 59): „поставает же кончину отъ сына своего сьмртыю моученичскою въ лѣто 6840 и съ моучениемъ равночестие полоучи“. Въ *Сеченишской лѣт.* (Рашатку 71): „и коньчиною пріемъ нояврія 11 въ лѣто 6840 отъ сына своего сьмрть“. Родословіе серскихъ царей (*Гласн.* XXI. 246): „и посла его свезана со женою и з детми во градъ Звечанъ у заточеніе, идѣже и удавленъ бысть одъ сына своего Стефана Душана“.

ршии, конечно, нельзя разумѣть никого кромѣ властелей и вооружають Симеона на краля Дечанскаго.

Међу њима везире Тодоре
Везир Тодор цару бесјеђаше:
Царе Симо, наша круно златна!
Тешке ли те преварио краље
Што му даде до три задужбине?
До сад су се твоје називале
А од сад ће краља Дечанскога.

А вотъ какъ отвѣтилъ царь на это заявленіе визиря:

Лало моја, везире Тодоре!
Его теби до осам везира,
Хајде сиђи у Дечане красне
Право купи од Дечана краља,
Ухватићеш краља Дечанскога,
Ту ћеш њему свезати руке.
Доведи га цркви у Дечане
О вратима објеси вјешало,
Туде стани, да објесиш краља ¹⁾.

Но „везиру Тодору“ не удалось привести въ исполненіе это приказаніе царя: краљ Дечанскій умираетъ самъ въ тотъ моментъ, когда его приготовились уже повѣсить, а девять визирей превращаются въ камни. Развязка этой пѣсни, имѣющая, вѣроятно, мнѳическую основу, не совпадаетъ съ дѣйствительностію, но это общее свойство всѣхъ сербскихъ эпическихъ пѣсней древняго періода. Отмѣченные нами въ ней черты оттого не теряютъ своей вѣрности. Въ глазахъ народа Стефанъ Дечанскій—краљ-мученикъ, причисленный къ церковнѣмъ Святымъ, а о Стефанѣ Душанѣ и до сихъ поръ передается преданіе, какъ объ отце-убійцѣ ²⁾.

---

¹⁾ Сръске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Еписке пјесме старијег времена. Скупно Богољуб Петрановић. У Биограду. 1867. кн. I. стр. 107 и слѣд. Ср. также пјесню въ кн. III. 1870. стр. 90—96.

²⁾ Ср. Гилъфердингъ. „Собраніе Сочиненій“. Т. III. 209. Отголосокъ этого народнаго преданія находимъ уже въ извѣстной „Турецкой хроникѣ“ (XV в.) Михаила Константиновича Островицкаго (*Гласник* XVIII. 72).

Звечанское дѣло легло темнымъ пятномъ на всю послѣдующую дѣятельность славнаго сербскаго царя ¹⁾).

Смерть несчастнаго краля послѣдовала 11-го Ноября 1831 г. ²⁾. Но прежде этого печальнаго событія совершилось формальное вступленіе Душана на престолъ. Едва овладѣвъ личностью отца, онъ послалъ вѣстниковъ во всѣ части сербскаго государства объявить о своемъ вокраленіи. Вскорѣ потомъ, 8 Сентября, въ праздникъ Рождества Богородицы, „въ царскомъ дворѣ Свечниѣ“, въ присутствіи высшаго духовенства и всего собора земли Сербской, архи-

¹⁾ Извѣстный сербскій ученый Ст. Новаковичъ въ любопытномъ своемъ изслѣдованіи „Народне традиције и критичка историја“ (*Отаѣбина* 1880 г.) старается смитъ это пятно. Основываясь на показаніи продолжателя Данила (Животи стр. 214) онъ утверждаетъ, что Дечанскій умеръ своею смертью. Отстаивая это показаніе противъ всѣхъ другихъ письменныхъ и устныхъ свидѣтельствъ, устанавливающихъ фактъ убійства, почтенный авторъ, однакожь, забываетъ, что продолжатель Данила, писавшій житіе Дечанскаго, вѣрнѣе всего былъ современникомъ Душана и потому уже не могъ обнаружить всѣхъ обстоятельствъ смерти несчастнаго краля.

²⁾ Господствовавшее долгое время между изслѣдователями сербской исторіи мнѣніе о томъ, что смерть Дечанскаго и вокраленіе Душана будто бы произошли въ 1836 г., послѣ статей Крстича (*Гласник* VII) Руварца (*Rad jugoslavenske Academiје znanosti i umjetnosti* XIX) и Ковачевича (*Годишн. Ник Чум.* III) должно быть признано окончательно несостоятельнымъ. Крстичъ впрочемъ самъ не вѣрно относитъ Звечанское убійство къ 1832 г. Разъ точно опредѣлено время вступленія на престолъ Душана, не можетъ быть сомнѣнія и о годѣ кончины его отца. Изъ житія Дечанскаго, писаннаго Григоріемъ Цамблакомъ, видно, что удушеніе краля послѣдовало очень скоро („по днѣхъ нѣкихъ оудавленія горячимоу смърти осуждаеть“ *Гласник* XI. 79) послѣ заточенія его и, слѣдовательно, не могло далеко отстоять отъ вокраленія Душана. Это послѣднее событіе, какъ неопровержимо доказалъ г. Руварацъ произошло 8 Сентября 1831 г. Значить на этотъ годъ должна падать и смерть Дечанскаго. Древнѣйшія лѣтописи—Коприницкая и Сеченицкая и отличаютъ ее подъ этимъ годомъ: „и коньчнѣу приєхъ ноямвриа 11 въ лѣто 6840 (1831 г.) Раматку 71. (Въ хиландарскомъ типикѣ помѣченъ другой день—8 Ноабриа. *Миклош. Monum. Serb.* 115). Также и у Орбини 259. Какъ новое подтвержденіе того, что смерть Дечанскаго и вступленіе на престолъ Душана послѣдовали въ 1831 году можно указать на свидѣтельство драгоцѣннаго ненаданнаго сочиненія Растича, гдѣ на основаніи архивной записи подъ 1831 г. говорится о Дубровницкомъ посольствѣ къ Душану, съ поздравленіемъ по случаю его коронаціи. *Resti: Era già morto il Rè Orossio di Russia pieno d'anni ed instabilità e gl'era successo Stefano suo figliolo, a cui la Republica mandò Ambasciatori per assister all'incoronazione.....*

епископъ Данилъ торжественно вѣнчалъ Душана на Сербское королевство. По окончаніи обряда устроено было большое празднество. Преосвященный и всѣ бывшіе на соборѣ, получили приличные подарки ¹⁾.

При такихъ условіяхъ состоялся окончательный переходъ къ Душану самодержавной власти въ Сербіи. Новый государь имѣлъ тогда около 23-хъ лѣтъ. Красота наружности соединилась въ немъ съ крупнымъ физическимъ сложеніемъ, и вся фигура его имѣла весьма внушающій видъ ²⁾. Пережитыя имъ сильныя впечатлѣнія дѣтства и юности уже выработали въ немъ стойкій, суровый, нѣсколько грубый характеръ; событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, развили въ немъ, при содѣйствіи его природной живости ума, ловкость, находчивость, хитрость; онъ познакомился уже съ военнымъ дѣломъ, понималъ обаяніе побѣды и заявилъ себя храбростію. Хорошія и дурныя стороны порядка вещей въ государствѣ предъ нимъ уже были раскрыты вполне. Однимъ словомъ Сербія получала въ лицѣ Душана вождемъ человека со всѣми задатками, которые позволяли ожидать отъ него большихъ услугъ родинѣ въ дѣлѣ развитія ея внѣшняго и внутренняго могущества, конечно подъ условіемъ, что эти задатки получатъ исполнѣ правильное примѣненіе.

---

¹⁾ „Животи“ 218—220. *Гласник* XXI. 245.

²⁾ Ср. „Животи“: „краснь оубо си ѣзоромъ образа и дивною добротою тѣла своего“. Разказъ Филиппа Мезьё о католической миссіи въ Сербію (*Гласник* XXI. 288): Rex inter omnes homines mundi suo tempore major erat corpore, et terribilis facie. Ср. также *Orbini II regno degli Slavi* p. 260.

III.

Первые походы Душана на югъ. Участіе въ византійской усобицѣ. Завоеваніе Македоніи.

Ставъ самодержавнымъ сербскимъ кралемъ, Стефанъ Душанъ въ первый же годъ ясно обнаружилъ свои политическія стремленія, которыя потомъ легли въ основаніе всей его продолжительной государственной дѣятельности. Онъ сразу выступилъ на путь завоеваній на юго-востокѣ Балканскаго полуострова, указанный ему еще дѣдомъ Милутиномъ, и шелъ по нему настойчиво и искусно до самой своей смерти. Жалкое положеніе имперіи, съ которымъ онъ могъ и лично ознакомиться, недавняя удача похода въ Македонію, предпринятаго вмѣстѣ съ отцемъ, наконецъ съ дѣтства развившея въ немъ влеченіе къ Византіи и ея культурѣ—все это манило его направить свою воинственную дѣятельность именно въ эту сторону. Ему казалось, что здѣсь онъ скорѣе всего и найдетъ самое широкое удовлетвореніе своимъ властолюбивымъ и славобивнымъ стремленіямъ, и доставитъ внѣшнее могущество молодому Сербскому государству. Войны съ имперіею, походы въ ея предѣлы съ перерывами тянутся во все его двадцати-четырёхлѣтнее правленіе. Нѣкоторые историки, какъ Энгель, насчитываютъ до 13 греческихъ походовъ Душана, но цифра эта, вѣроятно, ниже дѣйствительной, такъ какъ византійскіе лѣтописцы, на основаніи которыхъ дѣлается расчетъ, отмѣчаютъ далеко не всѣ движенія сербскаго завоевателя, ограничиваясь переименованіемъ утраченныхъ областей. Успѣхъ этого стремленія на югъ былъ блистательный: къ Сербамъ отошла почти вся западная половина имперіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замысли Душана естественно становятся все шире и шире. Онъ провозглашаетъ себя царемъ и обращаетъ свой смѣлнй взоръ на самый Цареградъ...

Въ первомъ выпускѣ нашихъ изслѣдованій мы изобразили печальное положеніе, въ которомъ находилась въ данное время разтерзываемая со всѣхъ сторонъ имперія; тамъ же мы намѣтили и главные моменты завоеваній Душана. Здѣсь намъ предстоитъ привести ихъ въ связь, рассмотреть относящіяся къ нимъ подробности и, съ помощью послѣднихъ, уяснить общій характеръ и значеніе успѣховъ, одержанныхъ Сербами на югѣ.

Подъ предлогомъ все еще неудовлетворенной мести за союзъ Андроника съ Михаиломъ Болгарскимъ, Душанъ уже въ концѣ 1331 г. возобновилъ завоеваніе Македоніи и въ теченіе трехъ лѣтъ овладѣлъ всею западною половиною ея — до р. Стримона и г. Амфиноля ¹⁾. Съ нимъ шла военная сила, собранная со всего государства, а страна, на которую онъ направлялъ свои удары, оставалась вполне беззащитною. Императоръ Андроникъ и его руководитель великій доместикъ Іоаннъ Кантакузинъ, занятые обороною ближайшихъ къ столицѣ областей противъ Болгаръ и Турокъ, переходили съ своею единственною арміею то къ Балканамъ, то къ берегамъ Проπονтиды, то къ малоазійскимъ крѣпостцамъ ²⁾ и не въ состояніи были оказать помощь западной половинѣ имперіи. Византійскіе гарнизоны по македонскимъ городамъ не были многочисленны и, сколько можно догадываться, состояли частью изъ славянскаго населенія, а потому не могли оказать большаго сопротивленія Сербамъ. Такимъ образомъ Душану стоило очень небольшихъ усилій покореніе Македоніи: въ открытое поле никто не выступалъ противъ него, а города сами сдавались ему ³⁾.

¹⁾ Greg. IX. c. 12. p. 457: καὶ ἄμα αὐτῷ (т. е. съ Душаномъ) ἐξελθόντες εἰς τοὺς φεικώσαντο τὴν Ρωμαίων χώραν ἔχρι Στριμόνος καὶ Ἀμφιπόλεως.

²⁾ См. выпускъ I, стр. 37 и слѣд.

³⁾ „Животъ“ 222, 223. „и иде тамо въоутрь гръчскааго царьства, и гради многи царьствина того *приметь*, и земле многи дръжави томъ илѣни... и съ царь слышавъ яко вса земля дръжави гръчскыи и гради вси и сими земле томъ *продаютъ се* въ роудѣ благочыствааго краля Стефана...“.

Здѣсь, собственно говоря, завоеванія и не было, а происходила въ своемъ родѣ оккупация беззащитной страны. Притомъ успѣхъ похода Душана зависѣлъ не мало еще отъ одного особаго обстоятельства. Войсками его предводительствовалъ извѣстный уже намъ ¹⁾ половчинъ Сиргианъ, одинъ изъ тѣхъ мятежниковъ-проходимцевъ, готовыхъ всегда эксплуатировать государственныя бѣдствія въ свою пользу, которыхъ не мало встрѣчается въ византійской исторіи, особенно послѣднихъ періодовъ. Уличенный въ преступныхъ замыслахъ противъ имперіи, онъ бѣжалъ къ сербскому кралоу и предложилъ ему свои услуги для завоеванія Македоніи, которая тотъ, конечно, и принялъ съ большою готовностью. Какъ бывшій войсковой начальникъ (стратигъ) въ западныхъ провинціяхъ, онъ сохранилъ значительное вліяніе въ странѣ и много способствовалъ подчиненію городовъ Сербамъ. До прихода Сиргиана Душанъ, кажется, овладѣлъ еще только слѣдующими городами: Охридъ, Прилѣпомъ и Струмицею. Сиргианъ же занялъ прежде всего Касторію и затѣмъ все дальше распространялъ господство сербскаго оружія. Для прочнаго утвержденія за Сербами Македоніи, онъ совѣтовалъ Душану взять Солунъ, и велъ уже сербскаго царя и все его войско къ низовьямъ Вардара. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строилъ еще болѣе широкіе планы и агитировалъ восстаніе по всей Фракіи ²⁾.

Это былъ уже 1334-й годъ. Извѣстіе о новой опасности и съ западной стороны вызвало страшную панику въ Византіи. Правительству казался страшнымъ не столько Душанъ, сколько Сиргианъ; если Сербы грозилъ отнятіемъ отъ имперіи Македоніи, то этотъ мятежникъ могъ произвести анархію въ ближайшихъ къ столицѣ областяхъ и, пожалуй, осуществить свои преступные замыслы относительно самихъ правителей. Избавиться отъ этой опасной личности они считаютъ прежде всего необходимымъ и для этого прибѣгаютъ къ средству, которое уже не разъ практиковалось въ подобныхъ случаяхъ византійскими государственными людьми. Въ Македонію былъ отправленъ преданный импе-

¹⁾ См. выпускъ I, стр. 10, 14, 18, 21.

²⁾ Cantacuz. II. с.с. 22—24; Greg. X. с.с. 5—7.

ратору членъ синклита, нѣкто Франць Палеологъ, который, принявъ на себя управление ближайшими къ Касторин городами (Диврою, Соскомъ, Старидолою и Хлериномъ), долженъ былъ притворно объявить себя измѣнникомъ Византіи, войти въ сношенія съ Сиргіаномъ и при первомъ благопріятномъ случаѣ убить его. Въ ожиданіи исхода дѣла, весною 1334 г., Андроникъ и самъ съ небольшимъ отрядомъ явился къ Солуни, расположившись лагеремъ на востокъ отъ города, недалеко отъ озера Болбы. Между тѣмъ сербскія войска стояли на Вардарѣ. Немного времени спустя Франць успѣшно выполнилъ принятое имъ коварное порученіе. Онъ сумѣлъ сблизиться съ Сиргіаномъ, разъ какъ-то завлекъ его подальше отъ сербскаго лагеря на рѣчку Галикъ и здѣсь съ нѣсколькими сообщниками лишилъ его жизни; затѣмъ онъ успѣлъ бѣжать въ Солунь и былъ щедро вознагражденъ императоромъ ¹⁾. Это неожиданное событіе поразило Душана: онъ лишился важнаго пособника въ осуществленіи своихъ завоевательныхъ плановъ. Горько плакалъ онъ на трупѣ несчастнаго Сиргіана и устроилъ ему пышныя похороны. Андроникъ спѣшилъ пользоваться произведеннымъ впечатлѣніемъ и черезъ пословъ просилъ у краля мира ²⁾. Душанъ согласился; теперь, повидимому, онъ не надѣялся на большіе военные успѣхи, особенно узнавъ объ уничтоженіи войсками императора большаго турецкаго отряда, высадившагося у Сермилии ³⁾; къ тому же извѣстіе о движеніи на Сербію угорскаго короля Карла Роберта заставляло его остановить на время завоеванія на югъ. 26 августа 1334 г. ⁴⁾ на берегу той же рѣчки Галика, гдѣ погибъ Сиргіанъ, близъ Солуни, состоялось свиданіе обоихъ государей. Андроникъ обнаружилъ уступчивость въ переговорахъ, а

¹⁾ Cantacuz. II. с. 25. р. 451—457; Greg. X. с. 7. р. 500.

²⁾ Кантакузинъ, старавшійся, какъ уже мы не разъ замѣчали, представить всѣ дѣянія свои и Андроника въ возможно лучшемъ освѣщеніи, и здѣсь прикрашиваетъ дѣло, представляя его такъ, какъ будто бы Душанъ первый искалъ мира и союза съ Византією. Между тѣмъ Григора, согласно съ авторомъ житія Душанова („Животи“ изд. Д а н и ч и ѣ), приписываетъ инициативу переговоровъ и соглашенія Андроникъ.

³⁾ См. выпускъ I, стр. 89.

⁴⁾ „Животи“. 244. Ср. *Rad Jugoslovenske Akademije*. XIX. р. 182.

Душанъ, спѣша на защиту отъ вторженія Угровъ сѣверныхъ предѣловъ королевства, отказался отъ части завоеваній ¹⁾, вѣроятно, отъ полосы земли, лежащей въ южной Македоніи между рр. Страбономъ и Вардаромъ. При всемъ томъ по этому миру къ Сербіи отошли города: Охрида, Прилѣгъ (здѣсь Душанъ устроилъ себѣ царскій дворецъ), Касторія, Струмица, Хлеринъ, Желѣзпецъ, Водена и Ченрѣвъ ²⁾. Императоръ и король пропировали цѣлый день, обмѣнялись подарками и разстались друзьями.

Душанъ на время вернулся въ Сербію. Въ Житіи онъ собралъ войска, чтобы двинуться на встрѣчу Уграмъ. Но до столкновения между ними дѣло не дошло. Карлъ Робертъ не ожидалъ встрѣтить Сербовъ готовыми къ отпору неприятеля и послѣдшилъ отступить къ Дунаю. Отступление происходило въ безпорядкѣ и, по словамъ автора житія Душана, сопровождалось большими потерями при переправѣ черезъ Саву ³⁾. Кантакузинъ къ этому добавляетъ, что императоръ Андроникъ послалъ къ сербскому кралю, по его просьбѣ, большой и самый лучший отрядъ изъ своихъ войскъ ⁴⁾, и высказываетъ предположеніе, что извѣстіе объ этой помощи и должно было утратить Угровъ. Мы позволяемъ себѣ усомниться въ справедливости этого свидѣтельства нашего историка, который, при всей огромной исторической важности его труда, не можетъ быть признанъ писателемъ объективнымъ и вполне достовернымъ, даже съ фактической стороны. Онъ не ограничивается тѣмъ, что даетъ свою особую окраску всѣмъ описываемымъ событіямъ, но и не прочь иногда (хотя и не часто) вое-что присочинить. Такъ и здѣсь разказъ о помощи Византійцевъ

---

¹⁾ Кантакузинъ (Vol. I. p. 457) говоритъ будто Андроникъ снова получилъ (всѣ города вѣтне было Сиргіаномъ. Но это несправедливо: поступать всѣми приобретѣніями Душану не было крайней необходимости. Притомъ Григора и совсѣмъ не упоминаетъ о какихъ либо уступкахъ со стороны Сербовъ, а въ житіи Царя Стефана, заключающемъ фактически достоверныя свѣдѣнія, говорится объ уступкѣ только нѣкоторой части земли и городовъ.

²⁾ „Житіи“ 226.

³⁾ „Житіи“ 280.

⁴⁾ Cantac. II. 25. p. 458: ἡσθεὶς δὲ ὁ βασιλεὺς πρὸς τὴν πρεσβείαν, στρατιῶν ἀπολεξάμενος πολλὴν τε καὶ ἀγαθὴν, ἐπέμφεν εἰς Κράλην συμμαχίαν.

противъ Угровъ слѣдуетъ считать вымышленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ императоръ посылать своему новому союзнику войска, да еще лучшія и въ большомъ количествѣ, когда постоянно самъ въ нихъ нуждался. Во всѣхъ войнахъ и походахъ, которые ему приходилось вести почти непрерывно, онъ вѣчно озабоченъ составленіемъ арміи, что, вслѣдствіе разоренія и обезлюженія провинцій имперіи и печальнаго положенія ея финансовъ, всегда сопряжено съ большими затрудненіями. Можно положительно сказать, что въ то время у Андроника не было лишняго солдата, особенно если взять во вниманіе, что, по собственному же свидѣтельству Кантакузина, онъ явился въ Солунь съ небольшимъ отрядомъ, а заключивъ миръ съ Душаномъ, готовился къ походу въ Фессалію. Но такъ какъ въ основаніи историческаго вымысла обыкновенно лежитъ какая либо черта дѣйствительности, то и въ упомянутомъ свидѣтельствѣ Кантакузина можно видѣть указаніе на то, что Андроникъ вслѣдствіе старался расположить къ себѣ сербскаго государя и, быть можетъ, предлагалъ свою помощь, имѣя въ виду обезопасить свой тылъ на то время, пока онъ будетъ занятъ на югѣ возвращеніемъ къ имперіи областей Фессаліи и Эпира.

Душанъ, однако, не пустился преслѣдовать Угровъ; его не тянуло на сѣверъ къ Дунаю; въ коренной Сербіи онъ также не долго оставался ¹⁾. Въ 1335 г. мы видимъ его снова въ Македоніи. Императоръ Андроникъ въ это время только что вернулся въ Солунь, удачно совершивъ присоединеніе къ Византіи Фессаліи и части Албаніи ²⁾. Такое скорое возвращеніе сербскаго краля въ недавно завоеванную область естественно возбуждало въ немъ сомнѣніе въ прочности Солунскаго мира. Борьба съ Латинами и Тур-

---

¹⁾ Что первый походъ Угровъ противъ Душана относится къ 1334 г., въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Ср. *Rad.* II, 82 статью Рачкаго. Кромѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ Кантакузина и автора житія Душанова можно еще сослаться на замѣчаніе Растича, стоящее подъ 1334 г. „*Voltò (т. е. Душанъ) la sua gente alla rovina del stato vecchio di Ragusa, e l'aurebbe destrutto tutto se intanto non fosse stato necessitato richiamar le sue truppe per difender il suo stato molestato di la dal Danubio dagli Ungari*“. Ср. также Fejer. *Codex diplomaticus Hungariorum*. VIII. Vol. 3 p. 728.

²⁾ См. выпускъ I, стр. 51.

ками отзывала его на востокъ. Чтобы сдѣлать что-либо для обезпеченія запада отъ новыхъ сербскихъ завоеваній онъ прибѣгаетъ къ нерѣдко употребляемому имъ средству—дипломатіи.

Устраняется новое свиданіе императора съ Душаномъ, но уже во владѣніяхъ краля. На основаніи этого послѣдняго обстоятельства и соображеній о политическомъ положеніи вещей на Балканскомъ полуостровѣ въ это время, мы и составляемъ высказанное заключеніе о мотивахъ и значеніи этого свиданія. Кантакузинъ, въ исторіи котораго только и разказывается объ этомъ событіи, не безъ умысла умалчиваетъ о самомъ существенномъ—о цѣли свиданія и предметѣ переговоровъ, и весьма некстати приписываетъ инициативу всего дѣла Душану, который будто бы хотѣлъ дружески повеселиться и побесѣдовать съ императоромъ ¹⁾ и просилъ его назначить удобное для того мѣсто. Сообщаемыя имъ же самимъ весьма любопытныя подробности лучше всего доказываютъ всю неестественность подобнаго объясненія. Не Душанъ домогался лицезрѣнія императора, а напротивъ, послѣдній искалъ случая упрочить мирныя отношенія съ сербскимъ кралемъ, побуждаемый къ тому политическими затрудненіями въ другихъ частяхъ имперіи. Рѣшено было сойтись въ землицѣ Боніи (ἐν Βαῖρι..... χωρίῳ Μακεδονικῷ). Сюда и отправился Душанъ изъ своего города, вѣроятно, изъ Скопії (Скопле). Но Андроникъ, желая напугать краля и частью выразить ему знаки самой искренней дружбы, какъ говоритъ Кантакузинъ, а по нашему мнѣнію, просто имѣя въ виду такъ либо иначе произвести впечатлѣніе въ свою пользу на опаснаго сосѣда, перемѣнилъ планъ и вмѣсто того, чтобы съ пышною свитою и большимъ военнымъ отрядомъ идти въ Бонію, въ сопровожденіи всего 300 воиновъ и нѣсколькихъ представителей знати, неожиданно подступилъ къ гор. Радовишту (Ραδοβόδιον), гдѣ тогда остановился Душанъ. Сербскій краль дѣйствительно былъ встревоженъ этою неожиданностью и заподозрилъ императора въ непріязненныхъ намѣреніяхъ, но потомъ, увидя ничтож-

---

¹⁾ См. Cantacuz. II, с. 28, р. 474: Καὶ μετ' οὐ πολλὰς ἡμέρας πρεσβεῖαν πρὸς αὐτὸν ὁ Κραλῆς πεπομπῶς ἤξιον καθ'ὄν ἀν δοκοῖη τόπον γενομένους ἐν ταύτῃ φιλίας ἔνεκα, ἀλλήλοις τε συνησθῆναι καὶ ὀμιλίας τῆς ἀλλήλων καὶ συντυχίας ἀπολαύσαι.

ную его свиту, вполне увѣрился въ его доброжелательности и оказалъ ему самый радушный пріемъ и почетъ, соответствующій его императорскому сану. Семь дней они вмѣстѣ пиروвали и угощались на славу. На восьмой день государи разстались, оба довольные другъ другомъ. Императоръ отправился домой, а король остался въ своемъ городѣ ¹⁾. Изъ этого тона разказа ясно видно, что Андроникъ былъ въ гостяхъ у Душана. Ради государственныхъ интересовъ, онъ поступался традиціями величія самодержца вселенной и шелъ самъ за добривать славянскаго государя, угрожавшаго беззащитной имперіи ²⁾.

Это дипломатическое путешествіе императора до нѣкоторой степени достигло своей цѣли. Во время его войны за Фокею и Лесбось Душанъ не предпринимаетъ новыхъ захватовъ въ Македоніи и даже какъ бы содѣйствуетъ Византіи, обращая оружіе противъ Латиновъ, гнѣвавшихся на восточномъ берегу Адриатики. Въ 1336 г. онъ начинаетъ завоеваніе Средней Албаніи, обращаясь прежде всего на Драчъ, который съ прилегавшею къ нему страню признавала власть Анжуйцевъ. Опустошивъ огнемъ окрестности, онъ вошелъ въ сношенія съ мѣстными боярами и „ласкою и дарами“ привлекъ ихъ на свою сторону ³⁾. Вскорѣ они отворили ему ворота Драча ⁴⁾. За предѣлы анжуйскихъ владѣній Сербы въ этомъ году не пошли. Быть можетъ, Душанъ, не хотѣлъ нарушать соглашенія съ императоромъ и занимать страну, которая признавала власть имперіи; съ другой стороны, его вѣроятно останавливало начавшееся сильное движеніе между воинственными албанскими племенами (въ странѣ между рр. Шкумбомъ и Вокую). Онъ выждалъ то время, когда Андроникъ, при помощи турецкихъ

¹⁾ Ibidem. p. 475.... μετὰ τὴν ἐξδρόμην αὐτὸς μὲν ὑπελείπετο εἰς τὴν οἰκίαν, βασιλεὺς δὲ χαίρων χαίροντα οἰκαδὲ ἀπέπεμπε.

²⁾ Не можемъ здѣсь не отмѣтить одной весьма важной частности, попавшей въ разказъ Кантакузина объ этомъ свиданіи. Онъ называетъ Радовиштъ — среднюю землю Душана („ἔτι περὶ μέσῃ τῇ οἰκίαν διατρίβοντι τῷ Κράτῃ κατὰ τὸ Ῥαδοβῆσδιον προσαγορευόμενον“). Подъ этой землей должна разумѣться недавно завоеванная Македонія. Отсюда видно какая значительная часть этой провинціи отошла уже къ Сербамъ.

³⁾ В. Макушевъ. „Историческія размысканія о Славянахъ въ Албаніи“. 46.

⁴⁾ Ibidem. Registri Angiovinii vol. С.С.С.П. f. 96.

полчищъ, смирилъ эти возставшія племена и своимъ движеніемъ подь Драчь ¹⁾ далъ поводъ сербскому кралоу опять открыть неприязненныя дѣйствія противъ Византіи. Едва императоръ двинулся въ Эпирское деспотство, какъ Душанъ вступилъ въ разоренную турками Среднюю Албанію и безъ труда занялъ важнѣйшіе пункты. Уже въ 1337 г. сербскія знамена развѣвались на стѣнахъ Авлоны и Канины ²⁾. Затѣмъ, пользуясь затрудненіями, съ которыми приходилось бороться Андронику для присоединенія къ Византіи деспотства Эпирскаго, онъ постепенно распространялъ свою власть далѣе къ югу и въ 1340 г. покорилъ уже всю страну прежнихъ независимыхъ Албанцевъ до Янины, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ албанскаго короля ³⁾. Подробностей объ этомъ покореніи почти неизвѣстно ⁴⁾. Со стороны Византійцевъ, оно, какъ мы уже замѣтили, не встрѣчало сопротивленія; албанское же населеніе, повидимому, не безъ борьбы признало сербское господство. Выдающіеся представители албанскаго боярства Музакъ и Топія сперва заключили съ Анжуйцами договоръ, которымъ обязывались имъ помогать въ возвращеніи Албанскаго королевства, но затѣмъ имъ самимъ пришлось заботиться о самозащитѣ. Андрей II Музакъ, при вѣсти о вторженіи Душана въ Албанію, выступилъ на встрѣчу ему съ большимъ войскомъ и разбилъ одного изъ сербскихъ вождей въ горахъ Перистеріи, у источника, называемаго Добрида, за что и былъ пожалованъ отъ византійскаго императора гербомъ съ изображеніемъ двуглаваго орла и титуломъ деспота Эпира ⁵⁾. Значитъ, здѣсь Сербамъ пришлось употребить нѣкоторыя усилія, но въ концѣ концовъ Албанцы, не получая поддержки ни отъ Византіи, ни отъ Анжуйцевъ, склонились передъ сербскимъ завоевателемъ

¹⁾ См. выпускъ I, стр. 52.

²⁾ *Not f. Griechenland im Mittelalter Ersch. u. Gruber. Bd. 85. ss. 429, 446.*

³⁾ Ljubić. „Monumenta Slavorum meridionalium“. V. II. p. 348 ff

⁴⁾ Важныя свѣдѣнія о походахъ Душана въ Албанію, сколько можно догадываться, должны находиться въ матеріалахъ, собранныхъ проф. В. В. Макушевичемъ съ сожалѣніемъ, еще не вполне изданныхъ, и особенно въ грамотѣ, данной Душаномъ Датайку Меднику. Ср. „Разсканія“. 46.

⁵⁾ В. Макушевъ: „Историческія разсканія о Славянахъ въ Албаніи“. 48. 52. Владѣнія Музакіевъ простирались между рр. Шкумбомъ и Воюсею.

Такимъ образомъ результатъ походовъ перваго десятилѣтїя правленїя Душана былъ тотъ, что его владѣнїя вошли клиномъ между деспотствомъ Эпирскимъ и Фессалїею (герцогствомъ Влахїею). Занявъ такую позицію, онъ облегчилъ себѣ завоеванїе этихъ обѣихъ областей. Но прежде того, онъ обратился снова на Македонїю; обстоятельства указывали ему на возможность новой легкой жизни въ этой странѣ.

Едва узнавъ о смерти Андроника Младшаго, Душанъ выслалъ отрядъ въ южную Македонїю, который дошелъ до такъ называемаго Бритскаго селенїя, близъ Солуни. Византїйскаго войска для отраженїя непрїятеля, какъ и можно было ожидать, не оказалось; населенїе, предувѣдомленное объ опасности, укрылось со своимъ имуществомъ по городамъ; Сербы ограничились тѣмъ, что разграбили, сколько могли, несчастную провинцію и вернулись къ своему повелителю. Стоявшїй во главѣ византїйскаго правительства Іоаннъ Кантакузинъ, занятый планомъ кампанїи въ Пелопоннѣс, считалъ нужнымъ поддержать мирныя отношенїя съ сербскимъ краемъ и отправилъ къ нему пословъ, которые возобновили прежнїй договоръ, заключенный при Андроникѣ ¹⁾. Этотъ миръ былъ весьма не продолжителенъ. Вскорѣ въ Византїи началась новая усобица. Душанъ принялъ въ ней дѣятельное участїе и, поддерживая то одну, то другую сторону, извлекъ для себя не малыя выгоды. Кантакузинъ, провозгласившїй себя императоромъ, стѣсненный противною партїею, первый обратился за помощью къ сербскому краю. Весьма любопытны передаваемыя въ источникахъ подробности о пребыванїи въ Сербїи этого искателя византїйскаго престола и объ отношенїяхъ, которыя устанавливаются между нимъ и Душаномъ. Въ нихъ хорошо обрисовывается и личность славянскаго завоевателя Византїйскаго имперїи и вся обстановка, при которой онъ довершаетъ завоеванїе Македонїи.

Явившїсь въ 1342 г. въ западные предѣлы имперїи искать помощи для добыванїя Цареграда, Кантакузинъ нашелъ Македонїю въ очень печальномъ положенїи. Южная ея часть, съ Солунью и

---

¹⁾ Cantacuz. III. c. 42. Vol. II. p. 82.

Сересомъ, находилась подъ управленіемъ византійскихъ намѣстниковъ; а вся сѣверная (немного далѣе за Просѣкъ) уже была занята Сербами. По городамъ сидѣли сербскіе воеводы, или перешедшіе на сербскую службу византійскіе чиновники (какъ въ Просѣкѣ) ¹⁾, близъ городовъ мѣстами явились сербскіе поселенцы ²⁾. Вслѣдствіе недавняго переворота и непрочности послѣдовавшихъ за нимъ новыхъ отношеній между элементами населенія, въ странѣ господствовала полная неурядица. Поселяне и всякій сборный людъ тайкомъ ходили по дорогамъ и производили грабежи и опустошенія ³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ и не вся занятая Сербами полоса Македоніи была тѣсно связана политически съ королевствомъ; городомъ Струмицею и среднимъ теченіемъ р. Стримона владѣлъ знаменитый въ сербской исторіи властель Хрели, который незадолго предъ тѣмъ объявилъ себя независимымъ отъ краля ⁴⁾. Образованное имъ княжество было не велико, но онъ фактически господствовалъ во всей восточной половинѣ Македоніи и со своими легкими отрядами ходилъ до Христополя ⁵⁾. Кантакузинъ уже раньше (особенно во время свиданія въ Радовиштѣ) сблизился со многими изъ сербскихъ бояръ и теперь прежде всего обратился къ Хрели Тотъ не отказался помочь, но дѣйствовалъ весьма уклончиво ⁶⁾, такъ что Кантакузинъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ привлечь на свою сторону нѣкоторые города, очутился въ концѣ концовъ въ весьма затруднительномъ положеніи и рѣшился искать помощи у самого Душана. Послѣдній между тѣмъ, какъ бы не обращая вниманія на военныя диверсіи Хрели и Кантакузина, думалъ о приобрѣтеніи Вотіи; его войска осаждали Едессу (Водену),

---

¹⁾ Ibidem. Vol. II. p. 237, 239.

²⁾ Ibidem. p. 236. καὶ τῶν νομάδων Τριβαλλῶν τις περὶ Πρόσοικον οἰκῶν ἐν κώμῃ τοῦ Δαβὶδ προσαγορευομένη, Τζιμπάνος ὄνομα.....

³⁾ Greg. XIII. c. 2. p. 638.

⁴⁾ Greg. XII. c. 16. p. 626. φοβερὸς τις καὶ πάντο τοι δυσπικυεῖρητος τῷ κράτῃ Σερβίας ἐγένετο. Кантакузинъ по обыкновенію смягчаетъ значеніе этого факта, и говоритъ, что Хрели, 'отпавъ отъ Душана, призналъ власть Андроника. Cantac. II. c. 31, 37.

⁵⁾ Greg. ibidem. p. 632.

⁶⁾ Cantac. III. c.c. 37, 38.

отъ которой, впрочемъ, должны были отступить съ приближеніемъ византійской арміи Апоавка ¹⁾.

Предварительно Кантакузинъ отправилъ къ кралю посольство, которое должно было напомнить ему о непрочности земной славы и благополучія, и, объяснивъ постигшее императора несчастіе просить оказать ему посильную поддержку. Посольство это было перевачено близъ Просѣва однимъ сельскимъ пастухомъ Чимпаномъ, который измѣнически отвезъ его въ Солунь къ Апоавку, былъ за это щедро награжденъ и принималъ византійское подданство ²⁾. Тогда Кантакузинъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ двинулся самъ въ сербскіе предѣлы. Направляясь отъ Гинековастра, послѣ всякаго рода тревогъ и лишеній, онъ пришелъ сперва къ Просѣку, нашелъ здѣсь дружескій приемъ у воеводы Михаила, оказавшагося старымъ его знакомымъ, бывшимъ служителемъ при византійскомъ дворѣ, затѣмъ переправился черезъ Вардаръ и вступилъ на дорогу въ Скопю. Близъ Велеса его встрѣтилъ правитель той части Сербіи Оливеръ (Διφέρτος). Это былъ одинъ изъ тѣхъ знатныхъ и вліятельныхъ Сербовъ, дружбою которыхъ Кантакузинъ въ свое время сумѣлъ заpastись весьма встати. Онъ оказалъ знатному пришельцу весьма радушный приемъ и должный почетъ и общалъ съ своей стороны всякое содѣйствіе. Кантакузинъ разспросилъ передъ нимъ въ благодарностяхъ, одарилъ его бывшими при немъ драгоценными одеждами и серебряными вещами и предлагалъ своего сына Мануила въ мужа дочери сербскаго вельможи, лишь бы тотъ облегчалъ ему доступъ къ кралю. Заручившись отъ Оливера рекомендательными письмами къ Душану и проводникамъ, онъ прибылъ на пятнадцатый день пути въ Скопю ³⁾. Между тѣмъ самъ Оливеръ отправился лично ходатайствовать предъ кралемъ. Онъ засталъ ⁴⁾ его гдѣ-то на Моравѣ, провожающимъ жену Елену въ Болгарію къ ея брату, царю Александру. Врядъ ли ему пришлось убѣждать краля въ необходимости оказать при-

¹⁾ Ibidem. p. 240, 255.

²⁾ Cantac. Vol. II. p. 256. Greg. XIII. c. 2. p. 637.

³⁾ Cantac. III, c. 42. p. 256—260. Greg. XIII. c. 2. p. 638—639.

⁴⁾ Cantac. p. 260: παρί τινα τόπον Μοράβαν ἐγγυσιως προσαγορευόμενον...

емъ Кантакузину, какъ объ этомъ говоритъ послѣдній въ своей исторіи ¹⁾. Принесенное имъ извѣстіе о прибытіи въ Сербію претендента на императорскій престолъ само по себѣ представляло большую важность, которой не могъ не одѣлнить самъ Душанъ. Король и кралица отложили поѣздки въ Болгарію и отправились на встрѣчу византійскому гостю. Впередѣ для пріятствования его былъ посланъ братъ Оливера, Богданъ. Свиданіе произошло близъ Приштины, въ мѣстечкѣ Тао (Таѡ). Душанъ принялъ Кантакузина съ большимъ почетомъ. Послѣ обычныхъ пріятствій, которыя приличествуютъ государямъ, они обмѣнялись подарками. Кантакузинъ поднесъ королю и его супругѣ драгоценныя вещицы изъ своихъ сокровищъ; полученные же имъ отъ Душана предметы не отличались ни великолѣпіемъ, ни изяществомъ работы. Непосредственно за тѣмъ король предоставилъ византійскому отряду императора мѣста для жительства, пастбища и продовольствіе; но все это, по словамъ Григорія, отзывалось скупостью сербскаго государя и носило мѣстный грубый характеръ, который не нравился Византійцамъ ²⁾. Если не видѣть въ этомъ разказѣ обычной у византійскихъ писателей брезгливости ко всѣмъ вообще не-Ромѣямъ, то можно думать, что Душанъ, не предоставляя Кантакузину сразу всѣхъ матеріальныхъ удобствъ, хотѣлъ тѣмъ яснѣе показать ему всю его зависимость отъ сербской помощи и тѣмъ скорѣе добиться извѣстныхъ уступокъ въ предстоящихъ переговорахъ. За то въ отношеніи внѣшнихъ знаменъ почтенія, которыя оказывались Кантакузину, если вѣрить всѣмъ сообщаемымъ имъ подробностямъ, трудно было ожидать чего нибудь большаго. Сербскій король какъ бы гордился тѣмъ, что у него гоститъ византійскій императоръ хотя бы пока номинальный и, быть можетъ, не безъ намѣренія старался выставить передъ своими властями и народомъ высоту и величіе императорскаго сана, который онъ мечталъ современемъ перенести и на себя. Вездѣ, гдѣ-бы они ни сходились вмѣстѣ, за столомъ ли, въ дорогѣ ли, онъ предоставлялъ высокому гостю первое мѣсто, первую честь. Для Кантакузина былъ отиѣненъ прежній сербскій,

¹⁾ Ἐπειθε φιλοφρόνως δεξασθαι..... οἱ δ' αὐτίκα τε ἐπαίδοντο....

²⁾ Greg. p. 640. γλιεχρῶς μὲν καὶ σμικροπρεπῶς καὶ κατὰ σύντροφον ἔθος.

болѣ простой этикетъ и сдѣланъ обязательнымъ византійскій. По сербскому обычаю всякій властель, давно не выдавшій своего государя, при встрѣчѣ съ нимъ сходилъ съ коня и привѣтствовалъ краля, который также слѣшивался, подѣлуемъ сперва въ грудь, а потомъ въ уста; при вторичной же встрѣчѣ можно было ограничиваться выраженіемъ привѣтствія, оставаясь на конѣ. Теперь Душанъ предписалъ всѣмъ Сербамъ, при всякой встрѣчѣ съ Кантакузиномъ, на почтительномъ разстояніи оставлять коней, пѣшкомъ подходить къ императору и прикладываться къ его колѣну. Это постановленіе соблюдалось и тогда, когда государи были вмѣстѣ; краля, согласно обычаю, сходилъ съ коня для принятія привѣтствія, а императоръ дождался знаковъ почтенія, оставаясь на конѣ. Еще болѣею торжественностью сопровождалась посѣщенія Кантакузиномъ королевскаго дворца, происходившія почти каждый день. У входа его встрѣчали молодые бояре, въ сѣняхъ (ἐνδοῦ δὲ τῆς αἰθῆς) привѣтствовали болѣе старые и заслуженные властели и наконецъ въ первомъ покоѣ его привѣтствовалъ самъ краля; иногда же самъ Душанъ выходилъ къ тому мѣсту, гдѣ Кантакузинъ слѣзалъ съ коня. Кралица Елена не уступала мужу въ чествованіи императора ¹⁾.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ пирахъ и выраженіи взаимныхъ знаковъ дружелюбія, приступлено было къ переговорамъ. Кантакузинъ подробно рассказываетъ о ходѣ переговоровъ и приводитъ рѣчи, произнесенныя по этому случаю имъ самимъ, кралемъ и другими лицами, принимавшими въ нихъ участіе. Григора, повидимому, имѣвшій въ рукахъ эти рѣчи, выпускаетъ ихъ въ своемъ изложеніи этихъ событій, не безъ основанія находя въ нихъ болѣе риторики, чѣмъ разъясненія дѣла ²⁾. Въ общемъ нельзя не признать справедливымъ послѣднее замѣчаніе почтеннаго историка-современника. Можно даже болѣе сказать: многое что Кантакузинъ заставляетъ говорить себя и другихъ при этихъ переговорахъ, отзывается не только риторикою, но и позднѣйшимъ присочинительствомъ. Если и дѣйствительно были произнесены

¹⁾ Cantacuz. III. с. 43. р. 261—262.

²⁾ Greg. р. 641.

приводимыя имъ его собственныя рѣчи, въ которыхъ онъ по всемъ правиламъ краснорѣчія хотѣлъ рельефно отгнѣнить мысль, что онъ проситъ помощи краля во имя безкорыстной дружбы и не поступитъ ни одною іотой интересовъ имперіи ради этой помощи; то едва ли могла кралица Елена въ своей рѣчи такъ превозносить Кантакузіяна, какъ это представлено въ его исторіи. При всемъ томъ необходимо допустить, что разказъ вѣнценоснаго участника этихъ событій заключаетъ въ себѣ весьма важныя данныя какъ для сужденія объ отношеніи Душана къ Кантакузину и вообще къ византійскимъ дѣламъ того времени, такъ и для заключенія о вѣкоторыхъ сторонахъ положенія и значенія сербскаго государя въ собственномъ его государствѣ. Нужно только снять съ этихъ данныхъ лишній слой краски, густо наложенной самимъ авторомъ.

Прежде всего достойно вниманія то обстоятельство, что вопросъ о соглашеніи съ Кантакузиномъ и, слѣдовательно о войнѣ съ Византією обсуждался и рѣшался не однимъ кралемъ, а при участіи его супруги и двадцати четырехъ владетелей, между которыми былъ и Оливеръ. Душанъ соглашался оказать Кантакузину поддержку, но подъ условіемъ, чтобы тотъ уже теперь отказался въ пользу сербскаго государя отъ всей западной половины имперіи, начиная отъ Христополя, или, по крайней мѣрѣ, отъ Солуни ¹⁾. Онъ мечталъ, такимъ образомъ, въ случаѣ успѣха поддерживаемаго имъ претендента безъ труда присоединить къ королевству южную Македонію, Вогію, Фессалію и Эпиръ. Кантакузинъ, который, какъ мы уже показали, не мало сдѣлалъ для собиранія земель имперіи и при всемъ своемъ честолюбіи сознавалъ интересы ея, теперь, провозглашая себя верховнымъ главою ея, не могъ принять подобнаго тяжелаго условія. Въ искусной рѣчи, онъ развивалъ предъ кралемъ философію истинной безкорыстной дружбы, при которой друзья не считаются услугами и не нуждаются въ наградахъ за нихъ, такъ какъ у нихъ все общее, и рѣшительно заявилъ намѣреніе искать скорѣе другихъ средствъ къ исходу изъ своего тяжелаго положенія, чѣмъ согласиться на добровольное распаденіе имперіи. Силою своего

---

¹⁾ Cantacuz. p. 264.

краснорѣчія онъ разсчитывалъ побудить Душана къ уступчивости. Но тотъ и самъ не имѣлъ основанія настаивать на своемъ условіи: для него важно было не упустить случая вмѣшаться въ византійскія дѣла, а одно обѣщаніе отдать Сербіи области, которыя еще не принадлежали и Кантакузину, не представляло въ его глазахъ большой важности; все равно ему приходилось еще отвоевывать эти области. Тѣмъ не менѣе на исходъ переговоровъ должно было повліять ходатайство за Кантакузина Оливера и его сестры кралицы Елены. Ихъ, вѣроятно, поддержалъ и совѣтъ бояръ: одни изъ нихъ могли быть также задобрены Кантакузиномъ, какъ Оливеръ; другіе дѣйствовали въ угоду кралицѣ, или самому Оливеру, который является однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ людей при Душанѣ; третьи, наконецъ, могли имѣть свои виды и цѣли, для участія въ предполагаемой кампаніи. Всѣ эти лица, по словамъ Кантакузина, находили достаточнымъ признаніе съ его стороны *statu quo*, т. е. всѣхъ уже сдѣланныхъ Сербамъ завоеваній въ предѣлахъ имперіи. Но нужно думать, что это было не единственное предложеніе со стороны сочувствовавшей Кантакузину партіи: странно было бы ожидать, чтобы Душанъ сталъ домогаться подобнаго признанія своихъ завоеваній; тогда Сербамъ не могло приходить въ голову, что Византійцы могутъ потребовать назадъ утраченное. Во всякомъ случаѣ король не ограничился одними этими предложенными ему условіями. Уступая голосамъ, раздававшимся за оказаніе помощи Кантакузину, онъ заключилъ съ нимъ соглашеніе или союзъ, но внесъ въ него нѣсколько пунктовъ, посредствомъ которыхъ имѣлъ въ виду извлечь для себя извѣстныя выгоды ¹⁾. Въ разказѣ Кантакузина эти пункты частью выпущены, частью облечены съ обычнымъ ему искусствомъ въ форму, отвѣчавшую его цѣли—представить въ своихъ запискахъ полное оправданіе всѣхъ своихъ дѣяній.

Въ его изложеніи весь договоръ является актомъ, основаннымъ главнымъ образомъ на взаимной дружбѣ обоихъ монарховъ и весьма выгоднымъ для того изъ нихъ, который нуждался въ помощи. Кантакузинъ признавалъ сдѣланныя Душаномъ завоеванія и общалъ

¹⁾ Cantacuz. III. c. c. 43, 44. p. 263—270.

ему свою поддержку, когда самъ онъ будетъ императоромъ, а союзнику его будутъ угрожать враги; краль же за это обязывался оказать ему посильную военную помощь въ борьбѣ съ императрицею Анною и Иоанномъ Палеологомъ. Онъ долженъ принять открыто сторону Кантакузина и, помогая ему въ утверженіи его власти въ византійскихъ областяхъ, долженъ отказаться отъ всякихъ своекорыстныхъ цѣлей за предѣлами уже признанныхъ завоеваній. Всѣ города, которые будутъ заняты или завоеваны при содѣйствіи Сербовъ, отходятъ къ императору. Еслибы даже случилось, что краль, или кто-либо изъ его воеводъ, въ отсутствіе Кантакузина, овладѣетъ принадлежащимъ Византіи городомъ—все равно, оружіемъ ли, черезъ добровольную сдачу, или путемъ подкупа—городъ этотъ долженъ быть переданъ императору, безъ всякаго возраженія ¹⁾. Вотъ въ этомъ пунктѣ, мнѣ кажется, нашъ историкъ прежде всего и отступаетъ отъ истины. Высказать ее было ему и тяжело, и не хотѣлось. На самомъ дѣлѣ о такой безкорыстной помощи со стороны краля не могло быть и рѣчи. Дальнѣйшій образъ его дѣйствій ясно показалъ это; но и въ самомъ договорѣ уже сказалось не менѣе ясно намѣреніе Душана—не упускать изъ виду своихъ интересовъ. Кантакузинъ вынужденъ былъ поступиться до нѣкоторой степени благами имперіи и ужь отнюдь не выговорилъ для нея безопасности отъ дальнѣйшихъ захватовъ сербскаго государя. Григора, которому въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого основанія не вѣрить, слѣдующимъ образомъ передаетъ это главное условіе договора: „Между ними (Душаномъ и Кантакузиномъ) было заключено соглашеніе, подтвержденное взаимными клятвами, о томъ, что они разставшись не будутъ мѣшать одинъ другому въ преслѣдованіи счастья, но всегда будутъ оставаться въ ненарушимыхъ предѣлахъ дружбы, и что подвластные Византіи цари города должны отходить къ тому изъ нихъ, кому сами пожелають сдаться, путемъ добровольнаго соглашенія, или къъмъ будутъ приведены къ

---

¹⁾ Cantac. III. 45. p. 273: ἂν δ' ἀπόντος βασιλέως, ἢ αὐτὸς Κράλης ἢ ἔπλοις, ἢ ὁμολογία, ἢ χρήμασι τοὺς κατοικοῦντας διαφθείρας, ἢ τῶν ὑπ' αὐτὸν δυνατῶν τις πόλιν παραστήσεται τῶν Ῥωμαίους ὑπάρχων καὶ ταύτην εἶναι βασιλέως καὶ ἀποδίδοναι ἀπαιτοῦντι, μὴδὲν πολυπραγμονοῦντας.

покорности осадю, такъ что и здѣсь одинъ не будетъ помѣхой другому“¹⁾).

И такъ, Душанъ получалъ право—помогая Кантакузину и для себя дѣлать приобрѣтенія въ византийскихъ областяхъ. Изъ текста договора, приводимаго Григоріемъ видно даже, что для этихъ приобрѣтеній крало открывался неограниченный просторъ. Оставалось только пользоваться удобнымъ случаемъ и возможно искуснѣе соперничать съ своимъ союзникомъ въ завоеваніи византийскихъ городовъ.

Другое условіе, внесенное въ договоръ по настоянію Душана, касалось извѣстнаго Хрели. Крало обязывалъ Кантакузина отказаться отъ всякой солидарности съ этимъ сербскимъ измѣнникомъ и возвратитъ полученный отъ него гор. Мельникъ. Что такое условіе дѣйствительно было поставлено Душаномъ и принято Кантакузиномъ на это нѣтъ прямаго свидѣтельства; о существованіи его мы заключаемъ на основаніи краткихъ указаній Григорія и соображеній касательно всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствъ переговоровъ и ихъ послѣдствій. Самъ Кантакузинъ передаетъ вѣрно только фактъ подчиненія Хрели Душану и всячески старается скрыть, что это подчиненіе состоялось съ его согласія. Онъ представляетъ дѣло такъ, что послѣ продолжительныхъ преній крало, наконецъ, согласился на то, чтобы Хрели, какъ уже признавшій верховную власть императора, оставался за послѣднимъ. Но на другой день послѣ такого соглашенія, передъ окончательнымъ его скрѣпленіемъ, будто-бы оказалось, что Хрели, изъ страха быть выданнымъ Кантакузиномъ, самъ изъявилъ покорность Душану, и передалъ ему Мельникъ, незадолго передъ тѣмъ отнятый у родственника Кантакузина — Іоанна Асѣна. Крало былъ весьма доволенъ такимъ оборотомъ дѣла и успѣшилъ измѣнить въ свою пользу пунктъ о Хрелѣ и Мельникѣ, ссылаясь на то, что

---

¹⁾ Greg. XIII. c. 6. p. 656: ἔφθη γὰρ ἐκατέρων μεταξύ δι' ὄρκων βεβαιωθείσα συμφωνία μηδέτερον μηδέτερον ποτε γίνεσθαι κώλυμα πρὸς εὐτοχίαν ἡγνισαοῦν ἀπαλλαγῆσιν ἀλλήλων, ἀλλ' ἐμμένειν τοῖς ἀσύλοις ὄροις αἰετῆς φιλίας, καὶ συγχωρεῖν ταῖς τῶν Βυζαντιῶν ὑπηκόοις πόλεσιν, ὅτε βούλοιντο προσχωρεῖν ὀπίσθε, νῦν μὲν καθ' ὁμολογίαν, νῦν δ' ἐκ πολιτορκίας ἐκατέρων ἕλλη ἄλλη, ἐμποδὼν οὐδενὸς οὐδενὶ καθεστῶτι.

*

договоръ еще не скрѣпленъ окончательно присягою. Кантакузинъ протестовалъ, но тщетно ¹⁾. Намъ кажется, нѣтъ нужды останавливаться на разборѣ такого объясненія злополучнаго императора-историка; придуманность его сама по себѣ очевидна. Достаточно будетъ указать на два обстоятельства. Во-первыхъ, странно допустить, чтобы Душанъ, выговаривая себѣ право завоеванія въ византійскихъ областяхъ, отказался возвратить къ повиновенію своего владыки, стремившагося къ независимости въ тѣхъ же областяхъ, и не менѣе странно думать, что Кантакузинъ могъ серьезно требовать признанія Хрели зависимымъ отъ имперіи, когда тотъ ничѣмъ и не обнаруживалъ этой зависимости и собственно не оказалъ ему никакого содѣйствія въ задуманной имъ борьбѣ. Во-вторыхъ, изъ свидѣтельства Григоря видно, что Мельникъ не былъ вновь отвоеванъ Хрелею, а былъ сданъ ему Іоанномъ Асѣнемъ, по приказанію Кантакузина ²⁾. Едва-ли можно сомнѣваться, что это приказаніе опиралось на обязательствѣ по договору. Какъ бы ни было, Хреля, по собственному свидѣтельству Кантакузина, снова обязался вѣрностью Душану; вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, и его владѣнія въ Македоніи, управленіе которыми онъ до конца удержалъ за собою, окончательно перешли къ кралю.

Такимъ образомъ Душанъ уже заранѣе обставилъ свое участіе въ борьбѣ Кантакузина съ противною ему партіею условіями, согласиться на которыя было не такъ легко искавшему у него помощи претенденту на византійскій престолъ. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ чествовать въ своемъ гостѣ византійскаго императора; всѣ факты этого чествованія Кантакузинъ тщательно отмѣчаетъ въ своей исторіи, какъ бы стараясь ими подтвердить проводимую имъ мысль о томъ, что онъ въ концѣ концовъ силою своего нравственнаго вліянія добился отъ сербскаго краля согласія на безкорыстную помощь, съ обезпеченіемъ цѣлости и неприкосновенности областей имперіи, и что Душанъ впоследствии только нарушилъ этотъ договоръ. Окончательное скрѣпленіе договора

---

¹⁾ Cantac. p. 273—276.

²⁾ Greg. XIII. c. 5. p. 654: ὁ γάρ πρὸ βραχίος ἐπιτροπεύων τῷ Μελενίκου φρούριον, ἐντολαῖς τῶν βασιλικαῖς τῷ Χρῆλῳ παραδεδωκώς...

должно было произойти въ присутствіи сербскаго архіепископа. Едва владыка подъѣхалъ къ королевскому дворцу, Душанъ вышелъ къ нему на встрѣчу на средину двора, взялъ за узду его коня и такъ подвелъ его къ крыльцу; здѣсь только, когда архіепископъ слѣзъ съ коня, король поздоровался съ нимъ и принялъ отъ него благословеніе. Этотъ обычай встрѣчи, между прочимъ, можетъ служить однимъ изъ ясныхъ указаній того, какимъ большимъ почетомъ и уваженіемъ у короля пользовался высшій представитель сербской церкви; не мало существуетъ данныхъ въ доказательство того, что этотъ почетъ въ значительной степени связывался и съ вліаніемъ владыки на государственныя дѣла. Въ Византіи, гдѣ въ это время патріархъ, вслѣдствіе многоразличныхъ причинъ, уже не пользовался прежнимъ высокимъ значеніемъ и стоялъ въ полной зависимости отъ правительства, не существовало подобнаго обычая выраженія высшаго почтенія. Душану, вѣроятно, было это извѣстно и потому онъ освободилъ Кантакузина отъ встрѣчи сербскаго архіепископа на дворѣ. Согласно византійскимъ обычаямъ онъ встрѣтилъ его и благословился уже въ самыхъ поволахъ ¹⁾. Въ этомъ эпизодѣ характерно рисуется какъ вниманіе хозяина-короля къ высокому гостю, такъ и степень развитія международныхъ приличій, существовавшихъ въ XIV в. на византійско-славянскомъ юго-востокѣ. Архіепископъ, очевидно, долженъ былъ привести къ присягѣ обонихъ договаривавшихся государей.

Такимъ образомъ наступилъ новый періодъ сербскихъ завоеваній на югѣ Балканскаго полуострова. Душанъ вмѣшался въ византійскую усобицу, принявъ сторону энергическаго претендента на императорскій престолъ. Заключенный между ними договоръ открывалъ ему широкій просторъ для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ беззащитныхъ областяхъ. Дѣйствительно, помогая Кантакузину, онъ въ то же время занялъ систематическимъ преслѣдованіемъ своихъ интересовъ. Но этотъ союзъ съ одною изъ враждующихъ партій, какъ основанный на личныхъ расчетахъ короля, былъ весьма не продолжителенъ. По мѣрѣ того, какъ усобица разгоралась все болѣе и болѣе и къ Душану обращалась за поддержкою

---

¹⁾ Cantac. III. 45. p. 274.

и другая сторона, онъ нашелъ весьма удобнымъ порвать съ Кантакузиномъ и работать исключительно въ свою пользу. Обстоятельства вполне ему благоприятствовали; наступало время его быстрыхъ и легкихъ успѣховъ.

Кантакузинъ прибылъ въ Сербію въ концѣ іюля. Ровно черезъ мѣсяць, въ самомъ концѣ лѣта и въ началѣ осени, какъ опредѣляется время Григора ¹⁾, онъ выступилъ съ сербскимъ войскомъ и своимъ небольшимъ отрядомъ въ походъ на Сересь или Съръ. Душанъ предоставилъ въ его распоряженіе 20 воеводъ съ ихъ четами изъ числа 24, бывшихъ при немъ. Если и допустить, что не всѣ воеводы взяли съ собою четы въ полномъ ихъ составѣ, то все-таки при кралѣ осталась лишь небольшая часть наличнаго его войска. По собственному сознанію Кантакузина ²⁾, среди сербскихъ вождей, отпущенныхъ съ нимъ, не было къ нему довѣрія; онъ долженъ былъ оставить въ Сербіи заложникомъ сына Мануила, котораго требовалъ въ мужа своей дочери ³⁾ самый могущественный изъ сербскихъ властелей Оливеръ, также отправлявшійся въ походъ. Самъ краль и его супруга проводили до границы своего именитаго гостя и собранную для него дружину. Эта первая помощь, однакожъ, оказалась неудачною. Кантакузинъ и Сербы безпрепятственно прошли до самаго Сереса, но городомъ овладѣть не могли. Византійскій гарнизонъ и горожане приготовились къ стойкой оборонѣ, а главное, осаждавшіе войска, прежде чѣмъ успѣли приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ, сдѣлались жертвою лихорадочной эпидеміи. Попавъ въ южную Македонію ко времени сбора фруктовъ, Сербы не соблюдали должной умеренности въ потребленіи всѣхъ благъ, какія въ изобиліи представляетъ роскошная природа этой страны, вслѣдствіе чего среди

---

¹⁾ Greg. XIII. c. 8. p. 647: *ὁ γάρ τοι βασιλεὺς τριάκοντά που μόνας ἡμέρας ἐπιλιγνὸς τῷ κралῶι μετὰ γε τὴν εἰς αὐτὸν κάθοδον, τελευταῖοντος ἤδη τοῦ θεροῦς ἐκείνου, καὶ ἀρχομένου τοῦ φθινοκέρου.....ἤκκ.....*

²⁾ Cantac. III. 48. p. 283—292.

³⁾ Бракъ этотъ, впрочемъ, не состоялся. Кантакузинъ и тутъ хочетъ скрасить истинное значеніе факта оставленія сына въ заложникахъ и говорить, что Оливеръ, узнавъ о его согласіи на этотъ бракъ, не зналъ какъ выразить благодарность императору и цѣловалъ его ноги. Ibid. p. 292.

нихъ развилась болѣзнь, нѣчто въ родѣ дисентеріи, сопровождавшаяся большою смертною. Ею переболѣло большинство воеводъ, въ числѣ ихъ и Оливеръ. До 1,500 Сербовъ было скоронено подъ Сересомъ. Оставшіеся въ живыхъ стали требовать возвращенія назадъ. Въ собственномъ отрядѣ Кантакузина также было недовольство. Онъ долженъ былъ отступить отъ города и направился опять въ Сербію ¹⁾.

Потери, понесенныя Сербами подъ Сересомъ, конечно, были неприятны Душану и естественно ослабляли въ немъ желаніе помогать византійскому претенденту. Но то обстоятельство, что Сересъ не достался Кантакузину врядъ ли его печалило. Онъ самъ имѣлъ виды на этотъ важный городъ Македоніи. вмѣстѣ съ тѣмъ эти потери вознаграждались для него новыми приобрѣтеніями. Проводивъ Кантакузина, съ оставшеюся частью войска онъ осадилъ Едессу (Водену). Благодаря искуснымъ переговорамъ и подкупу, городъ вскорѣ очутился въ его рукахъ. Между тѣмъ Кантакузинъ, вынужденный вернуться въ Сербію, направился черезъ южную Македонію, очевидно рассчитывая взять Едессу. Подойдя къ городу, онъ нашелъ его занятымъ сербскимъ гарнизономъ и, въ силу заключеннаго договора, долженъ былъ примириться съ этимъ новымъ тяжелымъ для него фактомъ ²⁾. Для него становилось ясно, что Душанъ преслѣдуетъ свои цѣли. Последнее было, впрочемъ, само по себѣ естественно. Независимо отъ неудачи подъ Сересомъ, всѣ обстоятельства указывали сербскому царю, что для него нѣтъ никакой выгоды помогать искренне Кантакузину. У него завскакивала уже другая сторона, императрица Ирина и Апокавкъ.

Зимой, во время похода на Сересъ, прибыли въ Сербію изъ Цареграда послы Георгій Лука и солунскій митрополитъ Макарій. Отъ имени императрицы они просили Душана выдать въ Константинополь Кантакузина, обѣщая за это нѣсколько городовъ, какіе

¹⁾ Cantac. III. 49. p. 292—294. Gregor. XIII. c. 3. p. 647.

²⁾ Изъ разказа Кантакузина (III. c. 51. p. 301) выходитъ будто бы Душанъ, при первомъ напоминаніи о договорѣ самъ же добровольно уступилъ ему на время городъ, не имѣя возможности оставить въ немъ свой достаточно сильный гарнизонъ. Но все это очевидно придумано авторомъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность за потерю Едессы.

онъ самъ пожелаетъ. Краль на отрѣзъ отказалъ посламъ: значительная часть сербскаго войска находилась подъ начальствомъ Кантакузина, и вступать въ открытое соглашеніе съ его противниками было не своевременно и опасно. Черезъ нѣсколько времени тѣ же послы снова явились къ сербскому двору; они уже прямо предлагали Душану всю Македонію до Христопола, за исключеніемъ Солуни, за то только, чтобы онъ не помогалъ Кантакузину, а держалъ его подъ стражею. Но и это вторичное посольство было не удачно. Византійскій претендентъ нашелъ себѣ заступниковъ въ лицѣ все той же кралицы Елены и нѣкоторыхъ сербскихъ вельможъ. По словамъ Кантакузина, послы были пристыжены и осмѣяны за непатріотичность принятаго ими порученія и съ позоромъ оставили Сербію. Одинъ изъ сербскихъ влстелей, особенно преданный императору, нѣкто *Ковачъ* (Κοβάτςης), будто бы грозилъ имъ смертью ¹⁾. Къ этому разказу нашего историка мы опять не рѣшаемся отнести съ полною вѣрою; онъ несомнѣнно отзывается преувеличеніемъ. Если Душанъ еще не хотѣлъ теперь входить въ сдѣлки съ византійскою партіею, то во всякомъ случаѣ грубымъ образомъ отклонять дѣлаемыя ему выгодныя предложенія вовсе не входило въ его планы. Вскорѣ мы видимъ новую попытку со стороны императрицы склонить сербскаго государя на свою сторону, и Душанъ оказывается уже не прочь вступить въ переговоры.

Наступилъ 1343 г.; приближалась весна. Кантакузинъ снова просилъ у Душана войска, намѣреваясь идти на Димотику на помощь своей партіи. Въ это же время великій дукъ Апокавъ прислалъ кралою приглашеніе на свиданіе въ Амфиполь. Кантакузинъ въ своей исторіи ²⁾ усматриваетъ мотивы этого свиданія въ личныхъ цѣляхъ Апокава, который будто бы хотѣлъ убѣдить Душана не мѣшать ему въ выполненіи задуманнаго имъ плана возведенія на византійскій престолъ своего зятя протовестіарія Андроника Палеолога и для того не позволять скрывавшемуся у него претенденту вступать въ предѣлы имперіи. Краль, по его разказу, будто бы принялъ приглашеніе, имѣя въ виду съ своей

¹⁾ Cantac. III. с. 52. p. 305—309.

²⁾ Cantac. III. с. 54. p. 323.

стороны воспользоваться случаемъ т. е. захватить Апокавка живымъ, и потому предложили отправиться вмѣстѣ и Кантакузину. Едва ли все это было такъ въ дѣйствительности. За недостаткомъ данныхъ трудно, конечно, сказать, на сколько Апокавкъ, домогаясь свиданія съ сербскимъ государемъ, преслѣдовалъ свои планы, и на сколько дѣйствовалъ по порученію императрицы. Но нельзя допустить, чтобы Душанъ отправлялся въ Амфиполь съ единственною цѣлю—овладѣть личностью Апокавкъ, алѣйшаго врага Кантакузина. Мы сейчасъ увидимъ изъ фактовъ, которые разказываются тѣмъ же участникомъ и героемъ этихъ событій, что въ это время поддержка византийскаго гостя, желаніе доказать ему свою дружбу, всего менѣе занимали краля, все болѣе входившаго въ роль пріобрѣтателя возможно легкимъ путемъ городовъ и земель имперіи. Очевидно, онъ хотѣлъ въ Амфиполѣ что-нибудь выговорить себѣ у другой стороны, Кантакузинъ же понималъ угрожающую опасность и сопровождалъ Душана, чтобы быть готовымъ принять во время мѣры къ выходу изъ затруднительнаго положенія въ томъ случаѣ, если краль рѣшится принять сторону его враговъ. Какъ бы то ни было, Душанъ и Кантакузинъ, въ сопровожденіи войска, отправились къ Амфиполю и, въ ожиданіи прибытія Апокавкъ, расположились у Соленныхъ озеръ (*ἐν τοῖς Ἀλμυροῖς πρὸς ἄγροισιν*)¹⁾. Такимъ образомъ Кантакузинъ могъ рассчитывать на какую-либо военную помощь со стороны Сербовъ только послѣ исхода этого свиданія. Но оно не состоялось. Причиною тому была послѣдовавшая въ это время смерть прославленнаго сербскаго вояки, сильнаго Хрели. Дѣятельный сподвижникъ трехъ сербскихъ кралей—Милутина, Дечанскаго и Душана, народный герой, воспѣваемый подъ именемъ Рели, старикъ Хреля, въ послѣднее время носившій титулъ кесаря, передъ смертью принялъ монашество подъ именемъ Харитона и скончался въ болгарскомъ Рыльскомъ монастырѣ, гдѣ и до сихъ поръ показываютъ его могилу и выстроенную имъ „Релину кулу“²⁾. Признавъ себя,

¹⁾ Ibidem. p. 324.

²⁾ *Гласник* VII. 182—184. Годъ смерти Хрели (1349) кромѣ свидѣтельства Кантакузина, удостоверяется надписью на надгробной плитѣ Рыльскаго монастыря. *Гласник* ibidem.

на основаніи договора между Кантакузиномъ и Душаномъ, зависящимъ отъ краля, онъ, какъ мы уже замѣтили, сохранилъ власть въ своемъ стримонскомъ княжествѣ. Теперь, при извѣстіи о его смерти, Душанъ спѣшилъ окончательно присоединить его владѣнія къ королевству, и отказавшись отъ свиданія съ Апокавкомъ, и забывъ о Кантакузинѣ. Къ нему переходила теперь долина средняго Стримона, съ городами Мельникомъ и Струмицею. Для занятія ея онъ отдѣлилъ значительную и лучшую часть войска; остатки же предоставилъ въ распоряженіе Кантакузина, двинувшись вмѣстѣ съ нимъ на Сересь ¹⁾.

На этотъ разъ еще менѣе можно было ожидать успѣха отъ этого движенія. Войско, подступившее къ городу, было слишкомъ слабо и ничтожно, чтобы овладѣть имъ. Душанъ, очевидно, не хотѣлъ уступить Кантакузину такой важный пунктъ. Весьма вѣроятно даже, что онъ потому и сопровождалъ Кантакузина, чтобы всячески помѣшать ему овладѣть Сересомъ въ томъ случаѣ, если правители города обнаружатъ готовность вступить съ нимъ въ соглашеніе. Но это было не возможно, ибо городомъ управляли влѣйшіе враги Кантакузина—Константинь Палеологъ и мѣстный митрополитъ. Посольство, отправленное кралемъ къ этимъ лицамъ, какъ разказываетъ Кантакузинъ ²⁾, для убѣжденія ихъ въ томъ, чтобы они сдали городъ поддерживаемому имъ императору, уже заранѣе должно было рассчитывать на неуспѣхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Душанъ хотѣлъ только замаскировать свои отношенія къ Кантакузину и истинныя свои намѣренія. Но уже и самъ Кантакузинъ тогда хорошо понималъ дѣло; онъ боялся допустить осаду Сереса Сербами ³⁾ и рѣшилъ совсѣмъ отойти отъ города и двинуться къ Димотикѣ. Этотъ планъ ему также не удался. Бывшій съ нимъ небольшой сербскій отрядъ окончательно отказался идти черезъ Христопольскій проходъ, занятый Апокавкомъ съ сильнымъ

¹⁾ Cantac. c. 55. p. 328.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibid. p. 329. βασιλεὺς δὲ.....συνορῶν οἱ κακῶν ὑπ' ἀνασθησίας συνελαύονται, καὶ ὡς Ῥωμαίων τῆς ἀρχῆς πόλις μεγάλη καὶ καλὴ μέλλει ἀφαιρεῖσθαι ὑπὸ τῆς πολιορκίας ἐνάγκῃ Τριβαλοῖς δουλεύουσα, τῶν οἰκείων πέμψας ἕνα, παρεχάλει φεῖδασθαι αὐτῶν....

войскомъ. Пришлось снова, уже въ третій разъ, идти въ Сербію. Кралъ между тѣмъ самъ опустошилъ окрестности Сереса и вернулся, довольный успѣхами, во вновь пріобрѣтенную Струмицу. Здѣсь и нашелъ его Кантакузинъ ¹⁾.

Теперь уже достаточно выяснилось для каждой стороны значеніе союза, заключеннаго между Душаномъ и Кантакузиномъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, которые протекли со времени приптинскаго договора, сербскій государь пріобрѣлъ почти всю долину Стримона; онъ близко подошелъ къ восточной части Македоніи—Мигдоніи съ ея богатыми Сересомъ и Зихною, и положилъ начало завоеванію крайней западной ея части — Вотіан, занявъ своимъ гарнизономъ Едессу. Такимъ образомъ онъ воспользовался временемъ и случаемъ и значительно увеличилъ свои пріобрѣтенія. Для него было ясно, что Кантакузинъ ему въ тягость, что и не оказывая ему поддержки онъ можетъ добиться осуществленія своихъ завоевательныхъ стремленій; что гораздо выгоднѣе для него войти въ соглашеніе съ партією императрицы, которая заискивала у него и въ данное время могла ему дать все же болѣе сильный отпоръ, чѣмъ Кантакузинъ. Однимъ словомъ, принятое имъ на себя обязательство въ его глазахъ теряло всякій смыслъ. То же самое вполне сознавалъ и Кантакузинъ. Въ виду совершившихся фактовъ для него не могло быть сомнѣнія въ томъ, что отъ Сербовъ ему нечего ждать какой-либо помощи. Напротивъ, онъ естественно долженъ былъ опасаться, что Душанъ, охватывая все болѣе кольцо Македонію, наконецъ отрѣжетъ ему сообщеніе съ его приверженцами въ Димотиевъ, и, пожалуй, прямо выдастъ его врагамъ. Положеніе его въ Сербіи становилось весьма тяжелымъ. Неудачи обоихъ походовъ уменьшили въ средѣ Сербовъ число лицъ, ему сочувствовавшихъ. Большинство вліятельныхъ властелей относилась къ нему съ недовѣріемъ и явною враждебностью. Только кралица Елена по прежнему покровительствовала ему. Затруднительность его положенія осложнялась еще истощеніемъ его казны, которая почти вся была имъ издержана на подарки знатнымъ сербскимъ воеводамъ, а также на жалованье и содержаніе серб-

---

¹⁾ Ibid. p. 335. Greg. XIII. c. 5. p. 654.

скихъ отрядовъ ¹⁾. Въ виду всего этого Кантакузинъ самъ созналъ необходимость освободиться отъ покровительства Душана и какимъ-либо смѣлымъ самостоятельнымъ шагомъ поправить свои дѣла, Вниманіе его остановилось на Верриі, важнѣйшемъ городѣ Вотиіа, на который уже обращалъ взоры и сербскій король. Онъ сумѣлъ войти въ соглашеніе съ однимъ Хлеринцемъ *Арбеомъ* (*Ἀρπεύος*), которому Душанъ поручилъ подготовить добровольную сдачу Верриі, и черезъ его посредство составилъ себѣ въ этомъ городѣ партію. Затѣмъ онъ выпросилъ у кралицы Елены собственный ея отрядъ германскихъ тѣлохранителей и тайно отъ короля, подъ видомъ охотничьей прогулки, двинулся къ Верриі. Приверженцы его отворили ему ворота, и онъ занялъ городъ ²⁾. Эта удача имѣла весьма важное значеніе для Кантакузина. Онъ получилъ безопасное убѣжище и прекрасный опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Прочіе города Вотиіа—Сервія, Платамонія, Петра, Соско и Старидола спѣшили признать его власть ³⁾. Его родственникъ и приверженецъ, Фессалійскій епархъ Іоаннъ Ангелъ также могъ вступить въ сношенія съ нимъ ⁴⁾. Поддержка, полученная Кантакузиномъ отъ Веррійцевъ и изъ Фессаліи, была на столько значительна, что онъ двинулся уже на Солунь. Все это происходило, вѣроятно, лѣтомъ 1343 г.

Такой переворотъ въ положеніи Кантакузина, конечно, не могъ понравиться Душану. Неожиданный переходъ въ руки энергичнаго претендента на византійскій престолъ провинціи, кото-

¹⁾ Cantac. III. c. 57. p. 350: μεγίστη δὲ ἦν αὐτῷ τῶν δυσχερειῶν, ὅτι τῶν χρημάτων, ἃ οἰκόμεν ἔλθεν ἔχων, ἀναλωθέντων πρὸς τε τοὺς συνόντας ὄντας τοσοῦτους καὶ πρὸς Τριβαλοῦς τοὺς τῶν στρατοπέδων ἡγουμένους διὰ φιλοτιμίαν ἐν ἀπόρρῳ εἶχετο τοῦ τί χρὴ δρᾶν.

²⁾ Кантакузинъ (III. c. 57. p. 354), вопреки принятому нами свидѣтельству Григоріа (XIII. c. 5. p. 655) старается представить дѣло такъ, что онъ овладѣлъ Верриію съ согласія Душана и при помощи наемныхъ Латинянъ, предоставленныхъ ему столько же кралицею Еленою, сколько ея супругомъ; но все это не вается съ тѣмъ негодованіемъ Душана, поведшимъ къ окончательному разрыву съ прежнимъ союзникомъ, которое было вызвано въ немъ, по разказу самаго Кантакузина, взятіемъ Верриі. Весьма любопытно передаваемое тѣмъ же историкомъ извѣстіе о томъ, что кралица дала Кантакузину „τοὺς ἰδίους μισθοφόρους Λατίνους“.

³⁾ Cantac. III. c. 58. p. 355.

⁴⁾ Gregor. XIII. c. 6. p. 657.

рую онъ самъ готовился занять, вызвалъ въ немъ намѣреніе немедленно объявить войну бывшему своему высокому гостю. Но на нѣкоторое время онъ все таки удержался отъ прямыхъ дѣйствій, рассчитывая отдѣлаться отъ своего соперника путемъ тонкаго соглашения съ его врагами. Прежде всего онъ потребовалъ отъ Кантакузина отпуска латино-германской дружины, но та отказалась оставить своего новаго повелителя ¹⁾. Тогда онъ снесся съ солунскими правителями о совмѣстномъ устройствѣ гибели непріятнаго для нихъ человѣка. Дѣйствительно Кантакузину угрожала большая опасность, Узнавъ о высадкѣ у Солуни Апокавка съ большимъ цареградскимъ войскомъ и турецкими полчищами, онъ успѣшилъ отойти отъ города, направляясь обратно къ Верріи. На правомъ берегу Вардара, у переправы, поджидалъ его сербскій двухтысячный отрядъ подъ предводительствомъ *Божича* (Μποζιχης) и *Стефана*, готовый ударить на него въ моментъ перехода черезъ рѣку. Въ случаѣ удачи плана войску Кантакузина грозила полная гибель, такъ какъ отступленіе назадъ было отрѣзано преслѣдовавшимъ его по пятамъ Апокавкомъ. Къ счастью будущаго императора все обошлось благополучно. Одинъ поселенинъ при Вардарской деревни Гаврова за денежное вознагражденіе предупредилъ Кантакузина объ опасности и указалъ бродъ въ другомъ мѣстѣ, черезъ который удачно провелъ его самого и его отрядъ. Кантакузинъ вернулся спокойно въ Веррію; замыселъ его враговъ не удался ²⁾. Если вѣрить Кантакузину, Душанъ старался скрыть предъ нимъ свою причастность къ этому дѣлу, слагая всю отвѣтственность на упомянутыхъ вождей, которые будто бы дѣйствовали безъ его вѣдома. Очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно колебался еще открыто выступить противъ Кантакузина, не желая встрѣтить въ немъ, въ виду улучшения его положенія, еще большей помѣхи своимъ планамъ. На явный разрывъ между ними повліяли настоятельныя старанія и происки византійской партіи. Апокавкъ послалъ одно посольство за другимъ въ Сербію и не щадилъ императорской казны на подарки кралою, его супругѣ и вліятельнымъ

---

¹⁾ Cantac. III. p. 356.

²⁾ Cantac. III. c. 59. p. 360—362; Greg. XIII. c. 7. p. 659—660.

сербскимъ вельможамъ, всячески стараясь склонить Душана, чтобы онъ принялъ сторону императрицы Анны и открыто объявилъ войну Кантакузину ¹⁾. Считая все это недостаточнымъ для снисканія расположенія сербскаго государя, цареградское правительство обратилось къ посредничеству венеціанской республики. 12-го мая 1343 г. въ венеціанскомъ сенатѣ состоялось постановленіе, которымъ опредѣлено: въ видахъ удовлетворенія просьбы императрицы Анны и ея сына Іоанна Палеолога отправить отъ имени республики особаго посла къ сербскому королю, для установленія мира и согласія между нимъ и священной имперіею (*ad tractandum pacem et concordiam inter sacrum imperium et ipsum dominum regem*) ²⁾. Для выполненія этого порученія, а равно и другихъ, касавшихся непосредственно интересовъ республики, былъ выбранъ сеньоръ Марино Венеріо, отправившійся въ Сербію съ хорошимъ штатомъ и содержаніемъ въ слѣдующемъ юніѣ ³⁾. Всѣ эти посольства и подарки оказали свое дѣйствіе. Душанъ сдѣлалъ еще попытку хитростью овладѣть личною Кантакузина, приглашая его къ себѣ для совѣщанія о важныхъ дѣлахъ, но не успѣлъ, такъ какъ императоръ, по совѣту друзей, уклонился отъ поѣздки на свиданіе, пославъ вмѣсто себя сына Мануила. Тогда, наконецъ, особымъ посольствомъ онъ извѣстилъ Кантакузина, что признаетъ заключенный между ними договоръ недействительнымъ и объявляетъ ему войну, принимая сторону императрицы Анны ⁴⁾.

Сближеніе Душана съ византійскою партіею носило еще болѣе мнимый, отрицательный характеръ, чѣмъ его союзъ съ Кантакузиномъ. Послѣднему онъ все-таки оказалъ кое-какую помощь, хотя не столько самъ по себѣ, сколько по настоянію Елены и приближенныхъ властелей; онъ далъ ему пріютъ въ трудное для него время, снабжалъ его кое-какими военными силами; Германцы, съ которыми онъ занялъ Веррію, были предоставлены ему все-таки Сербамъ; наконецъ, между ними былъ заключенъ договоръ, въ кото-

¹⁾ Cantac. III. c. 59. p. 362; c. 61. p. 372. Greg. XIII. c. 8. p. 662.

²⁾ Misti, XXI. 35. у Л ю б и ч а: Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. II. p. 174.

³⁾ Ljubić ibid. p. 175—178.

⁴⁾ Cantac. III. c. 61. p. 373—374.

ромъ, правда, на первомъ мѣстѣ стояли интересы Душана, но который все-таки обязывалъ его къ извѣстной поддержкѣ союзника. Здѣсь же ничего подобнаго мы не видимъ. Ни у Кантакузина, ни у Григоры нѣтъ ни слова о какомъ либо договорѣ Душана съ императрицею Анною, или съ кѣмъ либо изъ ея приверженцевъ. Византійская партія деньгами и обѣщаніями земельныхъ уступокъ старалась, повидному, только вооружить краля противъ своего врага, не рассчитывая на прочный союзъ съ Сербами. Съ другой стороны и Душанъ, порвавъ съ Кантакузиномъ, ничѣмъ особеннымъ не проявляетъ свой переходъ на сторону другой партіи. Онъ, по прежнему, систематически преслѣдуетъ свои завоевательныя цѣли. Къ Кантакузину онъ относится какъ въ непріятелю, старается отнять у него занятыя имъ мѣстности въ Вотіѣ, но дѣлаетъ это для себя и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаково обрушивается на города, признававшіе византійское правительство. Дѣятельной помощи отъ него въ Цареградъ не дождались, что и естественно. Краль хорошо понималъ, что чѣмъ дольше будетъ тянуться усобица, тѣмъ легче для него будетъ присоединять къ своему королевству византійскія области, и не хотѣлъ способствовать перевѣсу одной партіи надъ другою. Онъ видѣлъ, что даже этотъ мнимый, наружный союзъ съ императрицею Анною для него выгоденъ тѣмъ, что можетъ парализовать всякія попытки съ этой стороны противодействовать его завоеваніямъ; прикрываясь личиною враждебности противъ Кантакузина, онъ отерывалъ себѣ просторъ для новыхъ пріобрѣтеній. Отсюда объясняются всѣ его дѣйствія и военные успѣхи въ слѣдующемъ періодѣ усобицы.

Сторонникомъ византійской партіи Душанъ открыто объявилъ себя лѣтомъ 1343 г. Нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, чтобы онъ во вторую половину этого года обнаружилъ чѣмъ-либо свое участіе въ смутахъ имперіи. Онъ предпочиталъ удержаться на время отъ всякихъ военныхъ дѣйствій. Южная Македонія тогда была наводнена разными турецкими полчищами. Сперва опустошали Вотію Турки, призваніе Апокавокъ, который тщетно ожидалъ вспомогательнаго сербскаго отряда, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Кантакузина ¹⁾. Затѣмъ, въ августѣ явился спаси-

¹⁾ Cantac. III. c. 62. p. 384; Greg. XIII. c. 9. p. 674.

тель императора Омуръ, съ огромными военными силами, которыя заставили Апокавка удалиться и въ свою очередь занялись разграбленіемъ и опустошеніемъ Македоніи, набросившись главнымъ образомъ на мѣстности, принадлежавшія Сербамъ ¹⁾. Изъ источниковъ не видно, чтобы Душанъ принялъ какія-либо мѣры для отраженія этого нашествія. Вѣроятно, онъ не хотѣлъ мѣяться съ сильнымъ непріателемъ; быть можетъ, онъ даже не имѣлъ достаточно войска, и дожидался пока очистится поле для дѣйствій. Только въ концѣ слѣдующаго года онъ снова является во главѣ своихъ легкихъ отрядовъ въ византійской Македоніи. Теперь уже ничто не мѣшало ему докончить завоеваніе этой несчастной области. Кантакузинъ съ Омуромъ ушли во Фракію. Здѣсь исключительно, въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ усобицы, были сосредоточены и вниманіе, и военныя силы обѣихъ враждующихъ партій. Западные провинціи были предоставлены самимъ себѣ. Между тѣмъ въ Македоніи, которой прежде всего угрожало сербское завоеваніе, царствовало полное политическое разъединеніе, не позволявшее и думать о какомъ-либо общемъ отпорѣ непріателю. Каждый изъ трехъ главныхъ стратегическихъ пунктовъ области тянулъ въ свою сторону; Солунъ не хотѣла знать никакого императора, ни Кантакузина, ни Палеолога и управлялась авархическо-демократическою партією Зилотовъ; въ Верринъ еще держался Мануилъ Кантакузинъ, а Сересъ съ нѣсколькими меньшими городами оставался вѣренъ цареградскому правительству. „И вотъ сербскій король, разказываетъ современникъ Никифоръ Григора, усматривая въ усобицахъ Ромеевъ счастливый случай увеличить свое могущество, словно занявшееся пламя опустошало и захватывало городъ за городомъ, страну за страню—и не было никого, кто бы противустанъ его нашествію“ ²⁾. Положеніе Македо-

¹⁾ Cantac. III. c. c. 63, 64. p. 390—394; Greg. XIII. c. 40. p. 672. Весьма подозрительно само по себѣ и прямо опровергается Григоромъ свидѣтельство Кантакузина о томъ, что онъ будто бы не позволилъ Туркамъ тревожить сербскія владѣнія, о чемъ де и извѣстилъ короля особымъ посольствомъ, выставляя этотъ великодушный поступокъ какъ выраженіе съ его стороны дружественныхъ чувствъ къ прежнему его благодѣтелю.—Объ Омурѣ см. выпускъ I. 67—75.

²⁾ Gregor. XV. c. 1. p. 746: διὰ καὶ καθάπερ φλόξ ἐπῆει καὶ ἐπενέμετο διηγε-

ніи, разоренной и обезсиленной предыдущими походами и нашествиями Сербовъ и Турокъ, было ужасно. При всемъ томъ, болѣе полутора года прошло, пока Душанъ окончательно овладѣлъ страпою, и то не всею вполнѣ; важнѣйшій ея городъ, вторая столица имперіи, Солунъ отстояла свою независимость. Непонятнымъ представляется такой продолжительный срокъ войны, если принять во вниманіе указанную беззащитность Македоніи и настойчивое стремленіе краля къ завоеваніямъ, о которомъ знаемъ изъ византійскихъ источниковъ. Для объясненія его, намъ кажется, необходимо допустить два обстоятельства: болѣе или менѣе значительное сопротивление со стороны мѣстнаго населенія городовъ и незначительность военныхъ средствъ, которыми располагалъ Душанъ въ этихъ своихъ походахъ. Что такое сопротивление было довольно сильно, это видно изъ упорной обороны Сереса, на который особенно были направлены усилія Сербовъ. Касательно же численности войска Душана можно замѣтить слѣдующее. Главную часть его составляли наемные Латиняне, преимущественно Германцы и Итальянцы, обыкновенно вербовавшіеся по просьбѣ краля Венеціею. Они были хорошо вооружены, но, образуя обыкновенно конные отряды, мало оказывали помощи при взятіи городовъ. При томъ объ этой наемной дружинѣ ничего не упоминается въ эти два года. Затѣмъ численность боеваго сербскаго войска должна была уменьшиться, вслѣдствіе того, что значительная часть его была размѣщена Душаномъ по вновь завоеваннымъ городамъ. Наконецъ, на продленіе кампаніи несомнѣнно повліяло, ослабивъ военныя силы Сербовъ, пораженіе, понесенное ими отъ Турокъ въ началѣ 1344 г.

Послѣдовательнаго хода военныхъ дѣйствій Душана въ Македоніи въ теченіе 1344—1345 гг. нельзя воспроизвести на основаніи свидѣтельствъ Кантакузина и Григоры, остающихся все еще единственными источниками для этихъ событій. У того и другаго историка цѣлый рядъ большихъ главъ отведенъ подробному описанію всѣхъ фазисовъ усобицы, разыгравшейся въ это время со

κῶς τὰς πρῶτας πόλεις καὶ χώρας Ῥωμαίων δουλούμενος μηδένας ὄντος, ὅτε ἂν ἀνθίστασθαι ἢ ταῖς τοιαύταις αὐτοῦ γε ὄρμαϊς.

всѣми ея ужасами во Фракіи и въ самой столицѣ, а о потерѣ для имперіи цѣлой провинціи говорится едва на нѣсколькихъ страницахъ. Въ общихъ фразахъ они не разъ упоминаютъ, что король овладѣваетъ все новыми и новыми „большими городами“ ¹⁾, не называя однако этихъ городовъ и, наконецъ, согласно устанавливаетъ самый фактъ завоеванія Македоніи. Очевидно, имъ тяжело было останавливаться на описаніи этого печальнаго событія; вмѣстѣ съ тѣмъ могъ быть недостатокъ въ свѣдѣніяхъ, вслѣдствіе трудности сношеній съ завоеванною областью. Только у Кантакузина находимъ нѣсколько подробностей о нѣкоторыхъ моментахъ этого завоеванія.

Оставшись полновластнымъ господиномъ въ Македоніи, Душанъ прежде всего двинулся въ юго-восточный уголъ ея, за Стримонъ, куда манилъ его богатый, хорошо укрѣпленный Сересъ. Ограничившись на первое время опустошеніемъ окрестностей города, онъ пошелъ далѣе до Зихны. Кантакузинъ говоритъ, что Душанъ готовился напасть на него съ тылу во Фракіи ²⁾, но изъ послѣдующаго видно, что король не пошелъ далѣе Македоніи. Онъ хотѣлъ овладѣть здѣсь нѣсколькими городами и, повидимому, тогда уже, т. е. въ самомъ началѣ 1344 г., въ январѣ или февралѣ, занялъ Зихну ³⁾. Завоевать всю эту область съ Христоволема и приняться за осаду Сереса въ то время онъ не могъ, потому что долженъ былъ отправить лучшую часть войска въ другую сторону. Къ нему пришло извѣстіе о безпомощномъ положеніи союзниковъ Кантакузина Омуровыхъ Турокъ, которые были стѣснены у Паллены латинскою лигою, лишились всего флота и готовились вернуться въ Азію сухимъ путемъ черезъ Фракію ⁴⁾. Душанъ рѣшился преградить имъ дорогу и выслалъ противъ нихъ отборнѣйшій отрядъ, подъ начальствомъ храбраго и опытнаго воеводы Прилупа.

¹⁾ Cantac. III с. 72. р. 437; с. 75. р. 470; с. 87. р. 535. IV. с. 4. Vol. III р. 34; Greg. I. XV. с. 1. р. 746; XVI. с. 1. р. 795.

²⁾ Cantac. III. с. 68. р. 420.

³⁾ Такую догадку мы основываемъ на выраженіи Кантакузина (III. с. 69. р. 428): Κράλης δὲ ἐν Ζίχῃ ἐστρατοπεδεύμενος..... στρατηγὸν..... Πράλιπτον..... ἐπέλεσε συμπλέξασθαι τοῖς βαρβάροις (т. е. Турками).

⁴⁾ См. выпускъ I, стр. 70, 72.

Сербы и Турки встрѣтились у мѣстечка Стефаніаны. Произошла жестокая битва, о которой Кантакузинъ сообщаетъ любопытныя подробности ¹⁾, заимствованныя имъ, вѣроятно, изъ перваго источника, изъ разказовъ самихъ участниковъ дѣла—Турокъ. Сербскій отрядъ состоялъ исключительно изъ конницы; Турки же, которыхъ было немного болѣе 3,000 ²⁾, были всѣ пѣшіе. Боясь быть стоптанными сербскими всадниками въ открытомъ полѣ, они поспѣшили отступить въ сосѣднія горы и лощины. Сербы пустились преслѣдовать ихъ, но такъ какъ ихъ конницѣ трудно было дѣйствовать въ тѣснинахъ и взбираться на горы, то они сошли съ коней, и пѣшими, въ тяжеломъ вооруженіи, продолжали наступать на непріятеля. Между тѣмъ Турки сумѣли воспользоваться этою оплошностью; они все далѣе отступали въ горы, увлекая за собою Сербовъ и затѣмъ, когда замѣтили, что послѣдніе значительно удалились отъ своихъ лошадей, неожиданно спустились съ горъ съ другой стороны; какъ легковооруженные они скорѣе Сербовъ добрались до ихъ стоянки, сѣли на ихъ лошадей и въ свою очередь понеслись на шедшаго имъ на встрѣчу уже истомленнаго непріятеля. Пораженіе было, конечно, полное. Много Сербовъ пало, много было взято въ плѣнъ; остальные едва спаслись въ горы. Душанъ былъ встревоженъ этою неудачею и, покинувъ Зихну, отступилъ въ свои предѣлы. Такимъ образомъ, Турки могли безъ помѣхи пройти черезъ Македонію и съ торжествомъ явились къ Кантакузину.

Исходъ боя при Стефаніанѣ, естественно, долженъ былъ остановить на время военныя дѣйствія Душана въ Македоніи. Но эта остановка была, вѣроятно, весьма непродолжительна. Сидя у себя дома, въ Скопінѣ или Струмицѣ, краль, по выраженію Кантакузина, не дремалъ, а продолжалъ войну ³⁾. Посылаемые имъ легкіе отряды брали мѣстность за мѣстностью въ Мигдоніи, въ окрестностяхъ Солуни и въ Вотіэѣ. Большіе города, какъ Со-

---

¹⁾ Cantac. III. c. 69. p. 423—424.

²⁾ Въ такомъ числѣ они явились къ Кантакузину послѣ битвы, въ которой потери ихъ была не велика. Ibid. p. 424.

³⁾ Ibidem 424: οὐ μὴν ἤματι γε, ἀλλὰ καὶ οἴχοι καθήμενος ἐπολέμει. *

лунь, оставались недоступными Сербамъ, но это не мѣшало имъ все болѣе и болѣе утверждать свою власть въ беззащитной провинціи на всемъ ея протяженіи отъ Верріи до Христополя. Смѣшанное, греческое и болгарское, а въ западныхъ частяхъ, кромѣ того, албанское населеніе сель и небольшихъ городковъ, напуганное опустошеніями, которыми сопровождался всѣ движенія сербскихъ отрядовъ, охотно признавало новую власть, рассчитывая тѣмъ не только предохранить себя отъ полного разоренія, но и найти какую либо защиту противъ нашествій Турокъ, которые все чаще и чаще посѣщали Македонію. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ даже составились сочувственныя Сербамъ партіи, не видѣвшія для страны никакого лучшаго выхода изъ бѣдственнаго положенія, вызваннаго всеобщю анархією, какъ подчиненіе могущественному краю. Мануилъ Кантакузинъ, оставленный отцемъ безъ помощи, былъ окончательно стѣсненъ Сербами въ управляемой имъ Верріи. Наконецъ сербская партія принудила его оставить городъ. Онъ бѣжалъ въ Фессалию къ своему дядѣ Іоанну Ангелу, а Верріа была занята гарнизономъ Душана. Когда именно произошло это событіе, трудно сказать съ точностью, вѣроятно въ 1345 г. ¹⁾, незадолго до взятія Сереса, или непосредственно за тѣмъ. Но главное вниманіе краля было обращено на Сересь. Онъ хорошо понималъ срединное положеніе этого большаго, прекрасно

---

¹⁾ Кантакузинъ и Григора упоминаютъ о переходѣ Верріи къ Сербамъ, являга событія, имѣвшія мѣсто послѣ вступленія Кантакузина въ Константинополь (1347), но они говорятъ объ этомъ завоеваніи, какъ фактъ прежде совершившемся, когда вся Македонія, кромѣ Солуни, была завоевана Душаномъ, а это было въ 1345 г. Вотъ подлинныя слова того и другаго: *μη̄ μόνον γάρ Φεράς τε καὶ τὰς ἄλλας τῆς Μακεδονίας πόλεις καὶ τὰ φρούρια πλὴν Θεσσαλονίκης εἶλεν, ἀλλὰ καὶ Βεῤῥιωτῶν τοὺς δυνατοτάτους χρήμασι καὶ μεγάλας ἐπαγγελίας διαφθεΐρας, τὸν βασιλέως ἐπεισεν οὐδὲν ἐξελάσαι τὸν Μανουὴλ, κάκεινφ τὴν πόλιν παραδούναι. Cantac. IV. с. 4. р. 34. — 'Εν δὲ Μακεδονίᾳ, τῶν ἄλλων ὑπηκόων τῶν Τριβαλλῶν ἡγεμόνι Βεῤῥῖοι μὲν καὶ αὐτῇ μετ' ὀλίγον τῶν ὑπηκόων αὐτοῦ ἐγεγοναι,..... Greg. XVI. с. 1. р. 795. Изъ приведеннаго текста Григоріи ясно видно, что Верріа и Вотиѣ входили въ объемъ географическаго термина „Македонія“. Слѣдовательно, необходимо допустить, что этотъ городъ также разумѣется въ XV кн. (стр. 746—747) Григоріи, гдѣ онъ говоритъ вообще о завоеваніи Душаномъ всей страны до Христополя, которое завершилось занятіемъ Сереса.*

укрѣпленнаго города между восточною и западною половинами имперіи, ясно видѣль, что овладѣніе имъ обезпечитъ ему обладаніе Македоніею съ востока, т. е. съ сухаго пути ¹⁾ и сдѣлалъ его основною цѣлью своихъ завоеваній въ Македоніи. Взять его открытою силою у него не было средствъ; онъ обращается по этому къ обычному въ тѣ времена средству: болѣе или менѣе продолжительной осадѣ города и систематическому опустошенію его окрестностей. Населеніе Сереса, однакожь, мужественно оборонялось. Нѣсколько разъ Душанъ снималъ осаду, уходилъ отъ города то для освѣженія своего войска, то вслѣдствіе слуховъ о приближеніи Турокъ, но черезъ нѣкоторое время снова являлся подъ городомъ и начиналъ морить голодомъ храбрыхъ его обитателей. Послѣ перваго нашествія Сербовъ, въ 1344 г., представители власти въ городѣ, не видя помощи изъ Константинополя, отправили къ Кантакузину посольство, которое просило у него заступничества и обѣщало покорность ²⁾ Сереса. Но Кантакузинъ тогда былъ слишкомъ занятъ борьбою во Фракіи и не могъ думать о какомъ либо движеніи въ Македонію. Только лѣтомъ 1345 г., побѣдивъ враговъ, добившись признанія своей власти почти во всей Фракіи, онъ хотѣлъ при помощи союзныхъ турецкихъ войскъ спасти этотъ важный городъ отъ сербскаго завоеванія, но уже было поздно, да и попытка его была сама по себѣ не удачна.

Усиленную осаду Сереса Душанъ возобновилъ въ 1345 г. ³⁾ Городъ былъ доведенъ до крайней нужды. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ уже образовалась значительная сербская партія, во главѣ

---

¹⁾ Cantac. III. c. 89. p. 548: Φεραὶ δὲ εἰ ἀμεληθεῖσαι ὑπὸ Κράλην γένοιτο, αὐτὰς τε ἀνασώζεσθαι ἕλπις οὐκ ἔτι οὐδεμία, καὶ τὰς ἄλλας τῆς Μακεδονίας πόλεις ὡσπερ μεθόριον χειμένη τῆς ἄλλης ἀρχῆς Ῥωμαίων διατέμνει.

²⁾ Cantac. III. c. 75. p. 469 et seq. Кантакузинъ увѣряетъ, что Душанъ вслѣдствіе полученнаго имъ увѣщанія отъ него, какъ прежняго союзника, снялъ осаду Сереса. Намъ кажется, что здѣсь нашъ историкъ не совсѣмъ удачно рисуетъ силу своего нравственнаго обаянія. Въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о посольствѣ изъ Сереса вскорѣ послѣ Стефаніанской битвы, когда Душанъ снѣшилъ уйти изъ Македоніи не подъ вліяніемъ какихъ-либо просьбъ со стороны Кантакузина, а именно вслѣдствіе неудачнаго исхода этой битвы, ослабившей его военныя силы и повліявшей на его рѣшительность.

³⁾ Ibid. c. 87. p. 585. Въ началѣ года король былъ въ своихъ владѣніяхъ. Одна

которой стоялъ родственникъ Ирины Кантакузиной Мануилъ Асѣнь; она требовала добровольной сдачи города царю. Кантакузинъ, извѣщенный своими приверженцами объ опасности, угрожавшей Сересу, двинулся въ сопровожденіи Омуръ по направленію къ Хри-стополу. Слухъ о приближеніи Турокъ снова заставилъ Душана на время отойти отъ города. Но Кантакузинъ такъ и не явился на выручку Сереса. Турецкіе вожди убѣдили его вернуться назадъ и идти сперва на столицу, гдѣ происходили смуты вслѣдствіе убіенія Апокавка. Этимъ временемъ и воспользовался царь. Онъ окончательно стѣснилъ Сересъ и, благодаря содѣйствію своей партіи, добился наконецъ сдачи города. Между тѣмъ движеніе Кантакузина на Константинополь было не удачно; онъ хотѣлъ было снова послѣпить къ осажденному Сересу, но Турки отказались ему сопутствовать и вернулись въ Азію. Такимъ образомъ бывшему собирателю византійскихъ земель оставалось только оплакивать потерю этого важнаго города и примириться съ этимъ печаль-нымъ фактомъ въ виду близкаго своего торжества надъ противною партіею ¹⁾.

Когда именно Душанъ овладѣлъ Сересомъ—точно не извѣстно. Исходною точкою для установленія хронологіи какъ этого событія, такъ и предшествовавшихъ ему, должна служить сообщаемая Григоріемъ точная дата смерти Апокавка, относимой имъ къ 11 іюня ²⁾. Если допустить, что на передвиженія Кантакузина, сперва къ Христополу, потомъ къ Цареграду, за тѣмъ снова по направленію къ Македоніи, потребовалось 1½—2 мѣсяца, то сдача города Сербамъ должна была произойти въ августѣ, или самое позднее въ сентябрѣ, такъ какъ Кантакузинъ ³⁾ связываетъ этотъ новый успѣхъ Душана непосредственно съ уходомъ въ Азію своихъ союзниковъ Турокъ, покинувшихъ его въ тотъ моментъ, когда онъ шелъ на помощь къ Сересу. Во всякомъ случаѣ въ

грамота отъ 1-го января 1345 г. подписана имъ въ Скопѣ. См. наше разсужденіе „Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова“. Спб. 1880 г. стр. 66—68.

¹⁾ Cantac. III. c. 89. p. 551; Greg. XV. c. 1. p. 746. Ср. также выпускъ I, стр. 75.

²⁾ Gregor. I. XIII. c. 10. p. 731.

³⁾ Cantac. III. c. 89. p. 551.

октябрѣ городъ уже принадлежалъ краю. Въ одномъ хрисовулѣ, помѣченномъ октябремъ 1345 г. Душанъ упоминаетъ, что Сересъ по милости Божіей сдѣлался достояніемъ его королевской державы ¹⁾. Два другіе документа Душана, дошедшіе отъ того же мѣсяца и года, письмо его къ венеціанскому дожу отъ 1³ октября ²⁾ и льготная грамота Дубровнику ³⁾ отъ 26 октября, подписаны въ Сересѣ. 15

Съ паденіемъ Сереса рѣшена была участь Македоніи. И эта важная провинція имперіи, какъ незадолго предъ тѣмъ Албанія, сдѣлалась частью Сербскаго королевства. Только Солунь, благодаря своему приморскому положенію и прекраснымъ укрѣпленіямъ, устояла отъ сербскаго завоеванія. Приобрѣтеніями, сдѣланными въ 1345 г., и завершился первый періодъ завоевательной дѣятельности Душана. Въ теченіе 15 лѣтъ онъ достигъ весьма большихъ успѣховъ: вся страна отъ Христополи до Драча и Каннины и на югъ до Янины и сѣверной Фессаліи признала власть сербскаго краля.

Составивъ себѣ внѣшнее могущественное положеніе путемъ территоріальныхъ приобретеній, онъ не довольствуется ролью простаго завоевателя византійскихъ областей, а задается смѣлымъ планомъ разрушенія Византійской имперіи и созданія своего царства. Почва для подобныхъ замысловъ, условія, вслѣдствіе которыхъ они могли зародиться въ головѣ предприимчиваго государя, подготовлялись нѣнадцать лѣтъ. Въ этомъ и заключается особенный интересъ и значеніе перваго періода. Вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе, почему мы остановились нѣсколько долго на этомъ времени. Сводя въ одно цѣлое всѣ разобранныя выше данныя изъ источниковъ, относящіяся къ завоеваніямъ Душана, нельзя не прийти къ заключенію, что эти завоеванія достались Сербамъ сравнительно легко. Положеніе имперіи, всѣ внѣшнія обстоятельства имъ вполне

---

¹⁾ ἀρτίως δὲ θεοῦ εὐδοκούντος ἐγένετο ἡ τῶν Σερρῶν πόλις ἐπὶ τῆν δοῦλευσιν τῆς κραλότητός μου—Хрисовулъ Душана монастырю Предтечи и Крестителя Іоанна на Меникейской горѣ въ „Гласникъ“ XXVII, стр. 20 и въ сборникѣ Саен Мессаионикῆ Βιβλιοθήκη I, р. 235.

²⁾ Ljubić. Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, II. 278.

³⁾ Миклошичъ. Monumenta Serbiça. стр. 117.

благоприятствовали. Умному вождю ихъ оставалось только выбрать время, что и дѣлалъ онъ большею частью удачно, хотя и не всегда съ одинаковою дальновидностью пользовался тѣмъ, что давала ему въ руки счастливая судьба. Беззащитность провинцій, отсутствіе солидарности въ населеніи, обуславливавшееся его разноплеменностью, еще болѣе облегчали завоевательное движеніе Душана. При завоеваніи Албаніи мы все-таки видимъ вооруженную, хотя и непродолжительную борьбу въ настоящемъ смыслѣ слова: и царградское правительство, и само албанское населеніе оказываютъ до нѣкоторой степени организованное сопротивленіе неприятелю. Тутъ, слѣдовательно, Сербамъ пришлось употребить значительныя усилія для подчиненія страны, горная природа которой также ставила свои затрудненія. Македонія же была оставлена совершенно на жертву завоевателя; въ Византіи не было сдѣлано ничего для обороны беззащитной провинціи. Оппозиція Душану была чисто пассивная со стороны большихъ городовъ, для взятія которыхъ у него не было средствъ. Эти города, особенно Сересь, и затянули на значительное время покореніе самой страны. Кромѣ того, помѣху на своемъ пути король встрѣтилъ въ случайныхъ посѣтителяхъ Македоніи—Туркахъ, которые разбивъ Сербовъ подъ Стефаніаной, задержали на нѣкоторое время ихъ успѣхи. Наконецъ, причины того, что покореніе южной Македоніи тянулось такой продолжительный срокъ, могли заключаться, какъ уже замѣчено, въ самомъ Душанѣ, именно въ его медлительности, предпочтеніи дѣйствовать скорѣе переговорами и другими косвенными путями, чѣмъ оружіемъ, и въ недостаточности постоянного войска.

Вотъ эта-то легкость пріобрѣтенія византійскихъ областей и должна была болѣе всего вызвать у Душана высокое мнѣніе о своемъ виѣшнемъ могуществѣ, она-то, вѣроятно, и подсказывала ему мысль о возможности осуществленія на юго-востокѣ еще болѣе смѣлыхъ замысловъ. Но независимо отъ самаго характера завоеваній сербскихъ, близкое ознакомленіе съ причинами беззащитности покоренныхъ областей необходимо должно было дѣйствовать на краля въ томъ же направленіи. Принявъ участіе въ византійской усобицѣ, входя въ близкія сношенія попеременно то съ тою, то съ другою стороною, онъ могъ вполне убѣдиться въ тяжеломъ,

почти безвыходномъ положеніи имперіи, изнемогавшей отъ гражданскихъ смуть и не имѣвшей силъ дать отпоръ своимъ вѣншнимъ врагамъ. За время завоеванія Македоніи печальная картина Византіи раскрылась передъ нимъ въ полномъ освѣщеніи и не могла не казаться ему контрастомъ съ тѣмъ, что представляло создаваемое имъ государство. Отсюда, естественно, его планы и начинанія раздвигались все шире и шире. Наконецъ, нужно отмѣтить, что всѣ дальнѣйшіе политическіе замыслы Душана въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ тѣсному сближенію ихъ носителя съ византіядами, чѣмъ особенно характеризуется первый періодъ его дѣятельности. Если пребываніе въ дѣтствѣ въ Цареградѣ уже ознакомило его нѣсколько съ Византіей и ея культурою, то теперь, послѣ неоднократныхъ свиданій съ императорами, послѣ тѣсныхъ связей въ теченіе полугода съ Кантакузиномъ, неоднократныхъ сношеній съ Апокавкомъ, наконецъ, непосредственнаго соприкосновенія съ греческимъ населеніемъ завоеванныхъ областей, послѣ всѣхъ этихъ фактовъ сближенія у него должны были получиться болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія не только объ указанныхъ печальныхъ сторонахъ положенія имперіи, но и о византійской образованности, въ которой продолжали сохраняться старыя начала, завѣщанныя отъ болѣе славныхъ временъ, и особенно о высшихъ правахъ императорской власти и заманчивыхъ формахъ ея вѣншнаго обнаруженія. Въ это именно время готовится въ немъ увлеченіе византизмомъ, которое такъ наглядно обнаружилось во второй половинѣ его государственной дѣятельности.

IV.

Вѣнчаніе на царство.

Сдача Сереса Сербамъ была событіемъ большой важности. Независимо отъ того, что теперь, какъ мы уже замѣтили, вся Македонія, за исключеніемъ Солуни, переходила къ Душану, именно съ этого момента сербскій завоеватель выступаетъ съ тѣмъ смѣлымъ планомъ дальнѣйшихъ предпріятій на юго-востокѣ, который постепенно складывался въ его головѣ подъ вліяніемъ предшествовавшихъ успѣховъ. Оба современные византійскіе писателя связываютъ непосредственно съ завоеваніемъ этого города принятіе Душаномъ царскаго титула, а вмѣстѣ съ тѣмъ и формальное выраженіе съ его стороны притязаній на обладаніе имперією и всѣми прерогативами власти императора Ромеевъ, другими словами, приурочиваютъ къ этому событію открытое провозглашеніе новаго порядка вещей на полуостровѣ — основаніе Сербскаго царства рядомъ съ Болгарскимъ и Византійскою имперією. Вотъ подлинныя слова Григоры: „и вся страна до Христополя, кромѣ Солуни, была порабощена имъ (кравемъ); сталъ принадлежать ему и Сересъ, этотъ большой и великолѣпный городъ (τὸ μέγα καὶ θαυράσιον ἄστυ) доведенный до добровольной сдачи двумя неустранимыми бѣдствіями — голодомъ и продолжительною осадю. Теперь-то краль, превзойдя самого себя и усвоивъ слишкомъ неумѣренную надменность, думалъ, что ужъ ничто не остановитъ распространенія его могущества и верховной власти надъ остальными греческими землями вплоть до самой Византіи, и провозгласилъ себя *царемъ Ромеевъ* и варварскій образъ жизни переѣнилъ на обычай Ромеевъ и торжественно

возложилъ на себя тиару и всѣ особенныя одежды, которыя усвоены этому высокому достоинству и пользуется ими до сихъ поръ. ¹⁾ И предоставилъ онъ сыну управлять по сербскимъ законамъ страной отъ Ионическаго залива и рѣки Истра до города Скопиа, назначивъ границею его владѣній величайшую рѣку Аксїи (Вардаръ); себѣ же взялъ греческія земли и города до Христопольскихъ переходовъ ²⁾ для управленія по установленіямъ и обычаямъ Ромэевъ". Тоже самое, только короче, передаетъ Кантакузинъ: „Едва узнавъ объ уходѣ турецкаго войска на востокъ, краль подступилъ къ Сересу и овладѣлъ имъ при помощи своей партїи изъ горожанъ, искусно воспользовавшихся удобнымъ временемъ для передачи города. *Послѣ того* онъ высоко возмня о себѣ и видя себя обладателемъ большей части имперїи, провозгласилъ себя *царемъ Ромэевъ и Сербовъ*, а сыну предоставилъ титулъ крала" ³⁾.

Оба византїйскихъ свидѣтельства и сами въ себѣ заключаютъ историческую достовѣрность и подтверждаются другими современными источниками — грамотами. Дѣйствительно теперь наступило для Душана время ясно и открыто обозначить стремленія, которыя постепенно въ немъ развивались, какъ мы видѣли, въ первый періодъ его дѣятельности; теперь совершенно естественно ему было подвести итогъ своимъ завоеваніямъ. Въ его руки перешелъ давно соблазнявшій его большой, хорошо укрѣпленный, густо населенный городъ, по своей величинѣ и значенію немного уступавшій Солуни, второй столицѣ имперїи. Съ занятіемъ его завоеваніе Македонїи могло считаться оконченнымъ. Выбстѣ съ тѣмъ этотъ городъ былъ чисто греческій, ромейскій. Отнятая у имперїи

¹⁾ Gregor. XV. c. 1. p. 746. Ἐνταῦθεν ὁ Κράλης μείζων ἑαυτοῦ καταστάς καὶ θαυσιώτερον ἑαυτῷ περιζόμενος τὴν ὄφρυν (ἦτο γὰρ οὐδὲ τῶν μέχρι Βυζαντίου λειπομένων Ῥωμαίους ἀνθέξειν οὐδὲν πρὸς τὴν ἐκείνου βώμην τε καὶ ἡγεμονικὴν ἀρχὴν) βασιλέα Ῥωμαίων ἑαυτὸν ἀνηγόρευσε, τὴν τε βάρβαρον διαίταν ἐς τὰ Ῥωμαίων ἡμειψεν ἦθη καὶ καλόπτρα καὶ πάσαις στολαῖς διασήμοις, ὀπίσαι τῇ μεγάλῃ ταύτῃ γε προσήκουσιν ἀρχῇ, περιφανῶς ἐχρήσατό τε καὶ χρῆται γε μέχρι καὶ ἐς ἐμέ.

²⁾ Ibidem p. 747. ἑαυτῷ δ' αὖ τῶν ἐκείθεν Ῥωμαίων χωρῶν καὶ πόλεων κατὰ τὴν κειθισμένην Ῥωμαίους διαίταν, ἄχρι καὶ εἰς τὰ περὶ Χριστούπολιν τῶν παρόρων στενά.

³⁾ Cantac. III. c. 89. p. 554. καὶ μετὰ τοῦτο ἐκεῖνος ἦδη μέγα φρονῶν καὶ τοῦ πλείονος μέρους τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς ἐπειλημμένος, βασιλέα ἑαυτὸν ἀνηγόρευε Ῥωμαίων καὶ Τριβαλῶν, τῷ δὲ οἰῶ τὴν τοῦ Κράλη παρείχετο προσηγορίαν.

города въ западной и средней Македоніи, Душанъ собственно имѣлъ не много дѣла съ Греками, которые составляли меньшинство населенія, большинство же и въ городахъ и селахъ составляли Славяне болгарской вѣтви, къ которымъ присоединились элементы румынской и албанскій. Только восточная Македонія—Мигдонія съ Сересомъ и Зихною были по преимуществу заселены Греками. Здѣсь были земли и помѣстья многихъ знатныхъ константинопольскихъ фамилій, напр. Ѳедора Метохиты, Алексѣя Дипловатаца, Алексѣя Палеолога, Севаста Константина Ахиранта, Георгія Трулина и др.; здѣсь же была и Меникейская гора, знаменитая своими греческими монастырями и святынями. 1) Эта-то область и перешла теперь къ Душану. Оглядываясь на свои пріобрѣтенія, онъ не безъ удовольствія могъ считать себя повелителемъ не только Сербовъ, Болгаръ и Албанцевъ, но и Ромэевъ. Часть его властолюбивыхъ плановъ осуществилась; въ виду недавнихъ удачъ, съ паденіемъ Сереса онъ естественно приходилъ къ сознанию своего могущества. Въ письмѣ къ венеціанскому дожу Андрею Дандоло, подписанномъ въ Сересѣ 15 Октября 1345 г., онъ въ первый разъ съ гордымъ сознаниемъ своей силы величаетъ себя „кравлемъ Сербіи, Дукли, Хлума, Зеты, Албаніи и Приморья, владѣтелемъ не малой части Болгарскаго царства и *господиномъ почти всей Византийской имперіи*“ 2).

1) О греческомъ населеніи этой страны свидѣтельствуютъ между прочимъ мѣстныя и личныя имена въ грамотахъ Меникейскаго монастыря, большую часть которыхъ нужно признать именами греческими. Приведемъ здѣсь нѣкоторые: τὸ Μονάστηρον ἢ Ζελίγοβα, τὸ χωρίον Τακράβαρμούντον, τόπον τὸν Μερλίαν πλησίον τῶν Κορυβακλίων, γῆ τοῦ Πελαργοῦ, τόπος τοῦ Βερνάρη, Μετόχιον τοῦ Γασταλάγλαο χωρ. Θεός, Κεραυνίτζα, Πηλορήγιον; личныя имена, кромѣ указанныхъ: Πραντούλη, Σταυρακοπούλος, Σουαθηνός, Γερομνήμων, Λασκάρης, Φωτινός и друг. См. К. Н. Σάββα Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη. I. 200—242.

2) Ljubici. „Monuments. II. p. 278. Stephanus dei gratia Servie, Dioclie, Chiminie, Zentae, Albanie et maritime regionis rex, nec non Bulgariae imperii partis non modice particeps, et fere totius imperii Romaniae dominus..... Между тѣмъ въ началѣ того же 1345 г., въ январѣ, Душанъ скромно титулуется себя только „частникомъ греческимъ странамъ“ (азъ рабъ Христоу Стефанъ четвертымъ въ хѣ бѣ вѣрни краль самодръжьць всѣхъ српскихъ земель и чстникъ гръчскимъ странамъ). См. „Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова“, стр. 66.

Теперь становится вполне понятным и естественным то смѣлое и, по словамъ Григоры, надменное дѣяніе, которое было совершено Душаномъ вскорѣ по занятіи Сереса. Если въ первые пятнадцать лѣтъ своего правленія изъ войнъ и сношеній съ Византією онъ убѣдился въ безсиліи цареградскаго императора, этого верховнаго главы всего восточнаго міра, въ ослабленіи его высокаго нравственнаго вліянія на виѣшнія дѣла, то теперь, сознавая свою мощь, считая себя обладателемъ большей части земель имперіи, онъ легко могъ прійти къ рѣшенію провозгласить себя царемъ и тѣмъ самымъ отказаться отъ признанія всякой высшей власти надъ собою и своимъ государствомъ. Подобное нарушеніе вѣковыхъ традицій, которымъ, какъ мы видѣли, онъ самъ поклонялся въ извѣстной степени, не представляло уже въ себѣ факта вполне новаго, необычнаго. Если Душанъ ничего не зналъ о знаменитомъ болгарскомъ царѣ Симеонѣ, то, вѣроятно, хорошо былъ знакомъ съ дѣятельностію Асѣней, — основателей втораго Болгарскаго царства и ихъ могущественнаго преемника Асѣва II. Самое пребываніе его въ страпѣ, въ которой должны были сохраняться преданія о Болгарскомъ царствѣ, укрѣпляло въ немъ мысль о возвышеніи своего политическаго положенія. Наконецъ, не могъ онъ оставаться кралемъ, когда сосѣдній, менѣе сильный государь, при томъ же облагодѣтельствованный имъ родственникъ Іоаннъ Александръ Болгарскій носилъ титулъ царя. Все это вмѣстѣ привело Душана къ мысли провозгласить себя царемъ.

Но не одни эти соображенія руководили сербскимъ завоевателемъ при этомъ важномъ политическомъ шагѣ. Его планы и замыслы были гораздо шире. Задуманное имъ царство не должно было походить ни на царство Асѣней, остатки котораго продолжали еще существовать, ни даже на царство Симеона. Послѣдній цѣлью своихъ войнъ ставилъ освобожденіе изъ подъ власти Византіи славянскихъ земель и образованіе изъ нихъ одного славянскаго государства; самая попытка его овладѣть Цареградомъ вытекала все изъ того же стремленія уничтожить господство Грековъ и замѣнить его господствомъ Славянъ. Другой вопросъ, могло ли что либо тогда выйти изъ этой замѣны. Но несомнѣнно то, что національныя цѣли, независимо отъ властолюбія и личнаго раздра-

женія противъ Византійцевъ, руководили громкою, но не вполне удавшейся дѣятельностью могущественнаго болгарскаго государя ¹⁾. Асѣнии, еще болѣе чѣмъ Симеонъ, преслѣдовали народныя задачи; они добивались освобожденія и полной независимости болгарскаго народа, основывали болгарское царство. Совершенно иное значеніе связывалъ Стефанъ Душанъ съ принимаемымъ имъ титуломъ *царя* или *василевса*. Тутъ было дѣло не объ одномъ освобожденіи сербскаго народа отъ верховнаго авторитета царградскаго императора. Изъ приведеннаго свидѣтельства Никфора Григоры, подтверждаемаго и другими данными, какъ увидимъ, представляется несомнѣннымъ, что Душанъ занятъ былъ мыслью о созданіи новаго царства въ замѣнъ Византіи, но не сербскаго, а сербско-греческаго. Сербскій народъ, Сербское королевство, всѣ присоединенныя къ нему славянскія земли, должны были сдѣлаться только составною частью имперіи Ромѣевъ, главою которой онъ провозглашалъ себя. Такое именно значеніе должно было имѣть нареченіе сына Уроша *кралемъ*, съ выдѣленіемъ ему въ управленіе собственно сербскихъ земель. Вѣданіе новопріобрѣтенными греческими землями онъ удерживалъ непосредственно за собою, провозглашая, что будетъ управлять ими по обычаямъ Ромѣевъ. Такимъ образомъ Душанъ ясно выставлялъ себя претендентомъ на тронъ Константина Великаго, тогда уже служившій предметомъ споровъ. Онъ хотѣлъ стать прежде всего императоромъ Ромѣевъ, а потомъ Сербовъ. Перенесеніе на себя всѣхъ вѣнскихъ атрибутовъ власти

---

¹⁾ Нашему взгляду на дѣятельность Симеона не можетъ противорѣчить ни принятіе имъ титула „Цѣсаря Българомъ и Гръкомъ“, который продолжали носить его преемники, ни передаваемое Николаемъ Мистикомъ извѣстіе о томъ, что Симеонъ хотѣлъ занять византійскій престолъ и условіемъ мира съ Греками ставилъ признаніе его греческимъ императоромъ. Все это только доказываетъ, что болгарскій царь, въ своихъ удачныхъ войнахъ съ Греками, поводъ къ которымъ давали болшею частью послѣдніе, пришелъ къ мысли объ окончательномъ уничтоженіи Византіи. Онъ хотѣлъ владѣть Цареградомъ и повелѣвать Греками, но не какъ императоръ ромейскій, а какъ царь болгарскій. Воспріявъ въ себя сокъ византійской культуры, и впустивъ въ свое государство и свой народъ широкую византійскую струю, Симеонъ все-таки рѣзко обозначилъ свои политическія стремленія, направленныя къ уничтоженію ромейскаго элемента. Отсюда понятенъ и тотъ ужасъ, который наводили на Цареградъ побѣды болгарскаго царя.

византийскаго императора, усвоеніе греческаго образа жизни обовначали эти сокровенныя стремленія сербскаго государя непосредственно за принятіемъ царскаго титула. Факты послѣдующей его дѣятельности уже окончательно раскрыли задуманный имъ широкій планъ водворенія въ своей личности сербской династіи на цареградскомъ престолѣ.

Подробностей, касающихся самаго факта воцаренія Душана, дошло очень немного. Изъ записи самого царя, сохранившейся въ одномъ спискѣ его „Законника“, ¹⁾ извѣстно, что торжественное вѣнчаніе на царство происходило въ Скопїи 16 Апрѣля 1346 г. Но есть данныя допустить, что этому вѣнчанію предшествовала церемонія провозглашенія, совершенная въ Сересѣ, вѣроятно, вскорѣ послѣ занятія города. Согласно византийскому обычаю, она должно быть состояла въ возложеніи императорскихъ одеждъ и короны и въ торжественномъ возглашеніи имени новаго царя. Послѣ этой церемонїи Душанъ и сталъ пользоваться своимъ новымъ титуломъ. Въ одной грамотѣ, подписанной въ октябрѣ 1345 г., онъ называетъ себя еще кралемъ Сербїи и Романїи, (*Κράλης και αὐτοκράτωρ Σερβίας και Ῥωμανίας*) ²⁾; въ другой, помѣченной январемъ 1341 г., въ подписи стоитъ уже царскій титулъ (*βασιλεὺς και αὐτοκράτωρ Σερβίας και Ῥωμανίας*) ³⁾. Въ этотъ трехмѣсячный промежутокъ и долженъ былъ состояться первый актъ принятія сербскимъ кралемъ царскаго достоинства. Въ глазахъ Душана онъ, конечно, имѣлъ не меньшее значеніе, чѣмъ второй, совершившійся позже въ собственно-сербской землѣ. Безъ всякаго сомнѣнія именно о немъ идетъ рѣчь въ письмѣ новаго царя къ венеціанскому сенату, отъ 3 марта 1346 г. (*de coronatione sua in imperio Constantinopolitano*). ⁴⁾

Отъ коронаціи въ предѣлахъ Византийской имперїи до торже-

---

¹⁾ Въ Раковацкой рукод., наданной въ „Србскомъ Летопису“. 1828. IV. 46 и 53. Новаковић. Законникъ Стефана Душана Царя Српског. 1870. XXII — XXVI.

²⁾ К. Н. Σταθα „Μεσαιωνική βιβλιοθήκη“. 1872. I. 239.

³⁾ Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собранїяхъ П. И. Севастьянова, стр. 96.

⁴⁾ Ljubić. Monumenta. II. 323.

ственнойнаго вѣнчанія въ Скопїи прошло около полугода. Почти все это время Душанъ провелъ во вновь завоеванной греческой землѣ. Ему надобно было устроить ее соотвѣтственно принятымъ имъ планамъ, сблизиться съ греческою аристократїею и духовенствомъ и постепенно подготовиться къ выступленію въ принятой имъ роли императора ромейскаго. Теперь и происходитъ въ немъ то живое увлеченіе византизмомъ, которое подсказывалось ему раньше практическими соображеніями. Теперь-то, вѣроятно, онъ и занялся пведеніемъ пышнаго придворнаго штата и усвоеніемъ византійскихъ нравовъ и обычаевъ, о которомъ говоритъ Григора. Извѣстенъ цѣлый рядъ документовъ, принадлежавшихъ когда-то Меникейскому монастырю, содержащихъ въ себѣ весьма цѣнныя данныя для уясненія этой стороны дѣятельности Душана. Изъ нихъ раскрываются и отношенія, въ которыя онъ всталъ къ греческому населенію завоеванныхъ областей, и цѣлая система мѣръ, принятыхъ имъ для обезпеченія успѣха его широкихъ замысловъ; виѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ же находятъ себѣ полное подтвержденіе сдѣланное нами, на основаніи свидѣтельства Григоря, опредѣленіе смысла и значенія, которыя придавалъ самъ Душанъ своему вѣнчанію на царство ¹⁾. Видѣливъ себѣ какъ императору Ромэевъ страну отъ Вардара до Христополя (Кавала), онъ дѣйствительно рѣшился управлять ею по установленіямъ Ромэевъ. Всѣ должности городскихъ и областныхъ правителей были предоставлены мѣстнымъ знатымъ Грекамъ, вѣроятно, тѣмъ, которые и прежде ихъ занимали. Греческія имена кефалій и мѣстныхъ правителей въ

¹⁾ Подлинники этихъ документовъ давно не существуютъ. Извѣстны они стали изъ одного „старого кодекса“ Меникейскаго монастыря, куда были вписаны неизвестною рукою, неизвестно когда. Но и этотъ старинный кодексъ уже пропалъ, и остаются только списки съ него сдѣланные въ 1856 г. грекомъ Георгіемъ Иоанидомъ (См. *Rad.* V. 151). Одинъ изъ нихъ хранится въ Бѣлградской народной библіотекѣ, по которому они и были напечатаны, къ сожалѣнію только въ сербскомъ переводѣ (за исключеніемъ одного хрисовула, который изданъ въ греческомъ подлинникѣ) въ журн. „*Гласник српског ученог друштва*“ (XXVI и XXXII). У насъ въ рукахъ были два греческихъ списка, одинъ изъ нихъ полный. Грамоты весьма важны, но къ сожалѣнію, не всѣ могутъ быть признаны подлинными. Внимательное изученіе ихъ по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи спискамъ заставило насъ отказаться отъ пользованія нѣкоторыми изъ нихъ.

юго-восточной части Македоніи тянутся во все царствованіе Душана. Въ Сересѣ первымъ кефаліемъ послѣ сербскаго завоеванія былъ, вѣроятно, *М. Аврамбекъ*, имя котораго упоминается въ грамотѣ 1346 г. ¹⁾ Затѣмъ Сересъ является подчиненнымъ одному общему правителю надъ нѣсколькими городами. Быть можетъ при этомъ оставался и мѣстный кефалія. Такъ въ грамотѣ 1349 г. мы находимъ имя *Мануила Ливеріа*, воеводы надъ Волеромъ, Сересомъ и Струмою ²⁾. Подъ 1353 г. упоминается великій хартуларій (потомъ протовестіарій) и кефалія Волера, Мосинополя, Сереса и Струмы *Андроникъ Кантакузинъ*; преемникомъ его въ Сересѣ былъ *Димитрій Амель Метохита* ³⁾. Затѣмъ, вѣроятно въ послѣдніе годы царствованія Душана, правилъ въ Сересѣ и въ области Попольѣ великій чаушья (τσαυός) *Алекстй Цамлаконъ* ⁴⁾. Кромѣ того въ менікейскихъ грамотахъ упоминается *Федоръ Палеологъ* кефалія Волера, Мосинополя и Христополя ⁵⁾. Многіе представители мѣстной греческой аристократіи вошли въ составъ придворнаго штата, который былъ теперь составленъ по образцу византійскаго двора. Въ сересскихъ грамотахъ они являются не только съ общимъ именемъ царскихъ „дворянъ“ или „бояръ“ (οἰκεῖοι τῆ βασιλεία μου), но и носятъ разные почетные титулы, съ которыми соединялись высшія должности по управленію краемъ, или же являются ближайшими довѣренными людьми новаго царя. При отсутствіи точныхъ и вѣрныхъ хронологическихъ датъ на грамотахъ, къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить точно всѣхъ годовъ, когда были пожалованы высокими званіями и титулами упоминаемыя въ документахъ лица съ греческими именами. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Душанъ началъ приближать къ себѣ греческую

¹⁾ *Гласник* XXXII. 284. Грамота помѣчена апрѣлемъ и 14 индиктомъ, который въ періодъ царствованія Душана могъ приходиться только на 1346 г.

²⁾ Въ греческ. сп. № 21: Πάνσεπτε σεπτέ Δουξ τοῦ θέματος Волероῦ καὶ Мосиноπόλεος, Σερρών καὶ Струмμόνος κὺρ Манουῆλ Λιβερῆ. *Гласник* XXXII. 286.

³⁾ *Ibid.* 280—282.

⁴⁾ *Ibid.* 288—290.

⁵⁾ *Гласник* XXVI. 32. Въ греч. спискѣ № 6. Οἰκεῖτε τῆ βασιλεία μου κεφαλή Волероῦ καὶ Мосиноπόλου ἔτι Χριστοπόλου καὶ τῶν περὶ αὐτὰ κῆρε Θεόδωρε Παλαιολόγε.

знать непосредственно по взятіи Сереса и покоренія западной Македоніи. Это вполне согласовалось съ его видами немедленно принять титулъ „василевса Ромэевъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается нѣсколькими грамотами съ годами. Мы видимъ цѣлый рядъ греческихъ „дворянъ“, носящихъ титулъ „доместика“, которымъ Душанъ поручалъ рѣшеніе тяжбныхъ дѣлъ, сборъ доходовъ и управленіе отдѣльными областями. Извѣстны слѣдующія лица: доместикъ Макринъ ¹⁾, доместикъ Іоаннъ Тарханіота ²⁾, великій доместикъ Алексѣй Рауль ³⁾. Выше названный сересскій кефалия Андроникъ Кантакузинъ послѣдовательно носитъ титулы великаго хартуларія, протовестіарія и протоспаерарія ⁴⁾. Кромѣ того упоминаются: другой великій хартуларій Іоаннъ Ватацъ ⁵⁾ и простые дворяне: Маргаритъ, Трулинъ, Фокопуло ⁶⁾ и родствен-

¹⁾ *Гласник* XXVI. 31. Въ греч. списк. № 4: ὡς διαρίζατο ἡ βασιλεία μου διὰ προσταγμάτων πρὸς τὸν δομέστικον τὸν Μακρήνον (безъ года). Вѣроятно этого же Макрина надо разумѣть въ грамотѣ 1348 г. (янд. 1 м. Іюль; слѣдов.—1348 г.), гдѣ онъ является съ титуломъ доместика темъ⁴. *Гласник* XXXII: въ греч. сп. № 25: πάνσεπτε σεπτὲ οἰκεῖε τῆ βασιλείᾳ μου δομέστικε τῶν θεμάτων Κύριε Μακρήνε. Если эта послѣдняя грамота, не имѣющая подписи, а только хронологическую пометку, сдѣланную царскою рукою, принадлежить Душану, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тѣмъ же сербскимъ царемъ подписана (именно въ декабрѣ 1349 г. 3 вид.) изданная нами (Афонскіе акты. 88—90) простагма, которому подтверждается грѣμμα τῶν καθολικῶν χριστῶν τῶν Ῥωμαίων ο τижбѣ между монахами Эсфигмена и жителямъ гор. Рентины; ибо въ этой грамотѣ встрѣчается тоже имя „доместика темъ Макрина“ (δομεστικου τῶν θεμάτων τοῦ Μακρήνου). Въ такомъ случаѣ получается еще одно вѣское доказательство того, что Душанъ сохранилъ въ завоеванной странѣ прежнія византійскія учрежденія: онъ признаетъ институтъ „суда римскихъ вселенскихъ судей“. Объ этомъ институтѣ см. „Zachargia e Geschichte des griechisch—römischen Rechts. 2-te Auflage. Berlin. 1877. s. 359—363.

²⁾ *Гласник* XXVI. 34. Въ греч. сп.: οἰκεῖε τῆ βασιλείᾳ μου δομέστικε κύρ Ιωάννη Τарχανιώθῃ.

³⁾ *Гласник* XXVI. 38. Въ греч. сп. № 10: ὁ οἰκεῖος καὶ πεφιλημένος τῆς βασιλείας μου μέγας δομέστικος κύρ Ἀλέξιος ὁ Ῥαούλ.

⁴⁾ *Гласник* XXVI. 36; XXXII. 280, 281. Въ греч. сп. № № 8, 16, 17.

⁵⁾ *Гласник* XXVI. 32; въ греч. сп. № 5: τοῦ οἰκειοῦ τῆς βασιλείας μου μεγάλου харτουλλαρίου Ἰωάννου τοῦ Βατάτση καὶ τοῦ πανσέπτου οἰκειοῦ τῆ βασιλείᾳ μου Ὁρфаностρόφου κυρίου Κωνσταντίνου.

⁶⁾ *Гласник* XXVI. 32; въ греч. сп. № 5: ὁ οἰκεῖος τῆς βασιλείας μου ὁ Маргарίτης; *Гласник* XXXII. 283; въ греч. сп. № 18: παρὰ τοῦ οἰκειοῦ τῆ βασιλείᾳ

никъ царскій протостраторъ Синадинъ ¹⁾. Очень вѣроятно, что нѣкоторые изъ переименованныхъ лицъ уже имѣли эти титулы отъ византійскаго двора и вошли съ ними въ придворный штатъ новаго царя; на другихъ, какъ наприм. на Андронигѣ Кантакузинѣ прямо видно пожалованіе въ разныя степени со стороны Душана. Вообще касательно новоустановленнаго греко-сербскаго двора трудно сказать точно, на сколько близко онъ походилъ на византійскій и заключалъ ли въ себѣ всѣ разнообразныя степени византійскихъ должностей и титуловъ. Тѣсное сближеніе Душана съ мѣстнымъ греческимъ боярствомъ, предоставленіе ему почетнаго положенія въ странѣ, естественно заставляеть предполагать, что за послѣднимъ были сохранены всѣ прежнія землевладѣльческія и другія права. Въ нашихъ грамотахъ можно найти нѣсколько указаній на то, какъ осторожно и внимательно относился сербо-греческій царь къ этимъ правамъ. Онъ выдаетъ боярину Маргариту простагму, которою и на будущее время освобождаетъ его земли и виноградники отъ взноса податей и повинностей ²⁾, хрисовуломъ признаеть неприкосновенность земель и имѣній боярина Фокопула отъ наѣздовъ и вмѣшательства мѣстныхъ властей ³⁾; если онъ и заставляеть отобрать у нѣкоторыхъ бояръ земли, захваченныя у монастырей, то вознаграждаетъ ихъ равнымъ участкомъ въ другихъ мѣстахъ ⁴⁾. Греческій языкъ, повидимому, былъ признанъ языкомъ официальнымъ наравнѣ съ сербскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуеть значительное количество сохранившихся греческихъ грамотъ самого Душана. Такимъ-то мѣрами Душанъ, принимая титулъ царя Ромѣевъ, рассчитывалъ привлечь къ себѣ греческую аристократію покоренной страны. Ему нужно было показать, что онъ дѣйствительно царь не только Сербовъ, но и Грековъ.

Но не менѣе, если не болѣе важно было для него заручиться

μου κυρίου Γεωργίου του Τροικηνοῦ. *Гласник* XXXII. 284; въ греч. сп. № 19—20: ὁ οἰκέτης τῆς βασιλείας μου κύρ Γεώργιος Φωκόπουλος.

¹⁾ „Апоискіе акты и фотогр. сп. съ нихъ въ собр. Севастьян.“. 83: ὁ περιπόθητος θεῖος τῆς βασιλείας μου πρωτοστράτωρ ὁ Συναδηνός ἐκεῖνος.

²⁾ *Гласник* XXVI. 32. Греч. спис. № 5.

³⁾ Греч. сп. № 20: ἀρχόντων καὶ ἀρχοντοπούλων τῆς βασιλείας μου. *Гласник* XXXII. 283.

⁴⁾ *Гласник* XXVI. 32—37. XXXII. 292. Греч. спис. №№ 8. 25.

*

расположеніемъ и греческаго духовенства. Епископскія и священническія мѣста не только въ греческой половинѣ Македоніи, но и славянской, а частью и въ собственно сербскихъ земляхъ, какъ извѣстно, занимали по преимуществу Греки. Еще болѣе пзвѣстно то огромное вліяніе на народныя массы, которое принадлежало духовенству греко-славянскаго міра въ средніе вѣка. Стало быть съ этой одной стороны греческое духовенство для Душана было силою, въ содѣйствіи которой онъ не могъ не нуждаться для осуществленія своихъ шпрокныхъ замысловъ. Но кромѣ того былъ тутъ и частный, болѣе глубокой мотивъ. Согласно вѣковымъ преданіямъ, Душанъ хорошо понималъ, что его глубоко знаменательное провозглашеніе царемъ, можетъ получить право на законность и на всеобщее признаніе только въ томъ случаѣ, если будетъ освящено авторитетомъ высшей духовной власти. Сербскій архіепископъ, зависѣвшій отъ константинопольскаго патріарха, не могъ быть этою высшею властью; соборъ сербскихъ епископовъ долженъ былъ сперва устатьвить полную независимость сербской церкви, но и тогда независимый глава ея—архіепископъ или патріархъ получалъ бы право вѣнчать сербскаго краля не болѣе какъ *сербскимъ царемъ*. Для освященія же титула „Царя Сербовъ и Ромэсовъ“ для узаконенія связывавшихся съ этимъ титуломъ правъ на Византійскую имперію требовалось иѣчто большее. На согласіе константинопольскаго патріарха нечего было и разсчитывать. Вотъ это согласіе Душанъ и хотѣлъ замѣнить участіемъ греческаго духовенства завоеванныхъ областей въ задуманной имъ церемоніи санкціонирования сдѣланнаго имъ политическаго шага. Ему нужно было добиться того, чтобы высшее греческое духовенство и греческіе монастыри Аѳонской горы, пользовавшейся огромнымъ авторитетомъ на всемъ Востокѣ, открыто признали сербскаго архіепископа патріархомъ, а затѣмъ и его, Душана, „царемъ Сербовъ и Грековъ“. И здѣсь опять исторія не сохранила документовъ, которые указывали бы на сношенія новаго царя по этому вопросу съ сересскимъ и другими епископами, хотя подобныя документы и должны были существовать. За то дошло нѣсколько грамотъ меньшаго значенія, которыя тѣмъ не менѣе ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что Душанъ старался расположить въ свою пользу греческое духовенство.

Близ Сереса на Меникейской горѣ находится и въ настоящее время монастырь Св. Іоанна Предтечи. Въ царствованіе Андроника Старшаго онъ былъ поднятъ изъ развалинъ и великолѣбно переустроенъ митрополитомъ Зихны Іоакимомъ, который присоединивъ къ нему и другой монастырекъ того же святаго въ г. Сересѣ, соединилъ ихъ подъ властью одного игумена и выговорилъ для нихъ независимость отъ сересскаго епископа, съ непосредственнымъ подчиненіемъ константинопольскому патріархату. Эта обитель пользовалась особымъ почетомъ въ европейскихъ владѣніяхъ имперіи. Оба императора Андроники—дѣдъ и внукъ—считались ктиторами ея. Дочь Андроника Старшаго и супруга Милутина Сербскаго Симоида принимала особенное участіе въ благотвореніи обители; ей жертвовали земли и такіе видные дѣятели своего времени, какъ Ѳеодоръ Метохпта. Великій domestikъ Іоаннъ Кантакузинъ имѣлъ личный надзоръ и попеченіе (ἐφόρευεν καὶ ἐπίσχεψεν) надъ монастыремъ ¹⁾. Однимъ словомъ послѣ Аѳона это былъ одинъ изъ главнѣйшихъ религіозныхъ центровъ имперіи. Теперь этотъ центръ поступилъ подъ власть сербскаго завоевателя. На немъ Душанъ естественно останавливаетъ особенное вниманіе. Непосредственно за взятіемъ Сереса, въ октябрѣ 1345 г. онъ даетъ монастырю хрисовуль, подписываясь подъ нимъ „кравлемъ и самодержцемъ Сербіи и Романіи“ ²⁾. Этимъ документомъ онъ не только подтверждаетъ за монастыремъ всѣ прежнія владѣнія, земли и метохы, которыя были приписаны обители хрисовулами и простагмами византійскихъ императоровъ, не только освобождаетъ эти земли и имѣнія отъ всякихъ государственныхъ и общественныхъ поборовъ и повинностей, предоставляя въ этомъ отношеніи еще большія льготы, чѣмъ его предшественники, но и съ своей стороны дѣлаетъ весьма значительныя приложенія; именно онъ даритъ: помѣстье *Ласкаря* въ селѣ Ленчини съ зевгелатіемъ (тягло), принадлежавшимъ Кантакузину, и тремя мельницами, париковъ въ селѣ Мельникчи (Μελενικήτιον), дома и землю въ разныхъ мѣстахъ, которыми владѣлъ тотъ же Ласкаръ; урочща (παλαιχωρία): *Протохорицу* (Протохориζη) *Велій-долъ* (Βελιδόλου) съ двумя мельницами, *Кюни* (οἰ

¹⁾ См. Χρυσόβουλλοι Λόγοι у Саѳ. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη I. 211—242.

²⁾ Ibid. p. 234—239.

Κουηγοί) на р. *Панахъ* (εις τὸν Πάναχα) съ парикамп, мельницами и проч. и четыре двора (αὐλάκια) въ *Пера-Полеанъ* (εις τὴν Πέρα Πολέαναν) ¹⁾. Такую щедрость въ отношеніи названной мѣстной святини Душанъ обнаруживаетъ уже съ перваго шага по вступленіи въ обладаніе восточной Македоніей. Затѣмъ Менпкейская обитель остается навсегда предметомъ его особаго вниманія и попеченія. Онъ и дѣлаетъ ей новыя приложенія, и сохраняетъ за нею права на прежде ей пожалованныя угодья ²⁾. Эту церковную благотворительность Душана и его покровительство монастырю въ данномъ случаѣ нельзя объяснять одними религіозными побужденіями, одною набожностью, которою отличаются всѣ сербскіе государи, которой не былъ чуждъ и первый сербскій царь, по примѣру предковъ щедро одарившій сербскія церкви и монастыри ³⁾ и также устроившій свою задушбину—богатую и великолѣпную церковь Св. Архангела Михаила въ Призренѣ. Тутъ былъ несомнѣнно и другой—политическій расчетъ. Ему нужно было выказать особенныя знаки расположенія къ обители Іоанна Предтечи, потому что эта обитель была *греческая*, что ктиторами ея были *сами византійскіе императоры*—оба Андроника и Іоаннъ Кантакузинъ, теперь также стоявшій у подножія престола Константина Великаго, наконецъ потому, что обитель была подъ особымъ покровительствомъ епископовъ Зихны, преемниковъ знаменитаго устроителя ея митрополита Іоакима. Еслибъ не было никакого сомнѣнія въ подлинности всѣхъ пзвѣстныхъ меникейскихъ грамотъ (изданныхъ въ сербск. переводѣ Петрановичемъ), то можно было бы привести еще одно доказательство того, что Душанъ хотѣлъ возможно осязательнѣе выразить особое вниманіе и симпатіи къ греческому монастырю, и тѣмъ засвидѣтельствовать передъ греческимъ духовенствомъ, что онъ принимаетъ совершенно сознательно титулъ „царя Ромеевъ“, вполне рассчитывая на всеобщее признаніе его со стороны свѣтскихъ и духовныхъ представителей завоеванной

---

¹⁾ Ibid. p. 238.

²⁾ *Гласник* XXVI. 29, 31, 32—43. XXXII. 284—286. 289—295.

³⁾ Напр. церковь въ Трескавцѣ. (*Гласник* XI. 130. XIII. 369) и Хиландарь (см. грамоты у Миклошича, стр. 109, 115, 124 и друг.).

области. Именно, по нѣкоторымъ изъ грамотъ выходитъ, будто бы Душанъ назначилъ почетнымъ ктиторомъ Менникейской обители свою дочь—сербскую королевну, имени которой, впрочемъ, не приводится. Мы однако не рѣшаемся признать этотъ фактъ несомнѣнно вѣрнымъ, потому что тѣ грамоты, гдѣ упоминается о дочерп Душана, представляются намъ наиболѣе подозрительными. Онѣ или носятъ слѣды позднѣйшей поддѣлки, или же принадлежать не Душану, а первому царственному ктитору монастыря, императору Андронику Старшему ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ кралица, о которой въ нихъ идетъ рѣчь, есть никто другой, какъ несчастная дочь Андроника Симонида — супруга извѣстнаго сербскаго краля Милутина. Но и безъ ктиторства неизвѣстной дочери Душана, ду-

---

¹⁾ Грамоты эти въ греческ. сп. стоятъ подъ №№ 6, 7, 12, 13, 23, 28; въ *Гласникѣ* XXVI. 32. 34. 42. 43. XXXII. 289. 294. О дочери Душана говорится здѣсь слѣдующимъ образомъ: 'Η περιπόθητος θυγάτηρ τῆς βασιλείας μου ἡ ὑψηλοτάτη Κραλαίνα ἀναδεξαμένη πρὸ χρόνων ἤδη τινῶν διὰ χρυσοβούλων τῆς βασιλείας μου τὴν ἐφορίαν καὶ ἐπίσκεψιν τῆς περὶ τὰς Σέρρας εἰς τὸ ὄρος τοῦ Μενιοκίως διακειμένης σεβασμίας μονῆς.... (№ 6—безъ подписи). Также и въ грамотѣ № 28; ...ἀπὸ μεσιτείας τῆς περιποθήτου θυγατρὸς τῆς βασιλείας μου τῆς ὑψηλοτάτης Κραλαίνης τῆς αὐθεντοπούλας σου (№№ 7. 23. Подп. Στέφαν. βασιλ. κ. αὐτοκρ. Σερβ. κ. Ῥωμαν. 9 Декабря); ... σεβασμία μονῆ τῆς περιποθήτου θυγατρὸς τῆς βασιλείας μου Ῥηγαίνης Κραλαίνης Σερβίας (№ 12 безъ подписи); ... τοῦ περιποθήτου θυγατρὸς τῆς βασιλείας μου τῆς ὑψηλοτάτης Ῥηγαίνης Σερβίας (№ 13 безъ подписи). Подробный разборъ степени достовѣрности грамотъ требуетъ особаго изслѣдованія. Укажемъ здѣсь главныя основанія, по которымъ считасмъ ихъ сомнительными:

1) Душанъ не могъ назвать свою дочь кралица, или рηγαίνα Σερβίας; ибо подобный титулъ могъ относиться только къ супругѣ сербскаго краля, а никакъ не къ дочери. Такимъ образомъ грамоты №№ 12, 13 отнюдь не могутъ принадлежать Душану; онѣ или подложны или же выданы императоромъ Андроникомъ Старшимъ.

2) Изъ остальныхъ чегырехъ грамотъ только одна (№ 7) имѣетъ полную подпись „Стефана василевса“, на одной же будто бы сохранилось только начальное слово „Στέφανος“ (№ 23); прочія же двѣ (№№ 6, 23), какъ и первыя двѣ указанныя (№ 12. 13)—совсѣмъ безъ подписей. Для послѣднихъ, слѣдоват., нѣтъ никакихъ указаній о принадлежности ихъ Душану; а содержаніе ихъ и текстъ заставляютъ ихъ также отнести ко времени Андроника.

4) Остается одна грамота—№ 7; но она представляетъ много странностей: прежде всего вызываетъ разныя сомнѣнія титулъ, приданный Душаномъ его неизвѣстной дочери: τῆς ὑψηλοτάτης κραλαίνης τῆς Αὐθεντοπούλας σου (т. е. доместика

ховенство сересскаго округа не могло не быть польщенным вниманіемъ, оказаннымъ новымъ царемъ ихъ знаменитой обители. Очень можетъ быть, что и самъ сересскій митрополитъ получилъ отъ Душана какія либо пожалованія уже въ 1345 или 1346 г. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что ему, какъ высшему іерарху въ восточной Македоніи, Душанъ позже оказывалъ большое расположеніе и вниманіе. Въ 1348 г. Душанъ устроилъ свою задушбину—церковь Св. архангеловъ Михаила и Гавриила близъ Призрена, которую надѣлилъ обширными землями и угодьями и первымъ игуменомъ ея назначилъ сѣрскаго митрополита Іакова ¹⁾. Затѣмъ отъ 1353 г. дошелъ за подписью самого царя Стефана и его сына „Уроша краля всемъ Серблемъ“ весьма любопытный хрисовулъ, которымъ жалуется сѣрскому митрополиту Іакову въ пожизненное владѣніе церковь Св. Николая на Пшияи, подъ „Ковлемъ“, съ землею и приписанными къ ней людьми, съ виноградниками, мельницами, купленицами, задушбинами, ловами и другими угодьями и правами: „да моу кѣсть ондѣзи (говорится въ хрисовулѣ) прибѣжище и покоище, или моу се случи немощь или кою прѣселению

Іоанна Тарханіоты). Трудно допустить, чтобы Душанъ обращаясь къ именитому греческому боярину величалъ свою дочь „его государьней“. Затѣмъ по содержанію это одна изъ тѣхъ сомнительно-Душановскихъ грамотъ, гдѣ рѣшается вопросъ о землицѣ Моноспити, принадлежавшей некоему Мартину—вопросъ уже рѣшенный Андроникомъ Старшимъ въ 1297 г. (С а е а. Мѣс. βιβλ. I. 215). Въ грамотѣ являютя тѣ же лица, что и 50 лѣтъ назадъ: тотъ же Мартинъ—прежній владѣлецъ Моноспити и тотъ же безымянный епископъ Зихны, который возстановилъ и обновилъ Меникейскій монастырь (ἐγνώρισεν ἡ βασιλεία μου ἐξ ἀναφορᾶς τοῦ θεοφιλεστάτου ἐπισκόπου Ζιχων, ὃς συνεστήσατο τὴν μονήν.....). Ужели они жили и дѣйствовали и въ 50 годахъ XIV в.? Если бы этотъ епископъ былъ живъ, то по завоеваніи Сереса Сербями ему естественно было бы обратиться самому къ Душану съ просьбою о хрисовулѣ на монастырскіи земли; и еслибъ съ его стороны было подобное ходатайство Душанъ не приминулъ бы о немъ упомянуть въ своемъ октябрьскомъ хрисовулѣ 1345 г.; между тѣмъ онъ говоритъ объ этомъ приснопамятномъ епископѣ, котораго называетъ точно митрополитомъ Іоакимомъ только въ прошедшемъ времени, а происхожденіе своего хрисовула приписываетъ единственно просьбѣ монашествующихъ. Въ виду этихъ соображеній мы не рѣшаемся признать и этотъ документъ безусловно подлиннымъ.

¹⁾ Гласник XV. 276.

вольно, а или поуждно, да си има опозузи вкляю, до своѣга живота никымъ неоткѣмлемо“¹⁾).

Такову же политическую, а не одну религиозную подыкладку должно было имѣть обращеніе Душана уже въ началѣ 1346 г. съ пожалованными грамотами къ нѣкоторымъ аеонскимъ монастырямъ. Въ XIV в. большая часть святогорскихъ монастырей, кромѣ сербскаго Хиландаря и болгарскаго Зографа, принадлежали Грекамъ. Всѣ онѣ, не включая и славянскихъ, имѣли общее соборное управленіе въ Протатѣ, засѣдавшемъ въ т. наз. Карей, который только съ 1315 г.²⁾ подчиненъ вѣдѣнію константинопольскаго патриарха, а до того времени представлялъ нѣчто въ родѣ вполнѣ независимой общины. Притомъ однако византійскій императоръ оставался верховнымъ покровителемъ всей Святой горы. Государи сербскіе и болгарскіе, жертвуя отъ себя своимъ монастырямъ—Хиландарю и Зографу, постоянно являются ходатаями за нихъ передъ императорами, постоянно испрашиваютъ у него покровительственные хрисовулы то по тому, то по другому случаю³⁾. Это было и совершенно понятно: императоръ все таки былъ фактическимъ владѣтелемъ какъ всего Халкидскаго полуострова, такъ и Македоніи, гдѣ по преимуществу находились владѣнія и метехи аеонскихъ монастырей. Теперь порядокъ вещей измѣнился. Съ заня-

---

¹⁾ *Гласник* XXIV, стр. 241—248. *Акты русскаго на святомъ Аеонѣ монастыря св. великомученика Пантелеимона*. Киевъ. 1873. стр. 361. Грамота эта представляетъ много любопытныхъ подробностей. Между прочимъ въ ней находятся важныя указанія объ экономическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ стояли „люди жутьсци“ и „люди церковные“, и интересныя данныя для этнографіи такъ называемой Старой Сербіи въ XIV в. Отъ самого сѣрскаго митрополита Іакова дошелъ греческій актъ 1359 г. Славянская подпись на немъ сдѣланная крупною, красивою вязью (см. наше разсужденіе—Аеонскіе акты. 87) можетъ, пожалуй, говорить въ пользу славянскаго, точнѣе сербскаго происхожденія митрополита; но это обстоятельство не имѣетъ большаго значенія въ данномъ случаѣ: хотя бы и Сербъ по происхожденію Іаковъ все-таки былъ духовнымъ главою и греческаго города, и края по преимуществу греческаго.

²⁾ Преосв. Порфирій. „Указатель актовъ Аеонской горы“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г. ч. LVIII. стр. 64 и Slavische bibliothek herausgeb. v. Miklosich. I. 1854. s. 156. 211.

³⁾ См. „Аеонскіе акты“ стр. 36—45. 76—79.

тѣмъ Сереса Сербамъ, Македонія перестала принадлежать имперіи, явился новый царь Ромэевъ, въ рукахъ котораго и находилась участь аеонскихъ метоховъ и помѣстевъ. О времени перехода къ Душану самаго Халкидскаго полуострова нѣтъ точнаго извѣстія, но переходъ этотъ долженъ былъ послѣдовать въ томъ же 1345 или началѣ 1346 г. Конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сербскія войска не проникли на самый Аеонъ; тамъ имъ нечего было дѣлать, ибо это была святыня, общая и дорогая для всѣхъ народовъ греко-славянскаго міра. Тѣмъ не менѣе святогорскіе старцы греческихъ монастырей теперь не могли не понять, что верховное покровительство надъ ихъ обителями должно перейти отъ византійскаго императора къ новому царю, отъ котораго и будетъ зависѣть бѣльшая, или меньшая степень ихъ благосостоянія. Вотъ Душанъ и торопится разсѣять ихъ опасенія и сомнѣнія. Онъ не только подтверждаетъ за аеонскими обителями ихъ прежнія владѣнія въ Македоніи, но и дѣлаетъ новыя приложенія, старается показать, что онъ принимаетъ на себя всѣ обязанности византійскаго императора по ктиторству надъ Святою горою, тѣмъ самымъ обязывая и самихъ пноковъ признать его дѣйствительнымъ „царемъ Ромэевъ“. Что подобное признаніе было весьма важно для Душана, это читатель вполне пойметъ, если припомнить съ одной стороны то огромное духовно-нравственное значеніе Аеона, которое въ XIV в. достигаетъ особенной высоты а съ другой отсутствіе у самозваннаго царя Ромэевъ высшаго духовнаго авторитета, который могъ бы санкционировать совершенную имъ политическую узурпацію. Греческое духовенство и Аеонъ, какъ мы сказали, ему были необходимы, для приданія хоть какого нибудь вида законности его шагу. Оттого-то по принятіи царскаго титула въ Сересѣ, онъ на первыхъ же порахъ раздастъ дарственныя грамоты не своей Хиландарской лаврѣ, а греческимъ монастырямъ. Извѣстны его четыре хрисовула отъ этого времени. Всѣ они, какъ и упомянутыя царскія грамоты, а равно позднѣйшіе его хрисовулы греческимъ монастырямъ Аеона, писаны *по гречески*; три же изъ нихъ имѣютъ и *греческую подпись*: *Στέφανος ἐν χρῆ τῷ θῷ πιστός βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας καὶ Ρωμανίας* ¹⁾).

¹⁾ Сравненіе греческихъ хрисовуловъ Душана съ сербскими и общей ихъ ре-

Въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ январемъ 1346 г., Душанъ указываетъ на *общій хрисовуль*, которымъ онъ уже облагодѣтельствовалъ всѣ аеонскіе монастыри, перешедшіе подъ власть его царства ¹⁾ и затѣмъ освобождаетъ Иверскій монастырь отъ взноса 400 нперперовъ за пмѣніе Радолпво (*τὸ κτήμα τοῦ Ραδολίβου*), которые уплачивались сперва въ императорскую казну (*εἰς τὸ βασιλικὸν βεσπάριον*), а потомъ мѣстнымъ военнымъ властямъ *πρὸς τοὺς στρατιώτας*) ²⁾. Этотъ общій хрисовуль Душана, обращенный ко всѣмъ аеонскимъ монастырямъ, къ сожалѣнію, не сохранился въ архивахъ Св. Горы; по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ извѣстныхъ указателяхъ и перечняхъ аеонскихъ актовъ. Тѣмъ не менѣе уже изъ ссылки на него, находящейся въ нашей иверской грамотѣ, явствуетъ его истинное значеніе: имъ вполне доказывается высказанная нами мысль о желаніи новаго царя возможно скорѣе выразить свое благорасположеніе аеонскимъ старцамъ. Предоставленіе 400 нперпер. Иверской обители, послѣдовавшее за общими успокоительнымъ хрисовуломъ, должно было служить уже явнымъ, вещественнымъ доказательствомъ этого благорасположенія.

Въ другомъ хрисовулѣ, данномъ Иверскому монастырю въ апрѣлѣ 1346 г. Душанъ подтверждаетъ за монастыремъ всѣ прежніе его метохи и владѣнія, находившіеся въ предѣлахъ Сереса, Зихны, Мельника и другихъ мѣстностей Македоніи и опять выказываетъ свое ктиторское рвеніе къ этой древней въ то время чисто-греческой обители тѣмъ, что освобождаетъ земли и помѣстья монастырскія безусловно отъ всѣхъ поборовъ и повинностей, не исключая и такихъ статей, которыя всегда оговаривались въ хри-

---

дакціи съ редакціею хрисовуловъ византійскихъ императоровъ, можетъ быть предметомъ любопытнаго изслѣдованія; начало подобной работы представляютъ статьи профессора В. Г. Васильевскаго въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1880 г. Августъ.

¹⁾ Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. 95. *Διὰ τοῦτο ἡ βασιλεία μου πάσας τὰς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τοῦ Ἁθῶ διαχειμένας μονὰς ἀναδεξαμένη ὅλη ψυχῇ προσελθούσας καὶ ὑποταγεῖσας αὐτῇ διὰ χρυσοβούλλου κοινοῦ πάσας αὐταῖς πλουσίαν ἐχωρήγησε καὶ παρέσχε τὴν εὐεργεσίαν.....*

²⁾ *Ibid.* — Изъ этихъ 400 нперперовъ 200 — составляли земельный (тягловый) сборъ и 200 — подушную подать: ἤγουν τὰ μὲν διακόσια ὑπέρτορα ὑπὲρ ζευγατακτίου, τὰ δὲ διακόσις ὑπὲρ κεφαλαίου.

совулахъ византійскихъ императоровъ, именно: отъ пени за убійство, за дѣворастлѣніе, за открытіе клада, когда эти дѣйствія произведены на монастырскихъ земляхъ (διδομένων ἐτέρων δημοσιακῶν κεφαλαίων..... του φόνου, τῆς παρθενοφθορίας, τῆς εὐρέσεως τοῦ θησαυροῦ) ¹⁾, а равно даетъ льготу, которой совсѣмъ не упоминается въ византійскихъ документахъ: κεφάλαιον τῆς ἀπογραφικῆς ἀναθεωρήσεως, что по нашему мнѣнію, должно означать освобождение монастырскихъ помѣстій отъ судебныхъ слѣдствій и розысковъ со стороны гражданскихъ властей.

Въ третьемъ хрисовулѣ отъ того же апрѣля, данномъ другому древне-греческому монастырю Филоѳеевскому, Душанъ подтверждаетъ права монастыря на разные его метохы и мнѣнія не только въ Сересѣ, Мельникѣ и Зихнѣ, но и въ „богоспасаемомъ градѣ Θεσσαλονικῆ“, и затѣмъ и отъ себя дѣлаетъ весьма щедрое приложеніе: метохъ Чайно (Τσαῖνου), село Просаки (Προσακίον), землю у Зеликова, рыбныя ловли на р. Панакѣ (?) и поземельную подать съ париковъ и приписанныхъ къ нимъ поселянъ прежняго ихъ владѣльца *протостратора Синадина* ²⁾. Перечисляя льготы, предоставляемыя этимъ монастырскимъ владѣніямъ, онъ, повидному, исключаетъ статью τοῦ φόνου и τῆς εὐρέσεως θησαυροῦ и со-

---

¹⁾ Ibid. стр. 91—94. Напротивъ въ хрисовулѣ Андроника Старшаго, данномъ Руссику въ 1312 г., читаемъ: ἀλλὰ διατηρηθήσεται ταῦτα πάντα καὶ μενοῦσιν ἀνενόχλητα παντελῶς καὶ ἀδιάσειστα ἀπὸ πάσης καὶ παντοίας ἐπηρείας καὶ συζητήσεως, τῆς κατὰ χώραν ἐπερχομένης, ἄνευ μόνον τῶν καθολικῶς τεταγμένων τεσσάρων τούτων κεφαλαίων ἧθουν φονικῆς, παρθενοφθορίας, εὐρέσεως θησαυροῦ καὶ ἀλωνιατικοῦ, ἧτοι αιταρχίας. ταῦτα γὰρ οφείλουσιν ἀπαραιτήτως ἀπαιτεῖσθαι ἐξ αὐτῶν, ὡς περ καὶ ἀπὸ τῶν λοιπῶν πάντων κτημάτων — см. Акты русскаго на Святомъ Аѳонѣ монастыря св. в.мч. Пантелеимона. Кіевъ. 1873, стр. 166.

²⁾ „Аѳонскіе акты“ стр. 81—84. τὸ ζευγαριτίλιον τῶν τοιοῦτων παροίκων καὶ προσκαθημένων καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἐκείσε εὐρισκομένων ἐνοικούντων, ὡς ἐκράτει ταῦτα ὁ περιπόθητος θεῖος τῆς βασιλείας μου πρωτοστράτωρ ο Συναδηνὸς ἐκεῖνος. Фотографическій снимокъ, по которому изданъ нами этотъ актъ, представляетъ много трудностей для прочтенія, такъ что нельзя разобрать все, относящееся къ пожертвованіямъ самого Душана. Между прочимъ можно прочесть слѣдующее: ..... ἡ βασιλεία μου εὐεργετεῖ πρὸς αὐτὴν τὸ παρὰ τοῦ Πατρικίου ἀπατούμενον κεφάλαιον ὃ ..... τοῦ τοιοῦτου μοναστηρίου. Какой это былъ Патрикій, какая статья здѣсь разумѣется подъ κεφάλαιον—все это къ сожалѣнію остается неизвѣстнымъ.

всѣмъ не упоминаеть о хеф. τῆς καρδενοφθορίας ¹⁾. Тѣмъ не менѣе и его хрисовулъ предоставлялъ монастырю больше правъ, чѣмъ предыдущія жалованныя грамоты; въ немъ мы также видимъ освобожденіе монастырскихъ земель отъ той же статьи ἀπογραφικῆς ἀναθεωρήσεως καὶ ἀποκαταστάσεως, о которой упоминается и въ указанномъ выше иверскомъ хрисовулѣ.

Четвертымъ хрисовуломъ, подписаннымъ въ апрѣлѣ 1346 г. также, вѣроятно, до вѣнчанія въ Скопїи, Душанъ утверждаетъ за Зографскимъ монастыремъ стримонскую деревню Хандакъ, пожалованную монастырю по просьбѣ болгарскаго царя Іоанна Александра (1331—1365) императоромъ Іоанномъ Палеологомъ ²⁾. Сопоставляя этотъ хрисовулъ съ хрисовулами о той же деревнѣ Александра Болгарскаго ³⁾ и Іоанна Палеолога ⁴⁾ (оба 1342 г.) мы опять усматриваемъ въ первомъ не простое повтореніе предшествовавшихъ ему по времени актовъ, а предоставленіе какъ селу Хандаку, такъ и прочимъ метохамъ и землямъ Зографа еще болѣе широкихъ льготъ, полное освобожденіе ихъ отъ всякихъ общественныхъ поборовъ и повинностей, изъ которыхъ здѣсь не исключаются ни хеф. τοῦ φόρου ни хеф. τῆς καρδενοφθορίας. Душанъ, очевидно, хотѣлъ фактически доказать монахамъ, что въ благоустроеніи Св. Горѣ онъ идетъ далѣе законнаго византійскаго императора, котораго права онъ хотѣлъ перенести на себя, ставъ обладателемъ

---

¹⁾ Ibidem. Мы говоримъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ объ исключеніи двухъ упомянутыхъ статей, потому что не увѣрены въ точности предложеннаго нами прочтенія даннаго мѣста въ неразборчивомъ снимкѣ грамоты. Контекстъ мы воспроизвели въ нашемъ изданіи слѣдующимъ образомъ: καὶ πάντα τὰ ἀπαγοόμενα, ἀλλὰ θεμολογῆσαι κεφάλαια τοῦ φόρου καὶ εὐρέσεως θησαυροῦ. Такимъ образомъ ἀλλὰ имѣеть значеніе противоположенія, ограниченія (въ смыслѣ ἄνευ, πλην); но такое употребленіе этого союза, даже безъ отрицательной частицы, не подходитъ къ строю даннаго періода. Не думаемъ также, чтобы чтеніе ἀλλά (другія) вм. ἀλλὰ — было болѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ.

²⁾ Аѳонскіе акты. 80. Писанъ по гречески; но подпись по славянски ваявъ: Стефанъ.

³⁾ Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. 1879. LXXX 1. 24—28.

⁴⁾ Аѳонскіе акты. 78.

той части имперіи, въ которой находился и Аеонъ съ его монастырями и всѣ принадлежащія имъ земли и помѣстья.

Нужно думать, что современемъ и въ потайныхъ уголкахъ македонскихъ монастырей и церквей и даже, быть можетъ, въ аеонскихъ подвалахъ и ризницахъ будутъ найдены еще новыя документы, которые еще болѣе уяснятъ отношенія Душана къ греческой аристократіи и къ греческому духовенству Македоніи и въ частности къ Аеону за то время, когда онъ готовился къ своему вѣнчанію на царство. Но и приведенные факты, намъ кажется, уже достаточно рѣшаютъ вопросъ о характерѣ этихъ отношеній и опредѣляютъ сокровенныя стремленія, которыя занимали нашего царя въ первые полгода послѣ взятія Сереса. Все вниманіе его сосредоточено на совершенномъ имъ государственномъ переворотѣ. Всѣ заботы направлены къ тому, чтобы придать видъ законности его смѣлой узурпаціи и его открытому посягательству на права единаго восточно-православнаго царя. Заботы эти оказались не напрасными.

16 Апрѣля 1346 г. приходившееся въ Пасху—знаменательный день въ сербской исторіи. Въ столичный городъ Душановъ—Скопью собрался именитые владыки со всего Сербскаго королевства, все высшее сербское духовенство во главѣ съ сербскимъ архіепископомъ Іоанномъ, терновскій патріархъ Симеонъ и болгарскіе епископы, архіепископъ охридскій и греческое духовенство завоеванной области, наконецъ протъ, игумены и старцы святой Аеонской горы. Такимъ образомъ составилъ весьма многолюдный торжественный соборъ; ему-то предстояло узаконить и освятить совершенный Душаномъ политическій переворотъ—основаніе новаго царства ¹⁾. Первымъ дѣяніемъ собора было учрежденіе сербскаго

---

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ событіи содержатся главнымъ образомъ въ выше отмѣченной грамотѣ самого Душана, находящейся въ одномъ изъ позднѣйшихъ (Раковациномъ) списковъ его законника (Новаковић. Законикъ Стефана Душана XXV). Затѣмъ восскакія весьма краткія извѣстія даютъ слѣдующіе сербскіе источники: „Животи крајева и архіепископа српскихъ“ (Даничић 378—380). „Сказаніе о архіепископехъ сръбскихъ иже въ Пеки бывшихъ“ (*Гласник* XI. 160). „Родословіе сербскихъ царей“ (*Гласник* XXI. 246); „Обиш мистъ патријаршије пећске“ (*Гласник* XXXV. 40); происшедшая изъ этого Листа или изъ

патріаршества. Совершенно понятны основанія такого возвышенія главы сербской церкви. Установленіе полной государственной самостоятельности съ отреченіемъ отъ верховной власти восточнаго императора, естественно требовало и полной церковной независимости отъ цареградскаго патріарха. Понятіе царства, по воззрѣніямъ того времени, непрѣнно предполагало не только царя, но и патріарха; царь безъ патріарха былъ немислимъ. Передъ Душаномъ стоялъ живой примѣръ все того же Болгарскаго царства, основатели и возродители котораго, принимая титулъ царя, всегда добивались и признанія независимости своей церкви, усвоеніемъ главѣ ея званія патріарха. Да и теперь родственникъ Душана Александръ, государь сосѣдняго болгарскаго царства, имѣлъ своего терновскаго патріарха; какимъ же образомъ онъ могущественный основатель новаго государства, принявшій титулъ василевса Ромеэвъ, могъ остаться при простомъ архіепископѣ? Но независимо отъ этого весьма естественнаго желанія самого Душана, патріархъ былъ ему необходимъ для самаго акта вѣнчанія. Предстоятель сербской церкви долженъ былъ быть главнымъ лицомъ при совершеніи этого акта, а для этого ему нужно было получить достоинство равное тому, которое носили присутствовавшій на соборѣ болгарскій владыка и отсутствовавшій на немъ духовный глава Цареграда; ибо пѣз самой идеи царства какъ высшей формы государственнаго быта, предполагающей полную безусловную политическую независимость, вытекаетъ, что лицо, поставляющее, благословляющее

другаго, но общаго съ нимъ источника, *Троношская летопись* (Гласн. V, 66; извѣстная авторамъ обѣихъ этихъ летописей исторія дубровницкаго писателя Орбини „Il regno degli Slavi“ р. 269) и позднѣйшая компиляція—*хроника Юрія Браjkовича* (*Србски летопис* кн. III. 1867. стр. 15).

Въ позднѣйшемъ спискѣ грамоты (1700 г.) при Законникѣ день вѣнчанія ошибочно отнесенъ на 14 апрѣля; въ 1346 г. Пасха приходилась 16 апрѣля. Окончательнымъ подтвержденіемъ даты этого важнаго событія могутъ служить недавно изданные документы Дубровницкой республики. 4 апрѣля 1346 г. малый совѣтъ постановилъ, что послы отъ республики назначенные присутствовать при коронаціи царя, должны непремѣнно, подъ угрозой штрафа, выѣхать изъ Дубровника въ субботу 8 Апрѣля (Monumenta ragusina. Libri reformationum. Tom I. Zagrabiae. 1879. р. 226. 228). Очевидно правительство республики было озабочено, чтобы послы прибыли въ Скопю во время, т. е. 16 Апрѣля.

царя должно быть облечено высшею духовною юрисдикцією, а таковая въ восточной церкви принадлежала патриарху.

Поставленіе сербскаго патриарха состоялось при условіяхъ не обычныхъ съ юридической точки зрѣнія восточной церкви и весьма отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ было восстановлено болгарское патриаршество. Терновскій архіепископъ былъ поставленъ въ болгарскаго патриарха, какъ извѣстно, соборомъ (1235 г. въ г. Лампсакѣ) болгарскаго и греческаго духовенства, съ разрѣшенія и благословенія цареградскаго патриарха и прочихъ восточныхъ патриарховъ ¹⁾. Между тѣмъ въ Сербіи патриаршество было учреждено, какъ выражается сербскій лѣтописецъ ²⁾ „безчинно“ и „не по закону“, т. е. безъ участія и согласія не только восточныхъ патриарховъ, но и цареградскаго, которому принадлежала высшая власть надъ сербскою церковью. Изъ существующихъ краткихъ свѣдѣній объ этомъ важномъ событіи не видно: сносился ли Душанъ съ Цареградомъ по вопросу о патриархѣ или уже заранѣе рѣшилъ и въ этомъ дѣлѣ обойтись безъ согласія законной традиціонной власти. Намъ кажется, что онъ не могъ не желать придать полный законный характеръ отдѣленію сербской церкви отъ константинопольскаго патриархата, но добиться чего либо изъ Цареграда въ то время жестокихъ внутреннихъ смуть и затруднительности сношеній со столицей имперіи было почти не возможно; между тѣмъ и ждать ему долго не хотѣлось; для него важно было возможно скорѣе освятить свое провозглашеніе. Съ другой стороны, если Душанъ и обращался къ цареградскому патриарху Іоанну XIV Калекѣ (1337 — 1347), то безъ всякаго сомнѣнія встрѣтилъ съ его стороны полный отказъ. Византійскіе правители—императрица Анна и патриархъ чувствовали, что переживаютъ послѣдніе дни своей власти: ничъ было не до вѣдшихъ дѣлъ. вмѣстѣ съ тѣмъ стремленія и замыслы Душана относительно имперіи уже на столько опредѣлились, что не было уже мѣста надеждѣ путемъ уступокъ отклонить опасность, грозившую и самимъ правителямъ

---

¹⁾ Синодикъ царя Бориса. *Временникъ* Моск. Обществ. Исторіи и древностей. XXI. 1855, стр. 9. *Извѣстія втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ*. VII. 149. Голубинскій. *Истор. Прав. церкв.* 80.

²⁾ *Гласник* XI. 161. „Животи“ 380.

и Византіи. Какъ бы то ни было, поставленіе сербскаго патріарха произошло безъ участія вселенскихъ патріарховъ. Соборъ греческихъ епископовъ и святогорскіе старцы должны были замѣнить высшаго представителя цареградской церкви. Присутствіе ихъ на соборѣ рядомъ съ болгарскимъ патріархомъ и сербскими епископами было необходимо прежде всего для поставленія сербскаго патріарха. О выборѣ лица не могло быть рѣчи. Архіепископъ печскій Іоанникій, любимецъ Душана, возведенный имъ послѣ смерти Данила II (1337) ¹⁾ изъ логоетовъ на архіепископскій престолъ былъ провозглашенъ первымъ сербскимъ патріархомъ ²⁾. Событіе это повлекло за собою немаловажныя послѣдствія. Константинопольскій патріархъ Каллистъ отказался признать дѣйствія собора законными и произнесъ на сербскую церковь отлученіе (1352), которое было снято только въ 1375 г. при царѣ Лазарѣ и цареградскомъ патріархѣ Филоеѣ.

Вслѣдъ за поставленіемъ патріарха произошло торжественное вѣнчаніе Душана царскимъ вѣнцемъ ³⁾. Противъ игумены и старцы собора святогорскаго и „архіерей престола греческаго“ должны были, какъ мы уже сказали, подтвердить принятіе сербскимъ кралемъ достоинства царя не только Сербовъ, но и Грековъ. Формула провозглашенія, произнесенная на соборѣ, въ сожалѣнію, неизвѣстна. Имя Сербовъ, конечно, должно было стоять въ ней на первомъ мѣстѣ, какъ оно стоитъ почти во всѣхъ извѣстныхъ подписяхъ Душана. До полнаго завоеванія имперія онъ не могъ считать себя царемъ по преимуществу Ромѣйскимъ. Византія, власть надъ Ромѣями были предметомъ его особыхъ мечтаній и симпатій, но въ

---

¹⁾ Голубинскій. 459. 557.

²⁾ Въ указаные выше (стр. 126) источники.

³⁾ Грамота 1349. (Новаковић — Законик): „и Богомъ дарованнымъ вѣнцемъ царскимъ вѣнчанъ быхъ на царство..... благословеніемъ преосвещеннаго патріарха Іоанникія и всеми архіерей събора сръбскаго, тогожде благословеніемъ и рукою преосвещеннаго патріарха българскаго куръ Сумеона и всеми архіерей събора българскаго и *молтвами же* и благословеніемъ всечестнаго лика светне гори Аеопа, протомъ же и всеми игумены и всеми старци събора Светогорскаго *наче* и отъ *архіерея престола грчкаго* и всего събора, иже изволише о мене царствовать“.

это время онъ не могъ еще выдвинуть ихъ на первый планъ; онъ оставался еще сербскимъ государемъ. Сербы составляли главную силу создаваемой имъ монархіи; фактомъ вѣнчанія нужно было прежде всего засвидѣтельствовать освобожденіе роднаго народа изъ подъ игемоніи цареградскаго императора. Въ всякаго сомнѣнія въ формулу провозглашенія были включены терминны „дара Болгаромъ и Арбанасомъ“, находящіеся въ нѣкоторыхъ грамотахъ. Послѣдній, конечно, означалъ включеніе Албаніи въ составъ новаго царства, а первый указывалъ на власть царя надъ Болгаріи, какъ составнымъ этнографическимъ элементомъ завоеванныхъ имъ областей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ выраженіе притязаній Душана на Болгарское царство. Во всякомъ случаѣ въ актѣ вѣнчанія Душана сказался, какъ уже замѣчено, его широкій взглядъ на значеніе его политической дѣятельности. Онъ приравнивалъ себя къ Константину Великому ¹⁾ и констатировалъ созданіе новаго царства. Въ этомъ и заключается весь смыслъ событія 16 апрѣля 1346 г.

По византійскому обычаю вмѣстѣ съ собою Душанъ вѣнчалъ на царство и супругу Елену; тогда же и десятилѣтній сынъ ихъ Урошъ былъ вѣнчанъ „красемъ всѣхъ сербскихъ земель“. Царица и молодой король привлекаются теперь къ управленію дѣлами, имена ихъ являются съ именемъ Душана на всѣхъ важнѣйшихъ актахъ ²⁾. За малолѣтствомъ Уроша Душанъ, конечно, не могъ предоставить ему теперь же управленіе сербскими землями, о чемъ говоритъ Григора; но этимъ одновременнымъ вѣнчаніемъ Уроша въ король всѣхъ сербскихъ земель вполне подтверждается свидѣтельство упомянутаго историка о намѣреніи Душана видѣлить сербскія земли какъ особую часть основываемой имъ монархіи ³⁾.

¹⁾ Ibidem: и всѣхъ дастъ ми въ рудѣ мкоже и великому Константину цару....

Гласник XXIV. 233: приѣми царствина благочестива вѣнць отъ руки Христа моего, поревновахъ житию и благопрѣбыванію стхъ о Христѣ царей благовѣрно жившихъ на земли, реку же великаго и славнаго и равнаго апостоломъ и прьваго Хрѣстианомъ Константина цара....

²⁾ Указанная грамота при „Законникѣ“. См. также *Гласник* XV. 267. XXIV. 233, 239, 243. XXVII. 289; Миклошичъ *Monum. Serb.* 133, 136, 146; „*Авонскіе акты и фотограф.* см. *Севастьянова*“ 63. 70.

³⁾ Подтверженіемъ той же мысли о значеніи, которое придавалъ Душанъ

При торжествѣ вѣнчанія, безъ сомнѣнія, присутствовали представители отъ нѣкоторыхъ славянскихъ государствъ полуострова. Отъ Болгарскаго царства былъ, вѣроятно, не только патриархъ съ духовенствомъ, о которыхъ упоминаетъ самъ Душанъ въ указанной грамотѣ, но и нѣкоторые члены царской семьи, если ужъ не самъ царь Александръ; къ этому и обязывали родственныя узы, существовавшія между обоими дворами — болгарскимъ и сербскимъ, и чувства международныхъ приличій, отчасти и уваженіе къ сильному сосѣду. Затѣмъ есть положительное извѣстіе ¹⁾, что изъ Дубровника были присланы въ Сербію ко времени коронаціи три посланника съ довольно пышною свитой. Это были Giugnus Derge, Giugnus de Calichio и Nifficus Nicola de Gondola. Отъ имени республики они привѣтствовали нововѣнчаннаго царя и поднесли ему дары. Венеція, какъ мы уже замѣтили, письмомъ поздравила Душана еще до вѣнчанія въ Скопїи (3 Марта 1346 г.) ²⁾. Съ этимъ же торжествомъ Душанъ, вѣроятно, связалъ окончательное устрой-

---

принятому имъ новому титулу, можетъ служить слѣдующая надпись при изображеніи царя, находящаяся въ Децанской церкви: Стефанъ въ Христа бога вѣрни царь грѣчки и краль все сербскіе земли и поморскіе и киторь мѣста сего светаго“. Гильфердингъ Собр. сочин. III. 132. Эта надпись относится, вѣроятно, къ болѣе позднему времени, когда Душанъ сдѣлалъ еще новыя приобрѣтенія отъ имперїи.

¹⁾ *Monumenta Ragusina. Libri reformationum. Zagrabie. 1873. Tom. I. (Monumenta spectantia historia Slavorum meridionalium Vol. X) p. 226. 228.* Постановленіе малаго совѣта касательно этого посольства, къ сожалѣнію, сохранилось не въ полномъ видѣ; недостаетъ того мѣста, гдѣ говорится о дарахъ. Касательно самаго посольства считаемъ не лишнимъ привести изъ постановленія слѣдующія любопытныя подробности: ... scriptum fuit et firmatum, quilibet dictorum trium ambasiatorum eligendorum habere debeat pro suo salario dicte ambassiate ypp LX. Et debeant habere inter omnes XII famulos equestres et famuli habere debeant pro quolibet unam tunicam et unum mantellum de drappo cujus pelia sit ypp XX. et expensas et nihil aliud. Et debeant habere inter omnes tres ambasiatores equos XXI. Et possint expendere omni die pro eorum expensis et pro expensis equorum et famulorum ypp IV. Atamen debeant habere a communi navium equorum. Извѣстіе объ этомъ посольствѣ находится и у дубровническаго историка Растича. Имена пословъ у него тѣ же, что и въ приведенномъ памятникѣ. Вотъ одно изъ доказательствъ, что трудъ Растича (Resti) составленъ по архивнымъ документамъ.

²⁾ Ljubić. „Monumenta“ II. 326.

*

ство своего новаго двора, начало которому положили въ Сербѣ. Теперь то и послѣдовало возведеніе сербскихъ владетелей и воеводъ, успѣвшихъ заслужить расположеніе царя въ новоучрежденныя достоинства. Шуринъ царя великій воевода Овчепольской области *Оливеръ* получилъ титулъ деспота ¹⁾, другой родственникъ царскій — *Дьянъ* сдѣланъ севастократоромъ ²⁾, *Вукашинъ* — деспотомъ и виночерпиемъ (οἰνοχόος τοῦ βασιλέως), его братъ *Улеша* — царскимъ конюшимъ, (ὁ ἵπποκόμος) ³⁾ *Гойко* — великимъ [логоветомъ, *Примунъ* — кесаремъ, *Никола Буча* — протовестіаріемъ. Кромѣ этихъ лицъ были, вѣроятно, и другія удостоившіяся почетныхъ пожалованій ⁴⁾. Въ ознаменованіе того же событія былъ учрежденъ Душаномъ военный орденъ Св. Стефана, главнымъ назначеніемъ котораго было отличеніе личныхъ заслугъ. Одними изъ первыхъ кавалеровъ этого ордена были дубровницкіе послы, присутствовавшіе на торжествѣ ⁵⁾.

При такихъ то условіяхъ получилъ извѣстную санкцію переворотъ, совершенный Душаномъ на полуостровѣ. Вся сила санкціи, кромѣ болгарскаго патріарха, принадлежала высшему греческому духовенству и аеонскимъ старцамъ. Душанъ, какъ мы уже замѣтили, хорошо понималъ это. До вѣнчанія на царство онъ старался расположить къ себѣ тѣхъ и другихъ; послѣ вѣнчанія онъ, естественно, старался показать, что цѣнитъ оказанную ими услугу. Въ отношеніи архіепископа охридскаго эта благодарность со стороны царя выразилась въ сохраненіи за его кафедрю прежняго самостоятельнаго значенія, которымъ она пользовалась до перехода Македоніи подъ власть Сербовъ ⁶⁾. Можно думать, что извѣстная

¹⁾ Арх. Леонидъ. Описаніе Сербской Хиландарской Лаври. 69. *Гласник*. XXVII. 287—296.

²⁾ Душанъ называетъ его въ одномъ изъ хрисовуловъ: „достовернымъ о Господѣ любимымъ и всесердечнымъ своимъ братомъ“. Оливеръ, Дьянъ и Богданъ были родные братья супруги Душана, царицы Елены. Ср. Арх. Леонида Опис. Сербск. Лаври. 73—76. и Николаевичъ. Сербски Компени (*Гласник* XII и XIII).

³⁾ Laonic. Chalcocondyli De rebus turcicis. Ed. Bonn. 29.

⁴⁾ Orbini. Il regno degli Slavi. p. 267. 268. Хроника Юрія Бранковича. *Сербски летопис* кн. III. 16.

⁵⁾ Lussati. Annali di Rausa. 56.

⁶⁾ Голубинскій. Исторія Правосл. Церкв. 129—138.

доля независимости и нѣкоторыя преимущества были предоставлены церквамъ восточной Македоніи, именно: митрополіамъ мельникской, филиппинской, христовольской, сересской и архіепископѣ драмской, которыя принадлежали къ діоцезу константинопольскаго патріарха, а теперь поступили подъ высшую юрисдикцію сербскаго патріарха ¹⁾. А за тѣмъ сохранился цѣлый рядъ документовъ, которые свидѣтельствуютъ о желаніи царя выразить признательность и благорасположеніе Аеонской горѣ. Въ томъ же 1346 г. въ дополненіе къ приведеннымъ январскимъ и апрѣльскимъ хрисовуламъ ²⁾, Душанъ выдалъ еще два хрисовула греческимъ монастырямъ Аеона. Въ одномъ, помѣченномъ маемъ 1346 г., онъ под-

---

¹⁾ Fr. Miklosich et Ios. Müller. Acta patriarchatus Constantinopolitanae 1860. I—553. 555. 562. Намъ кажется, что подчиненіе означенныхъ митрополитовъ печскому патріарху было чисто внѣшнее и выразилось не болѣе какъ въ правѣ послѣдняго утверждать и хиротонисовать епископа, избраннаго самимъ же греческимъ соборомъ, о которомъ упоминаетъ самъ Душанъ. Вѣроятно оно не касалось внутреннихъ дѣлъ каждой каедрѣ и ихъ матеріальныхъ доходовъ. Въ основаніе нашей догадки мы полагаемъ слѣдующія соображенія. Печскій патріархъ никогда не называется въ грамотахъ патріархомъ греческимъ, а только сербскимъ. (Единственная грамота, гдѣ онъ является съ подобнымъ титуломъ—М и к л о ш. 142—но хронологическимъ несообразностямъ представляется весьма сомнительною). Далѣе, извѣстно нѣсколько фактовъ (они приведены выше) расположенія Душана къ сересскому митрополиту Іакову, которыя заставляютъ предполагать въ сербскомъ царѣ желаніе привязать къ себѣ духовенство завоеваннаго греческаго края. Наконецъ не сохранилось никакихъ указаній, чтобы печскій патріархъ проявилъ въ чемъ нибудь свою власть надъ этими епископіями; въ указанныхъ греческихъ грамотахъ только въ общихъ словахъ говорится о подчиненіи ихъ новому патріарху. Позднѣйшее свидѣтельство (*Л'асник* XI. 162 и „Ж и в о т и“ 381) о томъ, что Душанъ будто бы изгналъ изъ занятыхъ областей греческихъ епископовъ, замѣнивъ ихъ сербскими, должно быть сочтено незаслуживающимъ вѣры. Еслибъ подобное изгнаніе дѣйствительно состоялось, о немъ безъ сомнѣнія было бы упомянуто въ одной изъ греческихъ грамотъ, относящихся къ дѣлу примиренія сербской церкви съ цареградскою, между тѣмъ въ нихъ и патріархъ, и Деспотъ Углича, безъ стѣсненія осуждая поступокъ Душана, ничего не говорятъ объ этомъ обстоятельстве. Притомъ, еслибъ означенныя каедрѣ были замѣнены Сербамъ, вѣроятно, не могло бы состояться такъ скоро и легко возвращеніе ихъ къ константинопольскому патріархату (1871 г. Ср. Acta patriarchatus Constantinopolitanae 558), какъ это произошло.

²⁾ О послѣднихъ, т. е. апрѣльскихъ неизвѣстно, когда собственно они были выданы: до вѣнчанія или послѣ него. Намъ казалось бы болѣе вѣроятнымъ первое.

тверждаетъ за Ватонедскимъ монастыремъ владѣніе прежде принадлежавшими ему землями и угодьями—на *Стримонь, въ Сересъ, Солуни, Веррии* и жертвуетъ отъ себя *селеніе св. Маманта* на Каламаріи (*ἡσπίον τὸ καλοῦμαιον ὁ ἅγιος Μάρτας*) вмѣстѣ съ тѣмъ освобождая всѣ владѣнія монастыря отъ всякихъ повинностей ¹⁾. Другой выданъ въ декабрѣ 1346 г. и подтверждаетъ за Эсфигменскимъ монастыремъ владѣніе разными землями и метохами ²⁾.

Но всѣ эти дарственные грамоты были только началомъ царскихъ милостей. Въ декабрѣ слѣдующаго, т. е. 1347 г., Душанъ самъ посѣтилъ Аѳонъ въ сопровожденіи супруги царицы Елены и значительной свиты. Царь пробылъ на Святой горѣ около четырехъ мѣсяцевъ—приблизительно отъ 12 декабря 1347 до 26 апрѣля 1348 г. ³⁾, обошелъ всѣ монастыри, принималъ всюду „благословеніе отъ святыхъ и чьстныхъ и аггеломъ подобныхъ житіемъ отць“, украшалъ „светне и чьстне храмы отъ малыыхъ даже и до великихъ, ово златыми сосоуди и сребрьными, ово же священными одеждами“ и выдавалъ льготныя и дарственные грамоты на монастырскія земли и угодья. Первому представителю аѳонской общины—Проту Душанъ, естественно, долженъ былъ выказать особое вниманіе. „И придохъ, пишетъ самъ царь въ хрисовулѣ ⁴⁾, въ великою и сборноюю црьковъ протата, и обрѣтохъ чьстнаго прота Куръ Германа, и поклонихъ се чьстѣй и велицѣй црькви, и оукрасихъ црьковъ елико мощно, и чьстнаго прота одарихъ и придахъ кабалъ злата велпцѣй црькви, помѣна ради“. Всего отъ этого времени пзвѣстно семь хрисовуловъ Душана; изъ нихъ одинъ— о приложеліихъ, сдѣланныхъ кельѣ Св. Саввы въ Кареѣ—

---

¹⁾ *Аѳонскіе акты и фотограф. снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова.* 97.

²⁾ Преосв. Порфирій. Указатель актовъ аѳонскихъ монастырей 171. Вѣроятно отрывокъ этого акта находится въ одномъ изъ неполныхъ снимковъ Севастьянова. См. Аѳонскіе акты и проч. стр. 50. № 3.

³⁾ См. хрисовулы у Арх. Леонидъ. Описаніе Сербск. Лаври. 60—65. у Миклошича *Monum. Serb.* 124—129. 29 Апрѣля 1348 г. Душанъ уже былъ въ Призренѣ—Миклошичъ *Mon. Serb.* 139.

⁴⁾ Миклошичъ 129. Арх. Леонидъ 62.

несомнѣнно подписанъ царемъ уже по возвращеніи съ Аона — въ Прилѣпѣ ¹⁾. Но, вѣроятно, ихъ было и болѣе; кое-что могло пропасть, кое-что можетъ и доселѣ скрыто въ ризницахъ и подвалахъ аеонскихъ монастырей, оставаясь неизвѣстнымъ ученому міру и дѣлаясь достояніемъ сырости, мышей и другихъ неблагопріятныхъ условій всеразрушающаго времени. Хрисовулы эти относятся къ четыремъ монастырямъ, преимущественно къ тѣмъ, которымъ Душанъ не успѣлъ равнѣе сдѣлать пожалованій. Эсфигменской обители онъ предоставилъ снова владѣть всѣмъ метохомъ Красово, двѣ трети котораго по судебному приговору (δι'ἀπογραφικῆς κατατάξεως) были отобраны отъ монастыря и переданы ивѣиимъ Гавриилопулу и Фармаки ²⁾. Монастырю Росовъ, нуждающемуся въ большемъ попеченіи и помощи онъ подарилъ села на *Стримонѣ*: Ащипсту, Веникію, Эггдомвсту и Довникію (Αυτίσταν, Βενίκειαν, Αἰγδομίσταν, Δοβνίκειαν) и подтвердилъ за монастыремъ неприкосновенность его прежнихъ владѣній въ Солуни у Каламарин и Аравеникии ³⁾. Въ третьемъ греческомъ хрисовулѣ, данномъ въ декабрѣ 1347 г. Лаврѣ св. Аонасія, Душанъ подтверждаетъ все прежніе хрисовулы, полученные монастыремъ въ разное время отъ разныхъ лицъ и предоставляетъ ему часть доходовъ съ соляннихъ варницъ у Хризопола и съ желѣзныхъ рудъ у Трилисія ⁴⁾.

Остальные четыре хрисовула писаны по славянски и относятся къ Хпландарской лаврѣ. Съ завоеваніемъ Македоніи и аеонскаго полуострова Душанъ становился непосредственнымъ покровителемъ и благодѣтелемъ знаменитаго сербскаго монастыря, созданія его не менѣе знаменитыхъ „прѣродителей святыхъ Симеона и Саввы“.

¹⁾ Миклошичъ 136—139. Арх. Леонидъ 56—59.

²⁾ *Аеонскіе акты* и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ Севастьянова. 85. (Декабрь 1347 г.).

³⁾ *Акты русскаго на святомъ Аеонѣ монастыря Св. Пантелеимона*. 288. Актъ помѣченъ: 6855 г. инд. 1 м. Январь. Такая дата невозможна: или въ годъ, или въ индиктѣ должна быть ошибка. Мы склоняемся къ первому, такъ какъ лѣтосчисленіе въ старину преимущественно велось по индиктамъ, индикты поминились тверже, и года вставлялись нерѣдко позже. Такимъ образомъ мы относимъ эту грамоту къ январю 1347 г.

⁴⁾ *Аеонскіе акты* и пр. 98.

Совершенно понятно какъ то, что иноки хиландарскіе привѣтствовали съ особенною радостью посѣщеніе своего царя и ждали отъ него щедрой милостыни, такъ и то, что Душанъ вступалъ въ *своей* монастырь съ чувствомъ особаго благоговѣнія къ сербской народной святынь, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ пріятнымъ сознаніемъ пріобрѣтеннаго имъ могущественнаго положенія царя, обязавшаго его къ новымъ благотвореніямъ этой святынь. Хиландаръ теперь становился въ полномъ смыслѣ слова сербскою царскою Лаврою. Съ нею Душанъ и началъ посѣщеніе аеонскихъ монастырей, въ ней, понятно, и оставался онъ долѣе всего ¹⁾. Украсивъ хиландарскую церковь, какъ и церкви другихъ аеонскихъ монастырей священными одеждами, сосудами и „ними потрѣбами“, одаривъ игумена Гервасія и братію, „яко же мольбники еже къ Богу о нашемъ спасенію и дръжавѣ Царства“, онъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Хиландарѣ особенно цѣннымъ приложеніемъ: вынулъ у собора Святой Горы за 1760 златиць два мѣста на Превлакѣ (т. е. на аеонскомъ перешейкѣ)—Ливаду и Палиокометицу и подарилъ ихъ своей царской Лаврѣ ²⁾. Не менѣе цѣнное приложеніе сдѣлалъ Душанъ и принадлежавшей къ Хиландарю такъ называемой кельѣ

---

¹⁾ Въ одномъ изъ хрисовуловъ его (Миклошичъ 124. Арх. Леонидъ 60) читаемъ: Азь въ Христа Бога благовѣрный и христолюбивый Самодръжьць Срьблемъ и Грькомъ Стефанъ Царь божьствною любовію раждигаемъ, придохъ въ Светоую Гору Аеонскоую, въ светоую и великоую Лавроу Срьбскоую, въ монастырь, глаголеми Хилантаръ иже и създанна бысть прѣродитѣли мнѣи, прѣподобнымъ Симеономъ, новимъ муроточьцемъ, и блаженнымъ іерарькомъ Куръ Савомъ прѣимымъ оучителемъ нашимъ, и видѣхъ храмъ *и ракоу источившоую мро прѣродителя моего, Стмеона светого, и облызавъ, поклонилъ се и покой пріемъ* еяко мощно, и пакъ *благословеніе пріемъ отъ прѣдръжсшаго начелство прѣподобнаго рекоу игумена Куръ Гервасія іеромонаха, и отъ братіе, еже понти и поклонити се светымъ мѣстомъ и иже въ безъмѣвн живущимъ светымъ и чьстнымъ отьдемъ*“.

²⁾ Хрисовулъ объ этомъ приложеніи отъ 12 Декабря 1847 г. у Миклошича и Арх. Леонида *ibidem*. Съ присоединеніемъ новой земли измѣнились конечно границы владѣній Хиландара на Аеонѣ; для опредѣленія ихъ Душанъ снова обратился къ собору Святой Горы и 26 Апрѣля, оставляя Аеонъ издалъ новый хрисовулъ, гдѣ были отмѣчены эти границы. Миклошичъ 129; Арх. Леонидъ 62.

Св. Саввы въ Карѣѣ ¹⁾. По просьбѣ супруги царицы Елены, принявшей на себя званіе втораго ктитора келии Св. Саввы, онъ написалъ къ послѣдней „*оу Хаостынт село Косорике и съ встми застльци*“, освободивъ село отъ всякихъ поборовъ и повинностей, и кромѣ того назначилъ кельѣ отъ своего царскаго двора („коуке царства ни“) ежегодно: „100 перперъ бенетидѣхъ и 10 гоунъ (одеждъ) и 10 кожоухъ и 10 клашнь (обувь) и 10 мѣхъ сиреніа и 10 сировъ и наконецъ на Плочи 50 спудъ соли“ ²⁾.

Такими широкими благотвореніями Святой Горѣ Душанъ ясно хотѣлъ выставить себя повнымъ царственнымъ главою восточно-православнаго міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ отблагодарить Аеонцевъ за признаніе его этимъ верховнымъ главою. Память о посѣщеніи царемъ Стефаномъ Святой Горы и донныѣ сохраняется среди иноковъ. На пути отъ моря къ Хиландарю путешественнику показываютъ старую маслину, называемую царскою маслиною, потому, что по монастырскому преданію, подъ ней отдыхалъ царь Стефанъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторону отъ того же пути стѣнка съ прибитымъ къ ней деревяннымъ крестомъ, означаетъ мѣсто, гдѣ Хиландарцы встрѣчали Душана при посѣщеніи имъ Аеона; наконецъ въ хиландарской соборной церкви хранится боевая коругва Душана, оставленная имъ на память пребыванія на Аеонѣ ³⁾. О личности самого Душана между старцами ходитъ много разказовъ, имѣющихъ, впрочемъ, скорѣе значеніе легенды, чѣмъ историческаго преданія ⁴⁾.

¹⁾ Т. е. келья, въ которой по устроеніи Хиландарской лавры спасался преподобный Савва. Во внутреннемъ управленіи она была независима отъ игумена лавры и имѣла свой особый, весьма строгій уставъ, написанный тѣмъ же св. Саввою. См. Арх. Леонидъ. Историческое описаніе Хиландаря стр. 18 и слѣдующ....

²⁾ Миклошичъ 136. Арх. Леонидъ 56. Этотъ хрисовулъ былъ подписанъ царемъ въ Пригѣлѣ, по возвращеніи съ Аеона. Въ томъ же 1348 г. Душанъ далъ Хиландарю 4-й хрисовулъ, которымъ приписывалъ къ своему монастырю еще нѣсколько селъ. Миклошичъ. 40.

³⁾ Арх. Леонидъ. Историч. опис. Хиланд. 67.

⁴⁾ Хиландарской лаврѣ, какъ общей задумбинѣ сербскихъ государей, Душанъ благотворилъ еще будучи кралемъ. Вообще хрисовуловъ аеонскимъ монастырямъ отъ него осталось болѣе чѣмъ отъ кого-либо изъ его предшественниковъ. Кромѣ указанныхъ уже грамотъ извѣстны слѣдующія:

а) Въ 1340 г. Душанъ приложилъ Хиландарю села *Полошко и Драгожеля*.

Посѣщеніе Аѳона Душаномъ произошло почти черезъ два года послѣ его вѣщанія. Уже шель 1348 годъ, когда онъ щедро расплачивался съ Аѳонцами за оказанную ими услугу. Но тотъ же 1348 годъ былъ ознаменованъ и другими церковными благотвореніями новаго царя. 29 апрѣля въ Призренѣ онъ подписалъ хри-

---

Григоровичъ „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи“. 2-е изд. стр. 43. не изданъ.

б) Въ 1342 г. онъ предоставилъ въ пожизненное владѣніе святогорскому старцу Іоанну Иконому Ходьчскому *церковь св. Николая Мрачскаго*. Микл. 115. Арх. Леонидъ. 70.

в) Въ 1343 г. данъ подтвердительный хрисовулъ на всѣ имѣнія Лавры. *Аѳонскіе акты и снимки* Севастьянова. 29.

г) Въ 1345 г. 1 января Душанъ приписалъ нѣсколько селъ на р. Струмъ—Хиландарскому пиргу св. Вознесенія въ м. Хрусія. „*Аѳонскіе акты*“. 66.

д) Въ 1345 г. 28 марта король Стефанъ приписалъ къ Хиландарю *властелина града Струмицы Рудла*, встроенную имъ церковь Пр. Богородицы, село Боруво и прочія его имѣнія. *Аѳонскіе акты*. 68.

е) Въ неизвѣстномъ году король Душанъ сдѣлалъ новое приложеніе тому же пиргу въ Хрусія: церковь Богородицы оу Липляны, *трѣхъ у Липляны и село Словине*. Миклош. 120. Арх. Леонидъ. 65.

ж) Два хрисовула, относящіеся, вѣроятно, къ послѣднимъ годамъ царствованія Душана—1354 или 1355 (одинъ изъ нихъ можетъ быть и подложный) заключаютъ подробное перечисленіе льготъ и экономическихъ правъ хиландарскихъ земель и метоховъ. *Аѳонскіе акты*. 63. 73.

з) 1354 г. хрисовулъ на село „Лѣсковѣне“. *Аѳонскіе акты*. 70.

и) Въ 1355 г. Іюнь. Душанъ утвердилъ неприкосновенность правъ Хиландари на Карбинскую землю. *Аѳонскіе акты*. 71.

Изъ другихъ аѳонскихъ монастырей Душанъ почтилъ грамотами, послѣ посѣщенія Аѳона, только два. Въ мартѣ 1349 г. онъ подарилъ м. Дохіару *кастѣлліон Равеникію* со всѣми угодьями, взаимѣнъ прежде пожалованныхъ, но отнятыхъ деревень Варнара и Свестіаны. *Аѳонскіе акты*. 100.

Въ томъ же 1349 г. 12 іюня онъ далъ весьма важный хрисовулъ Руссику. Видя нищету монашествующихъ и „*еще отъ Русіае въсконочно оставаемые*“ онъ принимаетъ обитель подъ особое покровительство; приписываетъ къ ней нѣсколько селъ (Жидомищу, Дубяницу, Новосель, Драгощу) церковь „у Воиниш“ предоставляет на всяко годице на Гургевъ днь отъ Трылиса двѣсти перперъ венетицѣхъ и отъ Христопола двадесетъ кошницъ соли“, полное освобожденіе монастырскихъ земель отъ всякихъ повинностей и наконецъ объявляетъ самую обитель независимой отъ прота и всякихъ другихъ властей. *Гласникъ* XXIV. 282; *Акты русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря*. 350.

создатель церкви св. архангелъ Михаила и Гавріила, что въ Иерусалимѣ, которымъ приписалъ къ ней церковь Николаи Враннинскаго со всѣми принадлежавшими ей землями, и сверхъ того пожаловалъ ей ежегодной милостыни 500 иперперовъ изъ царскихъ доходовъ, получаемыхъ изъ Дубровника ¹⁾. Около того же времени онъ надѣлялъ обильными землями, имѣньями, селами и всякими угодами только что отстроенную и роскошно украшенную свою задушбину—церковь архангелъ Михаила и Гавріила, на Быстрицѣ, выше Призрена. Основаніе этой задушбины, вѣроятно, относится ко времени вѣнчанія Душана. По примѣру предковъ и особенно отца своего, устроителя знаменитой Дечанской обители, и первый сербскій царь хотѣлъ ознаменовать свое славное правленіе и особенно поставленіе въ цари созданіемъ величественнаго храма. Его Призренская церковь, по выраженію лѣтописца, не имѣла себѣ подобной „подъ солнцемъ“; „добротою и художествомъ“ она превосходила Дечанскую церковь, „кромя мрамора, и величествомъ лоучаша Дечанскаа“ ²⁾. Устроивъ церковь, онъ сдѣлалъ ей земельныя приложенія, которыя своими размѣрами должны были вызывать еще большее удивленіе, чѣмъ самое великолѣпіе храма. Почти вся страна въ окрестностяхъ Призрена между Бѣлымъ Дриномъ и Ситницею сдѣлалась достояніемъ новой царской задушбины. Жалованная грамота на эти приложенія, вѣроятно, составляла цѣлую книгу, а память о нихъ и доселѣ удержалась въ названіи „метохія“, подъ которымъ извѣстна страна по лѣвому берегу Бѣлаго Дрина, къ сѣверу отъ Призрена ³⁾.

Совпаденіе въ одномъ году такихъ крупныхъ фактовъ церковной благотворительности со стороны Душана не можетъ быть объясне-

¹⁾ Миклошичъ. 188.

²⁾ P. Šafařík. Památky dějepisného písemnictví Jihoslovanů Vydání druhé. 1873. Okázku obědanského písemnictví. 61. Тотъ же сербскій лѣтописецъ дѣлаетъ еще слѣдующее любопытное замѣчаніе о задушбинѣ Душана: тѣмъ же и глаголютъ жители страны тогѣ, мало Призренскѣ црквиъ патось, и дечанскаа цркви, и некъскаа припрать, и банско злато, и ресавско писаніе не обрѣтають се нигдѣже“.

³⁾ Драгоценная грамота Душана, описывающая всѣ владѣнія его задушбины, къ сожалѣнію, сохранилась безъ начала и конца; она была издана два раза: въ *Гласникъ* XV. 264—317 и въ книжкѣ Срећковића. Синан-Паша.

но одною случайностью. Хотя для каждого изъ нихъ были свои частныя мотивы, тѣмъ не менѣе сказавшееся въ нихъ широкое выраженіе религіознаго чувства должно было имѣть общую подкладку во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Сейчасъ мы увидимъ, что обстоятельства эти были весьма блестящи. Въ 1348 г. Душанъ одержалъ новыя успѣхи, еще далѣе раздвинулъ свои владѣнія, сталъ еще могущественнѣе. Казалось самъ Богъ помогать ему—и набожный царь спѣшилъ выразить матеріальными благотвореніями свою благодарность Божественному Промислу.

V.

Виды Душана на Царьградъ. Сношенія съ Венеціей и новыя войны съ Византіей.

Изъ сказаннаго въ предыдущей главѣ ясно, что царскій вѣнецъ не былъ конечною цѣлью завоевательныхъ стремленій Душана. Въ актѣ вѣнчанія онъ только формулировалъ свои тайные планы и замыслы, которые клонились къ полному завоеванію Византійской имперіи, къ приобрѣтенію самаго Царьграда. Осуществленіе этихъ плановъ занимаетъ его и во вторую половину его государственной дѣятельности, въ десятилѣтній періодъ царствованія. Правда, походы въ предѣлы имперіи теперь не идутъ такъ непрерывно, какъ въ первый періодъ, вниманіе царя нерѣдко отрывается для другихъ дѣлъ, то для войны съ Босною, то для отраженія Угровъ, то для внутреннего устроенія совидаемой имъ монархіи; но для всего этого оно *только отрывается*, не болѣе: взоры и мысли Душана по прежнему сосредоточены на томъ же заманчивомъ крайнемъ юговостоку полуострова. Желаніе овладѣть этимъ юговостокомъ или собственно находящимся на немъ міровымъ городомъ теперь еще болѣе охватываетъ всѣ помыслы царя, становится руководящимъ мотивомъ его дѣятельности, характеризуетъ все время его царствованія. Онъ не можетъ отказаться отъ этой излюбленной мечты и тогда, когда трудность, а потомъ и невозможность осуществленія ея должна была стать для него очевидною. Изъ Азій на тотъ же самый юговостокъ все болѣе и болѣе надвигалась черная грозовая туча: исходившіе изъ нея громовые раскаты отдавались уже по всему еракійскому побе-

режью и доходили до предѣловъ новаго царства, неся такимъ образомъ его могущественному основателю грозное предостереженіе отъ увлеченія смѣлыми планами. Душанъ, повидимому, пональ значеніе этого предостереженія, по необходимости сталъ сдержаннѣе, а все таки до самаго смертнаго часа не могъ разстаться съ мыслью о цареградскомъ престолѣ. Итакъ, поперегъ пути сербскихъ завоенаній выступила новая сила; съ ней вриходилось во всякомъ случаѣ считаться. Затѣмъ и со стороны Византіи была сдѣлана — хотя и слабая — попытка отпора. Отношенія Душана ко всѣмъ этимъ помѣхамъ, средства и мѣры, которыми онъ старается добиться осуществленія своего завѣтнаго стремленія и составляютъ самую любопытную сторону послѣднихъ фазисовъ образованія новой монархіи на полуостровѣ.

Никифоръ Григора, въ объясненіе дерзкаго принятія Душаномъ титула царя Грековъ, приписываетъ сербскому завоевателю увѣренность въ томъ, что, по взятіи Сереса, онъ не встрѣтитъ препятствій къ покоренію всей имперіи до самаго Константинополя. Сейчас мы увидимъ, что подобная увѣренность была ошибочна, но что она дѣйствительно существовала — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и догадка современнаго историка вполнѣ основательна. Легкость, съ которою доставались Душану пріобрѣтенія на югостокѣ, зависѣвшая, какъ уже замѣчено, прежде всего отъ печальнаго, безотраднaго положенія Византіи, не могла не вызвать у него высокаго представленія о своихъ силахъ. Ему теперь дѣйствительно казалось, что вся территорія имперіи вплоть до Цареграда вскорѣ неминуемо должна перейти подъ его державу. О какихъ либо препятствіяхъ при этомъ завоеваніи онъ уже не думаетъ. Онъ озабоченъ со всѣмъ другимъ — крайнею послѣднею цѣлью своего наступательнаго движенія, занять мыслью о томъ, какъ овладѣть самимъ Цареградомъ, гдѣ онъ мечталъ взойти на престолъ Константина Великаго и такимъ образомъ основать новое греко-сербское царство.

И изъ личныхъ воспоминаній, и изъ разказовъ Грековъ, съ которыми ему пришлось вступать въ близкія сношенія, и съ голоса общей народной молвы Душанъ долженъ былъ составить себѣ ясное представленіе о прекрасномъ стратегическомъ поло-

женіи великаго города востока, его превосходныхъ недоступныхъ укрѣпленіяхъ съ суши и хорошей обезпеченности отъ тягостей осады, благодаря превосходному приморскому положенію. Онъ вполне сознавалъ, что не съ его средствами и техническими знаніями рассчитывать на занятіе цареградскихъ рововъ, стѣнъ и башенъ, видѣлъ что сидѣніе подъ городомъ, вымариваніе его голодомъ и другія подобныя средства, которыя употреблялись имъ при овладѣніи городами Македоніи и другихъ частей имперіи—непримѣнны къ исполнѣнію Цареграду; для него ясно было, что тутъ нуженъ прежде всего флотъ, а такъ какъ своего флота у него не было, то обращеніе къ посторонней помощи оставалось единственнымъ и необходимымъ средствомъ для осуществленія его величественнаго плана. Мысль о союзникѣ стала занимать Душана весьма рано, вѣроятно, съ того момента, когда, подъ вліяніемъ первыхъ военныхъ удачъ, онъ началъ мечтать о Цареградѣ. Выборъ его остановился на Венеціи. Ему казалось, что эта могущественная морская держава дѣйствительно можетъ оказать ему требуемую помощь, онъ твердо былъ увѣренъ, что путемъ извѣстныхъ уступокъ успѣетъ заключить съ нею союзъ для желаемой цѣли, и что изъ этого союза дѣйствительно можетъ выйти желаемый имъ результатъ. Но во всемъ этомъ, какъ увидимъ, онъ жестоко ошибся. Выборъ его былъ весьма неудаченъ, расчеты его оказались вполне несостоятельными. Въ нихъ ярко обнаружилась недалковидность мечтательнаго царя, его ограниченное пониманіе современнаго ему положенія вещей. Въ погонѣ за исполненіемъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ онъ совершенно упустилъ изъ виду отношенія латинскихъ государствъ къ Византійской имперіи, ихъ исконное стремленіе къ владычеству на востокѣ и вздумалъ искать союза для окончательнаго завоеванія Византіи у того изъ нихъ, которое само болѣе всего обнаруживало притязанія на ту же Византію, и, конечно, не могло согласиться на переходъ ея въ руки какого-нибудь „славянина-схизматика“. Въ концѣ концовъ онъ ничего не добился; но иначе и быть не могло.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вспомнить важнѣйшіе факты политики Венеціи въ отношеніи имперіи, чтобы убѣдиться въ полной непрактичности обращенія Душана къ этой всемірно-торговой рес-

публикѣ, дѣйствительно обладавшей сильнымъ флотомъ, съ предложеніемъ совокупныхъ дѣйствій противъ Цареграда. Дѣятельная участница въ завоеваніи Константинополя Латинами въ 1204 г., щедро вознаградившая себя за это участіе, Венеція и по восстановленіи имперіи Палеологами, и въ XIV столѣтіи фактически владѣла, кромѣ множества мелкихъ пунктовъ, островами Евбею, Бритомъ, и, можно сказать, господствовала на всемъ греческомъ рахипелагѣ ¹⁾. Вторичное завоеваніе восточной столицы для предприимчивыхъ Венеціанцевъ всегда было предметомъ желаній, быть можетъ еще болѣе сильныхъ, чѣмъ для Душана. Независимо отъ сожалѣнія объ утраченномъ господствѣ въ Цареградѣ, имъ было тяжело переносить, что нѣкоторая часть этого господства, по крайней мѣрѣ по отношенію къ торговлѣ, принадлежала ихъ отъявленнымъ соперникамъ—Генуэзцамъ. Затѣмъ, мы видимъ, что Венеція пользуется всякимъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній на счетъ имперіи. Наконецъ, широкіе вѣды, которые имѣла республика на водвореніе въ будущемъ знамени св. Марка на берегу Босфора—ясно выражались въ титулѣ, который продолжалъ носить дожъ республики, величавшій себя въ актахъ господиномъ четверти слишкомъ ($\frac{1}{4} + \frac{1}{8}$) имперіи Ромэевъ (*dominus quartae partis et dimidiae imperii Romanorum*). Такимъ образомъ Венеція, еслибъ и могла занять Константинополь, то, очевидно, сдѣлала бы это для себя, и во всякомъ случаѣ не могла сочувствовать такимъ же видамъ и на тотъ же предметъ, шедшимъ съ другой стороны. Но дѣло въ томъ, что въ данное время республика, которой союза искалъ Душанъ, и сама, при всемъ желаніи, не имѣла достаточно силъ для подобнаго предпріятія. При всемъ своемъ могуществѣ, которое, надо замѣтить, съ каждымъ днемъ возрастало все болѣе и болѣе, она находила невозможнымъ вступить въ рѣшительный бой съ немецко-могущественною Генуею, которая, владѣя Галатою, тщательно оберегала несчастный Царьградъ отъ алчныхъ взоровъ своей соперницы. Слѣдовательно, и съ этой стороны Душанъ дѣйствовалъ невпопадъ. Ужъ если ему было нужно обращаться къ Латинамъ, то болѣе основаній могъ представить союзъ съ Генуею, хотя и

---

¹⁾ См. выпускъ I, стр. 30 и слѣд.

тутъ нельзя было надѣяться на успѣхъ и дѣйствительную помощь. Западный латино-католическій міръ преслѣдовалъ свои планы на Востоку и домогаясь уничтоженія одного православнаго царства, не могъ добровольно допустить возникновенія взамѣнъ его другаго—православнаго же, а тѣмъ болѣе способствовать этому возникновенію. Всѣ эти соображенія остались чуждыми и непонятными Душану. Онъ ничего не видѣлъ передъ собою кромѣ Цареграда и серьезно вѣрилъ въ возможность овладѣть имъ при помощи Венеціи. Дальновидная республика, тщательно оберегавшая свои интересы, также поддерживала въ царѣ эту увѣренность до тѣхъ поръ, пока ей это было можно и выгодно.

Для объясненія мотивовъ, въ силу которыхъ Душанъ остановился на сближеніи именно съ Венеціей, достаточно припомнить то огромное политическое и торговое значеніе, которое эта республика получила въ это время на юго-западѣ славянскихъ земель. Давнишнее стремленіе ея обосновать свое могущество на Адриатическомъ морѣ путемъ утвержденія своего господства въ Далмаціи и сербо-хорватскомъ побережьѣ, стремленіе, обнаруженное еще въ X и XI вв., когда уже венеціанскіе дожи носили титулъ *dux Croatiae et Dalmatiae*, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ, послѣ продолжительной борьбы съ Неречанами, Хорватами, Византийцами, Норманами, Угорскимъ королевствомъ, съ 1204 г. начало осуществляться весьма значительно и къ первой четверти XIV в. обозначилось весьма значительнымъ успѣхомъ: всѣ важнѣйшіе политическіе и торговые пункты на протяженіи береговой полосы отъ Истріи до Дубровника, почти всѣ прилегающіе къ этой полосѣ острова находились теперь въ большей или меньшей зависимости отъ Венеціи. Старинныя далматинскія общины, къ XIV в. почти совсѣмъ ослабившіяся: Задаръ, Скрадинъ, Шибеникъ, Трогиръ, Сплѣтъ, Дубровникъ, острова Керкъ, Осоръ, Рабъ, Крезъ, Брачь, Хваръ признавали власть венеціанскихъ сената и дожа, имѣли во главѣ своего мѣстнаго общиннаго управленія венеціанскихъ графовъ, платили республикѣ дань, связаны были съ нею извѣстными военными и торговыми обязательствами. Такимъ образомъ владѣнія Венеціи, захватывая приморскія славянскія земли почти соприкасались съ границами Сербскаго королевства. Душанъ

могъ смотрѣть на республику св. Марка, какъ на ближайшую свою сосѣдку, которая обладала нужными ему средствами и съ которымъ вступить въ политическій союзъ было всего легче въ виду этого сосѣдства. Ему казалось, что самой Венеціи этотъ союзъ съ сильнымъ славянскимъ государемъ будетъ очень полезенъ и выгоденъ. Венеціанскій флотъ, правда, господствовалъ на Адриатикѣ, но торговое значеніе республики въ славянскихъ земляхъ было еще далеко не преобладающимъ. Если венеціанскіе купцы посѣщали Хорватію, Босну, Сербію и даже Болгарію, то все-таки не они тамъ играли первую роль. Почти вся ввозная и отпускная торговля въ западной части Балканскаго полуострова находилась въ рукахъ знаменитаго Дубровника, который, хотя и находился въ зависимости отъ Венеціи, однако умѣлъ отстаивать свои издавна пріобрѣтенныя широкія торговныя права въ славянскихъ земляхъ. Собственно говоря, вліяніе Венеціанцевъ ограничивалось приморьемъ и не простиралось вглубь полуострова, между тѣмъ какъ захватъ въ свои руки всей торговли богатыхъ странъ полуострова былъ постоянною цѣлью политики этихъ всесвѣтныхъ купцовъ. Вотъ одно обстоятельство, которое должно было заставить Венецію отнестись сочувственно къ союзу съ сербскимъ государемъ: ей представлялся случай расширить свое торговое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Затѣмъ и въ самой Далмаціи власть республики не была еще упрочена. Далматинскія общины тяготѣлись своею зависимою отъ Венеціи и всегда готовы были сбросить ее, или даже промѣнить на какую либо другую. Последнее было тѣмъ болѣе возможно, что угорскій король предъявлялъ серьезныя притязанія на Далмацію и вообще юго-западные земли Балканскихъ Славянъ. Такимъ образомъ и здѣсь Душанъ могъ быть для Венеціи весьма великимъ помощникомъ и пособникомъ. Все это дальновидная республика понимала очень хорошо и съ точки зрѣнія своихъ выгодъ отнеслась къ предложеніямъ сербскаго царя. Она охотно вступила съ нимъ въ близкія, пріятельскія отношенія, постаралась извлечь изъ нихъ для себя все, что только могла, и въ концѣ концовъ ничего не сдѣлала для осуществленія широкаго плана Душана, ясно давъ ему понять, что подобный планъ не можетъ быть согласованъ съ интересами республики, которые пре-

алѣдуются ему на Востокѣ, какъ одною изъ видныхъ представительницъ латинскаго Запада.

Первыя документальныя и лѣтописныя свидѣтельства о сношеніяхъ Венеціи съ Сербскимъ королевствомъ относятся ко второй половинѣ XIII в. 12 сентября 1271 г. въ Большомъ Совѣтѣ республики состоялось постановленіе объ отправкѣ посольства къ сербскому кралою (ad regem Raxie) по дѣлу объ ограбленіи венеціанскихъ подданныхъ (pro Jacobo Colbo et Sauce et aliis de gau batis) ¹⁾. Но изъ отсутствія документальныхъ записей до 1271 г. отсюда нельзя заключать, чтобы Венеціанцы раньше этого времени не вели никакихъ дѣлъ съ молодымъ сербскимъ государствомъ. Напротивъ, нужно думать, что торговыя связи между обоими государствами начались задолго до этого перваго извѣстнаго оффиціального посольства отъ республики къ кралою. Черезъ сербскія земли пролегалъ одинъ изъ транзитныхъ путей, по которому совершалось движеніе торговыхъ каравановъ между Византією и отдѣльными провинціями имперіи съ одной стороны и Адриатическимъ моремъ съ другой. Венеціанскіе купцы издавна были дѣятельными участниками этой торговли между Востокомъ и Западомъ и, проходя по сербскимъ землямъ, не могли не завязать и здѣсь извѣстныхъ торговыхъ сношеній. Затѣмъ въ записи одной венеціанской рукописи начала XIV в. (*Liber pastorum*. III. fol. 79) въ числѣ славянскихъ государей, съ которыми была въ сношеніяхъ Венеція, упоминается *Urosvius rex Servie, Melinie, Chelmie, Dioclie, Albanie et maritime regionis*, подъ которыми нельзя разумѣть никого другаго, кромѣ Уроша Великаго (съ 1243 г.) ²⁾. Отсюда видно, что нѣкоторыя связи между сербскими государями и республикою устанавливаются уже въ первой половинѣ XIII ст. Но дѣло въ томъ, что въ теченіе всего XIII ст. эти связи были очень незначительны. Господство Венеціи въ Далмаціи еще не было вполне упрочено, и торговлю въ сербскихъ земляхъ по преимуществу сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ, какъ мы уже замѣтили, Дубровникъ, съ которымъ соперничать здѣсь была не въ силахъ его могущественная повелительница.

¹⁾ Ljubić. Monumenta. I. 405.

²⁾ Ibidem. 192.

Къ концу же XIII ст. и особенно въ первой четверти XIV ст. знамя св. Марка начинаетъ получать все большее и большее значеніе на славянскомъ побережьѣ Адриатикѣ. Вскорѣ послѣ подчиненія Задра, Дубровникъ тремя послѣдовательными договорами (1232, 1236 и 1252 г.) призналъ себя зависимымъ отъ Венеціи ¹⁾, Его примѣру одинъ за другимъ послѣдовали и прочіе главные города и острова Далмаціи: въ 1278 году — Хваръ и Брачь ²⁾, въ 1322 году Шибеникъ и Трогиръ ³⁾, въ 1327 г. Сплѣтъ ⁴⁾, въ 1329 г. Нинъ ⁵⁾. Въстѣ съ этимъ увеличеніемъ политической силы Венеціи, естественно, должны были получить большое развитіе ея непосредственныя торговыя сношенія съ сербскими землями. Венеціанскіе купцы начинаютъ чаще и въ большемъ числѣ посѣщать эти земли, хотя торговля здѣсь была для нихъ очень небезопасна. Какъ иноврѣцы и иноплеменники, они подвергались нерѣдко грабежу и всякимъ притѣсненіямъ со стороны мѣстнаго населенія. Такъ въ Боснѣ въ 1300 г. были задержаны разомъ до 50 венеціанскихъ купцовъ, объ освобожденіи которыхъ республика хлопотала чрезъ посредничество Дубровника ⁶⁾. Въ 1310 г. она добилась отъ бана всей Славоніи Стефана Котроманича формальнаго увѣренія въ покровительствѣ съ его стороны венеціанскимъ купцамъ, торгующимъ въ его земляхъ ⁷⁾. Точно также касательно венеціанской торговли въ Сербскомъ королевствѣ, кромѣ указаннаго свидѣтельства отъ 1271 г., имѣются указанія въ документахъ республики, относящихся къ годамъ 1286, 1287, 1309 и 1318 ⁸⁾. Изъ этихъ указаній видно, что и здѣсь венеціанскіе купцы также немало терпѣли.

Такимъ образомъ торговыя сношенія Венеціи съ королевствомъ несомнѣнно оживились нѣсколько, но, при всемъ томъ, повторяемъ

---

¹⁾ Ibidem. I. 46. 52. 82.

²⁾ Ibidem. 415.

³⁾ Ibidem. 330. 336.

⁴⁾ Ibidem. 368.

⁵⁾ Ibidem. 373.

⁶⁾ Ibidem. 493.

⁷⁾ Ibidem. 255.

⁸⁾ Ibidem. 143, 144, 239, 299.

еще разъ, Дубровникъ оставался по прежнему главнымъ хозяиномъ всей сербской торговли ¹⁾. Венеція приняла его въ свое подданство, но не могла вдругъ перебить его торговлю. За то она, пользуясь своими верховными правами, принимаетъ на себя обязанность защищать интересы Дубровника и его купцовъ передъ сербскими государями, черезъ что, конечно, все болѣе и болѣе входитъ съ ними въ политическія сношенія. Большая часть обнаруженныхъ документовъ венеціанскаго архива времени до Душана, касающихся Сербіи, относятся къ ходатайству и заступничеству республики за Дубровникъ ²⁾. При Милутинѣ этимъ ходатайствомъ за Дубровникъ и торговыми претензіями и исчерпывались всѣ сношенія Венеціи съ Сербіею, насколько они извѣстны изъ документальныхъ источниковъ. Этотъ могущественный король, наводившій страхъ на сосѣдей, не очень высоко смотрѣлъ на Венецію и не особенно уважалъ ея просьбы и требованія. Венеціанскіе купцы и ремесленники, проживавшіе въ Сербіи, не пользовались его покровительствомъ, ихъ грабили и подвергали всякимъ насиліямъ, даже люди, дѣйствовавшіе въ качествѣ комиссіонеровъ короля. Сами посланцы, официально уполномоченные отъ Венеціи, не были безопасны во время путешествія по Сербіи ³⁾. Къ этому нужно еще добавить, что не мало заботъ причиняла республикѣ производившаяся въ королевствѣ поддѣлка венеціанскихъ грошей, которая вызвала даже особое посольство къ Милутину ⁴⁾.

Въ непродолжительное царствованіе Стефана Дечанскаго Венеціанцы, повидимому, успѣли болѣе заручиться дружбою сербскаго государя, хотя послѣдній и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на уси-

---

¹⁾ Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго постановленія Большаго Совѣта: *quod quando comes Ragusii constringet omnes homines de Ragusio, qui non vadant in terras regum Rascie et regine matris eorum, possit constringere homines de Venetiis et nostros fideles mercatores, qui essent Ragusii, ad voluntatem domini ducis, qui non debeant ire in dictas partes.* Ljubić. Monumenta. I. 143.

²⁾ Ljubić. Monumenta. I. 166. 167. 195. 196. 295. 363. Такого же рода показанія у Растича.

³⁾ Ср. особенно Ljubić. Monumenta I. 299.

⁴⁾ *Ibidem.* 131. 144.

леніе Венеціи въ Далмаціи ¹⁾. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ 1330 г., 1-го мая, король вручилъ венеціанскому уполномоченному Якову Полани для передачи дожу Франциску Дандолу письмо, которымъ предоставлялъ венеціанскимъ купцамъ право свободной торговли въ сербскихъ земляхъ и равно свободнаго прохода черезъ королевство въ предѣлы Византійской имперіи и также въ другія мѣста, кромѣ Болгаріи ²⁾. Послѣдняя исключалась потому, что Дечанскій готовился тогда къ войнѣ съ Михаиломъ Болгарскимъ. Полученіемъ этой разрѣшительной грамоты республика была обязана двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, упомянутой войнѣ Стефана Дечанскаго съ Болгарами, для которой ему нужны были наемныя войска и оружіе, обыкновенно получавшіяся черезъ Адриатическое море; а во-вторыхъ—постояннымъ неудовольствіемъ между этимъ краемъ и Дубровникомъ, послѣдствіемъ которыхъ было временное стѣсненіе дубровницкой торговли, приходившееся очень по вкусу ихъ корыстолюбивой покровительницѣ ³⁾. Но въ сущности и теперь, при этомъ государѣ, не видно особеннаго сближенія съ республикою св. Марка. Стефанъ Дечанскій ссорится, но и мирится съ Дубровникомъ, и не имѣетъ особенной дружбы съ Венеціею ⁴⁾.

Совершенно иначе отнесся къ могущественной морской сосѣдкѣ основатель сербскаго царства. Онъ дорожилъ Дубровникомъ, поддерживалъ съ нимъ большею частью дружественныя отношенія, къ которымъ мы обратимся въ слѣдующей главѣ, но уже съ первыхъ годовъ царствованія рѣшился сблизиться съ покровительницею и повелительницею этой славянской общины. Царица Адриатика, давно желавшая этого сближенія, конечно, пошла на него весьма охотно, хотя и съ обычною своею осторожностью. Дѣло началось

---

¹⁾ Resti подъ 1324 г.: desidero Veneziani, i quali intanto uniti con l'armata et privati in Dalmazia s'impadronirono della città di Spalato, Traù e Scibemico soggette al Regno d'Ungheria, ma il Rè Orsozio pretese che quelle città attenessero al Regno di Russia asserendo membri et attinenze del contado di Chelmo, provincia a lui soggetta.

²⁾ Ljubić. Monumenta I. 377.

³⁾ Много указаній въ дубровницкой хроникѣ Растича; см. также Monumenta Ragusina. Vol. I. 92. 105. 110. 118.

⁴⁾ Resti подъ 1328 и 1330 г.

съ обращенія Душана непосредственно къ Венеціи за доставкою оружія, предметовъ роскоши и необходимости для королевскаго двора и тому подобныхъ порученій. Въ благодарность за услуги слѣдовало дарованіе разныхъ льготъ венеціанскимъ купцамъ, посвящающимъ сербскія земли. Затѣмъ сношенія между двумя государствами оживляются все болѣе и болѣе; постепенно они выходятъ за границы личнаго расположенія между представителями власти въ томъ и другомъ; начинаются взаимныя предложенія помощи во внѣшней политикѣ; наконецъ ставится вопросъ о тѣсномъ политическомъ союзѣ для выполнения громаднаго міроваго предпріятія—упраздненія Византійской имперіи, вопросъ, который, къ немалому огорченію размечтавшагося царя, не могъ получить никакого другаго рѣшенія, кромѣ отрицательнаго.

Въ 1332 г. Душанъ праздновалъ свою свадьбу съ Еленю, сестрою болгарскаго царя Александра. На торжествѣ присутствовали делегаты отъ Дубровника и Венеціи. Желая отвітить за любезность любезною, молодой король, по разказу Дубровчанина Растича, отправилъ посольства въ тѣ государства, которыя почтили его поздравленіями; въ Дубровникъ поѣхалъ Маринъ Михайловичъ, а въ Венецію на дубровницкомъ же суднѣ Николай Петровичъ ¹⁾. Такъ начинаются сношенія между Душаномъ и республикою Св. Марка. Къ тому же 1332 г. относится и другое свидѣтельство, указывающее уже на чисто практическіе мотивы, заставлявшіе сербскаго государя обратиться къ Венеціи. 16 іюня состоялось постановленіе венеціанскаго сената, разрѣшавшее посольству сербскаго короля приобрести для сего послѣдняго у рес-

---

¹⁾ Растичъ не говоритъ прямо о присутствіи венеціанскихъ депутатовъ на сербскомъ праздникѣ, но это необходимо вытекаетъ изъ его словъ о мотивахъ, побудившихъ Душана отправить отъ себя посольство въ Дубровникъ и Венецію: *Gli ambasciatori (Ragusei) furono accolti con amorevolezza conaturale a quel Principe e alla Republica furono use molte grazie, ma perche parve al Rè di dover corrispondere all'ufficio di tutti questi principi, che suo avevano passato termine di congratulazione mandò Ambasciatori a tutti; richiese la republica, che lo accomodasse d'una galera per trasportarli alli lochi statuiti; onde fu mandata una ben in ordine per levar Marino di Michiel destinato ambasciatore a Ragusa, e Nicolo di Pietro di Simone ambasciatore a Venezia per condurlo in questa citta. Resti 1332 r.*

публики слѣдующіе предметы: ballas 67 rannorum, centuras argenteas 36, cupas argenti 33, pecias fusorum 200, кромѣ того оружія на 600 иперперовъ и srapni и прочихъ вещей на 300 иперперовъ. Послы должны были заплатить за все это сколько положено и вмѣстѣ съ тѣмъ поклясться, что всѣ эти предметы предназначаются лично для самаго краля (et iurentibus, quod predicta omnia sint tantum et propria dicti regis). ¹⁾ Правители республики этимъ ясно давали чувствовать славянскому государю, что уже однимъ позволеніемъ приобрѣсти у ея купцовъ нужные ему товары, они дѣлаютъ ему немалое одолженіе. Если обратить вниманіе на родъ купленныхъ Сербами въ Венеціи предметовъ, то является нѣкоторое основаніе думать, что они предназначались къ королевской свадьбѣ и въ такомъ случаѣ самая закупка должна была предшествовать упомянутому дипломатическому посольству Николая Петровича. Но съ другой стороны оружіе, да и прочіе предметы могли понадобиться для раздачи въ подарокъ и послѣ торжества; такъ что очень возможно, что указанное постановленіе сената относится именно къ посольству Николая Петровича. Впрочемъ это вопросъ, собственно говоря, второстепенный. Гораздо важнѣе самый фактъ закупки Душаномъ разныхъ вещей и особенно оружія непосредственно у Венеціи. Замѣтимъ также, что всѣ означенные предметы были доставлены въ Сербію, т. е. до Котора, Венеціанцами и на венеціанскихъ судахъ.

За этою первою покушкою слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ. Венеція обращается въ настоящаго поставщика для Душана. Рѣдкій годъ, чтобы онъ не обращался къ ней то за тѣмъ, то за другимъ. Оружіе и наемныя войска особенно были ему нужны для его непрерывныхъ войнъ. Республика доставляла ему то и другое, конечно, извлекая изъ этихъ доставокъ свои выгоды. Затѣмъ понадобились ему суда, и тутъ не было отказа, хотя разрѣшеніе дается почти всегда съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіями. Одновременно съ этимъ и со стороны Венеціи обнаруживаются притязанія расширить и обезопасить свои торговые обороты въ сербскомъ государствѣ. Притязанія эти встрѣчаются сочувственно кралемъ.

¹⁾ Ljubici. Monumenta I. 384.

10-го іюня 1333 г. въ письмѣ къ своему любезнѣйшему родственнику (proximo suo carissimo), дожу Франциску Дандолу, Душанъ давалъ увѣреніе въ томъ, что разбойникъ Димитрій Суманъ (Suman), ограбившій венеціанскаго купца Николая Бриноссу, будетъ непременно пойманъ, и что будутъ употреблены всѣ мѣры къ тому, дабы потерпѣвшій получилъ полное удовлетвореніе за свои убытки. „Видитъ Богъ, говорится въ заключеніи письма, какое расположеніе мы питаемъ къ Вашему Величеству: *несчастія Вашихъ подданныхъ для насъ то же, что несчастія нашихъ* (povit enim deus, quod ob affectum, quem ad magnificentiam vestram gerimus, dampna vestrorum ut vassalorum postrogrum fidelium reputamus)“ ¹⁾. Увѣреніе Душана, однако, было напрасно. *Николай Бриносса* не получилъ удовлетворенія, вѣроятно потому, что виновникъ грабежа не былъ пойманъ, а король не могъ или не хотѣлъ платить изъ своей казны значительную сумму убытковъ — 75 фунтовъ грошей. Это обстоятельство огорчило Венецію. Она выразила свое неудовольствіе Душану тѣмъ, что запретила на нѣкоторое время своимъ купцамъ посѣщать Которскій портъ ²⁾. Но вскорѣ она должна была убѣдиться въ неудобствѣ подобной мѣры для нея самой. Душанъ, вѣроятно, также слѣдилъ съ своей стороны загладить причиненное республикѣ неудовольствіе. Въ концѣ концовъ Венеція получаетъ право сама отыскать мѣры для вознагражденія убытковъ своего подданнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣваетъ заручиться актомъ, который долженъ былъ вообще обеспечивать денежные интересы венеціанскихъ купцовъ.

Важнѣйшимъ пунктомъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній Сербскаго королевства съ иноземными купцами былъ *Которъ*, единственная изъ всѣхъ далматинскихъ общинъ входившая въ составъ сербскаго государства, хотя и пользовавшаяся стариннымъ самоуправленіемъ. Превосходная бухта Котора и выгодное мѣстоположеніе его на югѣ сербскихъ земель дѣлали его послѣ Дубровника однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ на восточномъ берегу Адриатики. Желая конкурировать съ Дубровникомъ, Венеціанцы

---

¹⁾ Ibidem. I. 440.

²⁾ Ibidem. 449.

направляли въ Которскій портъ свои торговыя суда съ товаромъ для Сербіи и другихъ прилегающихъ къ ней земель. 30 декабря 1335 г. республика заключила съ Которомъ, съ вѣдома и согласія краля Душана, договоръ, которымъ до мелочей гарантировался венеціанскимъ купцамъ расчетъ съ которскими покупателями. Отвѣтственность за неисправность платежей и удовлетвореніе кредиторовъ этимъ договоромъ распространены не только на родственниковъ покупателя, но и на находящихся въ добровольномъ союзѣ такъ назыв. побратимства. Продажа имущества задолжавшихъ или близкихъ къ нимъ лицъ и заключеніе ихъ въ тюрьму должны приниматься по требованію Венеціанцевъ безотложно и со всею строгостію. Договоръ этотъ, не представлявшій никакихъ выгодъ самому Котору, былъ заключенъ на 10 лѣтъ; въ случаѣ нарушенія договора сербскій король отвѣтствовалъ пеней въ 1,000 непрерывно изъ своего имущества ¹⁾. Въ этотъ же договоръ былъ внесенъ особый параграфъ объ удовлетвореніи убытковъ Николая Бриносси. Венеціанскіе купцы обязывались брать съ Которцевъ извѣстный лишній процентъ съ платы за проданный товаръ и передавать этотъ процентъ своему консулу, который собранную такимъ образомъ сумму пересылаетъ въ Венецію для передачи Бриноссу ²⁾. Однако этимъ постановленіемъ дѣло о вознагражденіи несчастнаго венеціанскаго купца не кончилось; процедура сбора процентовъ съ купли вызвала разные злоупотребленія, и венеціанскій сенатъ долженъ былъ предоставить самому Бриноссу личное участіе въ взысканіи присужденной ему пени ³⁾. Во всякомъ случаѣ, какъ самый договоръ, такъ и энергическій способъ, употребленный Венеціанцами для взысканія съ Которцевъ убытка, понесеннаго въ ихъ городѣ однимъ изъ ея подданныхъ, прекрасно свидѣлствуютъ о томъ немаловажномъ вліяніи, которое получала республика на сербскаго государя, а вмѣстѣ и о тѣхъ выгодахъ, которыя она начинала извлекать изъ этого вліянія.

Отъ 1336 года дошли два указація на сношенія Душана съ

---

¹⁾ Ljubić. Monumenta I. 464.

²⁾ Ibidem. 466.

³⁾ Ljubić. Monumenta II. 40.

Венецію. 14 мая венеціанскій сенатъ далъ позволеніе посланнику сербскаго краля вывезти оружія на 30 фунтовъ грошей ¹⁾. Въ объясненіе этого требованія на оружіе напомнимъ, что въ 1336 году начались завоеванія Душана въ Албаніи. Затѣмъ 6 декабря республика дала свободный пропускъ черезъ свои владѣнія 300 всадниковъ, нанятыхъ кралемъ, вѣроятно въ Италію, для охраны его особы (pro securitate sue persone) ²⁾. Быть можетъ это и была та гвардія Душана, которая нѣсколько позже въ хроникахъ Кантакузина и Григоры является подъ именемъ Германцевъ ³⁾.

Въ 1340 г. Душанъ, какъ мы видѣли, одержалъ весьма значительные успѣхи на югѣ. Къ этому году относится его первая попытка заключить союзъ съ Венеціею. Весьма любопытна форма, въ которой было сдѣлано предложеніе этого союза. Краль видимо занесивалъ у гордой республики и своею предупредительностію, не очень шедшей къ лицу могущественнаго завоевателя и основателя новой монархіи, ясно давалъ ей понять, какъ высоко ставитъ ея дружбу. Въ грамотѣ, представленной дожу сербскимъ посольствомъ прибывшимъ въ Венецію въ концѣ мая, или началѣ іюня, говорилось прежде всего о давнишнемъ желаніи сербскаго государя сблизиться съ Венеціанскою республикою. До сихъ поръ разныя обстоятельства мѣшали этому сближенію; но теперь онъ рѣшилъ уже вступить въ тѣсное общеніе съ дожемъ и республикою и въ знакъ того просить зачислить себя въ число венеціанскихъ гражданъ ⁴⁾. Въ посланіи указывались и ближайшія причины, которыя побуждали Душана искать венеціанскаго гражданства: у краля много враговъ въ лицѣ прежнихъ владѣтелей городовъ, замковъ, крѣпостей и земель, которыя теперь вошли въ составъ его государства. Очень можетъ быть, что какой либо несчастный случай заставитъ его искать убѣжища въ Венеціи, въ такомъ случаѣ пусть будетъ ему открытъ свободный доступъ во всѣ владѣнія республики, вмѣстѣ съ его дѣтьми, сокровищами, и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ

¹⁾ Ljubić. Monumenta II. 4.

²⁾ Ibidem. 40. 14

³⁾ См. выше стр. 92.

⁴⁾ Ljubić. Monumenta II. 75.

(cum suis liberis et thesauro et domestica suppellectile universa), а равно и свободный выходъ изъ нихъ по минованіи надобности. Такова была первая просьба Душана. Она должна была служить введеніемъ къ предложенію самаго союза. За недостаткомъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ трудно опредѣлить, на сколько серьезны были опасенія краля за прочность своего политическаго положенія. Намъ вѣжется, что эти внутренніе враги, о которыхъ говоритъ Душанъ, несомнѣнно существовавшіе въ его королевствѣ, теперь врядъ ли еще могли представлять сколько-нибудь грозную силу для государя, который своими завоеваніями становился все выше въ глазахъ народа и имѣлъ вокругъ себя цѣлую свиту такихъ преданныхъ и вліятельныхъ въ странѣ людей, какъ Оливеръ, Прилупъ и друг. Если и можно привести основанія въ доказательство той мысли, что у Душана было сознаніе непрочности союдаемаго имъ зданія, сознаніе, которое заглушалось честолюбивыми и властолюбивыми стремленіями, то все-таки до сихъ поръ неизвѣстно никакихъ данныхъ, которыя бы указывали на необходимость для сѣрбскаго государя уже въ 1340 г. заботиться о присканіи надежнаго убѣжища на случай потери власти. Поэтому гораздо естественнѣе видѣть въ этой жалостной просьбѣ Душана прежде всего желаніе возможно лучше польстить самолюбію республики, и тѣмъ легче заручиться ея согласіемъ на союзъ.

Во второмъ пунктѣ текста посланія обнаруживается главная цѣль этого столь желаемаго Душаномъ тѣснаго общенія съ республикою. Предупредительность краля здѣсь просто поразительна. Онъ слышалъ, что въ Далмаціи начинается движеніе противъ Венеціи, что готовъ подняться Задаръ, что республика озабочена военными приготовленіями угорскаго короля, и вотъ онъ готовъ оказать ей помощь противъ ея враговъ, обѣщаетъ ей выставить на свой счетъ конный отрядъ въ 500 человекъ, который она можетъ послать куда угодно, хотя-бы въ Ломбардію. Мало того, онъ готовъ даже, если это будетъ нужно, самъ лично во главѣ своего войска явиться на помощь своей союзницѣ ¹⁾. За то, говорилъ Душанъ въ посланіи, еслибъ

---

¹⁾ et etiam, si cum vestro fuerit comodo, promittimus personaliter cum vestro exercitu in vestrum juvamen et auxilium interesse. Ibidem. 76.

случилось, что мы будем нуждаться въ вашей помощи, мы просимъ того-же самаго и отъ васъ какъ близкихъ нашихъ друзей, *если только это будетъ вамъ пріятно и достаточно выгодно* ¹⁾. Вотъ эта венеціанская помощь и была предметомъ желаній краля. Теперь еще не наступило время воспользоваться ею, но онъ уже заранѣе находилъ нужнымъ позаботиться о ней предложеніемъ своихъ услугъ, надѣясь обезпечить себѣ полученіе помощи, когда она дѣйствительно понадобится. Не ограничиваясь приведенными знаками благорасположенія къ Венеціи, далѣе Душанъ заявлялъ дожу, что торговые интересы республики для него такъ дороги, какъ свои собственные; поэтому онъ объявляетъ открытымъ и вполне безопаснымъ для венеціанскихъ купцовъ проходъ черезъ сербскія земли въ Византійскую имперію и Константинополь; за всякій убытокъ, понесенный ими въ предѣлахъ государства, потерпѣвшіе будутъ получать удовлетвореніе изъ казны краля.

Всѣ эти предложенія краля считалъ весьма выгодными для Венеціанцевъ и потому просилъ дожа прислать довѣреннаго властеля, передъ которымъ онъ могъ бы торжественною клятвою подтвердить все, что было имъ обѣщано въ письмѣ ²⁾. Другими словами онъ выражалъ желаніе заключить формальный договоръ.

Въ заключеніе своего желанія Душанъ обращается къ дожу еще съ одною просьбою, уже частнаго характера. Оправившись отъ тяжелой болѣзни, угрожавшей его жизни, онъ хочетъ исполнить данный имъ въ минуту опасности обѣтъ—устроить церковь и монастырь имени Спасителя въ Иерусалимѣ. Для этого онъ намѣренъ послать туда нѣсколькихъ властелей съ большою суммою денегъ и желалъ бы, чтобы Венеція ссудила его двумя галерами, вооруженными на его счетъ, для доставки этихъ властелей на островъ Кипръ. „Мы никому не довѣраемъ, ни на кого не можемъ

---

¹⁾ Et si casu intercidenti vestro indigeremus auxilio, si *cum vestro beneplacito et bono comodo fieri poterit* liberali, quod ipsum a vobis amicabiliter postulemus tamquam a nostris proximis et amicis. Ibid. 76.

²⁾ Ceterum ad hoc, ut omnia et singula praedicta robor et firmitatem obtineant, excelentiae vestre placeat ad nos aliquem virum nobilem destinare, cui possimus loco vestri vocis oraculo spondere sub sanctis juramentis debitis deponentes, universa et singula in perpetuum servaturos domino duci et communitati Veneciarum praefate. Ibid. 76.

положиться въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Васъ...“ писалъ Душанъ сановитому представителю республики.

8 іюня состоялся отвѣтъ сената на предложенія Душана, переданный его посламъ. Венеціанцы сразу разгадали занскивающій, предупредительный тонъ обращенія крала и отнеслись къ нему съ обычною своею сдержанностью и мастерскою уклончивостію. Отвѣтъ ихъ, составленный въ выраженіяхъ утонченной международной вѣжливости, въ то же время пропитанъ высокоомѣриемъ, презрительною снисходительностію и претендуетъ на нѣкоторую внушительность. Республика де не прочь принять Душана въ число своихъ гражданъ, она готова доставить ему у себя въ случаѣ нужды убѣжище, гдѣ онъ можетъ оставаться съ дѣтьми, сокровищами и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, пока ему будетъ угодно, но подъ условіемъ соблюдать все, что будетъ признано нужнымъ для безопасности и спокойствія ея земель (*dum modo veniat, moretur et stet cum illa decencia, quae necessaria fuerit pro securitate terrarum postgarum*) ¹⁾. Этою оговоркою Венеціанцы ясно показали Душану, что они относятся весьма ревниво къ вопросу о возможности пребыванія у нихъ сербскаго государя, и что, еслибъ это пребываніе дѣйствительно состоялось, оно не имѣло бы въ ихъ глазахъ никакого особаго почетнаго значенія. То же самое касательно взаимной военной помощи. Республика весьма вѣжливо благодаритъ крала за предлагаемое содѣйствіе; въ случаѣ нужды она съ полнымъ довѣріемъ обратится къ нему и съ своей стороны предлагаетъ услуги, когда того потребуютъ его интересы. Но этими общими фразами она и ограничивается; о сербскомъ пятисотенномъ отрядѣ умалчивается, о заключеніи военнаго союза нѣтъ ни слова въ отвѣтѣ сербскимъ посламъ. Обѣщаніе Душана обезопасить венеціанскую торговлю, конечно, не могло не нравиться республикѣ. Разсыпаясь и тутъ въ благодарностяхъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ внушительно даетъ понять кралу, чтобы это обѣщаніе не оставалось на словахъ, а дѣйствительно бы приводилось въ исполненіе ²⁾.

---

¹⁾ Ibidem. 77.

²⁾ ...et quod licet certi reddamur, quod, ut hec intentio regia erga nostros servetur

Такимъ образомъ на первый разъ Венеція отнеслась довольно холодно къ предложеніямъ Душана; она отвѣчала готовностью дружить съ сербскимъ государемъ, но подъ условіемъ покровительства съ его стороны венеціанской торговлѣ, и искусно отклоняла заключеніе какого-либо обязательнаго военно-политическаго союза. Просьбу Душана о присылкѣ въ Сербію довѣреннаго человѣка для заключенія договора между обоими государствами сенатъ обошелъ полнымъ молчаніемъ. Равнымъ образомъ ничего не говорится въ отвѣтѣ объ удовлетвореніи желанія краля—получить венеціанскія галеры для отправки его властелей въ Іерусалимъ. Венеціанцы хорошо поняли, что они для чего-то нужны Душану и, пользуясь принятою имъ на себя приниженностію, видимо хотѣли ему еще болѣе дать почувствовать его зависимость отъ ихъ міроваго, политическаго и торговаго значенія и черезъ то добиться отъ него еще болѣе важныхъ торговыхъ привилегій на славянскомъ Востокѣ. Бѣдный краля долженъ былъ быть благодарнымъ и за то, что ему не было отказано въ венеціанскомъ гражданствѣ, которое было пожаловано ему и его потомству дожемъ Варфоломеемъ Градоникомъ 12 іюня того же 1340 г. ¹⁾.

Въ слѣдующіе два года отношенія между Душаномъ и Венеціею ограничиваются тѣми же мелочными одолженіями. 22 мая 1341 г. краля дружески извѣщала дожа Франциска Дандола о присылкѣ довѣренныхъ лицъ, для полученія отъ сербскаго правительства вещей и товаровъ, расхищенныхъ послѣ крушенія венеціанскихъ судовъ, происшедшаго близъ сербскихъ портовъ ²⁾. Съ другой стороны сербскія посольства не переставали являться въ Венецію за покупкою оружія. Мы видимъ ихъ въ маѣ и іюні 1341 г. и въ маѣ 1342 г. Венеціанцы берутъ обычную пошлину (*dasium*) за эти покупки и не всегда соглашались на полное удовлетвореніе просьбъ сербскаго краля. Такъ 5 мая 1341 г., разрѣшивъ серб-

---

efficaciter, providebit, tamen majestatem suam devote exoramus, quatenus nostro intuitu mandet, et sic effectualiter faciat' provideri, quod nostri mercatores cum suis rebus eundo et redeundo per regnum, tute, libere, et favorabiliter tractantur. Ibidem. 76.

¹⁾ Ibidem. 78.

²⁾ Ibidem 111.

³⁾ Ibidem 111. 118. 144.

скимъ посламъ вывезти оружія, они не позволяли имъ наwerben войска (soldizandi homines). Иногда самый вывозъ оружія обставляется известными условиями. Республика постоянно удерживаетъ за собою видимо импонирующій тонъ по отношенію къ Душану.

Между тѣмъ могущество Душана росло съ каждымъ днемъ. Онъ пользовался смутою, поднятою Кантакузиномъ и все болѣе угрожалъ Византійской имперіи. Это обстоятельство начинало беспокоить Венецію. Ей было не по душѣ усиленіе Сербскаго королевства на счетъ слабой имперіи, не говоря уже о томъ, что перевороты и бѣдствія, которымъ подвергалась Византія, отзывались и на торговыхъ интересахъ Венеціанцевъ ¹⁾. Къ тому же внѣшнія дѣла самой республики не были особенно блестящи. Въ Задрѣ недовольство управленіемъ венеціанскихъ графовъ росло все болѣе и болѣе. Боснійскій банъ, Книинскій князь Неленичъ и другіе славянскіе князья тѣснили венеціанскія владѣнія на Адриатикѣ; самъ угорскій король все настойчивѣе останавливалъ взоры на возвращеніи Далмаціи подъ свою корону. Все это заставило Венецію смягчить сурово надменный тонъ по отношенію къ Душану и дать болѣе развитіе своимъ политическимъ интригамъ.

Византійскимъ правителямъ уже стало извѣстно, что Венеція имѣетъ нѣкоторое вліяніе на сербскаго государя. Они обратились къ ней съ просьбою подѣйствовать на Душана такимъ образомъ, чтобы онъ пересталъ поддерживать Кантакузина. Въ іюнѣ 1343 г. Маринъ Венераіо отправился посломъ республики ко двору краля. Онъ долженъ былъ содѣйствовать установленію мира между Сербами и Греками и просить Душана объ оказаніи покровительства „венеціанскимъ владѣніямъ въ Славоніи, которыя притѣсняются боснійскимъ баномъ, княземъ Неленичемъ и другими баронами Славоніи“ ²⁾. Посольство было удачно. Душанъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно расходится съ Кантакузиномъ и вступаетъ въ сношенія съ партіею императрицы Анны. Маринъ Венераіо

---

¹⁾ habentes sapientes respectum, quod omnis novitas et sinistrum, quam et quod subiret ipsum imperium, toti communitati nostre redundaret in damnum, ut clare potest quilibet judicare et extat cunctis notorium. Ibidem. II. 164.

²⁾ Ibidem. 174. 175. 178.

проектировали даже брачный союз между сыномъ краля и сестрою византійскаго императора (вѣроятно Андроника Младшаго) ¹⁾, но бракъ этотъ не состоялся. Ходатайство за венеціанскихъ подданныхъ также было принято Душаномъ. 4-го сентября 1343 г. венеціанскій сенатъ, отзывая своего посланника изъ Сербіи, письменно благодарилъ краля за его благорасположеніе къ республикѣ (*gratias sibi de liberali oblatione sua ad gratiam nostram*) ²⁾.

Въ виду опасности, угрожавшей Далмаціи со стороны угорскаго короля, Венеція также принимала дѣятельныя мѣры. Она заключала мирныя договоры съ особенно безпокойными хорватскими князьями, Книнскимъ и Скрадинскимъ, разсылала по всей Далмаціи лазутчиковъ, составляла проекты общаго союза всѣхъ венеціано-далматинскихъ городовъ и хорватскихъ князьковъ съ боснійскимъ баномъ и сербскимъ кралемъ ³⁾; но дѣло не особенно ладилось. Общій союзъ не могъ составиться; только нѣкоторые хорватскіе князья, какъ Младенъ—князь Клискій, Омишскій и Скрадинскій и Павелъ Островицкій изъявили готовность дѣйствовать сообща съ Венеціанцами ⁴⁾. Между тѣмъ Угры уже двигались къ Далмаціи; Книнъ перешелъ въ ихъ руки ⁵⁾. Наконецъ въ началѣ августа 1345 г. поднялся Задаръ ⁶⁾. Началась продолжительная Задарская война. Въ это время Душанъ; не смотря на нѣкоторое сближеніе съ партією Палеолога, продолжалъ завоеванія въ Македоніи. Въ октябрѣ 1345 г. мы видимъ его уже обладателемъ Сереса. Подъ вліяніемъ новыхъ успѣховъ мысль о союзѣ съ Венеціей для совокупныхъ дѣйствій противъ имперіи все болѣе занимала его. Затрудненія, возникавшія для республики на Адриатикѣ, подсказывали ему надежду добиться отъ нея согласія на этотъ военный союзъ. По прежнему онъ начиналъ съ предложенія ей своихъ услугъ и предупредительнаго удовлетворенія ея корыстныхъ желаній. Ему какъ бы хотѣлось возможно болѣе обязать,

¹⁾ Ibidem. 192. 193.

²⁾ Ibidem. 192.

³⁾ Ibidem. 181. 196. 207. 257.

⁴⁾ Ibidem. 268.

⁵⁾ Ibidem. 269.

⁶⁾ Ibidem. 256.

одолжить эту царицу морей и через то уже заполучить ея расположеніе къ себѣ. Въ письмѣ къ дожу Андрею Дандолу, писанномъ 15 октября 1345 г. изъ Сереса, Душанъ, исполняя желаніе Венеціанцевъ, объявляетъ свое согласіе на возобновленіе упомятаго договора съ Которомъ объ удовлетвореніи венеціанскихъ купцовъ на два года или болѣе, смотря по соглашенію съ Которцами, которымъ онъ не замедлитъ послать соотвѣтствующее предписаніе. Къ этому онъ присоединяетъ увѣреніе, что вообще торговые интересы Венеціи будутъ вполне обезпечены какъ въ Которѣ, такъ и во всѣхъ другихъ частяхъ его государства ¹⁾. Въ заключеніе письма Душанъ дѣлаетъ слѣдующую характеристическую прибавку: „Сверхъ того мы узнали, что городъ Задаръ, увлеченный безразсудною дерзостію, возмущился противъ Васъ. Это обстоятельство не мало огорчило насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мы удивились почему Ваша милость отказала намъ въ извѣщеніи о немъ; мы вѣдь желаемъ Вамъ славы и мощи, также какъ себѣ, и понятно, ибо мы — одинъ изъ Вашихъ (et merito, quia unus vestrum); итакъ, если будетъ полезно, чтобы мы послали часть нашего войска, или всѣ наши силы (aut in copiam), не откажите увѣдомить Вашимъ письмомъ, такъ какъ найдете наше величество въ высшей степени расположеннымъ быть Вамъ полезнымъ“ (non resservatis vestris litteris intimare, quum revera invenietis majestatem nostram ad vestri beneplacitum fortissime promptiorem) ²⁾. Отсюда видно, что Душанъ не догадывался о нежеланіи Венеціанцевъ пользоваться его военною помощію, которая могла потомъ сдѣлаться и для нихъ обязательною. Ему хотѣлось непремѣнно навязать имъ свои услуги. Одновременно съ этимъ письмомъ Душана къ дожу было отправлено другое съ Николою Бучемъ, „каморникомъ“ краля (camerarius regius), игравшимъ при немъ роль секретаря. Письмо это такого же содержанія какъ первое; въ немъ только еще въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ говорится о готов-

---

¹⁾ et sic scribimus Catarensibus antedictis, ut vestri fideles valeant ibidem debito commodius extrahere et habere et non solum illic, sed ubique locorum nostre regie majestatis. Ibidem. 278.

²⁾ Ibidem. 279.

ности Душана пожертвовать всё для блага Венеции ¹⁾ и о предоставлении въ распоряженіе послѣдней по первому ея призыву уже сформированнаго, прекрасно вооруженнаго (*theothonicè jam armatos*) отряда въ 500 человекъ или болѣе.

Отвѣтъ венеціанскаго сената на это новое, столь трогательное обращеніе Душана, послѣдовалъ 22-го ноября. Положеніе вещей, какъ мы сказали, измѣнилось; измѣнился вмѣстѣ съ тѣмъ и дипломатическій тонъ представителей власти въ республикѣ. Уже одинъ многозначительный титулъ (*Stephanus dei gratia Servie, Dioclie, Chilminie, Zente, Albanie et maritime regionis rex, nec non Bulgarie imperii partis non modice particeps et fere totius imperii Romanie dominus*), который усвоилъ себѣ Душанъ въ письмѣ къ дожу, долженъ былъ заставить ихъ отнестись съ возможно большимъ уваженіемъ и осторожностію къ предложеніямъ сербскаго государя. Какъ бы то ни было, онъ становился силою, росту которой они должны были если не мѣшать, то хоть не содѣйствовать, а для того нужно было поступать по всёмъ строгимъ правиламъ политико-дипломатическаго искусства, столь прекрасно выработаннаго ихъ міровою практикою. Иначе можно было обратить эту силу и на себя. Въ своемъ отвѣтѣ ²⁾ сенатъ трогательно благодарить за выраженные чувства дружбы и Душана, и его каморника, принимаетъ съ признательностію утвержденіе договора съ Которомъ, и съ сердечнымъ расположеніемъ позволяетъ сербскому уполномоченному вывезти изъ Венеціи равнообразнаго оружія на 300 человекъ. Отъ предложенной военной помощи онъ на этотъ разъ прямо отказывается, обставляя однако этотъ отказ самыми деликатными и уточненными увѣреніями въ тѣсной дружбѣ, связывающей свѣтлѣйшаго монарха съ республикою. Она де, когда будетъ нужно, не преминетъ обратиться къ нему (*ad serenissimum et excelentem amicum et affinem nostrum charissimum*) за такъ обязательно предлагаемою помощію; а теперь де у ней довольно и своихъ силъ сухопутныхъ и морскихъ; такъ что мятежные За-

---

¹⁾ *pronus, promptus et efficax, scio vobis dicere, est se et sua opponere pro vestro reipublice commodo et honore. Ibidem. 279.*

²⁾ *Ibidem. 289.*

дарцы, навѣрно, вскорѣ понесутъ заслуженное наказаніе. Изъ венеціанскихъ документовъ видно, что въ ноябрѣ, когда обсуждался отвѣтъ Душану, дѣйствительно были получены изъ подъ Задра довольно удовлетворительныя вѣсти ¹⁾, которыя, пожалуй, въ данную минуту дѣлали лишнею помощь со стороны. Но тѣ же документы показываютъ, какъ республика озабочена была присканіемъ себѣ союзниковъ среди мелкихъ славянскихъ князьковъ Хорватіи и Далмаціи и какъ трудно было надѣяться на это скорое усмиреніе мятежнаго города ²⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что Венеція и на этотъ разъ отвѣчала крало неискренно, она намѣренно уклонялась отъ принятія его предложенія. Между тѣмъ Душанъ и теперь еще не могъ разгадать истинной причины этой уклончивости. Вскорѣ затѣмъ онъ рѣшается уже безъ околочностей объясниться съ Венеціанцами насчетъ осуществленія своей давнишней мечты.

Въ концѣ февраля 1346 г. ³⁾ сербское посольство снова явилось въ Венецію. Оно доводило до свѣдѣнія республики о вѣнчаніи Душана царскимъ вѣнцомъ (*de coronatione sua in Imperio Constantinopolitano*) и предлагало отъ его имени союзъ для овладѣнія византійскою имперіею (*pro aquisitione imperii Constantinopolis*); вмѣстѣ съ тѣмъ посольство передавало готовность своего повелителя принять на себя посредничество въ дѣлѣ примиренія республики съ Задромъ. Новый царь, очевидно, рассчитывалъ своимъ вмѣшательствомъ уладить венеціанскія дѣла и тѣмъ скорѣе приступить къ совмѣстному исполненію задуманнаго имъ міроваго переворота.

Отвѣтъ (3-го марта) венеціанскаго сената, какъ и слѣдовало ожидать, не оправдалъ этого расчета. Душану передавалось въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ заявленіе радости республики по случаю его царскаго вѣнчанія и пожеланіе, чтобы еще болѣе уве-

¹⁾ Ibidem. 286. 287.

²⁾ Не перечисляемъ ихъ здѣсь, потому что они занимаютъ почти всю вторую половину втораго тома сборника венеціанскихъ документовъ Любича. См. также Смирнова Отношенія Венеціи къ гордскимъ общинамъ Далмаціи съ XII до половины XIV. в. стр. 100 и слѣд.

³⁾ Ibidem. 323-64. 324

личились его слава и могущество; но при этомъ прямо отклонялись оба его предложенія. Венеціанцы де всегда настроены къ дѣланіямъ, служащимъ къ пользѣ и славѣ его величества, но въ настоящее время они не могутъ согласиться на предлагаемый союзъ: во-первыхъ, потому что сами заняты войною съ Задромъ и, кромѣ того, многими другими дѣлами; а во-вторыхъ, потому что связаны съ Византійскою имперіею клятвенными договорами, нарушение которыхъ будетъ преступленіемъ противъ Бога и людей. Посредничество царя по отношенію къ Задру они также не могутъ принять. Это будетъ съ одной стороны бесполезно, такъ какъ самъ Задаръ, безъ разрѣшенія угорскаго короля, ни на что не рѣшится, а съ другой и унижительно: Задарцы вообразили бы, что это посредничество вызвано Венеціею, между тѣмъ не ей, всегдашней ихъ повелительницѣ, приходится заискивать у мятежниковъ, а имъ слѣдуетъ вымаливать у нея милосердіе ¹⁾.

Разбирая отвѣтъ республики, только отказъ отъ перваго предложенія мы можемъ признать до нѣкоторой степени правдивымъ безхитростнымъ. Вопросъ ей былъ поставленъ прямо, и обстоятельства давали ей возможность отвѣтить на него прямо, безъ опасенія навлечь на себя негодованіе Душана. Дѣйствительно достаточно прочесть хроникѣ „De obsidione Jadrensi“ и документы въ сборникѣ Любича, чтобы составить понятіе о томъ, какъ тяжелъ былъ для Венеціи 1346 г. Сколько пришлось ей пережить тогда тревогъ и опасеній за свою власть въ Далмаціи, сколько потребовалось усилій для войны съ Задромъ, съ которымъ она не могла ничего подѣлать ни войскомъ, ни флотомъ, ни силою, ни угрозами, ни деньгами: мятежный городъ находилъ поддержку въ Уграхъ и хорватскихъ князьяхъ и стойко держался въ теченіе всего 1346 года. Республикѣ теперь дѣйствительно было не до предпріятій на востокъ. Душанъ не могъ этого не видѣть. За то не могло не казаться страннымъ, почему, находясь въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, Венеціанцы не хотѣли воспользоваться помощію, которую такъ охотно предлагалъ имъ сербскій царь. Вѣроятнымъ остается все то же объясненіе: они опасались вступать въ военный

¹⁾ Ibidem. 326. 327.

союзъ съ Душаномъ, хотѣли быть съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ для своихъ выгодъ, но никакимъ образомъ не содѣйствовать усиленію его могущества. Тотъ же мотивъ ясно звучитъ въ объясненіи причинъ отказа отъ втораго предложенія Душана. Венеціанцы находятъ щекотливымъ и оскорбительнымъ для своего самолюбія посредничество сербскаго царя въ ихъ распрѣ съ Задромъ; между тѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя они, безъ ущерба своему достоинству, заключаютъ союзъ съ боснійскимъ баномъ, просятъ его помощи и соглашаются, чтобы онъ былъ посредникомъ въ ихъ переговорахъ съ тѣмъ же мятежнымъ Задромъ ¹⁾. Не ясно ли послѣ этого, что въ отвѣтъ Венеціанцевъ ссылка на неумѣстность посредничества Душана не болѣе какъ пустая отговорка, которую они хотѣли отвязаться отъ назойливыхъ предложеній могущественнаго государя? Будь Душанъ одаренъ дальновидностью государственнаго человѣка, понимающаго ходъ и сдѣленіе политическихъ событій, и онъ сумѣлъ бы по крайней мѣрѣ на этотъ разъ оцѣнить по достоинству свои отношенія къ такъ привлекавшей его морской державѣ; но у нашего мечтательнаго завоевателя, какъ мы не разъ повторяли, не доставало именно этого важнаго качества. Онъ не понялъ истиннаго смысла отвѣта Венеціанцевъ и вмѣсто того, чтобы прямо порвать съ ними, или по крайней мѣрѣ переимѣнить въ отношеніи къ нимъ унижительно-засмѣивающую политику на болѣе серьезную и достойную его, какъ независимаго государя, ограничился тѣмъ, что отложилъ свой проектъ союза до болѣе удобнаго времени, продолжая твердо вѣрить въ честность и искренность словъ и дѣйствій ловкихъ и хитрыхъ торгашей. Отношенія между царемъ и Венеціей остаются по прежнему дружественными. Душанъ продолжаетъ свои завоеванія въ Византійской имперіи и обращается къ республикѣ то за оружіемъ, то за военными судами, а республика, хотя и скрѣпя сердце, не можетъ отказать ему въ этихъ бездѣлицахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старается извлечь для себя болѣе или менѣе важныя выгоды изъ сближенія съ могущественнымъ завоевателемъ.

Въ концѣ іюля того же 1346 г. сербскіе послы снова являються

---

¹⁾ Ibidem. 398.

въ Венецію съ разными предложеніями, и теперь республика не отказывается принять посредничество царя въ дѣлѣ примиренія ея съ опаснымъ соперникомъ. Если Душанъ увидится съ угорскимъ королемъ, говорилъ сенатъ посламъ, то пусть постойтъ за интересы республики; къ нему непосредственно обратятся за помощью и совѣтомъ венеціанскіе уполномоченные, посылаемые для переговоровъ въ Угрію ¹⁾. Такой образъ дѣйствій Венеціи объясняется тѣмъ, что ея дѣла въ Далмаціи, не смотря на частныя побѣды надъ угорскими войсками, были весьма не блестящи: осада Задра все болѣе затягивалась и обаяніе республики на Адриатикѣ становилось все слабѣе и слабѣе; чтобы не потерять его окончательно, для нея важно было какъ можно скорѣе примириться съ королемъ. Но для посредничества Душана теперь не могло быть мѣста. Король Лудовикъ не принялъ венеціанскаго посольства ²⁾, а предполагаемое свиданіе двухъ монарховъ тѣмъ менѣе могло состояться. Вниманіе Душана теперь опять было устремлено на юго-востокъ. Венеціанское посольство, въ ноябрѣ того же года отправленное къ сербскому царю, для предотвращенія войны между нимъ и боснійскимъ баномъ, къ которому республика рассчитывала имѣть своего союзника, не нашло уже Душана въ Сербіи; онъ былъ далеко въ предѣлахъ Византійской имперіи (*invento dicto rege pluribus diebus infra tetram in partibus Romaniae*) ³⁾.

Мы упоминали уже, что союза и помощи Венеціанцевъ Душанъ искалъ собственно для осуществленія конечной цѣли своихъ завоевательныхъ стремленій—взятія Цареграда, которое могло быть выполнено только при участіи флота. Но до этого послѣдняго предпріятія еще было не такъ близко. Сербскому завоевателю открывалось еще широкое поле для дѣйствій одному, безъ морскаго союзника. Быть можетъ поэтому онъ отнесся спокойно и къ отказу Венеціи. Прежде чѣмъ продолжать движеніе на востокъ къ столицѣ, онъ рѣшился приобщить къ своей монархіи оставшіяся еще за Византією области на югѣ. Это были южный Эпиръ съ

¹⁾ Ibidem. 366.

²⁾ Ibidem. 395.

³⁾ Ibidem. 408.

Янниоу, Акарнанія, Эллинская Влахія и Фессалія. Всѣ эти земли находились подъ управленіемъ родственника Кантакузина Іоанна Ангела ¹⁾. Еще осенью, въ годъ своего вѣнчанія на царство, Душанъ выступилъ въ Эпиръ, сѣверная часть котораго уже раньше была имъ завоевана. Въ теченіе слѣдующаго года вся страна на западѣ отъ Пинда, т. е. Эпиръ, Акарнанія и Этолія вошли въ составъ Сербскаго царства. Обстоятельства, по прежнему, благопріятствовали Сербамъ. Подъ стѣнами Византіи въ это время разыгрывался послѣдній актъ междоусобной войны, передавшей тронъ Константина Великаго Іоанну Кантакузину, а затѣмъ наступили первые годы правленія новаго императора, который не могъ сразу разобраться въ массѣ внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій, вызванныхъ предшествующими печальными событіями, и оказать какую-нибудь помощь своему энергическому родственнику. Византійскіе лѣтописцы почти не сообщаютъ подробностей о завоеваніи этихъ областей. Изъ свидѣтельства т. н. Эпирской хроники можно заключить, что Албанцы, стремившіеся къ занятію южныхъ земель полуострова, составляли главную часть Душанова войска и болѣе всего способствовали покоренію края. При этомъ нашествіи свирѣпныхъ горцевъ греческое населеніе бывшаго деспотства подверглось ужаснымъ бѣдствіямъ и массами покидало родную страну ²⁾. У Кантакузина въ его фантастической рѣчи, съ которою онъ обращался къ Душану во время переговоровъ 1350 г., также находится, хотя несомнѣнно преувеличенное, показаніе того же рода. Онъ упрекаетъ царя за то, что онъ, напавъ съ сильною пѣхотою и конницею на Фессалію и Акарнанію, произвелъ то памятное истребленіе, которое привело Акарнанцевъ къ такому крайнему голоду, что они охотно приходили къ морскому берегу и отдавали себя въ легкую добычу промышленнымъ рабами варва-

¹⁾ См. выпускъ I. 67.

²⁾ Историческое сказаніе инока Комнина и инока Прохла о разныхъ деспотахъ Эпирскихъ. Изданіе Гавріила Дестуниса. Спб. 1858 г. стр. 7: *καὶ τῶν δύο ἐπαρχῶν τὴν ἀρχὴν σφετερισάμενος (Никифоръ II) τῆς Βλαχίας, φημί, καὶ τοῦ δεσπότης Αἰτωλίας, καὶ τοὺς Ῥωμαίους πάντας ἐξορίστους εὐρών, τοὺς μὲν τῆς Βλαχίας ἐκ τῆς τῶν Σέρβων ἐπιθέσεως τούτου δὲ τῆς Αἰτωλίας ἐκ τῆς τῶν Ἀλβανιτῶν δυστροπίας καὶ χακογνομίας.*

рамъ: они предпочитали быть лучше перевезенными на чужбину въ вѣчную неволю, нежели тутъ же умереть съ голода ¹⁾. Управление Этолією и Акарнанією Душанъ поручилъ своему сводному брату С^имеону или Синишѣ, предоставивъ ему титулъ деспота. Въ это время въ странѣ уже находилась прежняя ея повелительница деспина Анна Палеологъ, съ дочерью Томандою, такъ настойчиво оспаривавшая власть у Іоанна Ангела. Теперь Синиша женился на Томандѣ; а сама деспина Анна вышла замужъ за царскаго родственника, знаменитаго Іоанна Оливера, теперь носившаго титулъ деспота и прозваніе Комнина. Этотъ Комнинъ былъ поставленъ правителемъ Канины и Бѣлграда, въ Средней Албаніи ²⁾. Такими браками своихъ вельможъ съ представительницами греческаго владѣтельнаго дома сербскій царь, быть можетъ, хотѣлъ вознаградить мѣстное греческое населеніе за стѣсненія, которымъ оно подвергалось со стороны воинственныхъ Албанцевъ и которыя сдерживать самъ онъ, вѣроятно, былъ не въ силахъ ³⁾.

¹⁾ Cantacuz. IV. c. 20. p. 147. . . . εἰς τοσαύτην ἀνάγκην Ἀκαρνανεὺς ἦλθεν ὑπὸ τοῦ λιμοῦ ὡς ἔχοντι πρὸς τὰ παράλια γινόμενοι, προκρίσθαι τοῖς ἀνδραποδιταῖς βαρβάροις κέρδος ἄπονον, καὶ δεῖσθαι ἐφ' ἑτέραν γῆν μετανευχόμεντας δουλεῦν μᾶλλον διὰ βίου, ἢ ἐν τῇ αὐτίκα διαφθεῖσθαι ὑπὸ λιμοῦ.

²⁾ Эпирская хроника. 4—5. Объ Оливерѣ — Комнинѣ см. также прекрасную статью Николасевича Србски Комнини — (*Гласник* XIII. 283—322).

³⁾ О времени завоеванія этихъ областей Душаномъ нѣтъ вполне точныхъ извѣстій. См. Cantacuz IV c. 16 p. 113; c. 20 p. 147; Laonic. Chalcoscondyl. Ed. Bonn. p. 28. Эпирская хроника. 4—5. Изъ всѣхъ показаній ясно слѣдуетъ лишь то, что это завоеваніе имѣло мѣсто непосредственно за покореніемъ Македоніи и Сереса, что какъ мы знаемъ, относится къ 1345 г. За тѣмъ изъ сочиненія Кантакузина мы почерпаемъ свѣдѣніе, что Этолія и Акарванія перешли подъ власть Душана прежде чѣмъ непосредственныя владѣнія Іоанна Ангела, т. е. такъ называемая Эллинская Влахія (страна лежавшая по обонимъ склонамъ Пинда, по верховьямъ Вохси, Аспропотама и Селембрин—объясн. Г. С. Дестуниса при изданіи Эпирск. хрон.), занятіе которой произошло въ 1349 г. (p. 147). Наконецъ тотъ же лѣтописецъ прямо относитъ потерю имперією Акарваніи еще ко времени междоусобной войны: οὐ περὶ Θεσσαλονίκης μόνον ποιήσασθαι τὸν λόγον, ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς ἄλλης Μακεδονίας καὶ Θετταλίας καὶ Ακαρνανίας, ἃς ἔχουσιν οἱ Τριβαλοὶ κατασχόντες ἐκ τῶν τοῦ πολέμου χρόνων (p. 113). Все это въ связи съ венеціанскими извѣстіями о походѣ Душана въ предѣлы имперіи въ концѣ 1346 г. и его большихъ вооруженіяхъ въ слѣдующемъ году заставляеть насъ приурочить разбитаго со-

Этотъ новый успѣхъ Душана въ наступательномъ движеніи на югъ не могъ не встревожить Венеціанцевъ. Независимо отъ нечувствія къ созданію новаго сильнаго государства на полуостровѣ, они опасались за остатки Анжуйскихъ владѣній на материкѣ, въ Агарнаніи и Эпирѣ, и на островахъ (Кефалонія, Закинфъ, Левкада, Итака), на которыхъ сами имѣли виды ¹⁾. Тѣмъ не менѣе въ 1347 г. имъ пришлось снабдить Душана оружіемъ въ весьма значительномъ количествѣ ²⁾. За эту вынужденную любезность сербскій царь съ своей стороны платилъ немалою цѣною. 1 апрѣля 1348 г. въ письмѣ на имя своего любезнаго друга (*amico nostro predilecto*) дожа Андрея Дандола, величая себя *царемъ Грековъ* (*Stephanus Dei gratia Grecorum Imperator*), Душанъ изъявлялъ свое согласіе на новое продолженіе вышеупомянутаго, столь выгоднаго для республики договора съ г. Которомъ ³⁾. Черезъ нѣсколько дней въ сенатѣ обсуждалось новое предложеніе и новая просьба Царя. Душанъ предлагалъ свое посредничество въ переговорахъ между республикою и угорскимъ королемъ, и просилъ для своихъ надобностей (*pro aliquibus sibi incumbentibus possit hinc extrahi facere*) три вооруженныхъ галеота ⁴⁾. Отношенія между Венеціей и Лудовикомъ угорскимъ оставались по прежнему враждебными. За даръ долженъ былъ подчиниться республикѣ, но оттого опасенія за потерю Далмаціи отнюдь не уменьшились. Поэтому сенатъ съ удовольствіемъ принялъ посредничество Душана, надѣясь черезъ него скорѣе добиться уступчивости отъ несговорчиваго Лудовика. За то весьма неохотно онъ согласился удовлетворить просьбу царя. Ему были предоставлены просимыя суда (къ тремъ разрѣшеннымъ въ апрѣлѣ потомъ прибавлено было еще одно) ⁵⁾, но не было позволено вооружить ихъ въ Венеціи. Вѣстѣ съ тѣмъ ему было

бытія ко времени вступленія Кантакузина на престолъ и къ первому году его правленія.

¹⁾ *Notiz von Griechenland im Mittelalter—Encyclop. von. Ersch u. Gruber Bd. 85. s. 445.*

²⁾ *Ljubici Monumenta II. 453.*

³⁾ *Ibidem. III. 72.*

⁴⁾ *Ibidem. 75.*

⁵⁾ *Ibidem. 109.*

дано понять, что вовсе не въ обычаяхъ республики оказывать кому-либо подобныя одолженія (*quamvis similem gratiam aliquibus de mundo nunquam consueverimus facere, sed potius contradicere*). Очень возможно, что эти суда были нужны Душану для удовлетворенія военныхъ надобностей, въ виду задуманнаго имъ приобрѣтенія и послѣдней византийскаго области на западѣ.

Теперь доходила очередь до Эллинской Влахии и Фессалии. Безпомощному правителю этихъ областей Иоанну Ангелу не привелось увидѣть завоеваніе ихъ иноземцами. Онъ умеръ вскорѣ послѣ потери Эпира и Акарнакии. Душанъ слѣдилъ пользоваться этимъ обстоятельствомъ. Любимый его вельможа Прилуцъ съ сильнымъ албанскимъ корпусомъ нагрянулъ на беззащитныя области. Онъ началъ съ Янины и въ непродолжительный срокъ промелъ всю Фессалию до Птелея. 3-го января 1349 г. Венеція поздравляла царя съ новыми успѣхами и поручала его защитѣ и покровительству Птелея и другія свои владѣнія, которыя теперь соприснались съ новыми предѣлами сербскаго царства. Прилуцъ получилъ титулъ кесаря и поставленъ правителемъ завоеваннаго края ¹⁾. И эти приобрѣтенія достались Сербамъ безъ особыхъ усилій. Кантакузинъ велъ въ это время жестокою, неудачною для Византии борьбу съ самымъ опаснымъ ея непріателемъ — Галатскими Генуэзцами и не могъ думать объ оказаніи какой-нибудь поддержки столь отдаленной отъ столицы, со всѣхъ сторонъ окруженной врагами области, какою была для того времени Фессалия ²⁾. Душанъ, конечно, придавалъ мало значенія этому обстоятельству и принималъ ростъ своего вѣшняго могущества прежде всего своему гению и своимъ силамъ. Безъ сомнѣнія, потому съ каждымъ новымъ успѣхомъ въ немъ все болѣе крѣпла мысль о возможности полнаго завоеванія имперіи. Начало 1349 года въ этомъ отношеніи было особенно счастливо для него. Царь былъ въ упоеніи отъ своей военной славы.

¹⁾ Cantacuz. IV, с. 20 р. 147 Эпирская Хроника 4. Ljubie Monumenta III. 110. Но р. ф. о. с. 445.

²⁾ Cantacuz. IV с. 11, 12. Gregor XVII. сс. 1 — 7. Ср. выпускъ I стр. 99 — 102.

Съ этими внѣшними успѣхами, быть можетъ, не случайно совпало въ томъ же году событіе глубокой важности для внутренней жизни сербскаго государства. 21 мая въ Скопїи состоялся соборъ, на которомъ патріархомъ, архіереями и церковниками съ одной стороны, и царемъ съ властелями съ другой, былъ выработанъ извѣстный „Законникъ“ Душана, драгоцѣннѣйшій памятникъ южно-славянскаго законодательства. Этимъ важнымъ дѣяніемъ новый царь, безъ сомнѣнія, хотѣлъ ознаменовать свои послѣднія обширныя завоеванія, подобно тому какъ учрежденіе патріаршества и вѣнчаніе на царство ознаменовали приобрѣтеніе Македонїи. Теперь слѣдовало бы ожидать, что начнется постепенное внутреннее устроеніе новосозданнаго обширнаго государства, что царь всецѣло займется сплоченіемъ въ одно прочное цѣлое разнообразныхъ элементовъ, только силою оружія поставленныхъ подъ его державу, что вслѣдъ за „Законникомъ“, представляющимъ собственно письменное подтвержденіе дѣйствовавшаго въ жизни обычнаго права, явится цѣлый рядъ узаконеній, которыя точнѣе и лучше опредѣлятъ государственннй и общественннй строй новаго царства. Между тѣмъ ничего подобнаго не оказалось. Душанъ по прежнему поглощенъ мыслями о постоянно новыхъ и новыхъ завоеваніяхъ, о приобрѣтеніи Цареграда и не имѣетъ ни времени, ни охоты заняться устройствомъ и обезпеченіемъ и безъ того обширныхъ своихъ владѣній.

Издавъ „Законникъ“, онъ въ томъ же году самъ предпринимаетъ движеніе на Солунь, единственный городъ во всей Македонїи, отстаивавшій свою независимость противъ многократныхъ покушеній сербскаго завоевателя. Въ этой бывшей второй столицѣ имперїи, не признававшей теперь и византійскаго правительства, все еще продолжалась анархїя. Для овладѣнія ею силою у Душана, какъ мы знаемъ, не было средствъ. По обычаю онъ обложилъ городъ и вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ одною изъ партїй— Зилотами, которые деньгами, въ изобилїи получаемыми отъ царя, расположили въ его пользу многихъ горожанъ и обѣщали сдать ему городъ ¹⁾. Въ слѣдующемъ году, все болѣе прибрѣтая увѣ-

¹⁾ Cantacuz. IV. с. 16.

ренность въ прочности своего могущества, онъ дѣлаетъ новую, послѣднюю попытку заключить съ Венеціей наступательный союзъ противъ Византійской имперіи. Но въ томъ и другомъ случаѣ онъ терпѣть полную неудачу. Время успѣховъ Душана въ его стремленіяхъ на юго-востокъ приходило къ концу. Сдѣланныя имъ въ 1349 г. приобретенія были послѣдними. Наступалъ періодъ, когда основателю новаго царства приходилось убѣдиться, что при задуманномъ имъ полномъ разрушеніи имперіи ему не всегда придется имѣть дѣло съ беззащитными провинціями и безъ встрѣчь съ соперниками, что путь къ такъ манившему его Цареграду уже представляетъ дѣлій рядъ серьезныхъ препятствій, которыя преодолѣть у него не хватитъ силъ, и что, слѣдовательно, его грандіозный планъ не осуществимъ. Но это послѣднее обстоятельство сознано было имъ не скоро и не вполне. Онъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своей мечты, твердо вѣрилъ въ нее, началъ борьбу съ препятствіями, имѣлъ и тутъ частные успѣхи, но ничего уже не могъ прибавить къ тому, что было сдѣлано раньше.

Мнимая союзница Душана—Венеція прежде всего старалась остановить его въ дальнѣйшемъ наступательномъ движеніи на имперію. Усиленіе сербскаго могущества все болѣе озабочивало республику; ея владѣнія на Негропонтѣ и въ Птелеѣ примыкали къ сербскимъ и уже испытывали тягость этого соседства. Кесарь Придулъ позволялъ себѣ немалыя притѣсненія венеціанскихъ колонистовъ ¹⁾. Это обстоятельство еще болѣе заставляло Венеціанцевъ сдѣлать что нибудь къ задержанію усиленія новаго царства, которому, какъ мы не разъ упоминали, они вообще не сочувствовали. Затѣмъ въ данное время имперія была нужна Венеціи: она готовилась къ войнѣ съ Генуею и ея колонією Галатю и рассчитывала заключить союзъ съ Іоанномъ Кантакузиномъ. 6-го апрѣля 1349 г. венеціанскій сенатъ предписывалъ своему посланнику, отправлявшемуся въ Сербію по дѣлу объ удовлетвореніи дубровницкихъ и венеціанскихъ купцовъ, постараться склонить

---

¹⁾ Ljubić. „Monumenta“. III. 110, 169. 14 Марта 1350 г. республика писала Душану „pro satisfactione dictorum damnorum (понесенныхъ Птелейцами) et ut illum Prealipo subditum suum corrigat et admoeat taliter, quod in posterum non presumat damnificare nostrates vel adherere damnificantibus eos“.

царя къ миру съ византійскими императорами. Въ томъ случаѣ, если бы Душанъ выразилъ согласіе на примиреніе, посланникъ долженъ былъ немедленно съестись съ венеціанскимъ уполномоченнымъ при византійскомъ дворѣ, а въ случаѣ надобности, для скорѣйшаго улаженія дѣла, обяванъ былъ и самъ съѣздить въ Константинополь ¹⁾. Однакожь эти старанія республики остались безъ успѣха. Душанъ, какъ и слѣдовало ожидать, отклонилъ ея предложеніе. Съ его точки зрѣнія оно не могло не показаться ему страннымъ. Іоаннъ Кантакузинъ въ первый годъ своего царствованія самъ обратился къ нему съ переговорами о мирѣ, и тогда онъ уже не хотѣлъ слышать о какомъ либо соглашеніи ²⁾. Какимъ же образомъ могъ онъ принять на себя примирительное посредничество теперь, послѣ цѣлаго ряда новыхъ военныхъ успѣховъ, теперь, когда у него окончательно созрѣвала мысль о завоеваніи Цареграда. Военственныя стремленія положительно брали въ немъ верхъ надъ всякими другими соображеніями. Венеціанскій посоль уѣхалъ отъ него ни съ чѣмъ, а онъ продолжалъ вооружаться, закупая суда и оружіе у той же республики ³⁾. Венеціанцы, однако, продолжаютъ свою политику и въ ноябрѣ того же 1349 г. заключаютъ мирный договоръ съ имперіею ⁴⁾. Оба эти дипломатическіе шага республики краснорѣчиво указывали Душану, что по отношенію къ Византіи она преслѣдуетъ свои цѣли, рѣзко расходящіяся съ его цѣлями, что столь обязательныя къ нему въ разныхъ случаяхъ Венеціанцы никогда не могутъ быть ему помощниками въ исполненіи его замысловъ противъ Цареграда. Но все это и теперь осталось недоступнымъ пониманію нашего завоевателя, который въ своемъ увлеченіи широкою затѣею не умѣлъ дать себѣ отчета въ совершавшихся вокругъ него политическихъ событіяхъ.

---

¹⁾ Ibidem. 119.

²⁾ Cantacuz. IV с. 4. р. 31.

³⁾ Ljubić. Monumenta III. 133. Республика, конечно, была недовольна неуспѣхомъ своей миссіи, и быть можетъ выразила это недовольство въ требованіи отъ Душана немедленной уплаты денегъ за суда, и въ отказѣ ему собрать въ Венеціи выкупъ для купленныхъ судовъ.

⁴⁾ Zachariae. Jus graecoromanum. III. 706.

13 апрѣля 1350 г. онъ снова обращается къ Венеціи съ проектомъ союза, повторяя въ немъ тѣже желанія, что и въ первыхъ двухъ проектахъ, но только въ болѣе опредѣленной формѣ. Эти послѣднія предложенія Душана и отвѣтъ на нихъ республики являются весьма любопытными историческими документами. Въ нихъ яркими чертами сказывается противоположность между Душаномъ, съ его политическимъ недомыслиемъ, сумасброднымъ преслѣдованіемъ одной фантастической идеи и неразборчивымъ принесеніемъ въ жертву ей интересовъ своего государства—съ одной стороны и Венеціею, съ ея выдержанною умною, искусною политикою—съ другой. Царь всѣ свои предложенія и заискиванія сводитъ къ заключенію тѣснаго союза для совокупнаго завоеванія Цареграда, а республика отклоняетъ этотъ союзъ, но старается сдѣлать это такъ, чтобы сохранить съ царемъ дружественныя отношенія и извлечь изъ нихъ свои выгоды.

Предложенія Душана ¹⁾, изложенныя въ засѣданіи сената чрезвычайнымъ сербскимъ посломъ Михаиломъ Бучею, состояли изъ слѣдующихъ 11 пунктовъ:

1) Послѣ обычнаго привѣтствія слѣдовало предложеніе дозволиться на свиданіе съ царемъ въ предѣлы Дубровника или Наренты для переговоровъ о важныхъ и серьезныхъ предметахъ (*pro aliquibus magnis et arduis pertractandis*).

2) Царь просилъ для себя, сына—князя Уроша, царицы и всего своего потомства правъ венеціанскихъ гражданъ.

3) Какъ таковыя граждане всѣ они должны пользоваться полною свободою и безопасностію въ Венеціи. Ни царь, никто изъ его семьи не могутъ быть выданы никому въ мірѣ и ни за какія блага міра. Они должны имѣть право приобретать собственность какъ въ городѣ, такъ и въ земляхъ республики, а равно перепродавать ее по своему желанію.

4) Если случится царю, царицѣ, или сыну ихъ—князю жить въ

---

¹⁾ Ljubić „Monumenta“ III. 174 — 176. Въ венеціанской запискѣ объ этихъ переговорахъ Душану приданъ слѣдующій титулъ: ..... *exposita per nobilem virum dominum Michaellem de Buchia ambaxatorem serenissimi domini imperatoris Raxie et Romaniae, dispoti Larte et Blachie comitis.*

Венеціи, то чтобы имъ шло отъ республики содержаніе (regalia) соотвѣтствующее ихъ высокому сану.

5) Если дожъ будетъ нуждаться въ людяхъ для войска, царь охотно доставитъ ему по первому требованію и пѣхотинцевъ, и всадниковъ, и моряковъ. Наоборотъ, если царь будетъ вести войну и нуждаться въ людяхъ и судахъ, пусть дожъ обѣжится доставить ему то и другое.

6) Такъ какъ царь приобрѣлъ и завоевалъ 10-ть частей Византійской имперіи (decem partes Romanie imperii Constanti-nopolitani), кромѣ Константинополя, которымъ не можетъ овладѣть (quam exrignare et subjugare nequit), то чтобы Венеція могла ему на морѣ людьми и судами. Если затѣмъ удастся взять Царьградъ, царь согласенъ, чтобы все деспотство перешло къ Венеціанской республикѣ, а если она не желаетъ деспотства, то царь обѣщаетъ съ помощью морскихъ силъ дожа напасть на городъ Перу (Галату) и, если овладѣетъ имъ, отдать его Венеціанцамъ ¹⁾. Все это предпринимаетъ царь единственно ради того, чтобы вырвать изъ рукъ узурпатора Кантакузина незаконно захваченнаго имъ (captivatum) сына Императора (Іоанна Палеолога).

7) Царь проситъ и желаетъ, чтобы какъ ему, такъ и всѣмъ его подданнымъ была предоставлена въ венеціанскихъ владѣніяхъ свободная торговля, безъ уплаты пошлинъ и поборовъ (quod omnes sint liberi et franchi et exempti ab omni datio et angaria); и наоборотъ предоставляетъ въ предѣлахъ своего царства право свободной, безпошлинной торговли гражданамъ и подданнымъ Венеціи.

8) Въ томъ случаѣ, если какой нибудь государь или князь пойдетъ войною на царя, или на сына его—краса, или на земли ихъ, то чтобы республика не оказывала таковымъ ни помощи, ни сочувствія; наоборотъ и царь не будетъ помогать никому на свѣтѣ, кто вознамѣрится напасть на владѣнія республики ²⁾.

¹⁾ Et si tantum contingeret, faciente domino. quod dicta civitas subjugetur, vult et contentatur dominus imperator, quod totus despotus sit libere communis Venetiarum et si noluerit despotum, tunc dominus imperator cum auxilio ducalis dominationis per mare offert se facere guerram civitati Pere, et si contigerit, quod subjugetur, quod dicta civitas sit libere communis Venetiarum. 175.

²⁾ Item et contingeret, quod aliquis dominus vel princeps moueret guerram vel veniret super dominum imperatorem, vel dominum regem ejus filium aut supra terras eorum

9) Царь согласно предложенію Венеціи готовъ примириться съ боснійскимъ баномъ, но подъ условіемъ, что тотъ возвратитъ ему захваченныя земли и вознаградитъ за опустошенія, причиненныя имъ сербскимъ подданнымъ.

10) Царь соглашается заплатить убытки, понесенныя однимъ Венеціанцемъ въ Авлонѣ отъ царскаго родственника, для чего посылаетъ съ Михаиломъ Бучею 1,120 иперперовъ.

Наконецъ 11, Буча просилъ о точномъ расчетѣ по одному денежному дѣлу Которцевъ.

Венеція отвѣчала послѣдовательно на всѣ эти предложенія. На одни изъ нихъ она согласилась съ большою охотою, другія приняла съ оговорками и двусмысленными замѣчаніями, а нѣкоторыя, самыя важныя, безъ стѣсненія отвергла ¹⁾. Свиданіе въ Дубровникѣ или по сосѣдству съ нимъ было наотрѣвъ отклонено, подъ тѣмъ предлогомъ, что дожь по законамъ республики не можетъ оставлять Венеціи. Царю, царицѣ, кралю Урошу и наследникамъ ихъ съ полною готовностью дано венеціанское гражданство со всѣми его правами; имъ предоставлено безопасное пребываніе въ городѣ, полная свобода дѣйствій, почетъ и проч. На взаимную военную помощь республика изъявила согласіе въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ ²⁾. Подобнымъ же образомъ давалось увѣреніе, что Венеція никогда не будетъ на сторонѣ враговъ царя: дожь навсегда сохранить истинную любовь и особенное расположеніе къ его царскому величеству ³⁾. По вопросу

---

quod ducalis dominatio non debeat dare illis talibus-auxilium vel fauorem, et sic e converso quod dominus imperator non debeat dare auxilium alicui persone de mundo, qui vel que veniret supra aliquem terram vel locum communis Venetiarum.

¹⁾ Ibidem, 176—179.

²⁾ Ad quintum capitulum de subventionem hinc inde prestanda respondetur, quod propter magnam affectionem, quam visus est et videtur ipse imperator habere ad honores ducalis domini, quancunque sibi opus esset ipsum dominum imperatorem ducalium dominium requirerit in opportunitatibus suis et sic e converso ipse dominus imperator ipsum posset requirere in gratis sibi, quia in quantum decentius posset cum honore et statu suo, esset dispositum eidem amicabiliter complacere. 177.

³⁾ . . . . . ymo teneat (Царь) pro constanti, quod ducalium dominium ad ipsum semper habere proposuit verum amorem et benevolentiam specialem. 178.

о свободѣ торговли въ отвѣтѣ уклончиво говорится, что царь и его сынъ и подданные ихъ, какъ самые почетные и дорогіе граждане республики, будутъ находить въ земляхъ ея благосклонный и сочувственный приемъ и обхождение. Что же касается безусловной свободы торговли, то собственно говоря она не можетъ быть допущена для Сербовъ, такъ какъ и сами подданные республики не освобождены отъ пошлинныхъ сборовъ, но изъ чувства особенной любви къ его царскому величеству, какъ лучшему другу республики, и здѣсь будетъ исполнено его желаніе ¹⁾. На самое важное, самое роковое для Душана предложеніе объ участіи венеціанскаго флота въ завоеваніи Цареграда послѣдовалъ категорическій отказъ: республика де находится въ дружбѣ съ константинопольскимъ императоромъ, сѣрвіленной присягою, обязывающей ихъ соблюдать взаимно между собою ненарушимый миръ. Такимъ образомъ принятіе предложенія царя было бы для нея равносильно нарушенію святости божественнаго загона и униженію собственной чести и достоинства. Посему, прибавлялось въ отвѣтѣ, его царское величество по справедливости можетъ извинить нашъ отказъ ²⁾. Затѣмъ республика благодарила за удовлетвореніе потерпѣвшаго въ Авлонѣ Венеціанца, общала побудить бана къ уступкамъ и выражала готовность разобратъ дѣло Которцевъ.

Такимъ образомъ самый положительный результатъ, котораго добился Душанъ отъ Венеціи этими своими послѣдними предложеніями, состоялъ въ томъ, что ему со всѣмъ потомствомъ пожалованы были права гражданства республики, обезпечивавшія ему въ

---

¹⁾ *Neet de libertatibus et franchisiis, que petuntur pro eis, non possit effectua-
liter complaceri, cum nostrimet fideles et subditi non sint ab oneribus hujusmodi absoluti;
sed ob amorem imperialis culminis pro ipsis fiet sicut subditis et fidelibus cujuslibet
principis et carissimi amici nostri, quem habemus et reputamus dominum imperatorem
premissum.*

²⁾ *Ad sextum capitulum, per quod petitur auxilium galcarum pro subjugando impe-
rium Romanie, respondetur, quod nos sumus in treugua cum imperatore Constantinopoli-
tano, per quam inter cetera vinculo sacramenti simus astricti eidem et gentibus suis pu-
ram et veram pacem servare; et hic e converso nobis astrictus est; et propterea id facere
non possumus sine gravissima dei offensa et vilatione sacramenti nostri et derogatione
honoris et fame nostre. Quare potest nos serenitas imparialis habere a pellicione pre-
missa merito excusatos. 177—178.*

случаѣ надобности безопасное убѣжище въ этомъ міровомъ городѣ. Не можемъ не отмѣтить здѣсь, что это исканіе какого-то убѣжища на какой-то случай было со стороны царя не однимъ предложеньемъ къ упроченію связей съ Венеціей, но, быть можетъ, вынуждалось и дѣйствительною неувѣренностью мечтательнаго завоевателя въ прочности своего положенія. При всѣхъ своихъ удачахъ внѣшнихъ оныхъ, повидимому, не умѣлъ обезопасить свою неограниченную власть внутри государства отъ оппозиціи властелей, имѣлъ среди нихъ массу недовольныхъ, отъ которыхъ могъ ждать какихъ-либо опасныхъ для себя смуть, такъ часто встрѣчающихся въ сербской исторіи. Поэтому безусловное согласіе республики на первый пунктъ его предложеній не могло не быть ему пріятно. Уже 25 мая дожъ Андрей Дандоло подписалъ дипломъ на венеціанское гражданство Стефану Душану, величая его здѣсь: *Gregorium imperator semper augustus et Raxie rex illustris* ¹⁾. Но для республики исполненіе этой просьбы царя было весьма выгодно. Это былъ лучший и легчайшій способъ—отказывая Душану въ помощи противъ Византіи, все таки засвидѣтельствовать ему свое желаніе поддерживать съ нимъ самыя дружественныя отношенія. Она по прежнему не связывала себѣ руки никакими обязательствами по военному союзу, а между тѣмъ дѣлала угодное сильному государю, который могъ ей быть полезенъ и котораго имѣть въ числѣ своихъ гражданъ для нея было и лестно, и почетно.

Свободная, беспошлинная торговля между двумя государствами, на которую Венеція выразила свое согласіе, придавъ ему значеніе какого-то особеннаго одолженія, оказываемаго съ ея стороны царю, очевидно представляла болѣе выгоды первой, чѣмъ послѣднему; ибо Венеціанцы несомнѣнно имѣли больше торговыхъ оборотовъ въ Сербскомъ царствѣ, чѣмъ Сербы въ Венеціи. Лъстивою формою своего отвѣта по этому пункту республика хотѣла не болѣе, какъ подсластить Душану горечь отказа на самое главное его предложеніе—идти вмѣстѣ на Царьградъ. Въ послѣднемъ случаѣ ей уже ничего не оставалось, какъ прямо отклонить предложеніе

---

¹⁾ Ibidem. 183.

недальновиднаго царя. Походъ на Константинополь представлялся ей весьма рискованнымъ предпріятіемъ. Прежде чѣмъ добраться до столицы восточнаго міра, ей предстояло одолѣть своего постоянного врага — Геную, имѣвшую свои такіе же хищные виды на востокѣ; но и это одно уже было для нея не легко. Она готовилась къ этой борьбѣ, которая становилась необходимою и, не считывая на свои силы, искала союза съ византійскимъ императоромъ. Затѣмъ она хорошо видѣла, что всякое новое покушеніе на Царьградъ встрѣтитъ еще сильный отпоръ и со стороны Грековъ и со стороны Турокъ. Сдѣланный Венеціей шагъ къ сближенію съ Кантакузиномъ, какъ мы сказали уже, ясно опредѣлялъ политическое положеніе, которое республика собиралась занять въ предстоящихъ событіяхъ на Востокѣ. Только Душанъ не хотѣлъ понять его. Наконецъ вспомнимъ, что Венеціанцамъ теперь дѣйствительно было не до новыхъ предпріятій; кромѣ войны съ Генуей, имъ приходилось быть на готовѣ противъ Угровъ, грозившихъ отнять у нихъ Далмацію. Награда, которую царь сулилъ Венеціи въ случаѣ удачнаго исполненія его грандіознаго плана, не могла особенно манить республику. Она рассчитывала получить ее и другимъ болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ путемъ. Галата, въ случаѣ удачной войны съ Генуей, могла достаться ей и изъ рукъ самихъ Византійцевъ, которые рады были избавиться отъ владѣвшихъ ею Генуэзцевъ. Деспотство, подъ которыхъ Душанъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, бывшее деспотство Эпирское, Венеціанцы надѣялись получить и такъ, путемъ своей искусной дипломатіи. У Душана они уже торговали Арту, у Роберта Тарентскаго остатки Анжуйскихъ владѣній, Корфу, Кефалію, Закинфъ, Буеротонъ. Въ 1350 г. для Арты былъ даже назначенъ дукъ съ двумя совѣтниками ¹⁾. Дѣло это не уладилось, вѣроятно, потому только, что и Венеція и Душанъ должны были сосредоточить все свое вниманіе на новыхъ войнахъ.

Весьма любопытно, что и этимъ столь яснымъ отказомъ Душанъ не удовлетворился. Черезъ мѣсяцъ онъ снова предложилъ

¹⁾ Н o p f. Griechenland im Mittelalter. *Encyclop. von Ersch u. Gruber.* Bd. 85. p. 445 (Grazie IX fol. 735: Universi Vol. I fol II v. 35 v.).

Венеціи оказать ему помощь противъ Византіи, и, конечно, неудачно ¹⁾. На этотъ разъ въ венеціанскихъ источникахъ, къ сожалѣнію, не сохранилась форма, въ которой царь возобновилъ свою просьбу. Занимательно было бы знать, съ какими новыми посулами республикѣ онъ выступилъ въ этомъ послѣднемъ своемъ обращеніи къ ней. Окончательный и категорическій отвѣтъ Венеціи послѣдовалъ 3 мая. Дипломъ на венеціанское гражданство, пересланный Душану въ концѣ того же мѣсяца, долженъ былъ смягчить горечь неприятнаго для него отказа. Но этого было уже недостаточно. Чувство досады, вызванное въ царѣ этою неудачею, было слишкомъ велико, чтобы остаться не выраженнымъ. Только теперь онъ начиналъ догадываться, что отъ Венеціи ему нечего ждать, что всѣ старанія его склонить республику къ союзу напрасны. Если у него еще и оставалась надежда на возможность этого союза въ будущемъ, то въ данное время онъ переживалъ полное разочарованіе, которое не могло не охладить его отношеній къ Венеціанцамъ. Прежнее расположеніе его къ республикѣ кончилось, да и больше не возобновлялось. Послѣдующія событія все болѣе раскрывали иллюзіи царя, все яснѣе доказывали ему, что сама Венеція не въ состояніи доставить ему столь желаемое имъ обладаніе восточною столицею міра. До полного разрыва между ними, какъ и слѣдовало ожидать, теперь не дошло, тѣмъ не менѣе Душанъ все таки далъ почувствовать республикѣ свое негодованіе, хотя и тутъ не сумѣлъ поступить съ должною расчетливостію и предусмотрительностію. Онъ ограничился тѣмъ, что поугалъ немного Венеціанцевъ; но за то и на себя принялъ бѣду, имѣвшую для него немаловажныя послѣдствія.

Въ сентябрѣ 1350 г. Венеціанцы начали военныя дѣйствія противъ Генуэзцевъ ²⁾. Около того же времени двинулся въ походъ и Душанъ, но только не на востокъ. Ожиданія его на счетъ Со-

---

¹⁾ Ljubić Monumenta III 181. .... quod ad ambassatam domini regis Russie petentis auxilium nostrum contra imperium Romanie, respondeatur cum verbis, quibus pridie responsum fuit alteri ambassatori, et cum aliis, que dominio videbuntur excusando nos a dicta requisitione sua.

²⁾ См. выпускъ I. стр. 115.

дуни не облысь. Сношенія съ Змлотами не привели ни къ чему, демократическая партія, сочувствовавшая Сербамъ, была побѣждена союзомъ всѣхъ остальныхъ, которыя рѣшились мужественно отстаивать городъ противъ иноземцевъ и звали на помощь Кантакузина ¹⁾. Въмѣсто того, чтобы попытаться силою овладѣть городомъ, или по крайней мѣрѣ загородить, насколько возможно, доступъ къ нему посторонней военной помощи, нашъ царь совсѣмъ отворачивается отъ востока и со всѣми силами на правляется на западъ. Для объясненія такого страннаго образа дѣйствій нужно допустить двѣ причины: Душанъ, новидимому, сознавалъ, что безъ флота и съ Солунью ему ничего не сдѣлать; затѣмъ ему хотѣлось, хотя бы немного, досадить Венеціи, поступить наперекоръ ея желанію. Дѣло вотъ въ чемъ.

Изъ приведенныхъ выше предложеній Душана, сдѣланныхъ республикѣ въ 1350 г. и отвѣтовъ на нихъ мы видѣли, что между сербскими царемъ и боснійскимъ баномъ происходили въ это время серьезныя нелады. Къ самымъ неладамъ мы обратимся въ слѣдующей главѣ. Здѣсь укажемъ только то, что Венеція была чрезвычайно ослаблена, чтобы нелады не перешли въ открытую войну между двумя сосѣдями. Такая война была весьма нежелательна для республики. Она боялась пораженія бана, въ которомъ рассчитывала видѣть союзника себѣ въ борьбѣ съ королемъ угорскимъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ у ней былъ невольный страхъ за Дубровникъ и другія свои владѣнія въ Далмаціи, на которыя легко и съ полнымъ правомъ могъ обратить свой взоръ властолюбивый Душанъ особенно въ случаѣ побѣды надъ баномъ. Однимъ словомъ, Венеція хотѣлось, чтобы сербскій завоеватель не переступалъ съ своими дружинами западной границы своего царства. Поэтому-то она употребляла всѣ усилія на то, чтобы примирить царя съ баномъ ²⁾. Устраненіе главнаго повода къ несогласію, вызванному ограбленіемъ и занятіемъ Босняками нѣсколькихъ пограничныхъ сербскихъ мѣстностей, не могло представить большихъ затрудненій. Въ апрѣльскихъ переговорахъ съ республикою Душанъ выражалъ

¹⁾ Ср. тамъ-же 103. 104.

²⁾ Ljubić. Monumenta. III. 119. 177.

готовность возстановить миръ и согласіе съ баномъ, если послѣдній согласится удовлетворить за вредъ, нанесенный имъ Сербамъ. Послѣ очерченныхъ нами предшествовавшихъ отношеній Душана къ Венеціи, столь поражающихъ своимъ занскивающимъ, угодливымъ тономъ, трудно допустить, чтобы царь находилъ для себя невозможнымъ уладить такъ либо иначе дѣло съ слабымъ сосѣдомъ и тѣмъ доставить удовольствіе своей желанной союзницѣ. Между тѣмъ послѣ окончательнаго отказа республики отъ союза противъ имперіи Душанъ видимо обнаруживаетъ упорство и неуступчивость въ своихъ требованіяхъ по отношенію къ бану. 11 янв. того же 1350 г. Венеція послала по одному уполномоченному къ бану и царю для примиренія ихъ ¹⁾. Но посольства не могли добиться успѣха. Въ сентябрѣ Сенатъ снова предписывалъ посламъ употребить всѣ мѣры къ прекращенію распри между сосѣдями ²⁾. Однако всѣ старанія были тщетны; Душанъ, очевидно, собирався воевать съ Босною. 6 октября отъ республики было послано венеціанскимъ посламъ въ Сербіи приказаніе, чтобы они въ виду дурныхъ намѣреній, предпринимаемыхъ царемъ, не прежде покинули его страну, какъ увѣрятся въ полной безопасности Дубровника, Стона и другихъ владѣній республики ³⁾. Не ясно ли изъ всего этого, что, устремляясь войною на Босну, Душанъ, между прочимъ, хотѣлъ отплатить Венеціи за отказъ отказомъ и возможно нагляднѣе показать ей свою силу? Безъ сомнѣнія, тутъ были, какъ увидимъ ниже, и другіе мотивы. Такъ, весьма вѣроятно, ему присуще было простое желаніе пожать побѣдныя лавры на западѣ, послѣ того, какъ на востокѣ уже начинались нѣкоторыя помѣхи. Но главнымъ мотивомъ оставался первый указанный. Западъ никогда не манялъ къ себѣ Душана; между тѣмъ на имперію сосредоточивались всѣ его мечты. Если теперь на время онъ бросается въ другую сторону, то именно подъ вліяніемъ неуспѣха своего проекта о союзѣ противъ Византіи. Ему надо было сорвать на комъ-нибудь неудачу своихъ обращеній къ Венеціи, а

¹⁾ Ibidem. III. 189.

²⁾ Ibidem. 199.

³⁾ Ibidem.

обстоятельства весьма к стати толкали подъ его удары одного изъ друзей республики—бана. Вотъ на него-то и обрушился царь съ обычною своею порывистостью, отбросивъ въ сторону всякія предосторожности относительно востока. Походъ въ Босну дѣйствительно вышелъ триумфомъ; за то для новопріобрѣтенныхъ областей его царства онъ отозвался весьма чувствительными бѣдствіями.

По свидѣтельству одного весьма достовѣрнаго источника, Душанъ вступилъ въ Босну съ 80,000 войскомъ ¹⁾. Цифра эта для того времени очень большая. Соображая давныя, имѣющіяся о размѣрахъ военныхъ силъ, которыми вообще могъ располагать сербскій царь, нужно думать, что онъ забралъ съ собою почти все, что было разсыяно въ предѣлахъ его царства. Дѣйствительно Македонія и Албанія остаются теперь совсѣмъ беззащитными ²⁾. Изъ подъ Солуни войска были отозваны. По городамъ и мѣстечкамъ оставались сербскіе владетели съ весьма ничтожными гарнизонами. Въ самой главной крѣпостцѣ, на которую возлагалась оборона страны, въ прекрасно укрѣпленной Веррин сербскій отрядъ, кромѣ наемныхъ Германцевъ, состоялъ всего изъ 1,500 чел. ³⁾. Этою беззащитностью завоеванныхъ у Византіи земель и думалъ воспользоваться бывший другъ, а потомъ врагъ Душана, теперь уже носившій императорскую корону, энергическій и предприимчивый Іоаннъ Кантакузинъ. Оставаясь при высокомъ мнѣніи о прочности своего могущества, Душанъ, повидимому, не ожидалъ для себя съ этой стороны ни малѣйшей опасности. Между тѣмъ новый императоръ уже съ первыхъ дней по вступленіи на престолъ былъ серьезно озабоченъ изысканіемъ способовъ къ задержанію сербскаго царя на пути завоеваній и къ возвращенію имперіи потерянныхъ областей на западѣ. По-

---

¹⁾ Resti. *Chroniche di Raugia*: e..portata tutto alla notizia dell' Imperatore di Rasca, il quale aveva già masso guerra al Bano ed era entrato con un esercite di ottanta milla uomini in Bossina.

²⁾ Это хорошо видно изъ разказа Кантакузина о событіяхъ, происходившихъ въ этихъ мѣстахъ въ 1350 г., не смотря на замѣтное его стремленіе представить положеніе непріятеля въ возможно лучшемъ видѣ и тѣмъ увеличить славу своихъ военныхъ подвиговъ. *Santacuz*. IV. cc. 18. 19.

³⁾ *Ibidem*. Vol. III. p. 124.

пытая склонить его въ миру переговорами не удалась. О борьбѣ своими силами нечего было и думать. Тяжелое, безвыходное положеніе государства не позволяло Кантакузину выставить противъ Душана свои сколько нибудь значительныя войска. За то онъ рѣшился воспользоваться для своихъ плановъ орудіемъ обоюдоострымъ, новою силою, все болѣе прибрѣтавшею себѣ грозное значеніе на востокъ. Силою этого, какъ безъ сомнѣнія догадывается читатель, были Турки-Османы, уже оказавшіе Кантакузину большія услуги въ его борьбѣ съ внутренними врагами. Опасность со стороны этихъ союзниковъ императора и просмотрѣлъ Душанъ въ свое время, въ чемъ встрѣчается новое доказательство его недалновидности. Уже въ 1347 г. 10,000 Турокъ, предводимые сыномъ Орхана, Сулейманомъ, сопровождавшіе византійскій отрядъ Матвіа Кантакузина, грабили и опустошали восточные предѣлы Сербскаго царства ¹⁾. Теперь, получивъ отъ солунскаго патріота Алексія Метохиты приглашеніе немедленно слѣзти для занятія Солуни, Іоаннъ Кантакузинъ снова обратился къ Орхану. На этотъ разъ Сулейманъ явился уже съ 20,000. Страшная участь ожидала владѣнія сербскаго царя, еслибъ до нихъ успѣли добраться эти хищныя полчища. Къ счастью, съ половины дороги они были отовваны въ Азію, и вмѣсто сербскихъ опустошили, уже на обратномъ пути, болгарскія земли ²⁾. Это обстоятельство, впрочемъ, не избавило Сербское царство отъ нашествія варваровъ. Кантакузинъ нашелъ себѣ такихъ же союзниковъ, какъ и покинувшіе его Османы, хотя не столь многочисленныхъ. Это были Турки, только что прибывшіе на 22-хъ судахъ въ берегамъ Македоніи и стоявшіе въ устьяхъ Стримона. При помощи ихъ Кантакузинъ прошелъ до Солуни, былъ признанъ здѣсь императоромъ и очистилъ окрестности города отъ Сербовъ. Одни изъ нихъ изъ страха сами покинули занимаемыя позціи, другіе были разбиты императоромъ ³⁾. Такъ начались успѣхи Кантакузина въ Македо-

¹⁾ Cantac. IV. c. 5. Vol. III. p. 82.

²⁾ Ibidem. p. III. 116. См. Выпускъ I. стр. 104.

³⁾ Cantac. . . . . Vol. III. 117. 118. τούς τε Τριβαλούς τῶν περὶ τὴν πόλιν φρουρίων ἐξήλασε, τοὺς μὲν δρακетеύοντας καὶ πρὸ τῆς συμβολῆς, ἐνίοους δὲ καὶ μάχαις, πέμπτων στρατιῶν. καὶ ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ καθάραν ἀπεδείκνυ χώραν πολεμίων.

нин. Мы не станем слѣдить за ходомъ войны, въ концѣ концовъ не имѣвшей особенно счастливаго исхода для Византіи ¹⁾. Въ своемъ очеркѣ исторіи Византіи мы достаточно остановились на важнѣйшихъ фактахъ. Припомнимъ здѣсь только общія черты экспедиціи и внесемъ нѣсколько новыхъ подробностей въ дополненіе къ сказанному.

Пользуясь отсутствіемъ Душана и беззащитностью его восточныхъ владѣній, Кантакузинъ въ теченіе нѣсколькихъ осеннихъ мѣсяцевъ отвоевалъ юго-западную часть Македоніи, всю Вотію, проникъ въ Албанскія земли и въ Эссалию. Верріа, Едесса, Старикола, Петра, Соско, Дивра, Островъ, Нотин, Ликостомонъ и Кастри—вотъ города которые были возвращены имперіи. Все это довольно легко досталось Кантакузину. Турки были главными дѣятелями. Жестокія опустошенія и насилія ихъ отрядовъ, доходившихъ до царской столицы Скопін, наводили ужасъ на мѣстныхъ сербскихъ правителей, сѣвѣннѣйшихъ заявить свою покорность императору ²⁾. Дипломатическія способности Кантакузина, его умѣнье всёхъ располагать къ себѣ, всюду находить союзниковъ также много объясняютъ его успѣхи. Нѣкоторые изъ Сербовъ являются его старыми знакомыми съ достопамятнаго для него времени пребыванія его при дворѣ Душана и потому уже переходятъ на его сторону. Однимъ изъ такихъ былъ правитель Амфинола Браянъ (Μπραϊάνης), указавшій Кантакузину на Турковъ, стоявшихъ въ устьяхъ Стримона, нагъ на хорошихъ союзниковъ ³⁾. Затѣмъ царственный лѣтописецъ называетъ двухъ именитыхъ влстелей, которые будто бы прямо предлагали ему свое содѣйствіе для войны съ Душаномъ. Это были: родственникъ короля—Хлѣпанъ, (Χλέπανος) человекъ весьма богатый и имѣвшій въ своемъ распоряженіи значительный военный отрядъ ⁴⁾ и Томиславъ или Толиславъ (Τολισλάβος), особа менѣе знатная, но также вѣ-

¹⁾ Cantacuz. 1. IV. cc. 18. 22. Vol. III. p. 118. 165.

²⁾ Ibidem. 134: οὕτω πάσαι πόλεις κατεσίσθησαν τῷ φόβῳ τότε καὶ προσχωρεῖν ἐβούλοντο ἔχουσαι βασιλεῖ πρὶν ἐναρκασθῆναι.

³⁾ Ibidem. p. 116.

⁴⁾ Ibidem. 135: στρατὸν τε ἔχων ὄφ' ἐπιστὸν σὺν εὐκαταρρήτητον καὶ πολλῆν περιουσίαν.

давшая управление городами и имѣвшая начальство надъ войсками ¹⁾. Мы не рѣшаемся вполне принять это свидѣтельство Кантакузина. Измѣна со стороны сербскихъ влaстелей была очень возможна, такъ какъ недовольныхъ правленіемъ Душана въ Сербіи было не мало. Но едва ли названнаи лица располагали большимъ количествомъ войска и вообще могли оказать императору дѣятельную помощь. Иначе трудно допустить, чтобы Кантакузинъ отказался воспользоваться ею. Несомнѣннымъ преувеличеніемъ отзывается и все то, что разказывается Кантакузиномъ о безысходномъ положеніи Скопїи, будто бы изъявлявшей готовность подчиниться императору. Скопїя въ это время была уже чисто сербскимъ городомъ, въ которомъ трудно допустить такое тяготивіе къ Византіи, какое старается приписать ей нашъ историкъ. Не могъ и Душанъ отказаться ей въ помощи, если городъ дѣйствительно послалъ за ней въ Восну, какъ утверждаетъ Кантакузинъ ²⁾. Что нѣкоторые Сербы переходили на сторону Византійцевъ не искренне, а по нуждѣ, это видно изъ примѣра правителя Гивекокастра, нѣкоего Волка или Вука (Βελκος), который далъ ложную присягу императору, а потомъ примкнулъ къ Душану, когда послѣдній вернулся спасать свои завоеванія ³⁾. Изъ всѣхъ перечисленныхъ городовъ только Едессу Кантакузину пришлось брать открытою силой. Самый укрѣпленный изъ нихъ Веррїя достался ему хитростью, при содѣйствїи одного облагодѣтельствованнаго имъ жасуха. Всѣ остальные города добровольно сдались. Занятіемъ этихъ городовъ собственно и ограничили военные успѣхи Кантакузина. Попытка его взять неприступную крѣпостку Сервию, закрывавшую доступъ во внутрь Фессалїи не удалась. Ее оборонялъ самъ правитель страны—любимецъ Душана Прилуцъ, столь прославившійся даже у Византійцевъ, своими умомъ, неустрашимостью и званіемъ военного дѣла ⁴⁾. Главные пособники импера-

¹⁾ Ibidem: ὁ λοιπὸς δὲ οὐ τῶν πάνυ περιδόξων ἦν, πλὴν κάκαϊνος ἀρχάς τε πόλεων ἐγκχευρισμένος καὶ στρατοπέδων ἡγεμονίας, ὄνομα Τολισθλαβός.

²⁾ Ibidem. 133. 134.

³⁾ Ibidem. p. 136.

⁴⁾ Ibidem p. 180: ἤς ἤρχε μετὰ τῆς ἄλλης Θεσσαλίας Πραξιλαμπος τῶν κατὰ Κράλη δυνατῶν, δὲ μάλιστα ἐδόκει εὐνοίαι καὶ εὐτολμία καὶ τῇ περὶ τὰ πολέμια τῶν

тора Турки, вдоволь награбившись въ названныхъ областяхъ, вернулись на свои суда, для поисковъ новой добычи въ новыхъ мѣстахъ. Съ своимъ ничтожнымъ войскомъ Кантакузинъ, понятно, ничего не могъ предпринять. Сперва онъ поспѣшилъ отступить къ Верри, затѣмъ окончательно вернулся въ Солунь.

Въ это то время, т. е. въ ноябрѣ или декабрѣ 1350 г. явился въ Македонію Стефанъ Душанъ, вызванный изъ Босны тревожными вѣстiями, шедшими изъ юго-восточныхъ предѣловъ его царства. Слѣды турецкаго нашествiя должны были произвести на него не-пріятное впечатлѣніе. Подъ вліаніемъ этого впечатлѣніа и въ виду неоконченности дѣлъ въ Боснѣ, онъ готовъ былъ примириться съ Кантакузиномъ, при чемъ въ основаніе примиренiа не оспори-мо потребовалъ возвращенiа отнятыхъ у него городовъ. Но такъ какъ они ни на чемъ не сговорились ¹⁾, то Душанъ немедленно присту-пилъ къ военнымъ дѣйствiямъ, которыя кончились вытѣсненіемъ Византійцевъ почти изъ всѣхъ занятыхъ ими мѣстностей въ Ма-кедоніи. Для Душана это было не трудно. Войска изъ Босны у него было приведено достаточно и Кантакузинъ, чувствуя свое безсиліе, совсѣмъ отказался отъ активнаго сопротивленiа. Оставивъ въ Солуни зятя, Іоанна Палеолога, самъ онъ поспѣшно уѣхалъ въ Царьградъ, гдѣ его ждали уже новыя тревоги и заботы. Тотчасъ послѣ его отѣзда Душанъ подступилъ къ Едессѣ. Городъ вынуж-денъ былъ сдаться и подвергся за свое отпаденіе ужасному раз-грабленію и разрушенію. Георгій Ливикъ, оставленный Кантакузи-номъ оборонять Едессу, сдѣлался первою жертвою мести Душана за предшествующiа удача Византійцевъ. На этого храбраго коман-данта, получившаго тяжелую рану при оборонѣ горада, царь не-годовалъ еще за старое пораженіе, понесенное имъ подъ Косту-ромъ при жизни Андроника. Бѣдному воякѣ, по словамъ Канта-кузина, вырвали бороду въ присутствіи Душана и затѣмъ зако-ваннаго отправили въ Скопію. Измученный страданiями отъ раны

ἄλλων προέχουσιν ἑπιτερίσσει. У Кантакузина приводится любопытное описаніе не-приступныхъ позвнцій Сервіи и ея укрѣпленій и маловѣроятный разказъ о сис-темахъ обороны, принятой Прилукомъ.

¹⁾ О самыхъ переговорахъ см. вступокъ I стр. 107. 112.

и нравственными потрясеніями, онъ скончался на дорогѣ ¹⁾. Это произошло уже въ январѣ 1351 г. О томъ, когда и какъ Византійцы должны были вновь очистить занятые ими города въ Македоніи, Вотиѣ и Тессаліи, у Кантакузина нѣтъ ни слова ²⁾. Но и это очищеніе несомнѣнно послѣдовало въ очень скоромъ времени. Весною 1351 г. Душанъ уже имѣлъ возможность вернуться на западъ для войны съ Босной ³⁾. Съ другой стороны, на церковномъ соборѣ, созванномъ въ 1351 г. для осужденія ученія Варлаама и Акиндина присутствовали только еракійскіе епископы, потому что, по словамъ Григоры, кромѣ Эракіи въ это время ни одной области не оставалось за Греками ⁴⁾.

Такимъ образомъ успѣхи Кантакузина оказались весьма ничтожными и скоропреходящими. Тѣмъ не менѣе въ глазахъ Душана они должны были имѣть весьма важное значеніе. Теперь предъ нимъ все болѣе начиналъ выясняться длинный рядъ преградъ, которыя закрывали ему дорогу къ столь приглававшемуся ему Цареграду. Онъ видѣлъ, что Кантакузинъ, окончательно ставъ во главѣ управленія имперіей, при всемъ стѣснительномъ положеніи, въ которомъ онъ находится, обнаруживаетъ такую энергію, такую находчивость, такое умѣнье пользоваться обстоятельствами, что вести борьбу лично съ нимъ будетъ очень не легко. Самое главное, для него теперь открылось, какую громадную силу составляютъ Турки, которыхъ столь искусно дѣлаетъ орудіемъ борьбы противъ своихъ враговъ этотъ, теперь ненавистный ему императоръ. Къ воспоминаніямъ о пораженіи подъ Стефаніаною теперь присоединились печальныя картины разоренія и опустошенія въ Македоніи, нанесеннаго все тѣми же варварами. Но это нашествіе ихъ съ Кантакузиномъ уже было не единственное. Мелкія нападенія и грабежи производились ими въ Македоніи и Тессаліи

---

¹⁾ Cantacuz. IV. c. 22. Vol. III. p. 161. 162.

²⁾ У современника Кантакузина—Никифора Григоры нѣтъ никакихъ упоминаній объ этой войнѣ между Душаномъ и Византійцами.

³⁾ Resti Chroniche di Raugia подъ 1351 г.

⁴⁾ Niceph. Gregorae. XVIII. c. 3 p. 883. καπειδῆ Ἐρακίης ἐπέκεινα πλείων οὐκ ἦν ἐπαρχία Ῥωμαίους, μόνους τοὺς Ἐρακίκοὺς εὐθὺς μεταπέμπεται (т. е. Кантаку-
ζинѣ) ἐπισκόπους...

также часто как во Фракии ¹⁾. Изъ послѣдней должны были доходить до Душана особенно тревожныя извѣстія о постоянныхъ движеніяхъ турецкихъ полчищъ по этой странѣ и ихъ нападеніяхъ на сосѣднюю Болгарію. Изъ всего этого вмѣстѣ необходимо создавалось представленіе о Туркахъ, какъ страшной силѣ, которая свободно хозяйничала на полуостровѣ, отъ которой каждому приходилось оберегать свое достоинствѣ, и столкновенія съ которою нельзя было избѣжать при дальнѣйшемъ движеніи къ столицѣ восточно-православнаго міра. Наконецъ теперь сербскій царь могъ, такъ сказать, во очію убѣдиться въ невозможности получить отъ Венеціи когда-либо и какую-либо помощь, направленную противъ имперіи. Еще въ то время, когда Кантакузинъ занялъ Солунь, Венеціанцы приглашали его принять участіе въ войнѣ съ Генуей. Въ 1351 и 1352 г. они уже открыто являются союзниками ²⁾. Вотъ когда только Душанъ могъ сознать всю бесполезность своихъ продолжительныхъ ухаживаній за умною и практическою республикою!

Всѣхъ этихъ противопозказаній, однакожъ, оказалось еще недостаточно, чтобы остановить нашего завоевателя въ его неудержимомъ стремленіи къ обладанію всею Греческою имперією. Онъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ политическихъ мечтаніяхъ и слишкомъ долго останавливался на нихъ, чтобы вдругъ отказаться отъ нихъ. Попытаться такъ либо иначе осилить воздвигнутыя на его пути преграды ему кажется обязательнымъ для него. И вотъ, мы видимъ, Душанъ снова сосредоточиваетъ все вниманіе на юго-востока, то онъ погружается въ тайные планы и политическія комбинаціи, то выступаетъ съ вооруженною силою. Но вездѣ и во всемъ его преслѣдуютъ однѣ неудачи.

Первая свѣтлая мысль, озарившая Душана, состояла въ томъ, чтобы подружиться съ Турками - Османами и, такимъ образомъ отвлекши эту грозную силу отъ Кантакузина, перетянуть ее къ себѣ. Способъ, какъ лучше это сдѣлать, открывался ему въ недавнемъ примѣрѣ самого византійскаго императора, пожертво-

¹⁾ Greg. XVI. c. 6. 7. p. 835. XXVI. c. 33. Vol. III. p. 39.

²⁾ См. выпускъ I стр. 115. 118.

вашаго родноу дочерью ради снисканія дружбы и помощи тѣхъ же Турокъ. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на могущественнаго царя, по чести и достоинству не уступавшаго императору, незаконно занимавшему цареградскій престолъ, и рассчитывалъ, что родственнии союзъ съ нимъ, какъ таковымъ монархомъ, повелитель невѣрныхъ признаеть для себя весьма почетнымъ и выгоднымъ, что безъ сомнѣнн и поведеть къ взаимному между ними расположенію. Такъ было имъ задумано, такъ было и поступлено. Въ 1351 г. послы сербскаго царя предстоили предъ Орханомъ, просили его о заключеніи договора и предлагали царскую дочь въ супружество одному изъ сыновей верховнаго главы Османовъ ¹⁾. Варваръ сочувственно принялъ предложеніе и отправилъ уже пословъ къ царю какъ для заключенія договора, такъ и для рѣшенія вопроса о бракѣ. Но имъ не суждено было дойти до мѣста назначенія. Кантакузинъ и тутъ сумѣлъ разстроить дѣло, хотя и съ большимъ пожертвованіемъ для себя и имперіи. Турецкіе уполномоченные, ѣхавшіе въ сопровожденіи сербскихъ пословъ, близъ Родоста подверглись нападению со стороны зятя Кантакузина, бывшаго деспота эвирскаго Никифора. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другіе взяты въ плѣнъ, а находившіеся при нихъ богатые дары захвачены разбойниками. Этотъ дерзкій поступокъ привелъ въ страшное негодованіе Орхана. Онъ порвалъ съ Кантакузиномъ, подвергнувъ жестокии опустошеніяиъ Тракію и угрожалъ самому Константинополю ²⁾. Кантакузинъ перенесъ всю эту бурю, но въ концѣ нояцовъ достигъ своей цѣли. О возобновленіи сношеній Душана съ Орханомъ нѣтъ болѣе извѣстій; между тѣмъ византийскій императоръ, черезъ годъ послѣ этого случая, снова является въ дружбѣ съ Турками ³⁾. Такимъ образомъ и здѣсь сербскій царь не могъ соперничать съ ловкимъ и умнымъ Кантакузиномъ.

¹⁾ Gregor. I. XXVI. c. 84. Vol. III. p. 100: *προσβείαν δ τῶν Τριβαλιῶν πρό βασιλέος ἡγεμόν ἑκατόμφοι, πρὸς γάμου ἑστῶν κοινωμίαν συνάσαι τὴν ἐαυτοῦ θυγατέρα τῶν τοῦ Ὀρχανοῦ τοῦτου παίδων ἐνί....*

²⁾ Gregor. XXVI. cc. 52. 53. 54.

³⁾ Впускъ I, стр. 120. 123. 125. О дальнѣйшей участи дочери Душановой, упоминаемой единственно въ вышеприведенномъ мѣстѣ исторіи Григоря, не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Посольство Душана къ Орхану съ указанными дѣлами составляетъ весьма характерное событіе разсматриваемой эпохи. По поводу его мы позволимъ себѣ сдѣлать одно небольшое замѣчаніе. Въ нашей и западно-европейской исторической литературѣ, посвященной византійской имперіи, довольно прочно установился взглядъ, по которому на Іоанна Кантакузина взывается вся отвѣтственность за первоначальное утверженіе Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Обыкновенно представляютъ дѣло такъ, что этотъ несчастный императоръ призваніемъ варваровъ противъ своихъ личныхъ и государственныхъ враговъ первый указалъ и проложилъ имъ дорогу въ Европу. Сербскіе историки, которыхъ воззрѣнія перешли и въ школьные учебники, особенно рѣзко отгнѣняютъ это призваніе варваровъ противъ Душана, который такимъ образомъ изображается борцемъ противъ ислама, защитникомъ интересовъ всего восточно-православнаго міра. Въ своемъ „очеркѣ Византіи“ мы старались доказать всю несправедливость и односторонность такого взгляда. Изъ собранныхъ нами историческихъ свидѣтельствъ, по нашему мнѣнію, достаточно выясняется, что и безъ Кантакузина, Турки сами по себѣ своими постоянными набѣгами проложили себѣ путь къ завоеванію Фракіи; что успѣхамъ и безнаказанности ихъ нашествій содѣйствовало печальное внутреннее положеніе Греко-славянскаго міра; что, наконецъ, ни у одного изъ политическихъ дѣятелей разныхъ государствъ и народовъ, дѣйствующихъ въ данное время въ предѣлахъ этого міра, не видно ни малѣйшаго сознанія грозной опасности отъ надвигающейся мусульманской силы; никто изъ нихъ не предпринимаетъ серьезныхъ мѣръ для задержанія этой силы; напротивъ, всѣ стараются вступать съ нею въ компромиссы для узко-эгоистическихъ цѣлей, такъ что Кантакузинъ въ этомъ отношеніи не представляетъ особаго исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, если неоспоримо, что Кантакузинъ устанавливаетъ тѣсныя связи съ Турками, усиленно пользуется ихъ помощію, то съ другой стороны, мы видимъ, что мысль о такомъ же союзѣ съ варварами заняты и Венеціанцы и Генуэзцы, эти привелигированные защитники христіанства противъ исламизма. Достаточно вспомнить генуэзско-венеціанскую войну 1351 и 1352 г., когда противники на-перерывъ засыпали

Орхана дорогими подарками, чтобы добиться от него желаемой военной помощи ¹⁾. Совершенно такое же отношение къ Туркамъ замѣчается и со стороны нашего Душана. Приведенное свидѣтельство Никифора Григоры устраняетъ возможность признать какое либо основаніе въ сербскомъ взглядѣ, приписывающемъ первому сербскому царю какую-то сознательную борьбу съ невѣрными. Въ отношеніи глубины пониманія совершавшихся политическихъ событій Душанъ отнюдь не стоялъ выше другихъ своихъ современниковъ. Никакого особеннаго политическаго провидѣнія у него не было. Онъ видѣлъ и чувствовалъ тягость турецкихъ нашествій, но о какой либо организованной систематической борьбѣ съ варварами не помышлялъ, столкновенія его съ ними были чисто случайныя. Напротивъ, онъ искалъ союза съ ними, рассчитывая этимъ съ одной стороны обезопасить свои владѣнія отъ опустошеній, а съ другой — имѣть помощь противъ Византійцевъ. Дѣло только въ томъ, что ему не удалось осуществить этотъ союзъ что, безъ сомнѣнія, не могло его не огорчать. Никто, конечно, не станетъ совершенно оправдывать и Кантакузина; нельзя снять съ него всей вины за печальныя событія, приведшія къ утверженію Турокъ въ Европѣ, но не нужно забывать, что и не одинъ онъ виноватъ. И Стефанъ Душанъ быть можетъ также водилъ бы съ собою турецкія полчища по полуострову, какъ водилъ ихъ Кантакузинъ, если бы послѣдній не предупредилъ его и не помѣшалъ ему сойтись съ Орханомъ. Такое ужъ было тогда тревожное, беспорядочное время!

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Душанъ былъ занятъ мыслью о союзѣ съ Орханомъ, въ его головѣ складывался планъ вмешательства въ усобицы, вновь угрожавшія вспыхнуть въ Византійской имперіи. Партія Палеологовъ, отстаивавшая права обпженнаго юнаго императора, пользуясь неудачей Кантакузина во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ, готовилась къ открытому возстанію. Этимъ случаемъ и думалъ воспользоваться сербскій царь. Принимая сторону Палеолога, онъ рассчитывалъ тѣмъ легче проинкнутъ во Фракію, тѣмъ скорѣе найти возможность къ нападенію

¹⁾ Gregor, XXVI. с. 17. с. 88. Ср. также выпускъ I, стр. 118.

на Царьградъ. Уѣзжая въ началѣ 1351 г. изъ Македоніи Іоаннъ Кантакузинъ оставилъ въ Солунѣ Іоанна Палеолога. Приверженцы царевича тотчасъ же по его отъѣздѣ вступили въ сношенія съ Душаномъ. Вскорѣ затѣмъ онъ и самъ вступилъ въ переговоры для чего пріѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ окрестности Солунѣ. Всѣхъ подробностей переговоровъ не сохранилось ¹⁾. Но суть дѣла состояла въ томъ, что сербскій царь предлагалъ Палеологу свое содѣйствіе въ его борьбѣ съ тестемъ, а Палеологъ долженъ былъ за это отослать въ Сербію свою жену Елену, дочь Іоанна Кантакузина и жениться на свояченицѣ Душана, несовершеннолѣтней сестрѣ болгарскаго царя Александра ²⁾ Изъ того, что Душанъ предлагалъ въ супружество императору свояченицу, а не дочь, нужно думать, что послѣдняя въ это время была уже просватана за одного изъ синовей Орхана. Не трудно понять всю глубину замысловъ, которые скрывался въ этомъ предложеніи царя. Онъ хотѣлъ не только съ фактической, но и съ правовой стороны облегчить себѣ приобрѣтеніе полнаго обладанія имперією. Но и этотъ проектъ постигла такая же печальная участь, какъ и турецкій. Въ самую рѣшительную минуту въ Солунѣ прибыла императрица Анна, присланная Кантакузиномъ и успѣла на столько повліять на сына, что онъ прервалъ сношенія съ Душаномъ ³⁾. Палеологъ

¹⁾ Кантакузинъ (IV. с. 27. p. 201. 209) передаетъ ходъ сношеній въ такомъ порядкѣ. Душанъ подкупами и подарками старался привлечь на свою сторону лицъ, окружавшихъ Палеолога. Уступая совѣтамъ этихъ лицъ, Палеологъ посылаетъ наконецъ уполномоченныхъ къ царю съ просьбою о помощи. Тогда-то Душанъ съ супругою явился къ Солунѣ и уже заключилъ самый договоръ. Въ чемъ состояли условія договора, нашъ историкъ ничего не говоритъ. Григора (XXVII с. 27. Vol. III. p. 148), инициативу сношеній прямо приписываетъ Душану.

²⁾ Niceph. Gregor. XXVII. с. 27. p. 148: χρόνον οὖν τινὰ τῷ κράτῃ Σερβίας ἐπιτιθεμένῳ καὶ ἀπειλοῦντι μεγίστους αὐτῷ περιστάσεις κινδύνους, εἰ μὴ κήδους ἕνεκα πρὸς συγγενῆ φίλιαν αὐτῷ συναφθεῖη κρατίστω καὶ πρὸς τὰς περιστηκίας αὐτῷ συμφορὰς ἐσομένῳ συμμάχῳ, πέμπει δεξιάν ὄψε καὶ μόλις ἤδη διὰ ταῦτι, καὶ κυροῦται πρὸς ἀμφοῖν δόντα οἱ τὸν Παλαιολόγον, εἰ βῆθιον εἶη, ὁμηρα τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα Ἑλένην καὶ τὰς ἐκ γένους ταύτης ἐπιβουλάς, ἀ γ ἀ γ ε σ θ α ι τ ῆ ν τ ο ὺ Κ ρ ᾶ λ η γ υ ν α ι κ α δ ἔ λ φ η ν, νέαν τε οὖσαν ἐτι κάκεινην καὶ ἄμα ἀδελφὴν τοῦ τῶν Μουσῶν ἡγεμόνος Ἀλεξάνδρου. Ibidem. XXVII. с. 52 p. 169. Ср. также Parisot. Cantacuzène homme d'état et historien. 264.

³⁾ Greg. XXVII с. 28 p. 149. Cantac IV. с. 27. p. 207. 208.

на время примирился съ Кантакузиномъ и уѣхалъ въ Византію. Къ этой новой неудачѣ царь отнесся весьма сдержанно. Угрозы которыми онъ, по словамъ Григоры ¹⁾, старался принудить Іоанна Палеолога къ переговорамъ, остались невыполненными. По разказу Кантакузина, Душанъ и его супруга со стыдомъ оставили окрестности Солуни. Дѣйствительно, мы не видимъ съ его стороны ни малѣйшаго проявленія негодованія. Онъ не возобновляетъ осады города, не предпринимаетъ никакого новаго движенія во Фракію. Очевидно, первое онъ считалъ бесполезнымъ, не находя возможности овладѣть прекрасно защищенною Солунью, а второе въ данное время находилъ для себя слишкомъ рискованнымъ. Это былъ первый результатъ впечатлѣній, оставленныхъ событіями 1350 г. Прежняя самонадѣянность царя начинала замѣняться осторожностію. Онъ рѣшился выждать, когда мнимое согласіе между императорами-соперниками нарушится и тогда уже попытаться счастья вооруженною рукою. Случай къ тому представился уже въ слѣдующемъ году.

Осенью 1352 г. междоусобная война въ Византійской имперіи была уже въ полномъ разгарѣ. Халкидика и долина Марицы подвергались жестокимъ опустошеніямъ по очередно то одной, то другой враждующей стороны. Наконецъ Кантакузинъ при помощи турецкихъ отрядовъ всюду начиналъ брать верхъ надъ зятемъ ²⁾. Палеологъ, однако, не терялъ надежды на успѣхъ. Онъ укрѣпился въ Димотикѣ и отсюда уже самъ рѣшился обратиться за помощію къ Сербамъ и Болгарамъ. Душанъ, конечно, охотно принималъ предложеніе императорскихъ пословъ, но съ своей стороны неставлялъ условіе, чтобы Іоаннъ Палеологъ взаимнъ сербскаго военнаго отряда прислалъ ему въ заложники своего брата деспота Мицаца Палеолога. Когда на это послѣдовало водное согласіе императора и деспота Михайлъ прибылъ къ сербскому двору, царь отправилъ

¹⁾ КХVII с. 52. р. 189. Іоаннъ Палеологъ въ рѣчи къ Иринѣ Кантакузинной говоритъ, что ему со стороны Душана было предложено одно изъ двухъ: ἢ γυναικὸς διὰ τὰς μεταξὺ τούτων ἔρημον ἦσθαι με ὄντα τὴν ἐκείνου γυναικαδέλφην ἀγαγεῖσθαι τε γυναικα καὶ οὐλεσθαι μετὰ τῆς πόλεως, ἢ συμπληθῆναι τῷ τῆς ἐκείνου βασιλείας κούματι βιαέστερον ἐπιτίθεσθαι τῇ πόλει μέλλοντος.

²⁾ Выпускъ I стр. 122. 125.

въ распоряженіе Палеолога одного изъ своихъ воеводъ *Каснеца Борилевича* (*Κασνιτῶς Μποριλοβίχης*) съ семитысячнымъ коннымъ отрядомъ ¹⁾. Такимъ образомъ и на этотъ разъ Душанъ не выходитъ изъ предѣловъ осторожности. При всей заманчивости, какую представляло для него завоеваніе Фракіи и Константинополя, онъ не рѣшается двинуться самъ со всѣми войсками на соединеніе съ Іоанномъ Палеологомъ, а ограничивается отправкою одного воеводы. Очевидно, онъ не былъ вполне увѣренъ въ успѣхъ дѣла; Турки подъ предводительствомъ Кантакузина казались ему страшною силою, а исходъ неизбежнаго столкновенія съ нею слишкомъ гадательнымъ, чтобы ради его ставить на карту судьбу своего царства. Поэтому онъ хотѣлъ только сдѣлать попытку вооруженнаго вмѣшательства; въ случаѣ удачі ея заложничество Михаила Палеолога обезпечивало бы ему направленіе конечной развязки византійскихъ смуть въ ту сторону, въ какую ему будетъ нужно согласно съ его планами. Такія мысли и соображенія могли руководить нашимъ царемъ въ его образъ дѣйствій по отношенію къ даннымъ обстоятельствамъ. Какъ бы то ни было, но расчетъ Душана на удачу этой уже послѣдней попытки проложить дорогу къ Цареграду оказался также несостоятельнымъ. Сербскій отрядъ погибъ въ жестокомъ боищѣ съ Турками, прежде даже чѣмъ успѣлъ сдѣлать что-нибудь для Іоанна Палеолога, а не только что для своего государя. Вотъ какъ было дѣло.

Сербскій отрядъ, предводимый Каснецомъ Борилевичемъ, и Болгаре, присланные царемъ Александромъ, прибыли къ Димотяхѣ въ то время, какъ Іоаннъ Палеологъ уѣзжалъ въ Эносъ. Встрѣтившись съ нимъ на дорогѣ, они получили отъ него приказаніе съ выдѣленною имъ частью греческаго войска напасть на крѣпостцу Эмпіней (*τὸ Ἐμπίνοιον φρούριον*), принадлежавшую Кантакузину. Въ

---

¹⁾ Cantacuz. IV. с. 84. Vol. III. р. 246. Григора цифру отряда даетъ всего въ 4,000. XXVIII с. 7 р. 181. Кантакузинъ, безъ сомнѣнн, лучше могъ знать дѣло; но очень возможно, что онъ нѣсколько преувеличиваетъ число враговъ, чтобы придать больше значенія послѣдующей побѣдѣ надъ ними своихъ союзниковъ — Турковъ. Въ общихъ чертахъ разказъ объ этомъ участіи Сербовъ въ византійской усобицѣ сходенъ у обоихъ историковъ, хотя у Кантакузина гораздо богѣе подробностей, чѣмъ у Григора.

намѣреніи двинуться на слѣдующее утро въ назначенный походъ, славянскіе союзники императора, безъ особыхъ предосторожностей расположились стожкою на берегу р. Марицы, не далеко отъ Димотики. Лагерь болгарскій стоалъ ближе къ городу, чѣмъ сербскій и отдѣлялся отъ послѣдняго значительнымъ разстояніемъ. Ни тѣ, ни другіе не чуяли, что по сосѣдству съ ними находится опасный врагъ. Между тѣмъ въ тотъ же день, къ той же Марицѣ направлялся конный отрядъ въ десять—двѣнадцать тысячъ всадниковъ, стройныхъ, прекрасно вооруженныхъ, на хорошихъ коняхъ. Это были Турки, предводимые храбрымъ сыномъ Орхана Сулейманомъ, вызванный Кантакузиномъ изъ Азіи для борьбы съ Палеологомъ и приглашенными имъ славянскими дружинами. Они только что переправились черезъ Геллеспонтъ, слѣшли къ императору въ Адрианополь и на ночь расположились лагеремъ на берегу той же р. Марицы. Такимъ образомъ на слѣдующее утро произошла неизбежная и неожиданная встрѣча враговъ. Болгаре, при видѣ стройныхъ, стремительныхъ турецкихъ всадниковъ, послѣшно обратились въ бѣгство по направленію къ Димотиѣ и благодаря близости города успѣли во время укрыться въ немъ. Сербы же и находившіеся съ ними Греки рѣшились принять бой съ варварами. Условія оказались весьма неравными. Турки превосходили Сербовъ числомъ, были лучше вооружены, имѣли подъ собою быстроходныхъ и выносливыхъ коней, между тѣмъ Сербы и не были приготовлены къ бою, и на своихъ неповоротливыхъ лошадяхъ не могли маневрировать противъ непріятели ¹⁾. Къ этому присоединилось еще полное незнакомство Сербовъ съ мѣстностію и съ военными обычаями Турокъ ²⁾, дѣйствовавшихъ съ особеннымъ искусствомъ. При

¹⁾ ..... μεταπέμπεται λάθρα ἕν γε σπουδῇ τὴν βαρβαρικὴν τοῦ Ὀρχανοῦ δύναμιν ἐμπάρασκευόν τε καὶ μάλα τι εὐοπλον..... οἱ δὲ (т. е. Турки)..... πρὶν αἰσθῆσθαι Τριβαλοῦς, ἅμα τῷ πλησίον εἰς Διδυμότειχον ἦκειν ἐπεισπίπτουσιν ἐξαίφνης ἀόπλοις, πρὶν τὸν ἐκ τῆς ὁδοῦ μόχθον γοῦν ἀποτινάξασθαι. Gregor. XXVIII. с. 7 p. 181. ἐπὶ πεδία γὰρ τραπόμενοι βαθέα καὶ γυμνά καὶ οὐδεμίαν ἔχοντα καταφυγὴν καὶ ἵπποις φαυλοτάτοις χρώμενοι (Сербὼν) οἱ μὲν ἔθνησκαν οἱ δ' ἠλίσκοντο..... ἐκ διαμέτρου γὰρ οἱ τῶν βαρβάρων ἵπποι τοῖς ἐκείνων θέειν τέ εἰσι ταχύτατοι καὶ πρὸς πόνοισι ἐξησκημένοι. Cantacuz. IV. с. 84. p. 249.

²⁾ Gregor. XXVIII. с. 7. p. 181.: τῶν γὰρ Θρακικῶν τόπων παντάσῃν οὖσιν ἀήθεσ' τοῖς Τριβαλοῖς, καὶ ἅμα ἀπείρως ἔχουσι τῶν βαρβαρικῶν ἐξαίφνης ἐφόδον... Cantac. IV

тѣмъ положеніи дѣла сопротивленіе, понятно, было не продолжительно. Сербь были сматы стремительнымъ натискомъ Турокъ и рассѣялись на открытому обширному полю, раскинувшемуся вдоль берега Марицы. На дорогу къ Димотиѣ онь не могли попасть, а между тѣмъ на голомъ полѣ нѣтъ ни лѣска, ни даже деревца, словомъ никакого прикрытія—и вотъ началось безпощадное истребленіе всего сербскаго отряда. Тѣ, кто не успѣли сложить головы на вровавомъ полѣ, были взяты въ плѣнъ. Самъ Каснецъ Борилевичъ съ нѣсколькимъ удалцами едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Изъ Грековъ многіе также погибли въ бою, но нѣкоторая часть ихъ нашла возможность укрыться въ Димотику. Турки съ торжествомъ явились въ Адрианополь. Послѣ того они опустошили Болгарію и снова вернулись въ Азію. Сербскіе плѣнники, лошади и великолѣпныя повозки (*ἀρμάτων πολυτάλοιον*) составляли украшеніе турецкой добычи, переправленной за Геллеспонтъ ¹⁾.

Послѣ сказаннаго нами о разочарованіи, которое въ это время постепенно овладѣвало Душаномъ въ его увлеченіи завоеваніями на юговостоки, не трудно понять какое тяжелое впечатлѣніе должна была произвести на него эта несчастная битва, послужившая предвѣстницею Коссова и второй Марицы. Съ трудомъ спасшій свою жизнь Каснецъ Борилевичъ могъ живо познакомить своего государя съ тѣмъ, что именно представляли изъ себя могущественные Турки-Османы, теперь игравшіе на полуостровѣ роль не только уже постоянныхъ посѣтителей, но и весьма развязныхъ хозяевъ. Мрачная картина гибели всего сербскаго отряда неволью дѣйствовала поражающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отрезвляющимъ образомъ на замечтавагося завоевателя. Вѣсти о жестокомъ опустошеніи Болгаріи, куда Турки вторглись послѣ побѣды надъ Сербамъ, только усиливали такое впечатлѣніе отъ разказовъ Борилевича. Теперь для Душана было уже яснѣе бѣлаго дня, что при всѣхъ внутреннихъ неурядицахъ, которыми продолжала раздираться Византійская имперія, пути къ Цареграду для него совсѣмъ закрыты. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно было какое-либо соперничество

с. 34. p. 249: ὀλίγα δὲ ἀντιστῆντες πρὸς πλείους καὶ βελτίους, ἡττῶντο κατακράτος ἀκριβῆ δὲ τῶν τόπων ἅμα δὲ καὶ ὑπὸ τῶν πολεμίων θοροβηθέντες.

¹⁾ Cantac. IV. 34. p. 248. 249: Greg. XXVIII. c. p. 181.

между его Сербами, не имѣвшими понятія о спеціальной подготовкѣ къ военному дѣлу, вѣчно терпѣвшими нужду въ хорошемъ оружіи, нестройно двигавшимся на своихъ влячахъ, наконецъ незнакомыми съ топографіею страны, которую предстояло завоевать, и Турками являвшимися во Фракію не только сбродными толпами, а сильными прекрасно вооруженными и обученными военными отрядами, хорошо изучившими во время частыхъ посѣщеній Фракіи всѣ ея пути и дороги, и вдобавокъ дѣйствовавшими по призыву самихъ Византійцевъ? Нѣтъ, какъ ни было это тяжело, а теперь Душану приходилось совсѣмъ отказаться отъ всякихъ дѣятельныхъ попытокъ противъ Цареграда, и развѣ только утѣшать себя неосуществимыми мечтами. Такъ дѣйствительно и было. Разсказанная нами кампанія Каснеца Бориловича уже послѣдній исторически достовѣрный фактъ, указывающій на стремленіе сербскаго царя къ завоеваніямъ на юго-востокъ. На какія либо новыя попытки его въ эту сторону нѣтъ ни малѣйшихъ указаній у современныхъ византійскихъ писателей. Уже вскорѣ послѣ Марицкой битвы, самъ Кантакузинъ является въ Моррѣ и Халкидикѣ производить экзекуцію за отпаденіе этихъ провинцій къ Іоанну Палеологу, и Душанъ не пользуется этою близостью своего врага къ предѣламъ царства, чтобы отмстить ему за гибель своего сербскаго отряда ¹⁾. Онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ оставить въ покоѣ востокъ, тѣмъ болѣе, что и съ запада на него надвигалась туча: начиналъ ему угрожать угорскій король, поднимался на него, какъ на схизматика, латинскій міръ, подстрекаемый папою. По неволѣ приходилось помириться на томъ, что было приобрѣтено до 1350 г.

Въ 1354 г., когда усобица между императорами принимала все болѣе ожесточенный характеръ, а Турки, утвердившись въ Каллиполи, начинали грозить завоеваніемъ и другимъ частямъ Фракіи, въ это-то тревожное время среди Византійцевъ образовалось нѣсколько партій, которыя не видѣли другаго выхода изъ печальнаго положенія дѣлъ, какъ въ изложеніи и Палеолога, и Кантакузина и въ подчиненіи чьему-либо иноземному господству. Были и такіе,

---

¹⁾ Cantac. IV. c. 84. p. 251.

которые желали соединенія съ Сербскимъ царствомъ. Венеціанскій байль въ Константинополѣ Маринно Фальбергъ 6 августа 1354 г. доносилъ дожу Андрею Дандолу, что *Византіицы*, въ виду беззащитности государства со стороны Турокъ, *готовы признать власть Венеціанской республики, и если это невозможно, то призвать короля Угорскаго или царя Сербскаго* ¹⁾. Венеціанскіе уполномоченные, безъ сомнѣнія, сильно агитировали за свою республику среди несчастныхъ Грековъ, обѣщая имъ помощь не только противъ Турокъ, но и противъ ненавистныхъ имъ галатскихъ Генуезцевъ, и въ тоже время торопили свое правительство не теряя времени пользоваться обстоятельствами. Такимъ образомъ изъ этого важнаго свидѣтельства ясно раскрывается главная причина, почему Венеція не соглашалась на союзъ съ Душаномъ противъ Цареграда: она сама имѣла виды на этотъ лакомый кусокъ и не хотѣла уступить его своему другу царю-скизматичу. Но ни той, ни этому не удалось воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ столицы восточно-православнаго міра. Вышнія обстоятельства одинаково имъ не благоприятствовали, да и силъ у нихъ было мало для такого предпріятія. Весьма возможно, что до Душана дошли вѣсти о сербской партіи въ Цареградѣ, быть можетъ, велись и какіе нибудь переговоры. Тѣмъ не менѣе послѣ марницкой битвы мы не видимъ съ его стороны ни одного шага по направленію къ міровому городу. Очевидно, онъ не рѣшался его сдѣлать именно потому, что не могъ. Другаго объясненія быть не можетъ.

Здѣсь намъ нельзя обойти молчаніемъ сохранившееся въ позднѣйшихъ дубровницкихъ хроникахъ свидѣтельство о громадномъ походѣ Душана на Константинополь, предпринятомъ будто-бы въ 1355 г. и неосуществившемся только вслѣдствіе внезапной кончины царя, послѣдовавшей будто-бы во время самаго похода, въ предѣлахъ Византіиской имперіи. До сихъ поръ свидѣтельство это не подвергалось критическому разбору и, какъ

¹⁾ Ljubić. Monumenta III 266: se la lor intention se po fornir de esser subjecti a la signoria et comun vostro, averallo per gratia special; quando questo nò i potesse vegrir fato, elli e disperudi clamar re d' Ongaria vel quel de Raxia azo che i sia defesi et varentadi da i Turchy, et ensir de la signoria, che i tien, et si-mel de zencosi de li qual molto dubita.

не подлежащее никакимъ сомнѣніямъ заносилось во всѣ извѣстныя сербскія исторіи. Между тѣмъ, намъ оно кажется не заслуживающимъ довѣрія. Само по себѣ свидѣтельство слишкомъ поздне, а фактъ похода Душана на Византію въ годъ ея смерти не находитъ себѣ подтвержденія въ современныхъ историческихъ свидѣтельствахъ.

Мы разумѣемъ два извѣстныхъ мѣста въ хроникахъ Орбинича и Лукарича. У послѣдняго мы читаемъ слѣдующее: „Въ 1356 г. сербскій царь Стефанъ объявилъ войну Константинополю и съ 85,000 человекъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, двинулся въ Романію. Но какъ суетны людскія надежды! Приблизившись къ неизвѣстной деревнѣ Діаполи, во Фракіи, онъ заболѣлъ лихорадкою, отъ которой и умеръ 18 декабря, или (по сербски) просница ¹⁾).

Орбиниичъ, историческій трудъ котораго вышелъ четырьмя годами раньше „анналовъ“ Лукарича, говоритъ объ этомъ событіи короче и собственно не упоминаетъ о походѣ: „Но находясь въ Діаволопотѣ, въ Романи, царь Стефанъ былъ пораженъ лихорадкою, противъ которой не могли помочь никакія средства, почему въ 1354 г. на 45-мъ году возраста онъ перешелъ въ лучшую жизнь ²⁾“. Среди письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ эти дубровницкія извѣстія, перешедшія еще въ болѣе позднія сербскія хроникъ, остаются одиночками. Но весьма близкую параллель имъ находимъ въ сербскомъ народномъ эпосѣ. Въ одной былинѣ, записанной въ Босніѣ почтеннымъ собирателемъ памятниковъ сербскаго народнаго творчества, Боголюбомъ Петрановичемъ,

---

¹⁾ Nel anno 1356 g. Stefano Imperatore di Servia intimò guerra à Constantinopoli; e con ottantacinque mila persone esperte in guerra prese la volta di Romania. Ma come sono incerte le speranze degli huomini, gianto alla ignobil villa di Diapoli in Tracia s'amalo di febre, la quale il di 18 di Dicembre, ch' i Serviani demandano Proseniaz, lo fece morire Luccari. Copioso ristretto degli Annali di Rausa. 60. 61.—

²⁾ Orbini Il regno degli Slavi. 1601, p. 268: Ma trovandosi a Diavolopota in Romania, fu assalito da febre, a cui non pote riparare con tutti i rimedij, che fece. Onde l'anno 1354 e di sua età 45 passo u miglior vità. Diavolopota и Лукаричево Diapoli безъ сомнѣнія находятся въ связи съ Давор-поже (приводимымъ ниже) сербскихъ пѣсенъ.

Душанъ также представляется управляющимъ во время похода на Византию ¹⁾.

Пѣсня начинается съ описанія *мира съ Призренъ* на царскомъ „бѣломъ дворѣ“. Душанъ обращается къ своимъ храбрымъ сподвижникамъ (српска господа) съ слѣдующею рѣчью, вѣрно характеризующею широкіе его замыслы по отношенію къ Цареграду.

Ја ћу силну војску покупати
Водићу је бијелу Стамболу,
Од Грца ћу Стамбол прихватити,
Све под једну круну окренути.
Срби моји, синви соколови!
Од како сам круну задобио,
На кого сам сабљу извадио,
Свакога сам до сад побједио,
И Стамбол ћу сјутра прихватити,
И Софју цркву задобити,
Сву изнутра златом позлатити,
А висине срмом накупити ²⁾,
И Србима славу подигнути,
Српскимъ славомъ и српскимъ јунаштвоу.

Затѣмъ отъ словъ Душанъ переходитъ къ дѣлу. Къ греческому царю Ивану посылается грозное писмо съ требованіемъ прислать ключи отъ Цареграда, или же приготовиться къ войнѣ съ сербскимъ царемъ ³⁾. Греческій царь вмѣсто отвѣта обратился за помощью къ Туркамъ. И вотъ тогда

---

¹⁾ Богољуб Петрановић Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Книга трећа № 12 стр. 102.

²⁾ *Украситъ серебромъ.*

³⁾ Пѣсня превосходно передаетъ высокое мнѣніе Душана о своемъ могуществѣ. Въ писмѣ къ греческому царю онъ говоритъ:

Добро види што ти књига пише,
Тријеба ми града Цариграда,
Нека знадеш пријеваре нејма,
Ја ти валѣ самномъ ратовати,
Јаг' послати кључе од столице
Да се бијеш, набит' се не можеш,
Да се молиш, одмолит' не можеш,

Серби ударише,
Душан силну покупи војску,
Кад је био Цариграду близу,
До широка поља Давор поља,
Када пољу на равнине дође,
Ту Душана сућеп данас нађе:
Разбоље се, умријети пође
И умрије, жалосна му мајка!

Лившишася вождя войско вернулось въ Сербію ¹⁾.

Сопоставленіе этой пѣсни съ приведеннымъ дубровницкимъ извѣстіемъ даетъ намъ возможность сдѣлать весьма вѣроятное предположеніе объ источникѣ этого извѣстія. Должно быть, оно взято прямо изъ народнаго преданія, быть можетъ составлено со словъ этой самой или другой какой-нибудь сербской пѣсни. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ что Diaroli и Diaolorota — испорченная въ итальянскомъ передача сербскаго „Давор-поље.“ Кромѣ того самъ Орбиничъ какъ бы указываетъ на устный источникъ приведеннаго свидѣтельства. Онъ не настаиваетъ на немъ и замѣчаетъ, что по *другому разказу* — Душанъ умеръ въ Неродимѣ ²⁾.

Намъ нѣтъ нужды здѣсь пускаться въ разсмотрѣніе того вопроса, какимъ именно путемъ въ фантазін народа могло создаться такое представленіе о смерти Душана. Достаточно замѣтить, что громкіе факты его завоевательной политики въ отношеніи Византіи должны были оставить въ народѣ глубокую память по себѣ и послужить подкладкою къ дальнѣйшимъ поэтическимъ вымысламъ въ томъ же направленіи. Но мы не можемъ не остановиться на самомъ фактѣ похода Душана на Византію въ 1355 г. Именно, мы должны утверждать, что нѣтъ никакой возможности признать этотъ походъ за событіе исторически достоверное. Ибо, во первыхъ, въ современныхъ или близкихъ къ современнымъ источникахъ, какъ

Да с' откупиш, откупит' не мореш,
Пах ти гледај што је боље за те,
Ето мене у Цариград на те?   стр. 108.

¹⁾ Петрановић стр. 105.

²⁾ Orbini p: 268. Altri vogliono, che egli passasse da questa vita trovandosi in Nerodimie.

въ византійскихъ, такъ и сербскихъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія объ этомъ походѣ, который, по своей важности, не могъ остаться не замѣченнымъ лѣтописцами. Особеннаго вниманія заслуживаетъ безусловное молчаніе въ этомъ случаѣ обоихъ столь обстоятельныхъ и аккуратныхъ лѣтописцевъ своего времени, какъ Іоаннъ Кантакузинъ и Никифоръ Григора. Обыкновенно они отмѣчаютъ, хотя и не всегда съ одинаковою подробностью и безпристрастіемъ, всѣ невзгоды, которыя переживала въ это время имперія. Поэтому странно, какъ они могли не занести въ свои хроники хотя бы краткаго извѣстія о нашествіи на Царьградъ восьмидесятипяти тысячной арміи, еслибъ это нашествіе дѣйствительно было. По народному преданію и по словамъ Лукарича походъ Душана кончился для имперіи весьма счастливо—гибелью ея опаснаго врага; слѣдовательно Византійцамъ не было нужды скрывать это событіе съ цѣлью представить въ глазахъ потомства положеніе имперіи въ возможно менѣе печальномъ свѣтѣ, если объяснить это молчаніе именно этимъ стремленіемъ. Напротивъ это мнимое событіе было настолько важно, и такого пріятнаго для Византійцевъ свойства, что должно было само проситься на страницы ихъ историческихъ хроникъ. Еще болѣе страннымъ покажется игнорированіе этого факта, если мы припомнимъ, что и у того и другаго лѣтописца былъ и ближайшій поводъ упомянуть о немъ. Они говорятъ о смерти Душана ¹⁾. Какъ же при этомъ случаѣ было не обмолвиться хотя однимъ словомъ о томъ, что смерть эта произошла во Фракіи, по близости отъ столицы имперіи, и притомъ во время самаго похода, если все это дѣйствительно было такъ, какъ повѣствуетъ Лукаричъ.

Во вторыхъ всѣ существующія историческія свидѣтельства, какъ увидимъ изъ слѣдующей главы, заставляютъ предполагать, что въ послѣдніе три года своего царствованія Душанъ былъ занятъ дѣ-

---

¹⁾ Cantacuz. IV, c. 43 p. 314: Ὑπὸ δὲ τοῦτον χρόνον καὶ Κράλης ὁ τῶν Τριβαλῶν δυνάστης ἐτελεύτησε, καὶ στασίς οὐ μικρὰ ἀνερίπισθη Τριβαλοῖς. Затѣмъ рѣчь идетъ о сербскихъ дѣлахъ по смерти Душана.

Gregor. XXX, c. 50. p. 556: Τοῦ δ' ἕρος ἀρχομένου ὁ τῶν Τριβαλῶν ἀρχηγὸς ἐτεθνήκει: Κράλης Σερβίας, καὶ θόρον ἐσχέ καὶ ζάλην ἐνεῦθεν ἐκεί τὰ πράγματα τῷ νέῳ τῆς ἀρχῆς διαδόχῳ.....

лам на западѣ, такъ что не остается времени, когда бы могъ быть выполненъ этотъ задуманный въ широкихъ размѣрахъ походъ. Въ 1353 и 1354 г. онъ озабоченъ войною съ Угріей. Только 24 мая 1355 г. Венеціанскій сенатъ получалъ отъ дубровницкаго графа извѣщеніе о возстановленіи согласія между угорскимъ королемъ и сербскимъ царемъ ¹⁾. Но этимъ соглашеніемъ не устранены окончательно затрудненія на западѣ. Лудовикъ Угорскій продолжаетъ стремиться къ подчиненію своей коронѣ Далмаціи. Вслѣдствіе чего мы видимъ Душана всю вторую половину 1355 г. въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Венеціей, которая добивалась у него уступки крѣпостей Кляссы и Скрадина. Сношенія эти тянутся въ теченіе всего декабря 1355 г. и указываютъ, что царь въ это время находился въ Призренѣ или въ Македоніи, и отнюдь уже не на дальнемъ востокѣ, гдѣ то по близости Цареграда ²⁾. Затѣмъ изъ сербскихъ письменныхъ источниковъ видно, что Душанъ скончался 20 декабря 1355 г. въ Призренѣ или вообще въ предѣлахъ своего царства ³⁾....

¹⁾ Ljubić. Monumenta III, 270.

²⁾ Ibidem. p. 280. 288. 283. 296. 299. Въ сборникѣ графа Медо Пудича: („Споменница српски“ II. 23), одна грамота выданная дубровчанину Мароу Тогетичу, носятъ на себѣ слѣдующую помѣтку: 1355 г. 2 декабря подъ Беромъ. Эта Бера (или Фере-Фереджинъ) могла бы быть признана за городокъ того же имени, упоминаемый Кантакузиномъ (I. II. с. 13. p. 390) во Фракии на р. Марицѣ, къ сѣверу отъ Эноса, что въ свою очередь указывало бы на возможность самаго похода Душана на Византію въ 1355 г., еслибъ помѣтка эта на грамотѣ не вызвала сомнѣній. Вся означенная грамота представляетъ много ошибокъ со стороны переписчика; почему очень вѣроятна догадка г. Даничича (Речникъ изъ княжевыхъ старина српскихъ. Дво први. стр. 36), что вм. „подъ Беромъ“ нужно читать: „подъ Серомъ“. Прибавимъ къ этому, что содержаніе грамоты, представляющей нѣчто въ родѣ увольнительнаго свидѣтельства бывшему чиновнику при царскомъ дворѣ, заставляетъ думать, что она была подписана скорѣе въ Сересѣ, чѣмъ гдѣ-то на пути въ Беръ, во время спѣшнаго похода.

³⁾ Трновскій лѣтописецъ: „прочее намѣреніе положили ратовати на Францію но смерть ему препала,..... умираеть во Призрену, и тамо положень во серебряномъ ковчезѣ въ соборной церкви“. *Гласник* V. 70.;..... Копривницкая лѣтопись: „Прѣбывъ же похвально и благочестно конць постизаеть въ лѣто 6864 (1855) декемвриа 20 въ недѣлю, оставивъ великую жалость и плачь сръбской земли. Šafařík. Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. Okazky občanského písemnictví. 54.

Да и въ народномъ эпосѣ изображеніе смерти Душана при той обстановкѣ, какая является въ приведенной пѣснѣ, т. е. во время похода на Царьградъ, на какомъ то Давор-полѣ не единственное. Рядомъ съ нимъ видимъ другое, гдѣ царь спокойно умираетъ въ своемъ любимомъ Призренѣ, „у месту питомоме“, „у бѣзелу двору“, окруженный своею семьей и близкими боярами ¹⁾. Самъ Орбиничъ, какъ мы уже замѣтили, не знаетъ навѣрно — гдѣ умеръ Душанъ: въ Діаволопотѣ или Неродимѣ.

Въ третьихъ, достаточно припомнить съ одной стороны то грозное положеніе, которое приобрѣли Турки во Фракіи въ 1355 г., а съ другой все сказанное нами о страхѣ, внушенномъ Душану этими новыми восточными завоевателями при первыхъ столкновенияхъ съ ними, чтобы отвергнуть возможность осуществленія со стороны сербскаго царя какой-либо новой попытки прорваться къ Босфору. Не забудемъ, что въ 1354 г. Османы уже владѣли Калиполемъ, Малгарою и Кипселою (близъ р. Марицы), что ихъ легкіе конные отряды не только господствовали вдоль всего побережья Пропонтиды, не только рыскали по всѣмъ направленіямъ Фракіи, но и забирались въ глубь богатыхъ странъ южной Болгаріи, распространяя ужасную славу своихъ подвиговъ далеко по всему Балканскому полуострову ²⁾. Все это, безъ сомнѣнія, было извѣстно Душану. Какъ же могъ онъ теперь, при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, предпринять такой рискованный походъ, тогда какъ не рѣшался на него прежде, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ? Нѣтъ, мы рѣшительно отказы-

---

Общи лист Патријаршије Пеѣске. : и клетвом сіе утвердивъ умираетъ въ Призрену *Гласник* XXXV стр. 42.

¹⁾ Вук Стеф. Корадић Српске народне пјесме, Книг. II. Изд. 2-е.
Побоље се Српски цар Стјепане
У Призрену мјесту питомоме,
Побоље се, умријети лоће.

Бог. Петрановић. Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине
Књ. I. № 17. стр. 155.

Разбоље се српски цар Шћепане
У Призрену, у бѣзелу двору

и т. д.

²⁾ Выпускъ I стр. 182.

ваемся признать походе Душана подъ Царьградъ въ 1355 г. за дѣйствительно бывшее событіе.

По нашему мнѣнію и лѣтописное дубровницкое извѣстіе, и согласная съ нимъ сербская былина имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Въ нихъ или, лучше, въ лежащемъ въ основаніи ихъ народномъ преданіи, нашло сѣбѣ весьма отчетливое выраженіе постоянно присутствующее Душану стремленіе къ завоеваніямъ на юго-востокѣ, съ цѣлью полнаго покоренія Византійской имперіи и овладѣнія Цареградомъ. Не смотря на всѣ неудачи, онъ не могъ отречься отъ своего завѣтнаго стремленія, продолжалъ мечтать о Цареградѣ и послѣ маричкой битвы; съ этою мечтою онъ, безъ сомнѣнія, и сошелъ въ могилу. Вотъ эту идею, намъ думается, и хотѣлъ оттѣнить народъ, при помощи своей фантазіи связавшій смерть своего сильнаго и славнаго государя съ никогда не бывшимъ походомъ его подъ самый Царьградъ.

Въ заключеніе главы, намъ остается подвести итоги предыдущимъ разсужденіямъ. Со времени вѣнчанія на царство Душанъ дѣятельно продолжалъ преслѣдовать давно поставленную имъ цѣль на юго-востокѣ. Онъ сдѣлалъ здѣсь большія завоеванія, вслѣдъ за Македоніею отнявъ у Византійцевъ Эпиръ, Акарнанію, Этолію и Фессалію. Но въ 1350 г. всѣ успѣхи его кончились. Старанія его заключить союзъ съ Венеціей разрѣшились для него горькою иллюзіей. вмѣстѣ съ тѣмъ рушились и его попытки окончательно завоевать Византійскую имперію и овладѣть Цареградомъ. Это ему не удалось, да и не могло удался. Претендентомъ на столицу восточнаго міра выступила грозная сила въ лицѣ Турокъ-Османовъ, съ которыми соперничать Сербы были не въ силахъ. Царьградъ, о которомъ Душанъ не переставалъ мечтать до самой своей смерти, никогда не видалъ передъ своими стѣнами его войскъ. Находимое въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сербскихъ лѣтописяхъ упоминаніе о томъ, что „Душанъ и подъ саміи Царьградъ dospѣлъ“ и что Греческій царь высылалъ ему ключи отъ города ¹⁾ должно быть признано за отголосокъ того же народнаго преданія, пере-

---

¹⁾ Тронежскій лѣтописецъ. *Гласник*. V. 69.

шедшаго на степень легенды, которое заставляет славнаго сербскаго царя умереть въ походѣ на Византію!

Такимъ образомъ вмѣсто Греко-Сербскаго царства, существовавшаго замѣнить Византійскую имперію, Стефанъ Душанъ успѣлъ образовать только Сербское царство, включавшее въ себѣ многія греческія земли. Единство и цѣлость прежней Восточной имперіи были окончательно подорваны. На Балканскомъ полуостровѣ явились три обособленные царства: совершенно обезсиленная Византія, слабая, но не лишенная политическаго значенія Болгарія и могущественная Сербія.

VI.

Отношеніе Душана къ славянскому вопросу на Балканскомъ полуостровѣ и къ притязаніямъ латинскаго Запада.

Величавый планъ Душана не удался: онъ не успѣлъ занять визавтійскій престолъ. Тѣмъ не менѣе сдѣланныя имъ завоеванія со стороны имперіи были на столько громадны, что онъ становился безспорно сильнѣйшимъ государемъ на полуостровѣ, но государемъ славянскимъ, царемъ сербскимъ. Созданная имъ монархія получала названіе Сербскаго царства, т. е. первенствующее мѣсто въ ней должно было принадлежать народу сербскому. Но дѣйствительно ли это мѣсто принадлежало Сербамъ, да и могло ли принадлежать имъ? Въ какой степени основанное Душаномъ государство было славянскимъ? Что сдѣлалъ онъ какъ славянскій государь? Какъ отнесся онъ къ историческимъ задачамъ, которыя были поставлены ему всею предшествующею жизнью его собственнаго народа? Въ какихъ отношеніяхъ находилось его Сербское царство къ другимъ государствамъ полуострова? Вотъ вопросы, разсмотрѣніе которыхъ стоятъ теперь на очереди въ нашемъ сочиненіи.

Съ легкой руки достопочтеннаго славянскаго историка Райча въ сербской исторіи утвердилось мнѣніе, что царство Душана не только обнимало многія греческія земли, завоеванныя у имперіи, но и объединяло западныя сербскія области, которыя до того, какъ извѣстно, оставались отдѣленными отъ сербскаго королевства; а равнымъ образомъ что и Болгарія находилась въ политической зависимости отъ сербскаго царя; такъ что, по ходячему представ-

ленію, монархія Душана обнимала едва ли не весь Балканскій полуостровъ. Но такое мнѣніе должно быть признано основаннымъ на историческомъ недоразумѣніи. Извѣстныя доселѣ несомнѣнныя историческія данныя никакъ не вяжутся съ нимъ.

Предлагаемое здѣсь изслѣдованіе имѣетъ задачей разъяснить дѣло, на сколько позволяютъ источники. Мы послѣдовательно рассмотримъ отношенія Душана къ Болгаріи, Боснѣ, Угріи и Дубровнику и попытаемся выяснитъ его роль какъ первенствующаго славянскаго государя на полуостровѣ. Но съ этимъ вопросомъ непосредственно соприкасается другой—о притязаніяхъ латинскаго Запада, не имѣвшаго мужества относиться равнодушно къ возвышенію и могуществу какого либо государства на востокѣ, а тѣмъ болѣе государства славянскаго и не скупившагося на выраженіе этого неравнодушія. Такимъ образомъ совершенно уместно будетъ здѣсь же коснуться вообще отношеній Душана къ міру западному. Разобравъ оба эти вопросы мы получимъ приблизительно полный очеркъ политической дѣятельности перваго сербскаго царя, что дастъ возможность опредѣлитъ ея мѣсто и значеніе въ общей исторіи Греко-славянскаго міра.

1) Отношенія къ Болгаріи.

Прежде всего намъ приходится остановиться на Болгаріи, на государствѣ, которое еще такъ недавно—въ XIII в. играло первую роль въ политической жизни полуострова и затѣмъ, съ возвышеніемъ Сербіи постепенно теряя значеніе, наканунѣ вступленія Душана на престоль, на вельбуждскихъ поляхъ было доведено до крайней степени униженія и ослабленія. Въ какомъ же положеніи находилась эта славянская страна въ періодъ образованія Сербскаго царства? Сохраняла ли она значеніе самостоятельнаго государства? Служила ли она, да и могла ли служить Душану пособницей въ осуществленіи его завоевательныхъ стремленій по отношенію къ Византіи?

Сопоставляя всѣ сохранившіяся, очень немногочисленныя, извѣстія о Болгаріи для даннаго времени, нельзя не прийти къ заключенію, что она, во времена Душана безусловно уступивъ пер-

венство Сербскому царству, ничѣмъ, однакожъ, не обнаруживаетъ своихъ зависимыхъ къ нему отношеній. Оба государства постоянно находятся въ мирныхъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не нарушаютъ ихъ; иногда они дѣйствуютъ сообща, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не мѣшаютъ другъ другу преслѣдовать свои цѣли. Душанъ не дѣлаетъ ни одного шага къ подчиненію или ослабленію Болгаріи. Съ другой стороны болгарскій царь Александръ не отказывается отъ своей самостоятельной политики и успѣваетъ увеличить въ объемѣ свое государство. При всѣхъ печальныхъ явленіяхъ, которыя замѣчаются во внутренней жизни Болгаріи этого періода, общій строй этой жизни не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ сербскаго вмѣшательства, продолжаетъ развиваться своимъ самобытнымъ путемъ и представляетъ нѣсколько явленій, которыя говорятъ противъ мнѣнія о какомъ-то особенномъ упадкѣ Болгаріи въ сравненіи съ Сербіей.

Основнымъ фактомъ, объясняющимъ отношенія Сербіи и Болгаріи въ данное время, является близкое родство обоихъ царей. Душанъ, какъ уже не разъ было упомянуто выше, былъ женатъ на сестрѣ Александра ¹⁾. Бракъ этотъ имѣлъ немаловажное значеніе не только для Болгаріи, но и для внутреннихъ отношеній самой Сербіи. Обстоятельства, при которыхъ онъ состоялся, къ сожалѣнію, не вполне еще извѣстны, также имѣютъ свою любопытную сторону.

О происхожденіи сербской царицы Елены и болгарскаго царя Александра доселѣ не найдено вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Тѣмъ не менѣе всѣ изданные новые историческіе матеріалы не только не подрываютъ, но отчасти подтверждаютъ остроумныя со-

---

¹⁾ Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться здѣсь на вопросѣ о мнимои первомъ бракѣ Душана съ дочерью или внукой Іоанна Кантакузина. Относящееся сюда извѣстіе Тривошской лѣтописи (*Гласник* V. 65) и другихъ стоящихъ съ ней въ близкой связи источникахъ (*Гласник* XXI. 245. 249. XXXV. 39) до очевидности фальшивы и не могутъ быть приняты во вниманіе. Во время заточенія въ Константинополѣ, будучи маленькимъ мальчикомъ, Душанъ не могъ вступить въ таковой бракъ. Самое главное, еслибъ подобный бракъ состоялся, или только предполагался, о немъ, безъ сомнѣнія, было бы какое-либо упоминаніе въ хроникѣ Кантакузина.

ображенія и заключенія, сдѣланныя по этому вопросу болѣе двадцати лѣтъ назадъ почтеннымъ сербскимъ ученымъ Николаевичемъ въ его превосходномъ сочиненіи о сербскихъ Комнинахъ ¹⁾. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ этого ученаго, что родителями обѣихъ царственныхъ личностей былъ сербскій вельможа кесарь Воинка, сынъ знаменитаго Новака Гребострека и Кераца (въ монаш. Теофанія) дочь Бдинскаго Шишмана и сестра Махаила, погибшаго подъ Вельбуждомъ. Такимъ образомъ Елена и Александръ происходили отъ знатнаго сербскаго рода, выросли и воспитались въ Сербіи. Что это было дѣйствительно такъ, видно изъ того, что ближайшіе родственники Елены играютъ выдающуюся роль въ Сербіи, являются первыми сербскими вельможами. Оливеръ, Деянъ и Богданъ, братья царицы, пользуются особенною силою и вліяніемъ въ государствѣ. Оливеру, Деяну и Воинкѣ, какъ своимъ близкимъ родственникамъ, Душанъ даетъ, согласно византійскому обычаю высшіе титулы—деспота, севастократора и кесаря. Младшая сестра Елены, Теодора, въ монашествѣ Евонмія, была выдана замужъ за деспота Угleshу Мернячевича, одного изъ важныхъ сербскихъ вельможъ ²⁾.

Что супруга Душана родомъ была сербка, видно изъ Тронушскаго лѣтописца ³⁾. Послѣдній только ошибается въ томъ, что называетъ ее сестрою Вукашина, очевидно смѣшивая этого вельможу съ Оливеромъ и Богданомъ. Что касается Александра, то онъ какъ племянникъ (по матери — ἀδελφίδους) убитаго царя Махаила, былъ одинъ изъ числа сербскихъ вельможъ, посланныхъ Стефаномъ Дечанскимъ для утвержденія на болгарскомъ престолѣ Неды и ея малолѣтняго сына Шишмана ⁴⁾. Вскорѣ затѣмъ въ

¹⁾ Гласник XII. XIII.

²⁾ Гласник. XII. 441.

³⁾ Гласник. V. 66.

⁴⁾ Cantacuz. II. c. 26. p. 459. ἐπέστειλε δὲ... τὸν ἀδελφίδου τῷ προβεβασλευκότῳ Μιχαήλ, Ἀλέξανδρον τὸν Στραταντζιμήρου ἀπέδειξαν βασιλεῖα αὐτῶν; — Д а н и ч и ѣ. Животи 195: и посла вѣможе єдини отъ вельможъ своихъ съ вѣкотороу честнѣ войски своеѣ въ помощь єи (т. е. царицѣ Аннѣ); — Г р и г о р і ѣ Ц а м б л а х ѣ (Гласник. XI. 74. 75): и того Махаила възьме мрътвое и подобуща о немъ съвршивше, обичними въ еже прѣдоложевати оустроивше мрътвого,

1331 г. онъ является царемъ болгарскимъ, при чемъ Неда и ея сыни принуждены покинуть Болгарію ¹⁾. Такимъ образомъ переворотъ болгарскій совпадаетъ съ переворотомъ сербскимъ. Очень близко къ этому времени стоитъ и женитба Душана. Изъ свидѣтельства Растича, несомнѣнно основаннаго на архивной записи, мы знаемъ, что свадьба Душана произошла очень скоро послѣ вступленія его на престолъ (8 сентября 1331 г.) и что уже въ 1332 г. послы Дубровницкой республики привѣтствовали сербскаго и болгарскаго государей по поводу вступленія ихъ въ близкое родство между собою ²⁾.

Хронологическое совпаденіе этихъ трехъ важныхъ событій невольно заставляетъ предполагать между ними тѣсную внутреннюю связь. Восстаніе Душана противъ отца и движеніе въ Болгаріи, поднятое противъ сестры Дечанскаго Неды и ея сына Шипмана, законнаго наслѣдника болгарскаго престола, по всей вѣроятности, были руководимы членами одной и той же знатной сербо-болгарской фамиліи Гребострековичей. Въ этой семьѣ у Душана была уже намѣчена невѣста, на бравъ съ которой ему однакожъ не давали своего согласія Дечанскій и его третья супруга, что, по словамъ доселѣ живущаго въ устахъ народа преданія, и было однимъ изъ поводовъ къ ссорѣ между сыномъ и отцемъ ³⁾. Гребострековичи въ виду предстоявшей имъ высокой роли родственниковъ царскихъ, понятно, усиленно поддерживали Душана и, быть можетъ, болѣе всѣхъ и подстрекали его къ отцеубійству. Съ другой стороны, одинъ изъ старшихъ представителей этой семьи—Александръ спѣшитъ пользоваться смутными обстоятельствами въ Болгаріи, куда незадолго передъ тѣмъ онъ былъ присланъ самимъ Дечанскимъ. Задумавъ овладѣть болгарскимъ престоломъ, онъ рассчитывалъ,

---

и Александра того *netia* цара поставльше, въ своа отьмоучишесе;—Laonic. Chalcocodnyl. I. 22. "Εὐχων μεθ' ἑαυτοῦ τὸν Μιχαήλου ἀβασιθεῖον, 'Αλέξανδρον.....

¹⁾ Gregor. IX. c. 13. p. 458; Cantac. II. c. 26. О судьбѣ Неды и Шипмана см. Макушева. Исторія Болгарь въ трудѣ К. О. Ирецка (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878. Май. 72—78.

²⁾ Resti. *Non passo molto tempo*, che il nuovo Re di Russia prendesse in matrimonio la sorella d'Alessandro Imperatore di Bulgaria.

³⁾ А. Гильфердингъ. Собр. соч. III. 99. 100.

что Душанъ, будущій сербскій государь, охотно признаетъ совершенный имъ переворотъ. Это было бы со стороны Душана услуга за услугу, оказанную ему въ Сербіи Гребострековичами; вмѣстѣ съ тѣмъ Александру, какъ представителю единомысленной себѣ партіи, Душанъ долженъ былъ болѣе сочувствовать, чѣмъ Шишману или какому либо другому претенденту на болгарскій престолъ; ибо царь Александръ могъ обезпечить ему и внѣшнюю безопасность со стороны Болгаріи, которая, конечно, не могла забыть Вельбуждской битвы,—обстоятельство, имѣвшее немаловажное значеніе для Душана въ моментъ исполненія переворота и въ первое время послѣ него. Есть основанія и для такого домысла, что бракъ съ Еленою былъ поставленъ условіемъ соглашенія Душана какъ съ Александромъ, такъ и съ могущественными родственниками послѣдняго, остававшимся въ Сербіи.

Такъ было дѣло или иначе, но бесспорнымъ остается тотъ фактъ, что Душанъ и Александръ, взаимно обязанные другъ другу въ достиженіи престола, съ самаго начала ихъ государственной дѣятельности оказываются связанными между собой столько же узами близкаго родства, сколько извѣстною солидарностью цѣлей и стремленій. Это обстоятельство вліяло на характеръ дальнѣйшихъ отношеній обоихъ государей. Царица Елена и ея могущественные братья, какъ извѣстно, имѣвшіе огромное вліяніе на Душана, не позволяли послѣднему остановиться на мысли объ увеличеніи своего могущества на счетъ земель сосѣдняго болгарскаго государства. Напротивъ, мы видимъ, что сербскій царь предоставляетъ своему родственнику полную свободу дѣйствій и что Болгарія въ правленіе Александра, величающаго себя *Іоанномъ Александромъ Аспиемъ, царемъ Болгаръ и Грековъ*, значительно оправляется отъ того униженія, до котораго она была низведена предшественниками Душана, Милутиномъ и Дечанскимъ.

Лѣтописныя извѣстія представляютъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о дружественныхъ отношеніяхъ Душана и Александра. Между ними происходятъ свиданія; они сносятся по политическимъ дѣламъ, обращаются другъ къ другу съ просьбами и совѣтами. Чувства дружбы и родства прежде всего руководятъ отношеніями обоихъ монарховъ. Они стоятъ на равной ногѣ и

сильнѣйшій изъ нихъ ни въ чемъ не проявляетъ своего политическаго превосходства надъ слабѣйшимъ.

Александръ какъ узурпаторъ, понятно, былъ озабоченъ судьбою изгнанныхъ имъ Неды и Шишмана. Узнавъ, что устранинный имъ законный наслѣдникъ терновскаго престола и его мать пребываютъ въ Дубровникѣ, болгарскій царь обращается въ 1333 г. къ Душану съ просьбой потребовать отъ республики выдачи изгнанниковъ. Сербскій король относится съ полнымъ сочувствіемъ въ этой просьбѣ и не только отправляетъ въ Дубровникъ посольство съ требованіемъ выдачи Неды и ея сына, но и беретъ за оружіе, чтобы силой заставить Дубровчанъ исполнить это требованіе, на которое они отвѣчали отказомъ. Дубровницкій историкъ Растичъ, передавая этотъ разказъ, замѣчаетъ, что Александръ за исполненіе просьбы обѣщалъ признать себя вассаломъ сербскаго короля ¹⁾. Другой дубровницкій историкъ, Лукаричъ, писатель менѣе критическій, сообщая рядомъ съ драгоценными извѣстіями много запутанныхъ и неясныхъ фактовъ, еще болѣе распространяется о вассальныхъ отношеніяхъ Болгаріи къ Душану. Онъ представляетъ Александра чѣмъ то въ родѣ сербскаго губернатора или намѣстника въ Болгаріи ²⁾, и говоритъ, что онъ былъ пораженъ холоднымъ отношеніемъ Душана къ вопросу о выдачѣ Шишмана и Неды (противорѣчіе съ разказомъ Растича) и потому съ согласія болгарскаго народа рѣшился просить у Душана царскую корону. Въ Сербію былъ посланъ Венцеславъ (*maestro de' cavallieri*) крестникъ короля. Душанъ уважилъ просьбу и прислалъ Александру корону, обязавъ его доставлять ежегодно 12 охотничьихъ собакъ и столько же соколовъ въ знакъ вассальныхъ отношеній къ нему, „верховному повелителю Сербіи и законному государю Болгаріи“. Въ случаѣ требованія на войну Александръ обязывался выставлять на свой счетъ въ помощь Сербамъ 12,000 всадниковъ ³⁾.

¹⁾ Resti. Ma Alessandro mandò ricercar il Rè Stefano di Ràssia con promesse di farli tributario il regno Bulgaro...

²⁾ Luccari. Copioso ristretti degli Annali di Ragusa. Venetia. 1605. p. 52. Percioque depoi che mori Michele suo padre, il quale haueua arricchito ogn'uno, pareua ch'egli lo fossero per servir a stranissimi governatori Serviani.

³⁾ Ibidem. Dussan, il quale conferi la corona ad Alessandro, obligandolo che per

Вотъ эти два свидѣтельства, а особенно послѣднее, и дали поводъ нѣкоторымъ историкамъ Сербіи строить заключеніе о зависимости Болгаріи отъ Сербіи при Душанѣ. Подвергая ихъ критической провѣркѣ, нельзя не признать весьма сомнительною ихъ достовѣрность. Прежде всего замѣтимъ, что свидѣтельства эти весьма поздні (XVII в.) и источникъ ихъ неизвѣстенъ. Затѣмъ, разказъ Лукарича, длинный и сбивчивый, стоитъ въ противорѣчій съ разказомъ болѣе обстоятельнаго и критическаго писателя Растича. Послѣдній, тщательно пользовавшійся архивными матеріалами, фактами свидѣтельствуеъ объ энергическомъ выполненіи стороны Душана просьбы родственника, а Лукаричъ толкуеъ о какой-то холодности и уклончивости сербскаго краля, что будто бы и побудило Александра просить у него короны съ признаніемъ зависимости отъ него. Все это абсолютно невѣрно. Изъ современныхъ византійскихъ лѣтописцевъ мы знаемъ, что Александръ былъ провозглашенъ болгарскимъ царемъ боярами въ 1331 г., нѣсколькоранѣе или одновременно съ тѣмъ, какъ и Душанъ, свергнулъ отца, занялъ его престолъ ¹⁾. Слѣдовательно въ 1333 г., когда шелъ вопросъ о выдачѣ Неды и Шишмана, онъ былъ уже царемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ обращаться за вѣнцемъ къ Душану, а тотъ не могъ прислать ему этотъ вѣнецъ; ибо онъ вступилъ на узурпированный имъ болгарскій престолъ, какъ потомокъ по женской линіи Бдинскихъ Шишмановичей, и слѣдовательно корону получилъ изъ рукъ взявшей перевѣсъ и ему сочувствовавшей партіи, какъ преемникъ болгарскихъ царей, почему онъ и спѣшилъ присоединить къ своему имени прибавку „Асѣнь“. Обязательства, которыя, по словамъ Лукарича, принялъ на себя Александръ въ отношеніи сербскаго краля, по самому свойству своему представляются сомнительнымъ. Феодализма въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ существовалъ на западѣ, на юго-славянскомъ востокѣ никогда не было; пси и соколы

---

conto vassalaggio fosse tenuto mandar ogn' anno una dozana dé cani da caccia, et altra di falconi con tutta la loro provigione al Re di Serbia supremo e *legittimo Re di Bulgaria*. Et quando gli fosse commandato andar alla guerra, fosse tenuto levar in ajuto di Serviani *dodici mila cavalli pagati a spese proprie*.

¹⁾ Cantac. II. c. 26; Gregor. IX. c. 43. p. 458.

какъ знавъ вассальныхъ отношеній прежде всего дѣлають подозрительнымъ разбираемое свидѣтельство. Такимъ повидному находилъ его и Растичъ, безъ сомнѣннн знавшій трудъ Лукарича и, однако, не заимствовавшій изъ него этого, собственно говоря, характернаго разказа, и взаимнн того ограничивающнйся осторожнымъ законическимъ замѣчаннемъ: *con promessa di farli tributario il regno Bulgaro*. Не можетъ не казаться странностью въ данныхъ извѣстняхъ еще одно обстоятельство: уже ли преслѣдованн болгарскаго царевича и его матери на столько-было нужно Александру, что ради его онъ рѣшился отказаться отъ самостоятельности и принялъ на себя унизительныя обязательства по отношенн къ государю, который по своему сану какъ король стоялъ ниже его — царя? Поэтому нельзя ли видѣть источника всего этого сомнительнаго извѣстнн въ недоброжелательныхъ слухахъ про Александра, которые могли быть распускаемы въ Дубровникѣ Недой и Шишманомъ въ видахъ лучшаго успѣха ихъ агитацн въ Болгарн? Но лучше всего говорить противъ достовѣрности разказовъ Лукарича и Растича все то, что мы знаемъ объ отношеннхъ Душана и Александра изъ другихъ болѣе важныхъ источниковъ.

У византнйскихъ лѣтописцевъ-современниковъ, Кантакузина и Григорн, довольно подробно описывающихъ войны Душана съ импернй, мы не находимъ ни одного указаннн на участн болгарскихъ отрядовъ въ сербскихъ походахъ и предпрннннхъ. Если-бъ дѣйствительно военная помощь обязательно выставлялась Александромъ, то названныя лѣтописцы, особенно Кантакузинн, безъ сомнѣнн не могли умолчать о ней. Вѣдь говорятъ же они объ Итальянцахъ, Германцахъ, Албанцахъ; а упомянуть о Болгарахъ представлялось болѣе поводовъ. Только однажды въ теченн всего рассматриваемаго пернода, именно въ 1352 г. въ Марицкой битвѣ Болгаре сражаются вмѣстѣ съ Сербамн противъ Турокъ, призванныхъ Кантакузиномъ. Но и здѣсь они отнюдь не вспомогательный отрядъ Сербовъ, они являются на поле битвы по личной просьбѣ Иоанна Палеолога, занимають позицн отдѣльно отъ Сербовъ, дѣйствуютъ совершенно самостоятельно отъ сербскаго главнокомандующаго Каснеца Борнловича и своимъ самовольнымъ и

преждевременнымъ отступленіемъ, быть можетъ, даже способствуютъ поражению Сербовъ и Грековъ ¹⁾).

Подобно Душану Александръ довольно часто водить съ Византіяцами. Въ смутахъ имперіи онъ принимаетъ также немало-важное участіе. Но вездѣ мы видимъ его дѣйствующимъ независимо отъ сербскаго царя, на свой страхъ, преслѣдующимъ свои цѣли, имѣющимъ въ виду пользу своего государства. Результатомъ его искусной дѣятельности въ этомъ направленіи является возвращеніе къ царству значительной полосы болгарскихъ земель. Разбирая эту дѣятельность и принимая въ соображеніе родственныя и дружественныя отношенія обоихъ монарховъ, приходится допустить, что Александръ, ослабляя по мѣрѣ силъ Византію, дѣйствовалъ отнюдь не какъ сподручникъ, а только какъ союзникъ Душана, притомъ союзникъ вовсе не сочувствовавшій властолюбивымъ стремленіямъ своего сильнаго зятя и не связывавшій себя никакими обязательствами по отношенію къ нему. Вмѣшиваясь въ дѣла имперіи оба государя держатся то одной общей полутяги то различной, но обыкновенно не мѣшаютъ одинъ другому; между ними поддерживается постоянный миръ ²⁾).

Съ перваго года своего царствованія Александръ, подобно Душану, находится въ войнѣ съ Византіяцами. Пользуясь смутами, происходившими въ Болгаріи послѣ Вельбуждской битвы, императоръ Андроникъ, захватилъ подбалканскіе города отъ Тунджи до моря, Діаполь, (Ямболь), Росокастръ, Ктевию, Айтось, Анхіялъ и Месемврию. Новый царь, при содѣйствіи наемныхъ Татаръ, наноситъ Грекамъ поражение и въ 1332 г. по миру въ Росокастрѣ возвращаетъ всѣ утраченныя города. Въ число условій мирнаго договора включено было обѣщаніе императора выдать свою дочь за сына Александра, Михаила Асѣна ³⁾). Такимъ образомъ болгарскій царь заключаетъ миръ съ византіяскимъ императоромъ,

¹⁾ См. выше, стр. 197.

²⁾ Орбичичъ, издавшій свой историческій трудъ нѣсколькими годами ранѣе хроника Лукарича, объ отношеніяхъ Душана къ Александру выражается слѣдующимъ положительнымъ образомъ: *Viveva in pace ancor con Alessandro Rè de' Bulgari. — Il regno degli Slavi*, 268.

³⁾ Cantac. II. cc. 26—27. Greg. IX. c. 13. X. c. 4. Cp. выпускъ I. 86.

между тѣмъ какъ Душанъ продолжаетъ оставаться во враждебныхъ отношеніяхъ къ имперіи до 1334 г., до убіенія Сиргіана и до свиданія на р. Галиѣ. Условленный бракъ болгарскаго царевича съ византійскою царевной произошелъ въ 1338 г., когда Душанъ снова находился въ разрывѣ съ Андроникомъ и дѣлалъ завоеванія въ Албаніи. Врядъ ли Александръ заботился тогда объ интересахъ сербскаго государя, усиленно домогаясь родства съ византійскимъ императоромъ. Андроникъ возвращался въ свою столицу послѣ удачнаго похода на западѣ, окончившагося присоединеніемъ къ имперіи давно оторванныхъ отъ нея областей Эпира и Акарнаніи. На дорогѣ въ Адрианополь его ожидали болгарскіе послы съ напоминаніемъ объ исполненіи обѣщанія. Императору, говоритъ Кантакузинъ, было не по душѣ это напоминаніе: ему хотѣлось лучше удержать свою дочь дома, чѣмъ отдавать ее въ супружество сыну Александра, ибо онъ зналъ какъ ей, воспитанной въ эллинскихъ и царскихъ правахъ и обычаяхъ, будетъ тяжела жизнь у варваровъ. Однако же сознавая, что этотъ бракъ послужитъ ко благу Ромѣевъ, онъ далъ посламъ свое согласіе¹⁾. Свадьба въ присутствіи царя и императора была сыграна въ Адрианополь. Брачующіеся были еще совсѣмъ дѣти: жениху шелъ пятнадцатый годъ, а невѣстѣ Маріи Палеологъ исполнилось всего девять. Цѣлые восемь дней происходили пиры и празднества на берегу Тунджи. На девятый день молодые отправились въ Болгарію. Многие знатные Греки провожали Марію до Тернова²⁾. Съ этого времени, говоритъ Григора, насталъ глубокий миръ между Ромѣями и Болгарами³⁾. Въ совсѣмъ пныхъ, далеко не мирныхъ отношеніяхъ къ Андронику, какъ мы знаемъ, находился въ это время основатель сербскаго царства.

---

1) Cantac. II. c. 38. p. 504: βασιλεὶ δὲ τοῦτο μὲν οὐκ ἦν καθ. ἡδονήν. μᾶλλον γὰρ ἐβούλετο τὴν θυγατέρα αἰκοι διατρίβειν, ἢ Ἀλεξάνδρου τῷ υἱᾷ εἰς κοινωσίαν ἐκδιδόναι γάμον, τὴν παρὰ τοῖς βαρβάροις διατριβὴν εἰδὼς οὐκ ἔσομένην πρὸς ἡδονὴν τοῖς ἡθεσι καὶ νόμοις ἑλληνικοῖς ἐντετραμμένη καὶ βασιλικοῖς, τῷ κοινῷ δὲ Ῥωμαίων τὸν γάμον οἰόμενος τῆς θυγατρὸς λυσιτελεῖν, ὑπέσχετο ποιῆσαι.

2) Cantac. II. c. 38. p. 508.

3) Greg. XI. c. 7. p. 546: καὶ ἦν τὸ λοιπὸν εἰρήνη βαθεῖα μεταξύ Ῥωμαίων καὶ Μουσῶν.

Вынужденное согласіе Андроника на бракъ дочери съ Михаиломъ Асѣнемъ показывается, насколько опаснымъ врагомъ для имперіи представлялся болгарскій царь. Немаловажный вѣсь и значеніе Александра въ политическихъ дѣлахъ полуострова признавали Византіяцы и позже, когда по смерти Андроника Кантакузинъ провозгласилъ себя императоромъ и возстановилъ время усобицы. Мы видимъ, что въ 1342 г. въ Константинополѣ, въ средѣ партіи противной Кантакузину былъ пущенъ слухъ о возможности подчиненія имперіи царю болгарскому Александру ¹⁾. Послѣдній, повидимому, также дорожилъ дружбой и родствомъ съ Андроникомъ, а потомъ съ его сыномъ. Въ своемъ хрисовулѣ, данномъ Зографскому монастырю въ 1342 г., Александръ говоритъ: «ѣще же и на истиннѣхъ и нелицемѣрнѣхъ любовь еже имѣше црство ми съ прѣвысокимъ цремъ Гръцкимъ възлюбленнымъ братомъ и сватомъ црства ми кыръ Андроникомъ Палеологомъ даже и до смърти его и по смърти еговы пакы не измѣнисѣ црства ми любовь. Нѣ паче оусоугоуби тѣхъ и на сна его прѣвысогаго црѣ Гръкомъ Калоіоанна Палеолога възлюбленнаго анепсеа и свата црства ми» ²⁾. По просьбѣ Александра Іоаннъ Палеологъ приписалъ въ Зографу Стримонскую деревню Хандакъ, на что выдалъ свой хрисовулъ ³⁾, о которомъ упоминается и въ указанной болгарской грамотѣ.

Свидѣтельство хрисовула о дружественныхъ отношеніяхъ Александра къ преемнику Андроника подтверждается фактами. Въ 1341 г. онъ потребовалъ отъ Византіяцевъ выдачи Шипмана,

---

¹⁾ Cantac. III. c. 39. Vol. II. p. 207. Патриархъ убѣждая императрицу Анну не примиряться съ Кантакузиномъ говоритъ: *ἀν δ'ἀδυνάτως ἔχωσι πρὸς τὸ ἀμύνησθαι, μᾶλλον αἰρούνται Ἀλεξάνδρῳ τῷ Μισσῶν βασιλεῖ δουλεύειν τὴν πόλιν παραδόντας, ἢ τοῖς ἐκ Βενετίας ἢ Γενούας Λατίνοις ἢ Καντακουζηνῷ δεσπότῃ χρῆσθαι.*

²⁾ И. Срезневскаго Свидѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ намятникахъ. LXXXI. Спб. 1879. 26.

³⁾ Афонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова, 78. Александръ здѣсь называется дядей и родственникомъ императора: *ὁ ὑψηλότατος βασιλεὺς τῶν Βουλγάρων καὶ περιπόθητος θεῖος καὶ συμπόνηρος αὐτῆς κύρ Ἰοάννης ὁ Ἀλέξανδρος.*

скрывавшагося въ Константинополѣ и для подрѣвленія требованія выступилъ съ войскомъ на границу къ Стилбну (Сливно) Регентъ великій domestikъ Іоаннъ Кантакузинъ отказалъ въ выдачѣ Шишмана, но всетаки успѣлъ склонить Александра не нарушать миръ ¹⁾. Между тѣмъ Душанъ въ это время не обращалъ вниманія на напоминаніе о мирномъ договорѣ и опустошалъ Македонію.

Когда въ имперіи началась междоусобная война, Александръ принимаетъ въ ней значительное участіе. Подобно Душану ставя на первомъ планѣ въ этомъ участіи расширеніе предѣловъ собственнаго государства, онъ все время держитъ сторону императрицы Анны и Іоанна Палеолога.

Въ то время какъ Душанъ въ началѣ усобицы оказываетъ покровительство Кантакузину, Александръ старается вредить ему. Два раза представлялся ему случай овладѣть важнѣйшими городами Тракии—Адрианополемъ и Димотихой, и каждый разъ мѣшали ему союзники Кантакузина Турки. Въ 1341 г., едва только вспыхнула усобица, Адрианопольцы, оставшіеся вѣрными законному императору, т. е. Палеологу, призвали Александра на помощь противъ Кантакузина. Болгарскій царь послѣшилъ на зовъ; но въ самый Адрианополь горожане не рѣшились его пустить, а уронъ, понесенный въ стычкѣ съ отрядомъ Кантакузина и бродячими турецкими полчищами заставилъ его примириться съ узурпаторомъ и вернуться во свояси ²⁾. Въ 1342 г., когда Кантакузинъ уже гостилъ въ Сербіи, супруга его императрица Ирина, стѣсненная въ Димотикѣ военными дѣйствіями противной партіи, рѣшилась призвать на помощь Болгаръ. Александръ явился, прогналъ вождей Апокавка; но взаменъ того самъ стѣснилъ городъ и хотѣлъ силою овладѣть имъ. Мало того, для большаго успѣха дѣла онъ отпра-

¹⁾ Cantac. III. cc. 2. 7. 10. Въ рѣчи Кантакузина, держанной передъ болгарскими посланцами, находимъ косвенное указаніе на неболгарское происхожденіе Александра. Онъ грозитъ выставить Шишмана претендентомъ на болгарскій престолъ и какъ ручательство за успѣхъ этого дѣла приводитъ слѣдующій доводъ: ἴστε γὰρ δῆπου καὶ αὐτοί, ὡς πολλοὶ Μουσῶν προσφωρῆζουσιν ἐκείνῳ διὰ τὴν ἀρχαίαν φιλίαν καὶ τὴν οἰκειότητα τοῦ γένους.

²⁾ Cantac. III. c. 29.

вилъ пословъ къ Душану просить его, чтобы онъ не отпускалъ Кантакузина, а напротивъ чтобы заключилъ его подъ стражу, а то и убилъ бы его. Просьба эта, однакожь, не была уважена кралею. Очень возможно, что въ своемъ отказѣ Душанъ, руководился не только нравственными требованіями и вообще желаніемъ дѣйствовать съ Кантакузиномъ, но кое какими другими соображеніями. Намъ думается, что возможенъ такой вопросъ: хотѣлъ ли будущій царь Сербовъ и Грековъ, чтобы его родственникъ владѣлъ такими важными и столь близкими къ столицѣ городами какъ Адрианополь и Димотика? Спасителемъ Ирины явился Омуръ, полчища котораго заставили Болгаръ поспѣшно отступить въ свою страну ¹⁾.

Въ 1343 г. правительство императрицы Анны, добившись разрыва Душана съ Кантакузиномъ, обращается съ просьбою о дѣятельной помощи и къ Александру. Въ награду за это ему предложено давнишнее достояніе Болгарскаго народа—роскошная долина верхней Марицы, съ чудеснымъ и великимъ городомъ (*πόλις θαυμασία καὶ μεγάλη*) Филиппополемъ и крѣпостцы въ Родонѣ, Цѣпина, Кричимъ, Перушница, Св. Юстина, Станимакъ, Водень, Айтось и Козникъ ²⁾. Александръ, конечно воспользовался прекраснымъ случаемъ расширить предѣлы своего государства и поспѣшилъ занять всѣ названные города. Но настоящей помощи Иоанну Палеологу онъ не могъ оказать. Турки Омур, бродившіе по Ѳракіи и Македоніи, заставляли его быть осторожнымъ. По уходѣ же ихъ въ Азію, сдѣланное имъ вторженіе въ Морру было отражено Кантакузиномъ ³⁾.

Въ 1350 г. Кантакузинъ, уже византійскій императоръ, пытается сойтись съ Александромъ. Онъ предлагаетъ болгарскому царю на общія средства устроить флотъ для защиты береговъ полуострова отъ высадки турецкихъ отрядовъ, причинявшихъ Болгаріи бѣдствій не меньше чѣмъ Ѳракіи. За такимъ проектомъ союза императора—дипломата, нужно думать, скрывались совсѣмъ иныя цѣли.

¹⁾ Cantac. III. с. 56. Ср. выпускъ I. 68.

²⁾ О мѣстоположеніи этихъ укрѣпленій см. К. Иречка Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. 96.

³⁾ Cantac. III. с. 66. р. 406. с. 69 р. 427.

Отнюдь не безопасностью Эракин, а тѣмъ болѣе Болгаріи отъ турецкихъ вторженій былъ онъ озабоченъ въ ту пору. Деньги и флотъ, о которыхъ онъ просилъ Александра, нужны были ему не противъ Турокъ, которыхъ онъ самъ же охотно впускалъ въ предѣлы имперіи, а противъ другаго врага—Латинянъ. Предложеніемъ же своимъ онъ, очевидно, хотѣлъ удержать болгарскаго царя отъ крутаго выраженія неудовольствія за тѣ опустошенія, которымъ подвергалась его страна, и отвѣтственность за которыя въ значительной степени падала на императора—узурпатора. Попытка эта, однакожь, не удалась. Александръ, если вѣрить разказу Кантакузина, принялъ было предложенный союзъ, но пришедшій отъ Душана совѣтъ не давать денегъ императору разстроилъ все дѣло. Этотъ эпизодъ—единственный извѣстный фактъ, который можетъ дать поводъ говорить о несамостоятельной политикѣ Александра. Но не говоря уже о томъ, что онъ единственный среди цѣлаго ряда другихъ прямо противоположнаго свойства, и самъ по себѣ онъ недостаточно убѣдителенъ. Даже изъ повѣствованія Кантакузина, въ данномъ случаѣ далеко не безпристрастнаго видно, что сербскій царь отнюдь не приказывалъ болгарскому, а только подсмѣивался, что этотъ хочетъ стать данникомъ Ромэевъ, и по родственному совѣтовалъ ему не довѣрять Кантакузину ¹⁾. Въ 1352 г., какъ уже сказано, Александръ высылаетъ отрядъ для поддержки Іоанна Палеолога.

И такъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Александръ во время могущества Душана оставался такимъ же независимымъ государемъ, каковымъ является послѣ его смерти. Болгарія отнюдь не входитъ въ составъ Сербскаго царства. Родственныя узы связывавшія болгарскаго царя съ сербскимъ, мѣшали послѣднему слотить въ одно цѣлое два юго-славянскія государства,

---

¹⁾ Cantac. IV. c. 22. Vol. III. p. 164. Въ первомъ выпускѣ (стр. 114), по неосторожности, мы допустили не совсѣмъ точныя выраженія, сказавъ, что „Душанъ наложилъ свое veto на соглашеніе Александра съ Кантакузиномъ, и что будто бы болгарскій царь не смѣлъ противорѣчить своему сильному родственнику“. Въ этомъ эпизодѣ прежде всего слѣдуетъ видѣть указаніе на родственныя сношенія обонхъ государей.

что до нѣкоторой степени становилось возможнымъ послѣ Вельбуждской битвы. Не нарушая мира между собою, каждое изъ нихъ ведетъ свою самостоятельную политику, сходную, впрочемъ въ основномъ стремленіи усилиться на счетъ слабости имперіи. Вмѣшиваясь въ византійскія дѣла, извлекая изъ этого вмѣшательства выгоды для себя, болгарскій царь косвенно способствуетъ росту Сербскаго царства.

Но отчего же, спрашивается, мы не видимъ со стороны Болгаріи кое-чего большаго? Отчего при тѣхъ узакъ родства и дружбы, которыя соединяютъ обоихъ монарховъ, Александръ не является постояннымъ активнымъ помощникомъ Душану? Отчего съ ихъ стороны не замѣтно вполне единомысленнаго и единогодушнаго образа дѣйствій? Отчего, однимъ словомъ, Сербы и Болгаре не идутъ вмѣстѣ на Царьградъ, для довершенія завоеванія византійской имперіи, а вмѣсто того приглашаются для этого великаго дѣла совсѣмъ неподходящіе союзники—Венеціанцы? Вопросы эти весьма любопытны и существенно важны въ дѣлѣ разъясненія занимающихъ насъ событій. Къ сожалѣнію, въ настоящее время при скудости имѣющихся на лицо историческихъ данныхъ, трудно отвѣтить на нихъ вполне удовлетворительнымъ образомъ. Мы позволимъ себѣ здѣсь выставить только два соображенія.

Прежде всего возможно сомнѣніе въ томъ, чтобы Болгарія была въ состояніи оказать помощь Душану въ задуманномъ имъ огромномъ предпріятіи. О внутреннемъ состояніи Болгаріи при царѣ Александрѣ мы знаемъ очень немного, а то, что знаемъ, не говоритъ о ея могуществѣ. Мы видимъ, что Александръ увеличиваетъ размѣры своего государства, но это увеличеніе дается ему довольно легко, благодаря постороннимъ обстоятельствамъ, а не его собственной силѣ. Въ 1334 г. ему помогаютъ Татары; Филиппополь и Родопскія крѣпостцы уступаются ему добровольно византійскимъ правительствомъ. Собственныя же его военныя предпріятія, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, не отличаются успѣхомъ. Ему не удается взять ни Адрианополя, ни Димотики, ни овладѣть Моррой. Отсюда естественно предполагать, что войско царя не было очень значительно. Оно не въ состояніи даже оборонять государство отъ вторженій Турокъ, которые нещадно опустошаютъ южную

Болгарію ¹⁾. Александръ постоянно озабоченъ отраженіемъ этихъ варваровъ и, однако, не предпринимаетъ противъ нихъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Съ сѣвера Болгарія также терпитъ не мало отъ другихъ варваровъ—Татаръ. То обстоятельство, что самъ царь иногда для своихъ предпріятій нанималъ отдѣльныя татарскія орды, не обезпечивало страны отъ непрошенныхъ посѣщеній хищныхъ кочевниковъ ²⁾. Къ этому бѣдствію, шедшему извнѣ, въ Болгаріи присоединилось другое—внутри ея самой. Страна въ данное время раздирается религиозными смутами. Не смотря на преслѣдованія, установленныя Терновскимъ соборомъ 1211 г., Богомилы составляли большую силу въ Болгаріи. Но кромѣ нихъ въ царствованіе Александра проникли въ государство и другія ереси—болѣе вредныя и деморализующія—Исихасты и Адамиты. Проповѣдая въ высшей степени безнравственное и грязное ученіе, эти еретики увлекали за собою массы народа. Къ тому же, со времени женитьбы Александра на еврейкѣ, замѣнившей первую супругу его дочь валашскаго князя, значительно увеличилось въ Болгаріи число Евреевъ. Полагаясь на покровительство царицы, принявшей, впрочемъ, христіанство, Евреи дѣлали не мало стѣсненій христіанамъ и открыто надсмѣхались надъ господствующею вѣрой ³⁾. Такимъ образомъ религиозное броженіе въ Болгаріи было весьма значительно; съ одной стороны оно не могло не отвлекать вниманія Александра, который для борьбы съ ересями созываетъ въ Терновѣ соборы (1350 и 1355 гг.), а съ другой оно должно было отпугивать и Душана отъ сближенія съ Болгаріей.

Такимъ образомъ, болгарскій царь, занятый своими внутренними дѣлами и не обладая большими военными средствами, которыя при томъ нужны были ему для защиты собственнаго государ-

---

¹⁾ Cantacuz. IV. с. 16. р. 116., с. 22. р. 162., с. 88 р. 247.—Gregor. XV. с. 5 р. 764. I. XXVI. с. 84., Vol. III. р. 100., с. 53. р. 118.

²⁾ Cantac. III. с. 51. р. 302.

³⁾ О религиозныхъ смутахъ въ Болгаріи въ царствованіе Александра см. житіе Θεодосія Терновскаго, написанное патриархомъ цареградскимъ Каллистомъ. *Чтенія въ Моск. Обществ. исторіи и древностей російскихъ*. 1860 г. кн. 1. Ср. также Голубинскаго *Очеркъ исторіи Прав. церкви*. 675.

ства, намъ думается не предлагать, да и не могъ предлагать, своему родственнику, сербскому царю, дѣятельной помощи для созданія общими усиліями новаго порядка вещей на полуостровѣ.

Но рядомъ съ этимъ соображеніемъ возможно и другое: самъ Душанъ, повидимому, не хотѣлъ тѣснаго союза съ Болгарами для выполненія своего политическаго плана. Несмотря на родственныя и мирныя отношенія обоихъ государей, между ними существовали какія-то недоразумѣнія и взаимное недовѣріе. Душану какъ бы не нравилась попытка Александра присоединить къ своему царству Адрианополь и Димитику, онъ какъ бы боятся соперничества со стороны болгарскаго царя, который въ правѣ былъ имѣть свои виды на столпцу греко-славянскаго міра; съ другой стороны и Александръ, вѣроятно, не былъ склоненъ сочувствовать побѣдоносному шествію сербскаго царя на Царьградъ. Къ такому соображенію невольно приводятъ, кромѣ указанныхъ фактовъ самостоятельной политики болгарскаго царя, еще слѣдующія два обстоятельства:

Въ 1349 г. 20 сентября Душанъ заключилъ договоръ съ Дубровчанами. Разрѣшая имъ свободно торговать въ Сербскомъ царствѣ и проходить черезъ него съ товарами въ другія земли, онъ дѣлаетъ такую оговорку: „тѣмъ оружіемъ да не носѣ ни у Бунаре, ни у Басарабину землю, ни на Угрѣ, ни у Босну, ни у Гръке ни инамо камо любоо у тугю землю, тѣмъ у землю царства ми и краљеву“ ¹⁾. Такимъ образомъ Болгарія оказывается въ спискѣ государствъ, съ которыми сербскій царь былъ уже въ непріязненныхъ отношеніяхъ, отъ которыхъ ожидалъ себѣ какихъ-то непріятностей. Запрещая провозъ оружія въ Болгарію, онъ тѣмъ самымъ ясно показывалъ, что не вполне довѣряетъ своему родственнику и не рассчитываетъ на военный союзъ съ нимъ.

Въ 1352 г., когда Душанъ, огорченный неудачею своего проекта союза съ Венеціей, видимо находился въ разладѣ съ республикой, Александръ завязываетъ съ послѣднею дружественныя отношенія. Онъ даетъ Венеціанцамъ грамоту, которою обезпечиваетъ имъ права безпрепятственной торговли въ своемъ царствѣ и общается

¹⁾ Миклошичъ. „Monumenta Serbica“. 146.

имъ съ своей стороны всякую поддержку и покровительство. Между прочимъ Венеціанцы получаютъ право строить всюду въ Болгаріи свои церкви и биржи. Всякій, кто вздумаетъ помѣшать имъ въ этомъ, говоритъ царь въ своей грамотѣ, будетъ измѣнникомъ моего царства (sia traditore del mio imperio). Договоръ этотъ былъ переданъ Марку Леонарду, венеціанскому консулу въ Варнѣ. Къ договору или копии съ него было приложено письмо царя (dio gratia imperator del Zagora, de Bolgari e de Giresi) къ его „великому и могущественному другу и любезнѣйшему брату“ (al magnifico e possente amico e fratel carissimo) дожу Андрею Дандолу. Въ немъ Александръ извѣщалъ главу республики о своей всегдашней готовности принять посольство, которое намѣрена ему послать Венеція, о чемъ онъ получилъ извѣщеніе отъ Марина Фальера ¹⁾ (тогда венеціанскаго посла при дворѣ угорскаго короля). Цѣль этого посольства, очевидно, была политическая. Очень возможно, что хитрые Венеціанцы искали союза болгарскаго царя столько же противъ Генуэзцевъ, съ которыми въ это время вели войну, какъ думаетъ профессоръ В. Макушевъ ²⁾, сколько въ видахъ интриги противъ Душана. Во всякомъ случаѣ эти сношенія Александра съ Венеціей именно въ то время, когда сербскій царь долженъ былъ охладѣть въ республикѣ, искусно проведенной его, положительно свидѣтельствуютъ о недостаткѣ солидарности въ политическихъ стремленіяхъ обоихъ государей.

Итакъ, оба славянскія государства оказываются недостаточно единодушными и единомысленными въ тотъ благоприятный моментъ, когда историческія обстоятельства, повидному, передавали на ихъ рѣшеніе задачу глубокой важности для всего Балканскаго полуострова, т. е. отраженіе Турокъ и Латинянъ и созданіе на мѣсто Византійской имперіи славянскаго царства. Событія 1330 г. открывали сербскому государю возможность привлеченія и Болгаріи къ осуществленію этой великой задачи, но Душанъ, вслѣдствіе многообразныхъ причинъ, не могъ, не умѣлъ и не успѣлъ этого сдѣ-

---

¹⁾ Ljubić. Monumenta III. 246—248.

²⁾ Макушева Исторія Болгаръ въ грудѣ К. О. Иречка. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878. Май. 79.

дять. Онъ пошелъ искать союзниковъ въ ту сторону, откуда могъ встрѣтить лишь помѣхи своимъ начинаніямъ и какъ бы забылъ о своей ближайшей славянской союзницѣ. Вотъ еще одна изъ причинъ неудачи плана славянскаго завоевателя ¹⁾).

2) Борьба за западныя сербскія области. Политика Душана относительно Угріи и Папы.

Выше мы уже замѣтили, какая трудная задача предстояла преемнику Немани и Милутина на западѣ его государства. Собираніе сербскихъ земель, оставшихся въ теченіе двухъ вѣковъ въ сторонѣ отъ сербскаго королевства, во времени Душана уже весьма усложнилось. Сильное вліяніе Запада, которому подверглись Босна и Захолмье, внося внутренній разладъ въ славянское населеніе этихъ областей, укрѣпило въ нихъ и безъ того присущій имъ духъ партикуляризма. Сербскій сѣверо-западъ не только уже отличался отъ сербскаго юго-востока въ культурномъ и религіозномъ отношеніи, но и заявлялъ стремленіе къ обособленной отъ этого послѣдняго политической жизни. Но это обособленное политическое существованіе не могло носить и тѣни свободы или самобытнаго развитія. Надъ всею западною половиною Бал-

---

¹⁾ Однимъ изъ доказательствъ того, что внутреннее состояніе Болгаріи при царѣ Іоаннѣ Александрѣ было еще далеко отъ полнаго упадка, можетъ служить фактъ весьма значительнаго оживленія въ ней литературы, именно въ правленіе этого государя. Ни изъ одного періода болгарской исторіи не дошло до насъ столько древнихъ рукописей, какъ изъ временъ „благочестиваго и великаго царя Болгаромъ и Грекомъ Іоанна Александра“. Самъ царь былъ ревностнымъ любителемъ книгъ и дѣятельно поощрялъ развитіе литературы. По его повелѣнію, какъ извѣстно, была переведена хроника Константина Манассіи и списано множество священныхъ книгъ и богословскихъ сочиненій. Такъ напр. извѣстны: патерикъ 1346 г. въ мон. Керкѣ въ Далмаціи, московскіе сборники 1345 и 1348 гг., два драгоценныхъ евангелія (одно съ миниатюрами), ввезенныхъ съ Акона Курзюкомъ и хранящихся въ Оксфордѣ и др. См. Чертковъ О переводѣ манассинной гѣтописи. 1842. Вилларскаго О средне-болгарскомъ вокализмѣ. К. Иречка Исторія Болгарь. 411. 567. Успенскаго О слав. рук. (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878. Сент.). Ср. также В. Ламанскаго О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864.

канскаго полуострова тяготѣло верховное владичество угорскаго короля, усерднаго поборника интересовъ міра латино-католическаго.

Банъ Стефанъ Котроманичъ, соединившій въ своихъ рукахъ управленіе Босной и Захолмьемъ, подобно своимъ предшественникамъ, признавалъ себя вассаломъ угорскаго короля и послушно исполнялъ его приказанія ¹⁾. Рожденный въ православной вѣрѣ Стефанъ въ началѣ сочувствовалъ и покровительствовалъ Богомиламъ, какъ извѣстно, составлявшимъ силу въ Боснѣ. Но вскорѣ, уступая угрозамъ папы и своего верховнаго государя Карла Роберта (1308—1342), онъ вынужденъ впустить въ свою страну инквизитора Фабіана и его помощниковъ францисканскихъ и доминиканскихъ монаховъ, которые дѣятельно принимаются здѣсь столько же за искорененіе богомильской ереси, сколько за преслѣдованіе ненавистной имъ православной схизмы ²⁾. Уступка его, однакожь, этимъ не ограничивается. Дубровницкій каноникъ Домана Бобаличъ, исполнявшій должность перваго секретаря при банѣ, склонилъ его перейти въ католичество ³⁾. Въ началѣ 1340 г. Стефанъ уже торжественно принималъ папскаго посла Геральда, который присоединилъ его къ католической церкви и взялъ съ него обязательство въ томъ, что онъ искоренитъ ереси и возстановитъ истинную вѣру въ своемъ государствѣ ⁴⁾. Особымъ письмомъ папа предписывалъ королю Роберту помочь бану въ этомъ дѣлѣ ⁵⁾. Измѣнивъ такимъ образомъ своимъ первоначальнымъ религиознымъ убѣжденіямъ, Стефанъ Котроманичъ остается вѣрнымъ данному имъ обязательству; онъ усердно искореняетъ богомильство, поддерживаетъ францисканцевъ, строитъ имъ церкви и монастыри и всячески покровительствуетъ католической пропагандѣ ⁶⁾. Въ качествѣ вассала онъ помогаетъ преемнику Карла Лудовику

¹⁾ Ср. Ljubić. Opis Jugoslavenakih novaca. U Zagrebu. 1876. 203.

²⁾ Theiner. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. I. 617.

³⁾ Luccari. Copioso ristretto degli Annali di Rausa. p. 54.

⁴⁾ Theiner. I. 633.

⁵⁾ Ibidem. 632.

⁶⁾ Luccari p. 54. Ср. Parlati. Illyricum sacrum. T. IV. p. 59.

Великому въ его военныхъ предпріятіяхъ. Въ 1345 г. его войско вмѣстѣ съ войскомъ Лудовика идетъ усмирять хорватскихъ князей ¹⁾. Въ 1346 г. онъ сопровождаетъ угорскаго короля въ его походъ въ Далмаціи для освобожденія Задра, осажденнаго Венеціанцами ²⁾. Попытка Венеціи окончательно привлечь на свою сторону бана путемъ подкупа и получить отъ него дѣятельную помощь въ эту войну не удалась ³⁾. Наконецъ, мы видимъ боснійскія войска въ походъ Лудовика на Татаръ ⁴⁾. Позже связь Боснии съ угорскимъ королевствомъ еще болѣе укрѣпляется брачнымъ союзомъ: въ 1353 г. единственная дочь Стефана Котроманича Елизавета стала супругою короля Лудовика Великаго ⁵⁾.

Но причисляя къ своей коронѣ Босну и владѣя издавна Хорватіей и Далмаціей, въ которой господство на время пришлось уступить Венеціи, угорскіе короли сверхъ того фактически считали себя государями частицы сербской территоріи, лежавшей на востокъ отъ Босны, на правомъ берегу Дуная и нѣкогда принадлежавшей сербскому королевству. Это была Мачва (Маховскій банатъ) и прилегавшая къ ней Бѣлградская область. Со времени Милутина эта сербская земля находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ намѣстниковъ угорскихъ королей ⁶⁾.

Притязанія угорскихъ государей, однакожъ, не останавливались на этомъ; они шли гораздо дальше. Завоеваніе или по крайней мѣрѣ подчиненіе своему политическому вліянію и восточной половины Балканскаго полуострова—вотъ что ставили они задачей своей вѣшной дѣятельности. Такія обширныя притязанія Угровъ стояли въ прямой связи съ планами и видами, которые преслѣдо-

---

¹⁾ Job. Thurocz. Chronica Hungarorum. l. III. c. 7. ap. Schwandtner. Scriptores rerum Hungaricarum. T. I. p. 177. Cp. Lucii. Memorie di Trau. p. 240.

²⁾ De obsidione jadrensi ap. Schwandtn. Ss. III. 679. Ljubić. Monumenta II. 288. 333.

³⁾ Ljubić. Monumenta II, 364. Cp. Račić. Pokret na Slavenkom jugu kozaem XIV i početkom XV stoljeća. Rad. II. 80.

⁴⁾ Villani ap. Muratori. Ss. T. XIV. l. II. c. 74.

⁵⁾ Ljubić. Op. jugosl. nov. 204.

⁶⁾ Thurocz l. III. c. 39. Dominicus Filius Oslo, banus de Macho... Schwandtner. Ss. I. p. 193.

важись по отношенію къ Востоку верховнымъ главою и духовнымъ руководителемъ всего западнаго міра—папой. Угорскій король, какъ послушный сынъ римской церкви, долженъ былъ мечемъ прокладывать путь католическому правовѣрію въ сосѣднихъ съ его государствомъ земляхъ схизматиковъ и приводить послѣднихъ къ подчиненію престолу римскаго первосвященника, подобно тому, какъ этотъ благочестивый подвигъ въ другихъ частяхъ греко-славянскаго міра совершали Французы, Нѣмцы, Итальянцы, Венеціанцы, Генуэзцы и другіе народы латинскаго запада. Въ XIV в., въ эпоху образованія Сербскаго царства, угорскіе короли особенно проникаются сознаниемъ важности своей миссиі на востокъ, возложенной на нихъ папствомъ. Въ 1308 г. въ лицѣ Карла Роберта вступила на угорскій престолъ Анжуйская династія, представители которой, владѣтельные государи въ южной Италіи, какъ извѣстно, были самыми видными поборниками идеи завоеванія Цареграда Латинянами, а нѣкоторые даже усвоили себѣ фивтивный титулъ императора Романіи (Филиппъ Тарентскій). Подъ управленіемъ этой династіи Угрія достигаетъ наибольшей степени могущества Карлъ Робертъ приводитъ въ порядокъ финансы государства, создаетъ сильное войско и задается планомъ соединенія съ Угріей престоловъ неапольскаго и польскаго. Въѣстѣ съ этимъ имъ усвоиваются традиціи неапольскихъ Анжуйцевъ относительно завоеванія Востока, которыя отождествляются у него съ исконными стремленіями угорскихъ государей; его предшественниковъ, утверждать и расширять свою власть на югъ отъ нижняго Дуная. Лудовикъ Великій (1342—1382) старается осуществить программу своего отца и преслѣдуетъ еще болѣе широкіе политическіе замыслы. Не смотря на большія усилія, онъ не успѣваетъ возложить на себя неапольскую корону; за то въ 1370 г., по смерти Казимира II онъ торжественно восходитъ на польскій престолъ, соединяя такимъ образомъ подъ управленіемъ одной династіи два большихъ государства въ центрѣ Европы. Въ будущемъ имѣлось въ виду включить въ эту монархію еще третье государство—Чехію. Въ годъ своей смерти Лудовикъ съ согласія польскихъ и угорскихъ чиновъ назначилъ своею наслѣдницею дочь Марію, которая въ томъ же году была имъ сосватана за Сигизмунда, сына чешскаго короля Карла IV.

Озабоченный образованіемъ сильнаго федеративнаго государства, этотъ замѣчательный государь Угрии въ то же время стремится къ распространенію своей власти на земли и области, лежавшія вообще на Балканскомъ полуостровѣ и въ частности на нижнемъ Дунаѣ. Возвращеніе Угрии далматинскихъ городовъ, войны съ Татарами, Валахами, Сербами, Болгарами — были выраженіемъ этого стремленія. Не смотря на неудовольствія, которыя ему приходилось имѣть съ папой въ первые годы своего правленія, Лудовикъ постоянно является истиннымъ католическимъ государемъ. Высшимъ призваніемъ своего могущественнаго положенія среди монарховъ Европы онъ ставитъ распространеніе на православномъ Югѣ и Востокѣ культурныхъ началъ латинскаго Запада, что на языкѣ того времени называлось „искорененіемъ ересей и схизмы (т. е. православія)“ и обращеніемъ схизматиковъ къ общенію съ единою истинною церковью римскою и къ повиновенію верховному главѣ послѣдней—папѣ. Римскій первосвященникъ, въ разсматриваемую эпоху все еще томившійся въ „авиньонскомъ плѣну“, съ своей стороны неустанно напоминаетъ Лудовику объ этомъ высокомъ его призваніи. Онъ постоянно заявлять тѣмъ, что улаживаетъ неудовольствія и ссоры угорскаго государя съ другими членами того же западнаго міра, и проповѣдуетъ всѣмъ имъ миръ для скорѣйшаго снаряженія единодушнаго крестоваго похода противъ схизматиковъ ¹⁾. Постепенно возвышавшееся на полуостровѣ Сербское государство, какъ носитель тѣхъ же началъ православія, которыя до послѣдней возможности отстаивала все ниже и ниже упадавшая Византія, сильно смущало многихъ государей Запада. Имъ нужно было во что бы ни стало остановить успѣхи схизматиковъ. Проекты завоевательнаго движенія на Балканскій полуостровъ въ родѣ указаннаго нами проекта Брокера, были въ большемъ ходу на всемъ Западѣ, но выполненіе этого великаго подвига по отношенію къ славянскимъ землямъ полуострова возлагалось латинскимъ міромъ и его духовнымъ главой на угорскаго короля, какъ непосредственно заинтересованнаго

---

¹⁾ О Лудовикѣ Великомъ см. Fessler, Geschichte von Ungarn. Zweite Auflage bearbeitet von E. Klein. 1869. Ed. II, 90—226.

въ распространеніи предѣловъ своего государства въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ серьезная опасность грозила Сербіи и всему сербскому народу съ сѣверо-запада. Тяжелыхъ ударовъ приходилось имъ ждать отъ могущественной сосѣдки!

Стефанъ Душанъ, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ и эту опасность со стороны Угрии и всю трудность собиранія западныхъ сербскихъ областей. Въ этомъ пониманіи положенія дѣлъ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ, почему онъ сосредоточилъ свою дѣятельность по преимуществу на юго-востокѣ: въ этой сторонѣ можно было ожидать успѣховъ болѣе легкихъ и болѣе вѣрныхъ. Родной единоплеменный западъ уже съ самаго начала отталкивалъ Душана. Не чуждаясь мысли объ единеніи сербскихъ земель, онъ слишкомъ мало останавливался на этой важной задачѣ, осуществленіе которой только и могло придать внутреннюю силу и крѣпость его государству. По мѣрѣ того какъ въ немъ росло увлеченіе завоеваніями на счетъ имперіи и крѣпла надежда овладѣть самимъ Цареградомъ, онъ естественно все меньше думалъ о спасеніи западныхъ сербскихъ областей и объ обезпеченіи своего царства отъ притязаній міра латинскаго. Вниманіе его въ эту сторону направляется не на долго, урывками, въ моменты крайней опасности и преимущественно въ послѣдніе годы его царствованія, въ періодъ неудачъ и разочарованій на юго-востокѣ. Понятно, что при такомъ недостаточно серьезномъ и мало дѣятельномъ отношеніи сербскаго царя къ одному изъ самыхъ жизненныхъ для тогдашняго юго-славянства вопросовъ, рѣшеніе этого послѣдняго не подвинулось впередъ. Никакихъ значительныхъ и сколько-нибудь прочныхъ земельныхъ приобрѣтеній на западѣ Душанъ не успѣлъ сдѣлать. Равнымъ образомъ и отпоръ, который онъ вынужденъ былъ дать властолюбивымъ стремленіямъ Латинянъ, характеризуется мѣропріятіями недостаточно сильными для обезпеченія полуострова противъ опаснаго врага.

Скудны, отрывочны и сверхъ того по большей части весьма поздні извѣстія, которыми располагаетъ изслѣдователь для изученія этой стороны политической дѣятельности Душана. Наиболѣе достовѣрныя данныя имѣются только для сношеній сербскаго царя съ папствомъ, отношенія же его къ Угрии и Босніѣ, столкновенія

его съ этими государствами представляются въ источникахъ недостаточно ясными. Свѣдѣнія по этимъ вопросамъ приходится черпать по преимуществу изъ позднѣйшихъ дубровницкихъ лѣтоисцевъ, для проверки и дополненія которыхъ лишь отчасти служатъ драгоценные матеріалы архивовъ венеціанскаго, ватиканскаго и дубровницкаго ¹⁾. За отсутствіемъ извѣстій современниковъ и нашъ разказъ въ этой части труда по необходимости не можетъ быть обстоятельнымъ и вразумительнымъ въ той степени, въ какой это было бы желательно.

Въ самые первые годы по вступленіи на престолъ Душанъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что со стороны Угрии строятся самыя враждебныя планы по отношенію къ нему и его государству. Уже въ 1332 г. Карлъ Робертъ собирался въ походъ противъ *схизматиковъ и еретиковъ и невѣрныхъ народовъ*, сосѣднихъ съ его королевствомъ. Папа Іоаннъ XXII разрѣшилъ по этому случаю королю и его войску употреблять мясо въ постные дни ²⁾. Нужно думать, что схизматики, противъ которыхъ дѣлались эти военные сборы, были никто другіе какъ Сербь. Походъ этотъ, впрочемъ, состоялся только въ 1334 г. Узнавъ, что Душанъ занятъ завоеваніями въ Македоніи, Карлъ Робертъ съ огромнымъ войскомъ ³⁾ перешелъ Дунай и двинулся въ предѣлы Сербскаго королевства. Но расчетъ его найти сербскую землю беззащитною оказался не вѣрнымъ. Душанъ въ это время заключилъ съ Андроникомъ миръ въ Солуни ⁴⁾ и послѣшивъ со всѣмъ войскомъ на встрѣчу Уграмъ. По согласному разказу Кантакузина и

---

¹⁾ Съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода въ свѣтъ втораго тома изданія Загребской академіи „Monumenta Ragusina“, гдѣ, по нашимъ соображеніямъ, должны оказаться важныя извѣстія объ отношеніяхъ Душана къ Босніи и Угрии послѣ 1347 г. (этимъ годомъ оканчивается первый томъ).

²⁾ Theiner. Mon Hung. I. 588.

³⁾ Дан и ч и ѣ Животи 228: и приеъ въ помощь себѣ окрестныя крае и шныхъ кезикъ и съвѣоупивъ многыя воинскы ихъ съ силами своими и въздангую брань на сего благочестиваго, събравъ тѣми тѣмами кезикъ многинихъ на негоубленіе отъчъствна его;—Cantac. II. с. 25 р. 458: ὑπὸ δὲ τοὺς αὐτοὺς χρόνους καὶ ἑ τῶν Οὐγῶρων ἀρχῶν ὄν ῥῆγα καλεῖν οἶδεν ἡ Λατίνων φωνῇ στρατιᾶ μεγάλη ἐστράτευσεν ἐπὶ Κράλην περὶ γῆς ὄρων πρὸς αὐτὸν διενεχθεῖς.

⁴⁾ См. выше стр. 70.

автора житія Душана, столкновения между неприятельскими арміями не произошло. Самъ Карлъ Робертъ не хотѣлъ того и торопился отступить за Саву. Отступление было настолько поспѣшно, что при переправѣ черезъ рѣку погибла значительная часть угорскаго войска. Въ источникахъ не имѣется никакихъ опредѣленныхъ указаній на причины неудачи этого нашествія Карла. Непонятенъ внезапный страхъ угорскаго короля и его многочисленнаго войска передъ движеніемъ Душана. Кантакузинъ, какъ мы уже разъ замѣтили, неудачно объясняетъ его слухомъ о сильной военной помощи, будто бы полученной Сербами отъ императора Андроника. Сербскій же лѣтописецъ склоненъ приписывать благоприятный для родины исходъ дѣла чудесной помощи Божественнаго Промысла. Изъ того обстоятельства, что Угры очутились въ критическомъ положеніи при переправѣ черезъ Саву, можно сдѣлать предположеніе, что въ это время Мачва или часть ея вновь принадлежала Сербамъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ такому предположенію можетъ служить свидѣтельство Кантакузина о томъ, что поводомъ къ вторженію Карла было неудовольствіе его противъ Душана *за пограничную землю* (περί γῆς ὁρίων πρὸς αὐτὸν διευχεταίς). Этою спорною землей и была, безъ сомнѣнія, Мачва. Но если въ это время эта часть придунайской Сербіи и была присоединена къ королевству, то, повидимому, оставалась за нимъ весьма недолго. Мы упомянули уже, что и позже здѣсь является банъ, правящій именемъ угорскаго короля. Душанъ тотчасъ же по уходѣ Угровъ снова обращаетъ все вниманіе на югъ и ничего не дѣлаетъ для обезпеченія сѣвера; въ силу чего въ Мачвѣ и Бѣлградской области опять укрѣпляется угорское владычество. Только нѣдѣль коонецъ своего правленія, въ 1353 г., Душанъ снова усиливаетъ выгнать Угровъ съ праваго сербскаго берега Дуная. Какъ все это происходило—остается неизвѣстнымъ. Изъ всѣхъ существующихъ краткихъ свидѣтельствъ можно вывести лишь одно, что Мачва и Бѣлградская область нѣкоторое время при Душанѣ входили въ составъ сербскаго государства ¹⁾, но что онѣ не были упрочены за нимъ.

¹⁾ Это доказывается фактомъ обратнаго завоеванія этихъ областей Лудовикомъ послѣ смерти Душана. Ср. Fejér. Codex diplomaticus Hungariae. IX. 3 p. 50.

Послѣ неудачной попытки 1334 г. Карлъ Робертъ не возобновлялъ нападенія на Сербовъ; онъ слишкомъ былъ занятъ своими неапольскимъ и польскимъ проектами и связанными съ ними отношеніями къ сосѣднимъ западнымъ государямъ. Тѣмъ не менѣе непріязненныя отношенія между нимъ и Душаномъ не прекращались. Изъ папскаго посланія отъ 26 февраля 1339 г. мы знаемъ, что угорскій король присвоилъ нѣсколько имѣній Колочской церкви „по причинѣ близкаго сосѣдства сербскаго краля, схизматика и общаю врага юсударства (propter vicinitatem regis Rascie scismatici ac publici hostis regis ejusdem ¹⁾). Папа также не переставалъ побуждать короля къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ Сербіи. Въ томъ же 1339 г. Бенедиктъ XII объявлялъ прощеніе грѣховъ всѣмъ сражающимся *противъ язычниковъ и схизматиковъ* (сипраганіс et scismaticis), живущихъ по сосѣдству съ угорскимъ королевствомъ ²⁾.

Тоже чувство вражды и презрѣнія къ сосѣднему королю-схизматикѣ усвоилъ себѣ сынъ и преемникъ Карла Роберта, Лудовикъ Великій. По свидѣтельству угорскаго лѣтописца Туроча (XV в.) рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы этотъ король не послалъ войска противъ мятежныхъ Сербовъ. Банъ Мачвы Доминикъ Осло и вице-банъ Земерій были главными исполнителями воли своего государя въ этихъ предпріятіяхъ ³⁾. Гдѣ и какъ велась эта борьба—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ она ограничивалась частными столкновеніями пограничныхъ войскъ, а ближайшимъ поводомъ къ ней, безъ сомнѣнія, служилъ споръ за обладаніе Мачвой. Изъ дубровницкихъ лѣтописцевъ мы знаемъ только объ одномъ большомъ походѣ Лудовика на Сербію, въ которомъ вполне ясно выразились импсійско-завоевательныя стремленія Угровъ. Точный

¹⁾ Theiner Mon. Hung. I. 631.

²⁾ Ibidem 629.

³⁾ Thurocz I. III. c. 39. ap. Schwandtner. Ss. I. 193: Item fere singulis annis, vel in quolibet anno movit exercitum contra aemulos et rebelles, et saepius contra *Rachenos* (Racenses) et Moldavos omnimodum diligentiam adhibendo, e maxime circa regnum Rachiae (Racie) Dominicus filius Oslo, Banus de Macho cum Zemere vice Bano suo et postmodum Nicolaus de Gara... labores assiduos impenderunt ad conservandum ipsum regnum sub regiae ditionis potestate.

годъ этого событія не извѣстенъ. Только на основаніи историческихъ соображеній можно приурочить его къ 1353—1354 гг. Въ первыя десять лѣтъ своего управленія Угріей Лудовикъ не имѣлъ возможности обратиться къ завоеваніямъ въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова; все вниманіе его было занято дѣлами на западѣ. Неапольскій проектъ его отца не удался. Братъ его Андрей, занявшій было неапольскій престолъ, палъ отъ руки убійць, подосланныхъ его супругой королевой Іоанной, которая вслѣдъ за тѣмъ отдала свою руку Лудовику Тарентскому. Лудовикъ Великій рѣшился мстить за смерть брата и во что бы ни стало присоединить Неапольское королевство къ Угорскому. Онъ совершилъ нѣсколько походовъ въ Италію, потратилъ много денегъ и войска, но не достигъ своей цѣли. Папа Климентъ VI держалъ сторону Іоанны и принудилъ, наконецъ, Лудовика отказаться отъ Неаполя. Итальянскія дѣла настолько сильно озабочивали короля, что ради ихъ онъ спѣшилъ кончить начатую было весьма важную для Угрии войну съ Венеціей за далматинскіе города (1345—1348). Задаръ, отложившійся отъ республики, не получилъ отъ него дѣятельной помощи и послѣ геройской обороны долженъ былъ вновь подчиниться Венеціанцамъ. Понятно, что среди такихъ предпріятій на западѣ Лудовику было не до востока. Уже одинъ разрывъ съ папой невольно заставлялъ его забыть на время о схизматикахъ. Такимъ образомъ, первое десятилѣтіе правленія Лудовика, собственно говоря, было для Душана временемъ весьма удобнымъ для энергическихъ дѣйствій по направленію западныхъ сербскихъ областей. Сербскій царь и воспользовался имъ, но уже слишкомъ поздно, да и то скорѣе въ силу случайнаго сдѣленія обстоятельствъ, чѣмъ по заранѣе обдуманному разсчету. Въ самый разгаръ увлеченія Лудовика борьбой въ Италіи Душанъ оказывается въ мирныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Уже въ 1346 г. онъ предлагаетъ Венеціи свои услуги посредничества между республикой и угорскимъ королемъ ¹⁾. Въ 1348 г. Венеція съ благодарностью приняла это посредничество, и оно повидимому, имѣло успѣхъ: между соперниками было заключено

---

¹⁾ Ljubić. Monumenta. II. 865.

перемиріе ¹⁾. Только въ 1352 г. разрѣшился, наконецъ, неапольскій вопросъ. Лудовикъ подчинился рѣшенію папы, который призналъ Іоанну невиновной въ убіеніи Андрея Анжуйскаго и сохраняющей свои права на неапольскій престолъ. Вслѣдъ за примиреніемъ съ папой послѣдовало исполненіе его предписанія—обратить оружіе на язычниковъ Литовцевъ и на схизматиковъ Сербовъ. Противъ послѣднихъ, независимо отъ внушеній папы, угорскій король былъ раздраженъ за побѣды, одержанныя имъ незадолго передъ тѣмъ надъ его сподручникомъ боснійскимъ баномъ.

Объ отношеніяхъ Душана къ Боснѣ имѣются весьма скудныя извѣстія. Въ первую половину разсматриваемой эпохи эти отношенія, нужно думать, не отличались характеромъ враждебности. Но по мѣрѣ того, какъ опредѣлялось политическое положеніе на полуостровѣ того и другаго повелителя сербскаго народа, столкновеніе между ними становилось неизбежнымъ. Уже въ самыхъ географическихъ условіяхъ сосѣдства Босны и Сербскаго королевства лежалъ поводъ къ антагонизму и соперничеству между баномъ и кралемъ или царемъ. На югѣ граница между

---

¹⁾ Ibidem. III. 75. Этими венеціанскими свидѣтельствами опровергается мнѣніе Феслера (Gesch. v. Ung. II. 133), котораго держались и другіе изслѣдователи (какъ напр. Голубинскій), о томъ, что Душанъ де изъ страха передъ угорскимъ королемъ, прибывшимъ въ 1347 г. съ большимъ войскомъ въ Далмацію, обратился за помощью къ папѣ, обѣщая ему перейти въ римскую церковь. Сербскій царь не нуждался въ подобномъ заступничествѣ, потому что Лудовикъ, съ которымъ онъ былъ въ мирныхъ отношеніяхъ, въ данную минуту не угрожалъ ему ничѣмъ, да и не могъ угрожать. Изъ относящагося сюда ватиканскаго документа, изданнаго Тейнеромъ (Monum. Hung. I. 734), никакъ нельзя дѣлать заключенія о непосредственныхъ сношеніяхъ Душана съ папой въ 1347 г. Документъ этотъ представляетъ письмо Климента VI къ довѣреннѣйшему человѣку сербскаго царя, Николаю Бучѣ. Называя его „*catholicae fidei lumine illustratum circa fidem ipsam defendendam*“, папа проситъ его побудить Душана перейти въ католичество, о каковомъ намѣреніи царя онъ де слышалъ уже отъ скадарскаго епископа Марка. Очевидно, Климентъ, недовольный вынужденнымъ равнодушіемъ Лудовика къ дѣламъ церкви, самъ закидывалъ удочку насчетъ обращенія схизматиковъ, пробовалъ, такъ сказать, почу. Еслибъ Душанъ на самомъ дѣлѣ выражалъ черезъ епископа Марка римскому первосвященнику свое желаніе подчиниться западной церкви, то послѣдній, конечно, не преминулъ бы обратиться съ посланіемъ къ нему лично, какъ это было напр. въ 1354 г.

обоими государствами была весьма неопредѣленная. Травунія (или Требинье) составляла крайнюю юго-западную часть Сербскаго королевства; Захолмье же фактически принадлежало боснійскому бану. Но гдѣ разграничивались эти два старинныхъ жупанства, примыкавшія къ владѣніямъ Дубровника, трудно сказать. Душанъ не переставалъ считать за собой право на Захолмье, нѣкогда входившее въ составъ государства Неманичей. Въ извѣстномъ своемъ посланіи 1345 г. къ дожу Андрею Дандолу, онъ называетъ себя: *Stephanus dei gratia Servie, Dioclie, Chilminia e, Zente, Albanie et maritime regionis rex...* ¹⁾. Полуостровъ Пунта (Сабюнчелло), городъ Стонъ (Stagno) и прилегающій къ нему округъ одинаково принадлежали какъ королю сербскому, такъ бану боснійскому ²⁾. Въ 1333 г. оба государя за деньги уступили эти владѣнія въ вѣчное пользованіе (оу баштиноу) Дубровнику. Душану Дубровчане одновременно дали 8,000 перперовъ и сверхъ того обязались уплачивать ему ежегодно по 500 венеціанскихъ перперовъ. Такая же сумма ежегодной платы была предложена бану. Кромѣ того дубровницкіе уполномоченные, обдѣлывавшіе эту куплю, должны были потратить много денегъ на подарки родственникамъ и близкимъ совѣтникамъ какъ краля, такъ и бана. Изъ сохранившихся договоровъ, которые заключилъ по этому дѣлу Дубровникъ со Стефаномъ Душаномъ и со Стефаномъ Котроманичемъ, видно, что уже тогда въ глазахъ республики краля пользовался бѣльшимъ авторитетомъ, чѣмъ банъ ³⁾. Эта полюбовная уступка Стона и Пунты можетъ служить указаніемъ на то, что въ первое время Душанъ жилъ въ ладу со своимъ сосѣдомъ. Но вскорѣ неопредѣленность общей границы того и другаго государства и обоюдное стремленіе Душана и Котроманича къ расширенію своихъ

---

¹⁾ Ljubicić. Monumenta. II. 278.

²⁾ По словамъ Растича (подъ 1333 г.) эта мѣстность принадлежала князю Браниводу, а потомъ его дѣтямъ. Последніе погибли насильственной смертью, послѣ чего краля и банъ *tra di se divisero quel Banato pigliando uno porzione il Re come discendente della casa Nemagna e l'altro il Bano, come padrone antico di Chelmo.*

³⁾ Miklosich. Monumenta serbica 103—109. Orbini. Il regno degli slavici. p. 260;—Luccari. Cop. ristretto degli annali di Rausa. p. 53;—Resti. Chr. di Raug. подъ 1333 г.

владѣній, естественно, поставили ихъ во враждебныя отношенія между собой.

Съ переходомъ въ латинство, слѣвавшись вѣрнымъ стражемъ интересовъ угорскаго короля, банъ сталъ настойчиво беспокоить юго-западные предѣлы Сербскаго королевства. Его люди дѣлали набѣги на Требинье, Конавле, Гацко, Рудине, въ Которскую область и всюду грабили сербскихъ подданныхъ ¹⁾. Нѣсколько пограничныхъ мѣстечекъ банъ захватилъ подъ свою власть. Душанъ, сосредоточившій все свое вниманіе на завоеваніи византійскихъ провинцій, долго не принималъ дѣятельныхъ мѣръ для прекращенія дерзкихъ нападений и захватовъ Котроманича. Мѣстнымъ властямъ и населенію приходилось самимъ обороняться отъ непріятели. Такая безучастность къ интересамъ своего государства на западѣ объясняется, впрочемъ, не только увлеченіемъ Душана завоевательною политикою на юго-востокѣ, но и излишнею угодливіестью его въ отношеніи мнимой его союзницы—Венеціи. Республика была сильно озабочена примиреніемъ обоихъ сербскихъ государей. Она опасалась, что банъ не устоитъ въ серьезной борьбѣ и отнюдь не желала его пораженія или ослабленія. Съ одной стороны она рассчитывала найти себѣ въ немъ союзника противъ Лудовика (что, впрочемъ, едва-ли могло осуществиться), а съ другой—она тревожилась за усиленіе и безъ того могущественнаго Сербскаго государства новыми приобрѣтеніями на счетъ земель, близко сосѣдившихъ съ ея владѣніями. Венеціи именно хотѣлось держать Душана какъ можно дальше отъ западныхъ сербскихъ областей. Она хорошо понимала, что соединеніе всѣхъ ихъ въ одно политическое тѣло съ новообразованнымъ царствомъ болѣе всего придастъ силы послѣднему и скорѣе всего поведетъ къ уничтоженію латинскаго господства на полуостровѣ, какъ венеціанскаго, такъ и угорскаго. Между тѣмъ Душанъ, повиднмому, забывалъ объ этомъ важномъ обстоятельстве и, рассчитывая заручиться расположеніемъ Венеціи, медлилъ войной съ Босной. Уже въ

---

¹⁾ Orbinio. c. p. 264: li suoi buomini tutta via guastavano i confini dell' Imperadore Stefano et specialmente facevano grave danno nelle contadi di Trebine, Canali, Gazko, Rudine et altri luoghi fin al Golfo di Cataro.

1346 г., уступая увѣщаніямъ венеціанскаго посла, онъ соглашался на примиреніе съ баномъ, причемъ ставилъ три условія: или безусловно возвратитъ ему землю, которую неправильно захватилъ банъ и которую онъ, Душанъ, считаетъ своею собственностью; или предоставить рѣшеніе вопроса о спорной землѣ третейскому суду; или, если и на это не согласится банъ, то заключить миръ на два или три года съ представленіемъ ручательствъ въ томъ, что за это время ни одна сторона не будетъ вредить другой ¹⁾. Неизвѣстно, принялъ-ли Котроманичъ какое-либо изъ этихъ условій. Но въ 1349 г. мы видимъ его снова во враждебныхъ отношеніяхъ къ сербскому царю. Постановленіемъ 6 апрѣля венеціанскій сенатъ предписывалъ своему послу, отправлявшемуся въ Сербію по спеціальнымъ дѣламъ республики, попытаться возстановить согласіе между Душаномъ и баномъ ²⁾. По поводу этого ходатайства Венеція посоль царя Михаиль Буча, представившій одиннадцать извѣстныхъ предложеній своего государя, говорилъ приблизительно слѣдующее въ засѣданіи сената 13 апрѣля 1350 г.: „Господинъ царь изъ любви и расположенія къ господину дожу постоянно относился дружественно къ бану, но послѣдній отвѣтилъ за дружбу зломъ: онъ грабилъ и продолжаетъ грабить его подданныхъ и овладѣлъ его землями и мѣстечками. Самъ же господинъ царь изъ расположенія къ господину дожу никогда не позволялъ себѣ никакой обиды по отношенію къ бану. Итакъ, пусть знаетъ это господинъ дожъ, а равнымъ образомъ и то, что царь намѣренъ немедленно потребовать удовлетворенія отъ бана. Поэтому, если угодно господину дожу, то пусть онъ извѣститъ бана, чтобы тотъ выставилъ вознагражденіе за причиненныя имъ опустошенія и возвратилъ бы захваченное; иначе царь не можетъ долѣе терпѣть“ ³⁾. Въ своемъ отвѣтѣ на это заявленіе венеціанскій сенатъ старался успокоить Душана, выражалъ сожалѣніе по поводу преступныхъ дѣяній бана и обѣщалъ побудить послѣдняго къ удовлетворенію претензій царя ⁴⁾. Увѣщаніе въ такомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія,

¹⁾ Ljubić. Monumenta. II. 208.

²⁾ Ibidem. III. 419.

³⁾ Ibidem. 475.

⁴⁾ Ibidem. 478.

было послано бану, но онъ, повидимому, не соглашался на уступки. Это упорство, естественно, начинало раздражать Душана. Пришедшій въ Сербію въ іюнѣ окончательный отказъ Венеціи отъ военнаго союза для завоеванія Византіи, какъ это было уже замѣчено, долженъ былъ усилить это раздраженіе царя. Подъ влияніемъ чувства досады въ головѣ его складывался планъ большаго похода въ западныя сербскія области. Историческая задача, завѣщанная Неманей, вспомнилась ему въ минуты горькаго разочарованія. Но послѣ пережитыхъ имъ политическихъ увлеченій эта задача не могла уже представиться ему во всей своей ясности и величинѣ. Съ мыслью о собираніи сербскихъ земель, о возвращеніи къ царству того, что естественно должно было ему принадлежать, у Душана соединялось грубое стремленіе жестокимъ образомъ отмстить бану за нанесенныя обиды, сорвать на немъ неудачу своихъ плановъ на востокъ и ради страха развернуть свою грозную силу передъ Венеціей, столь деликатно насмѣявшейся надъ его продолжительными ухаживаніями. Лѣтомъ 1350 г. царь торопливо готовился къ войнѣ. Чрезвычайные послы, отпавленные Венеціей къ сербскому и боснійскому дворамъ въ іюлѣ 1350 г. не имѣли никакого успѣха: о примиреніи враждующихъ не могло уже быть рѣчи ¹⁾. Въ сентябрѣ, въ то время какъ сенатъ посылалъ своимъ уполномоченнымъ новое предписаніе примирить враговъ ²⁾, Душанъ, вѣроятно, уже находился въ походѣ.

Съ восьмидесятитысячнымъ войскомъ, въ сопровожденіи супруги, царицы Елены, Душанъ переправился черезъ р. Дрину и вступилъ въ предѣлы Босны. Время для похода было выбрано удачное. Угорскій король со всѣмъ войскомъ находился въ Италіи и не могъ явиться на защиту своихъ коронныхъ владѣній. Стефанъ Котроманчъ приготовился къ встрѣчѣ непріятеля, но не рѣшился выступить въ открытое поле, и занялъ сильными военными отрядами грады и горные проходы, рассчитывая такимъ образомъ задержать движеніе арміи Душана. Планъ его, однакожъ, разстроился въ самомъ началѣ вслѣдствіе измѣны многихъ бояръ-

---

¹⁾ Ibidem. 189.

²⁾ Ibidem. 199.

вождей, которыхъ сербскій царь съ обычнымъ своимъ искусствомъ умѣлъ привлечь на свою сторону. Изъ опасенія быть прямо выданнымъ противнику банъ вынужденъ былъ покинуть передовныя позиціи и въ сопровожденіи преданныхъ людей отступилъ въ горы, внутрь страны. Такимъ образомъ Душану открылся полный просторъ дѣйствій, и онъ безъ удержу предался дивому обнаруженію своего гнѣва на родномъ и ни въ чемъ неповинномъ предъ нимъ сербскомъ народѣ. Страна подверглась жестокому опустошенію огнемъ и мечомъ. Великолѣпные дворцы бана прежде всего стали добычей пламени. Царица Елена, по словамъ Орбинича, въ данномъ случаѣ, быть можетъ, несовсѣмъ безпристрастнаго, болѣе всѣхъ подстрекала мужа къ жестокостямъ и опустошеніямъ ¹⁾. Неизвѣстно, какъ далеко простиралось движеніе сербскаго войска въ 1350 году. Можно предполагать, что на этотъ разъ Душанъ прошелъ лишь юго-восточную часть Босны, и изъ нея проникъ въ Захольме, которое должно было подчиниться его власти. Кампанія была непродолжительна. Царь получилъ извѣстіе о нападеніи на Македонію Іоанна Кантакузина и его союзниковъ Турокъ и уже въ ноябрѣ спѣшилъ на защиту своихъ новопріобрѣтенныхъ земель. Обратный путь онъ держалъ моремъ черезъ Дубровникъ на Которъ, откуда черезъ Зету добрался до своихъ областей, угрожаемыхъ страшнымъ непріателемъ ²⁾.

Дѣла въ собственномъ царствѣ, какъ мы видѣли, не долго задержали Душана. Весной 1351 г. онъ снова является въ Боснѣ ³⁾. Самая главная цѣль похода была имъ достигнута уже въ предшествующемъ году: банъ былъ достаточно наказанъ, а Венеція напугана. Уже 6 октября 1350 г. венеціанскій сенатъ предписывалъ своимъ сербскимъ посламъ позаботиться о безопасности Дубровника, Стона и другихъ владѣній республики въ виду возможнаго

---

¹⁾ Orbini. 264—265.

²⁾ Resti, подъ 1350 г.

³⁾ Ibidem. Орбиничъ и Лукарничъ говорятъ объ одномъ походѣ Душана въ Босну. Мы принимаемъ ихъ два, слѣдуя Растичу, извѣстія котораго, не смотря на относительную краткость ихъ, отличаются, однакожъ, болѣею точностью и достоверностью, чѣмъ извѣстія обоихъ его предшественниковъ.

нападенія на нихъ со стороны Душана ¹⁾. Но сербскій царь вовсе не былъ расположенъ посягать на свободу Дубровника или отнять что либо у Венеціи. Ниже читатель увидитъ, въ какихъ прекрасныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ къ Дубровнику постоянно находился Душанъ, съ какимъ почетомъ и торжественностью принимала его въ оба похода эта полу-славянская республика. Наглядно убѣдившись въ грозной силѣ царя, Венеція еще болѣе стала заботиться о примиреніи его съ баномъ. По ея настоянію Дубровчане приняли на себя посредничество и уже при первомъ посѣщеніи ихъ города Душаномъ склоняли послѣдняго къ превращенію войны. Царь поставилъ условіемъ мира—бракъ дочери Стефана Котроманича Елизаветы съ сыномъ сербскимъ кралемъ Урошемъ и уступку Захолмья въ приданое за невѣстой. Банъ не хотѣлъ, да и не могъ согласиться на это условіе, ибо Елизавета была уже просватана имъ за угорскаго короля Лудовика Великаго. Такимъ образомъ переговоры кончились ничѣмъ. Между тѣмъ приведенное условіе весьма нравилось Душану. Разъ обратившись на западъ и испытавъ здѣсь нѣкоторую удачу, онъ, по свойственной ему способности къ увлеченіямъ, не могъ не войти ближе въ положеніе западно-сербскаго вопроса. Предъ нимъ мелькалъ планъ присоединенія Босны и Захолмья къ сербскому царству. Если это присоединеніе было невозможно въ данное время, то путемъ брачнаго союза оно могло быть подготовлено для будущаго. Заставить бана согласиться на бракъ дочери съ кралемъ Урошемъ—вотъ что Душанъ ставитъ главною цѣлью втораго своего похода въ Босну. Вмѣстѣ съ тѣмъ его влекло на западъ желаніе еще разъ познать тамъ побѣдныя лавры и тѣмъ вознаградить себя за недавно испытанныя неудачи на востокѣ.

Босна вторично подверглась самому жестокому опустошенію. На этотъ разъ сербское войско доходило до Думна. Одна его часть жгла и грабила въ области р. Цетины, а другая оперировала по направленію къ Хорватіи до р. Керка ¹⁾. Самъ царь оса-

---

¹⁾ Ljubid. Monumenta. III. 199.

²⁾ Resti: tutta la Bossina fosse di novo andata a ferro e foco.—Orbini, p. 265.

длѣ столицу банства г. Бобовацъ ¹⁾, гдѣ укрѣилась Елизавета. Сильно хотѣлось Душану овладѣть этою неприступною твердынею, защищенной самою природою, но осадныя средства его и здѣсь, какъ во всѣхъ его войнахъ, оказались несостоятельными. Бобовацъ мужественно защищался. Послѣ продолжительной стоянки подъ его стѣнами, царь вынужденъ былъ снять осаду и снова направился въ Захолмье ²⁾. Города Имота и Новиградъ сдались ему и были заняты сербскими гарнизонами ³⁾. Многіе боснійскіе и захолмскіе бояре спѣшили признать себя его подданными, многіе изъ нихъ отправились потомъ въ Сербію ⁴⁾. Такимъ образомъ военные успѣхи Душана, повидному, были огромны. Тѣмъ не менѣе основная цѣль его похода осталась не достигнутою. Въ переговорахъ о мирѣ, которые возобновились при посредничествѣ Дубровчанъ ⁵⁾, банъ оставался непреклоннымъ и не соглашался отдать дочь въ супружество сыну царя. Послѣ произведенной ужасной экзекуціи страны, Душанъ уже не зналъ какими средствами подѣйствовать на Стефана Котроманича и, оставивъ всякую мысль о мирѣ, довольный своимъ триумфомъ, вернулся въ Сербію, на пути вторично посѣтивъ Дубровникъ ⁶⁾.

Такъ кончилась боснійская война. Самый существенный результатъ ея былъ присоединеніе къ Сербскому царству Захолмья. Не смотря на несогласіе бана область эта фактически принадлежала Душану, ибо была занята сербскими войсками. Босна же спаленная и опустошенная осталась при прежнемъ правительствѣ. Какъ бы огорченный неудачею своего брачнаго проекта, царь снова

---

¹⁾ *Бобовацъ*, нинѣ ничтожная деревня, лежитъ на с.-в. отъ гор. Високо, близъ мѣстечка Сутиски. Гдѣ былъ градъ, тамъ теперь стоятъ три турецкихъ хижины, а на мѣстѣ крѣпости сохраняется лишь каменная груда развалинъ. Ср. Zemljopis i poviestnica Bosne od Slavoljuba Bošnjaka (Jukića) 1851. 34.

²⁾ Orbini. 265. Luccari. 57. Resti.

³⁾ Orbini. 265: et preso il castello d'Imota et Novi lascio in essi un buon presidio de suoi.

⁴⁾ Ibidem. Nel qual tempo molti nobili di Bosna, et di Chelmo vennero a lui facendosi suoi sudditi i molti ancor andarono con lui in Russia.

⁵⁾ Luccari. 57.

⁶⁾ Orbini. 266. Luccari 57—58. Resti: Levato l'assedio di Bobonaz per l'inirensa del Governo l'Imperatore si instrado verso li suoi stati per via di Chelmo.

отворачивается от сербскаго запада. Совершенно обезсиленная Босна, повидному, вполне находилась въ его руках и однакожь онъ не дѣлаетъ болѣе никакой попытки для оторванія ея отъ западнаго міра и привлеченія ея къ созданному имъ новому политическому тѣлу, хотя для подобной попытки оставалось еще нѣсколько времени. Вмѣсто того мы видимъ его опять озабоченнымъ предпріятіями на востокъ, а вскорѣ затѣмъ онъ долженъ перейти къ оборонѣ своего государства отъ Угровъ. Нужно думать, что кромѣ многихъ другихъ причинъ, уже самыя триумфальныя походы Душана по Боснѣ, сопровождавшіеся заревоми пожаровъ, грабежами и жестокостями, стали серьезною помѣхой къ возможному соединенію западныхъ сербскихъ областей съ восточными. Они, естественно, должны были вызвать у Босняковъ лишь раздраженіе противъ основателя Сербскаго царства, что заставляло ожидать съ ихъ стороны отчаянной борьбы за сохраненіе своего status quo. Оттого-то, быть можетъ, и Захолмье не было прочно связано съ Сербіей; тотчасъ послѣ смерти Душана оно соединяется съ Босной. Какъ бы то ни было, Душанъ не успѣлъ стать царемъ или кралемъ Босны, и даже никогда не носилъ этого титула, какъ ошибочно думаютъ нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾. Захолмье, т. е. сербское поморье, отъ Дубровника до р. Цетины и прилегающая къ нему горная страна — были единственное приобрѣтеніе, сдѣланное Душаномъ на Сербо-Хорватскомъ западѣ.

---

¹⁾ Ср. напр. Любича. *Opis jugoslovenskih novaca 91: Napokon Mletčani i Dubrovčani sklone sarajevana na dogovore, te ih pomire. Dušan nadjenu si naslov Kralja bosanskoga, te pridrža nekoliko pograničkih mjesta i Humje.* Ни въ одной подписи Душана не находимъ указанія на титулъ краля Босни. Притязанія на западныя сербскія земли можно видѣть лишь въ слѣдующемъ выраженіи титула: царь и самодръжць Срьблемъ и Грькомъ *Поморию и Западной странѣ.* Кстати замѣтимъ, что приведенное мѣсто у г. Любича стоитъ въ противорѣчій съ тѣмъ, что онъ говоритъ въ томъ же своемъ почтенномъ трудѣ на стр. 204: *Njeki tvrde da su se ona dva (т. е. царь и банъ) malo zatim pomirila i da je u tu svrhu Stjepan ustupio Dušanu humski pokrajini, što je nevjerojatno....* Обстоятельное свидѣтельство Орбинича, согласное съ показаніями другихъ дубровницкихъ летописцевъ, едва ли позволяетъ сомнѣваться въ завоеваніи Захолмья Сербами. Эта область осталась за Душаномъ отнюдь не по мирному договору съ бавомъ, а на основаніи завоеванія.

Но и за эти скромные успѣхи сербскому государю приходилось расплачиваться дорогою цѣной. Съ запада на него уже надвигалась страшная грозовая туча. Въ 1352 г. неапольскій вопросъ былъ наконецъ улаженъ и Лудовикъ спѣшилъ теперь перейти къ дѣламъ на Балканскомъ полуостровѣ. Смирить Душана, отнять у него захваченное и отомстить ему за бана онъ считаетъ первую своею обязанностью. Въ данное время его дѣйствіями руководило уже не одно традиціонное стремленіе къ расширенію предѣловъ угорскаго королевства на счетъ юго-славянскихъ земель, но и особенно близкія отношенія къ Стефану Котроманичу. Въ 1353 г. Елизавета, руки которой такъ домогался Душанъ для сына Уроша, стала супругою угорскаго короля. Захолмье, завоеванное Сербами, рассматривалось Лудовикомъ какъ утраченное приданое жены. Въ нанесенномъ бану пораженіи онъ видѣлъ уже свое личное оскорбленіе. Душанъ становился для него не только государственнымъ (*hostis publicus*), но и личнымъ врагомъ. Наконецъ съ этими личными счетами у короля соединился тотъ религіозный фанатизмъ, о возбужденіи котораго, какъ мы видѣли, такъ много старался римскій первосвященникъ. Предъ нимъ стоялъ царь-схизматикъ, котораго нужно было заставить отречься отъ своихъ заблужденій и привести къ повиновенію папскому престолу. Со времени примиренія съ папой Лудовикъ считалъ для себя обязательнымъ этотъ послѣдній подвигъ особенно потому, что царь-схизматикъ начиналъ представляться вождямъ западныхъ народовъ *силою опасною для католическаго міра*, именно въ смыслѣ помѣхи наступательнымъ движеніямъ послѣдняго на православный востокъ. Въ этихъ опасеніяхъ была доля основательности.

Быстрый ростъ могущества Душана явился для Запада неожиданностью весьма непріятною. Завоеваніе Македоніи, вѣнчаніе въ цари Сербовъ и Грековъ, присоединеніе Эпира, Фессаліи, Этоліи и Акарнаніи, побѣдоносное вторженіе въ Босну и Захолмье, всѣ эти событія, слѣдовавшія чрезвычайно скоро одно за другимъ, естественно встревожили тѣхъ Латинянъ, которые непосредственно были озабочены утвержденіемъ своего владѣнства на полуостровѣ. Анжуйцы были совсѣмъ стѣснены въ Албаніи, Венеція боялась за свои владѣнія въ Евбей, Греціи и Далмаціи, ахайскій и аѳинскій

герцоги считали не безопасными отъ сербскаго завоеванія свои земли въ Элладѣ и Пелопонисѣ, угорскій король безпокоился за Босну и Захолмье. Для всѣхъ ихъ становилось ясно, что вмѣсто Византійской имперіи, дѣлежомъ которой были заняты они вмѣстѣ съ другими западными народами, создалось новое сильное государство, угрожавшее обнять весь полуостровъ. Государство это въ полномъ смыслѣ слова готовилось стать второю Византіею, оно выступало носителницею идеаловъ и стремленій, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ отставались восточною имперіею. Вслѣдствіе непрерывныхъ сношеній сербскаго царя съ Венеціею его политическіе планы и стремленія были хорошо извѣстны на западѣ. Да и раскрывалъ онъ ихъ въ своей дѣятельности весьма ясно, безъ всякой утайки. Еще съ дѣтства подѣ влияніемъ ранняго знакомства съ византійскою образованностію и сближенія съ греческимъ и сербскимъ духовенствомъ у Душана образовалась извѣстная привязанность къ родной вѣрѣ. Ставъ царемъ, онъ уже рѣзко заявляетъ себя государемъ *православнымъ*. Сознательно поставивъ задачей своей политической дѣятельности—пріобрѣтеніе престола Константина Великаго, принимая на себя главенство въ греко-славянскомъ мірѣ, Душанъ хорошо понималъ всю необходимость для себя выступить поборникомъ и защитникомъ тѣхъ просвѣтительныхъ началъ, которыя составляли характерное отличіе этого міра отъ враждебнаго ему міра западнаго и служили вѣрнѣйшимъ залогомъ его политической и духовной самостоятельности. Оттого-то онъ не считалъ нужнымъ подобно своему предку Стефану Первовѣнчанному, или болгарскому царю Калояну искать на западѣ, у папы санкціи совершенной имъ политической узурпаціи, а постарался найти эту санкцію въ предѣлахъ греко-славянскаго міра. При всемъ своемъ сближеніи съ католическимъ государствомъ—Венеціею, онъ постоянно сохранялъ антипатію къ латинству и только однажды, какъ увидимъ, въ минуту опасности, выразилъ готовность и то мнимую вступить съ нимъ въ компромиссъ. Широкая благотворительность сербскимъ и греческимъ церквамъ и монастырямъ, множество сохранившихся хрисовуловъ и дарственныхъ грамотъ тѣмъ и другимъ, благочестивое путешествіе на Аѳонъ—все это свидѣтельствуетъ о глубоко-сознательномъ расположеніи царя къ право-

славію. Эта важная черта характера Душана, возвышающая его личность, не могла не отразиться на внутренней его дѣятельности, столько же замѣчательной, какъ и его дѣятельность внѣшняя, политическая.

Мы говорили уже о томъ, насколько глубокіе корни въ Сербскомъ государствѣ пустила католическая пропаганда ¹⁾. Сворачиваніе православнаго населенія въ латинство благодаря ловкости миссіонеровъ и поддержке иностранцевъ, наполнившихъ Сербію, производилось здѣсь въ большихъ размѣрахъ. Понятно, что Душанъ, близко принимавшій къ сердцу интересы православія, не могъ сочувствовать этому явленію, вносившему внутренней разладъ въ его молодое государство. Онъ рѣшился ограничить пропаганду и стѣснить Латинянъ. Изъ папскаго посланія отъ 8 января 1346 г. видно, что онъ началъ съ попытки ослабить связь отдѣльныхъ латинскихъ церквей съ которскою епископіею и для этой цѣли запрещалъ имъ вносить десятину духовному предстоителю послѣдней ²⁾. За этой мѣрой, противъ которой протестовала папа Климентъ VI, послѣдовала другая. Дубровницкіе лѣтописцы Орбиничъ и Лукаричъ рассказываютъ, что сербскій царь вскорѣ послѣ своего вѣнчанія сталъ открыто преслѣдовать и изгонять католическое духовенство и отнимать у латинскихъ церквей золото, серебро и всякія драгоценности. Первый изъ названныхъ лѣтописцевъ приписываетъ инициативу этой мѣры не самому Душану, который будто бы былъ благосклоненъ къ Латинянамъ, а царицѣ Еленѣ, женщинѣ вѣроломной, ненавидѣвшей католиковъ („*donna peruersa*,

---

¹⁾ Въ папскихъ посланіяхъ отъ 1346 г. (Theiner Mon. Hung. I. 714 и Monum. Slav. I. 215) находимъ слѣдующій перечень мѣстностей, обязанныхъ платить десятину латинскому епископу въ Которѣ: города de Canol, Tribunia, Drazaviza, Resson, Budua, Lastua, Malont, Prisen, Noua Berda, Trepta, Janeua, Coporich, Plane, Ostacia, Berschoua, Rudnich, Lipnich, Chelminia, Zeptat, Gergoviste, Petrauiza, Grader, Chertale, Tombe, Pinita, Mazovia, Golubezi и Albia dicta Belgerd. Послѣднія три названія находимъ въ папскомъ посланіи того же содержанія и отъ того же года, адресованномъ Угорскому королю. Изъ этого видно, что въ 1346 г. Мачва и Бѣлградъ были еще предметомъ спора между обоими государствами.

²⁾ Theiner Monum. Hung. I. 711.

che odiaua molto i Catolici“¹⁾. Къ объясненію этихъ свидѣтельствъ служатъ слѣдующія три статьи Законника Душана.

Ст. 6. „И за ересь Латинскоую, що соу братили хрстіане въ азимство да се възврате опеть въ хрстіанство. Ако ли се кто обрѣте прѣчювь, и не възвративсе въ хрстіанство, да се каже како пише оу закониву светныхъ отць.“

Ст. 7. И да постави прѣковъ велика протопоповѣ по всѣхъ тръговѣхъ, да възврате хрстіане отъ ереси Латинскихъ, кои се соу обратили въ вѣроу Латинскоу. и да имъ даде заповѣдь доуховноу. и да се всаки врати въ хрстіанство.

Ст. 8. И попь Латинскы. ако се найде обротивъ хрстіанина въ вѣроу Латинскоу, да се каже по закону светныхъ отць“²⁾.

Этими постановленіями наносился страшный ударъ католической пропагандѣ въ Сербіи. Всякое совращеніе въ латинство каралось закономъ и, наоборотъ, узаконялось обязательное возвращеніе въ православіе всѣхъ совращенныхъ. При исполненіи этихъ законовъ католическое духовенство не могло не подвергнуться притѣсненіямъ, о которыхъ упоминаютъ дубровницкіе лѣтописци. Но едва ли справедливо сообщеніе Орбинича о разграбленіи Душаномъ латинскихъ церквей. Фанатической ненависти къ латинству у него не было; онъ былъ озабоченъ лишь огражденіемъ православія, господствующей вѣры своего государства³⁾.

Такая смѣлая, энергическая политика Душана въ вопросѣ глубокой важности для всего славянскаго населенія полуострова естественно вызвала бурю на западѣ. Раздались голоса о преслѣдованіи латинства, о насильственномъ переkreщиваніи Латинянъ въ

---

¹⁾ Orbini. 261. Lascari. 55.

²⁾ Зигель. Законникъ Стефана Душана. Сиб. 1872. Прибавленія 10 — 12. Новаковичъ. Законикъ Стефана Душана. у Биограду 1870. 23. 44.

³⁾ Доказательствомъ тому могутъ служить, напр., его дружественныя отношенія къ Дубровчанамъ—католикамъ, или его особенное довѣріе къ Николаю Бутѣ—исповѣдывавшему католицизмъ, какъ это видно изъ письма къ нему папы Климента VI отъ 1347. Theiner Monum. Hung. I. 734. Ср. выше стр. 238.

православіе, вообще о торжествѣ схизмы и ереси „надъ единой чистой католической вѣрой“. Папѣ, верховному вождю западнаго міра, предстояло принять мѣры для защиты „истиннаго ученія“ и организовать борьбу съ опаснымъ врагомъ. Уже съ первыхъ годовъ государственной дѣятельности Душана, предстоятели римской церкви Бенедиктъ XII и Климентъ VI убѣдились въ невозможности лично вліять на царя. Посланія папскія по дѣламъ католической вѣры встрѣчались имъ, повидимому, весьма холодно ¹⁾. Въ 1347 г. Климентъ VI, не покидая мысли расположить Душана къ общенію съ престоломъ св. Петра, каковую надежду, вѣроятно, поддерживала въ немъ Венеція, не рѣшается заговорить объ этомъ дѣлѣ съ самимъ царемъ, а сноится съ его довѣреннымъ человекомъ Николаемъ Бучей и все-таки не имѣетъ никакого успѣха ²⁾. Поэтому, при извѣстии объ изданіи законовъ „противъ латинской ереси“ папа прямо обращается къ угрозѣ— „поднять противъ Душана Европу“ ³⁾, если онъ не отмѣнитъ своихъ постановленій. Угроза эта передавалась черезъ Дубровчанъ, находившихся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ царемъ и имѣвшихъ даже на него нѣкоторое вліяніе ⁴⁾. Душанъ, однако, не внималъ этимъ представленіямъ. Тогда Климентъ VI обращается за помощью къ свѣтской власти. Въ маѣ 1350 г. папскій легатъ ѣдетъ къ угорскому королю, венеціанскому дожу и магистру ордена Іоаннитовъ и увѣщаваетъ ихъ принять мѣры къ тому, чтобы Душанъ (*qui se seua regem seu regem Raxie facit comuniter nominari*) отказался отъ преслѣдованія христіанъ римской церкви и отъ насильственнаго перекрещиванія ихъ въ ересь ⁵⁾. Неизвѣстно, сдѣлали ли тогда названные государи какое-либо письменное представленіе сербскому царю по этому вопросу, какъ о томъ просилъ папа. Но

¹⁾ Theiner Mon. Slav. I p. 185.

²⁾ Theiner Mon. Hung. I p. 734.

³⁾ Luccari. 55. li minaccio di voler proceder contro di lui con le forze d'Europa.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ljubić. Monumenta III. 136. Cum.... Stephanus.... nonnullos christianos in ejus regno habitantes per vim et violenciam ad ejus perfidiam et infidelitatem trahat. ipsosque preter et contra formam ecclesie faciat batizari in christiane fidei non modicum detrimentum.

фактически оказывать давленіе на него они во всякомъ случаѣ не могли въ то время. Лудовикъ былъ въ итальянскомъ походѣ, Венеціи въ размошкѣ съ Душаномъ и въ тревогѣ по случаю его движенія въ Босну, іоаннитскимъ рыцарямъ было много своего дѣла съ ближайшими схизматиками-греками. Отсрочка, впрочемъ, была непродолжительна.

Борцемъ за интересы латинства и мстителемъ царю-схизматикъ за всѣ его преступленія выступилъ Лудовикъ угорскій въ 1353 г. ¹⁾ Съ многочисленнымъ войскомъ приблизился король къ Дунаю. Это шло настоящее крестоносное ополченіе. Душанъ сначала выступилъ на встрѣчу непріятеля, но въ виду превосходства его военныхъ силъ, по совѣту воеводъ, отступилъ въ обширную долину Ломницы и Рудника, защищенную дремучими непроходимыми лѣсами. Всѣ дороги ведшія черезъ эти лѣса внутрь страны были прекрасно защищены. Видя со стороны Сербовъ полную готовность къ отпору, Лудовикъ прежде начатія военныхъ дѣйствій рѣшился добиться своихъ цѣлей мирными переговорами. Состоялось свиданіе обоихъ государей, но при обстановкѣ, если вѣрить Орбиничу, весьма странной. Царь на конѣ подѣхалъ къ Дунаю, а король приплылъ

---

¹⁾ Орбиничъ и Лукаричъ, у которыхъ находимъ свѣдѣнія объ этой войнѣ, не даютъ для нея удовлетворительной даты. Вообще у того и другаго лѣтописца—хронологія крайне запутана. Иногда событія стоятъ у нихъ въ невозможной послѣдовательности. Орбиничъ относитъ первое вторженіе Лудовика въ Сербію къ 1343 г., что невозможно, и затѣмъ, черезъ два года послѣ того ставитъ смерть младшаго брата короля, Стефана, случившуюся гораздо позже (1355). Лукаричъ приурочиваетъ это событіе ко времени утвержденія Турокъ въ Галиполи, что однако ставитъ ранѣе 1347 г. и похода Душана въ Босну. Время войны, впрочемъ, безомысленно опредѣляется переговорами Душана съ папой, которые относятся къ 1354 г. По свидѣтельству латинскихъ церковныхъ историковъ Райнальда, Фарлата и Ассемани, переговоры эти были вызваны опасностью со стороны Угорскаго короля. Уже Энгель (Geschichte von Serbien 286) вѣрно принялъ 1353—1354 г. за дату событія, о которомъ говорятъ Орбиничъ и Лукаричъ; но онъ ошибочно составлялъ съ этими дубровницкими извѣстіями свидѣтельство автора житія Душана, относящееся, какъ мы видимъ, къ походу Карла Роберта 1334 г. Ошибку эту повторилъ Рачкій (Rad. II. 82) и Любичъ (Opis jugoslav. pov. 89). Въ сербскихъ источникахъ (Троношская лѣтопись, Обшти листъ, родословіе сербскихъ царей, хроника Бранковича) свѣдѣнія о войнѣ съ Уграми заимствованы изъ Орбинича.

въ лодгѣ, но не вышелъ на берегъ; въ такомъ положеніи они обмѣнялись привѣтствіями и начали переговоры. Условіями мира Лудовикъ поставилъ Душану слѣдующія четыре требованія: 1) принятіе католической вѣры и повиновеніе римской церкви; 2) отказъ отъ земель, которыя считаются принадлежащими угорской коронѣ; 3) признаніе верховной власти угорскаго короля, повиновеніе и вѣрность ему; и 4) выдача заложникомъ сына Уроша ¹⁾. Нѣтъ возможности провѣрить достовѣрность этихъ условій, но онѣ исполнѣ соответствовали тѣмъ стремленіямъ, которыя руководили Лудовикомъ при нападении на Сербію. Требованія эти, конечно, были отвергнуты Душаномъ. Тогда началась война. Изъ запутаннаго разказа Орбинича и Лукарича ²⁾, трудно составить о ней сколько-нибудь точное представленіе. Угры вторглись въ Сербію и подвергли жестокому опустошенію всю страну до Ломницы и Рудника. Но овладѣть устроенными въ этихъ пунктахъ сербскими укрѣпленіями не могли, а потому отступили въ свои предѣлы. Сербы также выслали отряды въ тылъ неприятелю и наносили ему значительный вредъ. Неизвѣстно, удержали ли Угры по отступленіи придунайскую Сербію, т. е. Мачву и Бѣлградъ. Орбиничъ говоритъ, что они укрѣпили Бѣлградъ и снабдили его сильнѣмъ гарнизономъ. Но Мачва, очень возможно, въ этомъ или слѣдующемъ году была опять во власти Сербовъ.

Лудовикъ, однакожъ, не ограничился этимъ походомъ, успѣхъ котораго былъ весьма сомнителенъ. Въ 1354 г. онъ собирался продолжать войну и дѣлалъ къ ней большія приготовленія ³⁾. Но второй походъ его въ Сербію въ этомъ году не состоялся. Душанъ, уstraшенный грозными приготовленіями Угровъ, вступилъ въ дипломатическія сношенія съ папой, который, въ

---

¹⁾ Orbini 263: il Re Lodouico domandava dall' Imperadore quattro cose: una, che abbracciasse la fede catholica, et fusse obediante alla Chiesa Romana; l'altra, che gli lasciasse le terre che furono del Re Stefano, le quali pretendeva, che fossero della corona d'Ungharia; terza che lo riconoscesse per suo superiore e li fusse obediante et fedele; quarta, che li desse per ostaggio Urosc suo figliuolo.

²⁾ Orbini. 262—264. Luccari. 57.

³⁾ Raynaldi Annales ecclesiastici ad ann. 1354. № 59. Assemanii Kalendaria Ecclesiae universae. V. 59.

виду выраженного смиренія царя-схизматика, долженъ былъ на время удержатъ угорскаго короля отъ осуществленія принятой имъ на себя религіозно-политической миссiи. Не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ для выясненія мотивовъ, заставившихъ Душана для отстраненія удара со стороны Латинянъ, обратиться именно къ этому средству, которое такъ не вышло съ сознательно усвоеннымъ имъ положеніемъ *царя православнаго* и вносльдствiи далъ поводъ католическимъ писателямъ упрекать его въ вѣроломствѣ. Намъ приходится ограничиться лишь нѣсколькими, наиболѣе вѣроятными соображеніями. 1354 годъ, предпоследній въ жизни и дѣятельности Душана, относится, какъ мы видѣли, къ порѣ его разочарованія въ своихъ политическихъ замыслахъ на востокѣ. Пораженіе, понесенное Каснецомъ Борилловичемъ на Марицѣ, указывало царю, какъ недостаточны его военныя средства для борьбы съ Турками. Оборонительная война съ Уграми въ 1353 г. также свидѣтельствуетъ, что царь въ это время чувствовалъ недостатокъ въ войскѣ. Потери въ эту войну, вѣроятно, были весьма значительны; опустошеніе страны, причиненное вторженіемъ огромныхъ полчищъ Угровъ, не могло не быть чувствительнымъ. Послѣ дѣлаго ряда неудачъ Душанъ, естественно, начиналъ сомнѣваться въ благопріятномъ исходѣ предстоящей борьбы, тѣмъ болѣе, что по слухамъ о большихъ приготовленіяхъ Лудовика, борьба эта обѣщала быть жестокою. Такимъ образомъ, не надѣясь на свои собственныя силы, царь не находить ничего лучше какъ обратиться къ дипломатическому пути—онъ сближается съ папой. Сближеніе это, конечно, не могло быть другимъ какъ мнимымъ, фиктивнымъ. Душанъ рѣшился притворно объявить себя послушнымъ сыномъ римской церкви, готовымъ исполнить требованія папы, рассчитывая черезъ это устранить поводъ для новаго нападенія Лудовика и найти въ папѣ своего заступника передъ угорскимъ королемъ. На самомъ же дѣлѣ онъ, безъ сомнѣнія, не думалъ ни на минуту измѣнить православію или въ чемъ-либо отступить отъ своей внутренней политики по отношенію къ латинству. Съ нравственной точки зрѣнія, избранный Душаномъ дипломатическій пріемъ является крайне нечистымъ и предосудительнымъ. Завѣдомое лганье въ такихъ важныхъ дѣлахъ какъ вѣра и совѣсть,

унизительное для частныхъ лицъ, еще болѣе недостойно великаго монарха. Но съ точки зрѣнія политики даннаго времени этотъ пріемъ живыхъ обѣщаній папству имѣетъ за себя много оправданій и не можетъ быть строго осуждаемъ. Самое главное, онъ представлялъ явленіе весьма обычное въ политической жизни греко-славянскаго юго-востока и не былъ для Душана новостью или первымъ шагомъ, отвѣтственность за который падала бы на одного царя. Къ подобному заискиванію у папъ въ минуты опасности отъ Латинянъ, къ ложнымъ увѣреніямъ въ покорности престолу Св. Петра, обращался и дѣдъ Душана Милутинъ, и болгарскіе Асѣни, и греческіе императоры: Михаилъ Палеологъ, Іоаннъ Кантакузинъ, Іоаннъ Палеологъ. Вообще исторія греко-славянскаго міра представляетъ много разныхъ проектовъ уній съ Римомъ. Такимъ образомъ самыя неблагопріятныя политическія условія, въ которыя были поставлены южные Славяне и Византійцы, выработали означенный пріемъ вѣроломной политики въ отношеніи папства. Какъ ни безнравственъ самъ по себѣ этотъ пріемъ, онъ являлся вполне понятнымъ, а иногда единственно возможнымъ отвѣтомъ на не менѣе безнравственныя и унижительныя махинаціи, къ которымъ прибѣгали папы и исполнители ихъ воли западные государи ради насильственнаго водворенія латинства на православномъ востокѣ. Вынужденъ былъ воспользоваться этимъ средствомъ и Душанъ въ виду поднимавшейся на него грозы съ запада. Средство удалось. Походъ Лудовика нѣсколько былъ замедленъ, а затѣмъ внѣшнія обстоятельства сложились такимъ образомъ, что царь могъ круто порвать съ папой ранѣе, чѣмъ и самъ предполагалъ, рѣзко выказавъ при этомъ и дѣйствительное значеніе своего кратковременнаго сближенія съ Римскіямъ первосвященникомъ и всю свою непоколебимую вѣрность тѣмъ религіознымъ началамъ, носителемъ и выразителемъ которыхъ онъ оставался въ теченіе всей своей жизни. Сношенія его съ папой, начавшіяся весьма торжественно, имѣли весьма комическую развязку.

Лѣтомъ 1354 г., въ іюнѣ, сербскіе послы: Вождаръ—Главный Судья (Bossidarius iudex generalis), Нестягъ—Сересскій Кефалія (Nestegius Cephalia Serenus) и Даміанъ—Которскій гражданинъ (Damianus de Catara civis Catarensis), снабженные полномочіями и

довѣрительными хрисовулами царя отправились въ Авиньонъ. Венеція, съ которою Душанъ съ 1354 г. находился снова въ дружественныхъ отношеніяхъ, особыми письмами рекомендовала пословъ папѣ и нѣкоторымъ кардиналамъ ¹⁾. Уже 29 августа Иннокентій VI (1352—1362) радостно извѣщала Душана о благосклонномъ приѣмѣ его уполномоченныхъ и о заключеніи съ ними соглашенія. Отъ имени своего царя послы признали римскую церковь матерью, наставницею и госпожею всѣхъ христіанъ (in matrem, magistram et dominam Christianorum omnium) а римскаго первосвященника всеобщимъ отцемъ и господиномъ христіанъ, намѣстникомъ Христа и преемникомъ перваго изъ апостоловъ блаженнаго Петра (in universalem Christianorum ipsorum patrem et dominum, ac verum Christi Vicarium et beati Petri apostolorum principis successorem), обѣщали постоянное повиновеніе своего государя папѣ и его преемникамъ и обязались возвратити Латинянамъ полную религіозную свободу въ предѣлахъ Сербскаго царства: перекрещиваніе Латинянъ въ православіе будетъ запрещено, церкви, несправедливо отнятыя у нѣкоторыхъ латинскихъ священниковъ будутъ возвращены послѣднимъ, за исключеніемъ шести монастырей, возвращеніе которыхъ по необходимости должно быть отсрочено; всякое притѣсненіе Латинянъ уже запрещено царскимъ указомъ и теперь всѣ латинскіе епископы, аббаты, пресвитеры и клирики могутъ свободно вернуться въ свои церкви, монастыри и бенефиціи и безъ помѣхи отправлять богослуженіе по обрядамъ своей церкви; наконецъ, всѣ перешедшіе изъ латинства въ православіе, по заблужденію ли или изъ страха, или вслѣдствіе насилія и принужденія — должны безпрепятственно воссоединиться съ прежнею церковью. Всѣ эти обѣщанія послы подтвердили отъ имени царя присягою надъ Св. Евангелиемъ. Извѣщая Душана о такомъ исходѣ переговоровъ, Иннокентій хвалилъ царя за чистоту вѣры (puritatem fidei) и обѣщала согласно его просьбѣ прислать ему людей „исполненныхъ страха Божія и ревностью къ Его закону“, для окончательнаго устройства церковныхъ дѣлъ въ его царствѣ ²⁾.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Душанъ черезъ тѣхъ же пословъ

¹⁾ Ljubić. Monumenta III. 264.

²⁾ Theiner. Mon. Hung. II. 8—9.

увѣдомлялъ папу, что онъ принялъ всѣ условія соглашенія и издалъ уже постановленія касательно возвращенія латинской церкви въ Сербію ея прежнихъ правъ. Неизвѣстно—были ли на самомъ дѣлѣ обнародованы такіа постановленія и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены вышеприведенныя статьи Законника. Во всякомъ случаѣ если все это и было сдѣлано, то только для виду, на бумагѣ. Обстоятельства, при которыхъ произошла окончательная развязка переговоровъ съ папой, ясно доказали это. Между тѣмъ царь вель интригу дальше. Черезъ Трогирскаго епископа Вареоломея онъ просилъ Иннокентія „назначить его отъ имени церкви капитаномъ противъ Турокъ“ (*ab eadem ecclesia matre tua contra Turchos ipsos Capitaneus ordinari*), другими словами благословить его на крестовый походъ противъ невѣрныхъ для защиты христіанъ. Смыслъ этой просьбы вполне понятенъ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ мало Душанъ заботился о правильной борьбѣ съ Турками, и на сколько несостоятельнымъ оказался въ этой борьбѣ. Не о ней, слѣдовательно, онъ думалъ, обращаясь къ Иннокентію съ означеннымъ предложеніемъ. Онъ просто поддѣлывался къ папѣ, много слышавшимъ о его попыткахъ устроить крестовый походъ противъ Турокъ, отъ которыхъ сильно страдали Латиняне въ южной части Балканскаго полуострова и на островахъ Архипелага. Принимая отъ римскаго первосвященника благословеніе на войну противъ Турокъ, онъ тѣмъ самымъ выговаривалъ безопасность своихъ владѣній со стороны Латинянъ—Угровъ. Иннокентій былъ въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ знаковъ покорности до сихъ поръ столь упornaго царя-схизматика. Въ длинномъ посланіи къ нему отъ 24 Декабря 1354 г. онъ въ вѣтливатой формѣ приносилъ Душану глубокую благодарность за все сдѣланное для церкви, посылалъ ему пожеланіе многихъ лѣтъ счастливаго царствованія, удачи въ войнѣ, благополучія во время мира, и благословлялъ на принятіе званія „воеводы, или капитана для борьбы съ Турками“. Въ заключеніе онъ просилъ царя благосклонно принять посылаемыхъ въ Сербію для устройства церковныхъ дѣлъ благочестивыхъ мужей—Вареоломея, епископа Трогирскаго и Петра, епископа Патскаго ¹⁾. Порученіе, возложенное на этихъ легатовъ, какъ видно

¹⁾ Theiner. Mon. Hung. II. 11—13.

въ данной имъ инструкціи и посланій папы къ царю и патриарху, имѣло большую важность. Они должны были разъяснить господствовавшія въ Сербскомъ государствѣ заблужденія (какъ-то въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, о хлѣбѣ для причастія и пр.) искоренить ереси и слизму, обратить заблуждающихся къ единенію съ римскою церковью, возстановить обряды послѣдней и проч., однимъ словомъ формально привести сербскую церковь и сербскій народъ къ общенію съ церковью латинскою 1).

Епископы Вареоломей и Петръ отправились въ Сербію черезъ Угрію. Письмомъ отъ 22 ноября папа просилъ Лудовика оказать всякую помощь и содѣйствіе легатамъ, облеченнымъ высокою миссіей присоединить къ римской церкви Сербскаго царя и подвластные ему народы (*pro uniendis et aggregandis unitati ecclesie matris tue auctore Deo, Rege Rassie illustri et populis subditis ipsi Regi*) и *съ доверіемъ принять особія сообщенія, которыя они ему сдѣлаютъ* (*nunciis quibus super premissis aliqua tibi exponenda cretenus duximus injungenda, in hiis, que tibi pro parte nostra retulerint, adhibens plenam fidem*) 2). Не трудно догадаться, что эти сообщенія представляли просьбу къ королю оставить на время въ покоѣ Сербію. Для обезпеченія успѣха миссіи отъ имени папы отправлены были посланія ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ въ царствѣ, отъ которыхъ могъ зависѣть ходъ дѣла. Царица Елена получила посланіе дословно того же содержанія, что и царь 3). Патриарху Іоанникію Иннокентій писалъ, что онъ какъ пастырь многочислен-

---

1) Theiner. Mon. Hung. II. 18—16. Въ посланіи къ Душану цѣль миссіи названныхъ епископовъ нѣсколько затемнена фигуральными выраженіями. Но весьма ясно она выражена въ инструкціи легатамъ, данной 27 декабря 1354 г.: *comittimus et mandamus, quatenus vos vel alter vestrum ad loca dictorum Regnorum, de quibus vobis magis videbitur expedire, vos personaliter conferentes, et contra errantes, presumptores et attemptatores hujusmodi pro ecclesia sancta Dei vos defensionis murum viriliter opposcentes premissa seismata dissipare, sectas dissolvere, errores evellere, excessus corrigere, deformata reformare et errantes ipsos ad veram ipsius catholice fidei unitatem et ecclesie prefate ritus et mores reducere*. Cp. Raynaldus ad an. 1354. № 26—29.

2) Theiner Mon. Hung. II. 11.

3) Ibidem. 13.

наго стада, хотя и не правильно принявшій это высокое званіе (*quamquam illicite, cum non per ostium, idest per ipsam ecclesiam in ovile ovium, sed aliunde intraveris*) долженъ прежде всего самъ узнать путь къ истинѣ, а потомъ вестн по нему и свою паству; по этому пусть онъ благосклонно приметъ папскихъ легатовъ, послѣдуетъ ихъ спасительнымъ увѣщаніямъ и окажетъ имъ всякую помощь при совершеніи ихъ великаго дѣла ¹⁾. Съ подобною же просьбою папа обращается ко всѣмъ архіепископамъ и епископамъ Россіи, Сербіи и Албаніи, къ важнѣйшимъ правительственнымъ лицамъ государства, Севастократору Деяну, Великому Логоецу Гойку, Деспоту Оливеру, Кесарю Прелюбу, Коморнику Грульбу, Пальману, начальнику германской наемной дружины (*Palmano Theutonico capitaneo gentis armigere ad stipendia regis Rassie*) и ко всѣмъ начальникамъ и властелямъ Славоніи и Албаніи ²⁾.

Изъ всѣхъ этихъ приготовленій видно, какія свѣтлыя надежды связывалъ Иннокентій съ посылаемою имъ миссіей въ Сербію. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Папа, очевидно, зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ планахъ, совершенно забывъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Зная сколько нибудь Душана, его идеалы и стремленія, а равно привязанность Греческаго и Славянскаго народовъ къ своей вѣрѣ, нечего было и думать о возможности здѣсь настоящей уніи съ Римомъ. Печальная участь ожидала папскихъ легатовъ. Объ одномъ изъ нихъ, Вареломеѣ епископѣ Трочирскомъ, мы не знаемъ даже, доѣхалъ ли онъ до Сербіи. Быть можетъ, уже дорогой онъ получилъ извѣстіе о рѣзкой перемѣнѣ въ образѣ мыслей царя и рѣшился вернуться назадъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного указанія на пребываніе его въ царствѣ Душана. О приключеніяхъ другаго, т. е. Патскаго епископа, сохранилось любознательное свидѣтельство его современника и біографа Филиппа Мезье (1312—1405) секретаря у двухъ Бипрскихъ королей и позже совѣтника Французскаго короля Карла V. Для знакомства съ обстоятельствами разрыва Душана съ папой лучше всего будетъ привести это свидѣтельство, авторъ котораго, весьма

¹⁾ Ibidem. 13—14.

²⁾ Ibidem. 15—16.

вѣроятно, находился въ свитѣ Петра во время его сербской миссиі ¹⁾.

„Перенесши много трудовъ и опасностей, служитель Божій при-
былъ наконецъ съ помощью Божіею въ Сербію и спустя нѣсколько
дней предсталъ на лицезрѣніе царя Сербіи. Царь превосходилъ
всѣхъ людей міра размѣрами своего тѣла и былъ грозенъ на видѣ.
Есть же такой обычай въ этомъ царствѣ, усвоенный царскому ве-
личеству, что всякій приходящій на приемъ къ царю, прежде
привѣтствія, долженъ поцѣловать его ногу и выполнить разныя
другія унижительныя обряды. Братъ Петръ, папскій легатъ, много
разъ слышалъ объ этомъ и былъ предостерегаемъ, что онъ можетъ
подвергнуться смерти, если не исполнитъ этого обычая. Тѣмъ не
менѣе, явившись къ царю ²⁾, онъ не палъ передъ нимъ ницъ и
не выразилъ особеннаго благоговѣнія, дабы этимъ, въ своемъ зва-
ніи папскаго посла, не умалить правъ церкви, а взамѣнъ того,
оставивъ всякій страхъ, съ надеждою на Бога привѣтствовалъ
царя прилично, внушительно и съ достоинствомъ. Царь же, окру-
женный стражею и боярами, надменно принялъ легата и много
говорилъ съ нимъ съ важностью и хвастливостью (*superbe punctionum
paralem recepit, et multa verba magnifica et jactabunda secum
habuit*). Затѣмъ въ назначенный день Петръ пришелъ къ царю
для объясненія цѣли своего посольства; въ своей рѣчи онъ ясно
и точно изложилъ все дѣло. Въ отвѣтахъ же царя посолъ папы
ясно замѣтилъ заносчивость, осторожность и лживость (*superbiam,
cautelam et mendaciam clare cognovit*). Тогда всѣ считали свиту брата
Петра и его самого за людей осужденныхъ на смерть, видя лю-
тость и злонамѣренность царя. Такъ прошло нѣсколько дней. Не
разъ въ это время были заключаемы договоры въ пользу римской
церкви, но всегда они снова коварнымъ образомъ были нарушаемы.

¹⁾ Сочиненіе Филиппа Мезье (Ph. de Maizières) напечатано въ 1659 г. въ Антверпенѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Vita S. Petri Thomasiae ex ordine Fratrum B—mae Virginis Mariae de Monte Carmelo, episcopi Pactensis et Coronensis, Archiepiscopi Cretensis et patriarchae Constantinopolitani ac legati Apostolici: scripta et oculata teste Philippo Mazzerio Cancellario Cypri, et a Godefrido Hensehenio Societatis Jesu illustrata. Antverpiae. 1659.* Извлеченіе изъ этого сочиненія, касающееся миссиі въ Сербію, сдѣлано Даниличемъ въ изд. *Гласник XXI. 277—288.*

²⁾ Собств. Мезье называетъ Душана королемъ—*Rex.*

Между тѣмъ самъ братъ Петръ ежедневно заставлялъ совершать Божественную службу въ своемъ присутствіи, гдѣ бы онъ ни находился: въ полѣ ли, въ городѣ ли, или въ замкѣ. Наконецъ царь тиранъ на столько ожесточился, что сталъ открыто выражать свою злобу противъ римской церкви и обнародовалъ указъ, запрещающій Христіанамъ римской церкви подѣ угрозой лишенія глазъ присутствовать при миссѣ, совершаемой самимъ братомъ Петромъ. Было же при царѣ много знатныхъ Германцевъ и другихъ наемниковъ. Страхъ и ужасъ объялъ всѣхъ вѣрующихъ римской церкви. Но вѣрный посланникъ, будучи самъ неустрашимъ, и ихъ ободрялъ съ религиознымъ жаромъ; хорошо сознавая всю опасность, которой подвергались онъ самъ и вѣрующіе церкви, однакожь, отложивъ страхъ передъ смертью, напротивъ желая ея ради „умноженія католической вѣры“, онъ обратился къ нимъ съ веселымъ лицомъ и сказалъ, что завтра, въ обычный часъ, не смотря на запрещеніе царя онъ самъ лично будетъ служить торжественную миссу: если кто изъ нашихъ вздумаетъ прійти, пусть пожалуетъ, а кто не пожелаетъ, на томъ не взыщется. На слѣдующій день утромъ, въ обычный часъ, братъ Петръ спокойно ожидалъ смерти, готовляясь на условленномъ мѣстѣ къ служенію торжественной миссы. И вотъ вѣрующіе, не обращая вниманія на царскій указъ, съ радостью какъ бы на мученической подвигъ слѣшили на миссу легата и благоговѣнно выслушали богослуженіе. Присутствовало на немъ до 300 Германцевъ (Teutonici), кромѣ другихъ христіанскихъ народовъ.

По окончаніи службы царь, узнавъ о случившемся, вспылалъ яростью и потребовалъ къ себѣ Германцевъ, нарушившихъ его распоряженіе. Когда тѣ пришли, царь, измѣнившись въ лицѣ, грозно обратился къ нимъ: какъ вы не побоялись нарушить мой указъ? Развѣ вы не знали, что я постановилъ вырвать у всѣхъ васъ глаза, если вы вздумаете слушать миссу нашего непріятели (si Missam inimici nostri audiretis). Тутъ одинъ изъ Германцевъ, человекъ набожный и сильный, начальникъ всего отряда (имени его не упомяну) ¹⁾, вдохновленный Святымъ Духомъ и ободренный моимъ От-

¹⁾ Вѣроятно это былъ Пальманъ, къ которому въ числѣ другихъ обращался съ письмомъ папа Иннокентій VI.

цомъ, прежде другихъ отвѣтилъ царю: „Господинъ, справедливо, что мы знали о твоёмъ распоряженіи, но мы боялся Бога болѣе нежели тебя. И какъ же мы могли оставить такого Отца совершать службу одного безъ насъ? Ты хорошо знаешь, что всѣ мы католики и послѣдователи римской церкви; поэтому если ты хочешь лишить насъ глазъ, то знай, что мы готовы пожертвовать не только глазами, но и самою жизнью для защиты католической церкви“. Услышавъ такія рѣчи царь смягчился и началъ даже смѣяться и удивляться такой твердости папскаго посла и Германцевъ. Съ этой минуты нѣкоторое время братъ Петръ сталъ пользоваться со стороны царя такимъ почетомъ и уваженіемъ, что я не въ состояніи описать этого. Между тѣмъ какъ царь продолжалъ упорствовать и пребывать въ ереси (*Rege obstinato et in perfidia remanente*) братъ Петръ успѣлъ обратить къ униі съ Римомъ много церквей въ митрополіи и другихъ мѣстахъ государства, которыя до того были скызматическими. И послѣ многихъ безконечныхъ опасностей и козней, искусно устраиваемыхъ царемъ, братъ Петръ, съ Божіею помощію едва наконецъ выбрался здоровъ изъ Сербскаго царства и вернулся къ папскому двору¹⁾.

И такъ, разрывъ Душана съ папствомъ былъ полный. Совершенно ясны ближайшія причины его. Продолжать далѣе двойную игру съ римскимъ первосвященникомъ становилось невозможнымъ для царя, а между тѣмъ цѣль, ради которой начата была эта игра, была достигнута. Нашествіе Угровъ было задержано²⁾. Въ 1354 и 1355 г. Лудовикъ, слѣдуя увѣщаніямъ папы, оставилъ въ покоѣ Сербію и совершалъ свою благочестивую миссію на дальнемъ востоцѣ; онъ велъ войны съ Литовцами и Татарами и помогалъ польскому королю Казимиру завоевывать Галицкую и Червонную Русь³⁾. Съ другой стороны у Душана нашлись уже союзники про-

¹⁾ Кроме указанныхъ документовъ относящихся къ вопросу о сношеніяхъ царя съ папой имѣется одинъ славянскій документъ, выданный въ Гласникѣ (VIII. 147) и выдаваемый за письмо папы Иннокентія VI къ Душану. Но подлинность этого документа весьма сомнительна.

²⁾ Raynaldus ad. ann 1354: At descivit a suscepto dammandi schismatis consilio, retardato iterum bello Hungarico.

³⁾ Fessler. II. 131. Еще лѣтомъ 1355 г. до Венеціи доходилъ неприятный

тивъ Угровъ. Въ 1355 г. состоялся бракъ краля Уроша съ Еленою дочерью Валашскаго князя Влайка ²⁾. Валахи, столь недавно образовавшіе свое государство, имѣли въ Уграхъ опасныхъ враговъ своей независимости. Теперь новозаключенный брачный союзъ обеспечивалъ обоимъ народамъ болѣе единодушный образъ дѣйствій противъ общаго врага. Другимъ союзникомъ навязывалась сербскому царю Венеція. Власть и значеніе республики въ Далмаціи въ это время подвергались все большей и большей опасности. Лудовикъ считалъ возвращеніе этой земли угорской короной дѣломъ столь же важнымъ какъ усмиреніе схизматиковъ. Съ 1353 г. онъ уже принималъ мѣры для поднятія движенія въ Далмаціи ³⁾. Въ половинѣ 1355 г. былъ пущенъ слухъ о походѣ короля въ предѣлы Адриатики ⁴⁾. Душану, повидимому, открывался случай воспользоваться распрей двухъ латинскихъ государствъ и усилить свое значеніе на сербо-хорватскомъ западѣ. Но дѣятельность его въ эту сторону по прежнему отличается крайнею осторожностью и нерѣшительностію. Какъ союзникъ Венеціи онъ подчиняется ея вліянію въ ущербъ интересамъ государственнымъ и вообще славянскимъ. Сами обстоятельства, казалось, толкали Душана къ утверженію своей власти на Адриатическомъ побережьѣ, и онъ однако не внималъ этимъ толчкамъ. У Душана была сестра Елача или Елена, выданная замужъ за хорватскаго князя Младина, владѣтеля городовъ Клинсы и Скрадина. Рано овдовѣвъ и оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ, княгиня готова была отказаться отъ означенныхъ городовъ. Она вошла въ соглашеніе съ братомъ и передала ему оба города. Скрадинъ занялъ сербскій гарнизонъ подъ

для нея слухъ о примиреніи Угорскаго короля съ Душаномъ. Ljubić. III 270. 272. 273.

²⁾ Orbini. 266—267. Lucsari. 59. *Гласник*. V. 68—69. XXXV. 40. По словамъ Орбинича Душанъ сперва просилъ для Уроша руки дочери французскаго короля. Съ этою цѣлью во Францію ѣздилъ Николай Буча. Французскій король (Иоаннъ II) соглашался выдать дочь за сына сербскаго царя, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Душанъ и Урошъ приняли католическую вѣру. Условіе это не было принято и тогда уже обратились къ валашскому князю.

³⁾ Ljubić. Monum, III, 257.

⁴⁾ Ibidem, 270. 275.

начальствомъ Юраша, а Клиссу извѣстный намъ начальникъ германскаго отряда Пальманъ ¹⁾. Занятіе этихъ важныхъ стратегическихкихъ пунктовъ открывало Душану путь къ приобрѣтенію Далмаціи и средства для борьбы съ Уграми. Но Сербы не только не успѣли воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами, но не могли даже удержать за собой названные города. Клисса въ 1355 г. была осаждена баномъ Хорватіи, дѣйствовавшимъ по приказанію угорскаго короля ²⁾. Венеція же усиленно хлопотала о приобрѣтеніи за деньги въ свое распоряженіе обоихъ городовъ ³⁾. Переговоры ея съ Душаномъ, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. 10 января 1356 г. Юрашъ, по распоряженію царя сдалъ Скрадинъ венеціанскимъ уполномоченнымъ въ виду невозможности защищать городъ именемъ своего государя ⁴⁾. Въ моментъ передачи Скрадина царя уже не было въ живыхъ.

Такъ безцвѣтна и ничтожна по своимъ послѣдствіямъ политическая дѣятельность Душана на западѣ. Умирая въ то время, когда греко-славянскій югъ болѣе всего нуждался въ могучей руководящей силѣ, первый сербскій царь, безъ сомнѣнія, уносилъ съ собою въ могилу тяжелое сознаніе всей затруднительности политическаго положенія созданной имъ монархіи. Если со стороны востока ему представлялся грозный призракъ несокрушимыхъ завоевателей Турокъ, разрушившихъ всѣ его мечты на счетъ Византіи, то и на западѣ передъ нимъ ясно вырисовывался образъ не менѣе опаснаго врага „короля латинина“ съ мечемъ въ рукѣ, занесеннымъ надъ беззащитною Сербіей, и во главѣ многочисленной дружины крестоносцевъ, созванныхъ для обращенія и порабожденія Славянъ-схизматиковъ.

Мѣра, принятая Душаномъ въ 1354 г. для отраженія Угровъ, какъ ни была удачна, была мѣра временная; она только отсрочивала, но не уничтожала опасность, грозившую царству. Разрывъ съ папой, изгнаніе его легатовъ не замедлили вызвать раздраженіе среди латинскаго міра и еще болѣе обострили враждебныя отно-

¹⁾ Ibidem, 271. 280. 289. 292. 298. 304. 305.

²⁾ Ibidem. 289.

³⁾ Она торговала ихъ еще у самой княгини. Ibidem. 276—279. 288. 296. 299.

⁴⁾ Ibidem. 305.

шенія послѣдняго въ православному славянскому государству. Трудно представить себѣ, какъ велики должны были быть гнѣвъ и ярость Святаго Отца, столь жестоко обманувагося въ своихъ планахъ и столь дерзко оскорбленнаго царемъ схизматикомъ. Чувства эти нашли откликъ въ сердцѣ послушнаго его сына короля Лудовика. Уладивъ дѣла въ Польшѣ, онъ спѣшитъ объявить себя защитникомъ поруганныхъ правъ церкви и въ началѣ 1356 г. проситъ папу объявить крестовый походъ противъ Сербовъ „мятежниковъ святой и единой матери церкви, схизматиковъ, невѣрныхъ и хулителей католической вѣры“. Петръ Патскій, неудачно дѣйствовавшій въ Сербіи, является однимъ изъ главныхъ устроителей этого похода. Массы воиновъ не только изъ Угрии, но изъ чужихъ странъ стекались въ Загребъ, привлекаемые къ участию въ святомъ дѣлѣ столько же хорошимъ жалованьемъ и ожидаемою добычей, сколько отпущеніемъ грѣховъ и обѣщаніемъ небесныхъ блаженствъ. Вскорѣ въ сборномъ лагерѣ насчитывалось до 100,000 крестовосцевъ. Папа былъ въ восторгѣ. Радость его дошла до того, что онъ торжественно провозгласилъ Лудовика „знаменосцемъ церкви противъ схизматиковъ“ (Signifer Ecclesiae aduersus infideles) и предписалъ всѣмъ христіанамъ молиться Богу не только о ниспосланіи побѣды королю, но и о дарованіи ему дѣтей, наслѣдниковъ его добродѣтелей ¹⁾. Походъ этотъ въ Сербію, однакожъ, не состоялся въ 1356 г. Въ виду смерти Душана, Лудовикъ счелъ болѣе важнымъ раздѣлаться сперва съ своею соперницей—Венеціей. Въ 1358 г.

---

¹⁾ Theiner. Mon. Hung. II, 21—27; Raynaldus ad ann. 1356.—Fessler II, 135. Изъ манифеста издавнаго Лудовикомъ по случаю объявленія крестоваго похода, прекрасно раскрывается взглядъ этого короля на значеніе его политической роли по отношенію къ православному юго-славянству. Fejer Cod. diplom. Hung. IX, vol. 2. p. 171. Nos Ludovicus, D. g. rex Hungariae... ut Catholicus et Christianissimus Princeps optauerimus, et affectanter optemus intuitu Dei, et sanctae matris Ecclesiae, et totius fidei Christianae, et ad ipsius laudem, et augmentationem regnum nuncupatum Rascie, *quod juris predecessorum nostrorum ac nostri fuit et existit et quod de facto tentum est et tenetur occupatum per sanctae et unice matris Ecclesiae rebelles schismaticos, infideles et catholicae fidei contemptores, ac vesanos ipsum regnum ad fidem Christianam, et sanctae Matris Ecclesiae unitatem, obedientiam, reverentiam debitam et honorem et ad jus nostrum trahere et traducere prout etiam tenemur et ad predicta ex debito sumus adstricti.*

война была окончена, и Далмація на всемъ ея протяженіи отъ залива Кварнера до Драча снова вошла въ составъ Угорскаго королевства. Только теперь король могъ свободно обратиться къ исполненію обѣщанія, даннаго папѣ, и несчастный преемникъ Душана Урошъ долженъ былъ понести тяжелое наказаніе за грѣхи своего знаменитаго отца.

3) Отношенія къ Дубровнику.

Намъ остается коснуться отношеній Душана къ Дубровнику. Отношенія эти были почти всегда самыя дружественныя. Въ XIV в. Дубровникъ, какъ извѣстно, приобрѣтаетъ весьма важное торговое и политическое значеніе какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и на Адриатикѣ, чѣмъ онъ былъ обязанъ прежде всего своему умѣнью ладить съ сосѣдними славянскими государями, сербскимъ и боснійскимъ ¹⁾. Время Душана особенно благоприятствовало внутреннему росту и силѣ этого маленькаго полуславянскаго государства. Вытерпѣвъ не мало стѣсненій для своей торговли въ Сербскомъ королевствѣ отъ Стефана Дечанскаго, Дубровчане съ самаго начала сумѣли заручиться расположеніемъ его преемника и искусными мѣрами поддерживали это расположеніе почти все время его царствованія. Въ подаркахъ, одолженіяхъ, услугахъ, виѣшнихъ знакахъ почета сербскому царю не было недостатка съ ихъ стороны. Душанъ также дорожилъ дружбой республики. Не сочувствуя усвоенной Дубровникомъ роли католическаго миссіонера среди сербскаго народа, онъ, тѣмъ не менѣе, признавалъ важность тѣсныхъ торговыхъ сношеній его съ землями своего государства, оказывалъ всякую поддержку дубровницкимъ купцамъ, нуждался въ разныхъ услугахъ республики, а главное получалъ отъ нея и ея торговли весьма значительные доходы. По словамъ Орбинича и Растича, Дубровникъ во время правленія Душана пришелъ въ самое цвѣтущее положеніе. Торговля его получила огромное разви-

---

¹⁾ Свѣдѣнія о состояніи Дубровника въ первой половинѣ XIV в. почерпнутся главнѣйше изъ недавно изданныхъ документовъ венеціанскаго и дубровницкаго архива. Извлеченіе изъ послѣднихъ можно найти въ нашей статьѣ: Новые матеріалы для исторіи Дубровника. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880 г. сент.) стр. 221—261.

тіе; южно-славянскія земли были наводнены его мануфактурными товарами, а вывозимыя изъ этихъ земель смръе и горныя богатства развозились на дубровницкихъ судахъ въ дальнія страны; Босна и Сербія были усѣяны дубровницкими колоніями; во всѣхъ значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ того и другаго государства были дубровницкіе консулы. Самый городъ Дубровникъ значительно разбогатѣлъ, населеніе его увеличилось, а размѣры государственной территоріи, благодаря удачнымъ приобрѣтеніямъ со стороны Сербіи и Босны, почти удвоились ¹⁾.

При первомъ пзвѣстіи о вступленіи Душана на престолъ послы отъ Дубровника явились привѣтствовать новаго краля и поднесли ему въ даръ 8000 перперовъ ²⁾. Послѣ того республика пользуется всякимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе сербскому государю. Дубровницкихъ пословъ мы видимъ на празднествѣ по случаю свадьбы Душана, и на его вѣнчаніи въ Скопії. Дубровчане принимаютъ непосредственное участіе въ дѣлахъ сербскихъ. Въ первые же годы правленія Душана, противъ него поднялись нѣкоторые сильные влатели и въ числѣ ихъ Богой. Это возстаніе отразилось на стѣсненіи дубровницкихъ купцовъ, почему республика предложила кралю свое содѣйствіе для приведенія возмущившихся къ повинновенію ³⁾. Собственные же интересы заставили Дубровчанъ принять участіе и въ примиреніи сербскаго царя съ баномъ въ 1350 г., что, впрочемъ, не удалось имъ. Подкупаемый щедрыми приношеніями и выраженіями особеннаго вниманія, Душанъ въ 1333 г. уступилъ Дубровнику въ вѣчное владѣніе

---

¹⁾ Orbini 268. Resti подъ 1332 г.: li cittadini di Ragusa avevano respirato e col mezzo d'un florido commercio per la Slavonia fatto ricchezza grandi dal ché era derivato, che si fossero moltiplicati gl'abitatori nellà città ... anche moltiplicato l'uso della navigazione con la quale portando le merci della Slavonia a paesi più lontani e riportando anche le manufature abbondavano la Rassia, il che era di comodo al paese ed utile grande all'erano dal Re Stefano per la qual causa questo principe all'oposto Orosio suo padre aveva in buona opinione li cittadini di Ragusa, e lo dimostrava in ogni occasione. La republica..., destinarono consoli per tutti li lochi di Bossina, Servia e Rassia....

²⁾ Resti подъ 1331 г. Ljubié Monumenta I. 399.

³⁾ Resti подъ 1332.

Стонъ, полуостровъ Пелешацъ, и береговую полосу земли отъ Стона до Дубровницкаго залива. Выше уже указано, при какихъ условіяхъ состоялась эта сдѣлка. Республикѣ она стоила много денегъ, но и принесла ей много выгодъ. Не говоря уже о значительномъ расширеніи ея владѣній, которое соединено было съ этимъ приобрѣтеніемъ, одинъ соловарни, устроенныя близъ Стона вскорѣ стали важнымъ источникомъ доходовъ. Болѣе всѣхъ помогъ Дубровчанамъ въ этомъ дѣлѣ любимецъ Душана Николай Буча. Въ благодарность за оказанныя услуги ему были пожалованы два дома, одинъ въ Дубровникѣ, другой въ Стонѣ, а самъ онъ былъ принятъ въ число знатныхъ гражданъ республики и постоянно чувствуемъ приличными дарами и виѣшнимъ почетомъ ¹⁾. Первая грамота Душана на уступку означенной территоріи Дубровчанамъ выдана 22 января 1333 года ²⁾. Но не вдругъ удалось республикѣ укрѣпить за собой сдѣланное приобрѣтеніе. Уже въ слѣдующемъ году у Душана явились разныя сомнѣнія, и онъ готовъ былъ потребовать уступленную землю назадъ. Растячь говорить, что краля смущали разныя недоброжелательныя совѣтники, внушавшіе ему мысль, что Дубровчане не въ состояніи сами защищать противъ непріятеля Стонъ и прилегающую къ нему область ³⁾. Но изъ грамоты самого Душана видно, что тутъ были и другія причины недовольства и сомнѣній, и между прочимъ стремленіе Дубровчанъ къ притѣсненіямъ православія въ новопріобрѣтенной области. Чтобы уладить дѣло, республикѣ пришлось еще разъ раскошелиться на подарки приближеннымъ краля. 19 мая 1334 г. Душанъ выдалъ Дубровнику новую подтвердительную грамоту, въ которую внесъ слѣдующіе три пункта: 1) Дубровчане не должны принимать въ себя людей краля; 2) да прѣбыва попь сръбски и да покѣ оу цръквахъ коѣ соу оу Стону и оу Рѣтоу (Пунта, Пелешацъ); 3) въ случаѣ войны Дубровника съ кралемъ, въ ней не должно принимать участія населеніе уступленной области ⁴⁾. Но и послѣ этого

¹⁾ Orbini 268. Resti подъ 1333 г. Monumenta Ragusina I. 86. 153. 156. 168. 172. 175. 262.

²⁾ Ljubić Monumenta I. 398; Миклошичъ Mon. Serb. 103.

³⁾ Resit подъ 1334 г.

⁴⁾ Миклошичъ. Mon. Serbic 108. Resti подъ 1334 г.: e convenne, che li

документа Дубровчане еще не могли быть вполне спокойными. Гостеприимство, оказанное ими болгарской царицѣ Аннѣ и ея сыну Шишману, вызвало, какъ мы видѣли, сильное негодование у Душана. Онъ потребовалъ назадъ договорную грамоту. На это Дубровчане отвѣчали, что сдѣланное имъ пожалованіе освящено клятвой и одобрено высшими властями сербскими ¹⁾, и потому не можетъ быть отмѣнено. Кралеъ двинулъ войско къ Стону, но нашелъ его прекрасно укрѣпленнымъ; къ тому же опасность, грозившая Сербіи отъ Угровъ отвлекла его на сѣверъ. Свой гнѣвъ и досаду онъ излилъ на дубровницкихъ купцахъ. Только черезъ владетелей республика склонила Душана къ восстановленію мира, который послѣ того уже и не нарушался.

Прекрасно понимая, какую важную роль въ Сербію играли владетели, и какое большое вліяніе на Душана имѣли нѣкоторые изъ нихъ, пользовавшіеся особеннымъ его довѣріемъ, Дубровчане для достиженія своихъ цѣлей и обезпеченія своихъ выгодъ старались найти себѣ опору среди наиболее сильныхъ и вліятельныхъ представителей этого сословія. Ради этого они не останавливаются ни передъ денежными затратами, ни передъ всевозможными услугами. Особенно сильно они ухаживали за самымъ близкимъ къ Душану лицомъ, Николаемъ Бучей. Кромѣ того мы знаемъ, что почетнаго приѣма и чествованія со стороны республики удостоивались владетели Углеша ²⁾, Воилъ, Ковачъ ³⁾, Алтоманъ. Такъ послѣднему, вопреки статуту, республика даетъ галеру для поѣздки за невѣстой. Ему отпускаются на счетъ города всѣ жизненные припасы, а при обратномъ поѣздѣ его вмѣстѣ съ женой, имъ обоимъ оказывается

Slavi non potessero abitar in quelli contradi, ne ricettarsi, ma che li preti Slavoni stiano quest' ultimo punto la republica procurò di ottenere accio non ingrassandosi li Slavi di religione diversa e scismatica in quelli paesi, *esse potesse con piu facilità* (come era in animo di fare) *ridur tutti gl' abitanti alla religione cattolica, trovandosi la maggior parte macchiati coll' eresia della setta Patarina.*

¹⁾ Resti: ma li fu risposta che la Provincia era stata concessa con giuramento, con assenso de Baroni e con intervento de Patarini, et oltre cio da lui medesimo di nuovo confermata *ed approvata la concessione dalli Sovrani di Russia.*

²⁾ Monum. Ragusina 235.

³⁾ Ibidem 257.

почетный приемъ и подносятся дары ¹⁾. Самому царю Дубровчане особенно охотно дѣлали разные одолженія. 11 октября 1343 г. большое вѣче позволило послу Душана ввезти въ Дубровникъ нѣсколько боченковъ вина, назначеннаго для личнаго употребленія ему и его семьѣ ²⁾. Въ августѣ 1345 г. сербскій уполномоченный приобрѣтаетъ въ Дубровникѣ какой то врачебно-медицинскій предметъ для своего государя, удрученнаго тяжкою болѣзнью ³⁾. Въ январѣ и июнѣ 1346 г. Дубровчане даютъ царю суда для отправки посольства сперва въ Венецію, потомъ къ угорскому королю ⁴⁾. Кромѣ частныхъ подарковъ и донесенныхъ приношеній, безъ которыхъ дубровницкіе послы никогда не являлись въ Сербію, республика ежегодно платила Душану весьма значительную дань. Въ день Св. Дмитрія, т. е. 26 Октября, уплачивалось царю или его довѣренному 2000 перперовъ ⁵⁾. Со времени уступки Стона и полуострова Пелешаца, къ этой суммѣ прибавилось еще 500 перперовъ, которые вносились на канунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Съ 1348 г. Душанъ предоставилъ эти 500 перперовъ въ пользу церкви Св. Архангеловъ Михаила и Гавріила въ Іерусалимѣ ⁶⁾. Наконецъ таможенный сборъ съ дубровницкихъ купцовъ т. е. царини также давали немалый доходъ царю.

Совершенно понятно, что уже въ виду личныхъ своихъ выгодъ Душанъ покровительствовалъ Дубровчанамъ. Въ 1345 г. по ихъ просьбѣ онъ отиѣнилъ царину на Требиннѣ, самовольно устроенную королевскимъ слугою Дабиживомъ и весьма стѣснявшую дубровницкихъ купцовъ ⁷⁾. Затѣмъ онъ позволилъ Дубровчанамъ безпрепятственно скупать жито по всей сербской землѣ и всюду, во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ, свободно производить торговлю, не опасаясь за насильственное отнятіе товаровъ властями;

---

¹⁾ Ibidem. 279. 280.

²⁾ Ibidem. 145.

³⁾ Ibidem. 185. portari facere ad domum suae habitationis unum vastellum tenutum sex quingentum (ванна?) pro usu et conservacione sue persone.

⁴⁾ Ibidem 211. 223.

⁵⁾ Ibidem 212.

⁶⁾ Мнѣлошичъ Mon. Serb. 138.

⁷⁾ Ibidem. 117.

самъ краль, говорилось въ льготной грамотѣ, не позволить себѣ взять что нибудь насильно, безъ купли ¹⁾. Не смотря на всѣ эти обѣщанія, безопасность дубровницкихъ купцовъ и ихъ товаровъ въ Сербіи не была вполнѣ обезпечена. Во первыхъ, само сербское населеніе, какъ мы уже упоминали въ первой главѣ, не сочувствовало перѣдко эксплуатировавшимъ его торговцамъ-латинянамъ. Во вторыхъ, правители отдѣльныхъ областей государства и властели-бащинники изъ за наживы перѣдко самовольно дѣлали всякія стѣсненія купцамъ. Такъ упомянутый Дабижива или Дабижа не только задерживалъ дубровницкихъ торговцевъ, но и самъ производилъ грабежи и разбои въ Жупѣ и другихъ владѣніяхъ республики ²⁾. Въ этомъ отношеніи не оправдалъ ожиданій Дубровчанъ и Николай Буча, получившій отъ нихъ столько вещественныхъ знаковъ вниманія и расположенія. Въ 1348 году онъ неожиданно возвысилъ таможенную пошлину на дубровницкіе товары и началъ стѣснять купцовъ. За обижаемыхъ вступилась Венеція; въ 1349 г. особымъ посольствомъ она просила царя устранить своевольство его людей и отменить нововведенныя стѣсненія ³⁾. Душанъ внялъ ходатайству и 20 Сентября 1349 г. выдалъ Дубровчанамъ грамоту, которою вновь предоставлялъ имъ свободную торговлю во всемъ царствѣ и подтверждалъ за ними всѣ прежнія права, которыми опредѣлялись ихъ отношенія къ мѣстному населенію и правителямъ ⁴⁾.

Во время боснійской войны 1350—1351 г. Душанъ съ царицею Еленою и сыномъ Урошемъ два раза посѣтили Дубровникъ. Республика тогда сильно боялась за своя владѣнія, часть которыхъ подверглась разграбленію со стороны сербскаго войска. До нея доходилъ слухъ, что бояре подстрекали уже царя завоевать столь важный торговый городъ, но совѣтъ этотъ, будто бы, былъ отклоненъ Душаномъ. Страхи эти особенно заставляли Дубровчанъ оказать возможно большій почетъ высокимъ гостямъ. Правительство, дожъ сенаторы и судьи встрѣтили царя и царицу у воротъ, и по ули-

¹⁾ Ibidem. 119. 120.

²⁾ Monumenta Ragusina 161. 168. 169.

³⁾ Ljubić. Monum. III. 115.

⁴⁾ Миклошичъ Mon. Serb. 146.

цать, наполненнымъ народомъ, при шумныхъ оваціяхъ провели ихъ во дворець Ректора (Palazzo de Rettori), гдѣ имъ предложено великолѣпное помѣщеніе и угощеніе. Въ первый разъ Душанъ прибылъ со свитою лишь въ тридцать человѣкъ и пробылъ всего три дня. Во второе посѣщеніе, продолжавшееся 8 дней, царя сопровождало уже до 100 человѣкъ именитыхъ власселей. Царь и царица посѣтили соборъ Св. Власія и другія замѣчательныя церкви города, щедро одарили монастырь Св. Клары и приняли участие въ устроенныхъ въ честь ихъ торжественныхъ празднествахъ. Важную роль въ этихъ празднествахъ играли сдѣланныя греческими художниками изображенія многочисленныхъ побѣдъ и трофеевъ сербскаго завоевателя. Царю, царицѣ, и ихъ боярамъ въ оба раза поднесены дорогіе подарки, состоявшіе преимущественно изъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей. Съ такимъ почетомъ, съ каковымъ встрѣчали Дубровчане, и провожали именитыхъ гостей на своихъ судахъ до Котора ¹⁾.

Это былъ наивысшій моментъ славы и могущества Душана. Маленькая полуславянская республика чествовала въ немъ сильнѣйшаго государя на всемъ востокѣ.

Двукратное посѣщеніе Дубровника Душаномъ, повидимому, еще болѣе укрѣпило дружественныя отношенія республики къ сербскому царству. Последнее относящееся сюда свидѣтельство находится у дубровницкаго историка Серафима Червы (XVIII в.) въ неизданномъ его сочиненіи *Sacra Metropolis Ragusina*. Этотъ авторъ утверждаетъ, что Душанъ отправилъ въ 1351 г. особое посольство въ Дубровникъ съ просьбою прислать ему ко двору 20 благородныхъ юношей, а нѣсколько позже послалъ въ Дубровникъ на воспитаніе „*primarios et litterarum studia aptiores suae gentis juvenes*“ и основалъ тамъ бібліотеку, для которой дорогою цѣною приобрѣлъ множество рукописей латинскихъ и греческихъ по всѣмъ отраслямъ знанія ²⁾. Свидѣтельство это, какъ отмѣчающее еще новую весьма характерную черту въ замѣчательной личности осно-

¹⁾ Orbini 267. Luccari 58—59. Resti подъ 1350 и 1351 г.

²⁾ В. Макушевъ. Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. 1867. 41.

вателя Сербскаго царства, безспорно весьма любопытно, но оно нуждается въ критической провѣркѣ или объясненіи, что станетъ возможнымъ лишь по выходѣ въ свѣтъ давно ожидаемаго втораго тома документовъ дубровницкаго архива.

З а к л ю ч е н і е.

Мы прослѣдили процессъ образованія Сербскаго царства. Въ теченіе четверти вѣка вся дѣятельность одной изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ личностей XIV столѣтія была направлена на созиданіе новаго государства на полуостровѣ, которое по идеѣ своего основателя должно было включить въ себя Царьградъ и вполне замѣнить Византійскую имперію. Страшныя усобицы Византійцевъ, усиленіе Турокъ въ Малой Азіи, непрерывныя вторженія ихъ въ Европу и, наконецъ, утвержденіе въ Каллиполи, почти у воротъ столицы восточно-православнаго міра, козни и провски Латинянь противъ Грековъ и Славянъ—вотъ та обстановка, при которой путемъ завоеваній образуется монархія Душана. Конечная цѣль стремленій сербскаго царя осталась недосягнутой и прежде всего потому, что она была недостижима при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ. Участь Цареграда и Византійской имперіи была уже рѣшена въ совершенно иномъ смыслѣ, въ пользу пришлої азіатской силы, сумѣвшей съ большимъ искусствомъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чѣмъ славянскій завоеватель. Этотъ успѣхъ Турокъ и неудача Душана, безъ сомнѣнія, имѣли значеніе дурнаго предзнаменованія для южныхъ Славянъ. Но не въ нихъ однихъ заключалась опасность за будущее. Огромные размѣры имѣло Сербское царство Душана. Въ 50-хъ годахъ оно обнимало, кромѣ земель прежняго Сербскаго королевства, Мачву, Захолмье, Албанію, Эпиръ, Фессалію, Акарнанію, Этолію и всю Македонію (за исключеніемъ Солуни) до Христополя (Кавалы). Но представляла ли эта монархія, составленная изъ областей съ самымъ разнороднымъ населеніемъ, прочно связанное политическое тѣло? Разсмотримъ

внутренней дѣятельности сербскаго царя, требующее особаго изслѣдованія, дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но приблизительно вѣрное рѣшеніе его вытекаетъ уже изъ изложеннаго нами политическаго положенія дѣлъ и изъ событій, послѣдовавшихъ за смертью Душана. Не успѣвъ осуществить своей, имъ самимъ поставленной, обширной задачи, основатель Сербскаго царства не осуществилъ и той, которая уже была поставлена ему предшествующею исторіей роднаго народа. Не смотря на образованіе новаго большаго государства, Южное Славянство по прежнему оставалось въ состояніи раздробленности, партикуляризма. Цѣлыя сербскія области продолжали быть отрѣзанными отъ новообразованнаго политическаго центра. Въ Сербскомъ царствѣ сербскій народъ не представлялъ собою преобладающаго этнографическаго элемента. Вынужденный отказаться отъ роли византійскаго императора, Душанъ долженъ былъ раздвоиться въ своей дѣятельности на царя Сербовъ и царя Грековъ. Какъ ни была проникнута самыми прекрасными намѣреніями его внутренняя дѣятельность, для которой, впрочемъ, за постоянными внѣшними предпріятіями оставалось очень мало времени, она не могла сама по себѣ ни придать прочность и могущество новому царству, ни тѣмъ самымъ отклонить созрѣвавшій важный переворотъ для всего полуострова. Исторически высока, во многихъ отношеніяхъ замѣчательна мощная личность Душана, царя-завоевателя, ставшаго однимъ изъ любимыхъ героевъ народной поэзіи; по воздвигнутое имъ политическое зданіе судомъ исторіи должно быть признано весьма непрочнымъ. Самъ царь, повидимому, понималъ это, и быть можетъ, потому еще при жизни роздалъ отдѣльныя области своей монархіи въ почти независимое управленіе своимъ довѣреннымъ людямъ. По смерти Душана Сербское государство, по мѣткому выраженію Кантакузина, распалось на тысячу частей; а черезъ 34 года послѣ этого событія разрозненнымъ южнымъ Славянамъ пришлось встрѣтить Турокъ на Коссовомъ полѣ, и

Ту су Србљи изгубили царство
Честитога цара земаљскога.

О п е ч а т к и.

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
12	18 снизу	съ предоставленіи	и въ предоставленіи
14	17 "	XIV в.	XIII в.
15	3 "	Либича.	Любича
30	2 "	края	края
41	11 сверху	несумѣли	не сумѣли
94	14 "	Венеріо	Венъеръ
121	8 "	онѣ	они
125	19 "	парѣ вофѳоріас	парѣвофѳоріас
126	15 снизу	Іоанномъ	Іоанниіемъ
141	6 "	характеруеетъ	характеривуеетъ
200	1 "	zenoesi	Zenoesi
206	10 "	Корацѣи	Карацѣи
219	5 "	Γομαίω	Γομαίωv

Того-же автора:

Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ
въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Спб. 1880.